

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

3

2020

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 2 0 **Том 26**

2 0 2 0 **Volume 26**

№ 3
Июль – Сентябрь

№ 3
July – September

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ; 10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
И ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственной университет

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ**

доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,

член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

**ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF AND
EXECUTIVE SECRETARY**

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN
Doctor of Historical Sciences, Professor,

Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTILOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЬВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины,
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Honoured lawyer of the Ukraine,
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Виноградов А.Е.**
О «росских» названиях днепровских порогов
в De administrando imperio
- 14 **Авдеев А.Г.**
Надпись о строительстве и росписи Богояв-
ленского собора в Костромском Богоявленском
Анастасином монастыре (CIR4010)
- 24 **Кабатов С.А., Кабатова Е.А.**
Источнико-историографическое изучение вопроса
существования второго костромского кремля
(статья 3)
- 40 **Сараева Е.Л., Цой И.А.**
Оценка П.А. Кропоткиным участия просвещенных
деятелей Восточной Сибири в подготовке реформ
в начале 1860-х гг.
- 51 **Джабаева Т.Ч.**
Проблема введения гражданского управления и
судопроизводства царской администрации в Даге-
стане в середине XIX века
(на материалах Дербентского уезда)
- 55 **Семёнова О.А.**
Дети прислуги в России в середине XIX –
начале XX в.
- 63 **Околотин В.С., Орлова С.А.**
Опыт создания института конституционного над-
зора в дореволюционной России:
результат и уроки
- 68 **Хомяков С.В.**
Антирелигиозная кампания у старообрядцев Буря-
тии в 1920-е гг.: методы реализации
- 74 **Сабитова К.Б.**
«Казанский музейный вестник»
о музейной работе в провинции в 1920-е гг.
- 81 **Орешкин О.Ю.**
Некоторые особенности деятельности
Ярославской межрайонной базы Всесоюзного объ-
единения по торговле с иностранцами в СССР
(Торгсин) в 1933–1935 гг.
- 87 **Айзатуллова А.Ш., Судаков М.А.**
История создания и эксплуатации
сверхзвукового пассажирского самолёта Ту-144
(по мемуарным источникам)
- 93 **Иникова С.А.**
Старообрядцы Румынии в XXI веке:
новые вызовы старым традициям
- 100 **Рагозин Г.С., Турыгин А.А., Болдырев Р.Ю.**
Трансформация подхода к государственной службе
и становление гумбольдтовской модели универси-
тета в Пруссии (1807–1810 гг.)
- 111 **Дзюбан В.В.**
Внутренняя политика Карла IV Люксембурга:
от начала правления
до основания Карлсбада

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 117 **Волкова А.Г.**
Рецепция францисканской мистики
в европейской поэзии XVII в.
- 122 **Исаханиян А.Э.**
Соотношение концепций «Москва – третий Рим»
и «Москва – новый Израиль» и их роль в послесло-
вии к Соборнику 1647 г.

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 7 **A.Ye. Vinogradov**
About the names of the Dnieper rapids
in the Rus' language in De administrando imperio
- 14 **A.G. Avdeyev**
Inscription about the building and painting of the
Epiphany Cathedral in Kostroma Epiphany Convent
of Anastasia (CIR4010)
- 24 **S.A. Kabatov, Ye.A. Kabatova**
Source-historiographical study
of the existence of the second Kostroma Kremlin
(article 3)
- 40 **Ye.L. Sarayeva, I.A. Tsoy**
Peter Kropotkin, the participation of enlightened
leaders of Eastern Siberia in the preparation of reforms
in the early 1860s
- 51 **T.Ch. Dzhabayeva**
The problem of introduction of civil administration
and judicial proceedings of the tsarist administration
in Dagestan in the mid-19th century
(based on the materials of Derbent district)
- 55 **O.A. Semyonova**
Children of servants in Russia in the mid-19th – the
early 20th century
- 63 **V.S. Okolotin, S.A. Orlova**
The experience of creating the institution of
constitutional supervision in pre-revolutionary Russia:
results and lessons
- 68 **S.V. Khomyakov**
Campaign against the Old Believers' religion in
Buryatia in the 1920s: implementation methods
- 74 **K.B. Sabitova**
«Kazan museum herald» on museum work
in Tatarstan in the 1920s
- 81 **O.Yu. Oreshkin**
Some features of the activities
of Yaroslavl inter-district base of the «Torgsin»
(Trade with Foreigners)
in 1933–1935
- 87 **A.Sh. Ayzatullova, M.A. Sudakov**
The history of the creation and operation
of the Tu-144 supersonic airliner
(according to memoir sources)
- 93 **S.A. Inikova**
Old believers of Romania in the 21st century:
new challenges to old traditions
- 100 **G.S. Ragozin, A.A. Turygin, R.Yu. Boldyrev**
Transformation of approach towards public service
and the emergence of Humboldt university model in
Prussia (1807–1810)
- 111 **V.V. Dzyuban**
Domestic policy of Charles IV of the Luxembourg
dynasty: from the beginning of his reign
to the founding of Karlsbad

SCIENCE OF LITERATURE

- 117 **A.G. Volkova**
The reception of Franciscan mystics
in European poetry of the 17th century
- 122 **A.E. Isakhanyan**
The relationship between the concepts “Moscow,
third Rome” and “Moscow, new Israel” and their role
in the epilogue to Collection of 1647

- 128 Виноградов И.А.**
Малороссия и Великороссия
в сатире Н.В. Гоголя
- 134 Чекалов К.А.**
Александр Дюма и готический роман
(к 150-летию со дня смерти писателя)
- 141 Городилова Н.И.**
Особенности эпического повествования в романе
Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: от автора к герою
- 148 Нгуен Тхи Хоан, Ермилова Г.Г.**
«Евангельский текст» романа «Преступление и наказание» в переводе на вьетнамский язык
- 153 Лученецкая-Бурдина И.Ю., Полтевская К.Е.**
«Вишневый сад» А.П. Чехова и «Искушение»
И.Н. Потапенко: художественные взаимосвязи
и сюжетные соответствия
- 159 Королева В.В.**
Стилизация «гофмановского комплекса»
в повестях А.Н. Чаянова
- 165 Олюнина М.В.**
Портрет Сергея Есенина в очерках-воспоминаниях
Юрия Анненкова и Максима Горького
- 171 Радченко М.М.**
Экфрастическое воплощение картины
Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ»
в рассказе Ю.П. Анненкова
«Домик на 5-ой Рождественской»
- 177 Болдырева Е.М., Асафьева Е.В.**
«Дом, подобный тени», «бабочка мести» и «мерт-
вый портрет»: мотивные переклички в русской
поэзии ГУЛАГа и китайской «туманной поэзии»
- 187 Горелов О.С.**
Сюрреализация звука: музыкальность, аудиаль-
ная культура и саунд в новейшей русской поэзии
(В. Баников, В. Бородин, Н. Сафонов)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 194 Чуркина Л.М.**
Юридическая ответственность
за экономические правонарушения
- 199 Павлюков В.В.**
Практические способы получения и использования
результатов оперативно-розыскного мероприятия
«Получение компьютерной информации»
- 204 Коваленко Т.С.**
Анализ качества работы суда, прокуратуры и адво-
катуры на основании данных судебной статистики:
постановка проблемы необходимости совершен-
ствования взаимодействия указанных субъектов
- 208 Мохов А.Ю., Малышкин С.П.**
Институт публичного земельного сервитута
в контексте теории рефлексивного действия права
- 213 Грошевая В.К.**
Деятельность сотрудников уголовного розыска
Донбасса по борьбе с преступностью на железно-
дорожном транспорте в 40-е гг. XX в.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 221 Халтрин-Халтурина Е.В.**
Новое комплексное исследование
об усадебном топосе в мировой литературе

224 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

- 128 I.A. Vinogradov**
Little Russia and Great Russia
in satire by Nikolai Gogol
- 134 K.A. Chekalov**
Alexandre Dumas and a gothic novel
(dedicated to 150th anniversary of the writer's death)
- 141 N.I. Gorodilova**
Features of the epic narrative in the novel «Anna
Karenina» by Leo Tolstoy: from author to hero
- 148 Nguyen Thi Hoan, G.G. Yermilova**
“Evangelical text” of the novel “Crime and
Punishment” in Vietnamese translation
- 153 I.Yu. Luchenetskaya-Burdina, K.Ye. Poltevsckaya**
“The Cherry Orchard” by Anton Chekhov
and “The Atonement” by Ignaty Potapenko: the artistic
interdependence and the plot correspondence
- 159 V.V. Korolyova**
Stylisation of “Hoffmann’s complex” in the stories by
Aleksandr Chayanov
- 165 M.V. Olyunina**
The portrait of Sergei Yesenin in essays-memoires
of Yury Annenkov and Maxim Gorky
- 171 M.M. Radchenko**
Ekphrastic representation of Eugène Delacroix’s
painting “Liberty Leading the People”
in Yu.P. Annenkov’s short story
“A Small House in the 5th Christmas St.”
- 177 E.M. Boldyreva, E.V. Asaf’yeva**
“House like a shadow”, “butterfly of revenge” and a
“dead portrait”: motif concordance in Russian Gulag
poetry and Chinese “fog poetry”
- 187 O.S. Gorelov**
Surrealisation of sound: musicality, audial culture and
sound in the modern Russian poetry (Vadim Bannikov,
Vasilii Borodin, Nikita Safonov)

JURAL SCIENCE

- 194 L.M. Churkina**
Legal responsibility
for economic offences
- 199 V.V. Pavlyukov**
Practical methods of obtaining and using the results
of the operational-search event
“Obtaining computer information”
- 204 T.S. Kovalenko**
Analysis of the quality of the court, prosecutor
and lawyerswork on the basis of judicial statistics:
statement of the problem of the need to improve the
interaction of these entities
- 208 A.Yu. Mokhov, S.P. Malyshkin**
Institution of public land servitude
in the context of the theory of reflective action of law
- 213 V.K. Groshevaya**
The activities of the Donbass
criminal staff employees to combat crime
on railway transport in the 1940s

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

- 221 E.V. Haltrin-Khalturina**
A new complex study “Russian Estate and Europe:
diachrony, nostalgia, universalism”

224 REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-7-13>
УДК 930.23

Виноградов Алексей Евгеньевич
независимый исследователь

О «РОССКИХ» НАЗВАНИЯХ ДНЕПРОВСКИХ ПОРОГОВ В DE ADMINISTRANDO IMPERIO

Ни одна из многочисленных этимологий «росских» названий днепровских порогов из трактата De administrando imperio до сих пор не оказалась вполне убедительной. Возможно, что исследователи применяли неверный языковой ключ, а также уделяли недостаточно внимания возможным связям «росских» гидронимов с более поздними названиями порогов. Анализ этих связей, а также примеров языка ранней Руси заставляет предположить, что названия, употребленные в сочинении Константина Багрянородного, имели латинские корни. Отраженные в гидронимах особенности географической среды, флоры региона достаточно уверенно соотносятся с указаниями византийского трактата и других источников. Некоторые особенности днепровских гидронимов могут указывать не на классические, а народно-латинские формы, в том числе восходящие к средневековым балканским диалектам.

Ключевые слова: Константин Багрянородный, днепровские пороги, русский язык, норманнская теория, латынь, гидронимия.

Информация об авторе: Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Москва, Россия.

E-mail: alwynor@mail.ru

Дата поступления статьи: 05.07.2020.

Для цитирования: Виноградов А.Е. О «росских» названиях днепровских порогов в De administrando imperio // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 7-13. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-7-13>.

Aleksey Ye. Vinogradov
independent researcher

ABOUT THE NAMES OF THE DNIEPER RAPIDS IN THE RUS' LANGUAGE IN DE ADMINISTRANDO IMPERIO

None of the many etymologies of the names of the Dnieper rapids in the Rus' people's language from the De administrando imperio treatise have so far been completely convincing. Perhaps the researchers used the wrong language key in addition to paying lesser attention to the possible connections of the The hydronyms of the Rus' language with the rapids names which were in use in subsequent centuries. An analysis of these connections, as well as examples of the language of Old Rus', suggests that the names used in the work of Constantine VII Porphyrogenitus had Latin roots. The features of the geographical environment reflected in the hydronyms, the flora of the region quite confidently correlate with the indications of the Byzantine treatise and other sources. Some features of the Dnieper hydronyms may indicate Vulgar Latin forms, including those dating back to medieval Balkan dialects, rather than classic.

Keywords: Constantine VII Porphyrogenitus, Dnieper rapids, Rus' language, Norman Theory, Latin, hydronymy.

Information about the author: Aleksey Ye. Vinogradov, Candidate of Historical Sciences, independent researcher, Moscow, Russia.

E-mail: alwynor@mail.ru

Article received: July 5, 2020.

For citation: Vinogradov A. Ye. About the names of the Dnieper rapids in the Rus' language in De administrando imperio. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 7-13 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-7-13>.

Названия днепровских порогов из 9-й главы сочинения византийского императора Константина Багрянородного *De administrando imperio* (DAI) вот уже два с половиной столетия являются предметом споров исследователей. Император назвал имена семи речных объектов, из которых для шести дал названия по-славянски и «по-росски» (ρωσιστί), для одного – только на славянском языке [Константин Багрянородный: 45–51].

Еще в 1760-е гг. Ю. Тунман обратил внимание на противопоставление загадочных «росских» и относительно понятных славянских названий в указанном отрывке и предположил, что первые (и даже один «славянский») являются на самом деле скандинавскими [Thunmann: 386–390]. Именно «росская» группа гидронимов (вслед за В.Л. Васильевым [Васильев 2009] мы относим имена речных порогов к этому классу) и позже служила главным объектом споров. Вскоре М.М. Щербатов предположил ее хазарское происхождение (при этом предполагая ошибочность ее отождествления с «росской» в сочинении Константина [Щербатов: IV–V]). В свою очередь, И.Н. Болтин, а за ним В.Н. Юргевич выдвинули венгерскую версию [Болтин: 5–7; Юргевич: 49–70]. А.Ф. Вельтман предположил, что «росские» названия представляют славянские и греческие искаженные формы настоящих имен порогов на русско-«гунском» языке [Вельтман]. И.Е. Забелин отстаивал чисто славянский характер «росских» названий [Забелин: 252–255]. Н.И. Костомаров выдвинул балтийскую гипотезу [Костомаров: 17], М.Ю. Брайчевский – иранскую [Брайчевский 1985].

Несмотря на то, что часть этих версий продолжает поддерживаться и углубляться (в частности, греческая [Сырцова], балтийская [Тарасов; Федченко], преобладающим является прочтение имен порогов из скандинавских языков, основанное в основном на обновляемых версиях последователя Ю. Тунмана В. Томсена [Thomsen: 62–71; Melnikova: 259; Curta: 290; Melin]. Вместе с тем и оно не является очевидным. Примечательно, что еще основатель норманнской теории Г.З. Байер, разбирая *De administrando imperio*, не увидел в упомянутых там названиях ничего норманнского, сочтя их неясными, но (исходя из факта расхождения между русским и другими славянскими языками, ошибок переписчиков и т. д.) скорее славянскими [Байер: 38–42]. Также и один из первых шведских ученых, подробно разбиравших сочинение императора Константина, Ф.И. Страленберг, не заметил в именах порогов ничего знакомого, что до сих пор огорчает представителей «норманнской школы» [Штольц: 198].

Натяжки в «шведских» переводах Ю. Тунмана критиковал еще И.Ф.Г. Эверс [Ewers: 150–157]. Даже для исследователей, в целом придерживав-

шихся норманнской версии, названия некоторых порогов представляли «загадку», другие читались лишь с учетом допуска эллинизации окончаний [Миллер: 8, 17]. Скандинавское название для первого порога «убедительно восстановить не удается» [Константин Багрянородный: 322, комм. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина], производство второго гидронима из северного Hólmfors(i) «требует объяснения» [Тохтасев: 238]. Прочтение еще одного названия, Λεάντι – «смеющийся», чуждо семантике норманнских гидронимов, альтернативная же версия [Успенский] исходит, по сути, из глагола-уникума, что делает ее зыбкой. Гидроним *Στρούκων* «не имеет убедительной германской этимологии» [Максимович: 29]. Часть «росских» названий интерпретируется либо как славянская калька с тюркского, либо как общеиндоевропейская, либо только с допущением греческих окончаний [Melin: 38, 49, 52–55].

В поисках выхода из образовавшегося исследовательского тупика, как нам кажется, следует обратить внимание на другие языки, еще не использовавшиеся в попытках перевода и ареал которых в раннем средневековье был не слишком удален от Нижнего Поднепровья.

Собственно, сам «росский» язык, упомянутый Константином Багрянородным, другими византийскими, а также восточными авторами представляет собой пример такого наречия. Из него известно всего несколько слов. Причем если *chakanus* может быть заимствованием высшего государственного титула у соседних тюркских государств [Пчелов: 7], термин *πολύδια*, упомянутый в «росском» контексте также в DAI, может рассматриваться как свидетельство начала славянизации «росского» языка к середине X в. (хотя против славянской этимологии есть возражения) [Брайчевский 1960: 144], то происхождение еще одного термина – *κομέντων* – в настоящее время не вызывает сомнений. Это слово, по свидетельству Льва Диакона, означающее «совет» или «совет знати» на языке вторгшихся в Византию «варваров» Святослава, восходит к латинскому *conventus* [The History: 194; Лев Диакон: 212]. Предположения, что оно принадлежало на самом деле романоязычным жителям Подунавья, выступавшим в качестве информаторов императорских войск [Oikonomidis: 190], игнорируют прямое указание источника на язык самих «варваров», то есть россов, но интересны в плане возможной связи этого языка с Подунавьем.

В этой связи кажется странным, что этот языковой след остался без внимания в решении загадки днепровских порогов. Он согласуется с другими указаниями письменных и археологических источников [Виноградов: 124–157], а также с латинскими корнями некоторых днепровских названий, на что уже обращали внимание исследователи (так, имя расположенного в районе порогов, недалеко

от острова Дубовый, острова Кверко связывалось с лат. *quercus* «дуб» [Эварницкий: 71]).

Однако, что касается порогов, любое прочтение их имен сталкивается с рядом объективных трудностей. Несомненный перевод в тексте византийского автора дается лишь к одному «росскому» (и одновременно славянскому) названию Ἐσσοῦλι. В остальном Константин «не дает никакого намека, чтобы русские имена порогов всегда значили то же самое, что и славянские» [Забелин: 253]. Это заставляет предположить, что славянские и «росские» названия «не всегда идентичны семантически» [Максимович: 31].

Число порогов у Константина значительно меньше, чем то количество, которое было зафиксировано более поздними источниками, чаще всего от 9 [Военно-статистическое: 39–40; Барсов: 270] до 13 [Вельтман: 110–111; Списки населенных мест: IX–X] (далее для перечня Константина Багрянородного применяем сокращение ПКБ). При этом предполагается, что и последовательность сообщенных императору гидронимов смешана [Миллер: 5]. В разные времена и в разной традиции близкие варианты названий могли даваться разным порогам. В частности, гидроним *Звонец* (*Звонецкой*) применялся к четырем, как и *Будило* (*Будильский* и т. д.), а имена *Таволжанский* и *Вольный* (*Вильный*, *Волнинский*) – и к большому числу порогов [Вельтман: 110–111]. Причем если для Звонца и Будило с их характерной для порогов семантикой такие миграции не кажутся удивительными, то широкое «географическое представительство» *Таволжанского*, чье название выводится из не связанного с какими-либо культурами неприметного растения, скорее, наводит на мысль, что речь идет о народной этимологии от другого названия, чуждого как славянскому, так, вероятно, и тюркскому (исходя из преобладающей гипотезы о тюркском *таволга* [Фасмер: 8]) населению Поднепровья. То же можно сказать и о названии *Лишний* (*Личный*) порог, которое, однако, казалось столь несуразным, что оно переделывалось то в *Лисный*, то в *Лисянку*.

Несмотря на указанные трудности локализации, представляется перспективным сделать то, что в очень слабой степени свойственно доминирующим версиям прочтения «росских» гидронимов – установить их связь с поздними названиями порогов. Гидронимы относятся к самым устойчивым консервативным пластам лексики [Васильев 2012: 36], поэтому названия, изложенные Константином, могли уцелеть или непосредственно, или в виде кальки на языке нового населения.

Первое из перечисленных в ПКБ имен порогов Ἐσσοῦλι, согласно византийскому императору, что у россов, что у славян означало «не спи». Формой, достаточно близкой, представляется *exsopi*, 2-е лицо ед. ч. императива глагола *exsopio*, как

и ряд других, в средневековой латыни означавшего «воздержаться от сна» [Synthen: III (99)]. Коррекция согласных и смещение ударения по сравнению с латинским оригиналом могла быть вызвана стремлением славянских информаторов или переводчиков Константина сблизить форму со славянской *не спи*.

Если ПКБ-1 ассоциировался с позднейшим Кодацким или с Будильским [Брайчевский: 5], то ПКБ-2, Οὐλβορσί, – с Сурским [Забелин: 253]. Несмотря на то, что рядом с ним, так же как и с другими порогам, располагался остров, отраженное Константином славянское название Ὀστροβουνιράχ, вероятно, относилось к другому, расположенному ниже порогу [Миллер: 6].

Что касается «росского» названия, на наш взгляд, подсказку к его прочтению могли бы дать позднейшее название второго порога и соседние гидронимы *Мокрая* и *Сухая Сура*. При всей распространенности гидронима *Сура* в разных этноязыковых ареалах Евразии, широкое представительство «цветовых» названий рек бассейна Нижнего Днепра (*Жовта*, *Белая*, *Зеленая*, *Червоная* и др.) в данном случае наводит на аналогию с *сурик*, веществом или вырабатываемой на его основе краской красно-киноварного «с примесью желтизны» [Даль 1882: 371] оттенка.

В этом контексте исследуемый гидроним мог бы, по нашему мнению, также иметь прочтение из латинского. *Fulvor sil* (исходя из *fulvor arenas* у Тиберiana [Oehler: 7], первая часть могла быть не только существительным, но и прилагательным), «красно-желтая охра», фонетически близко к Οὐλβορσί, тем более что вероятные славянские информаторы или переводчики Константина чуждое их языку F могли легко опустить. Речные названия, образованные от минеральных пород, нередки: протекавшая ниже порогов река Червоная Каменка названа по берегам из красной глины [Эварницкий: 133]. Значительные месторождения и сурика, и охры встречаются в соседних с бывшим районом порогов местностях [Евтехов, Евтехов: 54]. Предполагаем, что славянские *Сурский* порог и *Сура* являются переводами с «росского», появившимися, когда греческое Συρικόν, *сурик*, проникло в язык восточных славян.

Третий порог отмечен в ПКБ только под славянским названием *Γελανδρί*, означавшим «шум порога», и это возможно [Брайчевский 1985: 25]. Что касается третьего в позднейших списках порогов, то не случайно, что именно в его названиях – *Лоханский*, *Лаханский*, *Luhén* и т. д. (реже применимых ко второму и четвертому гидронимам) – обнаруживаются созвучия с русской формой ПКБ-6 Λεάντι (*Леанди*, показателен и вариант через -ο, Λωάντι [Константин Багрянородный: 49]. Причем само «гуляние» первой гласной (-ο, -α, -υ) в позднейших формах показывает, что ассоциация соответствующей

щего названия с *лоханью* была неустойчивой, возможно, речь также шла о народной этимологии.

Начальная же форма названия, по нашему мнению, может быть восстановлена через латинский язык и его производные. *Levandi* – герундий от глагола *levo* «поднимать», «вытаскивать», с учетом выпадения корневого согласного в родственных балкано-латинских формах (*levigo* > *leagān*, *leaghen* [Bobb: 615]) мог приобрести вид **Leandi*. Самостоятельной эта форма не могла быть, но мы восстанавливаем ее в сочетании с существительным как **Locus leandi*, «место поднятия». Не случайно *Λεάντι* в описании Константина – один из тех опасных порогов, который россы преодолевают, волоча или неся лодки на себе, и ту же семантику может нести соседний гидроним Тягинский порог (забора). В случае с *Λεάντι* информатор Константина, видимо, слабо владея «росским», отразил в своем рассказе лишь последнюю часть словосочетания (как в то время как позднейшая славянская устная традиция отразила скорее первую *Locus* > *Лоханский*).

Что касается той славянской формы гидронима, которую воспроизвел Константин, *Βερούτζη*, ее перевод «кипение воды» заставляет сместить географический акцент на располагавшуюся много ниже забору *Казаны*, характеристика которой имеет семантическое соответствие: «при попадании в нее вода кипит, точно в казане» [Эварницкий: 52]. При смене населения славянское *Веручи* могло быть заменено близким по смыслу тюркским: *kazan* – «котел».

ПКБ-4, «росское» *Ἀειφόρ* (*Ἀειφάρ*), соответствует славянскому названию порога *Ненасытец* (и позднему седьмому или восьмому *Ненасытец*). Латинское *Avarum* «ненасытный» («алчный» и др.) подходит этой паре семантически и, как нам кажется, соответствует первому слову фонетически, если учесть характерную трансформацию гласных в народной, особенно балканской, латыни в трифтонги (*alibi* > *aiúrea*, *vidi* > *vedeai* и др.), а также эллинизацию окончания.

Βαροφόρος (он же *Βουληπρασ*) ПКБ-5 с учетом вышесказанного должен соответствовать *Wewnig*, *Вовнигскому*. В.Ф. Миллер, опираясь на позднейшие описания этих мест, полагал, что Константин смешал созвучные, но тем не менее совершенно разные гидронимы: *Вольный* (или *Нижний Вольный*, самый нижний порог в поздних перечнях) и образованный от *волна*, *вовна* (т. е. волнистая шерсть) *Вовнигский* [Миллер: 8–9].

По нашему мнению, на самом деле форме *Вовниг* – «волнистый» (что в восточнославянских наречиях близко к «изгибистый» [Даль 1881: 238]) соответствует искаженное в виде *Βαροφόρος* латинское *Vaga fores* (мн. ч.) «гнутые ворота/двери». То есть смысловая связь устанавливается не с речной волной, а с линией фарватера, что, возмож-

но, отражено и в позднейшем гидрониме *Кривая забора*, означавшем небольшой порог чуть выше Вовнигского. Между этими двумя порогами Днепр расширялся [Лерберг: 273], что несколько напоминает описание Константина, где *Βαροφόρος* образует «большую заводь» [Константин Багрянородный: 49] (кажется логичным, что порог, часто создающий препятствие течению, образует заводь *до*, а не *после*).

Наконец, ПКБ-7 *Στρούκωνν*. Если принять упомянутое мнение Е. Мелин об эллинизации окончания, этимология основы данного слова может выглядеть как *structum* «наложенное/нагроможденное» (среднего рода, если слово относилось к стремнине, *praecipitium*, порога). Перевод в ДАИ славянской формы этого гидронима *Напрець* как «малый порог» выглядит сомнительным, предлагаются альтернативные варианты, в частности на основе *напрягать* [Максимович: 30].

Такая позиция представляется обоснованной, но с учетом того, что *напрягать* в славянских языках входит в один смысловой ряд с *навалить*, *поднять* и *запрудить*: *напријети*, *напёрити*, *наперць* и др. [Энциклопедический словарь славянских языков: 210] (о южнославянском влиянии на лексику ДАИ [Тохтасьев: 206–207]), та же тенденция заметна и в двойном смысле русского *напружить* [Даль 1881: 468]. Предполагаем, что южные славяне-переводчики при дворе Константина в форме *Напрець* передали восточнославянское причастие, означавшее «наваленный», или существительное, близкое позднему *напрудь* «плотина», что в целом недалеко от характеристик «запружен», «подобие плотины» и т. д., вообще относимых к днепровским порогам [Эварницкий: 37, 44, 45]. В частности, вход в порог Вольный заполнен «грядами скал на целую версту», а глубина у входа в него в два раза больше, чем на предыдущем отрезке [Лерберг: 276], что могло создать впечатление запруды.

В рамках предложенной гипотезы, помимо указанных Константином, могут быть прочтены также и названия выпавших из его описания других порогов. В частности, гидроним *Таволжанский* может восходить не к имени растения, а к средневековым латинским лексемам *tavol*, *tavel*, означавшим сглаженную поверхность [Du Cange: 516–517]. Нельзя не отметить, что, по описаниям, давший название порогу остров Таволжанский, за исключением редких скал и окраинного леса, представлял из себя «прекрасную равнину» [Эварницкий: 76]. Вариант названия того же двенадцатого порога *Стерник* мог служить либо синонимом упомянутой латинской лексемы (*sterno* – выравнивать), либо славянским переводом, поскольку *стернь* – «сжатое поле» – имеет схожую семантику.

Наконец, название *Лишний* (*Личный*), на наш взгляд, представляет народную этимологию ста-

рого «росского» названия. Мы связываем его с *Licentis* «вольный» и, соответственно, с позднейшим одиннадцатым порогом, у которого встречаются варианты и *Личной*, и *Вольной* [Вельтман: 110] и который, возможно, и есть настоящий *Вульнипрах* Константина Багрянородного.

Насколько можно заметить, предложенные переводы и этимологии также не лишены допущений, как и в случае с норманнским или другим прочтением гидронимов. Вместе с тем, как нам кажется, латинская этимология позволяет в меньшей степени корректировать лексику Константина, чем в других версиях, и, кроме того, устанавливает связь с позднейшими названиями порогов. Эти преимущества, на наш взгляд, являются перспективными с точки зрения дальнейшего изучения значительно более широкого круга проблем истории ранней Руси.

Список литературы

- Байер Г.З.* Geographia russica. География российской из Константина Порфирогенита. СПб.: Императорская Академия наук, 1767. 76 с.
- Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. М.: Кучково поле, 2012. 336 с.
- Болтин И.* Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том Истории князя Щербатова. СПб., 1793. 352 с.
- Брайчевский М.Ю.* По поводу одного места из Константина Багрянородного // Византийский временник. 1960. Т. XVII (42). С. 144–154.
- Брайчевский М.Ю.* «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев: Наукова думка, 1985. С. 19–30.
- Васильев В.Л.* Названия порогов и кос на реке Мсте // Русская речь. 2009. № 5. С. 113–118.
- Васильев В.Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Летописные памятники Древней Руси. 2012. 816 с.
- Вельтман А.* Днепровские пороги по Константину Багрянородному // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1868. Т. 2. С. 109–122.
- Виноградов А.Е.* В поисках начальной Руси. Латинский след в русском этногенезе. М.: Ломоносовъ, 2018. 256 с.
- Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб.: Тип. Генштаба, 1850. Т. XI, ч. 4. Екатеринославская губерния. 186 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.; СПб.: М.О. Вольф, 1881. Т. II. 807 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.; СПб.: М.О. Вольф, 1882. Т. III. 576 с.
- Евтехов В.Д., Евтехов Е.В.* Этапы развития минерально-сырьевой базы Криворожского бассейна // Геолого-минералогічний вісник. 2007. № 2 (18). С. 45–59.
- Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен: в 2 ч. Ч. 2. М.: Юрайт, 2019. 379 с.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 493 с.
- Костомаров Н.* Начало Руси. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1860.
- Лев Диакон.* История. М.: Наука, 1988. 238 с.
- Лерберг А.Х.* Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб.: Тип. Деп-та народного просвещения, 1819. 397 с.
- Максимович К.А.* «Росские и славянские» названия днепровских порогов в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей»: новые этимологии // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. IV чтения памяти акад. О.Н. Трубачева. Киев; Москва, 2006. С. 27–31. URL: <https://www.academia.edu/8905808> (дата обращения: 31.01.2020).
- Миллер В.* Названия днепровских порогов у Константина Багрянородного. М.: Издание Археологического общества, 1875. 32 с.
- Пчелов Е.В.* Начало Руси в письменных источниках и роль варягов в образовании Древнерусского государства // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 3–16.
- Списки населенных мест Российской империи. Екатеринославская губерния. СПб.: Цент. Стат. Комитет МВД, 1863. 151 с.
- Сырцова Е.* Названия днепровских порогов поросски // София Київська: Візантія, Русь, Україна. Вып. III. С. 554–559.
- Тарасов В.В.* «Росские» названия Днепровских порогов и топонимика Юго-Восточной Балтии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 12. С. 58–63.
- Тохтасьев С.Р.* Язык трактата Константина Багрянородного *De administrando Imperio* и его иноязычная лексика. СПб.: Наука, 2018. 679 с.
- Успенский Ф.Б.* К этимологии названий днепровских порогов у Константина Багрянородного 'вѣрѣца вѣроѣ' // Славяне и их соседи. XVII конференция памяти В.Д. Королюка. М.: Индрик, 2014. С. 87–90.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. 864 с.
- Федченко О.Д.* Днепр, росские и славянские пороги (этимология названий) // Актуальные вопросы филологических наук. Материалы V междунар. конф. Казань: Бук, 2017. С. 30–36.
- Штольц Б.* Варяжский вопрос в записках Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии России // Скандинавские чтения 1998 года. СПб., 1999. С. 194–204.
- Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. СПб.: Академия Наук, 1770. XVI, т. 1. 325 с.

Эварницкий Д.И. Вольности запорожских козаков. СПб.: Тип. П.И. Бабкина, 1898. 405 с.

Энциклопедический словарь славянских языков. М.: Наука, 1995. Т. 22. 255 с.

Юргевич В. О мнимых норманских именах в русской истории // Записки Одесского общества истории и древностей. 1867. Т. 6. С. 45–118.

Curta F. Eastern Europe in the middle ages (500-1300). London, Boston, Brill, 2019, 1356 p.

Ewers I.F.G. Kritische vorarbeiten zur Geschichte der Russen. B. 1-2 Dorpat MDCCCXIV, 349 s.

I. Bobb. Dictionariu rumanesc, lateinesc si unguuresc. T. 1. Clus, 1822, 656 p.

Du Cange F.C. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Parisiis Didot fr., 1846, t. VI, 939 p.

Melin E. The names of the Dnieper rapids on chapter 9 of Constantine Porphyrogenitus' De administrando imperio. Scando-slavica, 2003, 49, pp. 36–62.

Melnikova E.A. The cultural assimilation of the varangians in eastern Europe from the point of view of language and literacy. Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: избр. труды. М.: Университет Дм. Пожарского, 2011. С. 257–268.

Oikonomidis N. Valaques aux service de Byzance? Revue des études sud européennes (Bucuresti), 1987, v. 25, pp. 187–190.

Oehler R. De Tiberiani quae feruntur fragmentis. Halis Saxonum Typ. Karresianis, 1879, 33 p.

The History of Leo Deacon. An. by A.-M. M. Talbot, D. Sullivan. Washington, Dumbarton Oaks, 2005, [XIX], 264 p.

Synthen J. Composita verborum. [Reutlingen 1487]. URL: https://books.google.ru/books?id=sxZfA AAAcAAJ&hl=ru&source=gbs_book_other_versions (дата обращения: 31.01.2020).

Thomsen V. Der Ursprung des Russishen Staates. Gotha, F.A. Perthes, 1879, 156 s.

Thunmann J. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen Europäischen Völker. Leipzig Crusius, 1774, t. I, 407 s.

References

Bajer G.Z. *Geographia russica. Geografiya rossijskaya iz Konstantina Porfirogenita* [Geographia russica. Russian geography from Constantin Porphyrogenit]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1767. (In Russ.)

Barsov N.P. *Ocherki russkoj istoricheskoi geografii* [Essays on Russian Historical Geography]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012. (In Russ.)

Boltin I. *Kriticheskie primechaniya general-majora Boltina na pervyj tom Istorii knyazya Shcherbatova* [Critical remarks of Major General Boltin on the first volume of the History of Prince Shcherbatov]. St. Petersburg, 1793. (In Russ.)

Brajchevskij M.YU. *Po povodu odnogo mesta iz Konstantina Bagryanorodnogo* [About one place from Constantin Porphyrogenit]. *Vizantijskij vremennik*

[Byzantine timeline], 1960, vol. XVII (42), pp. 144–154. (In Russ.)

Brajchevskij M.YU. «Russkie» nazvaniya porogov u Konstantina Bagryanorodnogo [“Russian” names of rapids by Constantin Porphyrogenit]. *Zemli Yuzhnoj Rusi v IX-XIV vv.* [Lands of South Russia in the IX-XIV centuries]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1985, pp. 19–30. (In Russ.)

Vasil'ev V.L. *Nazvaniya porogov i kos na reke Mste* [Names of rapids and braids on the Mste River]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 2009, № 5, p. 113–118. (In Russ.)

Vasil'ev V.L. *Slavyanskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoj zemli* [Slavic toponymic antiquities of Novgorod land]. Moscow, Letopisnye pamyatniki Drevnej Rusi Publ., 2012. (In Russ.)

Vel'tman A. *Dneprovskie porogi po Konstantinu Bagryanorodnomu* [Dnieper rapids according to Constantin Porphyrogenit]. *Chteniya v obshchestve istorii i drevnostej rossijskih* [Readings in the Society of Russian History and Antiquities], 1868, vol. 2, pp. 109–122. (In Russ.)

Vinogradov A.E. *V poiskah nachal'noj Rusi. Latinskij sled v russkom etnogeneze* [In search of initial Russia. Latin trace in Russian ethnogenesis]. Moscow, Lomonosov Publ., 2018. (In Russ.)

Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii [Military Statistical Review of the Russian Empire]. St. Petersburg, Tip. Genshtaba Publ., vol. XI, is. 4: Ekaterinoslavskaya guberniya, 1850. (In Russ.)

Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of living Great Russian language]. Moscow, St. Petersburg, M.O.Vol'f Publ., 1881, vol. II. (In Russ.)

Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of living Great Russian language]. Moscow, St. Petersburg, M.O.Vol'f Publ., 1882, vol. III. (In Russ.)

Evtekhov V.D., Evtekhov E.V. *Etapy razvitiya mineral'no-syr'evoj bazy Krivorozhskogo bassejna* [Stages of the development of the mineral-optical base of the Krivoy Rog basin]. *Geologo-mineralogichnij visnik* [Geological and mineralogical bulletin], 2007, № 2 (18), pp. 45–59. (In Russ.)

Zabelin I.E. *Istoriya russkoj zhizni s drevnejshih vremen* [The history of Russian life since ancient times]. Moscow, Yurajt Publ., part 2, 2019. (In Russ.)

Konstantin Bagryanorodnyj. *Ob upravlenii imperiej* [About managing an empire], ed. G.G. Litavrin, A.P. Novosel'cev. Moscow, Nauka Publ., 1991. (In Russ.)

Kostomarov N. *Nachalo Rusi* [The Beginning of Russia]. St. Petersburg, Tip. K. Vul'fa Publ., 1860. (In Russ.)

Lev Diakon. *Istoriya* [History]. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russ.)

Lerberg A.H. *Issledovaniya, sluzhashchie k ob'yasneniyu drevnej russkoj istorii* [Studies that serve

to explain the ancient Russian history]. St. Petersburg, Tip. Dep-ta narodnogo prosveshcheniya Publ., 1819. (In Russ.)

Maksimovich K.A. «*Rosskie i slavyanskije*» nazvaniya dneprovskih porogov v traktate Konstantina Bagryanorodnogo «*Ob upravlenii imperiej*»: novye etimologii. Severnoe Prichernomor'e: k istokam slavyanskoj kul'tury ["Russian and Slavic" names of the Dnieper rapids in the treatise of Constantine Porphyrogenitus "On managing the empire": a new etymology]: IV chteniya pamyati akad. O.N. Trubacheva. Kiev, Moscow, 2006, pp. 27–31. URL: <https://www.academia.edu/8905808>. (In Russ.)

Miller V. *Nazvaniya dneprovskih porogov u Konstantina Bagryanorodnogo* [Names of the Dnieper rapids by Constantine Porphyrogenitus]. Moscow, Publ. Arheologicheskogo obshchestva, 1875. (In Russ.)

Pchelov E.V. *Nachalo Rusi v pis'mennyh istochnikah i rol' varyagov v obrazovanii Drevnerusskogo gosudarstva* [The beginning of Russia in written sources and the role of the Varangians in the formation of the Old Russian state]. Vestnik arhivista [Archivist's bulletin], 2012, № 3, pp. 3–16. (In Russ.)

Spiski naseleennyh mest Rossijskoj imperii. Ekaterinoslavskaya guberniya [Lists of populated places of the Russian Empire. Ekaterinoslav province]. St. Petersburg, Cent. Stat. Komitet MVD Publ., 1863. (In Russ.)

Syrcova E. *Nazvaniya dneprovskih porogov poroski* [The names of the Dnieper rapids in Russian]. *Sofiya Kiivska: Vizantiya, Rus', Ukraina* [Sofia Kyivska: Byzantium, Russia, Ukraine], vol. III, p. 554–559. (In Russ.)

Tarasov V.V. «*Rosskie*» nazvaniya Dneprovskih porogov i toponimika Yugo-Vostochnoj Baltii ["Russian" names of the Dnieper rapids and toponymy of the South-East Baltic]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Ser.: Humanities]. Kaliningrad, Gumanitarnye nauki Publ., 2010, № 12, pp. 58–63. (In Russ.)

Tohtas'ev S.R. *Yazyk traktata Konstantina Bagryanorodnogo De administrando Imperio i ego inoyazychnaya leksika* [The language of the treatise

of Constantine Porphyrogenitus *De Administrando Imperio* and its foreign language]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2018. (In Russ.)

Uspenskij F.B. *K etimologii nazvanij dneprovskih porogov u Konstantina Bagryanorodnogo 'βραγμα νεροῦ'* [Assumption Dnieper rapids by Constantine Porphyrogenitus'βραγμα νεροῦ' are named for etymology]. *Slavyane i ih sosedi: XVII konferenciya pamyati V.D. Korolyuka* [Slavs and their neighbors. XVII conference in memory of V.D. Korolyuk]. Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 87–90. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Progress Publ., vol. 4, 1987. (In Russ.)

Fedchenko O.D. *Dnepr, rosskie i slavyanskije porogi (etimologiya nazvanij)* [Dnieper, Russian and Slavic rapids (etymology of names)]. *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk: materialy V mezhdunar. konf.* [Актуальные вопросы филологических наук. Материалы V междунар. конф.]. Kazan', Buk Publ., 2017, pp. 30–36. (In Russ.)

Shtol'c B. *Varyazhskij vopros v zapiskah Filippa Ioganna Stralenberga ob istorii i geografii Rossii* [Varyazhsky issue in the notes of Philip Johann Stralenberg on the history and geography of Russia]. *Skandinavskie chteniya 1998 goda* [1998 Scandinavian Readings]. St. Petersburg, 1999. (In Russ.)

Shcherbatov M.M. *Istoriya rossijskaya ot drevnejshih vremen* [Russian history from ancient times]. St. Petersburg, Akademiya Nauk Publ., 1770, vol. 1. (In Russ.)

Evarnickij D.I. *Vol'nosti zaporozhskih kozakov* [Liberties of Zaporizhzhya Cossacks]. St. Petersburg, tip. P.I. Babkina Publ., 1898.

Enciklopedicheskij slovar' slavyanskih yazykov [Encyclopedic Dictionary of Slavic Languages]. Moscow, Nauka Publ., vol. 22, 1995. (In Russ.)

Yurjevich V. *O mnimyh normanskikh imenah v russkoj istorii* [About the imaginary Norman names in Russian history. Notes of the Odessa society of history and antiquities]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities], 1867, vol. 6, pp. 45–118. (In Russ.)

**НАДПИСЬ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ И РОСПИСИ БОГОЯВЛЕНСКОГО СОБОРА
В КОСТРОМСКОМ БОГОЯВЛЕНСКОМ АНАСТАСИИНОМ МОНАСТЫРЕ (CIR4010)**

Статья написана в рамках исследовательского проекта
«Свод русских надписей / Corpus inscriptionum Rossicarum»
при поддержке Университета Дмитрия Пожарского, Лаборатории RSSDA
и ПСТГУ (URL: <https://www.cir.rssda.su>).

Научный руководитель проекта – А.Г. Авдеев, технический руководитель – Ю.М. Свойский).

Статья посвящена научной публикации и комментированию надписи о строительстве и росписи Богоявленского собора Костромского Анастасиин монастыря (CIR4010) в 1559–1562/63 годах. Храм строился по благословению св. митрополита Макария по инициативе и на средства игумена Исаии (Шапошникова) с братией, а также на вклады, сделанные князем Владимиром Старицким и другими лицами. В статье устанавливается, что собор был освящён архиепископом Ростовским Никандром 8 июня 1559 г., на день тезоименитства царевича Фёдора Ивановича, и церемония освящения носила церковно-государственный характер. В надписи содержатся уникальные сведения, не сохранившиеся в иных источниках, о вложении частиц мощей св. князя Федора Ярославского и его чада Давыда и Константина в антиминс освящаемого храма, а также о фресковой росписи собора, произведённой в 1562/61 г. Таким образом, публикуемая надпись является уникальным памятником мемориальной эпиграфики, сообщающим как сведения по архитектурной и художественной истории Костромы конца 50-х – начала 60-х гг. XVI в., так и содержащим важный материал о почитании св. князя Феодора Ярославского и его чада на Костромской земле.

Ключевые слова: старорусская эпиграфика, «Свод русских надписей», история Костромы в царствование Ивана IV Грозного, Костромской Богоявленский Анастасиин монастырь, св. митрополит Макарий, архиепископ Ростовский Никандр, св. князь Феодор Ярославский и его чада Давыд и Константин, фресковая роспись.

Информация об авторе: Авдеев Александр Григорьевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7253-9126>, доктор исторических наук, доцент, Свято-Тихоновский православный гуманитарный университет, Университет Дмитрия Пожарского, г. Москва, Россия.

E-mail: avdey57@mail.ru

Дата поступления статьи: 17.07.2020.

Для цитирования: Авдеев А.Г. Надпись о строительстве и росписи Богоявленского собора в Костромском Богоявленском Анастасиин монастыре (CIR4010) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 14-23. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-14-23>.

Aleksandr G. Avdeyev

St'Tikhon's Orthodox University; Dmitry Pozharsky University, Moscow, Russia

**INSCRIPTION ABOUT THE BUILDING AND PAINTING OF THE EPIPHANY CATHEDRAL
IN KOSTROMA EPIPHANY CONVENT OF ANASTASIA (CIR4010)**

The article was prepared as part of the research project “Corpus inscriptionum Rossicarum”
with the support of Dmitry Pozharsky University, RSSDA Laboratory
and St'Tikhon's Orthodox University (URL: <https://www.cir.rssda.su>).
Scientific project head – A.G. Avdeyev, technical head – Yu.M. Svoyskiy.

The paper is dedicated to the scientific publication and commentary on the construction and painting of the Epiphany Cathedral in Kostroma Epiphany Convent of Anastasia (CIR4010) in 1559-1562/63. The Cathedral was built with the blessing of St. Macarius, Metropolitan of Moscow, on the initiative and at the expense of Hegumen Isaiya (worldly Shaposhnikov) and the monastic brothers, as well as on the donations made by Prince Vladimir of Staritsa and others. The paper states that the Cathedral was consecrated by Archbishop Nikandr of Rostov on June 8, 1559, on the day of the namesake of Feodor, son of Ivan the Terrible, and the consecration ceremony was of a Church-state character. The inscription contains unique information, which has not been preserved in other sources, about the attachment of particles of the relics of St. Theodore the Black, Prince of Yaroslavl and his offsprings David and Konstantin in the antimins of the consecrated Church, as well as the fresco painting of the Cathedral, produced in 1562/61. Thus, the published inscription is a unique monument of memorial epigraphy, reporting both information on the architectural and art history of Kostroma in the late 1550s to the early 1560s, and containing important material about reverence of St. Theodore, Prince of Yaroslavl, and his offsprings in Kostroma land.

Keywords: epigraphy of Moscow Russia, Corpus Inscriptionum Rossicarum, History of Kostroma in reign of Ivan Terrible, Kostroma Epiphany Convent of Anastasia, St. Metropolitan Macarius, Archbishop Nikandr of Rostov, saints Yaroslavl Prince Theodore and his offsprings David and Konstantin, fresco painting.

Information about the author: Aleksandr G. Avdeyev, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7253-9126>, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, St'Tikhon's Orthodox University; Dmitry Pozharsky University, Moscow, Russia.

E-mail: avdey57@mail.ru

Article received: July 17, 2020.

For citation: Avdeyev A.G. Inscription about the building and painting of the Epiphany Cathedral in Kostroma Epiphany Convent of Anastasia (CIR4010). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 14-23 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-14-23>.

Надпись о строительстве и росписи Богоявленского собора в Костромском Богоявленском монастыре в 1559–1562/63 гг. (рис. 1) известна достаточно давно. Впервые она была использована составителем монастырской летописи в XVIII в. [Летопись: 9], а в XIX – начале XXI в. неоднократно копировалась и издавалась гражданским шрифтом, но ни одна из публикаций не носила научного характера¹. До наших дней она не дошла, но сохранилось её фото, опубликованное И. Баженовым в 1913 г. [Баженов 1913: 11]. Надпись издавалась исключительно как источник, сообщающий о времени строительства Богоявленского собора. Не проводилось его палеографического анализа, а трудночитаемые последние три строки ни в одной публикации не были прочитаны верно.

Надпись состоит из 10 строк. Она выполнялась тремя разными резчиками в разное время.

Основная, самая ранняя часть надписи (стк. 1–7), сделана вязью, близкой новгородской рукописной вязи середины XVI в. Второй резчик, вырезавший стк. 8–9, использовал эпиграфический полуустав с элементами вязи, третий (стк. 10) – эпиграфический полуустав низкого качества². С левой стороны перед стк. 8–10 процарапаны стреловидные знаки, видимо, указывающие на то, что строки являются продолжением стк. 1–7. Почерк резчиков делит надпись на три разновременных информационных блока, выделяемых хронологически, палеографически и по содержанию. Блок 1 – стк. 1–7 – повествует о начале строительства храма и храмоздателях, на чьи средства он строился; блок 2 – окончание стк. 7 и стк. 8–9 – сообщает об освящении храма; блок 3 – о годе его росписи.

В эпоху Средневековья строительные надписи имели устойчивый формуляр и чётко организованную структуру, близкую структуре частноправо-

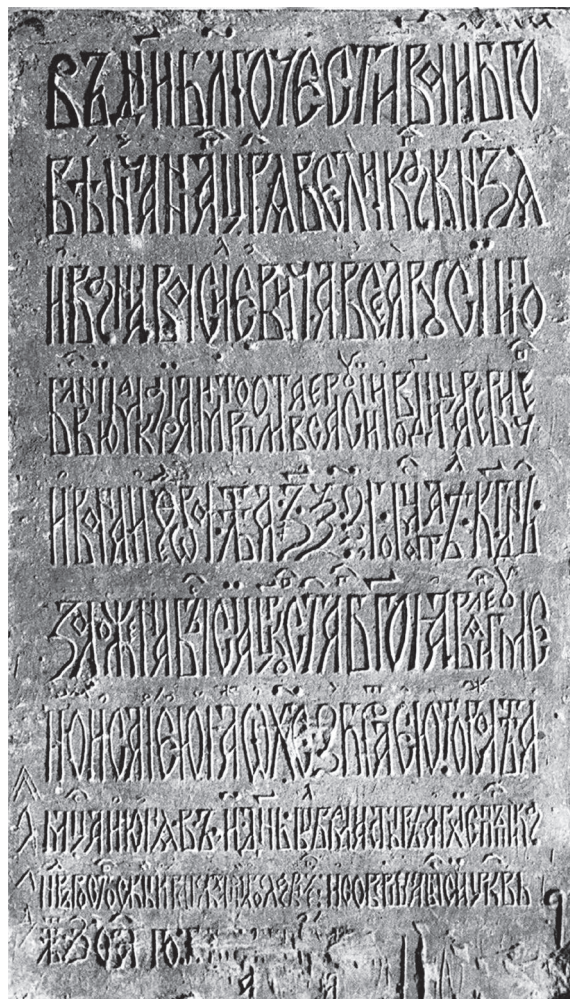

Рис. 1. CIR4010. Кострома. Богоявленский Анастасиин монастырь. Богоявленский собор. Надпись о строительстве и росписи Богоявленского собора. 1559–1562/63 г.

Таблица 1

Структура надписи о строительстве Богоявленского собора

Элементы формуляра	Текст надписи
Блок 1	
Datatio1	¹ въ днн бѣгочетивѣ ѿ бгѡ ² вѣнчанинѣ црѣа бѣлнскѣ кнѣзѣ ³ ѿвана бѣлнѣвича всѣа рѣиѣн
Intitulatio	³ по ⁴ бѣлннѣ макарїа мнѣрополнѣа всѣа рѣиѣн
Datatio2	⁴ и во днн царевнѣ ⁵ ѿвана ѿ дрѣвѣа . лѣтѣ . хѣ . ѡ : ѡ го . мѣа апрѣа . кѣ . днѣ .
Fundatio	⁶ зложена бѣ ѿа црѣкѡ сѣа бгѡявлѣа
Subscriptio	⁷ нгѡме ⁷ нѡ ѿслѣѣ ѿ ѡ хѣ зѣ брѣѣн .
Datatio3	⁷ гово лѣтѣ .
Блок 2	
Datatio	⁸ мѣа ѿннѣа . въ . ѿ днѣ .
Sacrificatio	⁸ бѣ въ манастырѣ архїепѣпѣ ннѣа ⁹ нрѣ рѡстѡскѣ ѿ бложѣ моцї архїославнѣ
Fundatio	⁹ и совершена бѣ ѿа црѣкѣа
Блок 3	
Datatio	¹⁰ лѣтѣ(ѣ) хѣа
Fundatio	¹⁰ пог [писана e.g. сия церковь]

Таблица 2

Формулы о росписи храма в храмовых летописях

Дата росписи	Местонахождение храмовой летописи	Формула
1378 г.	Новгород. Церковь Спаса Преображения на Ковалёве [Тарасова: 41]3	¹ (крест) в лѣтѣ . хѣ . ѡ пѣ <...> погѣписан бѣ храмѣ гѣа кѣа ѿса нашѣго ѿа хѣа
1503 г.	Церковь Рождества Богородицы в Феропонтовом монастыре [Вздорнов: 32-33]4	¹ начѣа бѣ поп[писыватѣа си]ѿа црѣкѣа
1563–1564 г.	Ярославль. Церковь Спаса Преображения в Спасо-Преображенском монастыре (CIR0563)	³ а пописана прї архїмѣдрѣтѣ ⁴ дрѣме

го акта [Favreau: 165–190]. Для старорусских строительных надписей обычны следующие элементы формуляра:

- invocatio (богословие) – обращение к Богу;
- narratio (изложение обстоятельств дела) – изложение причин строительства;
- datatio (датировка) – сообщение о месте и дате строительства;
- intitulatio (обозначение лица, от которого исходит документ) – характеристика лица/лиц, выступивших инициаторами строительства;
- dispositio (распоряжение по существу дела) – объявление о цели постройки;
- sacrificatio – информация об освящении храма;
- sanctio (запрещение нарушения документа) – проклятия тем, кто разрушит построенное;
- subscriptio (удостоверение) – объявление о лицах, непосредственно осуществлявших строительство;
- fundatio – сообщение о начале и/или завершении постройки.

Надпись о строительстве Богоявленского собора делится на три информационных блока, созданных разными резчиками и выделяемых хронологически, палеографически и по содержанию. Её структура выглядит следующим образом (см. табл. 1).

Из надписи мы узнаём, что Богоявленский собор был заложен по благословению св. митрополита Макария 23 апреля 1559 г. и что храмоздателями были игумен Исаия (Шапошников) с братией. Среди прочих вкладчиков, жертвовавших средства на строительство храма и литъё колоколов, известны князь В.А. Старицкий (50 руб.), инок Герман Жердин (50 руб.) и Лаврентий Пчелка (80 руб.) [Баженков 1895: 30]. Мнение В.Г. Брюсовой, будто Богоявленский собор строился «на пожертвования Ивана Грозного (“милостыню по жертвам гнева своего”) на средства постриженника В.А. Старицкого (sic!)» [Брюсова: 73–74] опровергается самой надписью.

Обратимся к стк. 8–10, где содержится наиболее важная информация. Три начальные буквы слова, следующие за датой в стк. 10, – «пог» – позволяют уверенно восстановить глагол «подписана» и связать всю строку с сообщением о росписи Богоявленского собора, что в иных источниках отсутствует: традиционно считается, что он впервые был расписан более чем сто лет спустя после строительства артелию Гурия Никитина.

Сравним аналогичные формулы в храмовых летописях (см. табл. 2).

Из таблицы 2 видно, что глагол «подписать» встречался в надписях как в «нормативном» на-

Рис. 2. CIR0563. Ярославль. Спасо-Преображенский монастырь. Спасо-Преображенский собор. Надпись с именами мастеров, расписывавших храм. Между 24 февраля и 31 августа 1564 г.

писании, так и в «фонетическом», при оглушении звонкого шумного «д» перед глухим согласным «т».

Имён мастеров, создававших фрески, в надписи нет, но это сообщение по хронологии лежит между надписями о росписи Успенского собора Свяжского Богородичного (1561) [Айналов: 3–4] и Спасо-Преображенского собора Спасо-Ярославского монастыря (1563–1564) (CIR0563, CIR0564), что с известной долей осторожности позволяет высказать предположение о принадлежности росписей в трёх храмах одной артели иконописцев, чьи имена, вероятно, читаются в надписи в Спасо-Преображенском соборе Спасо-Ярославского монастыря (CIR0563) (рис. 2). Во всяком случае, Богоявленский собор стал первым монастырским храмом Костромы, построенным в камне и – единственным – расписанным фресками в правление Ивана Грозного.

Стк. 8 и 9 сообщают: «¹⁸ мѣа и́ннѣа . въ . ѿ . днѣ . бѣ въ манастирѣ архіепѣ ннка ¹⁹ ирѣ ростѣоскы ѿ вложѣ моцѣ ярославнѣѣ». Из них ясно, что чин освящения проводил архиепископ Ростовский Никандр⁵. Здесь уникально сообщение о мощах «ярославнѣѣ», скорее всего, свв. благоверного князя Феодора Ростиславича Смоленского и Ярославского и чад его Давыда и Константина (память 19 сентября), которые архиепископ Никандр вложил в антиминс.

История Жития князя Феодора Ярославского и его почитания подробно освещены в отечественной и зарубежной историографии [Ключевский: 171–175; Васильев: 95–97; Голубинский: 77; Lenhoff; Клосс: 247–330; Мельник: 118–123]. Ярославские чудотворцы почитались сразу после

открытия их мощей в 1463 г. [Васильев: 95], но государственная институционализация их культа сложилась в конце 40-х – начале 60-х гг. XVI в. Г. Ленхофф подчёркивает, что «Житие князя Феодора» вошло в «Великие Минеи Четьи» [Великие Минеи Четьи: 1261–1282] и «Степенная книга царского родословия» [Степенная книга: 550–559], ставшие символами духовного единства Московской Руси и исторической преемственности правящей династии [Lenhoff: 148, 157]⁶. К 1560 г. ярославские чудотворцы почитались как святые покровители Ярославля [Lenhoff: 168], а в первом послании князю Андрею Курбскому, написанном в 1564 г., Иван Грозный уже называл св. князя Феодора, своего «сродника» (как и царь, прямого потомка Владимира Святого), одним из небесных хранителей его семьи. Иван Грозный писал о спасении подвижником «от врат смертных воздвиг» царицы Анастасии [Переписка Ивана Грозного: 45], что могло произойти во время паломничества царской семьи к мощам чудотворцев в мае 1553 г. [Никоновская летопись: 231–232]. В данном контексте и следует рассматривать сообщение исследуемой надписи о вложении мощей «ярославнѣѣ» в (антиминс?) в новопостроенной церкви Богоявленского Анастасиина монастыря в Костроме. При этом его освящение проводилось 8 июня, на день перенесения мощей вмч. Феодора Стратилата, совпадающий с днём тезоименитства царевича Фёдора Ивановича, что возводило это событие в ранг церковно-государственного мероприятия.

Таким образом, публикуемая надпись является уникальным памятником мемориальной эпигра-

фики, сохранившим сведения по архитектурной и художественной истории Костромы конца 50-х – начала 60-х гг. XVI в. и важный материал о почитании ярославских угодников на Костромской земле.

Приложение 1

Описание надписи из Богоявленского собора Богоявленского Анастасиина монастыря (Кострома)⁷

CIR–код. CIR4010 (рис. 1).

Описание надписи. Надпись в 10 строк, выполненная по графье в технике прямой резьбы. Эпиграфическое поле расположено по центру плиты. С левой стороны перед стк. 8–10 процарапаны стреловидные знаки, видимо, указывающие на то, что строки являются продолжением стк. 1–7. Окончание стк. 10 стёрто.

Транскрипция:

въ днн бл҃гочестивѣ ѿ бг҃о
вѣчнана цр҃кѣ вл҃нскѣ кнѣзѣ
ивана вѣснѣвча всеѣ рѣсн по
бл҃внн макаріа мнѣрополнѣ всеѣ рѣсн и во днн
царевнѣ

ивана ѿ днѣрѣ . лѣчѣ . ѿ . ѿ : ѿ го . мѣдѣ мрѣѣ .

кѣ . днѣ .

заложена кѣѣ ѿ цр҃кѣ стѣ бг҃о ѿ вл҃нскѣ нгѣмѣ

по нѣснѣн ѿ ѿ хѣ зѣ крѣен . товоѣ лѣчѣ .

мѣдѣ ннѣнѣ . въ . ѿ . днѣ . кѣѣ въ манастырѣ архіепѣ
ннѣнѣ

нрѣ рѣснѣскѣ ѿ вложѣ моцѣ ярославнѣ : и совершена
кѣѣ ѿ цр҃кѣ

лѣчѣ^(*) ѿ зѣдѣ пот[писана е.г. сия церковь] (vasat)

Практическая транскрипция: Во дни бл(а)гочестива(о) и Б(о)гом венчанна(о) ц(а)ря велика(о) кн(я)зя Ивана Васил(ь)евича всеа Руси по бл(а)г(о)сл(о)вению Макариа митрополита всеа Руси и во дни царевичев Ивана и Феодора лета 7067 [1559] го м(е)с(я)ца апрел(я) 23 д(е)нь заложена быс(ть) сиа ц(е)рков(ь) св(я)та(о) Б(о)го явлен(ь)я игуменом Исаиею иж(е) о Х(рист)е з брат(ь)ею. Того ж(е) лета. М(е)с(я)ца июня в 8 д(е)нь был в манастыре архиеп(и)с(ко)п Никандр Ростовский и вложи мощи ярославичев, и совершена быст(ь) сия ц(е)рк(о)вь. Лет{т}(а) 7071 [1562/63] пот[писана е.г. сия церковь].

Датировка. Стк. 1–9 – 1559 г., стк. 10 – 1562/63 г.

Публикации:

Рук.: [Диев, прот.: л. 193, по собственной копии, гражданским шрифтом, с сохранением буквенной цифири] (список первой трети XIX в.).

Изд.: [Летописец: 9, по списку XVIII в.]; [Афанасий (Дроздов), архим.: 6–7, по собственной копии, гражданским шрифтом]; [Баженов 1895: 6, по собственной копии, гражданским шрифтом (а)]; [А. С[пицын]: 90, по собственной копии, гражданским шрифтом (а)]; [А. С[пицын]: 26, по собственной копии, гражданским шрифтом (б)]; [Дунаев: 42–43, по собственной копии, гражданским шриф-

том]; [Баженов 1895: 11, фото и текст надписи гражданским шрифтом, по чтению А.А. Спицына (б)]; [Иванов: 20, гражданским шрифтом, в современной орфографии]; [Разумовская: 20, гражданским шрифтом, в современной орфографии, по публикации В.Н. Иванова]; [Бочков: 127, гражданским шрифтом, в современной орфографии, по публикации И.М. Разумовской]; [Зонтиков: 12, фото и текст гражданским шрифтом в современной орфографии]⁸]; [Авдеев 2002: 159–160. № 1, гражданским шрифтом, в современной орфографии]; [Авдеев 2020: 546, ил. 6, фото].

В соответствии с камнем публикуется впервые.

Палеографический комментарий.

Блок 1 (стк. 1–7) повествует о начале строительства храма и храмоздателях, на чьи средства он строился. Первый почерк. Вязь, близкая новгородской рукописной вязи середины XVI в. Разделение на слова отсутствует. Диакритика нерегулярная. Датирующие элементы и смысловые блоки разделены интерпункционными знаками в виде точек. Титла прямые. Буква **А** имеет три типа начертания, которые чередуются в следующей последовательности во всех строках надписи: в виде вертикальной мачты с присоединённым к ней углом квадратом – в виде вертикальной мачты справа и перетянутой посередине дуги слева – в скорописной форме (стк. 3). Вертикальная мачта буквы **Г** (стк. 1), правая вертикальная мачта буквы **И** (стк. 2) имеют шарообразные утолщения в центре. Архаичное написание буквы **Ы** в слове «**кѣѣ**» (стк. 6) в виде сочетания ера с и-десятичным. «Вензельные» написание букв: в слове «**макаріа**» (стк. 4) буква **А** вписана между вертикальными мачтами буквы **М**. Буква **З** в обозначении тысячи (стк. 5) напоминает цифру 3 и составлена из двух не соединяющихся дуг. Верхняя дуга имеет горизонтальное покрытие с изломом, расширяющимся книзу. Нижняя дуга изогнута. Вертикальный знак тысячи короткий, подходит к окончанию верхней дуги, но не соединяется с ней. Насечки горизонтальные и параллельны друг другу. Блок 2 (стк. 8–9). Второй почерк, близкий, но не идентичный первому. Высота строк меньше, чем в блоке 1. Эпиграфический полуустав с элементами вязи. Разделение на слова отсутствует. Диакритика нерегулярная. Датирующие элементы разделены интерпункционными знаками в виде точек. Буква **А** оформлена только в виде правой вертикальной мачты с горизонтальным покрытием и перетянутой посередине дуги слева. «Вензельные» написание букв: в слове «**манастырѣ**» (стк. 8) буква **А** вписана между вертикальными мачтами буквы **М**; в слове «**совершена**» (стк. 9) буква **Е** вписана между мачтами буквы **Ш**. В словосочетании «**вложѣ моцѣ**» (стк. 2) буква **И** под титлом вписана между вертикальными мачтами лигатуры **ЖМ**. Титла лунарные. Блок 3 (стк. 10). Третий почерк, отличный от двух предыдущих. Эпиграфический

пись, архим. Афанасий, Диев, Баженов (а), Авдеев. братіею – Баженов (б), Спицын (а и б), Дунаев. братіей – Иванов, Разумовская, Бочков. 7. *човѣ*] того жь – архим. Афанасий, Баженов (а и б). того жь – Спицын (а и б). того же – Диев. того же – Разумовская, Бочков. того ж – Зонтиков. того ж – Авдеев. · *човѣ* *лѣта* ·] въ лѣто 7067-мъ (1559) году – Летопись. 7–9. · *човѣ* *лѣта* · ~ *ѡрославнѣ* : н] у Иванова нет. · *човѣ* *лѣта* · ~ *ѡрославнѣ* :] у Дунаева нет. 8–9. *мѣ* *нѣ* ~ *ѡрославнѣ* : н] у Баженова (а) нет. 8. *мѣ*] м-ца – Баженов (б). а мѣсяца – Спицын (а и б). а месяца – Авдеев. *нѣ*] июля – Диев. Июня – Спицын (а и б). июля – Бочков. *нѣ*] 8 – Летопись, архим. Афанасий, Диев, Баженов (а и б), Спицын (а и б), Разумовская, Бочков, Зонтиков, Авдеев. 8–10. *кѣ* *въ* *манастырѣ* ~ *пог*[писана e.g. сия церковь]] в Летописи нет. 8. *кѣ*] бысть – Диев. *манастырѣ*] монастырь – Диев, архим. Афанасий, Баженов (а и б), Спицын (а и б). монастыре – Разумовская, Бочков, Зонтиков, Авдеев. 9. *ростѣ*] Ростовскій – архим. Афанасий, Диев, Баженов (а и б), Спицын (а и б). Ростовскій – Разумовская, Бочков, Зонтиков, Авдеев. *нѣ* *влож* *моу*] у Диева, Баженова (а и б), Спицына, Зонтикова и Авдеева нет. *ѡрославнѣ* :] и Ярославскій – Баженов (б), Спицын (а и б). и Ярославскій – Разумовская, Бочков, Зонтиков, Авдеев. *ѡрославнѣ*] у Диева и Баженова (а) нет. н] у архим. Афанасия, Баженова (а и б), Дунаева, Разумовской, Бочкова и Авдеева нет. *совершена*] освещена – Бочков. *кѣ*] бысть – архим. Афанасий, Диев, Баженов (а и б), Спицын (а и б), Дунаев, Разумовская, Бочков, Зонтиков, Авдеев. быть – Иванов. *нѣ*] сѣя – архим. Афанасий, Диев, Баженов (а и б), Спицын (а и б), Дунаев. сѣя – Иванов, Разумовская, Бочков, Зонтиков, Авдеев. 10. *лѣт* *лѣт* – надпись. лѣта – архим. Афанасий, Баженов (а и б), Спицын (а и б), Дунаев. лета – Иванов, Разумовская, Зонтиков, Авдеев. *хѣ* *лѣта* – Диев. 7073 – архим. Афанасий, Баженов (а и б). 7073-го – Дунаев, Авдеев. 7073 года – Спицын (а и б). 7073 (1565) – Иванов, Бочков. 7073 [1565] – Разумовская. 7073 [1565 – *Ред.*] – Зонтиков. *пог*[писана e.g. сия церковь]] при игуменѣ Исаи – архим. Афанасий, Баженов (а и б), Спицын (а и б). въ мѣсяцѣ июнѣ – Диев. при игуменѣ Исаи – Дунаев. при игумене Иоанне – Иванов, Разумовская, Бочков. при игумене Исаие – Зонтиков, Авдеев.

Полевое документирование. Не проводилось ввиду утраты памятника.

Авторы описания. Александр Авдеев, Ольга Радеева, Глеб Донской при участии Дмитрия Краснобаева.

Примечания

¹ См. Приложение 1. Раздел «Публикации».

² Подробнее об особенностях почерков резчиков см. палеографический комментарий к надписи в приложении 1.

³ Транскрипция по фото моя. – А. А.

⁴ Транскрипция по фото моя. – А. А.

⁵ Архим. Макарий Веретенников отметил, что в грамотах и актовых материалах титул архиепископа Никандра не был постоянным и менялся в зависимости от региона, куда были направлены документы, – архиепископ Ростовский и Ярославский, архиепископ Ростовский, Ярославский и Устюжский, архиепископ Ростовский и Ярославский и Белозерский (Макарий (Веретенников), архим.: 360). В надписи владыка поименован архиепископом Ростовским.

⁶ Ср.: [Мельник: 118–123]. К сожалению, в данную статью включены только «материальные» свидетельства почитания ярославских чудотворцев – храмы и иконы, существовавшие в XVI в. Не менее важные свидетельства, сохранившиеся в рукописях того времени, – различные редакции житий, службы, тропари – автором учтены не были, что существенно обедняет проведённое исследование

⁷ Надпись публикуется в соответствии с принципами издания старорусских эпиграфических памятников, принятыми в CIR.

⁸ Повторная публикация: [Костромской: 12].

Список сокращений

CIR – Свод русских надписей / Corpus inscriptionum Rossicarum. URL: <https://www.cir.rssda.ru>

Список литературы

А. С[пицын]. Из архива Императорской Археологической Комиссии. III. Костромская губерния // Известия Императорской Археологической комиссии. 1909. Вып. 31: Вопросы реставрации. Вып. 3. С. 67–296.

А. С[пицын]. Церкви Костромской епархии по данным архива Императорской Археологической комиссии. СПб., Изд. Императорской Археологической комиссии, 1909. 242 с., ил.

Авдеев А.Г. Храмовые надписи XVI–XVII вв. Костромы и края // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 5. Кострома, 2002. С. 158–165.

Авдеев А.Г. Крест преподобного Савватия Соловецкого: Ответ оппонентам // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Вып. 9. Архангельск; М.: Товарищество Северного Мореходства, 2010. С. 51–60.

Айналов Д.В. Фресковая роспись храма Успения Богородицы в Свяжском мужском Богородицком монастыре // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. XXI. Вып. 1 / под ред. В.К. Трутовского. М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1906. С. 1–38.

[Афанасий (Дроздов), архим.] Исторические известия о Костромском второклассном Богоявлен-

ском монастыре с XV по XIX в. СПб.: Тип. Иверсена, 1837. 55 с.

Баженов И. Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк. Кострома: В Губернской тип., 1895. 167, XXII с., ил.

Баженов И. Костромской Богоявленско-Анастасиин женский монастырь. М.: Изд. Богоявленского Анастасиина монастыря, 1913. 72 с., ил. (Репр.: Кострома, 2006).

Бочков В.Н. Старая Кострома. Кострома, 1997. 234 с., ил.

Брюсова В.Г. Гурий Никитин. М.: Изобразительное искусство, 1982. 272 с., ил.

Васильев В. История канонизации русских святых. М.: Университетская тип., 1893. 254 с.

Великие Минеи Четьи, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Вып. 2. Дни 14–24 / Изд. Археографической комиссии. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1889. IV с., стб. 673–1392.

Вздорнов Г.И. О летописи в соборе Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре // Дионисий «живописец пресловущий». К 500-летию росписи Дионисия в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Выставка произведений древнерусского искусства XV–XVI веков из собраний музеев и библиотек России. М.: Северный паломник, 2002. С. 31–35.

Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., Университетская тип., 1903. 597 с. (Репр.: М., 1998).

Диев М.Я., *прот.* Костромская вивлиофика // Государственный историко-архитектурный музей-заповедник «Ипатьевский монастырь». Костромская объединённая коллекция № 24738.

Дунаев Б. Кострома в её прошлом и настоящем по памятникам искусства. Опыт археолого-статистической переписи. М.: Печ. А.И. Снегирёвой, 1913. 60 с., ил.

[Зонтиков Н.А.]. Костромской Анастасиино-Богоявленский монастырь // Костромской Богоявленско-Анастасиин монастырь (1426–2001): К 575-летию основания и 10-летию возрождения. Кострома, 2001. 63 с.

Иванов В.Н. Кострома. М.: Искусство, 1970. 279 с.

Клосс Б.М. Избранные труды. Т. II: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., Языки русской культуры, 2001. 488 с.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Тип. Грачёва и К°, 1871. 465, IV, III с. (Репр.: М., 1988).

Костромской Богоявленско-Анастасиин монастырь. Кострома, 2004. 63 с.

Летопись Костромского Богоявленского монастыря, написанная после разгрому 7117 году маяя 7 числа. По рукописи 18 века / предисл. А. Титова. М.: Печ. А.И. Снегирёвой, 1909. VIII, 55 с., ил.

Макарий (Веретенников), архим. Из истории русской иерархии XVI в. М.: Изд-во Московского подворья Троице-Сергиевой лавры, 2006. 317 с.

Мельник А.Г. Почитание ярославских святых Феодора, Давида и Константина за пределами Ярославля в XVI в. // Макариевские чтения. Материалы Российской научной конференции, посвящённой памяти Святителя Макария. Вып. XX: Священные войны России. Можайск, 2013. С. 118–123.

Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с. разд. паг.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / изд. подг. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. Л.: Наука, 1979. 429 с.

Разумовская И.М. Кострома. Л.: Художник РСФСР, 1989. 208 с., ил.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарий: в 3 т. / отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. Т. I: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. М.: Языки славянских культур, 2007. 598 с., ил.

Тарасова Е.Н. Богословский и исторический аспект росписи церкви Спаса Преображения на Ковалёве в Новгороде // Светильник. Религиозное искусство в прошлом и настоящем. 2003. № 1 (2). С. 37–58.

Favreau R. *Épigraphie médiévale*. Turnhout, Brepols, 1997, 360 p., ill.

Lenhoff G. *Early Russian Hagiography: The Lives of Prince Fedor the Black*. Wiesbaden, Harrasovitz Veri., 1997, 496 p.

References

A. S[picyn]. *Iz arkhiva Imperatorskoj Arheologicheskoy Komissii. III. Kostromskaja gubernija* [From the archive of the Imperial Archaeological Commission. III. Kostroma province]. *Izvestija Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii* [Revue of the Imperial Archaeological commission], 1909, vol. 31: *Voprosy restavracii* [Questions of the Restoration], iss. 3, pp. 67–296. (In Russ.).

A. S[picyn]. *Cerkvi Kostromskoj eparkhii po dannym arhiva Imperatorskoj Apeologicheskoy komissii* [Churches of the Kostroma diocese according to the archive of the Imperial Archaeological Commission]. Saint Petersburg, Imperial Archaeological Commission ed., 1909, 242 p., il. (In Russ.).

[Afanasij (Drozdov), arhim.] *Istoricheskie izvestija o Kostromskom vtoroklassnom Bogojavlenskom monastyre s XV po XIX v.* [Historical news about the Kostroma second-class Epiphany Monastery from the 15th to the 19th cent.]. Saint Petersburg, ed. Iversen, 1837, 55 p.(In Russ.).

Ajnalov D.V. *Freskovaja rospis' hrama Uspenija Bogorodicy v Svijazhskom muzhskom Bogorodickom monastyre* [Fresco painting of the Church of the

Assumption of the Theotokos in the Sviyazhsky male Theotokos Monastery]. *Drevnosti. Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arheologi-cheskogo obshhestva* [Antiquities. Works of the Imperial Moscow Archaeological Society], vol. XXI, № 1, ed. V.K. Trutovskij. Moscow, Publ. of Useful Book Distribution Society, 1906, pp. 1–38. (In Russ.).

Avdeev A.G. *Hramozdannye nadpisi XVI–XVII vv. Kostromy i kraja* [Inscriptions on the Temples building of the 16th – 17th centuries of Kostroma and the region]. *Kostromskaja zemlja. Kraevedcheskij al'manah Kostromskogo obshhestvennogo fonda kul'tury* [Kostroma land. Local History Almanac of the Kostroma Public Culture Fund]. Kostroma, 2002, iss. 5, pp. 158–165. (In Russ.).

Avdeev A.G. *Krest prepodobnogo Savvatija Soloveckogo: Otvet opponentam* [Cross of St. Savvatius Solovetsky: Answer to opponents]. *Soloveckoe more. Istoriko-literurnyj al'manah* [Solovetsky Sea. Historical and literary almanac]. Arhangel'sk; Moscow, ed. Partnership of Northern Navigation, 2010, iss. 9, pp. 51–60. (In Russ.).

Bazhenov I. *Kostromskoj Bogojavlensko-Anastasiinskij monastyr'*. *Istoricheskij ocherk* [Kostroma Epiphany-Anastasiinsky Monastery. Historical essay]. Kostroma, Provincial printing house, 1895, 167, XXII p., ill. (In Russ.).

Bazhenov I. *Kostromskoj Bogojavlensko-Anastasiin zhenskij monastyr'* [Kostroma Epiphany-Anastasiinsky Convent]. Moscow, ed. Epiphany-Anastasiinsky Monastery, 1913, 72 p., ill. (Repr.: Kostroma, 2006). (In Russ.).

Bochkov V.N. *Staraja Kostroma* [Old Kostroma]. Kostroma, 1997, 234 p., il. (In Russ.).

Brjusova V.G. *Gurij Nikitin*. Moscow, Fain Arts ed., 1982, 272 p., ill. (In Russ.).

Diev M.I., prot. *Kostromskaja vivliofika* [Kostroma vivliophika]. *Gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj muzej-zapovednik «Ipat'evskij monastyr'»* [State Historical and Architectural Museum-Reserve “Ipatievsky Monastery”]. Kostromskaja ob'edinennaja kollekcija [Kostroma combined collection]. № 24738. (In Russ.).

Dunaev B. *Kostroma v eja proshlom i nastojashhem po pamjatnikam iskusstva. Opyt arheologo-statisticheskoy perepisi* [Kostroma in its past and present on monuments of art. Experience of the archaeological and statistical census]. Moscow, ed. A.I. Snegirjova, 1913, 60 p., ill. (In Russ.).

Favreau R. *Épigraphie médiévale*. Turnhout, Brepols, 1997. 360 p., ill. (In Russ.).

Golubinskij E.E. *Istorija kanonizacii svjatyh v Russkoj Cerkvi* [History of the canonization of saints in the Russian Church]. Moscow, University printing house, 1903, 597 p. (Repr.: Moscow, 1998). (In Russ.).

Ivanov V.N. *Kostroma*. Moscow, Arts Publ., 1970, 279 p. (In Russ.).

Kljuchevskij V.O. *Drevnerusskie zhitija svjatyh kak istoricheskij istochnik* [Old Russian lives of saints

as a historical source]. Moscow, ed. Grachjova and K^o, 1871, 465, IV, III p. (Repr.: Moscow, 1988). (In Russ.).

Kloss B.M. *Izbrannye trudy. T. II: Oчерki po istorii russkoj agiografii XIV–XVI vekov* [Selected works. T. II: Essays on the history of Russian hagiography of the 14th – 16th centuries]. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 2001, 488 p. (In Russ.).

Kostromskoj Bogojavlensko-Anastasiin monastyr' [Kostroma Epiphany-Anastasiin Monastery]. Kostroma, 2004, 63 p. (In Russ.).

Lenhoff G. *Early Russian Hagiography: The Lives of Prince Fedor the Black*. Wiesbaden, Harrasovitz Veri., 1997, 496 p. (In Russ.).

Letopis' Kostromskogo Bogojavlenskogo monastyrja, napisannaja posle razgromu 7117 godu majja 7 chisla. Po rukopisi 18 veka [The chronicle of the Kostroma Epiphany Monastery, written after the defeat of May 7117 on the 7th. According to the manuscript of the 18th century]: predisl. A. Titova [preface by A. Titov]. Moscow, ed. A.I. Snegirjova, 1909, VIII, 55 p., ill. (In Russ.).

Makarij (Veretennikov), arhim. *Iz istorii russkoj ierarhii XVI v.* [From the history of the Russian hierarchy of the 16th century]. Moscow, Moscow Compound Trinity-Sergius Lavra Publ., 2006, 317 p. (In Russ.).

Mel'nik A.G. *Pochitanie jaroslavskih svjatyh Feodora, Davida i Konstantina za predelami Jaroslavlja v XVI v.* [Veneration of Yaroslavl saints Feodor, David and Constantine outside Yaroslavl in the 16th century]. *Makarievskie chtenija: Materialy Rossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj pamjati Svjatitelja Makarija* [Makariev readings. Materials of the Russian Scientific Conference dedicated to the memory of St. Macarius]. Vyp. 20: Svjashhennye vojny Rossii [Iss. 20: Holy Wars of Russia]. Mozhajsk, 2013, pp. 118–123. (In Russ.).

Nikonovskaja letopis' [Nikon Chronicle]. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Languages of Russian culture publ., 2000, vol. XIII, 544 p. sep. pag. (In Russ.).

Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim [Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky], eds. Ja.S. Lur'e i Ju.D. Rykov. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 429 p. (In Russ.).

Razumovskaja I.M. *Kostroma*. Leningrad, Artist of the RSFSR Publ., 1989, 208 p., ill. (In Russ.).

Stepennaja kniga carskogo rodoslovija po drevnejshim spiskam: Teksty i kommentarij [Stepennaja kniga carskogo rodoslovija according to the oldest manuscripts. Texts and comments]: in 3 vol. / eds. N.N. Pokrovskij, G.D. Lenhoff. Vol. I: Zhitie sv. knjagini Ol'gi. Stepeni I–X [The life of St. Princess Olga. Steps I–X]. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 2007, 598 p., ill. (In Russ.).

Tarasova E.N. *Bogoslovskij i istoricheskij aspekt rospisi cerkvi Spasa Preobra-zhenija na Kovaljove v Novgorode* [Theological and historical aspect of

the painting of the Church of the Transfiguration of the Savior on Kovalev in Novgorod]. *Svetil'nik: Religioznoe iskusstvo v proshlom i nastojashhem* ["Lamp": Religious art in the past and present], 2003, № 1 (2), pp. 37–58. (In Russ.).

Vasil'ev V. *Istorija kanonizacii russkih svjatykh* [History of the canonization of Russian saints]. Moscow, University printing house, 1893, 254 p. (In Russ.).

Velikie Minei Četii, sobrannye Vserossijskim mitropolitom Makariem. Sentjabr'. Vyp. 2. Dni 14–24 [Velikie Minei Četii, collected by the All-Russian Metropolitan Makariy. September. Iss. 2. Days 14–24], ed. of Archaeographic commission. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences print., 1889, IV s., stb. 673–1392. (In Russ.).

Vzdornov G.I. *O letopisi v sobore Rozhdestva Bogorodicy v Ferapontovom monastyre* [About the chronicle in the Cathedral of the Nativity of the Virgin in the Ferapontov Monastery]. Dionisij "zhivopisec

preslovushhij": K 500-letiju rospisi Dionisija v sobore Rozhdestva Bogorodicy Ferapontova monastyrja. Vystavka proizvedenij drevnerusskogo iskusstva XV–XVI vekov iz sobranij muzeev i bibliotek Rossii [Dionysius "painter notorious". On the occasion of the 500th anniversary of the painting of Dionysius in the Cathedral of the Nativity of the Virgin of Ferapontov Monastery. Exhibition of works of ancient Russian art of 15th – 16th centuries from collections of museums and libraries of Russia]. Moscow, Northern pilgrim publ., 2002, pp. 31–35. (In Russ.).

[Zontikov N.A]. *Kostromskoj Anastasiino-Bogojavlenskij monastyr'* [Kostroma Anastasiino-Epiphany Monastery]. *Kostromskoj Bogojavlensko-Anastasiin monastyr' (1426–2001). K 575-letiju osnovanija i 10-letiju vozrozhdenija* [Kostroma Epiphany-Anastasiin Monastery (1426–2001). To the 575th anniversary of the foundation and the 10th anniversary of the revival]. Kostroma, 2001, 63 p. (In Russ.).

Кабатов Сергей Александрович
Костромской государственный университет
Кабатова Елена Анатольевна
Костромской государственный университет

**ИСТОЧНИКО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСА
СУЩЕСТВОВАНИЯ ВТОРОГО КОСТРОМСКОГО КРЕМЛЯ
(статья 3)**

Вопрос датировки городского поселения, если его дата не имеет четкого и конкретного письменного подтверждения, всегда очень проблематичен и сложен. Его решение требует привлечения максимально широкого спектра данных. Настоящее исследование представлено блоком статей, в которых предпринимается попытка освещения историко-историографического изучения вопроса существования второго костромского кремля, включая новейшие археологические данные 2016–2017 гг., на территории Старого города второго костромского кремля. В исследовании поднимаются вопросы: условий, специфики и датировки основания первого и второго костромских кремлей, характер их застройки; условия обретения Костромой Феодоровской иконы Божьей Матери и места ее хранения в обоих кремлях. Отдельно рассматривается вопрос о локализации, времени и условиях строительства Успенского собора как месте последнего хранения Феодоровской иконы Божьей Матери, поскольку на сегодняшний день только исследования условий и датировки его строительства могут пролить свет и на дату основания Старого города второго костромского кремля. Статья № 3 является продолжением данного блока исследований, где поднимается вопрос о времени и условиях строительства Успенского собора.

Ключевые слова: Кострома, костромской кремль, Старый и Новый город второго костромского кремля, Успенский собор, строительный период.

Информация об авторах: Кабатов Сергей Александрович, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8529-0470>, кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией археолого-этнологических исследований, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия.

E-mail: kabatov74@mail.ru

Кабатова Елена Анатольевна, инженер лаборатории археолого-этнологических исследований, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия.

E-mail: kabatova@bk.ru

Дата поступления статьи: 12.07.2020.

Для цитирования: Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (статья 3) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 24-39. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-24-39>.

Sergey A. Kabatov
Kostroma State University
Yelena A. Kabatova
Kostroma State University

**SOURCE-HISTORIOGRAPHICAL STUDY OF THE EXISTENCE
OF THE SECOND KOSTROMA KREMLIN (ARTICLE 3)**

The question of dating an urban settlement, if its date has no clear or specific written confirmation, is always very problematic and complicated. Its solution requires the use of the widest possible range of data. This research is presented in a block of articles that cover the source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin, including the latest archaeological data from 2016-2017 in the territory of the Old city of the second Kostroma Kremlin. The study raises questions about the conditions, specifics and dating of the foundation of the first and second Kostroma Kremles, their nature of development, the conditions for obtaining the icon Our Lady of Saint Theodore in Kostroma and its storage location in both Kremles. The question of the place, time and conditions of the construction of the Assumption Cathedral is considered separately, since only research on the conditions and dating of its construction can shed light on the date of the foundation of the Old city of the second Kostroma Kremlin. Article 3 continues this block of research, which refers us to the time and conditions of building the Dormition Cathedral.

Keywords: Kostroma, Kostroma Kremlin, Old and new city of second Kostroma Kremlin, Dormition Cathedral, construction period.

Information about the authors: Sergey A. Kabatov, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8529-0470>, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, head of the laboratory of archaeological and ethnological research, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: kabatov74@mail.ru

Yelena A. Kabatova, engineer of the laboratory of archaeological and ethnological research, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: kabatova@bk.ru

Article received: February 5, 2020

For citation: Kabatov S.A., Kabatova Ye.A. Source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (article 3). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 24-39 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-24-39>.

Итак, то, что время строительства Успенского собора относится к *середине первой трети XV в.*, сомнений практически не вызывает. В пользу данной датировки косвенно свидетельствует и череда следующих исторических событий.

Кострома еще не восстановилась окончательно после пожара 1413 г., как в 1420 г. с 15 августа распространилось моровое поветрие в Костроме, Ярославле, Галиче, Плесе; людей вымирало так много, что некому было жать рожь. В 1422 г. Кострому постигает новое бедствие – сильный голод. Цены на хлеб страшно поднялись; вследствие голода появилась большая смертность, так как люди ели всякую падаль [Миловидов: 64]. В 1425 г. скончался попечитель Костромы великий князь Василий Дмитриевич. На великое княжество вступил его десятилетний сын Василий Васильевич. Именно с этого времени почти до 1452 г. начинается последняя сильная усобица из-за великого княжения. Кострома и Галич со своими уездами превращаются в театр междоусобных войн великого князя Василия Васильевича со своим дядей галичским князем Юрием Дмитриевичем и его детьми Василием Косым и Димитрием Шемякой. Город Кострома явился местом убежища князей и сборным пунктом их ратей. За его крепкими стенами спасаются то сам великий князь Василий Васильевич в 1433 г., то дети князя Юрия – Василий Косой и Дмитрий Шемяка, спасающиеся от родительского гнева [Карамзин 5: 260, 262; Щербатов: 469–474]. В 1449 г. князь Димитрий Шемяка подошел с большим войском к костромскому кремлю, где находился двор великого князя Василия Васильевича. Защитники города, воеводы Иван Васильевич Стрига и Федор Басенок с боярскими детьми, закрылись в городе и стойко отражали неоднократные нападения галичских ратников, в результате чего Шемяка вынужден был отступить от города [Щербатов 4: 566; Никоновская летопись 12; Миловидов: 91; Козловский: 63]. Около 1468 г. окрестности Костромы разорил казанский царь Ибрагим с войском и опустошил соседние волости, многих жителей захватив в плен. При этом, зная современную и мощную для того времени фортификацию Костромы, на город напасть не решился. Князь Иван Стрига Оболенский, узнав об этом, погнался за казанцами и дошел до р. Унжи, но не достиг Ибрагима [Щербатов: 10].

Таким образом, мы можем констатировать, что после смерти Василия Дмитриевича новый костромской кремль уже представлял собой классическую крепость с соответствующей линией фортификационных сооружений, которая выдерживала

неоднократные нападения врагов. Это был полноценный городской кремль того времени, который включал в себя определенный набор строений, в том числе соборный храм с местной реликвией. То есть, возвращаясь ко времени строительства Успенского собора, мы можем констатировать факт, что *на момент смерти великого князя московского Василия Дмитриевича (1425 г.) собор как законченный строительный объект уже существовал.*

Возвращаясь к вопросу о динамике жизни Успенского собора на основании анализа источниково-историографических данных и данных археологических исследований Е.А. Кабатовой и С.А. Кабатова в 2016–2017 гг. [Кабатов, Кабатова 2018], представляется возможным выделить 6 строительных периодов здания.

Первый связан непосредственно со строительством основного ядра Успенского собора. Хронологические рамки: 1416 (начало строительства Старого города второго костромского кремля) – 1425 гг. (смерть князя Василия Дмитриевича; на этот момент Старый город второго костромского кремля уже существует как полноценная крепость со всеми характерными для того времени элементами).

Второй строительный период связан с расширением (удлинением в южном направлении) собора. Причиной перестройки послужило следующее.

В субботу на Вербное воскресенье 1493 г. весь город, по сказанию летописи [Воскресенская летопись 8: 226; Тверская летопись 15: 501], был истреблен пожаром. Не был пощажен пожаром и Успенский собор, стоявший в центре городского кремля и имевший вплоть до второй половины XVII в. деревянную кровлю и деревянные полы. Вероятно, именно в это время и произошло первое расширение Успенского собора – пристройка его южной части, удлинившее храм в южном направлении. Построенный изначально с двумя столбами внутри, в Успенском соборе после перестройки (после 1493 г.) стало четыре столба и удлинилась форма средней части храма.

Протоирей Дмитрий Лебедев так описывает окончательный вариант храма после его перестройки: «Задняя стена основного ядра храма, имеющая в подвальной части, как и другие его стены, небольшие древнего стиля окна с железными решетками, находится и ныне под полом на том месте, над которым в самом храме находятся задние его столбы; но для основания и большей устойчивости этих столбов к задней, подвальной стене основного ядра храма приложена снаружи другая стена, закрывающая окна. Эта стенка на расстоянии 5 аршин и 9 вершков (395,6 см; здесь и далее перевод в современные единицы измерения осу-

ществлен авторами статьи) соединена в подвале каменным полуциркульным (бочкообразным) сводом с последнею ныне существующею от основания до кровли храма заднею стеною храма, образуя, таким образом, внизу новый, совершенно изолированный подвал около 7 сажень (14,93 м) длины и 5 аршин и 9 вершков (395,6 см) ширины. Размер кирпича в стенах этой пристроенной части храма $7 \times 3\frac{5}{8} \times 2$ вершка ($31,11 \times 16,11 \times 8,89$ см), а в основном ядре $6\frac{1}{2} \times 3 \times 1\frac{1}{4}$ вершка ($28,89 \times 13,33 \times 5,56$ см); степень его обжига (кирпич красный, хорошо обожженный) и чистота кладки стен наглядно показывают, что она строена позднее основного ядра собора и вполне соответствует качеству кирпича и кладке других построек времени Иоанна III, например московских соборов. Внутри храма по новой задней стене во всю ее длину, вероятно, при самой же кладке ее, устроены висячие хоры, вход на которые проделан в самой стене в левом углу. Под хорами посредине стены проложен вход в храм из южной галереи. А внизу стены для большей ее устойчивости снаружи на земле поставлены контрфорсы, существующие и до сего времени, ясно показывающие, что эта стена в свое время была наружною, а все облегающие храм галереи устроены позднее. Своды древнего храма, с удлинением его, по необходимости были переложены, а с тех пор Успенский собор своими коробчатыми сводами опирается одним концом на стены, а другим на четыре четырехгранных столба, соединенных между собою прямыми арками. На среднем между столбами парусном своде поставлен фонарь с купольным сводом. Весь храм во внутренности своей (от иконостаса) имеет 21 аршин 10 вершков (1537,97 см) длины и 20 аршин (1422,4 см) ширины. Есть достаточное основание предполагать, что самые стены храма для большей симметрии длины и ширины с высотой были тогда же, в размере опирающихся на верхний наружный карниз (около 4 аршин (284,48 см) высоты), подвышены. Характер выдающегося наружу верхнего карнизного пояса, на который опираются наружные полукружия, связывающие пилястры, таков, каким каменные стены обыкновенно заканчиваются вверху для опоры на него крыши. Да и самые своды храма опираются не на верх стен, а несколько ниже, именно на то место, где снаружи протянут карнизный пояс, так что расстояние между сводом и краем крыши таково, что около стен может согнувшись пройти человек. Вероятно, при (данной. – А. К., Е. К.) перекладке сводов храма воздвигнуты на них все существующие донныне пять глав¹, причем трибуна средней главы устроена с просветами, а трибуны угловых глав глухие, и все они украшены изящными полуколонками. Современная же форма покрытия глав в виде двух луковиц – большой и малой – это остаток уже позднейшего времени, последок пожара 1773 г. После этого же пожара 1773 г. разделаны

и существующие ныне в алтарях и стенах верхней половины храма, приподнятые с самого начала по старинному обычаю на 2 сажени (4,27 м) от пола щелеобразные прежде окна» [Лебедев: 100–111]. В описи собора 1702 г. говорится, что церковь еще в XVII в. освещалась 12 слюдяными оконцами [Сырцов: 511].

Таким образом, к XVI в. Успенский собор² получил те размеры, которые просуществовали вплоть до его разрушения в 1934 г. Высота его снаружи со стороны алтаря от земли до крыши составляла 14,93 м, ширина без галереи и пристроек – 19,2 м, длина по стенам со средним алтарным выступом – 23,6 м.

В течение XVI в. судьба Успенского собора ничем особо значимым не отмечена. Нет сведений о каких-либо пожарах, местных исторических событиях, новых кремлевских постройках, которые отразились бы на истории храма. Единственный документ, касающийся Успенского собора, – это несудимая грамота царя Феодора Иоанновича, данная в 1586 г. на имя протоиерея Алексия да попов Максима, Фалалея и Полиевкта с диаконами и их преемников. Этот документ дан был вместо подобной ветхой грамоты времени великого князя Василия Иоанновича [Островский: 195–199]. Из этой грамоты следует, что в соборе XVI в. существовал «многокомплектный причт» из протопопов, двух священников, нескольких диаконов и псаломщиков. Протопоп собора именуется здесь то протопопом соборной церкви Феодора Стратилата, то пречистенским, то просто костромским. По мнению Д.И. Лебедева, если сопоставить содержание грамоты с содержанием костромских писцовых книг 1628–1630 гг. о том, что в начале XVII в. древний деревянный храм Феодора Стратилата стоял на Мшанской улице без пеня, то логично предположить, что в XVI и XVII вв. деревянный соборный храм Феодора Стратилата уже перестал существовать как самостоятельный и был приписан к новому каменному кремлевскому собору, носившему разные наименования [Лебедев: 112].

Основными источниками исторической топографии Костромы XVII в. принято считать писцовые книги 1628–1630 гг., «письма и меры Ивана Бутурлина, да подьячих Ост. Колюпанова, Ив. Злобина, князя Волконскаго» и других, написанные в царствование благоверного государя Михаила Федоровича [ПКК, 2010]. Данный источник содержит довольно подробное описание города с землями, строениями и населением, разных его угодий и промыслов. Другой важный документ – план г. Костромы от 1753 г. (рис. 1) с объяснительной запиской. По этим двум документам видно, что Успенский собор в XVI и XVII вв. находился в центре кремля, известного под названием Старый город³. Название Старый город, вероятнее всего, появляется, когда посадскими жителями

с разрешения великого государя Михаила Федоровича был построен в 1619 г. Новый город [Кабатов, Кабатова: 15, рис. 9]⁴, расположенный на участке, именованном Китай-город, между кремлем и р. Сулой и занимаемый торговой площадью, лавками и Брагиной улицей, на случай осадного положения [Баженов: 1905]. Кремль после строительства Нового города описывается в Постатейной росписи костромского кремля⁵. Ко второй половине XVII в. г. Кострома во главе с Успенским собором состояла из кремля, или Старого города, Нового города и трех посадов: Вознесенского во главе с главным Вознесенским храмом на Дебре⁶, верхнего – на северо-востоке за Новым городом во главе с Троицким кремлевским собором⁷ и нижнего посада по берегу р. Волги и при устье р. Костромы с главной древней церковью Феодора Стратилата⁸. Город окружали несколько слобод, разбросанных на окраинах: Ямская слобода⁹ в юго-восточной части города за церковью Всех Святых; Кирпишная слобода¹⁰, расположенная вокруг Власьевской церкви; Кузнечная (Кузнецы)¹¹; Гашеева – за церковью Алексея человека Божия¹²; Полянская¹³ – за Богоявленским монастырем по направлению к р. Запрудне (эта слобода находилась

в то время во владении Троице-Сергиевой лавры) и Пищальная слободка¹⁴, населенная воинами-пищальниками и расположенная вблизи Богоявленского монастыря и Полянской слободы [Баженов 1889: 22, 26–27, 44, 46, 48, прим. 20, 30, 32, 56–57, 66]. В пределах города находилось пять монастырей: Крестовоздвиженский, Ипатьевский, Спасо-Запрудненский, Богоявленский, Ризоположенский (женский) и 35 приходских церквей, не считая того, что при 19 из них было по два отдельных храма. Все церкви в городе были деревянные, кроме каменного Успенского собора, неизвестно когда построенного, второго Троицкого собора и главного каменного Богоявленского храма в Богоявленском монастыре, построенного в 1559–1565 гг. по образцу Успенского собора, на подклетах и с пятью большими главами.

В кремле, при Успенском соборе, существовала другая церковь, теплая, деревянная, во имя Похвалы Пресвятой Богородицы. Местонахождение этой церкви неизвестно, нет никаких косвенных указаний. Возможно, она находилась в 60 м к востоку-северо-востоку от Успенского собора. Подобное позволяют предположить выявленные при археологических исследованиях 2019 г. С.А. Каба-

Рис. 1.

товым остатками валунного основания, на которых сохранились остатки кирпичной кладки и известкового раствора [Кабатов 2019]. Свидетельством ее существования являлся только образ Похвалы Пресвятой Богородицы, писанный на холсте, хранившийся некогда в соборном приделе Феодора Стратилата. Рядом с Успенским собором находилась и колокольня (точное местонахождение неизвестно, установлено только, что она стояла где-то с юго-восточной стороны собора; время строительства тоже неизвестно, вероятно, не ранее XVI – начала XVII вв.), по описи 1737 г. – «о шти (6) жильях». На ней было 7 колоколов: «большой благовестный» в 200 пудов (подарок государя Михаила Федоровича), в 24 пуда, 15 пудов, два по 8 и два по 4 пуда. В пожаре 1773 г. эта колокольня разрушилась, а колокола расплавились. До этого пожара порядка 75 м к северо-востоку от наружной границы центральной апсиды алтарной части Успенского собора по оси здания юг – север, на месте разрушенных в середине 1730-х гг. триумфальных ворот ограды, стояла разваливающаяся каменная церковь другого (посадского) собора Живоначальной Троицы [Кабатов, Кабатова: 15, рис. 9] с приделом преподобного Сергия. На то, что этот собор в то время имел прихожан, указывает наличие некрополя, чего не было в случае с Успенским собором и старым деревянным собором Феодора Стратилата на Мшанской улице [Баженов 1889: 17, 36; Костромская десятина жилых церквей 1628–1746 гг.: § 32]. После пожара 1773 г. церковь Троицкого собора была разобрана. К востоку от Успенского собора, на месте построенного в 1776–1791 гг. С.А. Воротиловым теплого Богоявленского собора (взорван в 1934 г.), находился Крестовоздвиженский мужской монастырь с двумя деревянными церквями и деревянной шатровой колокольней. «Когда и кем основан этот монастырь, неизвестно. При нашествии поляков на г. Кострому в 1608 г. обитель эта подверглась разорению, причем настоятель и братия были умерщвлены, но затем обитель была снова восстановлена. В 1681 г. она была обращена в женский монастырь, а после большого пожара 1773 г., уничтожившего монастырские здания, была совсем упразднена, и сестры переведены в Анастасийн монастырь, который с тех пор стал известен именем Крестовоздвиженского женского монастыря» [Лебедев: 173].

Третий строительный период Успенского собора

Со второй половины XVII в. каменное строительство в Костроме значительно активизировалось.

В 1654 г. Успенский собор подвергся большому пожару, начавшемуся со стоящей на расстоянии от него в 8,5 м теплой деревянной церкви Троицкого собора и съезжей избы¹⁵. Это инициировало некую реконструкцию здания; одновременно собор был обнесен с трех сторон глухой каменной галереей.

Возможным поводом и неким образцом для этого могли быть подобные галереи при Воскресенском храме и Троицком храме Ипатьевского собора. Устройство крытых галерей при каменных храмах вообще является одним из характерных признаков того времени. После пристройки галерей Успенский собор обрел, за исключением пристроенного позднее храма Феодора Стратилата, пристроенных после пожара 1773 г. каменных сторожек и входной ротонды, ту архитектурную форму, которая просуществовала вплоть до уничтожения собора.

Четвертый строительный период связан со строительством придела великомученика Феодора Стратилата.

В 1654 г. в кремле случается очередной пожар, который коснулся не только Успенского собора и соседних с ним деревянных строений, но повредил и стены кремлевских укреплений. По повелению государя Алексея Михайловича с 1662 г. была начата основательная реконструкция стен и башен, валов и рвов как в Старом, так и в Новом городе. В этих мероприятиях были задействованы кроме костромичей монастырские крестьяне Ипатьевского и Богоявленского монастырей и посадские люди из Нерехты и Больших Солей [Селифонтов]. В 1679 г. вокруг Успенского собора выгорает множество окружающих собор деревянных построек, сгорела большая половина Нового города и посадов. При этом пожаре в кремле сгорели кельи 40 проживающих при соборе монахинь, питавшихся подающими богомольцев. Эти монахини после пожара были переведены в сохранившийся от пожара кремлевский Крестовоздвиженский монастырь, преобразованный после этого события из мужского в женский (существовал в кремле до 1773 г., когда он сгорел и был упразднен). Пожар 1679 г. не причинил собору серьезных повреждений¹⁶.

Придел великомученика Феодора Стратилата изначально находился в правом предалтарии Успенского собора (в диаконнике). В 1666 г., после постройки галерей, он был пристроен с западной стороны собора в виде отдельного примкнутого храма, с особым ходом из окружающей собор галереи, со своей главой, с алтарем, обращенным на север, как и собор¹⁷. После его строительства внутри Успенского собора придел был упразднен. При постройке храма Феодора Стратилата галерея, окружающая собор и заменяющая паперть, уже существовала, и новый храм как бы расширил Успенский собор в западном направлении. Свод придельного храма Феодора Стратилата своей восточной частью опирался в основном на свою собственную восточную стену, примыкающую к западной стене основного ядра храма. В результате строительства новой конструкции стены Успенского храма в подвальной части, а также после первого его расширения в конце XV в. и позднейших пристроек галерей оказались сжатыми со всех сторон. Это

привело к тому, что основное ядро храма получило особенную прочность и устойчивость, несмотря на то, что ему более 200 лет и построен он из кирпича не самого лучшего обжига.

По свидетельству протоирея Дмитрия Лебедева, «придельная церковь во имя великомученика Федора Стратилата, устроенная из продолговатого (алого) кирпича (31,11×16,11×8,89 см), в два этажа, на булыжном фундаменте, по известковому цементу, составляет со стенами правильный квадрат в 13 аршин (27,74 м), кроме алтаря – в одно полукольце. Первоначальное назначение нижнего этажа, в котором по высоте и поместительности мог бы быть устроен и другой храм, неизвестно. В настоящее время (момент написания исследования – 1912 г. – С. К., Е. К.) это помещение, ровно как и другие подвалы под галереями собора, сдаются в аренду торговцам для склада деревянного масла и других товаров. Высота всего Феодоровского храма в стенах 5 сажень $\frac{1}{2}$ аршина (1102,36 см), с крестом же 12 сажень $1\frac{1}{2}$ аршина (2561,39 см), высота алтаря – 11 аршин (782,32 см). Толщина стен внизу $2\frac{3}{4}$ аршина (195,58 см). Снаружи храма от 1666 г. до настоящего времени (момент написания исследования – 1912 г. – С. К., Е. К.) сохранились некоторые внешние украшения, свидетельствующие о древности его построения, таковы, например, тройной круглый пояс посредине здания, под глухой главой цельный фонарь с кокошниками внизу, испещренный узкими, продолговатыми (фальшивыми) оконцами, с тонкими между ними колонками, перепоясанными переимами, которые имеют не меньшую толщину против самих колонок. Эти колонки оканчиваются вверху мысообразными двойными теремками. Глава увенчивается восьмиконечным прорезным крестом, имеющим в своем подножии полулуние. Прочие украшения или вообще наружный вид придельной церкви, и особенно трапезы, ясно дает знать о возобновлении ее в позднейшее время» [Лебедев: 137–140].

Существовавшая при соборе опись соборного имущества, составленная в 1702 г. и проверявшаяся в 1737 и 1745 гг., фиксировала Успенский собор уже практически в том виде, что мы можем наблюдать в фотоматериалах конца XIX – начала XX в. По описи 1702 г. собор назван уже прямо «церковью Успения Пресвятой Богородицы». Опись характеризует внешний вид следующим образом. Это каменный собор на подклетах с пятью главами. «На средней главе крест железный, золоченный сусальным золотом по меди, цепи железные, луженые. Самая глава опаяна белым немецким железом. На остальных четырех главах кресты железные, опаяны белым немецким железом, с цепями. Самые главы обиты муравленой зеленой черепицей. Галереи с коробковым сводом, имеющие по наружным стенам высоту с восточной стороны

817,88 см, с юго-западной – 1209,04 см. Церковь и паперть были покрыты тесом. Стены церкви снаружи в некоторых небольших углублениях под крышей расписаны стенным письмом. В соборную церковь к приделу, устроенному и примкнутому к собору с западной стороны, в 1666 г. устроены каменные лестницы со сводами и крыльцо четырехугольное на четырех столбах с висячими на гирьках арками» [Лебедев: 142–143]. «Над входом (главным. – С. К., Е. К.) шатер деревянный, на шатре глава небольшая опаяна белым немецким железом; крест железный вызолоченный... Из паперти в собор два входа: с восточной и южной стороны, затворяющиеся железным глухим и железно-решетчатым затвором. Церковь освещается 12 окнами со слюдяными оконцами. Своды собора, увенчанные пятью главами, изнутри поддерживаются четырьмя четырехгранными колоннами. Высота собора внутри определяется приблизительно тем, что стены и колонны для стенной живописи от полу до сводов были разделены, как и теперь, на пять частей. Словом, собор с начала XVIII в. представляет, в общем, положительное сходство с нынешним собором [Костромские епархиальные ведомости: 511]. С учреждением в 1774 г. самостоятельной Костромской епархии в соборе было устроено особое архиерейское место, особый амвон на середине храма для архиерейского служения и отдельно – проповедническое место.

Вплоть до страшного пожара 1773 г. Успенский собор не имел строительных и архитектурных работ. До этого пожара Успенский собор состоял из двух зданий: холодного собора с приделом Федора Стратилата и каменной низкой шатровой колокольни (рис. 2)¹⁸. К собору примыкали с северо-запада деревянная церковь преподобного Геннадия Любимградского и деревянный воеводский дом, а восточнее простиралась территория Крестовоздвиженского девичьего монастыря, обнесенного низкой деревянной оградой с небольшими башнями. Монастырь вмещал внутри небольшую каменную церковь в память Воздвижения Креста Господня с небольшой каменной шатровой колокольней и 10 бедных, деревянных кое-где раскиданных иноческих келий. Все эти здания сгорели в пожаре 1773 г.¹⁹ В кремле после пожара остался только Успенский собор с колокольней без колоколов в аварийном состоянии.

Пятый строительный период Успенского собора

Строительная комиссия по обновлению собора после пожара 1773 г. доносила в 1775 г. костромскому епископу о последствиях пожара, по словам протоирея Дмитрия Лебедева, следующее: «1. Во время пожара в Успенском соборе сгорели пол деревянный, иконостас, престол, жертвенник; при колоннах, поддерживающих своды собора, место архиерейское, место проповедническое, кюты для

образов, шкафы в стенах, слюдяные оконцы в деревянных переплетах, словом, все деревянные подделки внутри и снаружи. От жара разорвались пять железных связей. На церковных стенах и сводах нижних палаток образовались трещины и язвы. Штукатурка под стенным письмом по стенам и сводам в церкви и в алтаре от жару во многих местах обвалилась и живопись испортилась. 2. В придельном храме святого великомученика Феодора Стратилата сгорели деревянный пол, иконостас, престол, жертвенник и оконницы в деревянных рамах. Входные железные двери изломались. 3. Во всех папертях, окружающих собор, сгорели деревянные полы, входные лестницы, двери, оконницы и деревянные крыши. Стенное письмо²⁰ тоже повреждено. 4. Каменная колокольня, имеющая деревянные полы, перила и колокольные балки, обгорела так, что большой, 1004-пудовый колокол, немного более десяти лет повешенный на колокольню, упал с верхнего яруса донизу, проломив своды, и разбился. Несколько малых колоколов растопились. Шатровый верх на колокольне с главою свалился. Железные колокольные часы сгорели и сломались. Все железные связи разорвались, отчего на стенах образовались трещины. Стены колокольни стали настолько непрочны и опасны, что их после пожара пришлось совершенно разобрать. В соборе сгорело множество икон, книг и документов, церковной утвари и облачений, всего 459 предметов на сумму 28 544 рубля 73 коп.» [Лебедев: 167].

Но при всем при этом сам Успенский собор в плане несущих конструктивных элементов остался цел. Реконструкция собора требовала очень больших средств, чего у собора почти не было. В результате несколько лет собор оставался без богослужения. Главная реликвия – чудотворная Федоровская икона Богородицы – через неделю после пожара из Ипатьевского монастыря была перемещена на древнее свое место пребывания в новую Федоровскую (или так называемую Богоотцовскую) церковь на Мшанской улице, где находилась до осени 1776 г. Императрица Екатерина II, узнав о постигшем Кострому бедствии, в 1775 г. выделила на возобновление сгоревшего собора из Государственной коллегии экономии 12 000 рублей. В результате начавшейся реконструкции была разобрана каменная колокольня, а на месте ее выстроены каменные палатки для сторожей и ризницы; сломано ведущее в собор четырехугольное каменное с висячими на гирьках арками крыльцо и вместо него устроено с северной стороны круглое крыльцо в виде красивой, но нарушившей общий стиль храма ротонды²¹ [Островский: 63–64]. Из ротонды под аркой (высота 431 см., ширина 377,82 см) крытый с пятью широкими полукруглыми окнами через лестницу в 14 ступеней и шириной 409 см вел ход в устроенную на высоких подклетах и окружающую собор с трех сторон проходную вы-

сокую галерею или паперть (восточную), крытую сводом в форме короба. Все галереи и пол внутри Успенского собора и придела были устланы чугунными плитами. Древние узкие окна в Успенском храме и алтарях были расширены, слюдяные оконницы заменены стеклячатыми, а некоторые окна (три на север и одно на запад) совсем заделаны, так что из 12 осталось только 8. Кровли и главы собора покрыты новым железом. Для богослужения в первую очередь был реконструирован придельный храм Святого Феодора Стратилата и освящен в 1776 г., а чудотворный образ Богородицы возвращен из Богоотцовского храма. На следующий год (1777 г.) освящен Успенский собор, после чего началась реконструкция стенного письма. Стенопись писали ярославские иконописцы во главе с живописцами Д. Коптеловым и А. Денисовым. Тогда же в соборе был поставлен изящный многоярусный, существовавший вплоть до разрушения храма иконостас высотой почти 12 м. В том же 1777 г. на месте прежнего женского Крестовоздвиженского монастыря был торжественно заложен теплый каменный Богоявленский собор с четырехъярусной колокольной (64 м). В этом же десятилетии площадь, где стояли оба собора, была обнесена каменной оградой с тремя въездными воротами [Островский: 54–56].

В 1779 и 1789 гг. в Костроме вновь были мощные пожары. Однако Успенский и Богоявленский соборы, защищенные к тому времени каменной оградой, пожары не заделали²².

Шестой строительный период Успенского собора

В XIX в. единственной капитальной перестройкой Успенского собора было расширение в 1834 г. придельного храма Святого Феодора Стратилата за счет составляющей его притвор западной галереи. Полукруглый небольшой алтарь в верхней половине храма, начиная от пола, был несколько расширен и в стенах его были пробиты три окна; на боковой наружной стене сделаны близко друг к другу три новых больших окна, завершающиеся четвертым полукруглым окном. Узкий притвор, или неправильной формы трапеза, образовавшаяся при строительстве придельной церкви из западного крыла галереи, был расширен за счет строительства новой продольной стены с пятью окнами. Теперь этот притвор является как бы продолжением самого храма. Западная стенка западной галереи теперь как бы «шла заподлицо» с западной стенкой придела, образуя единую стену собора (рис. 2). Из пяти боковых трапезных окон средние своим положением теперь симметрично соотносились с церковными. На новой стене трапезы был устроен трехугольный фронтон, мало гармонирующий с общим стилем храма. Задняя стена придельного храма, отделявшая его от галереи или притвора, и имевшая в прежнее время тесную и низкую арку, была рас-

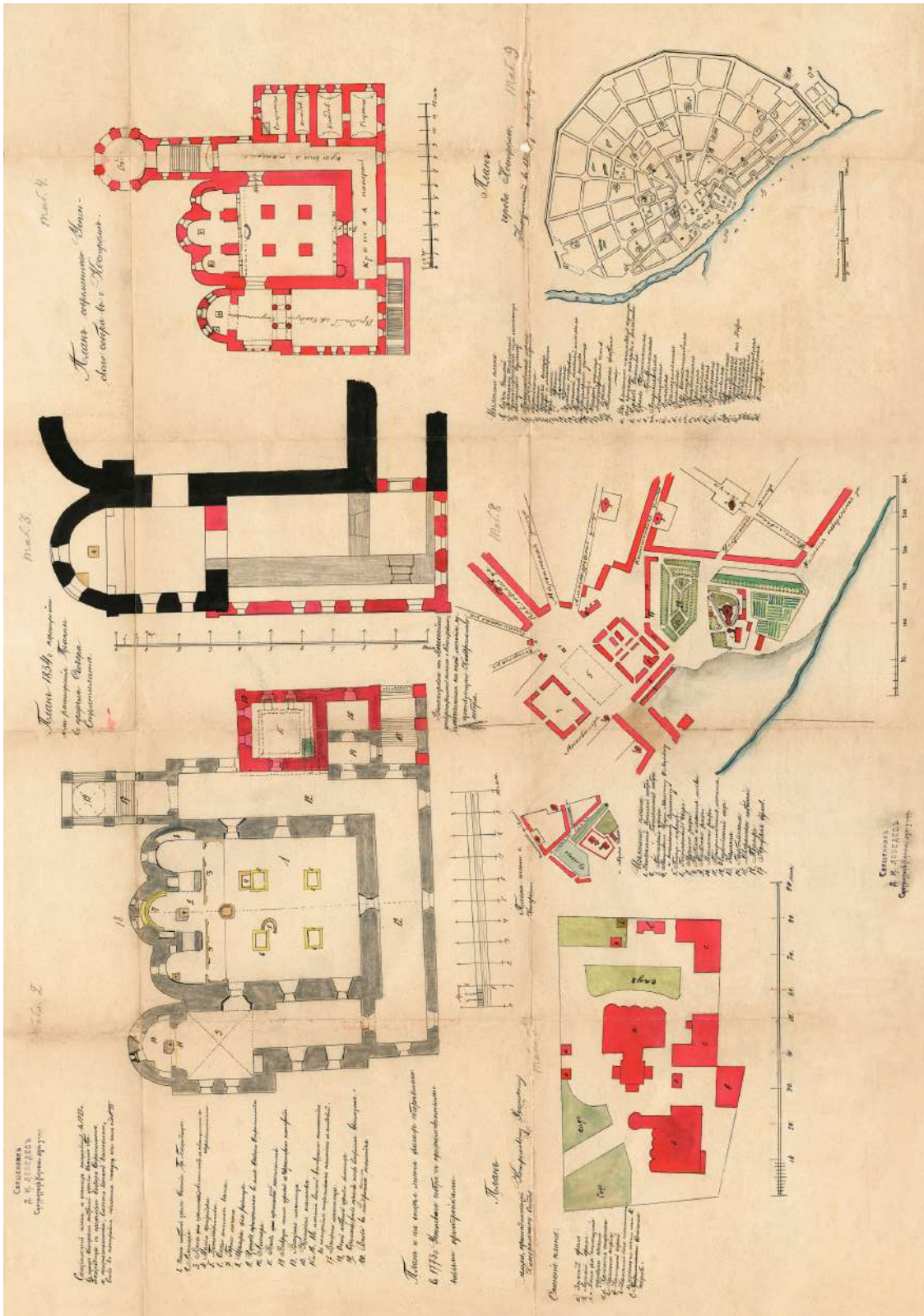

Рис. 2.

ширена по прямой линии на 6,4 м, высотой 3,38 м. и как бы подвешена, опираясь на 4 круглые, подставленные под нее квадратом массивные колонны, покрытые искусственным мрамором. Храм, состоящий внутри из семиметрового квадрата, получил высокий котловый свод, покоящийся на четырех стенах. В 1835 г. Успенский и Богоявленский соборы были признаны кафедральными вместо Троицкого собора Ипатьевского монастыря, бывшего кафедральным со дня учреждения Костромской епархии в 1744 г. В 1855 и 1882 гг. живопись на стенах внутри Успенского собора и в галереях была правлена, а в начале XX в. были заново позолочены и все главы собора [Сырцов: 22].

Примечания

¹ Из истории обновления Успенского собора после следующего пожара 1654 г. известно, что он до этого пожара имел кровли, очевидно деревянные, и главы, которые только после этого пожара были опаяны железом [Сырцов: 510].

² Исключение – пристроенные позже восточная, южная и западная галереи, придел Федора Стратилата и ротонда.

³ Старый город второго костромского кремля в начале XVII в. представлял собой благоустроенную крепость, вооруженную и довольно населенную. Крепость состояла из земляной дугообразной насыпи, похожей на железнодорожные насыпи (высота местами достигала 10,67 м, длина в окружности – 1091,33 м). Концы насыпи упирались в р. Волгу. Насыпь с трех сторон была окружена глубокими рвами, с перекидными напротив выходов в Новый город и в посады мостами. На насыпи стояло 14 рубленых клетками деревянных башен. В некоторых башнях были ворота. Башни соединялись тыном из толстых бревен высотой 5,33 м, основание которых ставилось в борозду. «Под верхом (под крышею) были полати с боем и подкатами» [Баженов: 20]. Был даже тайник – тайный подземный выход из крепости к р. Волге, откуда в случае осады можно было брать воду. Пред главными Спасскими воротами [Кабатов, Кабатова: 15, рис. 9] в Новый город через ров был устроен на клетках мост, ширина которого 10,67 м. Этот мост существовал до конца XVII в., когда он и был уничтожен, а ров, через который он был перекинут, засыпан. В кремле было три улицы: большая улица тянулась от Спасских ворот к водяным воротам; на эту улицу выходил переулочек. Здесь было расположено много казенных зданий, осадных дворов и до 191 частных домов. Невдалеке от Успенского собора к северному валу находился деревянный Воеводский двор (порядка 49 м длиной и 36 м шириной). Из казенных зданий здесь помещались съезжая изба с сенями, где сидели воеводы и приказные люди (воеводская канцелярия), губная изба (судебное учреждение для разбира-

тельства уголовных дел), караульная изба, тюрьма, четыре житницы государевы, кузница казенная. Здесь же находились дворовое место пушкарское и осадный колодец. В этой части кремля были расположены дома князей Барятинских, Волконского, Вяземского, Гагарина, Збарецкого, Козловского, Куракина, княгини старицы инокини Ирины Ивановны Мстиславской, княгини Троекуровой, бояр Салтыковых и Шереметьевых; стольников Годунова и Карпова; дьяков Головина, Данилова и Лихачева. Большая часть осадных домов (всего 84) составляли собственность разных дворянских семейств [Баженов: 21]. Здесь жил и военный гарнизон, состоящий из стрельцов, пушкарей, воротников и т. д. В кремле находилось и семь осадных дворов, которые принадлежали костромским монастырям: Ипатьевскому, Богоявленскому (два двора), Троице-Сергиевой лавре и московским монастырям: Новоспасскому, Чудову и Новинскому. Из частных домов многие принадлежали знатнейшим фамилиям князей, бояр, стольников, дьяков и разных дворянских семейств [Баженов: 21]. Особо обращает на себя внимание собственный дом матери царя Михаила Федоровича, инокини Марфы Ивановны (в миру боярыня Ксения Шестова), который находился вблизи Успенского собора на месте северо-западного угла соборной ограды. О нем так говорится в писцовых книгах «Письма и меры Ивана Бутурлина»: «В Старом городе. Переулочек на большую улицу к водяным воротам. Двор осадной великия государыни иноки Марфы Ивановны. Двора в длину семь сажень без четверти, поперег полсемьи сажени, опричь спорные земли Здвиженским монастырем. В длину полдевяты сажени, поперег пять сажень с четвертью» [ПКК: 21]. Протоирей Дмитрий Лебедев предполагает, что в этом доме рядом с собором боярыня Ксения Ивановна Шестова – Романова и ее юный сын Михаил Федорович жили временно с 1606 г. [Лебедев: 121]. Отсюда же они по различным обстоятельствам могли отъезжать в Москву или в свое вотчинное село Домнино, отсюда же они спасались за крепкими стенами Ипатьевского монастыря, укрываясь от поляков [Островский: 31–40]. Обилие в кремле частных домов знатных фамилий дает основание предполагать, что в Смутное время в начале XVII в. многие из московских бояр и князей искали себе верное убежище от опасностей в Костроме, находящейся в это время ближе к периферийной зоне ойкумены Московского государства. По такому убеждению они и устраивали осадные для себя дворы близ собора, считая себя некоторым образом прихожанами соборной церкви, в которой находилась чудотворная Федоровская икона Заступницы Божией Матери.

⁴ Строительство дополнительных укрепительных сооружений было вызвано тем, что в 1618 г. польский королевич Владислав, осаждавший с вой-

ском Троице-Сергиеву лавру, отправил сильный отряд в галичские, костромские и ярославские земли. К счастью, это войско не достигло ни Костромы, ни Галича, поскольку 24 ноября оно было разбито воеводой Бутурлиным в Ильине, в поместье Нефедьева (Ярославская область). Логично предположить, что именно это послужило мотивацией строительства к северо-западу от кремля вокруг торговой площади и рядов «на случай осадного положения» деревянной стены с 23 башнями и 6 воротами, выкопав около нее с восточной и северной стороны ров с перекидными мостами. Строительство заканчивается в 1619 г. Огороженная территория, которая ранее именовалась как Китай-город, теперь стала называться Новым городом. Новый город отличался от Старого тем, что в нем не было вала. Новый город находился на участке от кремля до речки Сулы и Анастасиина монастыря и от Волги до церкви Воскресенской и Благовещенской [Кабатов, Кабатова: 15, рис. 9].

⁵ Список (копия) именной перечневой росписи служилых людей города Костромы и постатейной росписи костромского кремля 1678 года, подробно описывающей стены и башни Старого и Нового города с имеющимся там вооружением, собраны в дореволюционное время членами Костромской губернской ученой архивной комиссии. Список, выполненный скорописью в первой половине XVIII века, хранился в Государственном архиве Костромской области (ГАКО, ф. 179 (Костромская губернская ученая архивная комиссия), оп. 3, д. 122) и в 1982 году был утрачен во время пожара в архиве. Однако текст росписи сохранился в фотокопии на микрофильме. Первая публикация полного текста росписи была осуществлена Н.А. Зонтиковым [Зонтиков: 31–400]. Приводимый нами документ в Приложении 5 опубликован в сборнике материалов [костромский кремль: 63–72]. Здесь для публикации использовалась рукописная копия, выполненная А.А. Григоровым, и публикация текста документа дается по микрофильму, изготовленному в 1974 году и запечатлевшему утраченный список XVIII века. Этот текст имеет некоторые отличия от публикации 2002 года.

⁶ Вознесенский храм (построен в XVII в.) для Вознесенского посада был своим соборным храмом. Об этом свидетельствует тот факт, что в конце XVII в. при нем был протопоп, чего в то время в простых приходских церквях не допускалось [Костромская десятина: § 5].

Посад формируется вокруг радиальной улицы, «идушей от центра на юго-восток, берущей начало от современной ул. Чайковского (бывшей Ильинской) и тянущейся до Черной речки, служившей естественной исторической границей города на востоке. Улица проходит по нижней надпойменной береговой террасе у самого подножья берегового холма, что предопределяет односто-

ронную застройку 3 и 4 кварталов (по четной стороне), противоположная сторона – это довольно крутой склон с диагонально проходящим подъемом к улице Дзержинского (бывший бульвар Муравьевка). На всем своем следовании она делится на равномерные кварталы поперечными улицами Горной (бывшей Богословской) и Подлипаева (Воскресенской), а также идущими к Волге короткими переулками – Мельничным (Вознесенским), Коротким (Никольским), Газетным (Валовая ул., позже Набережный пер.) и Крупяным (Стефано-Сурожским, или Стефановским).

Историческое название улицы – Дебринская, или Верхне-Дебринская. Возникновение ее, по преданию, относится к середине XIII в.: в 1260-х гг. костромский князь Василий Ярославич вырубил росший на месте церкви Воскресения на Дебре сосновый бор (дебрю) и построил здесь псарню для охотничьих собак и дома для псарей. Однако с уверенностью можно говорить о возникновении здесь городского посада лишь в XV–XVI вв. Пролегавшая здесь улица начиналась от крепостного рва, проходившего по линии нынешней ул. Чайковского и засыпанного только в конце XVIII в., и продолжалась до храмового комплекса, состоявшего из двух деревянных церквей: шатровой Воскресения на Дебре и клетской Козьмодемьянской. На начальном отрезке Дебринской улицы располагались, по-видимому, торговые сооружения: известно, например, что в конце XVIII в. в первом квартале улицы по четной ее стороне находились Мясные ряды, состоявшие из 18 деревянных лавок и снесенные за ветхостью около 1830 г. Застройка конечного отрезка улицы – за церковь Воскресения на Дебре – оформилась лишь во второй половине XVIII в.: сюда были переселены ямщики с Ивановской ул. – именно поэтому некоторое время улица в этой части называлась Ямской. Большую роль в сложении ее облика играли церкви Стефана Сурожского и Николая Чудотворца «по конец со всполья», стоявшие у Черной речки на берегу Волги и служившие живописным фоном для небольших деревянных домиков конечного отрезка улицы.

Опустошительный пожар 1773 г. почти полностью уничтожил деревянную застройку, сохранив лишь переведенные в камень сооружения храмового комплекса церкви Воскресения на Дебре. В соответствии с регулярным планом 1781–1784 гг. Дебринская улица была спрямлена и определена под жилую застройку усадебного типа с главными зданиями, выходящими на красную линию, и служебными постройками в глубине двора. На среднем и конечном отрезках улицы застройка была более разнообразна по своему функциональному назначению: здесь в конце XVIII – начале XIX вв. разместились полотняная фабрика Ознобихиных, отбельная Пыпиных и кожевенный завод Рукавишниковых, существовавшие до сер. XIX в.

Несомненно, главным градостроительным акцентом в уличной застройке служил храмовый комплекс с церковью Воскресения на Дебре. Еще в 1645–1651 гг. деревянный Воскресенский храм был заменен существующим нарядным каменным, с оградой и шатровыми воротами, а вместо Козьмодемьянской церкви в конце XVII в. была выстроена каменная церковь Георгия (Знамения), к которой в начале XIX в. была пристроена монументальная четырехъярусная колокольня. Из храмового комплекса у Черной речки была в 1780 г. восстановлена церковь Стефана Сурожского с одноглавым двусветным четвериком, компактной трапезной и стройной колокольней.

Первоначально застройка на всем протяжении улицы была двухсторонней, но в 1820-х гг. здания, стоявшие у подножия холма по нечетной стороне 3-го и 4-го кварталов, были сломаны, вместо них была посажена аллея, а по склону холма спроектирован бульвар. Самые ранние дома по регулярному плану появились на Дебринской ул. в ¼ XIX в. Это двухэтажные кирпичные оштукатуренные здания в 5–9 оконных осей по уличному фасаду, некоторые по образцовым проектам декорированные в стиле классицизма (№№ 6 А, 11–13, 16/7, 18, 39, 48). Как и в других местах центральной части Костромы, сооружения, закрепляющие углы кварталов, нередко имеют скругленные углы (дома № 1/13 и 2/15 у перекрестка с ул. Чайковского, дом № 7/16 у перекрестка с ул. Горной). Среди жилой застройки в 3 квартале (на месте владения № 36) стояло небольшое скромное здание городского театра, основанного в 1820 г. и находившегося здесь до середины XIX в. – вплоть до строительства нового театрального здания на Павловской улице (просп. Мира, 9). Последняя четверть XIX в. – время активного промышленного строительства – отразилось и в облике Дебринской улицы. В средней и конечной частях улицы по ее четной стороне, начиная с 3-го квартала, было основано несколько производственных комплексов: в 1879 г. возведена паровая мельница Аристова, в 1880 г. – винокурный завод И.П. Третьякова, в 1883 г. – маслобойный завод Н.А. Толстопятова. Только в 3-м квартале выходящие на красную линию застройки, крупные производственные корпуса существенно изменяют масштабную среду улицы, в остальных случаях они располагаются в глубине участков, оставляя место вдоль улицы небольшим деревянным жилым домам. В советское время улица получила название ул. Кооперации и является одним из наиболее цельных градостроительных комплексов города. При хорошей сохранности жилой застройки исторический облик улицы значительно пострадал от исчезновения вертикальных ориентиров, которыми служили культовые здания: в советское время снесен храм Стефана Сурожского, утрачена колокольня храмового комплекса церкви Воскре-

сения на Дебре. В 1960-е гг. в связи со строительством моста через Волгу была снесена значительная часть застройки в кварталах, прилегающих к ул. Подлипаева, а построенное рядом с комплексом Федоровской общины здание онкологического диспансера уменьшило градостроительную роль этого памятника, особенно в панораме центральной части города со стороны Волги» [Памятники архитектуры КО: 123–125].

Качественное содержание посада хорошо представлено в Писцовой книге Костромы [ПКК: 37, 46–47, 88–91, 97–98, 102–105, 115–116, 271–273, 337–338].

⁷ «Церковь с трапезою Введение Пречистые Богородицы... да место церковное Троицы Живоначальныя» находилась между Троицким переулком и Богоявленской улицей, к северу от Богоявленского монастыря.

Богоявленский переулок соединял дорегулярные Злотоустовскую и Богоявленскую улицы, а далее на север стыковался с Троицким переулком и ограничивал с юга Пищальную слободу.

Качественное содержание верхнего посада хорошо представлено в писцовой книге Костромы [ПКК: 71–72, 153–157, 278–279].

⁸ Рыбная слобода начиналась к югу от Мшанской улицы (она ограничивала ее с севера) и тянулась к Волге; с востока ее ограничивал переулок Успенский, с запада – перекресток улиц Мшанской, Подгорной и Набережной Екиманской. Последняя, кроме того, проходила через всю слободу по диагонали с ЮЮВ на ССЗ.

Качественное содержание нижнего посада хорошо представлено в писцовой книге Костромы [ПКК: 171, 183–185, 337].

⁹ Ямская слобода начиналась от Крупяного переулка до р. Черной. Возникла на земле крестьян деревни Черной (склон от коренника к Черной речке); заселена ямщиками, переведенными сюда после пожара 1773 г. с Ивановской улицы. В 1808 г. вошла в черту города и имела на тот момент 22 стоящих вразброс дома. Образовала линию улицы в 1910-х гг., начало четной стороны улицы застроено в 1927–1928 гг. и до середины 1930-х гг. входило в состав улицы Дальней. До 1925 г. Ямская слобода, до 1945 г. – улица Ямская Слобода.

В город из Ямской слободы можно было попасть через Борисоглебский монастырь.

Эта улица в писцовой книге Костроме значится как «Улица из Ямские слободы через Борисоглебский монастырь к городу», ориентирована ВЮВ – ЗСЗ, начиналась от существующего поныне оврага вдоль современной улицы Подлипаева, впадающего основанием в пойму Волги, в районе церкви «...Всех Святых да предел святыя Христовы мученицы Парасковей, нарицаемые Пятницы... Да церковь... великого чудотворца Николы», что «На горе на Осташеве поляне у Ямские слободы» (восточно-северо-восточная часть квартала 118) и тя-

нулась до *Борисоглебского монастыря* (Борисоглебский монастырь располагался на мысовидной подтреугольной в плане площадке, образованной коренным берегом Волги и оврагом [*Ивановский вражек* – ПМК: 273]). Монастырь находился в начале улицы, которая от него тянулась в Ямскую слободу, проходя через него (участок стыковки современных улиц Нижняя Дебря и Дзержинского/Муравьевка).

Качественное содержание Ямской слободы хорошо представлено в писцовой книге Костромы [ПМК: 111–113, 272–273].

¹⁰ Дорегулярная улица *Глазова* сформировалась в западной части города и явилась образующей для Кирпичной слободы. В южной части она начиналась к СЗ от перекрестка современных улиц Островского и Депутатской и тянулась к северу практически до перекрестка улиц Ерохова и Симановского, где делала плавный поворот на СВ. Окончание улицы находится к ЮВ от современного сквера Борьбы. Трасса улицы в месте ее поворота проходит по Кирпичной слободе. Дорегулярная Глазова улица описана в писцовой книге г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг., где также упоминаются и церкви: «...*Лазорево воскресение да предел Тихона чудотворца. Да церковь другая с трапезою Вход в Иерусалим*».

Качественное содержание Кирпичной слободы представлено в писцовой книге Костромы [ПМК: 79, 276].

¹¹ Кузнечную слободу [Кабатов, Кабатова: 15, рис. 9] ограничивает с севера и СВ дорегулярный *Рохманцев переулочек*. Географически он начинался на территории современного перекрестка проспекта Мира и улицы Сенной и далее тянулся на восток примерно до участка начала регулярной Галичской улицы, где поворачивал на юг и стыковался с дорегулярной Козьмодемьянской улицей (западный угол квартала 130). Дорегулярная *Козьмодемьянская улица* начиналась ВСВ церкви «*святых чудотворец безсеребренников Козмы и Домьяна...*» и «*святые Христовы мученицы Парасковей, нарицаемые Пятницы*» – территория чуть севернее перекрестка регулярных (современных) улиц Шагова, Князева, Долматова – и врез регулярным улицам Шагова и Галичской направлялась на СВ, из города, образуя галичскую дорогу. Дорегулярная «*Галитцкая*» улица ограничивала с южной стороны земли Анастасьино-Богоявленского монастыря: «...от города налево Галитцкою дорогою до земли починка Помозова Настасьина монастыря [...], направо земля посадская...» [ПМК: 351]. Современная улица Галичская возникает только после регулярной планировки города, сменяющей дисперсную городскую застройку. Так называемый *Медный пруд* и прилегающая к нему с севера и СВ территория с севера очерчивает Кузнечную слободу. Дорегулярная *Златоустенская улица* начи-

налась у южного угла территории Богоявленского монастыря, очерчивая его границу с ЮВ, и в ВСВ направлении тянулась до территории стыковки с Медным прудом, разграничивая в последней своей четверти Гашееву (к СЗ от полотна) и Кузнечную слободы (к ЮВ от полотна). Дорегулярная *Игнатова* улица начиналась в южной части Кузнечной слободы («в Кузнецах») у церкви *святых чудотворец безсеребренников Козмы и Домьяна...* и «*святые Христовы мученицы Парасковей, нарицаемые Пятницы*» и далее тянулась в северном направлении примерно до середины Кузнечной слободы. Здесь полотно улицы поворачивало на ССЗ до стыковки с улицей Благовещенской, пересекая улицу Златоустовскую. В месте поворота, как бы продолжая улицу к Медному пруду в северном и ССВ направлении, тянется *Калачный переулочек*. В северной части квартала, образованного улицами Златоустовской и Игнатовой, «в Кузнецах», писцовая книга Костромы упоминает «*Церковь ружная с трапезою древена, клецки, святых мученик Фрола и Лавра. Да место церковное Иоанна Златоустаго...*».

Качественное содержание Кузнечной слободы хорошо представлено в писцовой книге Костромы [ПМК: 57–62, 66–69, 71, 133–138, 141–153, 275–278].

¹² «*Гашеевка*» [Кабатов, Кабатова: 15, рис. 9] (СЗ часть современного квартала 21, ЮЗ часть квартала 107, центральная и ЮЗ части квартала 107) с ССЗ очерчена улицей Богоявленской, с востока и ЮВ – Медным прудом и примыкающей к нему территорией, с ЮВ – Златоустовской улицей, с ЮЗ – улицей Игнатова.

Качественное содержание Гашеевой слободы хорошо представлено в писцовой книге Костромы [ПМК: 289–291].

¹³ Полянская слобода [Кабатов, Кабатова: 15, рис. 9] в системе современной регулярной планировки соотносилась с кварталами 50 (вся восточная половина), 38 (СВ часть) и территорией к СВ от них до перекрестка современной улицы Красноармейской и переулочка 2-го Осторожного; с ЮВ, ЮЗ и СЗ слобода очерчивалась 3-мя безымянными дорегулярными улицами (название этих дорегулярных улиц пока не установлено). Граница ее территории позволяет определить ориентацию как ЮВ – СЗ. Полянская слобода описана в писцовой книге г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг. Согласно этим данным удастся восстановить примерную площадь слободы – от 0,837 га до 1,122 га. (расчет производился согласно имеющимся в источниках данным о размере сажени; так, сажень – старая русская мера длины, впервые упоминающаяся в русских источниках в начале XI в.; в XI–XVII вв. встречалась сажень в 152 и в 176 см.; это была так называемая прямая сажень, определявшаяся размахом рук человека от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой; размер сторон слободы взят

средний) – «...по государеву цареву и великого князя Михаила (Л. 611)ла Федоровича всеа Руси указу... земли под слободкою длина девяносто семь сажень, а по другую сторону длина семьдесят две сажени с полусаженью, а поперег сорок восемь сажень без чети, а в другом конце тридцать восемь сажень без чети» [ПКК: 293].

Качественное содержание Полянской слободы хорошо представлено в писцовой книге Костромы [ПКК: 292–295].

¹⁴ Пищальная слобода [Кабатов, Кабатова: 15, рис. 9] ограничена с юга *Троицким переулком* – «А межа той Троецкой Сергиева монастыря слободе Полянской Богоявленского монастыря от Пищальной слободки... первое признака против переулка...» [ПКК: 293], к которому с юга примыкала Сергиевская церковь (сведений о ней на $\frac{1}{3}$ XVII в. в писцовой книге нет, однако ее описание В.К. Лукомским позволяет относить время строительства церкви к 1-й половине XVIII в., а ее роспись – к 1742 г.; описывая архитектуру церкви, автор сообщает сведения, из которых следует, что церковь строилась еще без учета регулярной планировки города, а «...при позднейшей распланировке города оказалась в середине квартала...» [Лукомский: 256]).

Качественное содержание Пищальной слободы хорошо представлено в писцовой книге Костромы [ПКК: 71, 154, 318–325].

¹⁵ Из истории обновления Успенского храма после пожара видно, что он до пожара имел, очевидно, деревянные кровли и главы, которые после пожара были частично опаяны железом.

¹⁶ Вероятно, вследствие серии этих пожаров в 1654 г., по челобитью соборного протопопа Никиты, патриарх Никон грамотой от 12 сентября 7164/1656 г. на имя костромского воеводы Василия Михайловича Еропкина повелел, «чтобы около соборной церкви деревянного строения ближе 20 сажень со всех четырех сторон строить не велеть; те же деревянные строения, из ранее построенных, какия окажутся около соборной церкви ближе 20 сажень, снести дальше, за указанное число сажень, чтобы от тех хором впредь соборной церкви порухине было» [Сырцов: 583].

¹⁷ Грамота Павла, митрополита Сарского, от 1665 г. повествует: «по указу великого государя Алексея Михайловича велено на Костроме в соборной церкви Пречистыя Богородицы приделать каменный придел во имя Феодора Стратилата... а приделать по стороне той церкви особою статьею, чтоб предельные двери были в паперть, и вход в приделе был из паперти, а из церкви б в придел входу не было, а глава б той церкви была б нешатровая, и алтарь делать круглый, а в церкви в алтаре были б трои двери царские, южные, северные, а подле царских дверей с правую сторону в начале поставить образ Всемилоостивого Спаса,

а подле Спасова образа поставить настоящей той церкви (то есть Феодора Стратилата), а по левую сторону царских дверей поставить образ Пречистыя Богородицы и иные образы по чину... Писан на Москве лета 7173 г., августа в 1 день» [Островский: 192–193].

¹⁸ Порядка 8–9 м к северу от северной стенки восточной крытой галереи (позже на этом месте построена каменная сторожка, которая фиксируется по фотоматериалам конца XIX – начала XX в.).

¹⁹ Пожар начался в 10 часов утра 18 мая близ церкви Козьмы и Дамиана в Кузнецах от топившейся бани при сильном северо-восточном ветре, обратившемся от пожара в бурю. Огненная река, пройдя мимо уцелевших церквей Алексея человека Божия, Иоанна Златоуста, монастырем Богоявленского и Анастасина к Волге, обратила все прочее на юго-востоке до самой Черной реки в пепел. Протоиерей И.И. Красовский вынес из собора чудотворную Федоровскую икону Божией Матери и отплыл с ней в Ипатьевский монастырь. Собор и почти все его имение сгорело от загоревшегося сначала на паперти, а потом и в обеих церквях деревянного пола из дубовых брусьев. Часть утвари собора успели вынести к Волге, но пожар, добравшийся до воды, уничтожил многое и из этого. Сгорели даже многие суда на Волге и несколько селений за Волгою. Народ на берегу Волги старался спастись от жара, вбегая в Волгу и сидя в воде [Диев: 31]. В кремле сгорели воеводский дом, множество казенных зданий: съезжая изба, тюрьма, губная изба, караульная изба, житницы государевы, множество осадных и жилых домов, принадлежавших разным костромским помещикам, каковы Волконский, Куракин, Козловский, Барятинский, Вяземский. Сгорел Крестовоздвиженский монастырь со всеми своими зданиями и оградой. Несколько инокинь скрылись от огня в своей обители в клетках кирпича от разобранной накануне каменной церкви Введения Богородицы, но задохнулись там от жара и дыма. В окне соборной галереи лежал полуобгорелый так называемый Иванушка-дурачок, живший при соборе в сторожке и думавший сохранить жизнь свою, уцепившись за железную решетку. Более 20 церквей лежало в пепле; из них 7 после того уже не были возобновлены вследствие малого числа прихожан и удаленности их жилищ от своих церквей. После этого костромской епископ Симон Лагов не позволил на пепелище строить деревянные церкви, только каменные; прихожане упраздненных церквей распределились между другими церквями, согласно их местожительству и желанию. Окончательно разрушилась от пожара и ветхая каменная церковь древнего второго Троицкого собора, и после этого уже не была восстановлена. После пожара уже никого из частных людей в кремле строить не допустили. Для новых домов были спланированы новые

улицы на пустырях от Богоявленского монастыря в сторону Власьевской церкви, Вологодской, Галичской и Кинешемской дорог. В результате этой единой градостроительной политике город соединился с селениями, бывшими до пожара отдельными: с севера со слободками Кирпичной и Полянкой, а с востока с с. Крупники, вскоре после этого приписанным к городу и находившимся на месте Покровской церкви (северо-восточная часть современного квартала 127) [Диев: 31–33].

²⁰ Стенопись костромского Успенского собора представляла большой историко-художественный интерес, так как была выполнена в XVII в. по следам более древней росписи, относившейся к 1669 г. Расписывали собор в 1775–1778 гг. ярославские живописцы братья Дмитрий и Кузьма Иконниковы, Федор Илларионов Пототуев и другие мастера. Роспись собора относится к числу не дошедших до нас работ ярославской школы стенового писания XVII–XVIII вв., документированных по настенным летописям. Уникальные фресковые росписи XVII в. располагались не только в интерьере четверика и галерей, но и на фасадах (в полукружиях закомар).

²¹ «Для входа в Успенский храм с той же стороны, куда обращен и алтарь его, устроено круглое крыльцо в виде ротонды, с пятью открытыми для входов арками и двумя фальшивыми, образующими углубления. Вид ротонды еще более придают крыльцу пилястры дорического ордера, расположенные снаружи между арками: фриз под карнизом из мелких сухариков убран триглифами. Крыльцо со сплюснутым сфероидальным сводом, возвышающимся от помоста на 9 арш. (693,42 см), при диаметре 11 арш. (782,32 см), покрытое листовым железом, с малым колпаком, венчается коробчатою главою с четвероконечным крестом; оно устроено после пожара в 1773 и 1774 гг. вместо прежнего четырехугольного, которого висячие арки с гирьками утверждались на четырехгранных столпах. С крыльца аркою ведет крытый с пятью широкими, полукруглыми окнами ход во второй этаж ходовой паперти, или галереи, чрез лестницу в 14 ступеней. Помост с алтарей до крыльца включительно настлан чугунными плитами, составляющими весу до 2 400 пудов [Островский: 56–57].

²² Для города страшнее был пожар 1789 г., который уничтожил в Новом городе почти все лавки и за валом в кремле все оставшиеся деревянные здания (осталось только четыре частных дома, но и они были снесены). Во время пожара сгорел и главный Спасский деревянный мост через ров из Нового города в кремль. Вместо моста была устроена земляная гать. После этих пожаров, в конце XVIII и начале XIX вв., рядом с Успенским собором вместо прежних деревянных храмов и домов выстроен теплый Богоявленский собор и два больших каменных дома для архиерейского приезда и для жительства причта. Здания были окружены

довольно высокой (со стороны Волги до 8,5 м) оградой длиной почти 427 м, внутри которой было разбито несколько садов.

Список литературы

Баженов И.В. Костромской кремль. Кострома: Изд-во Костромской губернской архивной комиссии, 1905. 27 с.

Баженов И.В. Судьбы Костромского кремля // Труды IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме, в июне 1909 г. Кострома, 1914. С. 1–15.

Диев М.Я. Укрепленные места древней Костромской области (из истории основания города губернии) // Костромские губернские ведомости. 1858. № 35–38.

Зонтиков Н.А. «Кострома»: происхождение названия города // Костромская земля. Кострома, 2002. Вып. 5. С. 5–30.

Кабатов С.А., Кабатова Е.А. «Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2016 г. объекта археологического наследия «Участок культурного слоя второго костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.)», XV–XVIII вв. (Успенский собор)», расположенного по адресу: Костромская область, г. Кострома, ул. Чайковского 8, 10». Т. I–XIV. 2018 / сост. С.А. Кабатов, Е.А. Кабатова. Кострома: ООО «Историко-археологическое общество «Кострома»», 2018.

Кабатов С.А. Краткая информация (справка) о результатах археологических исследований в 2018 г. по адресу: Костромская область, Костромской район, г. Кострома, ул. Чайковского: проведение научно-исследовательских работ (закладка рекогносцировочных шурфов с целью определения состояния фундамента здания № 4, 6 по ул. Чайковского) на территории объекта культурного наследия федерального значения «Участок культурного слоя второго костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.)» XV–XVIII вв. Кострома: ООО ИАО «Кострома», 2019. 225 с.

Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Источнико-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (статья 1) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 8–20. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-8-20.

Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Источнико-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (статья 2) // Вестник Костромского государственного университета. Т. 26, № 2. 2020. С. 10–35. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-10-35.

Карамзин Н.М. «История государства российского». СПб.: Военная типография Главного штаба Его Императорского Величества, 1817. Т. 4. 494 с.; Т. 5. 592 с.

Козловский А.Д. Взгляд на историю Костромы. М.: Тип. Николая Степанова, 1840. 203 с.

Костромская десятина жилых данных церквей 1628–1746 гг. // Костромские епархиальные ведомости. Кострома, 1885–1917. Еженед. (1885–1886 неофиц. ч., 1887–1917 2 раза в мес.). РГБ X 38/1, XVIII 40/36: 1885; 1887–1917; РНБ 5/28: 1885–1917; ГПИБ 1885 № 22–35, 50–51 (офиц.), № 12–17, 26 (неофиц.); 1886; 1887 № 10–14; 1888 № 3, 6, 8–10, 13–23; 1889 № 1–10, 12–23; 1890–1891; 1892 № 1–2, 4–24; 1893 № 1–20; 1894–1897; 1898 № 8, 10–12, 14–21; 1899–1900; 1902 № 8–24; 1903–1904; 1905 № 1–11, 16, 20–24; 1906 № 1–22; 1907–1917; БАН 1284: 1885 № 1–6, 8–48/49, 52; 1886 № 1–4/5; 1887 № 1–13, 15, 17–24; 1888 № 1–4, 6, 9–24; 1889; 1890 № 1–6, 8–24; 1891–1893; 1894 № 1–11, 13–24; 1895 № 1–4, 6, 8–9, 11–24; 1896–1907; 1908 № 1–7, 10–24; 1909 № 191.

Костромской кремль: сб. материалов / сост. А.В. Семенова. Кострома: Костромская епархия Русской православной Церкви, 2018. 552 с.

Лебедев Д.И., прот. История соборных храмов Феодоровского и Успенского в городе Костроме в связи с повестью о Феодоровской иконе Богоматери, краткой историей и топографией древнего города. Кострома, 2010. 175 с.

Лукомский В.К., Лукомский Г.К. Кострома. СПб., 1913 [репринт: М., 2002]. 501 с.

Миловидов И.В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома: Тип.-лит. Ф.А. Фальк, 1886. 179 с.

Островский П.Ф. Историческое описание Костромского Успенского собора. М., 1855. 256 с.

Памятники архитектуры Костромской области: каталог. Вып. 1. г. Кострома. Кострома, 1996. Ч. 1. 367 с.

Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг. (ПКК). Кострома: Костромаиздат, 2004. 438 с.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку / под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1859. 312 с.

ПСРЛ. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью / под ред. С.Ф. Платонова, при участии С.А. Адрианова. СПб., 1901. 272 с.

ПСРЛ. Т. XV. Тверская летопись. Рогожский летописец. СПб., 1863. 504 с.

Селифонтов Н.Н. Описи документам архива бывших Большесольских посадской избы и ратуши, найденного в посаде Большие Соли, Костромского уезда. XVI–XVIII столетия. СПб., 1902. 191 с. (См. № 123 «Челобитная царю» Алексею Михайловичу 1661 г. об укреплении г. Костромы деревянными с башнями стенами и земляным валом»; № 206, 7173/1664 г. ноября 22 дня «Список с царской грамоты костромского воеводы о исправ-

ном докончании городского дела, предпринятого по г. Костроме с 1662 г.»).

Щербатов А.М. История российская от древнейших времен. СПб.: Императорская Академия наук, 1783. Т. IV, ч. II. 544 с.

References

Bazhenov I.V. *Kostromskoi kreml'* [Kostroma Kremlin]. Kostroma, Kostroma provincial archival Commission Publ., 1905, 27 p. (In Russ.)

Bazhenov I.V. *Sud'by Kostromskogo Kremlya* [The fate of the Kostroma Kremlin]. Trudy IV oblastnogo istorikoarkheologicheskogo s"ezda v g. Kostrome, v iune 1909 g. [Proceedings of the IV Regional Historical and Archaeological Congress in Kostroma, June 1909]. Kostroma, 1914, p. 1–15.

Diev M.Ya. *Ukreplennye mesta drevnei Kostromskoi oblasti (iz istorii osnovaniia goroda gubernii)* [Fortified places of the ancient Kostroma region (from the history of the Foundation of the city of the province)]. *Kostromskie gubernskie vedomosti* [Kostroma provincial Vedomosti], 1858, № 35–38. (In Russ.)

Zontikov N.A. “Kostroma” – *proichozhdenie nazvaniya goroda* [“Kostroma”: the origin of the name of the city]. *Kostromskaia zemlia* [Kostroma land]. Kostroma, 2002, issue 5, pp. 5–30. (In Russ.)

Kabatov S.A., Kabatova E.A. “*Nauchnyi otchet po itogam arheologicheskikh issledovaniy (raskopok) v 2016 g. objekta arheologicheskogo nasledija “Uchastok kul'turnogo sloja vtorogo Kostromskogo kreml'a (Staryj gorod 1416 g. i Novyj gorod 1619 g.)”, XV–XVIII vv. (Uspenskiy sobor)”, raspolozhennogo po adresu: Kostromskaya oblast', g. Kostroma, ul. Chaykovskogo 8, 10*» [“Scientific report on the results of archaeological research (excavations) in 2016 of the object of archaeological heritage «Section of the cultural layer of the second Kostroma Kremlin (the Old city of 1416 and the New city of 1619)”, XV–XVIII centuries. (Assumption Cathedral)”, located at: Kostroma region, Kostroma, Tchaikovsky str. 8, 10»]. Vol. I–XIV. 2018. / comp. S.A. Kabatov, E.A. Kabatova. Kostroma, LLC «Historical and archaeological society “Kostroma”» Publ., 2018. (In Russ.)

Kabatov S.A. “*Kratkaja informacija (spravka) o rezul'tatah arheologicheskikh issledovaniy v 2018–2019 gg. po adresu: Kostromskaya oblast', g. Kostroma, ul. Chaykovskogo: provedenie nauchno-issledovatel'skih rabot (zakladka rekognosirovochnykh shurfov s cel'u opredeleniya sostojaniya fundamenta zdaniya №№4, 6 po ulice Chaykovskogo) na territorii objekta arheologicheskogo nasledija “Uchastok kul'turnogo sloja vtorogo Kostromskogo kreml'a (Staryj gorod 1416 g. i Novyj gorod 1619 g.)”, XV–XVIII vv.* [Brief information (reference) on the results of archaeological research in 2018 at: Kostroma region, Kostroma district, Kostroma, Tchaikovsky street: conducting research (laying reconnaissance pits

to determine the state of the Foundation of the building №4, 6 on Tchaikovsky street) on the territory of the cultural heritage site of Federal significance «Section of the cultural layer of the second Kostroma Kremlin (the Old city of 1416 and the New city of 1619)» XV–XVIII centuries]. Kostroma, LLC HAS «Kostroma» Publ., 2019, 225 p. (In Russ.)

Kabatov S.A., Kabatova E.A. *Istochniko-istoriograficheskoe izuchenie voprosa suzhestvovsnija vtorogo Kostromskogo kreml'a (article 1)* [Source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (article 1)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. [Vestnik of Kostroma State University]*, 2020, vol. 26, № 1, pp. 8–20 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-08172020-26-1-8-20. (In Russ.)

Kabatov S.A., Kabatova E.A. *Istochniko-istoriograficheskoe izuchenie voprosa suzhestvovsnija vtorogo Kostromskogo kreml'a (article 2)* [Source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. [Vestnik of Kostroma State University]*, 2020, № 2, vol. 26, pp. 10–35. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-10-35. (In Russ.)

Karamzin N.M. *Istoriia gosudarstva rossiiskogo* [History of the Russian state]. SPb., Voennaia tipografiia Glavnogo shtaba ego Imperatorskago Velichestva Publ., 1817, vol. 4, 494 p.; vol. 5, 592 p.; vol. 6, 486 p. (In Russ.)

Kozlovsky A.D. *Vzgliad na istoriiu Kostromy* [View on the history of Kostroma]. M., Tip. Nikolaia Stepanova Publ., 1840, 203 p. [1] (In Russ.)

Kostromskaja desjatina zhylyh dannyh cerkvey 1628-1758 gg. [Kostroma tithe of residential data of churches 1628-1746]. Kostroma diocesan Gazette. Kostroma, 1885–1917. Weekly (1885-1886 neofits. CH., 1887-1917 2 times a month). RGB X 38/1, XVIII 40/36: 1885; 1887-1917; RNB 5/28: 1885-1917; GPIB 1885 № 22-35, 50-51 (ofits.), № 12-17, 26 (neofits.); 1886; 1887 № 10-14; 1888 № 3, 6, 8-10, 13-23; 1889 № 1-10, 12-23; 1890-1891; 1892 № 1-2, 4-24; 1893 № 1-20; 1894-1897; 1898 № 8, 10-12, 14-21; 1899-1900; 1902 № 8-24; 1903-1904; 1905 № 1-11, 16, 20-24; 1906 № 1-22; 1907-1917; BAN 1284: 1885 № 1-6, 8-48/49, 52; 1886 № 1-4/5; 1887 № 1-13, 15, 17-24; 1888 № 1-4, 6, 9-24; 1889; 1890 № 1-6, 8-24; 1891-1893; 1894 № 1-11, 13-24; 1895 № 1-4, 6, 8-9, 11-24; 1896-1907; 1908 № 1-7, 10-24; 1909-191. (In Russ.)

Kostromskogo kreml': sbornik materialov [Kostroma Kremlin: Collection of materials], comp. by A.V. Semyonova. Kostroma, Kostroma diocese of the Russian Orthodox Church, 2018, 552 p. (In Russ.)

Lebedev D.I., prot. *Istoriia sobornykh khramov Feodorovskogo i Uspenskogo v gorode Kostrome v sviazi s povest'iu o Feodorovskoi ikone Bo-gomateri, kratkoi istoriei i topografiei drevnego goroda* [History of the Cathedral churches of Feodorovsky

and Uspensky in the city of Kostroma in connection with the story of the Feodorovsky icon of the mother of God, a brief history and topography of the ancient city]. Kostroma, 2010, 175 p. (In Russ.)

Lukomsky V.K., Lukomsky G.K. *Kostroma* [Kostroma]. St. Petersburg, 1913 [reprint: Moscow, 2002], 501 p. (In Russ.)

Milovidov I.V. *Ocherk istorii Kostromy s drevneishikh vremen do tsar-stvovaniia Mikhaila Fedorovicha* [Essay on the history of Kostroma from ancient times to the reign of Mikhail Fedorovich]. Kostroma, typo-lithography by F.A. Falk, 1886, 179 p. (In Russ.)

Ostrovsky P.F. *Istoricheskoe opisanie Kostromskogo Uspenskogo sobora* [Historical description of the assumption Cathedral in Kostroma]. M., 1855, 256 p. (In Russ.)

Pamjatniki arhitektury Kostromskoy oblasti [Monuments of architecture of the Kostroma region]: catalog. Issue 1. Kostroma. Kostroma. 1996, part 1, 367 p. (In Russ.)

Pistsovaia kniga g. Kostromy 1627/28–1629/30 gg [Scribe the book of the city of Kostroma 1627/28 – 1629/30 from Kostroma]. Kostromastat Publ., 2004, 438 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. VIII. *Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku* [Continuation of the chronicle on the Sunday list], prepared for publication by Ya.I. Berednikov and A.F. Bychkov under the editorship of A.S. Norov. St. Petersburg, 1859, 312 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. XII. *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoi letopis'iu* [Chronicle collection, called the Patriarch's or Nikon's Letopis], ed. by S.F. Platonov with the participation of S.A. Adrianov. Saint Petersburg, 1901, 272 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. XV. *Tverskaia letopis'. Rogozhskii letopisets* [Tver chronicle. Rogozhsky chronicler]. St. Petersburg, 1863, 504 p. (In Russ.)

Selifontov N.N. *Opisi dokumentam arhiva byvshykh Bol'shesol'skih posadskoy izby I ratushy, najdannogo v posade Bol'shie Soli, Kostromskogo uezda XVI-XVIII stoletija* [The inventory of the documents of archives of the former Bolsheselsky burgher houses and the town hall, found in the Large Salt Posad, Kostroma district. XVI–XVIII centuries]. SPb., 1902, 191 p. (See No. 123 «Chelobitnaya Tsar» Alexey Mikhailovich 1661 about the fortification of Kostroma with wooden walls with towers and an earthen rampart»; No. 206, 7173/1664 November 22 days «List with the Royal Charter of the Kostroma voivode about the correct completion of the city business undertaken in Kostroma since 1662»). (In Russ.)

Shcherbatov A.M. *Istoriya rossiyskaja ot drevneyshykh vremjen* [History of Russia from ancient times]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1783, vol. IV, part II, 544 p. (In Russ.)

Сараева Елена Леонидовна

Ярославский государственный педагогический университет

Цой Игорь Александрович

Ярославский государственный педагогический университет

**ОЦЕНКА П.А. КРОПОТКИНЫМ УЧАСТИЯ ПРОСВЕЩЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ПОДГОТОВКЕ РЕФОРМ В НАЧАЛЕ 1860-Х ГГ.**

В статье дана интерпретация взглядов П.А. Кропоткина на реформаторский процесс в России конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. и его идей о роли губернской администрации Восточной Сибири в подготовке преобразований. Новизна исследования заключается в анализе суждений Кропоткина о восприятии и реализации реформаторских замыслов министерств губернской администрацией, которая была важнейшим звеном в механизме трансформации общества. Кропоткин был активным участником этой подготовительной работы в Читинской губернии и знал всех задействованных в ней лиц, поэтому его свидетельства и суждения представляют интерес для исторической науки. В историографии недостаточно изучена проблема восприятия самими участниками преобразований в провинции хода практической реализации задуманных центральной властью реформ, в частности в Восточной Сибири. В статье дан анализ образа мыслей П.А. Кропоткина в 1857–1863 гг., воспроизведены характеристики, данные Кропоткиным губернаторам Восточной Сибири, его суждения об их участии в подготовке проектов преобразований в этом крае, проанализированы формы взаимодействия губернской администрации с местной общественностью, интерпретированы взгляды Кропоткина на причины поворота власти к реакции в начале 1860-х гг. и на результаты преобразований.

Ключевые слова: П.А. Кропоткин, А.А. Кропоткин, граф Н.Н. Муравьев-Амурский, Б.К. Кукель, М.С. Корсаков, Александр II, «великие реформы», Забайкальская область, губернская администрация, просвещенные чиновники начала 1860-х гг.

Информация об авторах: Сараева Елена Леонидовна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>, доктор исторических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия.

E-mail: els5656@yandex.ru

Цой Игорь Александрович, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6424-8537>, соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия.

E-mail: olya.tsoy.72@mail.ru**Дата поступления статьи:** 05.07.2020.

Для цитирования: Сараева Е.Л., Цой И.А. Оценка П.А. Кропоткиным участия просвещенных деятелей Восточной Сибири в подготовке реформ в начале 1860-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 40-50. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-40-50>.

Yelena L. Sarayeva

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

Igor' A. Tsoy

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

**PETER KROPOTKIN, THE PARTICIPATION OF ENLIGHTENED LEADERS OF EASTERN
SIBERIA IN THE PREPARATION OF REFORMS IN THE EARLY 1860S**

The article gives an interpretation of the views of Peter Kropotkin on the reform process in Russia in the late 1850s and the early 1860s and his ideas about the role of the provincial administration of Eastern Siberia in the preparation of the reforms. The novelty of the research lies in the analysis of Peter Kropotkin's judgements about the perception and implementation of the reformist plans of ministries by the provincial administration, which was the most important link in the mechanism of the transformation of society. Peter Kropotkin was an active participant in this preparatory work in Chita Province and knew all the persons involved in it, therefore his testimonies and judgements are of interest for historical science. Historiography has not sufficiently studied the problem of perception by the participants of the transformations in the provinces of the course of practical implementation of the reforms conceived by the central government, in particular in Eastern Siberia. The article analyses the way of thinking of Peter Kropotkin in 1857-1863, reproduces the characteristics given by Peter Kropotkin to the governors of Eastern Siberia, his judgements about their participation in the preparation of projects of transformations in this region, we also analyse the forms of interaction of the provincial administration with the local community, interpreted Peter Kropotkin's views on the reasons for the turn of power to reaction in the early 1860s and on the results of the transformations.

Keywords: Peter Kropotkin, Aleksandr Kropotkin, Count Nikolay Muravyov-Amursky, Boleslav Kukel, Mikhail Korsakov, Alexander II of Russia, government reforms of Alexander II, Trans-Baikal Region, provincial administration, enlightened officials of early 1860s.

Information about the authors: Yelena L. Sarayeva, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>, Doctor of Historical Sciences, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia.

E-mail: els5656@yandex.ru

Igor' A. Tsoy, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6424-8537>, Candidate of Science Degree Applicant, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia.

E-mail: olya.tsoy.72@mail.ru

Article received: July 5, 2020.

For citation: Sarayeva Ye.L., Tsoy I.A. Peter Kropotkin, the participation of enlightened leaders of Eastern Siberia in the preparation of reforms in the early 1860s. *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 3, pp. 40-50 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-40-50>.

Преобразование России в годы «великих реформ» в значительной степени зависело от деятельности представителей местной администрации и общественности, от взаимодействия центра и чиновников в провинции. Реформы способствовали формированию нового поколения просвещенных людей, активно включившихся в общественную жизнь. В 60-е годы XIX в. в речевую культуру русского общества вошли термины «новые люди», «шестидесятники», определявшие группу общественно активной молодежи, отвергнувшей социальные нормы эпохи крепостничества, заинтересованной в расширении свободы жизнедеятельности личности и активно проповедующей свои «возвышенные идеи» [Кропоткин: 146]. Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) назвал представителей этой молодежи «новыми честными людьми» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 50]. Он сам был одним из лучших представителей «новых людей». В 1857–1862 гг. он получил образование в Пажеском корпусе и уехал в Сибирь, «чтобы проводить намеченные реформы» [Кропоткин: 182]. Кропоткин в письмах, а впоследствии и в воспоминаниях, написанных на основе его же текстов 60-х годов, дал свою интерпретацию роли центральной и местной администраций в инициировании, проведении и свертывании реформ. Научная актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения представлений Кропоткина о роли просвещенных людей в Восточной Сибири в подготовке и практической реализации преобразований начала 1860-х гг.

В исторической литературе преимущественно изучались философско-исторические, экономические, этические, анархистские идеи Кропоткина, сформулированные в последние десятилетия XIX – начале XX в. Анализ этой группы научных работ не является предметом данного исследования. Формирование личности Кропоткина и его участие в подготовке проектов реформ в начале 1860-х гг. рассматривается в работах биографического характера. Одним из наиболее серьезных исследований, выполненных в этом жанре в советский период, является монография Н.М. Пирумовой. Характеризуя мировоззрение Кропоткина в начале 1860-х гг., она отмечала, что он в те годы верил в реформы [Пирумова]. Аналогичное мнение о мировоззренческих установках Кропоткина того времени высказала в своей работе В.А. Твардовская: Кропоткин в на-

чале 60-х годов верил, что страну можно преобразовать путем реформ. Она писала, что Кропоткин уехал служить в Сибирь, потому что стремился к независимости от отца, хотел участвовать в подготовке реформ [Твардовская: 34]. Твардовская дала высокую оценку составленным Кропоткиным проектам реформы тюрем и городского самоуправления в Восточной Сибири. Она утверждала, что эти проекты не встретили сопротивления властей. В работе не акцентировано внимание на проблеме отношения администрации Восточной Сибири к преобразовательным проектам.

В современной литературе наиболее основательно деятельность Кропоткина в Восточной Сибири охарактеризовал В.А. Маркин [Маркин 2009]. Службу Кропоткина в Сибири с 1862 г. он объяснял стремлением юноши не прожигать свою жизнь в увеселениях, а найти вдалеке от столицы, куда еще не докатилась волна реакции, «бесконечное поле для реформ». Юный Кропоткин верил в прогресс, рассматривал крестьянскую реформу как «первое звено целой цепи реформ, которые привели бы российское общество к подлинному обновлению, демократизации, включению в число цивилизованных стран Европы», утверждал Маркин, характеризуя образ мыслей Кропоткина того времени [Маркин 2009: 6]. Маркин считал, что Кропоткин покидал Петербург, еще будучи монархистом, но он уже терял «иллюзии насчет реформаторской деятельности императора» [Маркин 2009: 6].

В работе С.Ф. Ударцева анализируется формирование политико-правовых взглядов Кропоткина, в том числе в 1860-е гг., отмечается критическое отношение его к самодержавию [Ударцев]. О.С. Сафронов, изучавший генезис и развитие общественно-политических идей Кропоткина, интерпретировал его воззрение в 1857–1862 гг. как просветительское, а в 1862–1872 гг. – демократическое [Сафронов 2015: 29–30]. Исследователь не сомневался в том, что Кропоткин в 1860-е гг. мечтал включиться в преобразовательную деятельность. Изучая исторические взгляды Кропоткина, он пришел к выводу, что «идеолог анархизма» видел главную причину отмены крепостного права в росте крестьянских выступлений и усвоении некоторыми помещиками либеральных идей [Сафронов 2012: 100]. По мысли Сафронова, Кропоткин оценивал крестьянскую реформу 1861 г. с анархистских позиций. С.В. Сайтанов утверждает, что

на формирование взглядов П.А. Кропоткина повлияло разочарование в государственной службе, которая могла быть полезна обществу [Сайтанов].

В.М. Артемов акцентировал внимание на стремлении Кропоткина в своей жизни руководствоваться высокими моральными принципами, истоками которых было понимание им важности взаимопомощи. Он отметил мысль Кропоткина о том, что личностный вклад в общественный прогресс не исчерпывается только идеями, а еще определяется нравственными принципами и поступками человека [Артемов] Т.А. Чикаева актуализировала мысль Кропоткина о том, что справедливость должна стать основой оценки поведения человека [Чикаева]. В.Ф. Пустарнаков пишет о раннем созревании политического свободомыслия Кропоткина – в начале 1860-х гг. Пустарнаков доказывает, что юный Кропоткин был противником самодержавия, его политическое мировоззрение сложилось под влиянием русского классического просвещения 40–60-х гг. XIX в. Историк считает, что Кропоткин уехал на Амур, так как стремился к путешествиям, к наслаждению природой [Пустарнаков]. В статье А.К. Прядкиной доказывается, что Кропоткин потерял веру во власть и закон [Прядкина].

Исследователи, воспроизводя вехи биографии П.А. Кропоткина, фиксируют факт его работы над проектами преобразований, однако они не раскрывают взглядов юноши на деятельность администрации Восточной Сибири по реализации реформ, по-разному они оценивают и политические взгляды Кропоткина в начале 1860-х гг., его ценностные ориентации. Новизна работы заключается в анализе идей Кропоткина об участии просвещенных представителей губернской администрации Восточной Сибири в разработке проектов реформ в этом крае.

Кропоткин участвовал в преобразовательной деятельности в Восточной Сибири в конце 1862–1863 гг. Он прибыл в Восточную Сибирь, имея навыки оценки типов личностной культуры, политики властных структур в контексте либеральных идей; он был конституционалистом по взглядам, но не отрицал монархии как формы правления. Анализ текстов Кропоткина позволяет утверждать, что в 1857–1863 гг. он критически относился к деспотизму, всевластию чиновников, бесправию личности и народа, невежеству людей. С конца 1850-х гг. чтение научной и художественной литературы стало его важнейшей интеллектуальной потребностью, что способствовало выработке его социально-политического мировоззрения. В его письмах к брату Александру 1857–1862 гг. звучат имена авторов прочитанных им «с большим интересом» сочинений: И. Канта, Ф. Вольтера, А.И. Герцена, И.С. Тургенева, Т.Н. Грановского, А.И. Полежаева, В.Г. Белинского, Ф. Минье, В. Гюго, О. Тьерри, А.С. Пушкина, Н. Бергассе, И.Ф. Гете, Т.Б. Маколяя, В.В. Пассека, А. Ламар-

тина, А.К. Толстого, К.Ф. Рыльева, А.В. Кольцова, П.Н. Кудрявцева, Ф.Р. Шатобриана, П.С. Лапласа, Н.А. Некрасова. Кропоткин писал, что познакомился и с работами «многих других» авторов. Он учился оценивать исторические события и проявлял живейший интерес к «действительности» – социально-политическим и экономическим отношениям. Его старший брат Александр в 1858 г. назвал мировоззрение Петра реалистичным, далеким от идеализма [Петр и Александр Кропоткины 1933: 83]. 28 марта 1858 г. Петр Кропоткин, надеясь на проведение реформ Александром II, сожалел, что власть намеревалась только отменить крепостное право, а надо было одновременно ограничивать самодержавие: «Я с жадностью слежу за всеми нововведениями, я жду многого от царствования Александра II, но много, много нужно устранить и потом приниматься за дело. Старая система разрушается, новая не создана; ввели эмансипацию, но теперь самодержавие невозможно, оно должно измениться...» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 80]. В следующем письме он сообщал брату, что «очень интересовался» политикой правительства, что считал, что в десять раз важнее «постепенно вести дела к уничтожению самодержавия» «тихим путем», что царю надо «самому ограничить свою власть» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 88]. «А тут не нужно вовсе отрекаться от власти, а только ограничить ее, нужно только – породить в себе сознание, что он не умнее всех, т. е. общего – народного голоса, что лучше поделиться с чиновником... Вот что, я думаю, важнее» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 88]. В пятнадцать лет Петр Кропоткин предпочитал путь реформ, понимая, что он возможен только в случае осознания императором необходимости новаций во многих сферах жизни, прежде всего политической, от которой зависела трансформация других систем в стране. Исторический процесс ему представлялся альтернативным, зависящим от разных обстоятельств, в том числе от воли правителя. В 1858 г., еще питая надежды на преобразования, он сожалел, что реформаторский процесс при Александре II будет ограниченным, что вряд ли император решится на передачу части своей власти кому-либо. Мировоззрение Петра Кропоткина уже в те годы имело системный характер: он понимал, что отдельные, даже очень важные инновации не трансформируют систему, имевшую прочные корни в действительности.

Кропоткин понимал, что он живет в эпоху преобразований. Странников реформ, как он свидетельствовал, в те годы воспринимали как либералов. Кропоткин считал, что не только крестьянские волнения, но и ненависть Александра II и его окружения к крепостничеству, формирование нового поколения, с «отвращением» воспринимавшего крепостную зависимость крестьян от помещиков, стали причинами подготовки крестьянской рефор-

мы [Кропоткин: 152]. Лучшая петербургская публика с восторгом встретила известие об освобождении крестьян [Петр и Александр Кропоткины 1933: 214]. Император в своей речи перед офицерами назвал крестьянскую реформу «концом вековой несправедливости» [Кропоткин: 156]. Кропоткин видел в Александре II «царя-освободителя». Но партия «аристократов» в большей мере была ориентирована на личные интересы. «...Из-за личных интересов партий позволяют себе вредить такому делу, аристократия здешняя трусит», – сообщал Петр Кропоткин своему брату [Петр и Александр Кропоткины 1933: 211]. Он писал, что в его окружении «постоянно» говорили «о злоупотреблениях чиновников». Он видел решение этой проблемы в наведении правопорядка: «Я упоминал о злоупотреблениях чиновников, о которых слышал постоянно, и доказывал необходимость правового порядка» [Кропоткин: 151]. Кропоткин характеризовал свой образ мыслей конца 1850-х – начала 1860-х гг. как конституционный, его идеалом была свобода личности: «В том возрасте я мог быть, конечно, только конституционалистом... <...> Я стоял... далеко в стороне от радикального движения...» [Кропоткин: 150, 151]. Кропоткин говорил друзьям в Пажеском корпусе, что необходимо «объединиться всем во имя свободы...» [Кропоткин: 152]. Конец 1850-х – начало 1860-х гг. Кропоткин назвал временем «тревог и сомнений» [Кропоткин: 153]. Либерально мыслящие люди опасались, что император откажется от проведения реформ.

Первые проявления реакции в Петербурге Кропоткин увидел летом 1862 г. в аресте Н.Г. Чернышевского, в изменении риторики ряда журналистов, сбросивших «либеральный мундир», ополчившихся даже «против умеренных». «Толковать о реформах стало неприлично. Атмосфера была насыщена духом реакции. “Современник” и “Русское слово” были приостановлены. Все виды воскресных школ запретили. Начались массовые аресты» [Кропоткин: 180–181]. Кропоткин окончательно понял, что «реакция – полным ходом» после того, как Александр II злым голосом потребовал от выпускников Пажеского корпуса не изменять присяги «царю, престолу и отечеству», а на другой день по его приказу расстреляли трех офицеров [Кропоткин: 180–181]. Кропоткин полагал, что Александр II, «на время» уступая либеральному течению, освободил крестьян, а потом снова вернулся к политике защиты прежних устоев [Кропоткин: 194]. По мнению Кропоткина, летом 1862 г. в Петербурге торжествовала реакция. Менялось его отношение к Александру II, так как он понимал, что смена внутривластного курса зависела от императора. Кропоткин был возмущен равнодушным отношением государя к крестьянину, униженно просившему царя взять его прощение [Кропоткин: 166–167]. Кропоткин писал, почему он задумался над вопросом о начале реакции: «Ряд мелких

случаев» и репрессии стали «поселять сомнения в моем сердце» [Кропоткин: 166].

Кропоткин характеризовал интеллектуальное развитие общества конца 1850-х – начала 1860-х гг. как «умственное пробуждение» [Кропоткин: 150]. Он понимал, что формировалось новое поколение «мыслящих людей». Но он с горечью писал, что интеллектуально развитых молодых людей немного. Так, в Пажеском корпусе он один интересовался научной литературой, остальные воспитанники в лучшем случае читали художественные книги [Кропоткин: 144; Петр и Александр Кропоткины 1933: 86].

Часто обсуждаемая Петром Кропоткиным проблема в письмах к брату в 1857–1861 гг., – тема «умственного и нравственного развития», получения «общечеловеческого образования», определения сферы и цели деятельности [Кропоткин: 149; Петр и Александр Кропоткины 1933: 181]. Определяясь с выбором, он стремился понять свои запросы и жизненные обстоятельства. Он надеялся «достигнуть вольного гражданства» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 181], стать высокообразованным человеком. Он считал, что ему нужно иметь твердые нравственные убеждения: быть честным, гордым, не льстить. «Льстить я не буду из гордости... мне неприятно будет унижаться, я и не унижусь. Таково мое убеждение» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 181, 186].

Кропоткин сформулировал цель своей деятельности в будущем – стать «полезным членом обществу», а для этого он «должен быть специалистом по какой-нибудь части», «по мере сил стараться удовлетворить потребностям общества, хоть бы, напр., полезно трудиться на каком-нибудь поприще»; требуется «честное исполнение своих обязанностей, т. е. сообразоваться с требованиями большинства» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 187]. Он считал возможной такую деятельность, которая преследовала бы не эгоистическую цель удовлетворения только собственных потребностей, но была полезна обществу. Кропоткину приходилось думать о том, чтобы «иметь обеспеченный кусок хлеба», следовало зарабатывать деньги, но и все же ему «хотелось бы быть сколько-нибудь полезным» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 192].

После окончания Пажеского корпуса летом 1862 г. Кропоткина, как одного из лучших его учеников, ждала служба в императорском дворце. Однако он не желал войти в безликую череду пажей и императорских адъютантов, от которых требовалось лишь следование церемониалу и соблюдение строгого этикета. Он стремился к нравственной и финансовой независимости от деспотичного отца, обязывавшего его сделать придворную карьеру и грозившего не давать денежного пособия. Петр Кропоткин хотел принести благо отечеству, заниматься научными исследованиями, участвовать в проведении преобразований. Он мечтал учиться

в Петербургском университете, но он должен был заботиться о своем материальном обеспечении, поэтому в 1862 г. отказался от мечты поступить в это учебное заведение. Отец требовал от младшего сына нести военную службу: либо пажескую, либо полковую, либо сначала получить образование в артиллерийской академии. Но эти обстоятельства военной карьеры Кропоткин называл «стесняющими» его интеллектуальный и нравственный выбор: надо просить пособие у отца, поддерживать связи с нужными людьми, носить «стесняющий гвардейский мундир», наконец, неподходящий сырой климат в Петербурге [Петр и Александр Кропоткины 1933: 254]. Кропоткин понимал, что общество в военной академии не удовлетворит его умственным запросам: «...я познакомился поближе с академическим обществом, познакомился и разочаровался, – меня пугает, что и сам я могу сделаться таким» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 268]. Кропоткина, по его признанию, удерживала в Петербурге и Москве возможность доставать книги, беседовать с мыслящими людьми, посещать театр и встречаться с братом: нужны «книги, сообщения с порядочными, т. е. сколько-нибудь мыслящими людьми» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 254, 268]. Он писал брату Александру 18 февраля 1862 г.: «...мы с тобой трактуем, что негодны мы ни к какой деятельности, но ведь я этого еще не испытал, годен ли я или нет: мне кажется, что я на что-нибудь да гожусь. А деятельность на Амуре найдешь... <...> Прибавь к этому разнообразие, самостоятельность...» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 254–255]. Кропоткин искал должность, дававшую относительную независимость на службе [Петр и Александр Кропоткины 1933: 255]. Он писал брату, что выбор делают «на основании нравственного убеждения» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 255]. Осознанно решив уехать в Восточную Сибирь, он предварительно собрал все необходимые сведения об этом крае. Он объяснял брату Александру в письме, что его привлекает в далекой Сибири: «...на Амуре тепло, потом я люблю поездки, переезды, путешествия, если хочешь. Мне доставляет большое удовольствие видеть новые места» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 254]. Важная «мелочь» для Кропоткина – желание насладиться природой в Восточной Сибири, он писал, что мечтает «о наслаждении природою» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 263].

Александр Кропоткин отговаривал брата уезжать на Амур, поскольку неизвестно, сможет ли он заняться той деятельностью, которую ищет [Петр и Александр Кропоткины 1933: 260]. Отвечая ему, Петр Кропоткин так характеризовал свои потребности, которым не удовлетворяла придворная служба и учеба в военной академии: «...мне желательно, чтоб мне не мешали заниматься тем, чем мне вздумается заниматься, т. е. читать, писать, думать, а для этого нужно свободное время, и нуж-

но, чтоб обстоятельства, обстановка не мешали...» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 262]. Нежелательными для себя Петр Кропоткин определил плохой климат, скучные занятия, неинтересную работу, общение с безнравственными людьми: «...а не желательно быть больным по несколько раз в зиму (от сидячей жизни и дурного климата), не желательно хандрить, скучать, прозябать, таскаться в Академию, уставать от ходьбы и от слушанья разной нелепости, ...и не желательно бедствовать... Не желательно сталкиваться и жить постоянно с разными скотами, которым я не сочувствую» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 262]. «На Амуре: шестимесячная дорога, новизна, некоторая независимость, избавление от неудобств Академии, надежда поселиться в хорошем климате и уверенность в том, что увижу много интересного. Этого довольно, довольно одного избавления от неудобств» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 268]. Кропоткин узнал имена губернаторов в Восточной Сибири: «Корсаков, губернатор В. Сибири, молодой еще человек и, говорят все, хороший. Хвалят также Казакевича, губернатора Амурской области, и Буссе, губернатора Примор. обл.» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 269]. Как видно, Кропоткин основательно готовился к переезду на Амур: узнал о природе, климате, губернаторах, жалованье, дорогах, возможности самостоятельной деятельности.

В сентябре 1862 г. Кропоткин прибыл в Иркутск. Он прожил в Восточной Сибири пять лет. Генерал-губернатору М.С. Корсакову он объяснил, что желает «быть полезным, найти деятельность, невозможность найти такую в гвардии, невозможность выполнить свое намерение быть в университете» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 44]. Генералы М.С. Корсаков и Б.К. Кукель быстро оценили высокую образованность Кропоткина, его не отправили в отдаленные военные крепости. В Чите в чине есаула Кропоткин стал чиновником особых поручений при и. о. губернатора Забайкальской области генерал-майоре Болеславе Казимировиче Кукеле.

Кропоткин стремился «к живой, настоящей работе» [Кропоткин: 149]. Он ценил честных, порядочных людей, участвовавших в общественной деятельности, а брату Александру он писал: ты благородными мыслями «дело делаешь» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 50]. Побудительным мотивом деятельности Кропоткина была любовь к человеку и добру [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 50]. Он полагал, что человек должен рефлексировать, «оглядываться на себя», стремиться стать лучше, трудиться в интересах общества. «Умные и честные порывы» уже являются деятельностью, считал Кропоткин. Девятнадцатилетний юноша в 1862 г. разделял идеи независимости личности, расширения прав общества, он верил, что реформы позволят воплотить высокие

социальные идеалы. Он участвовал в подготовке преобразований в Забайкальском крае. Познакомившись с высшими административными лицами в этой крае, он дал оценку их образу мыслей, деловых качеств, отношения к работе и распоряжениям из Петербурга.

Кропоткин считал, что история Читы того времени была типичной для провинциальной России, поскольку судьбу провинции определяли центральные властные структуры: «...история маленькой Читы была историей всей России...» [Кропоткин: 194]. Он полагал, что можно проследить те же тенденции в деятельности любой губернской администрации, что и Читинской. Кропоткин назвал корпорацию чиновников, включая губернаторов, «правительственной школой» [Кропоткин: 183], а просвещенных деятелей, заинтересованных в реализации задуманных проектов, «людьми действия» этой школы, подчеркивая, во-первых, их принадлежность к слою управленцев и подчинение центральным государственным институтам власти, а с другой – ориентацию на деятельность.

Кропоткин связывал преобразования с инициативами просвещенных чиновников. Он отметил, что на рубеже 1850–60-х гг. в Восточной Сибири, как, возможно, и во многих губерниях, должности в губернском корпусе управленцев занимали лица, разделявшие либеральные идеи. Политика правящей элиты времени «оттепели», второй половины 1850-х гг., была обусловлена вхождением во властные структуры просвещенных людей. Но этот процесс, писал Кропоткин, не был устойчивым, с восстановлением власти консерваторов в центре и на местах возрождались управленческие традиции предшествующей эпохи.

С 1849 г. администрацию Восточной Сибири возглавлял генерал-губернатор граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский (1809–1881), публично развивавший либеральные идеи, но он «в глубине души» был деспотом, писал Кропоткин [Кропоткин: 183]. По его мнению, Муравьев был неоднозначной фигурой, сочетавший черты консервативного и либерального чиновничества: восприняв новые идеи, он тяготел к традиционному стилю управления. Лучшим его достижением, с точки зрения Кропоткина, было смещение «почти всех старых чиновников», отличавшихся безнаказанным грабежом населения Сибири. «Ему удалось отделаться почти от всех старых чиновников, смотревших на Сибирь, как на край, где можно грабить безнаказанно», – писал Кропоткин, видимо, воспроизводя мнения офицеров, рассказывавших ему об уволенных чиновниках [Кропоткин: 183–184]. Исследования историков подтвердили, что до Муравьева «Сибирь страдала от произвола губернаторов долгие годы, начиная с князя Гагарина, казненно-го за “злоупотребление властью” и казнокрадство, и кончая предшественником М. М. Сперанского генералом И.П. Пестелем...» [Маркин 2002].

Благодаря Муравьеву-Амурскому в 1862 г. «высшая сибирская администрация была гораздо более просвещенной и, в общем, гораздо лучше, чем администрация любой губернии в Европейской России» [Кропоткин: 183]. Кропоткин характеризовал Муравьева как «замечательного человека», поскольку он был умен, обаятелен, деятельный, имел «желание работать на пользу края» [Кропоткин: 183]. Муравьев создавал свою команду из молодых честных офицеров, разделявших либеральные убеждения, имевших «благие намерения», «как и он сам». «Муравьевцев», как называли лучших офицеров, служивших при нем, можно назвать просвещенными деятелями, понимавшими, что нужны преобразования в интересах общества. В 1861 г. Муравьева вызвали в Петербург после побега М.А. Бакунина из сибирской ссылки.

Муравьева сменил Михаил Семенович Корсаков (1826–1871), который занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири до сентября 1870 г. Корсаков был «очень рад видеть возле себя людей либерального образа мыслей» [Кропоткин: 184]. Как и его предшественник, Корсаков окружил себя молодыми образованными офицерами. Его отличал приветливый тон общения с подчиненными. Корсаков «прекрасно» принял Кропоткина, дал лестную характеристику Кукелю, начальнику Петра Алексеича: «превосходнейший человек [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 44]. Кропоткин утверждал, что все преобразования в крае контролировал Корсаков, а реально работу организовывал Кукель: «Все преобразования в Восточной Сибири, все идут через Корсакова и в широких размерах, напр. по вопросу об уничтожении казачества в Забайкалье для уравнивания его в правах с остальными, дарования им самоуправления – все работает Кукель» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 49].

Болеслав Казимирович Кукель (1829–1869), молодой высокообразованный генерал, был начальником штаба Восточной Сибири с 1859 г. Он служил в Восточной Сибири с 1851 г., был одним из офицеров-«муравьевцев», учившийся решать задачи военной защиты и обустройства русских земель у Муравьева. Кропоткин был очарован Кукелем, простым, человеческим, с разносторонними знаниями, энергичным, артистичным, ответственно относившимся к службе, противником деспотизма и всех проявлений насилия [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 44; Дневник П.А. Кропоткина: 45]. Кропоткину был симпатичен Кукель и потому, что тот проводил в жизнь свой девиз всегда и везде бороться с насилием: «Он его проводит в жизнь, да еще с какой юношеской энергией» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 49].

При Муравьеве и Корсакове с политическими ссыльными обращались «со всевозможной мягкостью» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 186], смягчили режим содержания, жестко не ограничивали свободу передвижения и проживания,

уважали их достоинство, разрешали общаться с местными жителями, читать книги и журналы. По наблюдениям Кропоткина, взаимоотношения людей в Сибири были менее церемонными, более простыми, «выражения» более вольными. В Чите с благодарностью вспоминали о декабристах, которые своими поселениями фактически и создали город. Везде в Чите с «огромным участием» относились к политическим ссыльным [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 65]. В них видели не преступников, а умных, порядочных людей, по возможности помогали им.

Кукель с радостью принял на службу Кропоткина, молодого офицера из столицы, с хорошим образованием, ввел в свой дом. Он предложил Кропоткину должность адъютанта [Кропоткин: 184]. «Чем дальше, тем больше схожусь я с Кукелем и убеждаюсь, что он пресимпатичная личность...», – писал Кропоткин брату о том, что с большим желанием он работал под началом Кукеля [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 49]. Кукель разрешил Кропоткину пользоваться собранной им библиотекой, в которой были все лондонские издания А.И. Герцена: «У Кукеля получают всевозможные журналы, в том числе и «Колокол» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 49]. Работы Герцена выдавали при Кукеле, это означало, что он не боялся прослыть его почитателем [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 49]. Наличие в домашней библиотеке запрещенных работ Герцена и свободное их чтение всеми желающими – знаковая черта культуры просвещенных людей в Восточной Сибири эпохи Александровской «оттепели». В дневнике Кропоткин записал, что сибиряки ему открыто говорили, что читают «Колокол», у многих есть целые подшивки герценовской газеты. В европейской России люди не могли так откровенно говорить о чтении изданий Герцена, писал Кропоткин. В те годы Кукеля не преследовали за чтение работ Герцена, но ему не простили этого в период реакции, как и переписку с М.А. Бакуниним. Кукель выписывал лучшие русские журналы, знакомившие общество с новинками литературы. В городской библиотеке Иркутска Кропоткин насчитал 50 названий журналов и газет на русском, французском, польском и немецком языках [Дневник П.А. Кропоткина: 44]. Во всех городах Сибири, отмечал Кропоткин, были библиотеки: «Везде почти есть библиотеки: в Иркутске, в Чите, в Кяхте...» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 49]. Образованные жители пользовались не только городскими библиотеками, но имели и домашние собрания книг, по традиции того времени доступные многим желающим их прочитать бесплатно или за небольшую сумму.

Благодаря периодическим изданиям, имевшим разделы художественной литературы и публицистики, начитанность образованных людей даже в далекой провинции была высокой. Они знали

имена популярных писателей и созданные ими литературные образы, обсуждаемые обществом проблемы. Книжная литература и журнальные издания создавали культурное пространство в России, идейно объединявшее многих читателей, позволявшее формировать схожий образ мыслей. В Восточной Сибири немало образованных молодых людей были сторонниками либеральных преобразований. Общие убеждения сближали, становились основой крепкой дружбы. Образованные деятельные читинцы участвовали в разработке проекта городского самоуправления.

В 1862 г. Кукель временно занимал пост военного губернатора Забайкальской области, центром которой была Чита. Кропоткин писал, что Кукель выполнял распоряжения центральной власти. Из министерства пришло разрешение создать комитеты по разработке планов преобразований, предложено руководствоваться идеями, прописанными в царских манифестах: «Из петербургских министерств присланы были местным властям предложения выработать планы полного преобразования администрации, полиции, судов, тюрем, системы ссылки, городского самоуправления» [Кропоткин: 184]. В министерских распоряжениях были определены и либеральные основы планов. Такое широкое поле деятельности местных властей приветствовалось в Восточной Сибири Корсаковым, Кукелем, Кропоткиным и другими офицерами.

Министерство внутренних дел до 1861 г. издавало свой ведомственный журнал, а с 1862 г. – газету «Северная почта», чтобы быстрее доводить до местной администрации свои инициативы. В «Журнале Министерства внутренних дел» была официальная часть, где публиковались «министерские распоряжения», например, по делам общественного призрения, по общественному хозяйству городов, по делам арестантов, кормовым деньгам арестантам, списки населенных мест и другие [Журнал Министерства внутренних дел]. В неофициальной части публиковались исследования, например, по преобразованию «общественного здоровья». В губернских и уездных городах было предложено создать комитеты, которые будут заботиться о пресечении эпидемий, общественном благе [Журнал Министерства внутренних дел]. Журнал знакомил с европейским опытом решения общественных проблем. В сибирских городах, в том числе Чите, получали министерские журналы, Кропоткин писал, что он внимательно их изучал, работая над проектами. С его точки зрения, тексты в журналах позволяли понять цели и содержание преобразований на местах.

Считаем, что издания министерств стали важной формой коммуникации центра и провинциальной администрации. Они были доступны для губернских чиновников всех районов России, транслировали идеи просвещенных министров, ученых, специалистов-практиков.

Кукель собрал команду сторонников реформ, понимавших, что нельзя терять время на их подготовку. Они «всецело» отдались работе по проведению преобразований. Группа энтузиастов, возглавляемая губернатором, ежедневно обсуждала реформы, продумывала последовательность действий. Читинские реформаторы руководствовались распоряжениями министерств, на основе которых выработывали проекты «полного преобразования» полиции, судов, тюрем, городского самоуправления [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 184].

Кукель искал умных, порядочных молодых офицеров. Он сказал Кропоткину: «...я вас к себе вербую, мне порядочные люди нужны» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 46]. Кропоткину тоже хотелось работать с Кукелем. Кропоткин надеялся, что в Сибири он сможет реализовать свои убеждения: «...начинается применение на практике моих убеждений. <...> Вот и деятельность, и я с радостью принимаюсь за нее» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 58]. Работы было достаточно много: «Везде по статской службе нужна работа, и сильная работа, толковых людей мало, и на одного человека взваливают то, что в России делают четверо» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 60]. «“А на недостаток материалов” для деятельности грех пожаловаться» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 70]. Кропоткин понимал, что прежде, чем что-то менять, надо изучить настоящее положение дел, например состояние тюрем «до мельчайших подробностей», далее определить «средства к улучшению», изучить опыт знатоков: «...требуются практические указания от разных лиц», следует знать законы: «...была бы охота работать, работа есть» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 70]; «...заваливает работа, для себя ничего не успеваешь делать» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 71]; «Теперь работаю, как могу, в комиссии... Приходилось работать, и в карете ездил на заседания» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 78]; «А есть в комиссии люди, ей-ей, очень неглупые. А придут в комиссию, либо не высказываются, либо такую чепуху проют» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 79]. По мнению Кропоткина, в комитетах работали разные люди: деятельные, воспринимавшие новые идеи, и традиционно настроенные, не понимавшие задач преобразований. По мысли Кропоткина, важно учитывать мотивы деятельности человека: «...важно не то, что сделал человек, а важно то, что думал он, делая это» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 201]. Сам Кропоткин стремился содействовать проведению либеральных реформ в интересах общества. Он считал, что аналогичные цели преследовали генералы Корсаков и Кукель. Но некоторые чиновники, утверждал Кропоткин, смотрели на свою работу просто как на выполнение обязанностей.

В команду реформаторов, созданную Кукелем, вошли несколько офицеров, среди которых были

умный, практичный К.Н. Педашко, сторонник развития просвещения А.Л. Шиняевский и гражданские чиновники: «Все они работали усердно, весь день и часто ночи» [Кропоткин: 184]. Кропоткин был секретарем двух комитетов, которые разрабатывали проекты реформы тюрем и системы ссылки, городского самоуправления. Он неоднократно употреблял термины «комитет», «комиссии», не приводя их названия. Согласно министерским распоряжениям, губернская администрация могла сама инициировать создание комитетов по различным направлениям деятельности. Затем губернская администрация должна была отправить проекты в профильные министерства.

Судя по текстам Кропоткина, его отношение к преобразовательной деятельности было ответственным. Он взялся «за работу со всем энтузиазмом девятнадцатилетнего юноши и много читал об историческом развитии этих учреждений в России и о современном положении их в Западной Европе» [Кропоткин: 184–185]. Кропоткин и его единомышленники сначала обсуждали с «практическими людьми, хорошо знакомыми с местными условиями и с нуждами края, общие черты проекта, а затем мы выработывали его во всех подробностях, пункт за пунктом» [Кропоткин: 185]. Члены комитетов советовались с местными специалистами, а затем снова обсуждали с губернатором Кукелем и Педашенко. Наконец, комитеты дорабатывали все положения проектов и окончательные варианты передавали губернатору.

Кукель рискнул при разработке планов преобразований учесть мнение читинского общества, хотя министерства не давали распоряжения привлекать местных жителей к работе в комитетах. Он разрешил включить представителей общественности в комитет, разрабатывавший проект местного самоуправления. Кропоткин писал, что были проведены выборы: комитет состоял из «читинцев, выбранных всем населением города: в нем заседал даже один поселенец» [Кропоткин: 185]. Читинцы с энтузиазмом подошли к решению вопросов благоустройства своего города, писал Кропоткин. По его мнению, разработанный читинской общественностью проект был лучше Положения 1870 г. Он позволял быстро создать в городах современную инфраструктуру. Сибирские города имели бы совсем другой вид, полагал Кропоткин, если бы этот проект был реализован [Кропоткин: 193]. Однако в своих текстах он не раскрыл положения этого проекта. Проект предстояло одобрить не только губернатору, но и П.А. Валуеву, возглавлявшему министерство внутренних дел в 1861–1869 гг., имевшему репутацию консерватора, под руководством которого разрабатывался более умеренный проект городской реформы. Кропоткин уже позднее узнал, что проект не рассматривался в министерстве, скорее всего, он не дошел до Валуева.

Кукель и Кропоткин в те годы были единомышленниками: веровали, что реформы изменят жизнь народа, дадут ему возможность учиться, получать медицинскую помощь, защитят его права в судах, что преобразования расширят свободу человека. Оба были деятельными, убежденными, честными, принципиальными, способными к крепкой дружбе, ориентированными на благо народа.

Кропоткин запомнил слова Кукеля о времени подготовке реформ: «великая эпоха». Кукель дал совет Кропоткину: «...работайте, милый друг; помните, что вы секретарь всех существующих и будущих комитетов», и Кропоткин «работал с двойной энергией» [Кропоткин: 185]. Кукель, просвещенный деятель, сам был энергичным и деятельным и желал видеть в своем окружении преданных делу преобразований людей.

Как видно, губернская администрация Восточной Сибири в начале 1860-х годов содействовала практической реализации министерских идей о реформировании местных институтов. Преобразовательная деятельность, осуществляемая в сжатые сроки, регулировалась и контролировалась едва ли не ежедневно губернатором и его доверенными лицами. Заинтересованность в преобразованиях самого губернатора Кукеля стала важнейшим условием успешности первой стадии реформ: продуманы проекты преобразований, их алгоритм – последовательность действий, обязанности учреждений и лиц. Обращает на себя внимание и высокое доверие Кукеля молодому энергичному, ориентированному на общественно полезную деятельность Кропоткину, постоянное моральное стимулирование им решения поставленных задач.

По мысли Кропоткина, власть повернула к реакции в начале 1860-х годов сначала в центре, а затем и в провинции. «Гроза» «все смела пред собою вскоре после того, как в Польше разразилась революция». «Польская революция положила конец всем реформам», а значение судебной и земской реформ «сократили» [Кропоткин: 186, 191]. В Петербурге и Москве молодые люди осознали уже в 1862 г., что правительство боится просвещенных людей. Александр Кропоткин сообщал Петру в письме 7 сентября 1862 г., что в Москве идут аресты: «Здесь только аресты да аресты... Придешь в дом Сазонова к товарищам: что нового?... Тот-то взят, тот-то тоже – и так безостановочно. Лучших людей перехватывали. На кого ж надеяться? Страшно видеть вокруг этот произвол» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 47]. Александр Кропоткин потерял веру в реформы: «...ждут манифеста, ждут реформ. Я не жду. Если и будет что – так пустое: от извергов не идет добро» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 47]. Аресты ожесточали молодежь, терявшую надежду на преобразования.

«Волна реакции» докатилась в 1863 г. и до Восточной Сибири [Кропоткин: 186], свидетельствовал Кропоткин. Она проявилась в отставках про-

свещенных деятелей, прежде всего губернатора Забайкальского края Кукеля, в 1863 г. его перевели в Иркутск. Отставка Кукеля была осуществлена таким образом, что можно было ждать и заключения его в камеру Петропавловской крепости: без объяснения причин требовали оставить Читу и ждать дальнейших распоряжений. Только «энергичное заступничество» графа Муравьева-Амурского, лично просившего императора пощадить Кукеля, помогло последнему избежать ареста и последующего наказания за полученное от М.А. Бакунина письмо. «Ни с того ни с сего пришло ему предписание немедленно выехать в Иркутск и дожидаться там дальнейших распоряжений. На место его назначен другой. Корсаков ничего не пишет – он не вернется, все это как снег на голову. Ясно – предписание от высшего начальства, а не от Корсакова» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 79]. Кропоткин понимал, что Кукель был уволен по доносу. Процветание доносительства не соответствовало политике либеральных реформ. «По доносу все делается. Вот каковы дела. Еще и еще согое подтверждение “либеральности реформ”. И после этого возможны ли “мирные реформы”? Эти слова стали для меня так же противны, как тебе когда-то слово “практичность”», писал Петр Кропоткин брату 8 февраля 1863 г. [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 80]. Кропоткин понял, что намерения императора и его министров не настолько либеральны, как об этом говорили.

Кропоткин разочаровался в политике Александра II, поскольку власть отстранила Кукеля от подготовки реформ. В Чите к Кукелю относились с огромным уважением, его жалели, многие провожали его провожать. «Жаль Кукеля. Я с ним расстался, как с очень близким человеком... Его поехало провожать до 1-й станции (за 40 верст) чуть ли не все “общество” – троек более десяти или пятнадцати. Надо видеть, как все озадачены. <...> У всех такие грустные лица, это хоть несколько охарактеризует тебе этого человека» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 80]. Кропоткин назвал репрессии в отношении Кукеля «похоронами целой эпохи» [Кропоткин: 192]. Он считал, что центральная власть, до сих пор покровительствовавшая Кукелю, ранее не обращавшая внимание на доносы о его интересе к идеям Герцена, лишила его губернаторского поста, не желая форсировать решение реформаторских задач и опасаясь восстаний. В 1863 г. из Петербурга, как понял Кропоткин, приказали «не предлагать никаких перемен, а предоставить делам идти по заведенному порядку» [Кропоткин: 206]. Кропоткин сознавал, что центральная власть приказала местной администрации жить на основе ранее заведенного порядка. Для себя Кропоткин решил, что если «с реформами покончено», то в Чите ему делать нечего. Он принял предложение поехать со сплавом на Амур [Кропоткин: 195].

Министерства не приняли во внимание труд реформаторов из Читы: проекты не были изучены: «Там наши проекты и покоятся по сию пору...» [Кропоткин: 192]. Кропоткин полагал, что аналогичной была судьба сотен «других подобных записок, поданных со всех концов России» [Кропоткин: 192–193]. Новые суды в Забайкальском крае открыли спустя два десятилетия, а система ссылки и тюрем осталась прежней. «...Через много лет правительство вводит в Сибири новые суды и пародию на самоуправление...», – резюмировал Кропоткин уже в воспоминаниях итоги сворачивания реформ в этом районе [Кропоткин: 193]. Результаты не соответствовали замыслу просвещенных деятелей, делал вывод Кропоткин.

Таким образом, Кропоткин, оценивая эпоху конца 1850-х – начала 1860-х гг., выявлял в политике Александра II дихотомию «либерализма» и «реакции». В риторике Кропоткина «либерализм» в России на рубеже этих десятилетий проявлялся в подготовке и проведении реформ, освобождении крестьян, расширении свободы личности и слова, в назначении на должности сторонников инноваций. По мнению Кропоткина, реакционная тенденция, набиравшая силу с 1862–1863 гг., заключалась в увольнении либерально мыслящих людей, арестах, ужесточении цензуры, укреплении самодержавия. Кропоткин представлял себе исторический процесс динамичным, меняющимся в зависимости от влияния разных факторов, в том числе личностного. В его представлении Александр II смог решиться только на преобразования, не ограничивавшие его власть, император не желал менять политическую систему, поэтому неизбежно в управленческие структуры должны были вернуться консерваторы, стремившиеся к свертыванию реформ.

Кропоткину удалось показать, что личностный фактор играл большую роль и в преобразовании Восточной Сибири. Инновации в начале 1860-х гг. в Восточной Сибири поддерживали просвещенные губернаторы, молодые, отлично образованные, либерально мыслящие офицеры и местные энтузиасты, отдававшие время и силы подготовке и проведению реформ в своем крае, думавшие не о карьере, а о благополучии общества. К их числу он относил и себя. Кропоткин полагал, что просвещенные офицеры и чиновники в Восточной Сибири были реальной силой преобразовательного процесса, влияли на его динамику и результаты, вовлекали в него общественность. По его мнению, в Восточной Сибири определилась тенденция к взаимодействию губернской администрации и инициативных представителей общества. Формой их совместной работы стал комитет по разработке проекта самоуправления. С точки зрения Кропоткина, было важно, что в Восточной Сибири формировались группы заинтересованных в реформах людей, которые брали на себя ответственность за преобразования на местах. Замедление

преобразований Кропоткин связывал с возвращением к власти уже в первой половине 1860-х гг. консерваторов.

Кропоткин в начале 1860-х гг. оценивал политику центральной власти и губернских чиновников Восточной Сибири в контексте либеральных идей, будучи уверенным в том, что стране нужны новые административные и социальные институты, ориентированные на интересы личности и общества.

Список литературы

- Артемов В.М.* Приоритет нравственно-философского измерения свободы в трудах П.А. Кропоткина: опыт теоретической реконструкции в контексте стратегии этизации современного права // *Этика П.А. Кропоткина и проблема соотношения нравственности и права: сб. науч. трудов по материалам межрегионал. науч. конф.; 25–26, 30 сентября 2015 г. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2016. С. 155–160.*
- Дневник П.А. Кропоткина. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 294 с.*
- Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1861. Т. 48. 292 с.*
- Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. 544 с.
- Маркин В.А.* Кропоткин. М.: Молодая гвардия, 2009. 333 с.
- Маркин В.А.* Неизвестный Кропоткин. М.: Олма-Пресс, 2002. 104 с.
- Петр и Александр Кропоткины.* Переписка. М., Л.: Academia, 1933. Т. 1. 1857–1862. 287 с.
- Петр и Александр Кропоткины.* Переписка. М., Л.: Academia, 1933а. Т. 2. 1862–1871. 278 с.
- Пирумова Н.М.* Петр Алексеевич Кропоткин. М.: Наука, 1972. 223 с.
- Прядкина А.К.* Взгляды П.А. Кропоткина на законодательное развитие России // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако. Материалы II Междунар. науч. конф. Тамбов, 2018. С. 85–88.
- Пустарнаков В.Ф.* Познавательное и ценностное в мировоззрении молодого Петра Кропоткина // Труды Комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. М., 1992. Вып. 1. С. 47–68.
- Сайтанов С.В.* Становление П.А. Кропоткина как русского ученого-интеллигента в период до-анархического реформизма (1842–1876) // Интеллигенция и мир. Иваново. 2011. № 4. С. 93–111.
- Сафронов О.С.* Проблемы эволюции общества и государства в идеологии русского анархизма (М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин): автореф. дис. ... док. ист. наук. Тамбов, 2015. 44 с.
- Сафронов О.С.* История России XVII–XIX вв. в трактовке П.А. Кропоткина // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356 (март). С. 95–101.
- Твардовская В.А.* Петр Кропоткин – мечтатель и идеалист // Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 2–34.

Ударцев С.Ф. Кропоткин. М.: Юрид. лит., 1989. 144 с.

Ударцев С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. М.: Высшая школа права, изд-во «Форум», 1994. 382 с.

Чикаева Т.А. Соотнесение идей П.А. Кропоткина о праве и справедливости с русским национальным правосознанием // Этика П.А. Кропоткина и проблема соотношения нравственности и права: сб. науч. трудов по материалам межрегионал. науч. конф.; 25–26, 30 сентября 2015 г. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2016. С. 159–165.

References

Artemov V.M. *Prioritet npravstvenno-filosofskogo izmereniia svobody v trudakh P.A. Kropotkina: opyt teoreticheskoi rekonstruktsii v kontekste strategii etizatsii sovremennogo prava. Etika P.A. Kropotkina i problema sootnosheniia npravstvennosti i prava: sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhregional'noi nauchnoi konferentsii; 25–26, 30 sentiabria 2015* [The priority of the moral and philosophical dimension of freedom in the works of P.A. Kropotkina: the experience of theoretical reconstruction in the context of the strategy of ethizing modern law. Ethics of P.A. Kropotkin and the problem of the relationship between morality and law: a collection of scientific papers based on the materials of the interregional scientific conference; 25–26, 30 September 2015]. Moscow, Publishing Center of the O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy Publ.), 2016, pp. 155–160. (In Russ.)

Dnevnik P.A. Kropotkina [P.A.'s diary Kropotkin]. Moscow, Gosizdat Publ., 1923, 294 p. (In Russ.)

Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del [Journal of the Ministry of the Interior]. Saint Petersburg, 1861, vol. 48, 292 p. (In Russ.)

Kropotkin P.A. *Zapiski revoliutsionera* [Revolutionary notes]. Moscow, Moscow worker Publ., 1988, 544 p. (In Russ.)

Markin V.A. *Kropotkin* [Kropotkin]. Moscow, Young guard Publ., 2009, 333 p. (In Russ.)

Markin V.A. *Neizvestnyi Kropotkin* [Unknown Kropotkin]. Moscow, Olma-Press Publ., 2002, 104 p. (In Russ.)

Petr i Aleksandr Kropotkiny. *Perepiska* [Correspondence]. Moscow, Saint Petersburg, Academia Publ., 1933, vol. 1, 1857–1862, 287 p. (In Russ.)

Petr i Aleksandr Kropotkiny. *Perepiska* [Correspondence]. Moscow, Saint Petersburg, Academia Publ., 1933, vol. 2, 1862–1871, 278 p. (In Russ.)

Pirumova N.M. *Petr Alekseevich Kropotkin* [Petr Alekseevich Kropotkin]. Moscow, Science Publ., 1972, 223 p. (In Russ.)

Priadkina A.K. *Vzgliady P.A. Kropotkina na zakonodatel'noe razvitie Rossii: Tambovskie*

pravovye chteniia imeni F.N. Plevako [The views of P.A. Kropotkin on the legislative development of Russia. Tambov Legal Readings named after F.N. Plevako]: *materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [materials of the II International Scientific Conference]. Tambov, 2018, pp. 85–88. (In Russ.)

Pustarnakov V.F. *Poznavatel'noe i tsennostnoe v mirovozzrenii molodogo Petra Kropotkina: trudy Komissii po nauchnomu naslediiu P.A. Kropotkina* [Proceedings of the Commission on the Scientific Heritage of P.A. Kropotkin: Cognitive and value-based in the worldview of the young Peter Kropotkin]. Moscow, 1992, vol. 1, pp. 47–68. (In Russ.)

Saitanov S.V. *Stanovlenie P.A. Kropotkina kak russkogo uchenogo-intelligenta v period doanarkhicheskogo reformizma (1842–1876)* [The formation of P.A. Kropotkin as a Russian scientist and intellectual in the period of pre-anarchist reformism (1842–1876)]. *Intelligentsiia i mir* [Intellectuals and the world]. Ivanovo, 2011, № 4, pp. 93–111. (In Russ.)

Safronov O.S. *Problemy evoliutsii obshchestva i gosudarstva v ideologii russkogo anarkhizma (M.A. Bakunin i P.A. Kropotkin): avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk* [Problems of the evolution of society and the state in the ideology of Russian anarchism (M.A. Bakunin and P.A. Kropotkin): author. dis. ... doc. ist. Sciences]. Tambov, 2015, 44 p. (In Russ.)

Safronov O.S. *Istoriia Rossii XVII–XIX vv. v traktovke P.A. Kropotkina* [History of Russia XVII–XIX centuries. in the interpretation of P.A. Kropotkin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 2012, № 356 (March), pp. 95–101. (In Russ.)

Tvardovskaia V.A. *Petr Kropotkin – mechtatel' i idealist* [Petr Kropotkin is a dreamer and idealist]. *Kropotkin P.A. Zapiski revoliutsionera* [Kropotkin P.A. Notes of a revolutionary]. Moscow, Moscow working Publ., 1988, pp. 2–34. (In Russ.)

Udartsev S.F. *Kropotkin* [Kropotkin]. Moscow, Legal literature Publ., 1989, 144 p. (In Russ.)

Udartsev S.F. *Politicheskaiia i pravovaia teoriia anarkhizma v Rossii: istoriia i sovremennost'* [Political and legal theory of anarchism in Russia: history and modernity]. Moscow, Vysshiaia shkola prava, Forum Publ., 1994, 382 p. (In Russ.)

Chikaeva T.A. *Sootnesenie idei P.A. Kropotkina o prave i spravedlivosti s russkim natsional'nym pravosoznaniem* [Correlation of P.A. Kropotkin about law and justice with Russian national legal awareness]. *Etika P.A. Kropotkina i problema sootnosheniia npravstvennosti i prava: sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhregional'noi nauchnoi konferentsii; 25–26, 30 sentiabria 2015 g.* [Ethics P.A. Kropotkin and the problem of the relationship between morality and law: a collection of scientific papers based on the materials of the interregional scientific conference on September; 25–26, 30 September 2015]. Moscow, Publishing Center of the O.E. Kutafina, (Moscow State Law Academy Publ.), 2016, pp. 159–165. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-51-54>
УДК 94(470.67)"19"

Джабаева Тахмина Чарагановна
Дагестанский государственный университет

**ПРОБЛЕМА ВВЕДЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И СУДОПРОИЗВОДСТВА
ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ДАГЕСТАНЕ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА
(на материалах Дербентского уезда)**

Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с внедрением российских законов в Дагестане в середине XIX в. Проанализированы административные преобразования, произведенные российским правительством в системе управления Дербентской губернией в середине XIX в. Дана социальная характеристика населения обществ Дербентского уезда, их особенности. В статье выявлены причины несвоевременности введения полноценного гражданского управления в уезде, невосприимчивости населения российского судопроизводства ввиду влияния адатов в течение многих веков. Как следствие, отмечена политическая гибкость царской администрации по отношению к населению Дербентского уезда. Проанализирована степень влияния адатов на общественную жизнь и самосознание населения, стойкое соблюдение архаичных норм обычного права, несмотря на политическое и административное присутствие, в большей или меньшей мере, царской администрации в различных обществах Дербентского уезда. Об обычае кровной мести писали многие исследователи Кавказа, но в данной статье мы хотим подчеркнуть социально-политическую разницу в общественном сознании, существующую между населением края и новой властью. Статья подразумевает изучение комплекса вопросов, связанных с уровнем социального развития населения Дербентского уезда Дагестана в составе России в середине XIX века.

Ключевые слова: Дагестан, судопроизводство, население, гражданское управление, обычное право (адат), царская администрация, кровная месть, губерния, общественная жизнь.

Информация об авторе: Джабаева Тахмина Чарагановна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0643-8260>, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия.

E-mail: tahmina.dj@mail.ru

Дата поступления статьи: 25.06.2020.

Для цитирования: Джабаева Т.Ч. Проблема введения гражданского управления и судопроизводства царской администрации в Дагестане в середине XIX века (на материалах Дербентского уезда) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 51-54. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-51-54>.

Takhmina Ch. Dzhabayeva
Dagestan State University

**THE PROBLEM OF INTRODUCTION OF CIVIL ADMINISTRATION
AND JUDICIAL PROCEEDINGS OF THE TSARIST ADMINISTRATION
IN DAGESTAN IN THE MID-19TH CENTURY
(based on the materials of Derbent district)**

The article is devoted to the study of issues related to the implementation of Russian laws in Dagestan in the mid-19th century. The article analyses the administrative changes made by the Russian government in the system of administration of Derbent province in the mid-19th century. The social characteristics of the population of Derbent district societies and their features are given. The article reveals the reasons for the untimely introduction of a full-fledged civil administration in the county, lack of the population's acceptance of Russian judicial proceedings due to the influence of the adat for many centuries. As a result, the political flexibility of the tsarist administration in relation to the population of Derbent district was noted. We analysed the impact of the adat on public life and the consciousness of the population, persistent adherence to archaic norms of customary law despite the political and administrative presence, to a greater or lesser extent, the tsarist administration in different societies of Derbent district. Many researchers of the Caucasus have written about the custom of blood feud, but in this article we want to emphasise the socio-political difference in public consciousness that existed between the population of the region and the new government. The article involves the study of a complex of issues related to the level of social development of the population of Derbent district of Dagestan in Russia in the mid-19th century.

Keywords: Dagestan, legal proceedings, population, civil administration, customary law (adat), tsarist administration, blood feud, province, public life.

Information about the author: Takhmina Ch. Dzhabayeva, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0643-8260>, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Dagestan State University, Department of Russian history, Faculty of history, Makhachkala, Dagestan autonomy, Russia.

E-mail: tahmina.dj@mail.ru

Article received: June 25, 2020.

For citation: Dzhabayeva T.Ch. The problem of introduction of civil administration and judicial proceedings of the tsarist administration in Dagestan in the mid-19th century (based on the materials of Derbent district) // Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 51-54 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-51-54>.

В 40-х годах XIX в. реформирование системы административного управления началось с высших органов военной и гражданской власти на Кавказе. Прежде всего было учреждено Кавказское наместничество вместо должности главнокомандующего Кавказской армией [Джамалудинов: 120].

В 1847 г. командующий войсками и одновременно управляющий гражданской частью во всем Прикаспийском крае с этого времени совмещал в своих полномочиях управление дербентского военного губернатора, командовавшего войсками в Южном Дагестане, а также управление начальника в Северном и Нагорном Дагестане. С возложением на него общего гражданского управления в этом крае в помощь к нему было назначено особое лицо для управления Дербентской губернией со званием военного губернатора города Дербента.

С этого времени Северный, Нагорный и Южный Дагестан составили Прикаспийский край. С 1855 г. Прикаспийский край был поделен на владения Северного и Нагорного Дагестана и Дербентскую губернию, которая состояла, кроме Самурского и Даргинского округов, Кюринского и Казикумухского владений и прочих земель к югу от Аварского Койсу, из Кубинского и Дербентского уездов.

Особенность нового управления заключалась в том, что Дербентский и Кубинский уездные начальники управляли в своих уездах по новым, а главное, единым правилам уездных начальников Кавказа, управление же остальными землями Дербентской губернии оставалось прежним, как до 1846 г.

Соответственно, принципы и порядок гражданского управления в Дербентском уезде были такими же, как в уездах других Закавказских губерний.

Управляющий гражданской частью и командующий войсками в Прикаспийском крае генерал кн. Орбелиани в докладной записке наместнику на Кавказе кн. Барятинскому изложил по пунктам несостоятельность и даже противоестественность подобного управления ввиду различного социального уровня, степени образованности населения обществ, населяющих уезд [Акты XII: 424]¹.

Население Дербентского уезда можно разделить на вполне покорных жителей, понимающих и принимающих начала гражданской жизни; на жителей также вполне покорных, но вследствие низкого социального уровня не понимающих смысла новых законов; на полупокорных жителей, «общение» с которыми происходит только при помощи военной силы и, наконец, непокорных жителей, признающих зависимость от царской администрации, только когда привлекаются военные силы.

Территориально Дербентский уезд состоял из владений Кайтага, Табасарана и Улусского магала. Кайтаг, ранее управляемый независимыми от другой власти уцмиями, состоял из шести вольных магалов (7000 дворов), двух покорных (29 деревень,

2 311 дворов) и шести горных деревень (2 000 дворов), не принадлежащих ни к одному из магалов. Табасаран, ранее управляемый независимыми владельцами – кадиями и майсумами – разделялся на Северный и Южный, состоял также из вольных и покорных обществ.

Улусский магал, до присоединения к России составлявший с г. Дербентом ханство Дербентское, состоял из 9 деревень с 540 домами с миролюбивыми жителями, которые давно приняли новое гражданское управление [Акты XII: 423]¹. С 1859 г. наблюдался рост численности населения Дербента за счет русских военных чинов. Управляющий гражданской частью в Прикаспийском крае дал разрешение строиться за крепостными стенами города, тем самым расширив его границы за счет притока русского лояльного населения [Суздальцева: 86]. Кроме того, Дербент исторически сложился как торгово-ремесленный центр, и во второй половине XIX в. он продолжал свое развитие [Далгат: 58]. Таким образом, социально-экономический уровень населения здесь был гораздо выше других владений Дербентского уезда.

В итоге Дербентский уезд состоял из 16 тысяч дворов с социально разнородным населением различной степени образованности и уровня покорности царской администрации. Реализовывать единое гражданское управление в отношении всех обществ уезда было крайне сложно, а в некоторых обществах – невозможно. К наиболее непокорным обществам относились жители вольных магалов Табасарана и Кайтага. Данная непокорность проявлялась не столько в прямом противостоянии жителей магалов новым законам, сколько в слабом присутствии, иногда и в полном отсутствии здесь представителей власти. Некоторые общества посещались только в рамках экспедиций, многие общества вовсе не посещались царской администрацией.

Более того, среди населения Дагестана в целом и в частности Дербентского уезда, о котором идет речь в статье, большое влияние имели адаты. Как правило, в своем большинстве они имели архаичные черты и несли пережиток патриархальных отношений. Но население в повседневной жизни, как правило, соблюдало прописанные нормы обычного права и всецело несло ответственность за своих членов.

К пережиткам патриархально-родовых обычаев в данный период прежде всего следует отнести кровную месть, самоуправный захват имущества, возмещение ущерба потерпевшему, изгнание из определенной местности и т. д. Более того, в кровомщении участвовали все члены рода потерпевшего, и оно не имело срока давности. Этот обычай и особенности его соблюдения являлись едиными для всех обществ Дагестана и проходили красной линией среди разнообразных и обособленных адатов отдельных сел и аулов [Караулов: 499].

Об обычае кровной мести писали многие исследователи Кавказа, но в данной статье мы хотим обратить внимание на социально-политическую разницу в общественном сознании между населением края и новой властью.

При составлении проекта кавказской судебной реформы основополагающим руководящим принципом для царской администрации являлось соотношение основных положений общероссийского законодательства с нормами адата и шариата, но с целью дальнейшего постепенного распространения в крае законов империи.

Жители Кайтага и Табасарана ни как истцы и ответчики, ни как подсудимые и свидетели понятия не имели, как им нужно поступать по российским законам. Более того, квалифицировавшиеся по российскому законодательству тяжкие преступления здесь считались делом чести или священным долгом. Например, убийство по кровомщению, убийство жены, дочери, сестры, когда они замечены или оговорены в любовной связи с кем бы то ни было, убийство человека, подозреваемого в обольщении их. Следует отметить, что это наблюдалось не только в Кайтаге и Табасаране, но и во многих других обществах Дагестана в данный период.

Все преступления совершались с полной уверенностью в правоте дела и без упреков совести. Более того, совесть терзала бы дагестанца в том случае, если бы он не совершил убийство по вышеизложенным причинам. Кроме того, в Кайтаге и Табасаране легко совершались поранения и убийства во время ссор и драк, так как здешние жители по обыкновению всегда и везде имели при себе оружие.

Влияние адатов своей давностью и общностью было настолько сильным, что никакая другая, пусть и цивилизованная, законодательная власть не могла здесь прижиться. По российским законам наказания, предусмотренные за убийства, поранения во время драки или по кровомщению, по увозу женщин или другим обидам, считающимся у местных жителей кровными, не только не вселяли в народе доверия к российскому правосудию, но и принимались за явную несправедливость.

Первоначально, когда было введено гражданское управление в Дербентском уезде, жители этого уезда, в частности Кайтага и Табасарана, не зная последствий, какие ожидают убийц по новым законам, не укрывались от властей. После нескольких инцидентов ссылки за преступления по кровомщению каждый подобный преступник тотчас же удалялся в ближайшие вольные и непокорные общества и не возвращался, опасаясь преследования властей. Тем не менее дело заводилось, проводилось следствие, передавалось в суд, выносился приговор, который нужно было исполнить в результате или поимки преступника, или добровольной его явки [Акты XII: 426]¹.

В итоге сотни подобных дел, сопряженные с тратой времени и труда, оставались на бумаге, а осужденные по ним, опасаясь возвращения в село из-за преследования властей, даже не имели возможности по обычаю края искать примирения с обиженной стороной. Зачастую они занимались воровством и грабежом и совершали их среди мирного населения уезда.

Кроме того, недовольна была и обиженная сторона, так как по новым законам не имела права преследовать обидчика для отмщения или же получения от него вознаграждения по установленным обычаям.

Беглецов, укрывающихся в так называемых непокорных обществах, не находили ни представители власти, ни обиженная сторона. Последняя оставалась вдвойне недовольной, так как ни по российским законам, ни по своим обычаям преступник не нес наказания.

Волна недовольства быстро распространялась на близлежащие села и негативно отражалась на новой власти даже в покорных обществах. Близкое расположение сел, одна религия лишали возможности новой администрации в крае отделить покорные общества от влияния непокорных и заставить отрешиться от обычаев. Подобная попытка расценивалась как факт угнетения и посягательства царской администрации на священные народные права населения Дагестана.

В связи с этим в управление Дербентским уездом были внесены изменения. Было решено прекратить следствия по таким делам, как ссоры, драки, увоз женщин, кровомщение, поранения, убийства, воровство на любую сумму. Местному начальству было вверено завершать подобные дела по адату в пользу обиженной стороны и примирением спорящих, не применяя кровомщения.

Вместе с тем уголовными преступлениями считались измена, сговор против правительства, участие в набегах, неповиновение властям, разбой и грабежи. Судить по данным преступлениям должен был военный суд. Уголовные преступления, совершенные жителями Дербентского уезда в городах и селах, управляемых на основании общих законов учреждения управления Закавказским краем, судил гражданский суд (Дербентский губернский суд).

Таким образом, в отличие от других губерний Закавказского края, в Дербентской губернии вводилось упрощенное управление. Вместо уездных судов и палат уголовных и гражданских дел в этих губерниях вводился единый губернский суд. Ведомству губернского суда подлежали все уголовные и гражданские дела жителей Дербентской губернии [ПСЗ XXI: № 20702]³.

Что касается административных преобразований российского правительства, то система управления в Дербентской губернии также имела свои

особенности и отличительные черты по сравнению с аналогичным управлением в других губерниях, к примеру в Кутаисской или Эриванской [ПСЗ XXI: № 20702]⁴.

Вместо губернского правления здесь была учреждена канцелярия губернатора. Для управления Дербентом был назначен комендант, тогда как в других губерниях была должность уездного начальника. Для управления полупокорным и мирным населением, входившим в состав Дербентского уезда, были назначены особые военные приставы. Внутреннее управление в Кайтаге и Табасаране находилось в руках местной власти, они продолжали управляться своими старшинами, беками, уцмиями и ханами [Гражданское управление VI: 379]².

Проводя судебно-административные реформы, царское правительство не до конца доверяло сельскому суду и членам управления, строго следило за их деятельностью и держало их под контролем. Приняв во внимание традиционную гибкость адата, новая администрация умело использовала это его качество. Допуская применение норм адата, царизм предоставил кавказской администрации самые широкие полномочия по ограничению и изменению обычно-правовых норм в соответствии с интересами колониальной политики. Постепенно такая политика властей стала давать свои плоды, горское население все больше вовлекалось в правовое пространство России, знакомясь с законодательством империи и училось его применять.

Примечания

¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1904. Т. 12. 1558 с.

² Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества Великого князя Михаила Николаевича: исторический очерк / сост. по поручению Военно-исторического отдела В.Н. Иваненко. Тифлис: Тип. Канцелярии Главного начальствующего гражданского частью на Кавказе, 1901. Т. 6. 527 с.

³ Положение об управлении Дербентской губернией. 14 февраля 1846 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Т. 21. Отд. второе. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1846.

⁴ Положение о разделении Закавказского края. 14 декабря 1846 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Т. 21. Отд. второе. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1846.

Список литературы

Далгат Э.М. Социально-экономическое развитие Дербента во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Дагестанского научного центра. 2015. № 56. С. 57–62.

Джамалудинов М.Д., Шигабуудинов Д.М. Дербентская губерния в составе Кавказского наместничества (к вопросу об административных преобразованиях России в Дагестане во второй половине 40-х гг. XIX в.) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 2 (15). С. 22–25.

Карaulов Н.А. Основы мусульманского права // Историческое наследие. Ставрополь: Стрижамент, 1991. 556 с.

Суздальцева И.А. О формировании русского населения Дербента во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 4 (41). С. 85–88.

References

Dalgat E.M. *Social'no-ekonomicheskoe razvitie Derbenta vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Social and economic development of Derbent in the second half of the XIX – early XX century]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center], 2015, № 56, pp. 57–62. (In Russ.)

Dzhamaludinov M.D., Shigabudinov D.M. *Derbentskaya guberniya v sostave Kavkazskogo namestnichestva (k voprosu ob administrativnykh preobrazovaniyakh Rossii v Dagestane vo vtoroj polovine 40-h gg. XIX v.)* [Derbent province as part of the Caucasian Viceroyalty (on the question of administrative transformations of Russia in Dagestan in the second half of the 40s of the XIX century)]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University. Ser.: Social and Humanities]. Makhachkala, 2011. (In Russ.)

Karaulov N.A. *Osnovy musul'manskogo prava* [Fundamentals of Muslim law]. *Istoricheskoe nasledie* [Historical heritage]. Stavropol, Strizhament Publ., 1991, 556 p. (In Russ.)

Suzdal'ceva I.A. *Oformirovani russkogo naseleniya Derbenta vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [About the formation of the Russian population of Derbent in the second half of the XIX-early XX century]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic]. Grozny, 2018, № 4 (41). (In Russ.)

ДЕТИ ПРИСЛУГИ В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-09-00297

В данной статье на основе историко-антропологического подхода исследуются возможности реализации материнской роли женской прислугой в России на рубеже XIX–XX вв. На широкой источниковой базе, представленной отчётами различных обществ, судебными делами, докладами земских и общественных съездов и т. д., автор анализирует, насколько прислуга обладала «правом на семью», чем было обусловлено желание или нежелание иметь ребенка, возможности воспитания детей. На конкретных примерах в исследовании показывается, что в основном дети у прислуги были внебрачными и нежеланными. Очень часто из-за страха увольнения и потери средств к существованию прислуге приходилось избавляться от ребенка. Автор приходит к выводам, что варианты развития отношений мать – дитя сводились к «избавлению» от ребенка путем аборта, детоубийству, подкидыванию в воспитательный дом, отдаче на воспитание родственникам или общественным организациям, предоставлению ребенка самому себе. Пример детей прислуги показывает, что они вынужденно рано выросли, а полученная «свобода» в большинстве случаев реализовывалась в девиантном поведении. К концу XIX в. судьба безнадзорных детей стала проблемой, вызывавшей серьезную озабоченность не только отечественных педагогов и гигиенистов, но и широких кругов российского общества.

Ключевые слова: дети прислуги, детоубийство, девиантное поведение, воспитательные дома, образовательные и благотворительные учреждения.

Информация об авторе: Семёнова Ольга Александровна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7130-9038>, мл. научный сотрудник НОЦ исторических исследований и анализа ЛГУ им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ivanova.olga.al@mail.ru

Дата поступления статьи: 11.07.2020.

Для цитирования: Семёнова О.А. Дети прислуги в России на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 55-62. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-55-62>.

Ol'ga A. Semyonova

Pushkin Leningrad State University

CHILDREN OF SERVANTS IN RUSSIA IN THE MID-19TH – THE EARLY 20TH CENTURY

In this article, based on the historical and anthropological approach, we study the possibilities of implementing the maternal role of female servants in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries. Based on a wide source base, represented by reports of various societies, court cases, reports of Zemstvo and public congresses, etc., the author analyses the extent to which servants had the «right to a family», which was the reason for the desire or unwillingness to have a child, the possibility of raising children. Using concrete examples, the study shows that most of the servants' children were illegitimate and unwanted. Very often, because of the fear of dismissal and loss of means of subsistence, the servants had to get rid of the child. The author comes to the conclusion that the options for the development of the mother-child relationship were reduced to «getting rid» of the child by abortion, infanticide, dumping it in an orphanage; giving it to relatives or public organisations for upbringing; providing the child to itself. The example of servants' children shows that they were forced to grow up early, and the resulting «freedom», in most cases, was realised in deviant behaviour. By the end of the 19th century the fate of street children had become a problem that caused serious concern not only for Russian pedagogues and hygienists, but also for the broad circles of Russian society.

Keywords: children of servants, infanticide, deviant behaviour, orphanages, educational and charitable institutions.

Information about the author: Ol'ga A. Semyonova, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7130-9038>, research assistant of the REC of Historical research and analysis of Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: ivanova.olga.al@mail.ru

Article received: July 11, 2020.

For citation: Ol'ga A. Semyonova. Children of servants in Russia in the mid-19th – the early 20th century. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 55-62 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-55-62>.

В современной историографии возрос интерес к историко-антропологическим исследованиям. Согласно данному подходу, фокус исследователя сосредотачивается на истории реальной практики конкретных людей. Тема «Дети прислуги в России в середине XIX – начале XX в.» как раз и затрагивает внутрисемейные отношения, вопросы женского труда, социализации детей. Опорными для исследования были работы В.А. Веремченко [Веремченко], С.В. Зайцевой [Зайцева], И.В. Синовой [Синова]. Автор ставит своей целью проанализировать, насколько прислуга обладала «правом на семью» и какие у неё были возможности для воспитания детей.

В начале XX в. одним из широко обсуждаемых социальных вопросов была тема, связанная с положением женской прислуги. Основной тезис защитников этих работниц звучал так: «Прислуга лишена прав свободного человека». Например, писательница С.И. Смирнова отмечала в своих выступлениях, что «у рабочего есть семейная жизнь, а у прислуги ее нет. Многие господа, нанимая ее, прямо ставят условие, чтобы к ней не ходили гости, чтобы она никого у себя не принимала, особенно мужчин. Если к ней придет отец, брат или муж, она не смеет принять его под страхом лишиться места. Она видит их только урывками, когда ее пускают со двора. Что у нее могут быть какие-нибудь личные привязанности, об этом мы не думаем. Мы требуем, чтобы она отреклась от своей судьбы. Если у нее родится ребенок, то она должна отправить его в деревню или воспитательный дом»¹. Доктор Б.П. Бруханский писал, что положение женской прислуги не лучше «положения фабричных работниц» [Бруханский 1916: 12]. Однако если для работниц фабрик и заводов с 1912 г. действовал закон, согласно которому «беременные, состоящие участницами касс (больничные кассы для выдачи их участникам денежных пособий на случай болезни. – О. С.) в продолжение двух недель, предшествующих родам, и роженицы в продолжение четырех недель, следующих за родами, освобождаются от работ» [Бруханский 1914: 2], то для домашней прислуги подобного рода привилегий не существовало. Для них вообще не было разработано никаких нормативных актов, регламентирующих трудовую деятельность.

Как в таких условиях быть женщине, у которой появился ребенок? А если дети уже есть, куда их пристроить на время работы при продолжительности рабочего дня по 16–18 ч.?

В силу сложившихся обстоятельств и психоэмоционального состояния мать могла убить или отдать в воспитательный дом только что родившегося ребенка.

Из множества определений детоубийства наиболее точным в данном контексте будет то, которое предполагает убийство детей вскоре после их рож-

дения под влиянием социально-психологических факторов [Словари]. Правовед М.И. Гернет отмечал, что личная прислуга чаще прибегала к детоубийству, чем к аборт [Гернет: 140], из-за неудачных попыток применения abortативных средств [Гернет: 141]. Боязнь «получить расчет» и остаться без работы склоняла женщин скрывать свою беременность [Гернет: 130]. Например, из дела Владимирского окружного суда 1910 г. следует, что 43-летняя кухарка Екатерина убила своего новорожденного ребенка, объясняя это тем, что если бы хозяева узнали о беременности и родах, то тут же уволили бы её [Гернет: 300].

Причинами беременности зачастую были внебрачные связи и изнасилования хозяевами [Веремченко 2019: 326]. Иногда эти неприглядные факты вскрывались судом. К примеру, московский окружной суд рассматривал дело 21-летней прислуги, которая родила от хозяина. Давая показания, она сказала, что ребенок родился мертвым, и «от стыда скрыла его труп, зарыв его в саду» [Гернет: 302]. В одной из статей С.В. Зайцевой приводятся данные о том, что наибольшее количество внебрачных детей рождалось именно у прислуги. Так, автор отмечает, что в Санкт-Петербурге в 1898 г. из 8 475 матерей, родивших детей вне брака, 3 840 (45,3 %) работали кухарками, нянями, судомойками, горничными [Зайцева 2018: 181].

Для тех, кто не смог совершить убийство, но был не в состоянии оставить у себя сына или дочку, «спасательным кругом» становились воспитательные дома. 97 из 100 приносимых туда младенцев принадлежали к самым низшим классам общества. Огромное большинство составляли дети домашней прислуги, рабочих на фабриках и заводах, а также дети солдатских жен и вдов. Бедность, беспомощность, бездомность, тяжелая зависимость от чужих людей – «вот те побуждения, которые заставляют родителей нести детей в воспитательный дом» [Пфель: 19]. В приюты поступали в основном дети-подкидыши, то есть голодные, часто даже полузамерзшие [Бруханский 1914: 2]. Чтобы выходить таких детей, требовалась исключительная обстановка ухода, питания, гигиены помещения и т. д. Приюты не соответствовали необходимым требованиям для поддержания нормального развития таких детей. Во-первых, большинство детей вскармливались искусственно, меньшая часть – кормилицами и только очень незначительный процент материнским молоком [Бруханский 1916: 12]. Во-вторых, помещения в большинстве случаев абсолютно не отвечали своему назначению: система вентиляции, отопления и освещения была примитивна [Бруханский 1916: 14]. Но дело даже не в том, что подкидышей было тяжело выходить, в вину воспитательным домам до 90-х годов XIX в. ставили саму систему приема. А.К. Пфель, тайный советник, почетный опекун, управляющий Санкт-

Петербургским училищем для глухонемых, в своей программе переустройства воспитательных домов, вышедшей в 1880 г., писал, что нужно дать возможность матерям самим приносить своего ребенка, а не передавать его через «третьи руки», и собирать сведения о них. Такой подход позволил бы через какое-то время женщине забрать своё дитя или ребенку отыскать свою мать [Пфель: 18–20]. Система сокрытия данных полностью уничтожила такую возможность. Ситуация меняется кардинально, когда с 1891 г. воспитательные дома стали требовать подтверждение от полиции или священников, что ребенок незаконнорожденный, и метрические свидетельства в открытой форме [Миронов: 183; Зайцева 2014].

Как видим, страх, стыд, нестабильное эмоциональное состояние, боязнь общественного порицания, материальные трудности толкали мать-прислугу к роли судьи – «убить ребенка или отдать в воспитательный дом».

Теперь перейдем к варианту, когда мать решила сохранить ребенка либо дети уже были подростки. Если женщина родила ребенка и не отправила его в воспитательный дом или деревню к родственникам², то были возможны три сценария воспитания детей: 1) отдавали в специальные приюты, где занимались их обучением и воспитанием; 2) были предоставлены сами себе; 3) «работали» вместе с матерью.

В конце XIX – начале XX в. в России стали распространяться учреждения, которые помогали в воспитании детей дошкольного возраста. Справиться с трудностями ухода за новорожденным бедным матерям помогали организации под названием «Капля молока». Подобного рода учреждения являлись не только точкой «питания» детей, но и центром знаний об уходе за новорожденными, своего рода «школой» для мам [Семёнова 2019а: 78]. Врачебная помощь в «Капле молока» дополнительно сопровождалась патронажем родительства.

По всей стране убежища общества «Ясли» помогали детям, нуждающимся в присмотре, и тем самым давали возможность их родителям, отсылая своих детей в приют общества, «исполнять обычные ежедневные работы для приискания насущного куска хлеба» [Отчет Общества «Ясли»: 6].

«Призреть, обласкать, обогреть, накормить, одеть, воспитать, спасти от гибели» [Стасов: 22] обездоленного ребенка прислуги было главной целью общества «Детская помощь». В двух ведомственных учреждениях – приют «Ясли» и «Временное убежище» – кроме ночлега, пищи, одежды, медицинского обеспечения с детьми занимались грамотой, чтением, рисованием и рукоделием [Стасов].

Ольгинские детские приюты трудолюбия – сеть приютов, находящихся в ведении попечительства о домах трудолюбия и домах работных [Устав

Попечительного общества 1901], была организована для того, чтобы «призывать, а также приучать к труду» мальчиков и девочек. К примеру, в 1901 г. был открыт Ольгинский детский приют трудолюбия в г. Пензе, преимущественно для мальчиков. Для них организовали шесть мастерских: столярную, жестяную, швейно-чулочную, слесарно-токарную, сапожную и кузнечную. Кроме работ в мастерских призываемые сами занимались обработкой земельного участка в одну десятину [Благотворительные учреждения: 107]. Санкт-Петербургский Ольгинский детский приют был организован для девочек от 8 до 18 лет. Их содержание было организовано «скромно и просто» и подготавливало к «трудовой жизни рабочих классов» [Устав попечительного общества 1904: 5].

В Санкт-Петербурге работал детский приют для прислуги вдовьего дома под названием «Приют генерал-адъютанта барона Фредерикса», учрежденный на средства почетного опекуна генерал-адъютанта барона Б.А. Фредерикса (32 000 руб.) в 1867 г. на 60 детей обоего пола. В 1902 г. почетный опекун князь А.Н. Манвелов, управляющий Санкт-Петербургским вдовьим домом, совместно с Санкт-Петербургским Советом детских приютов посчитали необходимым обустройство нового здания учреждения³. Для постройки был использован выморочный капитал бывшей пансионерки вдовьего дома М. Пешковой в сумме 20 567 руб., а также капитал в 8 083 руб., пожертвованный пансионеркою вдовьего дома, дочерью коллежского секретаря В.И. Чиж, с условием, чтобы Совет после переезда приюта расширил количество мест до 100–120 [Благотворительные учреждения: 31].

Земства для детей прислуги, работающей в ведомственных больницах, открывали школы. При тульской больнице была организована земская начальная школа [Труды IX съезда: 267], во Владимирской губернии открывали школы вместимостью примерно 100 человек [Труды пятнадцатого съезда: 15].

И, наконец, городские школы принимали детей прислуги и рабочих. Однако из-за большого спроса надо было выстоять очередь, чтобы отдать туда свое чадо. Прием в школу был «городским событием», которое освещала пресса: «Вчера, 23 августа, происходил прием учеников и учениц в городские школы. Уже к 7 ч. утра стали являться отцы и матери с подростками, чтобы встать в очередь. Конечно, не всех явившихся детей удастся определить в городские училища за недостаточностью вакансий. В этой толпе можно было видеть все классы петербургской бедноты: был тут и отставной военный, и прачка, и маляр, и вдова чиновника, и торговка-разносчица. Трогательно было смотреть на малокровных, неважно одетых ребятишек, чаявших счастья. Мы глубоко уверены, что если бы картину нашествия видели наши гласные, они поняли бы,

как Петербург нуждается в школах...» [Петербургский листок: 3].

Из вышеперечисленного следует, что в принципе помочь матери-прислуге с воспитанием ребенка, начиная с момента его рождения и заканчивая совершеннолетием, могли благотворительные учреждения. Этим занимались как земства, так и частные лица. В большей степени повезло прислуге при учреждениях, для их детей организовывали специальные приюты и школы, у родителя не стоял вопрос пристроить ребенка.

Если по каким-либо причинам детей не отдали в школу или приют, матери приходилось брать их с собой на работу или они вели самостоятельный образ жизни.

Для детей прислуги лет 11–13, особенно девочек, практиковался обычай работать вместе с мамой. Условиями найма была оплата труда 25–30 руб. в год «на всем готовом» с одеждой. В их обязанности входило сопровождение хозяйки на базар, неся обратно закупленное, помогать на кухне, убираться в комнатах и топить печку⁴.

Совсем маленькие, если позволяла работа и хозяйка, просто находились при матери: «О прачкиных детях Жорж получил представление потому, что их мать – поденщица-прачка ходила иногда стирать белье по найму... так вместе с ней приходило двое малюток-девочек, смиренно сидевших в уголку у дверей, пока она работала, и внимательными глазенками поглядывавших на все происходившее перед ними... они были такие замарашки, такие дикие и вовсе не похожие на его братьев и сестриц и вообще на всех культурных детей, которых он до сих пор видел» [Михневич: 269].

Обособленная жизнь ребенка начиналась с оставления одного дома: «Спускаетесь в подвальное жилье и входите в нетопленную комнату. Здесь живет поденщица-прачка. У стола сидит, одевшись в верхнее платье, 8-летний мальчик. – «Где твоя мать?» – «Ушла на работу». – «А где сестра?» – «Во ен-на». – Вы смотрите и видите только в полутемном углу какой-то ворох тряпья, подходите ближе и тогда различаете на койке забившееся под одеяло матери личико пятилетней девочки... «Ели вы сегодня?» – «Нет, не ели», – отвечает он, а на дворе уже темнеет. – «А когда же мать придет?» – «Не знаю» [Горностаев: 27].

Личные истории о том, что они одни, им некуда идти или обратиться за помощью, пока мать на работе, были не единичны: «...мать-прачка уходит в 5 ч. утра на работу, возвращается поздно вечером, четверо детей остаются без присмотра...»; «Девочка, дочь кухарки, попавшейся за воровство в острог, не имела пристанища и была выгнана хозяйкой квартиры на улицу» [Горностаев: 30]; «Ученица Ковалева... 16 лет, отца у нее нет, мать – поденщица-прачка, сестра сумасшедшая. По будням Ковалева должна оставаться дома – смотреть за се-

строй, так как мать отлучается на работу, а по праздникам она собирает милостыню с сестрой, и таким образом у нее нет времени, да и не в чем ходить в школу» [Абрамов: 144]; «Михаил Г. 14 лет. Отца он лишился давно, а его мать, прачка, добывавшая свой скудный повседневный кусок хлеба упорным трудом, конечно, воспитанием сына заниматься не могла. Окружающему обществу было также не до воспитания какого-то захудалого мальчика, сына какой-то там прачки» [Дриль: 5].

Самостоятельная борьба ребенка за выживание, к сожалению, закачивалась нищенством, бродяжничеством, попрошайничеством и воровством. В основном это были дети, которых мать не могла взять с собой, так сказать «хозяева не позволяют», а пристроить не получилось – «ребенок не беспризорный, у него есть работающая мать, о нем есть кому позаботиться» [Нищенство и беспризорность: 169]. В Петербурге излюбленным местом беспризорных детей был Александровский сад [Город С.-Петербург: 5] и Сенная площадь: «Иван Ф. 13 лет, мать мальчика живет в кухарках... Мальчик уходил из дома и беспризорно шатался по городу с такими же товарищами» [Дриль: 6]; «Он – сын кухарки, живущей по местам и не имеющей своего постоянного угла. В свою очередь мальчик, как только немного подрос, перешел к кочевому образу жизни: в теплое время – на Сенной площади, в холодное – в пустых вагонах» [Дриль: 7].

Дети, «сбившиеся с пути», рано или поздно попадали в земледельческие колонии. Помимо того, что здесь они отбывали наказание за совершенное преступление, им ещё давали образование и профессию. Земледельческие колонии совмещали с ремесленными училищами. В основном здесь находились мальчики, которые совершили мелкие преступления. «Сын крестьянина Тверской губернии Карчевского уезда; отец умер 4 года тому назад; мать жива – прачка; до 11 лет он жил при матери, а потом она определила его в Ольгинский детский приют, где он пробыл 1 год... живя у матери, занимался мелким воровством; краденое продавал, а вырученные от продажи деньги тратил на лакомства и папиросы...» [Общество земледельческих колоний: 36], «А. Н-В, 12 лет, сын мещанина, грамотный, мать живет в Томске прислугой. Мальчик, по собранным сведениям, поведения неодобрительного. Мать совершенно не слушается. Учиться грамоте отказался, имеет склонность к бродяжеству, неоднократно замечался в мелких кражах вещей, денег, особенно сластей, и несколько раз угрожал поджогом. В колонию принят по просьбе матери» [Отчет Томского общества: 20].

И.В. Синова, исследователь проблемы детства на рубеже XIX–XX вв., отмечала, что «отсутствие родителей, их внимания и заботы заставляло детей рано взрослеть, становиться самостоятельными, рано начинать зарабатывать себе на жизнь, до-

бывать пищу, искать ночлег, приспособливаться к окружающему миру» [Синова: 64]. Зачастую такая самостоятельность имела негативную окраску для самих же детей.

«8-летний ребенок – пьяница», под таким громким названием появилась новость в газете «Кронштадтский листок» 1868 г.: «... в четверг в 10 часов утра около здания штурманского училища собралась толпа. Причиной был пьяный 8-летний ребенок, лежащий в будке, поставленной близ ворот восточной стороны здания. Рассказывали, что он сын отставного солдата, занимающегося поденной работой; а мать его прачка, ходящая по домам; живут в доме купца. Очевидно, что родители по своим занятиям, оставляют свое дитя без всякого присмотра» [Кронштадтский листок: 107; Семёнова 2018: 129].

Авторы данной новости ставили вопросы, которые могли быть актуальны для каждой истории «самостоятельного ребенка», а именно: «Какая участь ожидает его? Какого будущего слугу готовит для себя общество? Не будет ли виновато само общество?» [Кронштадтский листок: 107; Семёнова 2018: 129].

В условиях, когда ребенок предоставлялся сам себе, желание найти себе еду или полакомиться сладостями приводило к воровству и мелкому хулиганству. Как правило, такой образ жизни заканчивался в земледельческих колониях.

Таким образом, тезис «Прислуга лишена права свободного человека» распространялся и на семейную сферу жизни. Девушки и женщины становились «заложницами» хозяев, из-за большого объема работы и условий проживания у них отсутствовала возможность завести полноценную семью [Семёнова 2019b: 117]. Варианты развития отношений мать – дитя сводились к «избавлению» от ребенка путем аборта, детоубийству, подкидыванию в воспитательный дом; отдаче на воспитание родственникам или общественным организациям; предоставлению ребенка самому себе. Такие взаимоотношения приводили к стиранию семейных ценностей. Если в крестьянской среде начавший с малолетства трудиться ребенок делал это вместе со старшими, усваивая традиционные нормы, то «самостоятельность» и раннее взросление детей прислуги проявлялись большей частью в девиантном поведении (бродяжничестве, попрошайничестве, пьянстве, хулиганстве и воровстве).

К концу XIX в. тема безнадзорных детей стала общественной проблемой. В периодических изданиях появились голоса тех, кто «винил» само общество за такое подрастающее поколение, а не мать-прислугу. Ведь женщина вынужденно исполняла «рабский» труд, который никак не регламентировался законодательством. Именно благотворительные общественные организации первыми стали изыскивать средства, помогающие матерям

сохранить и воспитать детей, а самим детям – социализироваться.

Примечание

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6935. Оп. 3. Д. 513. Л. 2 – 2 об.

² ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 3. Д. 513. Л. 2 – 2 об.

³ Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. СПб.: Государственная тип., 1910. Т. 4: Царствование государя императора Николая Второго. Кн. 3. С. 453–454.

⁴ ГАРФ. Ф. 6861. Оп. 1. Д. 66. Л. 56.

Список литературы

Абрамов Я.В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1900. 352 с.

Благотворительные учреждения России. СПб.: Тип. Императорского училища глухонемых, 1912. 124 с.

Бруханский Б.П. Борьба с детской смертностью в России и роль попечительства об охране материнства и младенчества в этой борьбе. Петроград: Государственная тип., 1916. 40 с.

Бруханский Б.П. К вопросу о призрении детей в России. Доклад, читанный на Всероссийском съезде по общественному призрению в 1914 г. Саратов: Тип. губернского земства, 1914 г. 33 с.

Верemenko В.А. «Безвластная власть» – статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 320–354.

Верemenko В.А. Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: состояние здоровья и факторы профессиональной заболеваемости // Память о прошлом – 2017: сб. ст.: материалы и доклады VI историко-архивный форума, посвящ. 100-летию революции 1917 г. в России; Великая Российская революция: история и современность: науч. конф. (Самара, 18–20 апреля 2017) / сост. О.Н. Солдатова (отв. сост.), Г.С. Пашковская. Самара: Научно-технический центр, 2017. 598 с.

Гернет М.Н. Детоубийство. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. 318 с.

Горностаев И.О. Дети рабочих и городские попечительства о бедных в Москве. М.: Тип. И.Н. Кушнерев, 1900. 59 с.

Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции / под ред. И. Еремеева. СПб.: Тип. Ломковского, 1897. 740 с.

Дриль Д.А. О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних. СПб.: Сенат. тип., 1908. 19 с.

Зайцева С.В. Деятельность государства и общества в области организации призрения незаконнорожденных детей в России во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Санкт-

Петербуржской губернии): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 204 с.

Зайцева С.В. Судьба незаконнорожденных детей и их матерей в российских городах во второй половине XIX в. // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: материалы XI междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород: в 2 т. / отв. ред.: Н.Л. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 1. С. 180–182.

Кронштадтский листок. 1868. № 27. С. 107

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): в 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин. Т. 1. 583 с.

Михневич В. Картины Петербургской жизни. Бродячий Петербург: Святочные рассказы. Два юмористических романа. СПб.: Тип. Ф.С. Сучинского, 1884. 373 с.

Нищенство и беспризорность / под ред. Е.К. Краснушкина, Г.М. Сегала, Ц.М. Фейнберг. М.: Изд. Мосздравотдела, 1929. 277 с.

Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов. СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1900. 76 с.

Отчет Общества «Ясли» за время с 1 июля 1909 г. по 1 июля 1910 г. Хабаровск: Тип. тов. «Приамурье», 1910. 10 с.

Отчет Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1914 г. Томск: Тип. приюта и Дома трудолюбия, 1915. 36 с.

Пфель А. Программа для переустройства наших столичных воспитательных домов. СПб.: Тип. А. Граншеля, 1880. 91 с.

Семёнова О.А. Досуг детей в Кронштадте в XIX в. // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: материалы XI междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород: в 2 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 2. С. 128–130.

Семёнова О.А. Попечение о матерях и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XX в. на примере городской «Капли молока» // История повседневности. 2019а. № 4. С. 72–81.

Семёнова О.А. Прислуга в середине XIX – начале XX в.: адаптационные практики крестьянок в столице // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: материалы XII междунар. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, И.О. Дементьев, М.Г. Шендерюк. М.: ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019б. Ч. 1. С. 115–117.

Синова И.В. Дети трудящегося населения в городском социуме во второй половине XIX – начале XX вв. // Уральский исторический вестник. 2016. № 3 (52). С. 62–69.

Словари. Большая энциклопедия по психиатрии. URL: <https://820.slovaronline.com> (дата обращения: 11.02.2020).

Стасов П. Обзор деятельности общества «Детская помощь» за 10 лет его существования. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1907. 22 с.

Труды IX съезда земских врачей и представителей земств Тульской губернии с 21-го по 30-е апреля 1908 г. Тула: Тип. Тульского губернского правления, 1909. 544 с.

Труды пятнадцатого съезда членов и представителей земских учреждений по врачебно-санитарной части по Владимирской губернии с 27 мая по 5 июня 1914 г. Владимир-на-Клязьме: Типолит. губернской земской управы, 1914. Ч. 1. 658 с.

Устав Попечительного общества об Ольгинском детском приюте трудолюбия в Санкт-Петербурге. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1904. 23 с.

Устав Попечительного общества об Ольгинском детском приюте трудолюбия в г. Сызрани. Сызрань: Тип. Е.М. Синявского, 1901. 21 с.

References

Abramov YA.V. *Nashi voskresnye shkoly. Ih proshloe i nastoyashchee* [Our Sunday schools. Their past and present]. Saint Petersburg, Tip. M. Merkusheva Publ., 1900, 352 p. (In Russ.)

Blagotvoritel'nye uchrezhdeniya Rossii [Charitable institutions in Russia]. Saint Petersburg: Tip. Imperatorskogo uchilishcha gluhonemykh Publ., 1912, 124 p. (In Russ.)

Bruhanskij B.P. *Bor'ba s detskoj smertnost'yu v Rossii i rol' popechitel'stva ob ohrane materinstva i mladenchestva v etoj bor'be* [The fight against child mortality in Russia and the role of guardianship for the protection of motherhood and infancy in this fight]. Petrograd, Gosudarstvennaya tip. Publ., 1916, 40 p. (In Russ.)

Bruhanskij B.P. *K voprosu o prizrenii detej v Rossii. Doklad, chitannyj na Vserossijskom s"ezde po obshchestvennomu prizreniyu v 1914 g.* [On the issue of child neglect in Russia. A report read at the all-Russian Congress on public opinion in 1914.]. Saratov, Tip. Gubernskogo Zemstva Publ., 1914, 33 p. (In Russ.)

Veremenko V.A. «*Bezvlastnaya vlast'*» – status zhenskoj domashnej prislugi v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [“Powerless power” – the status of female domestic workers in Russia in the second half of the XIX – early XX century]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Istorija Rossii* [Bulletin of the peoples' friendship University of Russia. Series “History of Russia”], 2019, vol. 18, № 2, pp. 320–354. (In Russ.)

Veremenko V.A. *ZHenskaya domashnyaya prisluga v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: sostoyanie zdorov'ya i faktory professional'noj zabolevaemosti* [Female domestic workers in Russia

in the second half of the XIX – early XX century: health status and factors of occupational morbidity]. *Pamyat' o proshlom – 2017: VI istoriko-arhivnyj forum, posvyashchennyj 100-letiyu revolyucii 1917 g. v Rossii*: sb. st.: materialy i doklady [Memory of the past: materials and reports of the VI historical and archival forum, vol. 100th anniversary of the Revolution of 1917 in Russia]; Velikaya Rossijskaya revolyuciya: istoriya i sovremennost': nauchnaya konferenciya (Samara, 18–20 aprelya 2017), comp. O.N. Soldatova, G.S. Pashkovskaya. Samara, Nauchno-tekhnicheskij centr Publ., 2017, 598 p. (In Russ.)

Gernet M.N. *Detoubijstvo* [Infanticide]. Moscow, Tip. Imp. Mosk. un-ta Publ., 1911, 318 s. (In Russ.)

Gornostaev I.O. *Deti rabochih i gorodskie popechitel'stva o bednyh v Moskve* [Children of workers and urban guardianship of the poor in Moscow]. Moscow, Tip. I.N. Kushnerev Publ., 1900, 59 p. (In Russ.)

Gorod S.-Peterburg s točki zreniya medicinskoj policii [The city of St. Petersburg from the point of view of the medical police], ed. by I. Ereemeeva. Saint Petersburg, Tip. Lomkovskogo Publ., 1897, 740 p. (In Russ.)

Dril' D.A. *O merah bor'by s prestupnost'yu nesovershennoletnih* [On measures to combat juvenile delinquency]. Saint Petersburg, Senat. tip. Publ., 1908, 19 p. (In Russ.)

Zajceva S.V. *Deyatel'nost' gosudarstva i obshchestva v oblasti organizacii prizreniya nezakonnorozhdennyh detej v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. (na primere Sankt-Peterburgskoj gubernii)* [Activities of the state and society in the field of organization of care for illegitimate children in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. (on the example of the Saint Petersburg province)]: dis. ... kand. ist. nauk. Saint Petersburg, 2014, 204 p. (In Russ.)

Zajceva S.V. *Sud'ba nezakonnorozhdennyh detej i ih materej v rossijskih gorodah vo vtoroj polovine XIX v.* [The fate of illegitimate children and their mothers in Russian cities in the second half of the XIX century]. *Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnyh processah rossijskoj urbanizacii XIV–XXI vekov* [Urban women and citizens in the political, economic and cultural processes of Russian urbanization of the XIV–XXI centuries]: materialy XI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZHI i IEA RAN, 4–7 oktyabrya 2018 g., Nizhnij Novgorod: in 2 vol., ed. by N.L. Pushkareva, N.A. Gronskaya, N.K. Radina. Moscow, IEA RAN, 2018, vol. 1, pp. 180–182. (In Russ.)

Kronshtadtskij listok [Kronstadt leaflet], 1868, № 27, p. 107 (In Russ.)

Mironov B.N. *Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century)]: in 2 vol. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., vol. 1, 583 p. (In Russ.)

Mihnevich V. *Kartiny Peterburgskoj zhizni. Brodyachij Peterburg: Svyatochnye rasskazy. Dva yumoristicheskikh romana* [Picture of life in St. Petersburg. Vagabond Petersburg: Christmas stories. Two humorous novels]. Saint Petersburg, Tip. F.S. Sushchinskogo Publ., 1884, 373 p. (In Russ.)

Nishchenstvo i besprizornost' [Begging and homelessness], ed. by E.K. Krasnushkina, G.M. Segala, C.M. Fejnberg. Moscow, Izd. Moszdravotdela Publ., 1929, 277 s. (In Russ.)

Obshchestvo zemledeľcheskich kolonij i remeslennyh priyutov [Society of agricultural colonies and craft shelters]. Saint Petersburg, Tip. E. Arngol'da Publ., 1900, 76 p. (In Russ.)

Otchet Obshchestva «Yasli» za vremya s Iyulya 1909 g. po 1 iyulya 1910 g. [Report of the Nursery Society for the period from July 1, 1909 to July 1, 1910]. Habarovsk, Tip. tov. «Priamur'e» Publ., 1910, 10 p. (In Russ.)

Otchet Tomskogo obshchestva zemledeľcheskich kolonij i remeslennyh priyutov za 1914 g. [Report of the Tomsk society of agricultural colonies and craft shelters for 1914]. Tomsk, Tip. priyuta i Doma trudolyubiya Publ., 1915, 36 s. (In Russ.)

Pfel' A. *Programma dlya pereustrojstva nashih stolichnyh Vospitatel'nyh domov* [Program for the reconstruction of our Educational institutions in the capital]. Saint Petersburg, Tip. A. Transhelya Publ., 1880, 91 p. (In Russ.)

Semyonova O.A. *Dosug detej v Kronshtadte v XIX v.* [Leisure of children in Kronstadt in the XIX century]. *Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnyh processah rossijskoj urbanizacii XIV–XXI vekov* [Urban women and citizens in the political, economic and cultural processes of Russian urbanization of the XIV–XXI centuries]: materialy XI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZHI i IEA RAN, 4–7 oktyabrya 2018 g., Nizhnij Novgorod: in 2 vol., ed. by N.L. Pushkareva, N.A. Gronskaya, N.K. Radina. Moscow, IEA RAN Publ., 2018, vol. 2, pp. 128–130. (In Russ.)

Semyonova O.A. *Popechenie o materyah i mladencah v Sankt-Peterburge v nachale XX v. na primere gorodskoj «Kapli moloka»* [Care of mothers and babies in St. Petersburg at the beginning of the XX century. on the example of the urban “Drop of milk”]. *Istoriya povsednevnosti* [The history of everyday life], 2019, № 4, pp. 72–81. (In Russ.)

Semyonova O.A. *Prisluga v seredine XIX – nachale XX v.: adaptacionnye praktiki krest'yanok v stolice* [Servants in the mid-XIX-early XX century: adaptation practices of peasant women in the capital]. *ZHenshchiny i muzhchiny v migracionnyh processah proshlogo i nastoyashchego: materialy XII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Women and men in migration processes of the past and present: proceedings of the XII international scientific conference]: in 2 vol., ed. by N.L. Pushkareva,

I.O. Dement'ev, M.G. SHenderyuk. Moscow, IEA im. N.N. Mikluho-Maklaya RAN; Kaliningrad, Izd-vo BFU im. I.сKanta Publ., 2019, vol. 1, pp. 115–117. (In Russ.)

Sinova I.V. *Deti trudyashchegosya naseleniya v gorodskom sociume vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Children of the working population in urban society in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical Bulletin], 2016, № 3 (52), pp. 62–69. (In Russ.)

Slovari. Bol'shaya enciklopediya po psikiatrii [Dictionaries. Great encyclopedia of psychiatry]. URL: <https://820.slovaronline.com> (access date: 11.02.2020). (In Russ.)

Stasov P. *Obzor deyatel'nosti obshchestva «Detskaya pomoshch'» za 10 let ego sushchestvovaniya* [Overview of the activities of the society "Children's aid" for 10 years of its existence]. Saint Petersburg, Tip. M.A. Aleksandrova Publ., 1907, 22 p. (In Russ.)

Trudy IX s"ezda zemskih vrachej i predstavitelej zemstv Tul'skoj gubernii s 21-go po 30-e aprelya 1908 g. [Proceedings of the IX Congress of Zemstvo

doctors and representatives of Zemstvos of Tula province from April 21 to April 30, 1908]. Tula, Tip. Tul'skogo Gubernskogo pravleniya Publ., 1909, 544 p. (In Russ.)

Trudy pyatnadcatogo s"ezda chlenov i predstavitelej zemskih uchrezhdenij po vrachebno-sanitarnoj chasti po Vladimirskoj gubernii s 27 maya po 5 iyunya 1914 g. [Proceedings of the fifteenth Congress of members and representatives of Zemstvo institutions for the medical and sanitary part of the Vladimir province from may 27 to June 5, 1914]. Vladimir-na-Klyaz'me, Tipolit. Gubernskoj zemskoj upravly Publ., 1914, vol. 1, 658 p. (In Russ.)

Ustav popechitel'nogo obshchestva ob Ol'ginskom detskom priyute trudolyubiya v Sankt-Peterburge [Charter of the Board of Trustees of the Olginsky orphanage of hard work in St. Petersburg]. Saint Petersburg, Tip. I. Flejtmana Publ., 1904, 23 p. (In Russ.)

Ustav Popechitel'nogo Obshchestva ob Ol'ginskom Detskom Priyute trudolyubiya v g. Syzrani [Charter of the Board of Trustees of the Olginsky orphanage of hard work in Syzran]. Syzran', Tip. E.M. Sinyavskogo Publ., 1901, 21 p. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-63-67>
УДК 340.131; 94(470)1906"

Околотин Владимир Сергеевич
Ивановский государственный университет
Орлова Светлана Алексеевна
Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации;
Ивановский государственный университет

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ИНСТИТУТА КОНСТИТУЦИОННОГО НАДЗОРА В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТ И УРОКИ

Становление института конституционного надзора в России имеет давнюю историю. С принятием «Основных государственных законов» 23 апреля 1906 г. (первой конституции России) функции конституционного надзора были возложены на Первый департамент Правительствующего сената. В данной работе мы рассмотрели ключевые решения Правительствующего сената как органа конституционного надзора в период Третьеиюньской монархии, Февральской и Октябрьской революций. Наше исследование показало, что в критические моменты российской истории Первый департамент Сената принимал политические решения, которые не соответствовали положениям «Основных государственных законов» 23 апреля 1906 г. и имели отдаленные негативные последствия для истории нашей страны. Это касалось как опубликования избирательных законов от 3 июня 1907 г., так и актов об отречении Николая II от престола и об отказе Михаила Александровича Романова от принятия власти. В последнем определении, которое вынес Правительствующий сенат 23 ноября 1917 г. в качестве органа конституционного надзора, признавалась незаконной и преступной советская власть. Сенат отказывался ей подчиняться в ожидании созыва Учредительного собрания. Анализируемые в статье решения Правительствующего сената позволяют сделать вывод о необходимости соблюдения принципа законности при осуществлении конституционного надзора.

Ключевые слова: государственные законы, орган конституционного надзора, Первый департамент Сената, избирательные законы, Февральская революция, Октябрьская революция.

Информация об авторах: Околотин Владимир Сергеевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия.
E-mail: okolotin.vladimir@yandex.ru

Орлова Светлана Алексеевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2127-0336>, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия.
E-mail: orlova-1972@list.ru

Дата поступления статьи: 18.07.2020.

Для цитирования: Околотин В.С., Орлова С.А. Опыт создания института конституционного надзора в дореволюционной России: результат и уроки // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 63-67. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-63-67>.

Vladimir S. Okolotin
Ivanovo State University
Svetlana A. Orlova
Ivanovo branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation;
Ivanovo State University

THE EXPERIENCE OF CREATING THE INSTITUTION OF CONSTITUTIONAL SUPERVISION IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: RESULTS AND LESSONS

The establishment of the institution of constitutional oversight in Russia has a long history. With the adoption of the «Fundamental State Laws» on April 23, 1906 (the first constitution of Russia), the functions of constitutional supervision were assigned to the First Department of the Governing Senate. In this paper, we examined the key decisions of the Governing Senate as a body of constitutional oversight during the Monarchy after the Coup of June 3, 1907; as well as February Revolution; and October Revolution. Our research has shown that at the said critical moments in Russian history, the First Department of the Senate adopted political decisions that did not comply with the provisions of the «Basic State Laws» on April 23, 1906, and had long-term negative consequences for the history of Russia. This concerned both the publication of the electoral laws of June 3, 1907, and the acts on the abdication of Nicholas II as emperor and on Grand Duke Michael Alexandrovich's refusal of power. In the last ruling, which was held by the Governing Senate on November 23, 1917 as a body of constitutional supervision, the Soviet power was considered to be illegal and criminal. The Senate refused to obey its pending of the convocation of the Constituent Assembly. The decisions of the Governing Senate analysed in the article make it possible to conclude that it is necessary to observe the principle of legality when exercising constitutional supervision.

Keywords: Basic state laws, body of constitutional supervision, First Department of Governing Senate, electoral laws, February Revolution, October Revolution.

Information about the authors: Vladimir S. Okolotin, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

E-mail: okolotin.vladimir@yandex.ru

Svetlana A. Orlova, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2127-0336>, Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

E-mail: orlova-1972@list.ru

Article received: July 18, 2020.

For citation: Okolotin V.S., Orlova S.A. The experience of creating the institution of constitutional supervision in pre-revolutionary Russia: results and lessons. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 63-67 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-63-67>.

Первой конституцией в истории России стали «Основные государственные законы» от 23 апреля 1906 года¹, превратившие империю из абсолютной в дуалистическую конституционную монархию. В соответствии со статьей 44 конституции никакой новый закон не мог «последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора».

Обязанность обнародовать нормативные правовые акты возлагалась на Сенат (ст. 49 конституции). Законы не могли быть опубликованы, «если порядок их издания не соответствует положениям сих Основных законов» (ст. 50 конституции). Следовательно, функции органа конституционного надзора по ст. 50 возлагались на Правительствующий сенат (точнее – его Первый департамент).

Первое серьезное испытание выпало на долю Правительствующего сената как на орган конституционного надзора уже 3 июня 1907 года. В этот день император распустил II Государственную думу (Высочайшим манифестом²) и принял новое «Положение о выборах в Государственную думу»³. Это «Положение» включало 146 статей. Оно значительно сокращало число представителей от рабочих, крестьян и жителей окраин [Кириянов, Лукьянов 1995].

Указанное «Положение» не было рассмотрено Государственной думой и Государственным советом, а сразу передавалось для опубликования в Правительствующий сенат. В данном случае нарушалась ст. 45 «Основных государственных законов». В соответствии с данной статьей император имел право в «чрезвычайных обстоятельствах» принять закон, который затем в течение двух месяцев после «возобновления занятий» Государственной думы должен был поступить на утверждение «парламента», но этот закон не мог «вносить... изменений в постановления о выборах... в Думу»⁴.

Правительствующий сенат «Положение» опубликовал, что было воспринято общественностью как государственный переворот [Милуков 1993: 157]. Очевидно, что в данном случае решение об опубликовании «Положения» носило политический характер. Николай II объяснял в «Манифесте», почему он считал необходимым принять новый избирательный закон. В документе, в частности,

говорилось, что II Государственная дума проявляла враждебность по отношению к правительству, не рассматривала необходимых законопроектов, не приняла вовремя закон о бюджете и, главное, часть депутатов организовали «заговор... против государства и царской власти». Это, с точки зрения государя, являлось деянием «неслыханным в летописях истории». А когда правительство потребовало снять с подозреваемых в заговоре 55 депутатов неприкосновенность до окончания судебного разбирательства, Государственная дума не выполнила немедленно этого требования. Поэтому император, по его словам, решил распустить Думу.

Причину, по которой Дума дважды (имеются в виду I и II созывы) оказалась неработоспособной, император усмотрел в несовершенстве закона о выборах в Государственную думу, из-за чего в этот орган попадали лица, которые не выражали подлинную волю народа. По мнению главы государства, невозможно было внести изменения в законодательство о выборах «через ту Государственную думу, состав коей признан нами неудовлетворительным вследствие несовершенства самого способа избрания ее членов». «Только власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической власти русского царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым», – гласил «Манифест».

Таким образом, с точки зрения императора, раз конституция и первый избирательный закон были «дарованы» подданным, то он имеет право исправить несовершенный избирательный закон и принять новый. То, что к этому времени вступила в силу и действовала конституция, видимо, не являлось для государя аргументом. Для него важнее было, что царская власть вручена ему Господом, и перед ним царь будет отвечать «за судьбы Державы Российской». На таких основаниях была проигнорирована 45 статья «Основных государственных законов», и эта позиция показалась Сенату убедительной.

Еще одним ключевым событием в российской истории стала Февральская революция 1917 года. Целью революционеров в лице А.Ф. Керенского и остальных членов Прогрессивного блока являлось добиться отречения императора Николая II, взять власть в свои руки и установить в России республику.

Акт «Об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского и о сложении с себя верховной власти» от 2 марта 1917 года⁵ решал первую задачу. Но в этом акте Николай II передавал престол своему брату Михаилу Александровичу, поэтому формально Россия оставалась монархией.

Данное положение не устраивало членов Временного правительства, сформированного 2–3 марта 1917 года не пожелавшей распуститься Государственной думой [Заславский 1924: 281]. Временное правительство, состоявшее в основном из членов Прогрессивного блока, уже принесло присягу на заседании Сената 3 марта 1917 года. Участникам Февральской революции необходимо было вынудить отказаться от престола Михаила Александровича и узаконить свою власть.

Для реализации этой задачи члены Временного комитета Государственной думы и Временного правительства 3 марта 1917 года явились к брату Николаю II. Используя запугивания и скрытые угрозы, участники революции добились от М.А. Романова подписания манифеста об отказе от «восприятия верховной власти впредь до установления в Учредительном собрании образа правления и новых Основных Законов Государства Российского»⁶.

Данный акт вопрос о форме правления в России передавал на рассмотрение Учредительного собрания. «Принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля народа нашего, которому надлежит все-народным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые Основные Законы Государства Российского», – указывалось в данном документе от лица Михаила Александровича. Он также легализовал власть Временного правительства следующей фразой: «...прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и обличенному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно в кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

Положения обоих документов противоречили конституции. В частности, статьями 37 и 38 главы «О порядке наследия престола» устанавливалось, что отречься от престола лицо имело право в случае, если после смерти предыдущего императора к нему переходил престол в порядке наследования. Возможность отречься предоставлялась лицу лично, и оно не имело право отречься за другое лицо⁷. Николай II отрекся в период своего правления не только за себя, но и за сына. Все главные участники Февральской революции понимали, что это незаконно [Мордвинов 1990: 117], поэтому окончательное решение вопроса ложилось на Первый департамент Правительствующего сената.

Что касается второго акта, подписанного Михаилом Александровичем, то он также в корне противоречил положениям конституции. Осуществить ее пересмотр имели право только Государственный совет совместно с Государственной думой по инициативе императора, а не Учредительное собрание (ст. 8 конституции). В отношении фразы о том, что Временное правительство «обличено всей полнотою власти», также возникал вопрос – кто наделил это Правительство властью и на каком основании? Указание на то, что Правительство возникло «по почину Государственной думы» (уже официально распущенной указом императора от 25 февраля 1917 года и отказавшейся расходиться), ответа на этот вопрос не давало.

Еще более интересным являлось положение акта о порядке выборов в Учредительное собрание. Получалось, что Михаил Александрович, не являясь императором (от власти он отказался в предыдущем абзаце рассматриваемого документа), брал на себя роль законодателя и устанавливал новые принципы избирательного права. И эти два документа министр юстиции Временного правительства А.Ф. Керенский принес 5 марта 1917 года в подлинниках в Первый департамент Правительствующего сената для опубликования «во всеобщее сведение» [Хроника 1917: 457].

Позиция Сената в данном вопросе имела принципиальное значение, потому что только факт опубликования данных актов закреплял победу Февральской революции. Участники событий прекрасно это понимали. Так, в воспоминаниях Н.П. Карабчевского имеется описание его разговора с А.Ф. Керенским, который, являясь министром юстиции, собирался оба акта отнести для опубликования в Первый департамент Сената. На вопрос Н.П. Карабчевского о том, что будет делать Временное правительство, если Сенат его не признает, генерал-прокурор заявил: «Тогда мы их не признаем!» [Карабчевский 1991: 165].

Таким образом, очевидно, что участники Февральской революции, с одной стороны, сознательно шли на нарушение конституции, вынуждая монарха и его брата отказаться от власти в свою пользу. С другой стороны, желали соблюдения положения «Основных государственных законов» от 23 апреля 1906 года, в соответствии с которым нормативные акты приобретали юридическую силу только после опубликования их Первым департаментом Правительствующего сената (ст. 50 конституции).

Информация о посещении А.Ф. Керенским Первого департамента Сената содержалась в газете «Право» за 1917 год. В разделе «Хроника» сообщалось, что 5 марта на заседании Сената было принято решение опубликовать оба акта. Почему сенаторы пошли на этот шаг, в наше время выяснить не удалось. В Журнале Первого департамента Правительствующего сената за 5 марта 1917 года, находящегося в Центре хранения страхового фон-

да (г. Ялуторовск)⁸, отсутствуют страницы, на которых содержалось Определение Сената по данному вопросу. Мы не можем, таким образом, узнать мотивов, которые подтолкнули сенаторов принять подобное решение. Все, что мы имеем на сегодняшний день, это указание еще работавшего с данным документом Н.П. Ерошкина, что сенаторы обнаружили в актах, представленных А.Ф. Керенским, ряд противоречий [Ерошкин 1983: 312]. Однако из речи сенатора С.Б. Вриского, обратившегося к А.Ф. Керенскому после заседания Первого департамента со следующими словами: «Первый департамент Правительствующего сената выражает Временному правительству глубочайшую признательность за быстрое восстановление в нашем дорогом отечестве закона и порядка, представляя себя в полное распоряжение этого Правительства в видах поддержания тех же порядка и законности как залога процветания и благоденствия дорогой Родины» [Хроника 1917: 457], можно сделать вывод, что Сенат в очередной раз принял политическое решение, узаконив тем самым переход власти в руки Временного правительства.

Вероятно, император Николай II ожидал совсем другого решения от Правительствующего сената. Во всяком случае, так называемый «Манифест» об отречении, который А.Ф. Керенский должен был внести «в подлиннике» на рассмотрение Первого департамента Сената, по форме манифестом вовсе не являлся. Это была телеграмма «начальнику штаба», подписанная карандашом [Шульгин 1990: 172]. Хотя император имел возможность подписать документ пером. Да и официальные бланки для манифестов в канцелярии тоже, скорее всего, имелись. Почему же акт такой важности был написан на серой бумаге телеграммы, да еще и подписан карандашом? Даже с формальных позиций документ не мог быть опубликован.

В таких условиях явной издевкой звучат благодарственные слова А.Ф. Керенского в адрес Сената. «Я почту своим долгом передать выслушанное заявление Временному правительству. Счастлив, что на мою долю выпало передать в учреждение, созданное гением Великого Петра для охраны права и законности, акты первостепенной государственной важности, обнародование которых завершает собою упразднение старого государственного строя» [Хроника 1917: 457], – заявил министр юстиции. Учреждение, созданное для «охраны права и законности», само же это право и нарушило.

Совсем другое решение принял Правительствующий сенат 23 ноября 1917 года. В нем Сенат объявил советскую власть незаконной и преступной. Это Определение Общего собрания Правительствующего Сената вышло после того, как 22 ноября 1917 года по Декрету о суде № 1⁹ Сенат, как и все судебные органы дооктябрьской России, был распущен. Опубликовали Декрет сначала в газете «Правда» 23 ноября 1917 года, а затем 24 ноября

в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства». Поводом для роспуска судебных органов послужило их нежелание признавать советскую власть [Ирошников, Портнов 1970: 90–98]. Сразу после опубликования Декрета о суде № 1 Военно-революционный комитет Петрограда 25 ноября 1917 года издал приказ о закрытии Сената [Ирошников, Портнов 1970: 90–98].

Однако Сенат успел дать правовую оценку событиям 25 октября 1917 года в Определении Общего собрания от 23 ноября 1917 года¹⁰. В нем сенаторы признали Октябрьскую революцию «мятежом против законной власти Временного правительства». Признавая незаконными «действия лиц, именующих себя народными комиссарами», в «час величайшей опасности для Родины, созданное на основании ст. 14 Учр. Сенат. Общее собрание Сената определяет: Не признавая законной силы за распоряжениями каких бы то ни было самочинных организаций, неуклонно исполнять впредь до решения Учредительного собрания об образовании власти в стране возложенные на Сенат законом обязанности, доколе к этому представляется какая-либо возможность», – решили сенаторы.

Указанное определение, вынесенное Сенатом как органом конституционного надзора, решено было опубликовать. Только юридической силы это определение уже не имело, установилась новая власть...

Так заканчивается недолгая история первого в России органа конституционного надзора. Эта история показывает, что в ключевые моменты жизни страны, когда на Сенат возлагалась особая ответственность, этот орган принимал политические решения, игнорируя буквальные положения конституции – «Основных государственных законов» от 23 апреля 1906 года. Судьба данного органа сложилась в конечном итоге печально – Сенат был ликвидирован вместе со всей судебной системой дооктябрьской России, успев принять последнее определение – о незаконности советской власти.

Уроки, которые можно вынести из практики работы Сената в качестве органа конституционного надзора, неоднозначны. С одной стороны, принятие нового избирательного закона от 3 июня 1907 года позволило стабилизировать работу Государственной думы. С другой стороны, избранные по этому закону депутаты IV Государственной думы фактически свергли императора Николая II в марте 1917 года. Сенат поддержал Временное правительство, утвердив два незаконных акта – об отречении императора и об отказе от власти Михаила Александровича, но Временное правительство не смогло удержать власть и потеряло ее в октябре 1917 года. Вслед за Временным правительством прекратил свое существование и Сенат. Таким образом, отдаленные последствия нарушения основ конституционного строя в обоих случаях оказались трагическими и непредсказуемыми. Так стоило ли нарушать конституцию?

Примечания

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. третье. Т. XXVI (1906). Отд. I. СПб., 1909. № 27805. С. 456.

² Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. третье. Т. XXVII (1907). Отд. I. СПб., 1910. № 29240. С. 319–320.

³ Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. третье. Т. XXVII (1907). Отд. I. СПб., 1910. № 29242. С. 321–325.

⁴ Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. третье. Т. XXVI (1906). Отд. I. СПб., 1909. № 27805. С. 456.

⁵ Собрание Указаний и Распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг., 1917. Отд. Первый. 6 марта 1917 г. № 54. Ст. 344.

⁶ Собрание Указаний и Распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг., 1917. Отд. Первый. 6 марта 1917 г. № 54. Ст. 345.

⁷ Свод Основных государственных законов (изд. 1910 г.) // Государственный строй Российской империи накануне крушения: сб. Законодательных актов / сост. О.И. Чистяков, Г.А. Кутьина. М.: Изд-во МГУ, 1995. С. 18.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1341. Оп. 242. Кн. 4. Ч. 1. Ед. хр. 1812. 1917 г.; Ф. 1341. Оп. 242. Кн. 4. Ч. 1. Ед. хр. 1813. 1917 г.

⁹ Декрет о суде // Декреты советской власти: сб. док. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т истории АН СССР; подгот. С.Н. Валк и др. М.: Политиздат, 1957. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. С. 124–126.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1341. Оп. 548. Д. 105. Л. 1–2.

Список литературы

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.

Заславский Д.О. Хроника февральской революции. Т. 1. Пг.: Былое, 1924. 312 с.

Ирошников М.П., Портнов В.П. Об особенностях революционного слома буржуазных карательных учреждений в России // Правоведение. 1970. № 3. С. 90–98.

Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С. 154–173.

Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России. Государственная дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь: Изд-во Пермского университета, 1995. 168 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/96-03-008-kiryarov-i-k-lukyaynov-m-n-parlament-samoderzhavnoy-rossii-gosudarstvennaya-duma-i-ee-deputaty-1906-1917-perm-izd-vo-perm-un-ta-1995-168-s> (дата обращения: 01.06.2020).

duma-i-ee-deputaty-1906-1917-perm-izd-vo-perm-un-ta-1995-168-s (дата обращения: 01.06.2020).

Милуков П.Н. При свете двух революций // Исторический архив. 1993. № 1. С. 145–182.

Мордвинов А.А. Последние дни императора // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М.: Советский писатель, 1990. С. 85–141.

Хроника // Право. 1917. № 8. 21 марта.

Шульгин В.В. Подробности отречения // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М.: Советский писатель, 1990. С. 169–172.

References

Eroshkin N.P. *Istoriia gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevoliutsionnoi Rossii* [The history of state institutions in pre-revolutionary Russia]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1983, 352 p. (In Russ.)

Zaslavskii D.O. *Khronika fevral'skoi revoliutsii* [Chronicle of the February Revolution]. T. 1. Petrograd, Byloe Publ., 1924, 312 p. (In Russ.)

Iroshnikov M.P., Portnov V.P. *Ob osobennostiakh revoliutsionnogo sloma burzhuaznykh karatel'nykh uchrezhdenii v Rossii* [On the features of the revolutionary demolition of bourgeois punitive institutions in Russia]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1970, № 3, pp. 90–98. (In Russ.)

Karabchevskii N.P. *Chto glaza moi videli* [What my eyes have seen]. *Strana gibnet segodnia. Vospominaniia o fevral'skoi revoliutsii 1917 g.* [The country is dying today. Memories of the February Revolution of 1917]. Moscow, Kniga Publ., 1991, pp. 154–173. (In Russ.)

Kir'ianov I.K., Luk'ianov M.N. *Parlament samoderzhavnoi Rossii. Gosudarstvennaia дума i ee deputaty, 1906–1917* [Parliament of autocratic Russia. State Duma and its deputies, 1906–1917]. Perm', Izdatel'stvo Permskogouniversiteta Publ., 1995, 168 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/96-03-008-kiryarov-i-k-lukyaynov-m-n-parlament-samoderzhavnoy-rossii-gosudarstvennaya-duma-i-ee-deputaty-1906-1917-perm-izd-vo-perm-un-ta-1995-168-s> (access date: 01.06.2020). (In Russ.)

Miliukov P.N. *Pri svete dvukh revoliutsii* [In the light of two revolutions]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical archive], 1993, № 1, pp. 145–182. (In Russ.)

Mordvinov A.A. *Poslednie dni imperatora* [The last days of the emperor]. *Otrechenie Nikolaia II. Vospominaniia ochevidtsev, dokumenty* [Abdication of Nicholas II. Memoirs of eyewitnesses, documents]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, pp. 85–141. (In Russ.)

Khronika [Chronicle]. *Pravo* [Law], 1917, № 8, 21 marta [March 21]. (In Russ.)

Shul'gin V.V. *Podrobnosti otrachenii* [Details of the abdication]. *Otrechenie Nikolaia II. Vospominaniia ochevidtsev, dokumenty* [Abdication of Nicholas II. Memoirs of eyewitnesses, documents]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, pp. 169–172. (In Russ.)

**АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ КАМПАНИЯ У СТАРООБРЯДЦЕВ БУРЯТИИ В 1920-Е ГГ.:
МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

Статья подготовлена в рамках государственного задания
(проект XII.191.1.1. «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура,
современное общество», № АААА-А17-117021310269-9)

Целенаправленная борьба с религией стала одним из важнейших направлений в идеологии советской страны 1920-х гг. Для старообрядцев, проживающих с 1760-х гг. в поселениях по р. Селенге (близ г. Верхнеудинска), это означало продолжение конфликтной ситуации в общении и взаимодействии с действующей властью. В работе рассматриваются методы борьбы советской власти со старообрядческой религией в 1920-е гг. Целью исследования является попытка изучения антирелигиозной кампании в поселениях семейских Бурят-Монгольской АССР. Автор работы пытается дополнить представления об образе жизни и быте, отношении к власти старообрядчества в переломный период ранней советской власти. Объектом исследования является старообрядческое население Бурят-Монгольской АССР, предметом – религиозная и культурная политика советской власти. В работе показывается, что так как в долгосрочном планировании большевиков стояло не избавление от раскола в православной церкви (как раньше), а полное вытеснение религиозного мировоззрения у населения, то и методы достижения цели (очернение репутации уставщиков, во многом тождественное с практиками работы с другими вероисповеданиями, продвижение среди семейской молодежи идеи о том, что религия – главная причина их невежества и несвободы и т. д.) были совершенно иными. В 1920-е гг. (в отличие от следующего десятилетия репрессивной политики) власть в целом осторожно подступалась к религии, ее методы были направлены преимущественно на создание негативного информационного фона и поддержку той части старообрядцев, которые стремились к изменениям в своей жизни.

Ключевые слова: отечественная история, старообрядчество, религиозная идентичность, советская власть, комсомольская организация, атеизация, периодическая печать.

Информация об авторе: Хомяков Сергей Васильевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1318-8906>, кандидат исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), г. Улан-Удэ, Россия.

E-mail: khomyakov777@yandex.ru

Дата поступления статьи: 07.08.2020.

Для цитирования: Хомяков С.В. Антирелигиозная кампания у старообрядцев Бурятии в 1920-е гг.: методы реализации // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 68-73. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-68-73>.

Sergey V. Khomyakov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies

**CAMPAIGN AGAINST THE OLD BELIEVERS' RELIGION IN BURYATIA IN THE 1920S:
IMPLEMENTATION METHODS**

The research was carried out within the state assignment of FASO Russia
(project XII.191.1.1. "The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China:
history, culture, contemporary society", No. АААА-А17-117021310269-9)

Purposeful struggle against religion became one of the most important directions in the ideology of the Soviet country in the 1920s. For Old Believers, who had been living in settlements along the Selenga River (near the City of Verkhneudinsk) since the 1760s, this meant a continuation of the conflict situation in communication and interaction with the contemporary government. The Old Believers, who for decades had been trying to preserve the specifics of the old Orthodox religion, fulfilled the entire list of economic and military duties, but resisted the decisions of the tsarist administration to eliminate the schism (sealing chapels, monitoring the activities of preceptors, conversion in coreligionism etc.). The Soviet power, established in the 1920s in Buryatia, demonstrated continuity in the perception of the Old Believer religion as a problem. Hence, the article sets a task of characterisation of the methods of the struggle of the Soviet government against the Old Believer religion in the 1920s. The goal of the research is an attempt to study the anti-religious campaign of the Bolsheviks in the settlements of the Old Believers of the Buryat-Mongol autonomous Soviet Socialist Republic, which can complete the ideas about their way of life, the attitude to the authorities in the turning point of the early Soviet power. The object of the study is the Old Believers' population of the Buryat-Mongol ASSR, the subject is the religious and cultural policy of the Soviet power. In the long-term planning of the Bolsheviks was the complete suppression of the religious worldview among the population rather than elimination of the schism in the Orthodox Church (as before), hence the methods of achieving the goal were completely different – defamation of character of the preceptors, in many ways identical with the practices of working with other religions, promotion ideas that religion is the main reason for their ignorance and lack of freedom, etc., among the Old Believer youth. In the 1920s (in contrast to the next decade of repressive politics) the authorities approached religion

with caution, their methods were mainly aimed at creating a negative information background and supporting that part of the Old Believers who sought changes in their lives.

Keywords: Russian history, old belief, religious unity, Soviet government, atheism, Komsomol, periodical press.

Information about the author: Sergey V. Khomyakov, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1318-8906>, Candidate of Historical Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), Ulan-Ude, Buryatia autonomy, Russia.

E-mail: khomyakov777@yandex.ru

Article received: August 7, 2020.

For citation: Khomyakov S.V. Campaign against the Old Believers' religion in Buryatia in the 1920s: implementation methods. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 68-73 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-68-73>.

Специфика старообрядческой веры и борьба советской власти с ее влиянием в поселениях Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. привлекала активный интерес как исследователей советского периода (участников проходивших событий), так и современных ученых. Работы А.М. Селищева, А.М. Поповой, В. Воскобойникова, проводивших полевые исследования в 1920-е гг., дают возможность изучить общую ситуацию в старообрядческих поселениях, а работа А.А. Долотова – обобщить весь спектр методики антирелигиозной работы. В отличие от предшественников практически все современные исследователи старообрядчества Бурятии (Ф.Ф. Болонев, С.В. Бураева, С.В. Васильева и др.) дают негативную оценку действиям советской власти по отношению к религии в этот период, считая их одним из катализаторов упадка традиционной культуры и быта старообрядчества.

Ключевое значение для работы имели материалы периодической печати, касающиеся атеизации населения в 1920-е гг. («Бурят-Монгольская правда»), а также предписания властей, очерки исследователей и обращения старообрядцев, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия, Государственном архиве Забайкальского края и Государственном архиве Иркутской области. Они позволили подробно охарактеризовать проводимую политику, достигнув выполнения задач исследования.

Сравнительно-исторический метод, сопоставляющий стороны неодинаковых явлений и выявляющий общие и особенные черты, нашел свое применение при анализе различной методики атеистической кампании у участвующих акторов. Историко-генетический метод, изучающий изменения явления во времени, в частности, использовался для сравнения позиции партийных органов по вопросу о старообрядческом духовенстве в 1920-е и 1930-е гг.

Одним из главных условий прогресса в социальном развитии населения СССР партия большевиков считала формирование гомогенного советского общества, культура отдельных этнических групп в перспективе должна была стать «пролетарской по содержанию и национальной по форме» [Сталин 7: 138], что выражалось в подчеркнутой лояльности к внешнему культурному разнообразию при ус-

ловии строгой идейной однородности. В вопросе отношения к религии происходила обратная ситуация, внешние ее проявления (обрядовая жизнь по церковным правилам, поклонение мощам святых, крестные ходы и т. д.), в отличие от общего религиозного мировоззрения, становились препятствием для решения задачи, вследствие чего борьба с верованиями с 1920-х гг. являлась одним из важнейших элементов внутренней политики.

Старообрядцы (забайкальский этноним – «семейские»¹) появились в местностях вокруг г. Верхнеудинска с 1760-х гг. Ф.Ф. Болонев говорит об этом событии как об одном из этапов их выгонки с восточных областей Речи Посполитой: «Их селили на Барабе, Алтае, в верховьях Иртыша, по его притокам и в Забайкалье, в Селенгинской Даурии по притокам р. Селенги. Эти группы старообрядцев, выведенных из Польши в 1764 году, гнали в Сибирь по маршруту: Буг, Винница, Горохов, Межибеж, Бох, Бердичев, Стародубье, Ветка, Гомель, Калуга, Казань, Тобольск, Бараба, Алтай, Забайкалье. Их ввели в Сибирь партиями по 150–200 человек в каждой, вместе с женами и детьми. Всего их сюда следовало 22 партии общим числом около 4 000 человек» [Болонев: 6]. Сельский образ жизни был обусловлен тем, что во всех местностях «...исключительное занятие семейского – земледелие» [Селищев: 8].

Старообрядческая общность и к 1920-м гг. была прежде всего религиозной идентичностью, поэтому удар по древлеправославной вере неизбежно привел к ускорению темпов вырождения традиционного быта и культуры (что начало проследиваться еще с 1900–1910-х гг.). Местная власть видела в этих процессах закономерность, считая, что отмирают только ненужные самим старообрядцам особенности старой жизни. Однако современная массовая тенденция восстановления церквей и часовен, а также позитивной памяти о защитниках вероучения (и, как следствие, воссоздание и ретрансляция культуры в старообрядческих поселениях Бурятии) говорит о понимании потомками процессов 1920-х гг. как факта утраты своей самоидентификации (как и понимание неразрывной связи своей религии и культуры), что актуализирует необходимость изучения поворотного для старообрядцев периода начала атеистической кампании в Бурят-Монгольской АССР.

Методы, которыми пользовалась советская власть в борьбе со старообрядческой верой в 1920-е гг., находили свое применение и к остальным вероисповеданиям (ограничение деятельности верующих, а также священников и заменяющих их уставщиков; создание в газетах и журналах образа верующих как невежд, а духовенства – как лентяев, пьяниц, покровителей кулачества; выезды на места актива г. Верхнеудинска с естественнонаучными докладами и лекциями и др.), однако они должны были учитывать и местные особенности (изолированность общин семейских и традиционное понимание власти как инициатора нежелательных внешних вторжений; передающиеся через поколения практики религиозного табуирования, затрудняющие «работу» с населением и т. д.).

Условно их можно разделить на методы республиканской власти (официальные постановления Бурят-Монгольского обкома ВКП (б), актива верхнеудинских предприятий и местных комсомольцев (выезды на места и общение со старообрядцами, работа изб-читален), периодической печати (статьи о пассивном сопротивлении атеизации и оценках личностей представителей духовенства). Кроме того, свое видение в проведении антирелигиозной кампании властям предлагало и научное сообщество. Надо понимать, что все названные методы реализовывались в тесном взаимодействии друг с другом (например, действия власти и актива рабочих и комсомольцев обязательно публиковались в прессе, ученые в работах соотносили свои выводы с идеологическим вектором), мобилизуясь вокруг существующей внутривластной конъюнктуры.

Метод постепенного ограничения деятельности старообрядческого духовенства и верующих (логично воспринимаемый властью как один из основных) прежде всего был выражен стремлением партийных органов иметь представление о размахе работы на антирелигиозном фронте (подсчет количества верующих в поселениях). Для этого властью была инициирована необходимость в официальной регистрации общин. Старообрядцы же со времен своего появления здесь старались уклониться от включения в какой-либо документальный учет (например, отказывались вести метрические записи родившихся и умерших, ограничиваясь перечислением родных в посемейных списках²), считая это одной из «печатей антихриста»³. Немаловажным моментом здесь был фактор того, что если «...представители сельской или волостной администрации сами были из старообрядцев, то они попросту саботировали мероприятия по сбору данных» [Васильева, Бураева: 24]. Очевидное и ожидаемое игнорирование большинством поселений предложений по регистрации давало повод власти к принятию ограничительных мер, постепенно расширяя их масштаб. «Административное управление СНК неоднократно обращалось к верующим группам с предложением зарегистрироваться в соответ-

ствующих учреждениях, не раз изменяя последние сроки представления списков верующих; несмотря на это, верующие с. Хонхолая, Никольского и Больше-Куналея не зарегистрировались и к последнему сроку 1 марта [1924 г.]. СНК решил закрыть эти общества верующих»⁴.

Конечно, мера закрытия обществ не могла сколько-нибудь повлиять на положение верующих, давно привыкших к своему неофициальному статусу, однако это позволило продемонстрировать попытку завоевания симпатий семейских (решение вопроса мирно, но на своих условиях) и дало возможность поставить незарегистрированные общины вне закона уже по отношению к новой власти. Вполне вероятно, что отказ в регистрации был еще и демонстрацией негативного отношения к «безбожникам», так как известно, что аналогичная практика попыток регистрации общин существовала в начале XX в. и в царской России, некоторые из семейских шли навстречу этому, если выполнялись их требования (например, утверждение своего уставщика): «...просим приход наш регистрировать как самостоятельную общину; разрешить открыть молитвенный дом, нашим уставщиком состоит крестьянин однообщественник Киприан Иванов Федотов»⁵. Учитывая, «...что проживающие в Верхнеудинском уезде старообрядцы, за исключением лишь принадлежащих к Тарбагатайской общине, от объединения в законные общины отказались»⁶, в силу названных причин это событие следует считать скорее исключением из общего правила.

Если в 1920-е гг. местные партийные органы в основном ограничивались отдельными постановлениями в отношении к старообрядчеству, то практические методы борьбы с религией чаще использовались работниками учреждений, заводов и предприятий г. Верхнеудинска (в качестве взятых на себя партийных обязательств по общественной работе). Именно они выезжали в села проводить беседы, читать антирелигиозную литературу, организовывали кружки (для координирования такой работы с семейскими в том числе создавались и научные работы). «Верхний Жирим. Давно наши крестьяне хотели ознакомиться с жизнью Владимира Ильича Ленина и дождались. Приехали шефы – ячейка ГПУ – и устроили ряд бесед о нем. Шефам вынесли благодарность. С их помощью мы надеемся освободиться от старообрядческой церкви»⁷. О целенаправленной политике организации культурного и антирелигиозного шефства говорит практика распределения актива городских рабочих по старообрядческим селам: «Наркомфин. В красном уголке проводятся беседы на темы: “Кооперация”, “1905 год”. Организован шахматный кружок, стенгазета ежемесячная, есть библиотека. Совместно с Бурстрахом и Госбанком ведется шефство над селом Старая Брянь»⁸.

Кроме коллективов рабочих активную позицию занимала комсомольская организация, при-

чем (учитывая недоверие и частую враждебность к чужакам) в избы-читальни, библиотеки, пункты ликвидации неграмотности старались направлять выучившуюся в Верхнеудинске молодежь, родившуюся в старообрядческой среде, а лучше всего в этом же поселении. «В селе Тарбагатай старообрядческое население осознает пользу избы-читальни. Население почти поголовно неграмотное, пропитанное религиозными предрассудками. В 1924–1925 гг. население смотрело на избы-читальню как на ненужную затею. Но потом изба нащупала актив среди комсомола. Изба-читальня завоевала уважение открытием столов-справок, громкой читки газет и книг по сельскому хозяйству, ею была проведена сельскохозяйственная выставка, а также траурный день в память Ленина»⁹. Любое организованное культурное мероприятие автоматически подразумевало и антирелигиозную направленность, например дни памяти Ленина (попытка альтернативы религиозным праздникам Рождества и Пасхи, проводившимся в январе и апреле-мае и примерно совпадающим с датами смерти и рождения Ленина соответственно).

Периодическая печать в 1920-х гг. становится одним из ключевых каналов трансляции населению идеологических установок. С 1923 г. в республике таким каналом воздействия, главным образом, становится «Бурят-Монгольская правда» – партийная газета с постоянно увеличивающимся тиражом и распространением на отдаленные районы. Антирелигиозная пропаганда (учитывая и фактор поликонфессионального региона) с самого появления газеты оказалась одной из важнейших освещаемых тем. Прежде всего, в газете публиковались статьи о проведенных естественнонаучных докладах, посвященных общей критике религиозной картины мира и направленных на население республики в целом¹⁰. Они, в частности, использовались комсомольцами на публичных выступлениях уже в семейских селах.

Однако на «старообрядческое направление» (ввиду трудностей в работе агитаторов) редакцией обращалось особое внимание. Публикуя решения властей (например, об отказе признания религиозных общин старообрядцев) либо статьи о плановых поездках активистов в села, газета популяризировала проводимую кампанию, делала ее известной для населения. Кроме того, редакция брала инициативу в создании своих методов антирелигиозной пропаганды, применявшихся и среди семейских. На основании частных происшествий массово стал создаваться отталкивающий, зачастую карикатурный образ всех священников, уставщиков и начетчиков (в отличие от несколько более вменяемой оценки исследовавших их деятельность ученых). «Большой Куналей. Во время попойки во имя праздника Покрова у молодежи началась драка. Старообрядческий поп Т., вмешавшись с длинным стягом в руках, напал на одного из парней. Так

религиозные попы насаждают просвещение среди деревенской молодежи. Кроме того, поп Т., будучи председателем волуправления, собирал с граждан села местный сбор, в настоящее время с них снова требуют выплаты сбора»¹¹. Пестерево. Местный поп Нифонтов, напившись у крестьянина, дома разогнал семейство. После неудачной попытки догнать дочь бил усердно попадью. Вот пример “достойного” поведения нашего пастыря¹². “Ох, последние времена пришли”, – стонут в Большом Куналее. А темные силы в виде уставщиков шепчут в темные народные уши: “А все оттого, что бога забыли”. Не мешало бы сократить всех этих “пророков” и “агитаторов”»¹³. В итоге это позволяло искусственно разделять крепкую старообрядческую общину на основании «свой – чужой», вытесняя прежние авторитеты на периферию общественной жизни.

Причем и сообщение о рядовом вовлечении в духовную деятельность (без очерняющих случаев) могло стать поводом для критики участия человека в образовательных или культурных практиках «новой жизни». «Странным кажется то обстоятельство, что прошла чистка, но не задела своей метелкой кого следует, а именно: в с. Пестерево есть зав. школой – некто Грачев, быв. протоиерей. А главное, не забывает наш “шкраб”¹⁴ в воскресный денечек в церковь заглянуть, где он является певчим. Невольно напрашивается вопрос, неужели такие “шкрабы” могут повести антирелигиозную пропаганду как в школе, так и среди населения, а также направить работу школы по правильному руслу»¹⁵.

При этом широко использовалась практика публикации заметок с мест внештатными корреспондентами либо простыми обывателями. Это вызывало симпатию к газете, создавало ощущение незримого единства в борьбе с общим врагом. «Новая Брянь. В это время на фронте темноты происходят интересные явления. В среде церковнослужителей разлад, а именно: на рождество уставщики собрались славить Христа, но учитывая, что в деревне появились и неверующие, попы предупредили, что будут заходить к тем, кто будет ждять у ворот, и в свою компанию не принимали лишних»¹⁶.

Еще одним методом реализации атеистической кампании со стороны газеты стало специфическое освещение тех проблем, с которыми столкнулась агитация в работе с рядовыми старообрядцами. Упорное нежелание отказываться от религии предков (из-за которой они и были сосланы в Забайкалье) в основном преподносилось как упрямство исключительно пожилых людей (в отличие от молодежи, массово поддерживающей все новое) и обязательно связывалось с отказом от медицинского и культурного просвещения (что, безусловно, имело место быть в отдельных случаях). Признавая (по многочисленным отзывам агитаторов) старообрядческие села наиболее «трудными» для успеха атеизации,

стиль таких сообщений в номерах 1920-х гг. был иронично-снисходительным, с упором на подчеркнутую временную темноту и невежество. «В августе в Новой Бряни состоялось объединенное собрание обоих селений, на котором присутствовало граждан обоого пола 354 чел. Обсуждались вопросы о содержании уставщиков, пономарей и прочей дребедени. Наши граждане “семейские” за церковь держатся и представляют попам морочить себя как последним желательным¹⁷... Село Харауз. Старообрядцы, уповая на “господа бога” и надеясь, что он может помочь их беде (пожары), возятся с молебнами и только и делают, что встречают и провожают “святых отцов”¹⁸».

Учитывая основное стремление любой газеты, в том числе и «Бурят-Монгольской правды», к привлечению внимания (в условиях всеобщего распространения идеи атеизма), вполне очевиден ее упор на негативное отношение к старообрядческому духовенству и верующим. Являясь же органом Бурятского бюро ВКП (б), газета (посредством статей с мест) давала возможность власти опосредованно быть сопричастной к радикальной позиции по религиозному вопросу в неофициальном дискурсе, так как эти статьи часто печатались сразу после постановлений, приказов и обращений партии, в которых в 1920-х гг. зачастую демонстрировалась политика умеренности и стремления к договорным отношениям с религией.

Исследователи старообрядцев Бурятии (часто выезжавшие в полевые экспедиции), критикуя в работах древлеправославную веру как основной фактор, тормозящий прогресс в поселениях и предлагая свои методы антирелигиозной борьбы, также становились участниками проводимой кампании. А.М. Попова (побывавшая в Верхнеудинском уезде в 1928 г.), отмечая, что «...уставщики – страшное зло в семейских селах, заставляют своей церковной властью пребывать во мраке и невежестве» [Попова: 28], делала ставку на молодежь, считав, что только точечное культурное строительство объективно приведет к ее постепенному отказу от религии в пользу знаний: «Бороться с такими явлениями можно тогда, когда будет больше школ и культурных учреждений, где молодежь найдет ответы на все запросы» [Попова: 29].

Наиболее же широкий перечень методов борьбы со старообрядческой верой приводит в 1931 г. А.А. Долотов в работе «Старообрядчество в Бурятии» (предложив их использование и далее). Соглашаясь с осторожной политикой местных властей по постепенному отходу населения от веры («...требование немедленного разрыва с религией – самая опасная глупость») [Долотов: 43], автор (в духе социализма) считал, что победу над религией можно одержать сначала экономическими методами, такими как привлечение в колхозы, и технический прогресс. «Окончательно освободиться от религиозной рутины крестьянин может

только в коллективном хозяйстве» [Долотов: 43], а также «...зависимость хозяйства от природы создает у крестьянина иллюзию существования божества» [Долотов: 46]. Учитывая трудности в атеизации именно семейского населения, автор указывает в качестве специальных методов «...разъяснение, что их “старая вера” не есть какая-то особенная, самая старинная и правильная» [Долотов: 49], кроме того, «...насколько и почему нелепа идея об антихристе, что везде его слуги и повсюду его печать» [Долотов: 47], то есть беседы со стариками и школьное обучение молодежи, в том числе посредством изучения газеты «Безбожник»¹⁹ и журнала «Антирелигиозник»²⁰.

Научное сообщество 1920-х гг., в целом пока еще слабо интересовавшееся жизнью семейских, было ожидаемо солидарно с властью по вопросу атеизации местного населения, попутно предлагая в своих работах (учитывая личные наблюдения) действенные методики, которые затем использовались на местах культурными работниками и комсомольским активом.

Исходя из представления об общем взаимодействии и совместном участии в антирелигиозной кампании у старообрядцев партийных структур, периодической печати, комсомола и коллективов рабочих Бурятии, а также научного сообщества 1920-х гг., необходимо отметить разнородность применявшихся методов.

Партийные органы, используя принудительные меры, предъявляли юридические обоснования в ограничении свободы вероисповедания (хотя в отличие от ситуации 1930-х гг. пока что не прибегали к репрессиям духовенства и закрытию церквей, поддерживая в основном религиозную критику в поле научных дискуссий и газетных кампаний). Кроме того (в русле образовательного и медицинского просвещения, а также культурного строительства), власть сделала многое для создания условий проведения досуга в селах и отхода от религиозного сознания неортодоксальных прослоек верующих старообрядцев. Материалы периодической печати, создавая вокруг старообрядческой веры и ее представителей повседневную негативную тенденцию, косвенно способствовали этому же. Грамотные старообрядцы сами могли прочесть статьи и делать определенные выводы, остальные же могли слушать их на громких читках и видеть карикатуры на духовенство (практически всегда изображаемые рядом со статьей), которые, ломая представление о его моральной безупречности, также вызвали разнообразную реакцию.

Исследователи старообрядчества не ограничивались объективным изучением бытования семейских и выдвигали теоретические положения-методики антирелигиозной работы, которые применялись на практике активистами рабочих коллективов и комсомольскими агитаторами. Они же в свою очередь являлись главным фактором ате-

истической кампании в 1920-х гг., так как их непосредственное взаимодействие с населением (беседы, проведение мероприятий, посредничество в общении с органами власти) приносило больший результат, чем газетные статьи и научные работы, которые мало кто из старообрядцев пока что мог изучить и которые чаще использовались как раз опосредованно културботниками.

Примечания

¹ Этноним «семейские» был получен переселившимися старообрядцами от местных жителей Забайкалья, ввиду их прихода сюда большими семьями.

² Подписка старообрядцев Куйтунской волости об отказе вносить записи в метрические книги по религиозным убеждениям. 14 марта 1910 г. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 337. Оп. 2. Д. 1564. Л. 6.

³ «Апокалипсис» Иоанна Богослова был в центре мировоззренческих построений старообрядцев Забайкалья, передававших откровение из поколения в поколение. Отсюда распространенность идеи о приходе антихриста в лице конкретного царя либо советской власти.

⁴ Закрытие религиозных обществ. Бурят-Монгольская правда. 1924. 8 марта. С. 3.

⁵ Прошение тарбагатайских старообрядцев о регистрации прихода как общины и разрешении открыть построенный молитвенный дом. 18 ноября 1907 г. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4515. Л. 19–19 об.

⁶ Предписание военного губернатора Забайкальской области М.И. Эбелова Верхнеудинскому уезвному начальнику о ведении метрических книг старообрядцами. 12 июня 1909 г. ГАРБ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 1564. Л. 15–15 об.

⁷ В Верхнем Жириме. Бурят-Монгольская правда. 1925. 14 фев. С. 4.

⁸ Взняли шефство. Бурят-Монгольская правда. 1926. 20 янв. С. 2.

⁹ Старообрядческое население осознало пользу избы-читальни. Бурят-Монгольская правда. 1926. 18 фев. С. 3.

¹⁰ Доклад в Троицкосавске. Бурят-Монгольская правда. 1923. 4 окт. С. 3.

¹¹ Прodelки старообрядческого попа. Бурят-Монгольская правда. 1923. 27 окт. С. 4.

¹² Достойный пример. Бурят-Монгольская правда. 1927. 10 ноября. С. 4.

¹³ Ждут кончины мира. Бурят-Монгольская правда. 1923. 29 сент. С. 3.

¹⁴ «Шкраб», сокращенно – школьный работник, учитель. Сокращение общеизвестных терминов было распространенным явлением в СССР 1920–1930-х гг.

¹⁵ Богомольный шкраб. Бурят-Монгольская правда. 1924. 10 янв. С. 3.

¹⁶ Из жизни Новой Бряни. Бурят-Монгольская правда. 1924. 30 янв. С. 3.

¹⁷ «Мертвецы». Бурят-Монгольская правда. 1923. 30 сент. С. 3.

¹⁸ Село Харауз. Бурят-Монгольская правда. 1925. 28 июня. С. 4.

¹⁹ Газета «Безбожник» являлась печатным органом Союза воинствующих безбожников и издавалась в СССР с 1922 по 1941-й гг.

²⁰ Журнал «Антирелигиозник» являлся печатным изданием Союза воинствующих безбожников и издавался в СССР с 1926 по 1941-й гг.

Список литературы

Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск: Февраль, 1994. 148 с.

Васильева С.В., Бураева С.В. Метрические книги в старообрядческой среде Забайкалья // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019. № 1. С. 22–29.

Долотов А.А. Старообрядчество в Бурятии. Верхнеудинск: Бургосиздат, 1931. 52 с.

Попова А.М. Забайкальские старообрядцы // Бурятиеведение. 1928. № 1–2. 38 с.

Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Иркутск: Изд-во Государственного Иркутского университета, 1920. 81 с.

Сталин И.В. О политических задачах университета народов Востока. Сочинения: в 13 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. Т. 7. 419 с.

References

Bolonev F.F. *Staroobryadcy Zabajkal'ja v XVIII-XX vv.* [Old believers of Transbaikalia in the 18th and 20th centuries]. Novosibirsk, Fevral' Publ., 1994, 148 p. (In Russ.)

Vasil'eva S.V., Buraeva S.V. *Metricheskie knigi v staroobryadcheskoj srede Zabajkal'ja* [Metric books in the Old-believers environment of Transbaikalia]. *Vestnik Burjatskogo nauchnogo centra SO RAN* [Bulletin of the Buryat scientific center of the Siberian branch RAS], 2019, № 1, pp. 22–29. (In Russ.)

Dolotov A.A. *Staroobryadchestvo v Burjatii* [Old believers in Buryatia]. Verkhneudinsk, Burgosizdat Publ., 1931, 52 p. (In Russ.)

Popova A.M. *Zabajkal'skie staroobryadcy* [Trans-Baikal Old believers]. *Burjatievedenie* [Buryat studies], 1928, № 1–2, 38 p. (In Russ.)

Selishhev A.M. *Zabajkal'skie staroobryadcy* [Trans-Baikal Old believers]. Irkutsk, Izd-vo Gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta Publ., 1920, 81 p. (In Russ.)

Stalin I.V. *O politicheskikh zadachah universiteta narodov Vostoka* [About the political tasks of the University of the peoples of the East]. *Sochinenija: v 13 t.* [Essays: in 13 vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1952, vol. 7, 419 p. (In Russ.)

**«КАЗАНСКИЙ МУЗЕЙНЫЙ ВЕСТНИК»
О МУЗЕЙНОЙ РАБОТЕ В ПРОВИНЦИИ В 1920-Е ГГ.**

Статья посвящена рассмотрению проблем становления и анализу содержания одного из первых специализированных музейно-исторических периодических изданий – «Казанского музейного вестника», издававшегося в 1920–1924 гг. Источниками исследования стали как материалы самого издания, так и труды музейщиков, активно участвовавших в создании и деятельности журнала. Применение методов источниковедческого анализа позволило рассмотреть основную круг проблем, волновавших музейную общественность начала 1920-х гг., направления музейной работы, которые должны были получить освещение на страницах издания и – по тем или иным причинам – не получили развития, проанализировать тематику публикаций и отражение в материалах издания музейной работы в разных регионах страны. В выводах работы подчеркивается значимость издания для развития музейной работы на территории Татарской АССР в первые годы советской власти, важное место, занимаемое в журнале материалами о проблемах экспозиционной, научно-исследовательской и образовательной деятельности Центрального музея ТАССР. Однако спецификой издания стал выход тематики за пределы решения исключительно местных проблем, рассмотрение состояния провинциальных музеев в стране, вопросов теории и практики музейного дела, проблем охраны памятников. Широкий научный подход издания к указанным проблемам, привлечение к работе и к публикациям не только местных ученых, музейщиков, искусствоведов и педагогов сделало «Казанский музейный вестник» уникальным источником по истории становления советского музейного дела.

Ключевые слова: Казанский музейный вестник, музейное дело, татарская культура, Гражданская война, издательское дело, образование, П.М. Дульский, Центральный музей ТАССР.

Информация об авторе: Сабитова Камилла Бахрамовна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8440-8705>, аспирант кафедры отечественной истории, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Россия.

E-mail: runaway94s@gmail.com

Дата поступления статьи: 21.06.2020.

Для цитирования: Сабитова К.Б. «Казанский музейный вестник» о музейной работе в провинции в 1920-е гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 74-80. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-74-80>.

Kamilla B. Sabitova
Kazan Federal University

«KAZAN MUSEUM HERALD» ON MUSEUM WORK IN TATARSTAN IN THE 1920S

The article is devoted to the consideration of the problems of formation and analysis of the content of one of the first specialised museological periodicals – Kazan Museum Herald, published in 1920-1924. The sources of the research were both the materials of the publication itself and the works of museologists who actively participated in the creation and activities of the journal. The application of methods of source study analysis allowed to consider the main range of problems that worried the museum community in the early 1920s, the directions of museum work that should have been covered in the pages of the publication and, for one reason or another, were not developed, to analyse the subject of publications and reflected in materials of the publication of museum work in different regions of the country. The conclusions of the work emphasise the importance of the publication for the development of museum work in the territory of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the early years of Soviet power, an important place occupied in the journal by materials on the problems of the exposition, research and educational activities of the Central Museum of the TASSR. However, the specifics of the publication was the way the topic went beyond solving exclusively local problems, considering the state of provincial museums in the country, issues of theory and practice of museum work, and problems of protecting monuments. The broad scientific approach of the publication to these problems, attracting to work and publications not only local scientists, museologists, but also art historians and pedagogues made Kazan Museum Herald a unique source on the history of the formation of Soviet museum work.

Keywords: Kazan museum herald, museum work, Tatar culture, Russian Civil War, publishing, education, Pyotr Dul'sky, Central museum of the TASSR.

Information about the author: Kamilla B. Sabitova, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8440-8705>, postgraduate student of the Department of Russian History, Kazan (near-the-Volga) Federal University, Kazan, Tatarstan autonomy, Russia.

E-mail: runaway94s@gmail.com

Article received: June 21, 2020.

For citation: Sabitova K.B. «Kazan museum herald» on museum work in Tatarstan in the 1920s. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 74-80 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-74-80>.

Проблема сохранения историко-культурного наследия на примере музейного достояния приобретает исключительно актуальный характер. После революции 1917 г. начинается складывание основ советской государственной политики в отношении музеев и историко-культурного наследия. Осуществляла эту политику созданная в марте 1918 г. при Наркомпросе РСФСР Коллегия (позже отдел) по делам музеев и охране памятников искусства и старины, а на местах – создававшиеся с декабря 1918 г. губернские подотделы по делам музеев при местных отделах народного образования. Для эффективной работы данных органов власти требовалась выработка специального законодательства, юридически закрепляющего статус музеев, получивший название «культурной нормы» [Музейное дело: 71], а также выступить гарантом сохранности культурного наследия. Советским правительством был издан ряд постановлений и декретов («Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» от 20 августа 1918 г., «Об освобождении от реквизиций помещений Народного комиссариата по просвещению» от 2 июля 1918 г., «О конфискации имущества низложенного российского императора и членов бывшего российского императорского дома» от 13 июля 1918 г.), позволяющих национализировать собственность царской семьи, высокопоставленных лиц, монастырских и церковных владений, представлявших научную и культурную ценность [Музей: 113]. Национализации подверглись в первую очередь виднейшие произведения искусства, личные архивы, коллекции, одной из первых 3 июня 1918 г. была национализирована Третьяковская галерея¹. Принятые СНК декреты «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» от 19 сентября 1918 г. и «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г. позволили объявить государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины» [Музейное дело: 72]. Таким образом, в первые годы советской власти были в основном решены вопросы организации управления музейным делом, формирования и развития системы музеев, закрепленной постановлением СНК.

Основные принципы и направления государственной музейной политики первых лет советской власти достаточно подробно освещены в исследовательской литературе (Ю.М. Жуковой, Л.Н. Годуновой, М.Б. Кейрим-Маркуса, В.М. Рослаевского, Я.Г. Колокольцевой, Г.А. Кузиной, О.П. Постернака, П.А. Семечкина, М.Е. Каулен, М.А. Поляковой). Принудительная национализация и централизация музейного дела в стране, с одной стороны, способствовали сохранению значительного числа памят-

ников культуры и истории, формированию новых типов музеев, демократизации музейного дела и выполнению музеями просветительских, образовательных, научных задач. С другой стороны, они стали предпосылкой навязывания музеям идеологических, агитационно-пропагандистских функций. Новые задачи требовали объединения усилий музейных работников, ученых, обмена мнениями по научным, методическим, организационным вопросам деятельности музеев. Одной из важных площадок для такого диалога становится периодическая печать. Проблемы музеев отчасти обсуждались на страницах столичных журналов («Русское искусство» (Москва, 1923), «Среди коллекционеров» (Москва, 1921–1924) и провинциальных изданий (например, Омске в 1921–1922 годах выходил журнал «Искусство»). Но первым в стране периодическим изданием специально музейведческого профиля стал «Казанский музейный вестник» [Рамазанова].

«Казанский музейный вестник» (1920–1924) – журнал Казанского подотдела Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Наркомпросе – в какой-то степени продолжал традиции российской дореволюционной периодики искусствоведческой направленности. До революции в России издавался целый ряд периодических изданий, на страницах которых обсуждались проблемы культуры и искусства: московский «Журнал изящных искусств» 1807 г., выходившая в Санкт-Петербурге в 1836–1841 гг. под редакцией Н.В. Кукольника и А.Н. Струговщикова «Художественная газета», «Вестник общества древнерусского искусства» (1874–1876 гг.), искусствоведческая тема также активно обсуждалась в ежемесячных журналах «Весы», «Золотое руно», «Искусство в Южной России» и др. [Берковская]. Как было сказано выше, после революции искусствоведческая и музейведческая проблематика также обсуждалась в ряде столичных и провинциальных периодических изданий. Но «Казанский музейный вестник» в качестве специализированного музейведческого издания, по мнению ряда историков (Г.А. Могильниковой, Г.А. Рамазановой, Л.М. Хуторовой, Е.П. Ключевской, Г.Д. Злочевского) сыграл важнейшую роль в переосмыслении сущности музейной работы, в систематизации накопленного в стране и мире опыта музейной работы, в становлении музеев в новых условиях, в развитии советского музейведения.

За более чем 3 года существования журнала вышло в печать 9 книг: в 1920 г. – № 1–2, 3–4, 5–6, 7–8; в 1921 г. – № 1–2, 3–4; в 1922 г. – № 1 и 2; в 1924 г. – № 1. А в 1923 г. был издан юбилейный сборник «Казанский губернский музей за 25 лет», охвативший все стороны культурной жизни Казани.

Во вступительном слове к первому номеру «Казанского музейного вестника» редколлегия указала

основные направления обсуждения деятельности музеев, которым должны были быть посвящены публикации этого издания:

1) «оригинальные статьи, посвященные строительству преимущественно областных и музеев (губернских, уездных и др.), общих и специальных музеев, имея в виду главным образом интересы краеведения;

2) статьи переводные, недоступные нашим музеоведам, особенно теперь, когда сношения с Западной Европой затруднены;

3) статьи по музейной технике;

4) статьи по охране памятников искусства и старины;

5) работы, посвященные описанию наиболее интересных объектов Казанского губмузея и уездных музеев, основанных Казанским подотделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины;

6) библиографию;

7) хронику;

8) официальные распоряжения и декреты центральной и местной власти, касающиеся музеев»².

Основной состав редакционной коллегии «Казанского музейного вестника» включал искусствовед П.М. Дульского, музеоведа Б.Ф. Адлера и историка просвещения К.Ф. Харламповича. Несколько позже в редколлегию был включен М.И. Лопаткин, и с 1921 г. – тюрколог Г.С. Губайдуллин. Группа ученых, работавшая в музее и одновременно в подотделе Наркомпроса ТАССР, составляла ядро журнала. Среди изъявивших желание участвовать в подготовке публикаций в «Казанском музейном вестнике» были авторы из разных городов страны: Б.Н. Вишневский (Казань), А.И. Никифоров (Казань), А.И. Анисимов (Ярославль), С.М. Дудин (Петроград), С.Е. Малов (Казань), А.Ф. Мانتель (Тетюши), А.Г. Машковцев (Москва), Б.П. Денике (Томск), А.И. Никифоров (Казань), П.П. Перцев (Кострома), И.Э. Грабарь (Москва), А.Н. Свиринов, М.Г. Худяков (Казань), Н.Н. Фирсов (Казань), Б.Р. Виппер (Москва), В.Я. Адарюков (Петроград), Н.Ф. Катанов (Казань), А.В. Григорьев (Козьмодемьянск) и др.

В вышедших номерах журнала было опубликовано в общей сложности более 80 статей, 6 хроник, а кроме того – библиографические обзоры, документы органов власти и пр. Целый ряд работ был посвящен характеристике создававшихся центральных и местных музеев, рассматривал развитие музеев в различных регионах Татарской АССР. Это были статьи одного из членов редколлегии журнала – Б.Ф. Адлера («Областные и местные музеи», «Национальный музей»³, «Главмузей»⁴), а также Д.Н. Анучина («К вопросу об устройстве музея народного быта и искусства в Москве»⁵), Н.Н. Фирсова («Музей и революция»⁶), Б.Н. Вишневского («По музеям Казанского края»⁷, «Антро-

пология в музее местного края»⁸), Г.М. Залкинда («Народные музеи как средство внешкольного образования»⁹).

В статье «Областные и местные музеи» Адлер предложил типологизировать музеи и охарактеризовать каждый из них. Согласно его классификации, музеи подразделялись на общие и местные, а последние – на областные, губернские и уездные¹⁰. Разумеется, в зависимости от типа музеи отличались охватом территории и содержанием. Так, столичные музеи охватывали значительную территорию и обладали большими ресурсами. Однако сравнивая музей на Кавказе и музей в Архангельске, охватывающий большую территорию, чем Кавказский регион, Адлер пояснял, что ин-формационный потенциал южного музея окажется богаче: Кавказ, хоть и занимает меньшую территорию, но богат историей и культурой множества этносов, каждый из которых обладает специфическими обычаями и традициями¹¹. Следовательно, эффективность развития музея зависит не только от территориального фактора, но и также связана с особенностями политического, экономического, культурного развития народов, населяющих данную местность. Адлер заметил, что центральный музей в Архангельске «по своему центральному положению должен быть областным, поэтому среди его этнографического отдела, естественно, должны быть представлены финские и тюркские народы нашей С.В. области. Однако этнография этих племен не может быть понята без этнографии остальных тюрков Европы и Азии, особенно теперь, когда тюркофильство, идеи панисламизма далеко распространились по земле. Поэтому в таком областном музее должны быть и якуты, и киргизы, теленгуты, уйгуры и пр.»¹².

Применительно к Казанскому краю Адлер считал, что нужно создавать не музей татарской культуры, а музей татарского народа. «Давая понятие о татарах в первую очередь, музей должен показать их в совместной жизни с русскими и другими народами, живущими на территории Татарии»¹³. Именно таковым было видение Адлером Казанского музея.

Из переводных статей западно-европейских специалистов, публикация которых планировалась редакцией, в «Казанском музейном вестнике» появилась лишь статья дрезденского музеоведа-этнографа О. Рихтера «Идеальные и практические задачи этнографических музеев»¹⁴. Перевод статьи был сделан советским этнографом Верой Николаевной Хузиной, профессором Московского археологического института. Харузина подчеркнула, что Рихтер выдвигал задачи, стоящие перед этнографическими музеями – эстетическо-воспитательную и национально-патриотическую. Он полагал, что этнографические музеи должны служить источником знакомства с чужими странами, что будет

косвенно содействовать развитию колониальной политики, торговли и могуществу нации. Кроме того, музеи должны вызывать эстетическое наслаждение, являясь стимулом к художественному творчеству [Керимова].

Вероятно, публикации переводов работ зарубежных исследователей были затруднены ввиду сложного внутри- и внешнеполитического положения страны (нарушенные научные контакты, заказ научной литературы, нехватка финансов и пр.). Однако в специальном выпуске журнала за 1921 г.¹⁵ все же присутствовали отдельные ссылки на зарубежные издания. Речь идет о статьях, посвященных истории персидской миниатюры, живописи – «Заметки по искусству Востока», отношению мусульман к изображению живых существ, а также статьях в разделе «Блюдо китайской перегородчатой эмали».

Заявленных редколлекцией в программном номере журнала статей по музейной технике в «Казанском музейном вестнике» тоже было опубликовано мало. Но важными для практики музейной деятельности статьями «Вестника» являлись работы Адлера «Инventарь, каталог и их значение в музее» и В.Я. Адарюкова «Предметный каталог отдела изящных искусств Румянцевского музея»¹⁶. Бруно Фридрихович указал на проблему малодоступности иностранной литературы провинциальным музейоведам и музейным работникам. Поэтому, как отметил автор, «Казанский музейный вестник» призван восполнить данный пробел: «...имея в виду назначение нашего журнала служить, прежде всего, нуждам наших собратьев по оружию, работающих в трудных условиях провинциальной обстановки, мы упростили требования до минимума и, не “мудрствуя лукаво”, преподали наши советы для наиболее правильной обстановки важного для каталога и инвентаря применительно к работе в провинции»¹⁷. Следует отметить, что в редакцию еще с 1920 г. стали приходить телеграммы из мелких уездных музеев с просьбой выслать несколько экземпляров каждого из выпусков «Музейного вестника»: «...пособие очень важное и ценное для организуемого музея в г. Мамадыш, а также просит снабжать секцию всей необходимой литературой по музейоведению»¹⁸. На местах остро не хватало литературы и справочников по музейному делу, его технике и, соответственно, компетентных кадров. Это отмечал представитель Тетюшского музея Мантель¹⁹, об этом же сообщали из уездов Саратовской губернии²⁰. Кстати, практический интерес к «Казанскому музейному вестнику» проявляли не только музейные работники: редколлекция журнала была уведомлена об обязательной регулярной отправке 5 экземпляров каждого из номеров в НКВД²¹.

Трудной и важной проблемой, находившей освещение на страницах «Вестника», была охрана

памятников искусства и истории. Адлер предложил решать эту проблему путем создания музейных фондов при губернских подотделах, из которых бы черпали материал разные музеи губернии: «Для создания фонда необходимо спасти все то, что хранилось в богатых усадьбах и особняках, необходимо изучить и собрать в губернии все по естествознанию, этнографии, искусству и пр. Эта работа должна совершаться систематически посредством экспедиций и ряда экскурсий»²².

Статьи по проблемам охраны памятников искусства и старины публиковали также Дульский, А.М. Миронов («Охрана памятников искусства и старины»²³), Смолин («Охрана памятников искусства и старины в Сибири»²⁴).

Дульский, будучи сотрудником Казанского губернского музея (с 1929 г. – Центральный музей ТАССР), подчеркивал, что сам музей находится в упадке. Основу музея составляли коллекции А.Ф. Лихачева (1849–1910), виднейшего казанского коллекционера и нумизмата, насчитывающие более 40 тысяч предметов. Именно богатое собрание Лихачева составили особый отдел Центрального музея – Музея имени А.Ф. Лихачева. Музею требовалась реорганизация и пополнение фондов. П.М. Дульский отмечал, что в течение долгого времени «(с 1895 г. до 1920 г.) художественный отдел Казанского музея совершенно не пополнялся, не считая Лихачевского собрания, среди которых были картины русских художников Левицкого, Лампи, Тропинина, Чернецова, Перова, Худякова, Капкова, Плахова, Каменева, Резанова, Шишкина и других»²⁵. Правда, Дульский отметил, что «1919 г. был богатым в области музейных поступлений, пожертвований, приобретений – картины Г.И. Топорова “Портрет Нивицкой”, Репина “Портрет девушки”, этюд “Казак” Репина, Ф. Васильева “Вид на г. Чебоксары”, К. Коровина “Вечер. Розы”»²⁶. Но необходимость преодоления тяжелых последствий революции и Гражданской войны вынуждали сотрудников просить помощи у горожан: «...музей обращается к населению с призывом о передаче для экспонирования произведений искусства и коллекций, которые имелись у профессоров университета. Начался поток частных пожертвований в музей. Первым откликнулся профессор В.С. Груздев, который принес в дар музею картину Н.Е. Репина «Читающая девушка». В течение года музей обогатился коллекцией картин кисти известных художников. Увеличилась коллекция фарфора, исторический отдел получил коллекцию терракот из Хотана, предметы эпохи бронзы с территории Казанской губернии, предметы церковной старины» [Синицина: 9].

Дульский был автором ряда работ по истории народного искусства татар, о влиянии революции на культурную жизнь Казанской губернии – «Искусство в Татарской республике за годы рево-

люции» [Дульский 1929], «Искусство казанских татар» [Дульский 1925], «Оформление татарской книги за революционный период» [Дульский 1930]. Он исследовал и творчество местных художников – Н.И. Фешина, П.П. Бенькова, П.А. Радимова, Садри Ахуна, Н.М. Соколовского, В.А. Родионова. В очерке «Барокко в Казани» П.М. Дульский [Дульский 1927], помимо рассмотрения русских архитектурных памятников, исследовал и ряд татарских памятников, в частности Апанаевскую мечеть и мечеть Марджани. Историки отмечают, что местное зодчество было практически не изучено, и Дульский много сделал в этом направлении: «Более всех внес в эту работу сам Дульский, кропотливо рывший в местных архивах, неутомимо фотографировавший, зарисовавший, пламенно обсуждавший очередные вопросы. Часть его заметок была напечатана в «Старых Годах», но, к сожалению, издание журнала оборвалось прежде, чем в нем появилась отосланная в редакцию статья о Петропавловском соборе в Казани»²⁷. Историк М.Г. Худяков отмечал неустанную энергию Дульского, преданного музейному делу. Очерк Дульского «Памятники казанской старины» (Казань, 1914) представлял собой масштабный труд, состоящий из огромного систематизированного материала опубликованных и неопубликованных источников, исторических справок о памятниках и их художественных описаний. Впоследствии он не раз возвращался к этой теме, стремясь восполнить упущения, исправить искажения и расширить сведения об отдельных культурных объектах (Памятник Г.Р. Державину в Казани» (1916 год), «Михаил Петрович Коринфский» (1916), «Классицизм в Казанском зодчестве» (1920), «Казань в графике Г.К. Лукомского» (1920), «Барокко в Казани» (1927) и др.).

В публикациях «Казанского музейного вестника» обсуждались также вопросы создания и функционирования музеев. Казанский губернский музей к тому времени представлял собой «провинциальную кунсткамеру», где наряду с ценными в научном отношении коллекциями были разного рода «диковины»²⁸. Ряд статей в журнале касались устройства, цели и задач, деятельности, коллекций Казанского губернского музея и уездных музеев, основанных Казанским подотделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины – это работы М.Г. Худякова²⁹, Ю.В. Иванова³⁰, В.Ф. Смолина³¹, Н.Ф. Высоцкого³², С.Е. Малова³³.

Важным направлением музейной работы 1920-х гг. была организация выставок, которые освещались в публикациях «Казанского музейного вестника». Самыми масштабными и значимыми были: I государственная художественная выставка и выставка культуры народов Востока. I государственная художественная выставка состоялась 28 мая 1920 г., «...она была организо-

вана губернским подотделом по делам музеев и охраны памятников совместно с политотделом Западной армии Республики и губернским подотделом внешкольного образования. В подготовке выставки приняли участие присылкой картин Коллегия по делам музеев Наркомпроса РСФСР, отдел изобразительных искусств того же наркомата, художники И.Э. Грабарь, В.Н. Бакшеев и др. В выставке приняли участие казанские художники, выставившие свыше 400 полотен» [Синицина: 11]. К открытию выставки был издан каталог, в котором помещены статьи профессоров В.Т. Дитякина, А.М. Миронова, Б.Ф. Адлера, Дульского и А.Н. Тришевского [Синицина: 11].

В мае 1921 г. в Казани состоялась 1-я государственная выставка картин и предметов прикладного искусства совместно с политическим отделом Штаба Западной армии Республики³⁴. В отделе прикладного искусства выставки посетители могли ознакомиться с коллекцией фарфора губернского музейного фонда. Еще в 1920 г. в статье «Вестника» «О русском фарфоре» В.В. Перцев³⁵ подчеркивал значимость собрания фарфора в Казанском губернном музее. Он отмечал, что последняя четверть XIX в. в истории фарфоровой промышленности ознаменовалась упадком. Мелкие предприятия терпели убытки и вынуждены были закрываться, на их место приходит массовое производство изделий. «Музейный фонд, собранный Казанским подотделом, заключает в себе свыше 500 предметов старинного фарфора, отчасти иностранного, преимущественно русского происхождения. Прикладное искусство далеко еще не получило у нас общественного признания. Его нередко противопоставляют так называемому «чистому искусству, желая подчеркнуть этим, что только последнее место имеет серьезное значение»³⁶.

Таким образом, можно констатировать, что исследовательская деятельность «Казанского музейного вестника» сделала из Казани один из ведущих в 1920-е годы центров развития музейного дела в стране, многочисленные исследования которого выявили основополагающие принципы развития музееведения в России, главные направления деятельности музеев, раскрыв тем самым тему национальной культуры. «Казанский музейный вестник» является уникальным источником для восстановления и реконструкции общей картины развития музейного дела в России, является одним из важнейших элементов новой музейной политики. Именно на страницах «Казанского музейного вестника» нашли отражение наиболее злободневные и востребованные проблемы сохранения культурного наследия, охраны музейных ценностей и сосредоточения их в музейных учреждениях, организации музейного дела как определенной отрасли государственного строительства.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 6189. Л. 1.
- ² Казанский музейный вестник. 1920а. № 1–2. С. 4.
- ³ Адлер Б.Ф. Национальный музей // Казанский музейный вестник. 1921б. № 1–2 (спец. выпуск, посвящ. народам Востока). С. 3–10.
- ⁴ Адлер Б.Ф. Главмузей // Казанский музейный вестник. 1921а. № 3–6. С. 39–61.
- ⁵ Анучин Д.Н. К вопросу об устройстве музея народного быта и искусства в Москве // Казанский музейный вестник. 1920. № 1–2. С. 14–18.
- ⁶ Фирсов Н.Н. Музей и революция // Казанский музейный вестник. 1920. № 7–8. С. 60–65.
- ⁷ Вишневский Б.Н. По музеям Казанского края // Казанский музейный вестник. 1920. № 7–8. С. 67–82.
- ⁸ Вишневский Б.Н. Антропология в музее местного края // Казанский музейный вестник. 1920. № 3–4. С. 20–27.
- ⁹ Залкинд Г.М. Народные музеи как средство внешкольного образования // Казанский музейный вестник. 1920. № 3–4. С. 42–44.
- ¹⁰ Адлер Б.Ф. Областные и местные музеи // Казанский музейный вестник. 1920б. № 1–2. С. 6.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Адлер Б.Ф. Областные и местные музеи // Казанский музейный вестник. 1920б. № 1–2. С. 7.
- ¹³ Казанский музейный вестник. 1920а. № 1–2. С. 22.
- ¹⁴ Рихтер О. Идеальные и практические задачи этнографических музеев // Казанский музейный вестник. 1921. № 3–6. С. 3–38.
- ¹⁵ Казанский музейный вестник: (спец. выпуск, посвящ. народам Востока). 1921. № 1–2. 149 с.
- ¹⁶ Адарюков В.Я. Предметный каталог отдела изящных искусств Румянцевского музея // Казанский музейный вестник. 1921. № 3–6. С. 62–63.
- ¹⁷ Адлер Б.Ф. Инвентарь, каталог и их значение в музее // Казанский музейный вестник. 1920а. № 3–4. С. 12.
- ¹⁸ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 2021. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 7.
- ¹⁹ ГА РТ. Ф. 2021. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 12.
- ²⁰ ГА РТ. Ф. 2021. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 21.
- ²¹ ГА РТ. Ф. 2021. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 21.
- ²² Казанский музейный вестник. 1920а. № 1–2. С. 11.
- ²³ Миронов А.М. Охрана памятников искусства и старины // Казанский музейный вестник. 1920. № 1–2. С. 29–35.
- ²⁴ Смолин В.Ф. Охрана памятников искусства и старины в Сибири // Казанский музейный вестник. 1920. № 7–8. С. 23–27.
- ²⁵ Дульский П.М. Новые приобретения художественного отдела Казанского губернского музея // Казанский музейный вестник. 1920. № 1–2. С. 36.

- ²⁶ Дульский П.М. Новые приобретения художественного отдела Казанского губернского музея // Казанский музейный вестник. 1920. № 1–2. С. 41.
- ²⁷ Казанский музейный вестник. 1920б. № 5–6. С. 18.
- ²⁸ Казанский губернский музей за 25 лет: юбилей. сб. ст. 1923. 137 с.
- ²⁹ Худяков М.Г. Школьные исторические музеи в Казани // Казанский музейный вестник. 1920. № 7–8. С. 48–59.
- ³⁰ Иванов Ю.В. Глиняные песты из Биляра и Сувары и их значение в болгарской керамике // Казанский музейный вестник. 1921. № 1–2. С. 127–133.
- ³¹ Смолин В.Ф. Чаша с оленем из Болгар: (К изучению болгарской керамики) // Казанский музейный вестник. 1921. № 1–2. С. 73–79.
- ³² Высоцкий Н.Ф. Несколько слов о болгарях и болгарской культуре // Казанский музейный вестник. 1921. № 1–2. С. 65–67.
- ³³ Малов С.Е. Болгарская золотая чаша с турецкой надписью // Казанский музейный вестник. 1921. № 1–2. С. 67–72.
- ³⁴ Казанский музейный вестник. 1920а. № 1–2. С. 72.
- ³⁵ Перцев В.В. О русском фарфоре // Казанский музейный вестник. 1920. № 1–2. С. 47–51.
- ³⁶ Казанский музейный вестник. 1920а. № 1–2. С. 47.

Список литературы

- Берковская Е.Н.* Искусствоведческие журналы // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. URL: <https://rus-bse.slovaronline.com> (дата обращения: 16.03.2020).
- Дульский П.М.* Барокко в Казани. Казань: Полиграфшкола им. А.В. Луначарского, 1927. 30 с.
- Дульский П.М.* Искусство в Татарской республике за годы революции. Казань: Типография Татполиграффа, 1929. 16 с.
- Дульский П.М.* Искусство казанских татар / предисл. проф. И.Н. Бороздина. М.: Центр. изд-во народов СССР, 1925. 19 с.
- Дульский П.М.* Оформление татарской книги за революционный период. Казань: [б. и.], 1930. 24 с.
- Керимова М.М.* Российское этнографическое музееведение и семья этнографов Харузиных. URL: <http://www.kunstkamera.ru> (дата обращения: 14.02.2020).
- Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.) / под ред. С.А. Каспаринская (отв. ред.). М.: НИИ культуры, 1991. 323 с.
- Музейное дело России / под ред. М.Е. Каулен (отв. ред.), И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. М.: ВК, 2003. 614 с.
- Рамазанова Г.А.* Из истории журнала «Казанский музейный вестник» // Ассоциация искусствоведов. URL: <https://ais-aica.ru/publikatsii/434->

kazansbornik/3864-g-a-ramazanova-rossiya-tatarstan-kazan-iz-istorii-zhurnala-kazanskij-muzejnyj-vestnik.html (дата обращения: 31.03.2020).

Синицина К.Р. Казанский музейный вестник, 1920–1924 гг. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. 26 с.

References

Berkovskaya E.N. *Iskusstvovedcheskie zhurnaly* [Art history magazines]. *Great Soviet Encyclopedia* [Great Soviet Encyclopedia]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1969–1978. URL: <https://rus-bse.sl-ovaronline.com> (access date: 16.03.2020). (In Russ.).

Dulsky P.M. *Barokko v Kazani* [Baroque in Kazan]. Kazan, Polygraph School named after A.V. Lunacharsky Publ., 1927, 30 p. (In Russ.).

Dulsky P.M. *Iskusstvo kazanskih tatar* [The Art of Kazan Tatars], preface. prof. I.N. Borozdin. Moscow, Center. Publishing House of the Peoples of the USSR, 1925, 19 p. (In Russ.).

Dulsky P.M. *Iskusstvo v Tatarskoi respublike za godi revolyucii* [Art in the Tatar Republic during the years of the revolution]. Kazan, Tatpolygraph Printing House Publ., 1929, 16 p. (In Russ.).

Dulsky P.M. *Oformlenie tatarskoi knigi za revolyucionnii period* [Tatar book design for the

revolutionary period]. Kazan [a. p.], 1930, 24 p. (In Russ.).

Kerimova M.M. *Russian ethnographic museology and the Kharuzin family of ethnographers*. URL: <http://www.kunstkamera.ru> (access date: 14.02.2020). (In Russ.).

Muzej i vlast'. Gosudarstvennaya politika v oblasti muzejnogo dela (XVIII–XX vv.) [Museum and power. State policy in the field of museum business (XVIII–XX centuries)], ed. by S.A. Kasparinskaya (ed.). Moscow, Research Institute of Culture Publ., 1991, 332 p. (In Russ.).

Muzejnoe delo Rossii [Museum of Russia], ed. by M.E. Cowlen (ed.), I.M. Kossova, A.A. Sundieva. Moscow, VK Publ., 2003, 614 p. (In Russ.).

Ramazanova G.A. *Iz istorii zhurnala «Kazanskij muzejnyj vestnik»* [From the History of the Kazan Museum Herald Journal]. *Associacija iskusstvovedov* [Association of Art Critics]. URL: <https://ais-aica.ru/publikatsii/434-kazansbornik/3864-g-a-ramazanova-rossiya-tatarstan-kazan-iz-istorii-zhurnala-kazanskij-muzejnyj-vestnik.html> (access date: 31.03.2020). (In Russ.).

Sinitsina K.R. *Kazanskij muzejnyj vestnik* [Kazan Museum Herald], 1920–1924. Kazan, Publishing House Kazan. University, 1963, 26 p. (In Russ.).

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-3-81-86
УДК 94(470)“1933/1935”

Орешкин Олег Юрьевич
Ивановский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯРОСЛАВСКОЙ МЕЖРАЙОННОЙ БАЗЫ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПО ТОРГОВЛЕ С ИНОСТРАНЦАМИ В СССР (ТОРГСИН) В 1933–1935 ГГ.

В статье отмечаются причины, которые способствовали появлению Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами в СССР и распространению его торговой сети на периферию. Представлены основные этапы формирования Ивановской промышленной области. Затрагивается вопрос об эволюции управленческих решений, касающихся руководства местными отделениями Торгсина на территории Ивановской области в 1932–1933 гг. Рассмотрены периоды образования торговой сети Ярославской межрайонной базы Торгсина и этапы ее дальнейшей реорганизации. Уделено внимание информации о поставщиках, обслуживавших межрайонную базу. Приводятся примеры хозяйственных и финансовых нарушений в работе магазинов базы. Указаны сведения о ключевых валютных ценностях, привлеченных Ярославским головным универмагом и подчиненными ему торговыми точками в 1933–1934 гг. В статье дается сравнение показателей Ярославской межрайонной базы с работой других отделений. Показаны финансовые результаты деятельности торговой сети Ярославского отделения и его вклад в работу Ивановской областной конторы. Отмечены сильные и слабые стороны этой работы, а также причины, способствовавшие снижению показателей. Особое внимание уделено расчетам весового объема покупки золота и серебра. Показана динамика изменений показателей скупки. Рассмотрен потенциальный экономический эффект от деятельности Ярославской межрайонной базы. В статье сделан вывод о роли Торгсина как одного из источников получения валютных ценностей.

Ключевые слова: Ивановская областная контора Торгсина, Ярославская межрайонная база Торгсина, торговая точка, валютные ценности, индустриализация, экспорт, торговля с иностранцами.

Информация об авторе: Олег Юрьевич Орешкин, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1338-5053>, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия.

E-mail: oreshkin_86@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.06.2020.

Для цитирования: Орешкин О.Ю. Некоторые особенности деятельности Ярославской межрайонной базы Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами в СССР (Торгсин) в 1933–1935 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 81–86. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-3-81-86.

Oleg Yu. Oreshkin
Ivanovo State University

SOME FEATURES OF THE ACTIVITIES OF YAROSLAVL INTER-DISTRICT BASE OF THE «TORGSIN» (TRADE WITH FOREIGNERS) IN 1933-1935

The article notes the reasons that contributed to the emergence of the All-Union Association for Trade with Foreigners in the USSR and the spread of its trading network to the periphery. The main stages of formation of Ivanovo Industrial Area are presented. The question of the evolution of management decisions regarding the management of local branches of the Torgsin in Ivanovo Area in 1932-1933 is touched upon. The periods of formation of the trade network of Yaroslavl inter-district base of the Torgsin and the stages of its further reorganisation are considered. Attention is paid to information about suppliers who worked for the inter-district base. Examples of economic and financial irregularities in the operation of base stores are given. Information on key wealth of non-Soviet currency gained by Yaroslavl head department store and its subordinate outlets in 1933-1934 is indicated. The article compares the indicators of Yaroslavl inter-district base with the work of other branches. The financial results of the trade network of Yaroslavl branch and its contribution to the work of Ivanovo central office are shown. The advantages and disadvantages of this work were noted, as well as the reasons that contributed to the decrease in indicators. Special attention is paid to calculations of weight volume of gold and silver purchase. The dynamics of changes in purchasing indicators is shown. The potential economic effect from the activities of Yaroslavl inter-district base was considered. The article concludes the role of the Torgsin as one of the sources of obtaining foreign exchange values.

Keywords: Ivanovo central office of Torgsin, Yaroslavl inter-district base of Torgsin, trade point, non-Soviet currency wealth, industrialisation, export, trade with foreigners.

Information about the author: Oleg Yu. Oreshkin, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1338-5053>, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

E-mail oreshkin_86@mail.ru

Article received: June 15, 2020.

For citation: Oleg Yu. Oreshkin. Some features of the activities of Yaroslavl inter-district base of the “Torgsin” (Trade with Foreigners) in 1933–1935. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 81-86 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-3-81-86.

XX век – эпоха величайших перемен в истории нашей страны, поиск альтернатив строительства нового общества. В 1930-е гг. центральное место в экономике занимала проблема перестройки промышленности в условиях социалистического строя. Однако успехи советской экономики достигались различными методами. Проводимая политика обозначила проблему зависимости советской промышленности от импортного оборудования.

Одним из инструментов решения проблемы должно было стать накопление золотовалютных резервов страны как источника финансирования отдельных отраслей индустриализации в вопросе приобретения материальных ресурсов из-за рубежа.

Сведения о дополнительных источниках привлечения таких ресурсов внутри СССР в 1930-е гг. долгое время оставались закрытыми страницами истории. Распад СССР позволил современным исследователям приоткрыть занавес к малоизвестным историческим фактам.

Сегодня Россия развивается в новых экономических условиях, изменились характер и структура экономики, методы ее реализации, однако политика накопления золотовалютных резервов продолжает играть одну из важнейших ролей в обеспечении финансовых показателей страны.

Сокращение ключевых экспортных доходов к началу 1930-х гг. обозначило необходимость поиска дополнительных резервов для дальнейшего финансирования промышленности в вопросе импортного обеспечения.

В этих условиях определенную роль могла сыграть золотодобывающая промышленность. Однако в период 1928–1931 гг. государственная добыча в среднем не превышала 30 т чистого золота в год, что в золотом рублевом эквиваленте (1 рубль 29 копеек за 1 г) составляло менее 40 млн золотых рублей. При этом с конца 1926 по 1931 г. общая внешняя задолженность Советского Союза выросла с 420 млн до 1,4 млрд золотых рублей [Осокина 2019: 2].

Одним из таких резервов становится Торгсин (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами в СССР), созданный в 1931 г. На первоначальном этапе эту работу планировалось проводить через торговлю с иностранцами, посещавшими нашу страну. Однако уже с июня 1931 г. Торгсин разрешил приобретать товары, реализуемые через свою торговую сеть, за царский золотой чекан и в счет переводов валюты из-за границы советским гражданам. С конца 1931 г. в этот список добавилось право обмена на бытовое золото. Со временем Торгсин стал принимать от населения серебро, платину, бриллианты и другие драгоценные камни и произведения художественного искусства [Осокина 2009: 11–12].

Система Торгсина рассматривается не только как один из дополнительных источников накопле-

ния валютных ценностей для целей индустриализации, но и как одна из форм открытого снабжения населения товарами наряду с коммерческой и колхозно-базарной торговлей [Алексеев: 110].

С другой стороны, методы управления Торгсином, специфика товарно-денежных отношений, вопросы ценообразования позволяют исследовать Торгсин с точки зрения рыночного элемента государственной экономики СССР в 1930-е годы [Грошкова: 98–99].

В ноябре 1931 г. в системе Торгсина существовало около 30 магазинов. Они работали в наиболее крупных городах и портах. К весне 1932 г. объединение располагало 26 конторами в 43 городах СССР [Осокина 2009: 52].

С этого времени Торгсин расширяет свое представительство в периферийных территориях.

Одним из таких отделений становится Ивановская областная контора Торгсина (далее ИВОК). В основе исследования вопроса находятся материалы фондов государственного архива Владимирской области (далее ГАВО), Ивановской области (далее ГАИО) и Российского государственного архива экономики (далее РГАЭ).

Ивановская промышленная область (ИПО) была образована в январе 1929 г. В ее состав вошли территории бывших Ивановской, Ярославской, Костромской и Владимирской губерний.

Постановлением Президиума ВЦИК от 10 июня 1929 г. «О составе округов и районов Ивановской промышленной области и их центров» была введена окружная система административно-территориального деления ИПО. Документ определил создание 7 округов (Александровский, Владимирский, Кинешемский, Костромской, Шуйский, Ярославский, Рыбинский) [Околотин: 223]. В 1930 г. решением ЦИК и СНК СССР окружная система была ликвидирована [Околотин: 227].

Основу территориального деления составили районы. Ярославский округ был разделён на 10 районов: Борисоглебский, Боровский, Гаврилов-Ямский, Даниловский, Ильинский, Любимский, Первомайский, Ростовский, Тутаевский и Ярославский [Иванов: 64].

Созданная в 1929 г. окружная система и организованная в 1930 г. система районирования стала основой для определения границ Ярославской межрайонной базы Торгсина Ивановской области.

Развитие сети Торгсина на периферии приводит к появлению магазинов и универмагов в городах ИПО. Регион еще не имел собственной областной конторы, и до мая 1933 г. местные торговые точки подчинялись Московской областной конторе Торгсина (далее МОК).

В 1932 г. на территории ИПО приступили к своей работе первые 6 отделений МОК в городах Ярославль (в январе), Кострома (в июле), Владимир и Рыбинск (в августе), Ковров и Кинешма (в декабре).¹

Таким образом, универмаг Торгсина в г. Ярославль является старейшим на территории Ивановской области. Становление торговой сети будущей Ярославской межрайонной базы Торгсина происходит в течение 1933 г. В январе появляется торговая точка в Ростове, в феврале – в Тутаеве и в марте – в Данилове². В марте 1933 г. бюро Галичского райкома ВКП(б) было принято решение об открытии местного отделения Торгсина³.

Наконец, 1 мая 1933 года свою работу начала Ивановская областная контора Торгсина⁴. Согласно распоряжению Всесоюзного объединения Торгсин № 117 от 26 апреля 1933 г. об организации ИВОК в ее подчинение перешли все местные отделения Торгсина, действовавшие на территории Ивановской промышленной области. Это города: Ярославль, Кострома Владимир, Рыбинск, Ковров, Кинешма, Ростов, Иваново, Суздаль, Тутаев, Данилов, Шуя, Вязники, Галич, Юрьев-Польский и р. п. Яковлевский⁵.

Приказом ИВОК № 42 от 26 июля 1933 г. была создана торговая точка в Нерехте⁶.

Для управления и обслуживания возросшей торговой сетью еще в июле 1933 г. внутри областной конторы были созданы три межрайонные базы (далее МРБ) – Владимирская, Рыбинская и Ярославская. В обслуживание Ярославской МРБ переходили торговые точки в Переславле, Ростове, Нерехте, селе Большие Соли, Костроме, Судиславле, Тутаеве, Данилове, Любиме, Бусе, Галиче, Чухломе, Макарьеве⁷. В течение того же года появились Ивановская и Кинешемская МРБ, а также Костромской головной универмаг. Необходимо уточнить, что под межрайонной базой подразумевается головной универмаг, располагавшийся в районном центре и управлявший торговыми точками в радиусе 200–300 км.

В обслуживание Ярославской МРБ вошли как территории, где уже существовали торговые точки, так и районы, где отделения только предстояло создать. К последним относились: Переславль-Залесский, Любим, Судиславль, Чухлома, Макарьев. В период с 1 по 15 августа 1933 г. здесь было запланировано учреждение торговых точек⁸.

Таким образом, из 5 МРБ ИВОК, созданных в течение 1933 г., торговая сеть Ярославской базы была крупнейшей. База осуществляла снабжение торговых точек в 17 населенных пунктах области.

Отдельные группы товаров поступали в Ярославскую базу от местных поставщиков. Среди них, в частности, отметим Ярославскую контору Заготзерна (пшено, ржаная мука), Ярославскую мельницу № 6 (мука 75 %), Ярославскую мельницу № 8 (манная крупа и ржаная мука) и Ярославскую махорчатую фабрику (махорка)⁹.

Костромской головной универмаг хотя и имел самостоятельный статус, но также обслуживался некоторыми предприятиями города – Ярославским

спиртзаводом, Ярославским универмагом (вальная обувь)¹⁰.

Масштаб деятельности Ярославской базы подтверждается и различием доходов руководителей. Должности директора каждой МРБ и ее головного универмага занимало одно и то же лицо. В 1933 г. директор в Ярославле был лидером в этом отношении: его доход составлял 367 рублей в месяц. Затем шли руководители Ивановского и Рыбинского отделений, оплата каждого равнялась 300 рублям. Самые низкие доходы были у директоров Владимирской и Кинешемской МРБ (275 рублей)¹¹.

Однако в 1934 г. начинается обратный процесс – сокращение торговой сети Торгсин и передача ее магазинов в систему Государственного объединения розничной торговли (далее ГОРТ). Новая тенденция затронула как ИВОК в целом, так и Ярославскую МРБ в частности.

В мае 1934 г. было объявлено о ликвидации торговых точек в Нерехте и Гаврилов-Яме¹². Документ не уточняет причины, по которой закрытию подлежали именно эти территории. Однако мы можем предположить, что основанием служили финансовые показатели работы.

В течение второй половины 1934 г. по линии МРБ были закрыты торговые точки в населенных пунктах: Макаров, Буй, Борисоглебск, Любим¹³.

Таким образом, к началу 1935 г. в составе Ярославской МРБ на правах подчиненных торговых точек оставались: Ростов, Данилов, Галич, Тутаев, Чухлома, Переславль. А в феврале 1934 г. база была преобразована в головной универмаг¹⁴. В апреле 1935 г. была закрыт переславский магазин¹⁵.

С сентября прекращали работу магазины в Чухломе¹⁶, Тутаеве и Данилове¹⁷, а с 1 ноября была закрыта торговая точка в Галиче¹⁸.

Наконец, в декабре был закрыт последний магазин МРБ в Ярославле¹⁹.

Торговая деятельность, осуществляемая Торгсином, предполагала серьезный контроль за работой магазинов. Распространённым явлением были хищения, подделки квитанций и иных финансовых документов. Серьезным нарушением правил торговли был прием советских рублей в качестве оплаты за товар. Одновременно действовали спекулянты, которые скупали у населения серебро, товарные книжки и реализовывали данные ценности в Торгсине [Алексеев: 135].

Не исключением с точки зрения хозяйственных и финансовых нарушений были и торговые точки изучаемой нами территории. В сентябре 1934 г. комиссия советского контроля при СНК СССР по ИПО указывала на факты неправильной работы ряда магазинов, подчиненных Ярославскому головному универмагу ИВОК.

В документе читаем: «В Галичском и Даниловском универмагах Торгсина допущено нарушение установленной системы расчетов с покупателями.

Имеют случаи выдачи сдатчикам драгоценных металлов чековых книжек вместо расчетных книжек (г. Данилов), не проставляются на приемных квитанциях даты их действия (г. Галич).

В Даниловском универмаге конверты с талонами расчетных книжек хранятся в коробке под прилавком. В Чухломском магазине бланки книжек и лицевые счета хранятся в портфеле счетовода-кассира и уносятся на квартиру»²⁰.

Несмотря на специфику деятельности Торгсина, для системы были характерны и общие процессы. Например, одним из таких проявлений была организация социалистических соревнований между магазинами и универмагами. В частности, по линии изучаемой МРБ такие договоры о соперничестве были заключены между Рыбинском и Ярославлем, Ростовом и Галичем²¹, Чухломой и Даниловым, Тутаевым и Переславлем²².

Вопреки названию объединения, основными его покупателями в магазинах ИПО были не иностранцы, а советские граждане, которые приобретали в обмен на валютные ценности главным образом не антиквариат и предметы роскоши, а товары первой необходимости.

В то же время возможность свободного приобретения товаров в Торгсине стала выходом для советских граждан, не попадавших под категорию обеспечивавшихся нормированным снабжением. Тем самым Торгсин выполнил важную социальную миссию, дав миллионам людей возможность выжить в голодные годы первых пятилеток [Твердукова: 91–92].

Несмотря на статус периферийной территории, в Торгсинах ИПО и, в частности, торговой сети Ярославской МРБ действовали все виды валютных операций, разрешенных на общесоюзном уровне. Региональная контора осуществляла скупку бытового золота и серебра, золотой и серебряной монеты, бриллиантов, а также прием иностранной валюты наличным способом и через заграничные переводы.

В частности, изучаемые нами территории одними из первых перешли к приему серебра в области. Несмотря на то, что фактически покупка серебра была разрешена с октября 1932 г., отделения ИВОК, в частности, начинают прием не раньше апреля 1933 г. При этом право на скупку подтверждается отдельными распоряжениями. В апреле 1933 г. прием серебра и дореволюционных монет

начинает Торгсин в Ростове²³, а в мае прием начинают Тутаев и Данилов²⁴.

Какими же были результаты скупочной деятельности? Рассмотрим итоги этой работы подробнее.

В первый отчетный 1933 г. торговая сеть Ярославской МРБ Торгсина в ИПО приобрела валютных ценности на общую сумму 664 182,39 рублей (табл. 1).

Уточним, что итоговые цифры скупки по области имеют незначительное расхождение. Официальная сумма отличается от фактической суммы, получаемой при сложении доходов от различных валютных операций. Возможно, это ошибка, допущенная сотрудниками Торгсина, но мы будем придерживаться официальной суммы. Для сравнения отметим, что в целом за этот период торговая сеть ИВОК приобрела валютных ценности на общую сумму 2 245 637,6 рублей.

Таким образом, мы видим, что вклад Ярославской МРБ в скупку ценностей составляет 29,6 % от общего объема ценностей, полученных ИВОК за 1933 г. Среди других МРБ выше показатели были только у Ивановской МРБ. Наибольшие успехи база продемонстрировала в приобретении изделий из золота, сумма составила 344 067,28 рублей – это больше половины всех доходов торговой сети МРБ.

В изучаемых документах мы не находим указаний на весовое значение полученного драгоценного металла. Однако мы можем произвести собственные примерные расчеты по золоту и серебру, что представит ориентировочный порядок цифр. Так, самое дорогое золото (96-й пробы) стоило 1,29 рубля за 1 г²⁶. Если мы разделим сумму его скупки в 1933 г. на стоимость за грамм, то получим цифру 266,7 кг золота.

Серебро на апрель 1933 г. в зависимости от пробы оценивалось от 8 рублей (48-й пробы) до 14 рублей (84-й пробы) за кг²⁷. Таким образом, получается, что за первый год работы могло быть скуплено от 14 т 767 кг до 25 т 583 кг. Конечно, приводимые объемы скупки являются очень условными, их динамика зависела не только от разных проб скупаемых ценностей, но и от периодического повышения цен на них. Однако даже эти данные свидетельствуют о высоком потенциале периферийных территорий в деле накопления валютных ценностей. Внутри торговой сети МРБ универмаг в Ярославле был лидером в деле накопления валютных ценностей. На универмаг приходилось

Таблица 1
Выполнение валютного плана торговой сетью Ярославской МРБ Торгсина за 1933 г. (в рублях)²⁵

Золото-монета	Золото-лом	Серебро-монета	Серебро-лом	Наличная инвалют	Переводы из других стран	Итого
76 031,50	344 067,28	21 695,14	206 749,18	4076,93	11 184,53	664 182,39 (официальные данные), 663 804,56 (фактическая сумма)

Таблица 2

Выполнение валютного плана торговой сетью Ярославской МРБ Торгсина за 1934 г. (в рублях)

Ярославская МРБ ³⁰							
Золото-монета	Золото-лом	Серебро-монета	Серебро-лом	Инвалюта	Переводы из других стран	Бриллианты	Итого
58 694,90	154 072,74	12 932,84	98 163,13	2 409,29	10 171,92	6 300,15	343 081,76

55,3 % от всей скупки внутри МРБ, что составляло 367 078,67 рублей. Высокими были показатели скупки у ростовского магазина – 106 548,67 рублей. Для сравнения отметим, что торговые точки в селе Большие Соли и г. Нерехте приобрели ценностей всего на 1 863,22 и 5 850,22 рублей соответственно²⁸.

Наиболее скромными оказались доходы МРБ от поступления иностранной валюты. Переводы поступали в Ярославскую МРБ из более 10 стран. Наиболее активно валюту отправляли из США и Польши²⁹.

В следующем 1934 г. происходит значительное сокращение валютных поступлений (табл. 2).

Анализ данных таблицы показывает, что снижение показателей затронуло все виды валютных и скупочных операций. Тенденция была характерна в целом для ИВОК, и, как мы уже отмечали, это было связано с сокращением торговой сети. В этом году МРБ вышла на первое место по области, получив наибольший доход от скупочных операций. Он составил 343 081,76 рублей. При этом в целом по области было приобретено ценностей на сумму 1 047 209 рублей. Вклад МРБ в общие показатели области вырос с 29,6 % до 32,8 %. Относительные успехи Ярославской МРБ объясняются тем, что к этому времени ее торговая сеть была самой крупной, а процесс передачи магазинов ГОРТУ в 1934 г. затронул ее в меньшей степени.

Сокращение объемов затронуло и другие крупные торговые точки МРБ. В частности, скупка ценностей ростовского магазина сократилась более чем в два раза и составила 43 335,24 рублей³¹.

По-прежнему наибольший доход МРБ получала от скупки золота, он составил 154 072,74 рублей. Объемы скупки серебра оказались самыми высокими в целом по области. Мы проследим изменение динамики весовых значений скупки золота и серебра, используя цены 1933 г. Применяя данные расчеты, мы получили 119,4 кг золота, а показатели объемов серебра – от 7 т 11 кг до 12 т 270 кг. Таким образом, мы можем предположить, что общий объем ценностей, приобретенных скупочными пунктами, мог составлять применительно к золоту 386,1 кг, а в отношении серебра варьироваться от 21 т 778 кг до 37 т 853 кг. Однако вновь отметим, что расчеты являются очень условными и могут выступать исключительно ориентиром.

К сожалению, в исследуемых нами документах мы не обнаруживаем данные по скупочным операциям за 1935 г. (это касается данных в целом по об-

ласти). Вместе с тем анализ данных даже за 1933–1934 гг. показывает, что только за два года торговая сеть Ярославской МРБ приобрела различных валютных ценностей на сумму свыше 1 млн рублей. Общая цифра составила 1 007 264,2 рублей. При этом ежегодно высоким оставался удел скупки изделий из золота и серебра, а также золотых монет.

Всего на уровне СССР за период деятельности Торгсина с 1931–1935 гг. у населения было скуплено валютных ценностей на сумму 287 млн рублей [Гладков 4: 313]. За 5 лет существования Торгсина розничная сеть охватывала 258 точек. В системе Торгсина работало около 20 тысяч человек, а в феврале 1936 г. она была ликвидирована, исчерпав свои возможности [Касьяненко: 293].

Другая причина сворачивания торговли Торгсина заключается в стабилизации системы государственного снабжения населения продуктами питания. Это привело к снижению интереса со стороны советских граждан к товарам (прежде всего продовольственной группы) Торгсина [Косякова: 164].

Накопленные валютные ценности в дальнейшем не аккумулировались исключительно внутри региона и могли быть направлены на финансирование любого предприятия страны. Оценить потенциальный вклад валютных накоплений ИВОК Торгсина мы можем, сопоставив их с расходами на оснащение предприятий тяжелой промышленностью внутри области в этот период.

Примером такого сопоставления в региональном масштабе являются данные по заводу «Автоприбор» в г. Владимире. В 1933 г. завод «Автоприбор» был полностью укомплектован импортным оборудованием на 123 единицы стоимостью 272 692 рубля золотом [Призыв: 2]. Таким образом, объем валютных ценностей, накопленных торговой сетью Ярославской МРБ Торгсина за 1933–1934 гг. позволил бы оснастить 4 таких завода тяжелой промышленности.

Опыт работы Ярославской МРБ и ИВОК в целом позволяет нам рассматривать Торгсин как эффективный дополнительный источник привлечения валютных ценностей в СССР необходимых для финансирования индустриализации как на общесоюзном, так и региональном уровне.

Примечания

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 1. Л. 86.

² ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 1. Л. 86.

³ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

- ⁴ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 3. Л. 158.
⁵ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 1. Л. 86.
⁶ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 17. Л. 16.
⁷ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 3. Л. 110.
⁸ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 4. Л. 2–2 об.
⁹ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 18. Л. 154–154 об.
¹⁰ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 18. Л. 353.
¹¹ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
¹² ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 80. Л. 193.
¹³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4433. Оп. 1. Д. 103. Л. 12.
¹⁴ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 102. Л. 1.
¹⁵ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 17. Л. 101.
¹⁶ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 103. Л. 11.
¹⁷ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 103. Л. 61.
¹⁸ ГАВО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 17. Л. 176.
¹⁹ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 103. Л. 117.
²⁰ ГАВО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 17. Л. 31.
²¹ ГАВО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 13. Л. 266.
²² ГАВО. Ф. Р-3060. Оп. 1. Д. 9. Л. 328.
²³ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 1. Л. 80.
²⁴ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 1. Л. 86.
²⁵ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 18. Л. 173.
²⁶ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 20. Д. 576. Л. 234.
²⁷ ГАВО. Ф. Р-1950. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.
²⁸ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 18. Л. 199.
²⁹ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 18. Л. 182 об.–183.
³⁰ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 92. Л. 17 об.
³¹ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 92. Л. 123 об.

Список литературы

- Алексеев О.Г. Торговля и снабжение населения в городах Восточной Сибири в период карточной системы (1928–1935 гг.): дис. ... канд. истор. наук. Красноярск, 2007. 236 с.
- Грошкова Н.А. Социальное распределение и элементы рынка в государственной экономике, 1931–1935 гг.: дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2000. 157 с.
- Завод «Автоприбор» // Призыв: газета. 1933. № 28. С. 2.
- Косьякова Е.И. Городская повседневность Ново-николаевска – Новосибирска в конце 1919 – первой половине 1941 г. Новосибирск, 2006. 266 с.
- История социалистической экономики: в 7 т. / под ред. И.А. Гладкова. М.: Наука, 1978. 520 с.
- Касьяненко В.И. Завоевание экономической независимости СССР, 1917–1940. М., 1972. С. 159.
- Околотин В.С. Ивановская промышленная область (1929–1936 гг.): Уроки экономической истории. Иваново: ИГТА, 2009. 528 с.
- Осокина Е.А. Золото для индустриализации: Торгсин. М.: РОССПЭН, 2009. 592 с.
- Осокина Е.А. Алхимия советской индустриализации. Время Торгсина // Royalib.com: электронная библиотека. URL: https://royalib.com/read/osokina_elena/alhimiya_sovetskoy_industrializatsii_vremya_torgsina.html#20480 (дата обращения: 05.06.2020).

Справочник по административно-территориальному делению Ярославской области, 1917–1967 (уезды, волости, районы, сельские советы, города, рабочие поселки) / под ред. А.Н. Иванова. Ярославль, 1972. 223 с.

Твердюкова Е.Д. Внутренняя торговля и ее государственное регулирование в СССР (конец 1920-х – середина 1950 гг.): дис. ... докт. истор. наук. Санкт-Петербург, 2011. 486 с.

References

- Alekseev O.G. *Torgovlia i snabzhenie naseleniia v gorodakh Vostochnoi Sibiri v period kartochnoi sistemy (1928-1935)*: dis. ... kand. istor. nauk [Trade and supply of the population in the cities of Eastern Siberia during the card system, 1928-1935]. Krasnoarsk, 2007, 236 p. (In Russ.)
- Groshkova N.A. *Sotsial'noe raspredelenie i elementy rynka v gosudarstvennoi ekonomike, 1931-1935*: dis. ... kand. istor. nauk [Social distribution and market elements in the state economy, 1931-1935]. Kursk, 2000, 157 p. (In Russ.)
- Zavod «Avtopribor» [Plant “Avtopribor”]. *Prizyv: gazeta* [Call: newspaper], 1933, № 28, p. 2. (In Russ.)
- Istoriia sotsialisticheskoi ekonomiki: v 7 t.* [History of socialist economics: in 7 vols.], ed. by I.A. Gladkova. Moscow, Nauka Publ., 1978, 520 p. (In Russ.)
- Kasyanenko V.I. *Zavoevanie ekonomicheskoi nezavisimosti SSSR, 1917 –1940* [The conquest of economic independence of the USSR, 1917–1940]. Moscow, Politizdat Publ., 1972, 335 p. (In Russ.)
- Okolotin V.S. *Ivanovskia promushlennaia oblast' (1929–1936). Yroki ekonomicheskoi istorii* [Ivanovo Industrial Region (1929–1936). Lessons of Economic History]. Ivanovo, ISTA Publ., 2009, 528 p. (In Russ.)
- Osokina E.A. *Zoloto dlya industrializatsii: Torgsin* [Gold for industrialization: Torgsin]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 592 p. (In Russ.)
- Osokina E.A. *Alkhimiia sovetskoi industrializatsii. Vremia Torgsina* [Alchemy of Soviet industrialization. Torgsin's time]. *Royalib.com: elektronnaia biblioteka* [Royalib.com: digital library]. URL: https://royalib.com/read/osokina_elena/alhimiya_sovetskoy_industrializatsii_vremya_torgsina.html#20480 (дата обращения: 05.06.2020). (In Russ.)
- Spravochnik po administrativno-territorial'nomu deleniiu Iaroslavskoi oblasti, 1917-1967 (uezdy, volosti, raiony, sel'skie Sovety, goroda, rabochie poselki)* [Handbook on the administrative-territorial division of the Yaroslavl region, 1917-1967 (counties, volosts, districts, rural Soviets, cities, working villages)], ed. by A.N. Ivanova. Iaroslavl', 1972, 223 p. (In Russ.)
- Tverd'yukova E.D. *Vnutrenniaia torgovlia i ee gosudarstvennoe regulirovanie v SSSR (konets 1920-kh – seredina 1950): dis. ... dokt. istor. nauk* [Internal trade and its state regulation in the USSR (late 1920s - mid-1950)]. Sankt-Peterburg, 2011, 486 p. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-87-92>
УДК 629.735.3

Айзатуллова Алсу Шамилевна
Ульяновский институт гражданской авиации
Судаков Михаил Александрович
Ульяновский институт гражданской авиации,
Центр стратегических исследований Ульяновской области

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ
СВЕРХЗВУКОВОГО ПАССАЖИРСКОГО САМОЛЁТА ТУ-144
(по мемуарным источникам)**

В статье впервые на основе мемуаров авиационных специалистов исследована история создания и эксплуатации самолёта Ту-144. Разработка воздушного судна изучена с учётом общественно-политических процессов, характерных для 1960–70-х гг. и наложивших серьёзный отпечаток на развитие науки и техники в указанный период. Показана специфика использованных исторических источников, освещающих важные аспекты темы, и осуществлена их критика. Представлены результаты анализа воспоминаний, запечатлевших узловые моменты программы советского сверхзвукового пассажирского самолёта. Проведено сопоставление мнений авторов воспоминаний по отдельным вопросам (причины создания воздушного судна, проблемы при его проектировании и испытаниях, а также причины завершения программы). Выявлены различия в оценках мемуаристами отдельных аспектов проекта. Указывается на то, какие именно уроки могут быть извлечены из проекта современными российскими государственными деятелями и авиационными специалистами.

Ключевые слова: сверхзвуковой пассажирский самолёт, «холодная война», мемуары, А.Н. Туполев, А.А. Туполев, П.В. Дементьев, Л.Л. Кербер, Г.А. Черёмухин, И.Н. Фридляндер, Л.Л. Селяков.

Информация об авторах: Айзатуллова Алсу Шамилевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7592-1769>, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева, г. Ульяновск, Россия.

E-mail: alsu-ul@rambler.ru

Судаков Михаил Александрович, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2399-002X>, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева; специалист Института истории и культуры региона, Центр стратегических исследований Ульяновской области, г. Ульяновск, Россия.

E-mail: dzintars80@mail.ru

Для цитирования: Айзатуллова А.Ш., Судаков М.А. Создание и эксплуатация сверхзвукового пассажирского самолёта Ту-144 (по мемуарным источникам) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 87-92. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-87-92>.

Alsu Sh. Ayzatullova
Ulyanovsk Institute of Civil Aviation
Mikhail A. Sudakov
Ulyanovsk Institute of Civil Aviation;
Centre for Strategic Studies of Ulyanovsk Region

**THE HISTORY OF THE CREATION AND OPERATION
OF THE TU-144 SUPERSONIC AIRLINER
(according to memoir sources)**

For the first time, the history of the creation and operation of the Tu-144 airliner is investigated on the basis of the memoirs of aviation specialists. The development of an airliner has been studied taking into account the socio-political processes of the 1960s-1970s, and that left a serious imprint on the development of science and technology in this period. The specifics of the historical sources used, highlighting important aspects of the topic, are shown, and their criticism is carried out. The results of the analysis of memories that capture the key moments of the programme of the Soviet supersonic airliner are presented. A comparison was made of the opinions of the authors of memoirs on certain issues (the reasons for the creation of the airliner, problems in its design and testing, as well as the reasons for the completion of the programme). The differences in the assessments of the memoirists of certain aspects of the project are revealed. It is pointed out exactly what lessons can be learned from the project by contemporary Russian statesmen and aviation specialists.

Keywords: supersonic airliner, memoirs, Andrei Tupolev, Aleksey Tupolev, Pyotr Dement'yev, Leonid Kerber, Georgiy Cheryomuhin, Iosif Fridlyander, Leonid Selyakov.

Information about the authors: Alsu Sh. Ayzatullova, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7592-1769>, Candidate of Historical Sciences, head of Department of Disciplines for the Humanities and Social Economy, Chief marshal of the aviation B.P. Bugayev Ulyanovsk Institute of Civil Aviation, Ulyanovsk, Russia.

E-mail: alsu-ul@rambler.ru

Mikhail A. Sudakov, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2399-002X>, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Humanities and Social-Economic Disciplines Department; specialist, Chief marshal of the aviation B.P. Bugayev Ulyanovsk Institute of Civil Aviation; Institute of History and Culture of the Region, Centre for Strategic Studies of Ulyanovsk Region, Ulyanovsk, Russia.

E-mail: dzintars80@mail.ru

Article received: July 20, 2020.

For citation: Ayzatullova A.Sh., Sudakov M.A. The history of the creation and operation of the Tu-144 supersonic airliner (according to memoir sources). *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 3, pp. 87-92 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-87-92>.

Актуальность темы объясняется повышением интереса российских научных учреждений авиационного профиля к разработкам в сфере сверхзвуковой гражданской авиации. Директор проектного комплекса «Гражданская авиационная техника» ФГБУ «НИЦ имени Н.Е. Жуковского» А.А. Пухов указал на «необходимость интеграции новейших достижений науки и технологий, формирования научно-технического задела (НТЗ) авиастроения» в указанной сфере [Пухов]. Большое внимание уделяет этой проблематике и генеральный директор Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ) К.И. Сыпало. Он отметил возможность России стать мировым лидером в столь перспективном высокотехнологичном направлении, каким является создание нового поколения сверхзвуковых гражданских самолетов [Кирилл Сыпало].

Плодотворность разработок в сфере науки и техники, как известно, в значительной степени зависит от обращения к уже имеющемуся «багажу знаний», накопленному опыту. В этом отношении явный интерес представляет советская программа сверхзвуковой пассажирской авиации (СПС), в рамках которой был создан и эксплуатировался самолёт Ту-144¹. Целью нашей работы является анализ проблем, связанных с созданием, испытаниями и коммерческой эксплуатацией самолёта Ту-144.

Это воздушное судно неоднократно становилось предметом исследования различных специалистов [Даффи, Кандалов; Загучный, Ригмант, Синецкий; Ригмант; Siddarth U., Das A.]. В этих работах уделялось большое внимание технической стороне проекта, были подробно рассмотрены лётно-технические характеристики воздушного судна, проанализированы особенности его модификаций. Авторы же настоящей статьи постарались показать развитие программы советского сверхзвукового самолёта на историческом фоне, «вписать» разработку и эксплуатацию Ту-144 в контекст эпохи. Это обусловило выбор источников, помогающих воссоздать реалии изучаемого времени. В основу исследования были положены мемуарные источники. Мемуары – специфический жанр литературы, особенностью которого является документальность. В воспоминаниях фиксируется порой уникальная информация, которая не отразилась в других источниках. При этом надо иметь в виду, что существуют обстоятельства, которые ограничивают возможности автора: слабеющая с годами память;

особенности эпохи, на фоне которой писались мемуары; избирательность памяти. Но без субъективности, проявления автором своих характерных черт мемуары становятся безликими [Источниковедение: 634, 635].

В «корпус» мемуаров, использованных нами, входят четыре книги, изданные на рубеже XX–XXI вв. Авторы – крупные учёные и инженеры, принимавшие непосредственное участие или хорошо знакомые с проектом по созданию советского СПС Ту-144. Воспоминания были написаны незадолго до их выхода в свет. Следовательно, авторы (учитывая исчезновение свойственных советской эпохе цензурных ограничений) могли высказываться с высокой степенью откровенности.

Первая из проанализированных нами книг вышла из-под пера Леонида Львовича Кербера (1903–1993) [Кербер]. Л.Л. Кербер был уникальной фигурой в истории отечественной авиации. Он являлся одним из ближайших соратников А.Н. Туполева (1888–1972), крупным специалистом по авиационному оборудованию.

В мемуарной книге Иосифа Наумовича Фридляндера (1913–2009) [Фридляндер] также отводится определённое место истории проекта Ту-144. Автор – академик РАН, выдающийся специалист в области разработки и создания алюминиевых и бериллиевых сплавов, которые нашли применение в авиационной и ядерной технике. Он заострил внимание на проблемных моментах эпопеи СПС.

Книга воспоминаний известного аэродинамика Георгия Алексеевича Черёмухина (1921–2009) содержит большой раздел, посвящённый проекту Ту-104 [Черёмухин 2011]. Г.А. Черёмухин руководил аэродинамической компоновкой и сертификацией самолёта Ту-144 по лётным характеристикам, а также участвовал в международной разработке норм шума сверхзвуковых самолётов на местности и сотрудничества по СПС [Черёмухин].

Леонид Леонидович Селяков (1916–2002) – известный советский авиаконструктор, работавший в различных конструкторских бюро, – в преклонном возрасте также написал книгу воспоминаний [Селяков]. Воспоминания Леонида Леонидовича интересны тем, что автор – при всей своей пристрастности – был крупным специалистом и свою точку зрения по разным вопросам старался подкреплять весомыми аргументами.

Из числа авторов использованных нами мемуаров наиболее активное участие в проекте по соз-

данию Ту-144 принимал Г.А. Черёмухин. Однако, будучи специалистом по аэродинамике, Г.А. Черёмухин делал акцент именно на этом аспекте проектирования воздушного судна. И.Н. Фридляндер имел отношение к созданию Ту-144 лишь на первых порах развития этого проекта. К тому же он анализировал преимущественно проблему прочности конструкционных материалов. Л.Л. Кербер стремился к всестороннему анализу истории создания самолёта, и это ему вполне удалось. Но мемуарист завершил свой рассказ о советском СПС мажорным аккордом – первым полётом опытного экземпляра в 1968 г. Главные трудности и трагедии, имевшие место позднее, остались «за кадром» повествования. Наконец, Л.Л. Селяков, старавшийся охватить основные вехи развития советского СПС, непосредственного участия в проекте фактически не принимал. Он являлся заинтересованным наблюдателем.

Программа советского СПС разрабатывалась на фоне холодной войны, предполагавшей острое соперничество социалистической и капиталистической систем. Одним из аспектов противостояния было стремление ведущих держав продемонстрировать свои возможности в сфере науки и техники (в частности, в области авиации). В 1950-е гг. в ряде стран мира начались регулярные рейсы реактивных пассажирских самолётов. Следующим важным шагом на пути покорения «воздушного океана» должны были стать сверхзвуковые пассажирские самолёты. Но их создание было сопряжено с невиданными до той поры трудностями (в области аэродинамики, авиационного оборудования, моторостроения и пр.). В процесс разработки СПС включились три страны «западного блока» (США, Франция и Великобритания²), а также СССР. Н.С. Хрущёв (в отличие от более консервативного И.В. Сталина) придавал большое значение пассажирским самолётам.

Благодаря текстам воспоминаний мы можем обозначить круг вопросов, которые анализировались мемуаристами. В частности, авторы воспоминаний указали на причины создания СПС. Первая причина лежала, как явствует также и из рассмотренных выше реалий, в политической плоскости. В 1960-е гг. появилась информация о то, что в Англии и Франции было принято решение о создании СПС «Конкорд» («Согласие»). Сведения об англо-французском проекте вызвали мгновенную реакцию Н.С. Хрущёва, поставившего задачу создать отечественный «ультразвуковик», но при этом отличающийся более высокой скоростью по сравнению с зарубежным воздушным судном [Фридляндер: 73]. Слова о политической составляющей проекта в полной мере подтверждаются мнением Л.Л. Кербера, считавшего, что энергичные действия двух европейских держав по разработке «Конкорда» носили «явно престижный характер»

и заставили советскую сторону также проявлять активность в этом направлении [Кербер: 326]. Другой причиной, обусловившей разработку СПС, была невозможность остановить технический прогресс. Ещё в 1950 г. военный самолёт МиГ-17 впервые смог преодолеть скорость, которая была равна скорости распространения звука (выше 1000 км/ч). Позднее в специальной литературе началось обсуждение идеи создания сверхзвукового самолёта для гражданской авиации [Кербер: 325].

Почему именно перед ОКБ А.Н. Туполева была поставлена задача создания СПС? Дело в том, что именно «туполевцы» были активно вовлечены в процесс разработки сверхзвуковой боевой авиации задолго до 1960-х гг. Это позволило А.Н. Туполеву вполне оптимистично оценить перспективы по созданию советского СПС. Кроме того, высок был личный авторитет Генерального конструктора. Наконец, в ОКБ существовала солидная научно-техническая база: вычислительный центр и комплекс лабораторий широкого профиля [Кербер: 325, 327; Черёмухин 2011: 105].

Характеризуя организационные мероприятия, положившие начало разработке самолёта, Л.Л. Кербер показал всю их серьёзность. Главным конструктором Ту-144 был назначен сын Генерального конструктора, Алексей Андреевич Туполев (1925–2001). Внутри ОКБ А.Н. Туполева произошла структурная перестройка. Генеральный конструктор переподчинил сыну часть работников основного ОКБ. Кроме того, коллектив, на который была возложена ответственная миссия, пополнился перспективными молодыми работниками [Кербер: 327].

Мемуаристы рассматривали также технические проблемы, которые пришлось решать специалистам в рамках работы над проектом. Одной из этих проблем был выбор материалов для воздушного судна.

По словам Л.Л. Кербера, если бы делалась ставка на скорость 3000 км/ч, то пришлось бы учитывать больший нагрев конструкции машины (до 250 °С вместо 150 °С в первом случае), и, следовательно, материалами должны были стать титан и сталь. Но они ещё не прошли к тому времени серьёзную проверку на воздушных линиях. К тому же их применение должно было привести к значительному усложнению технологии. Вследствие этого основным материалом должен был стать дюраль. Соответственно, Ту-144 нужно было строить в расчёте на скорость 2500 км/ч (по словам Л.Л. Кербера) или даже 2200–2300 км/час (по словам И.Н. Фридляндера) [Кербер: 328; Фридляндер: 73–74].

Другой существенной технической проблемой, которую пришлось решать в туполевском ОКБ, была аэродинамическая компоновка Ту-144. Так, важно было определить оптимальную форму крыла, которое имело бы высокие качества как на дозвуковой, так и на сверхзвуковой скорости. Генеральный конструктор остановился на бесхвост-

ной схеме самолёта (двумя другими вариантами были «утка» (с горизонтальным оперением в носовой части) и нормальная схема (с горизонтальным оперением в хвостовой части). Бесхвостная схема была выбрана в ОКБ благодаря собственному опыту по созданию боевых самолётов, а также анализу других проектов (как западных, так и проектов КБ В.М. Мясищева). Но в этом случае сразу же появлялись две трудности: во-первых, при переходе с дозвуковой скорости на сверхзвук будет происходить смещение аэродинамического фокуса треугольного крыла; во-вторых, при посадке самолёт бесхвостной схемы будет задирать нос на угол 14–15 градусов, что создаст препятствия для хорошего обзора пилотам. Первую проблему А.Н. Туполев предложил решить с помощью перемещения топлива (это ослабило бы негативные последствия указанного выше явления). Для решения второй проблемы конструктор выдвинул идею создания «кланяющегося носа», удивив сотрудников новаторским подходом. Чтобы проверить степень эффективности выбранной схемы, Генеральный конструктор попросил своего коллегу А.И. Микояна сделать из истребителя МиГ-21 «бесхвостый» аналог будущего Ту-144 – самолёт МиГ-21 И. Созданный и успешно испытанный аналог вселил уверенность в разработчиков СПС [Кербер: 328, 329; Черёмухин 2011: 110, 111, 113–117].

Принципиальное значение имели и вопросы, связанные с оборудованием воздушного судна. Генеральный конструктор, понимая, что автоматизация управления самолётом и навигационных расчётов будет на борту просто необходима, в то же время предостерегал от излишнего перекоса в эту сторону и применения «единой и глобальной» вычислительной машины [Кербер: 330].

Первый полёт опытного экземпляра Ту-144 состоялся 31 декабря 1968 г. Именно с этого момента можно было говорить о начале эры сверхзвуковой пассажирской авиации в мире. «Конкорд» совершил первый полёт лишь 2 марта 1969 г.

В рамках развития проектов создания советского и англо-французского СПС наметилось тесное советско-французское сотрудничество, важные этапы которого также были отражены на страницах мемуарной литературы. В 1971 г. Ту-144 был продемонстрирован на авиасалоне во Франции в Ле-Бурже. Он произвёл благоприятное впечатление на собравшихся, пролетев без дымных хвостов от двигателей (в отличие от «Конкорда») и с меньшим шумом [Фридляндер: 76].

Однако история советского СПС, ещё не приступившего к регулярным коммерческим рейсам, была омрачена трагическим событием, случившимся в 1973 г. На очередном авиасалоне в Ле-Бурже на глазах огромного количества зрителей самолёт Ту-144 разрушился в момент, когда ему пришлось сделать крутой вираж. Экипаж Ту-144

погиб. Под обломками воздушного судна было погребено несколько зрителей. Г.А. Черёмухин, являвшийся участником расследования катастрофы Ту-144 в Ле-Бурже, указал на то, что советские эксперты обнаружили по локационной траектории важное обстоятельство: самолёт «Мираж III R», который производил съёмку обстановки вокруг аэродрома (стоянку машин, а также движение пешеходов и транспорта), «на параллельном курсе прошёл в непосредственной близости от Ту-144». Но в «Заключении», подготовленном советской стороной, отмечалось, что причины катастрофы остаются неустановленными [Черёмухин 2011: 228, 234–235]. И.Н. Фридляндер считал, что причина трагедии Ту-144 во время авиасалона 1973 г. коренится в особенностях создания самолёта. Мемуарист с тяжёлым сердцем вынужден был констатировать, что при создании Ту-144 возникли серьёзные трудности для металлургии и было существенно ухудшено качество металла. По мнению учёного, это явилось следствием того, что ОКБ А.Н. Туполева сделало ставку на огромные сечения профилей и плит (в десять раз больше, чем на «Конкорде») [Фридляндер: 77–79].

Самая активная фаза советско-французского сотрудничества пришлась на период с 1977 по 1979 г. В это время проводились регулярные встречи, в рамках которых велось обсуждение проблем конструкции, методов сертификации и результатов начала эксплуатации. В результате, как отмечал Г.А. Черёмухин, наша сторона не смогла решить для себя задачу по выбору наилучших для самолёта систем, которые предлагаются рынком. Политика СССР в этой области основывалась на стремлении к независимости от зарубежных фирм, и это, по мнению авиационного специалиста, не способствовало повышению конкурентоспособности советских самолётов [Черёмухин 2011: 240, 241].

На фоне развивающегося международного сотрудничества в 1977 г. начались регулярные коммерческие рейсы Ту-144. Но уже в 1978 г. они были прекращены. Это произошло после катастрофы Ту-144 под Егорьевском (во время испытательного полёта) [Фридляндер: 79].

Авторы воспоминаний, упоминая это трагическое событие, тем не менее пытались понять глубинные причины свёртывания грандиозного проекта. Рассуждая на эту тему, И.Н. Фридляндер отметил, что на коллектив туполевского ОКБ «легла колоссальная нагрузка»: одновременно с созданием Ту-144 велась разработка пассажирского самолёта Ту-154 и сверхзвукового бомбардировщика Ту-22М. Необходимо было добиться быстрых результатов во всех трех направлениях. Следствием спешки стали серьёзные ошибки, допущенные при расчётах и конструировании [Фридляндер: 79, 80].

Л.Л. Селяков основной причиной завершения работ по советскому СПС считал всё же личност-

ный фактор – роль Главного конструктора, который не проявил должной смелости и не стал отстаивать «детище» своего ОКБ после трагического события под Егорьевском. «Трусость и прогресс несовместимы», – сурово резюмировал мемуарист³ [Селяков].

Г.А. Черёмухин выделил несколько основных «ударов» по проекту Ту-144. Первыми тремя стали уход из жизни А.Н. Туполева в 1972 г., катастрофа на Салоне в 1973 г., а также смерть деятельного и авторитетного министра авиационной промышленности СССР П.В. Дементьева (1907–1977). Этот государственный деятель долгие годы находился «у руля» отечественного авиапрома и был одним из сторонников программы СПС. Четвёртым «ударом» стало указание А.А. Туполева 30 мая 1978 г. об отмене рейса СПС и временной остановке эксплуатации воздушного судна⁴. Г.А. Черёмухин с горечью констатировал: «...наш собственный руководитель – А.А. Туполев – собственноручно прекратил эксплуатацию Ту-144, лишив мир источника доказательства рациональности сверхзвукового полета над сушей...» Пятый, заключительный, «удар» по программе был нанесён в ноябре 1981 г. Речь идёт о разрушении на стенде двигателя «РД» № 1310 при проведении контрольных испытаний. Прямым следствием указанного события стала временная остановка полётов самолетов Ту-144Д с двигателями «РД». В дальнейшем Министерство авиационной промышленности СССР и Министерство гражданской авиации СССР поставили финальную точку в развитии проекта. Отныне (с 1983 г.) Ту-144 должен был использоваться в качестве летающей лаборатории. Характеризуя роль двух министерств в истории программы, Г.А. Черёмухин возлагал основной груз ответственности на Министерство авиационной промышленности, не находя для этого органа власти слов оправдания. Позицию же Министерства гражданской авиации автор воспоминаний понимает: продолжение и расширение эксплуатации СПС вынудило бы Министерство к существенным затратам с продолжительной окупаемостью⁵ [Черёмухин 2011: 102, 188, 189, 191, 197].

Наконец, мемуаристы постарались показать историческое значение программы Ту-144. Благодаря этой эпопее были доказаны огромные возможности советской конструкторской мысли и авиационной промышленности. В условиях холодной войны это имело большой политический резонанс. Кроме того, весьма важной была и техническая сторона проекта. Нет сомнения, что он существенно повлиял на технологии авиационного производства, представления о теплостойких материалах, аэродинамику (««вихревой» след... лёг в основу развития компоновки большинства современных истребителей...») [Черёмухин 2011: 196]. Но не обошлось и без «ложки дёгтя»: по мнению Л.Л. Селякова, влияние программы советского

СПС на технический прогресс не было особенно заметным, что объяснялось стилем работы ОКБ А.Н. Туполева. Для Генерального конструктора, по словам мемуариста, было характерно «наполеоновское» стремление действовать по принципу “главное ввязаться в драку, а там посмотрим”, сочетающееся с большим желанием быть первым [Селяков]. Отчасти категоричность оценок мемуариста можно объяснить тем, что у него, как становится ясно из текста книги, не сложились доверительные отношения с руководителями ОКБ.

Итак, информационный потенциал использованных нами мемуарных источников позволил проанализировать узловые моменты истории проекта советского СПС. Развитие советской сверхзвуковой пассажирской программы стало одной из ярких и в то же время драматичных страниц холодной войны. Определённые уроки из истории эпопеи Ту-144 могут извлечь государственные деятели. Анализ мемуаров показал, что продуктивным может оказаться стремление шире использовать зарубежные достижения. Важным является также умение организовать конструктивный диалог между научными учреждениями, что минимизирует вероятность фатальных ошибок (например, более активное вовлечение руководителями ОКБ в их проект И.Н. Фридляндера могло бы положительно сказаться на технологической концепции создания Ту-144).

Как бы то ни было, создание самолёта Ту-144 стало важнейшей вехой в истории не только отечественной, но и мировой авиации. Богатый опыт, накопленный авиационными специалистами Советского Союза, вполне может быть востребован их наследниками, работающими над аналогичными проектами уже в XXI в. Идея преемственности, которая культивировалась в ОКБ А.Н. Туполева (как было показано, Генеральный конструктор учитывал при создании самолёта Ту-144 собственные старые разработки), должна стать «путеводной звездой» для создателей новых воздушных судов. При этом, разумеется, не стоит прибегать к слепому копированию технологических операций. Кроме того, необходимо учитывать современные реалии: обращать внимание не только на технический и экономический аспекты проекта, но и стремиться к минимизации отрицательного влияния создаваемых самолётов на экологическую ситуацию.

Примечания

¹ До создания Ту-144 в СССР неоднократно разрабатывались проекты сверхзвуковых пассажирских самолётов (например, проект Р.Л. Бартини и проект ОКБ В.М. Мясищева).

² Американский проект не был доведён до реализации из-за экономических сложностей.

³ Следует отметить, что Главным конструктором проекта в 1973–1979 гг. являлся Б.А. Ганцевский. При этом не исключено, что Л.Л. Селяков

имел в виду не его, а Генерального конструктора – А.А. Туполева, которому по долгу службы необходимо было отстаивать интересы фирмы.

⁴ В дальнейшем регулярные полёты Ту-144 с пассажирами не возобновлялись.

⁵ Следует отметить при этом, что коммерческая эксплуатация сверхзвукового пассажирского самолёта «Конкорд» продолжалась на протяжении 1976–2003 гг.

Список литературы

Даффи П., Кандалов А. А.Н. Туполев. Человек и его самолёты. М.: Моск. рабочий, 1999. 264 с.

Затучный А.М., Ригмант В.Г., Синеокий П.М. Ту-144 – легенда XX века. М.: ООО «ИИГ “Полигон-Пресс”», 2019. 536 с.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.

Кербер Л.Л. Туполев. СПб.: Изд-во «Политехника», 1999. 339 с.

Кирилл Сыпало: в создании сверхзвукового лайнера мы можем быть лидерами // Центральный аэрогидродинамический институт имени профессора Н.Е. Жуковского. URL: <https://www.tsagi.ru/pressroom/expert/4803/> (дата обращения: 12.06.2020).

Пухов А.А. Технологии создания сверхзвукового гражданского самолета нового поколения. Первый этап КНТП СГС-Т1 // Национальный исследовательский центр «Институт имени Н.Е. Жуковского»: сайт. URL: https://www.nrczh.ru/press/opinion/?ELEMENT_ID=1180 (дата обращения: 12.06.2020).

Ригмант В.Г. Самолёты ОКБ А.Н. Туполева. М.: Русавиа, 2001. 328 с.

Селяков Л.Л. Тернистый путь в никуда // Российская авиация: сайт. URL: <http://svavia.ru/info/lib/tergl.html> (дата обращения: 24.05.2020).

Черёмухин Г.А. // Авиакосмический сборник. URL: <http://www.migavia.com/engineers/cheremuhin.html> (дата обращения: 22.05.2020).

Черёмухин Г.А. Дальше. Выше. Быстрее: воспоминания о работе в авиапромышленности, о технике и её создателях / под ред. Н.Г. Георгиевой. М.: Проспект, 2011. 448 с.

Фридландер И.Н. Воспоминания о создании авиакосмической и атомной техники из алюминиевых сплавов / Отд-ние химии и наук о материалах РАН. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2006. 287 с.

Siddarth U., Das A. A Review Study on Super Sonic Flight. International Journal of Engineering Applied Sciences and Technology, 2017, vol. 2, is. 4, № 2455–2143, pp. 67–70.

References

Daffi P., Kandalov A. A.N. *Tupolev. Chelovek i ego samoljoty* [A.N. Tupolev. Man and his planes]. Moscow, Mosk. rabochij Publ., 1999, 264 p. (In Russ.)

Zatuchnyj A.M., Rigmant V.G., Sineokij P.M. *Tu-144 – legenda XX veka* [Tu-144 - a legend of the XX century]. Moscow, ООО «ИИГ “Poligon-Press”» Publ., 2019, 536 p. (In Russ.)

Istochnikovedenie: Teorija. Istorija. Metod. Istochniki rossijskoj istorii: ucheb. posobie, I.N. Danilevskij, V.V. Kabanov, O.M. Medushevskaja, M.F. Rumjanceva [Source Study: Theory. History. Method. Sources of Russian history: Textbook. allowance]. Moscow, Rossijsk. gos. гуманит. un-t Publ., 1998, 702 p. (In Russ.)

Kerber L.L. *Tupolev* [Tupolev]. St. Petersburg, Politehnika Publ., 1999, 339 p. (In Russ.)

Kirill Sypalo: v sozdanii sverhzvukovogo lajnerna my mozhem byt' liderami [Kirill Sypalo: we can be leaders in creating a supersonic airliner]. Central'nyj aerogidrodinamicheskij institut imeni professora N.E. Zhukovskogo. URL: <https://www.tsagi.ru/pressroom/expert/4803/> (access date: 12.06.2020). (In Russ.)

Puhov A.A. *Tehnologii sozdanija sverhzvukovogo grazhdanskogo samoleta novogo pokolenija. Pervyj jetap KNTP SGS-T1* [Technologies for creating a new generation supersonic civil aircraft. The first stage of the KNTP SGS-T1]. Nacional'nyj issledovatel'skij centr «Institut imeni N.E. Zhukovskogo». URL: https://www.nrczh.ru/press/opinion/?ELEMENT_ID=1180 (access date: 12.06.2020). (In Russ.)

Rigmant V.G. *Samoljoty OKB A.N. Tupoleva* [Aircrafts of A.N. Tupolev's OKB]. Moscow, Rusavia Publ., 2001, 328 p. (In Russ.)

Seljakov L.L. *Ternistyj put' v nikuda* [A thorny path to nowhere]. Rossijskaja aviacija. URL: <http://svavia.ru/info/lib/tergl.html> (access date: 24.05.2020). (In Russ.)

Cherjomuhin G.A. *Aviakosmicheskij sbornik* [Aerospace collection]. URL: <http://www.migavia.com/engineers/cheremuhin.html> (access date: 22.05.2020). (In Russ.)

Cherjomuhin G.A. *Dal'she. Vyshe. Bystree: vospominanija o rabote v aviapromyshlennosti, o tehnike i ejo sozdateljah*, pod red. N.G. Georgievoj [Farther. Higher. Faster: memories of working in the aircraft industry, of technology and its creators]. Moscow, Prospekt Publ., 2011, 448 p. (In Russ.)

Fridljander I.N. *Vospominanija o sozdanii aviakosmicheskoi i atomnoj tehniki iz aljuminievyh splavov* [Memories of the creation of aerospace and nuclear technology from aluminum alloys]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 287 p. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-93-99>
УДК 281.2

Иникова Светлана Александровна
Институт этнологии и антропологии РАН

СТАРООБРЯДЦЫ РУМЫНИИ В XXI ВЕКЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СТАРЫМ ТРАДИЦИЯМ

Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательской работы
Института этнологии и антропологии РАН

Старообрядцы-липоване Румынии всегда являлись частью Русского мира, хранителями древлеправославной веры и русской культуры. Долгое время им удавалось сохранять религиозную и культурную дистанцию от остального населения страны и сдерживать темпы угрожавшей им ассимиляции. Последние тридцать лет глобализация культуры выросла в новую величайшую угрозу. В статье, написанной на основании материалов экспедиций к румынским липованам, проведенным в 2009–2019 гг., показано, насколько кардинально изменилась жизнь липован после революции 1989 г. и особенно после вступления Румынии в Европейский союз. Миграция работоспособных липован за границу меняет их жизненный уклад, сказывается на уровне религиозности, способствует усвоению европейских ценностей и объективно ведет к подтачиванию устоев старообрядческой церкви. Дети и молодежь, большая часть людей среднего поколения оказались включенными в румынско-европейское информационное пространство, и в этой группе идет процесс полной утраты русского языка. В то же время липоване старшего и другой части среднего поколений пытаются удержаться в рамках традиционного уклада и сохранить в общении русский язык. Эта ситуация ведет к утрате преемственности и прекращению воспроизводства русской культуры в липованской диаспоре, к отказу от идентичности.

Ключевые слова: русские старообрядцы-липоване, Румыния, религиозность, традиционная культура, русский язык, ассимиляция, глобализация.

Информация об авторе: Иникова Светлана Александровна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4925-8817>, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия.
E-mail: info@iea.ras.ru

Дата поступления статьи: 28.06.2020.

Для цитирования: Иникова С.А. Старообрядцы Румынии в XXI веке: новые вызовы старым традициям // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 93-99. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-93-99>.

Svetlana A. Inikova

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

OLD BELIEVERS OF ROMANIA IN THE 21ST CENTURY: NEW CHALLENGES TO OLD TRADITIONS

The article is published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and anthropology
of the Russian Academy of Sciences

Russian Old believes – Lipovans – have always been part of the Russian world, the guardians of the old Orthodox faith and Russian culture. For a long time, they managed to maintain a religious and cultural distance from the rest of the Romania's population and to restrain the pace of inevitable assimilation. Over the past thirty years, cultural globalisation has become the new tremendous threat. The article, written on the materials of the expeditions to the Romanian Lipovans conducted in 2009–2019, shows how radically the life of the Lipovans changed after the revolution of 1989, and especially after Romania had joined the European Union. Migration of able-bodied Lipovans abroad changes their way of life, affects the level of religiosity, contributes to the assimilation of European values and objectively leads to the undermining of the foundations of the Old believers' Church. Children, young people and the most of the middle generation, have been included in the Romanian-European information space, and this group sees complete loss of the Russian language. At the same time, the Lipovans of the older generation and other part of the middle generation are trying to stay within the traditional way of life and to keep the Russian language in communication. This situation leads to the loss of continuity and the termination of the reproduction of Russian culture in the Lipovan's diaspora, to the rejection of the identity.

Keywords: Russian Old believes – Lipovans, Romania, religiosity, traditional culture, Russian language, assimilation, globalisation.

Information about the author: Svetlana A. Inikova, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4925-8817>, Candidate of Historical Sciences, Leading researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: info@iea.ras.ru

Article received: June 28, 2020.

For citation: Inikova S.A. Old believers of Romania in the 21st century: new challenges to old traditions. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 93-99 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-93-99>.

Ф орпостом Русского мира на Балканах, существующим уже почти 300 лет, являлась крупнейшая в дальнем зарубежье диаспора русских старообрядцев Румынии. Проживая вне своей этнической территории, они сохраняли духовную, культурную и языковую связь с русским народом и осознание общего с ним исторического прошлого. Компактное проживание значительными по численности моноэтническими группами в сельской местности и городских кварталах еще недавно обеспечивало культурную среду, в которой вырастали многие поколения старообрядцев; церковная организация поддерживала высокий уровень воцерковленности своей паствы, и всё это вместе делало востребованным родной русский язык.

В настоящее время в старообрядческом сообществе идут процессы, в перспективе способные вывести диаспору за рамки Русского мира. В конце XX, а особенно в начале XXI в. технический прогресс и глобализация повели к быстрому размыванию этничности и идентичности старообрядцев. Подробный анализ причин, хода и результатов этого процесса, бесспорно, очень актуален и он требует другого формата исследования, в рамках же этой работы мы остановимся лишь на некоторых, на наш взгляд, его ключевых аспектах.

Первые группы эмигрантов, бежавших из России после церковного раскола и гонений на приверженцев дониконовского православия, появились в Буковине (территория в составе кн. Молдавия, после 1775 г. в составе Австро-Венгрии) и Молдавии еще в 1720-е гг. и стали известны под именем *липован* [Polek 1896]. В середине XVIII в. в принадлежавшей Османской империи Добрудже поселились *казаки-некрасовцы*. Они являлись потомками донских казаков, участвовавших в восстании К. Булавина, а после его разгрома в 1708 г. под руководством атамана Игната Некрасова ушедших сначала на Кубань, а потом в Турцию. Казаки-некрасовцы в мирное время занимались рыбной ловлей, немного земледелием, а в военное – несли службу, за которую получили от Порты исключительные привилегии. В 1864 г. они отказались от казачьего звания, военной службы, привилегий и перешли в сословие райя (подданные султана немагоматанского вероисповедания), постепенно утратив наименование «некрасовцы». Их, как и остальных старообрядцев, стали называть липованами [Кудрявцев: 605–620; Пригарин: 29–170]. На протяжении второй половины XVIII в. и до 1870-х гг. из России к единоверцам прибывали старообрядцы главным образом поповского согласия. Позже миграции уже носили единичный характер. Были и массовые реэмиграции в Россию. Часть некрасовцев в первой трети XIX в. перешла в Россию и поселилась в районе крепости Измаил. В 1947 г. в Россию переселилось несколько тысяч липован.

Территории, на которых поселились старообрядцы, в разное время вошли в состав Румынии. Два селения, расположенные в Добрудже, оказались на территории Болгарии [Anastasova]. Характер хозяйственной деятельности – сельское хозяйство и рыбная ловля – позволили староверам перенести на новую почву жизненный уклад русской деревни [Плотникова; Crasovschi; Polek 1898, 1899]. Присущий старообрядцам и твердо поддерживаемый их религиозными институтами традиционализм, возводивший старинный бытовой уклад, обычаи, костюм и т. д. в категорию императива, способствовал сохранению традиционной русской культуры. С помощью многочисленных религиозных, бытовых, языковых запретов до 1960-х гг. им удавалось поддерживать барьеры, отделявшие их от соседей, и противостоять ассимиляции.

Российский вице-консул, приехавший в Тулчу в 1867 г., писал: «Здесь бо́льшая часть жителей говорит по-русски. Красные рубахи, длиннополые кафтаны, красный или синий сарафан, русская борода, говор русской речи, русские телеги, русская упряжь, – вот что встретило меня на берегу в день приезда моего сюда. Здесь русский человек казался мне таким же, каким он есть у себя на родной земле. Странно, что к нему ничего иностранного не прививается. Ни язык, ни обычаи, ни привычки, несмотря ни на какое долгое время, проведенное им на чужбине, не изменяются»¹.

С последней четверти XIX в. правительство Румынии предприняло ряд шагов, чтобы сделать из липован румынских граждан. После Второй мировой войны при коммунистах они вместе с румынами работали в сельскохозяйственных коллективах, на промышленных предприятиях и стройках; молодежь потянулась в города на учебу, и многие оставались там на постоянное место жительства. С конца 1950-х гг. в среде липован изредка случались смешанные браки, вызывавшие резкое неприятие со стороны старообрядческого сообщества. К концу века браки с румынами стали обычным явлением, хотя и не приветствовались старшим поколением и руководителями согласий. Для липованского сообщества было важно, чтобы дети от таких браков были крещены по древлеправославному обряду, то есть хотя бы формально принадлежали к старообрядчеству.

Хотя румынское государство при Н. Чаушеску не преследовало липован за веру, но государственные детские и образовательные учреждения вели антирелигиозную работу, стремясь ослабить прочность веры. Государство начало выплачивать пенсии и зарплаты священникам и служителям белокрыницкой церкви, сделав их, по выражению самих липован, «наемниками» и тем самым подорвав авторитет пастырей.

Отдельные элементы русской традиционной культуры постепенно трансформировались, при-

способливаясь к меняющимся условиям. Наиболее устаревшие исчезали за невостребованностью, какие-то перешли из разряда бытующих в разряд демонстрирующихся фольклорными коллективами; в культуре липован все больше появлялось заимствований, но все эти изменения не были критичными. И хотя процесс ассимиляции липован румынским населением в последней трети XX в. стал совершенно очевидным, подавляющее большинство старообрядцев, особенно проживавших в сельской местности, дома и в церкви говорили на русском языке.

Вехой в истории старообрядчества в Румынии стали декабрьские события 1989 г., обычно называемые революцией, в результате которых пал режим Н. Чаушеску, и социалистическая Румыния переориентировалась на Запад.

Миграция и ее последствия. После декабря 1989 г. в стране начался развал промышленности, были распущены сельскохозяйственные коллективы и возникла массовая безработица. Большая часть трудоспособного населения липованских сел в поисках работы поехала в города, но, помыкавшись, очень многие уже в самом начале 1990-х отправились сиделками, домработницами, строителями в страны Западной Европы, Израиль и США. Вступление Румынии в 2007 г. в Европейский союз значительно облегчило выезд ее граждан из страны и их устройство на новых местах.

И раньше липоване разъезжались по Румынии на сезонные отхожие промыслы, в основном на земляные и строительные работы, но семьи оставались в селах и заработанные деньги вкладывались в хозяйство. Липоване всегда жили по румынским меркам хорошо, но европейские заработки в 1990-е – начале 2000-х гг. вскружили многим головы. Будто соревнуясь друг с другом, они бросились зарабатывать деньги и вкладывать их в строительство комфортабельных домов европейского типа, обставленных современной мебелью и бытовой техникой. Однако работы на местах их проживания по-прежнему не было, и липоване снова уезжали на заработки.

Очень многие из них за послереволюционный период успели поработать в нескольких странах и на бытовом уровне стали говорить на двух-трех языках, кроме румынского и русского. Пребывание за границей для многих растянулось на десятилетия, потому что вместе с доходами росли и запросы, а кто-то решил заработать европейскую пенсию, кто-то взял кредиты и обзавелся недвижимостью за границей. Семьи, уехавшие с детьми, захотели дать им европейское образование. В Турине (Италия) и в Бильбао (Испания) появились целые липованские районы и две небольшие старообрядческие церкви. Посещение церквей, где можно не только помолиться, но и пообщаться с односельчанами и друзьями, не дает людям полностью оторваться от своего сообщества и многим,

желающим остаться за границей навсегда, облегчает адаптацию в чуждой стране.

В августе, когда наступает время отпусков, липоване возвращаются в свои пустовавшие весь год красивые дома, и села оглашаются голосами детей, говорящих на разных языках, но только не на русском. И эта ситуация одинакова в семьях белокрыницких, новозыбковских, часовенных липован и старопоморцев².

«Не все, что поехали на Запад, разбогатели, а те, что остались, – умерли, – говорил священник белокрыницкой церкви. – А уже те, что поехали, приезжают другие люди. <...> А дети, которые там родились или открыли глаза там, они считают, что их родина там. Дом для них – Запад. В селе, где 95 % только наши были, дети разговаривают по-итальянски. И эта роскошь человека отдаляет от церкви»³. А вот мнение священника, родом из с. Мануиловка, много лет работавшего экскаваторщиком за границей: «Многие разъехались, после того как Румыния зашла в Европейский союз. Многие встретили другую культуру и постепенно, постепенно наша старообрядческая культура совсем пропадает. На мой взгляд, то, что было у нас до революции 1989 г., у нас крылоса были до 100 мужчин, а сейчас 2–3 человека на правом крылосе, ну, в воскресный день 10–15, а что было раньше?!»⁴

Некоторые сумели найти более-менее приличную оплачиваемую работу в Румынии, но таких немного, да и размер заработков у них все равно не тот, и периодически они тоже выезжают за границу, чтобы улучшить свое материальное положение. В целом можно сказать, что липованское общество разделилось на занятых приобретением всё больших и больших благ – это преимущественно люди молодые и среднего возраста, и тех, кто по разным причинам не имеет такой возможности, главным образом по возрасту, то есть это преимущественно старшее поколение. Чаще же в семьях складывается ситуация, когда старшее поколение остается дома «караулить дома», а остальные члены уезжают на заработки.

Трудовая миграция, для некоторых переходящая в эмиграцию, характерна и для румын. Видимо, с этим, прежде всего, связано сокращение не только русского липованского, но и этнического румынского населения страны, отразившееся в переписях. Однако среди липован и румын этот процесс идет разными темпами. Материалы переписей 1992, 2002 и 2011 гг. показывают, что численность румын в 2002 г. по отношению к 1992 г. составила 95 %, а липован – 93 %; еще через 10 лет (перепись 2011 г.) численность тех и других составила: румын 87 %, а липован 66 % в сравнении с численностью в 2002 г. За период с 1992 г. по 2011 г. липованская диаспора потеряла 39 % своих членов, а число румын за этот же период сократилось на 18 %⁵.

Такое сокращение численности старообрядцев – симптом очень серьезный, но без специального изучения вопроса трудно с уверенностью сказать, связано ли оно исключительно с тем, что выехавшие не попали в перепись (нам известно, что переписчики-липоване старались учесть всех временно отсутствовавших на момент переписи 2011 г.) или же с нежеланием части людей признавать себя русскими-липованами, о чем нам довелось неоднократно слышать.

Следствием массового выезда за границу и в большие города Румынии и сокращения числа компактно проживающих носителей липованской культуры является нарушение или даже прекращение межпоколенной трансляции знаний и представлений, угасание групповой коммуникативной памяти.

Старообрядческая церковь в новых условиях. Церковь, пока она была духовным руководителем, играла решающую роль в сохранении старообрядческой идентичности и русской культуры. Председатель липованской общины г. Тулчи справедливо сказал о ее роли: «Объединила нас вера и церква, старообрядческая церква. <...> Ежели бы не была церква на территории Румынии, у нас, русских-липован, у нас русских обычаев, традиции уже б не было»⁶. В настоящее время церковь медленно, но неуклонно утрачивает свои позиции. Она превращается в пастыря, стадо которого сокращается день ото дня.

Крещение и венчание в родных селениях теперь бывают редко, в основном в августе, когда люди приезжают на время отпусков. Чаше эти обряды совершаются за границей в упомянутых старообрядческих церквях в Италии и Испании. И только похоронно-поминальная обрядность исполняется на местах круглогодично. Славные церкви, многие из которых построены или капитально реставрированы за последние 30 лет, наполняются только в храмовые и великие праздники (Рождество, Крещение, Пасха, Троица). Батюшка из Брэилы назвал таких прихожан «пасхальными лицами».

При этом среди липован есть люди, которые регулярно дают солидную *жертву* в монастыри и на церковь, но многие их односельчане расценивают этот жест как попытку загладить неусердие к церкви или как «похвальбу». Не только священник из Брэилы отметил, что «роскошь» отдаляет от церкви, но и пожилые липоване говорили, что пожившие за границей или в больших городах односельчане увлекаются демонстрацией своего достатка друг перед другом. Это «бахвальство, а говорится: “Хвалите имя Господне”. А таперича: “Ну, Павлюшка, ты что не пошел в церковь?” – “А что я буду там делать?”»⁷.

В сравнении с румынскими православными или итальянскими католическими церквами людям, повидавшим мир, требования старообрядческой

церкви кажутся чрезмерными, а службы очень длинными и тяжелыми. Церковные власти, чтобы привлечь паству, стараются, насколько возможно, облегчить правила и порядок посещения храмов. Так, ночные службы теперь совершаются в белокрыницких и новозыбковских церквях с вечера. Намного мягче стали требования к поведению стоящих на службе прихожан: можно передвигаться внутри, выходить и заходить, присаживаться на скамейки. И уже не редкость увидеть прихожанок, заглядывающих в телефоны или шепчущихся между собой.

Белокриницкая и новозыбковская церкви вынуждены спокойно смотреть на межконфессиональные и межэтнические браки. Ничего не знающих о древлеправославной вере, чуждых русской культуре и языку румын, итальянцев, португальцев и прочих довершают или заново крестят перед венчанием, но после венчания новоиспеченные старообрядцы больше не появляются в церкви. Случается, что вступающие в брак румыны/румынки перетягивают своих липованских невест или женихов в румынскую церковь. Переход в католичество или протестантизм нами не зафиксирован.

Липованская молодежь, как вся европейская молодежь, свободно вступает и в никак не оформленные брачные отношения, в результате которых иногда появляются дети. Липованские бабушки и дедушки обычно добиваются от родителей разрешения на крещение внуков в старообрядческой церкви, где им дают староцерковные имена. Надо отметить, что старообрядцы получают одно румынское имя в роддоме, а второе – по святым при крещении. Зачастую это имя одного и того же православного святого, но произносимое на разных языках по-разному. В 2000-е гг. детей от браков с католиками или протестантами стали при регистрации нарекать именами, производными от агимимов святых, не признаваемых старообрядческой церковью, а при крещении у старообрядцев давать имя по святым.

Поскольку «блудно живущих» молодых старообрядцев становилось в 2000-е гг. все больше, а их матери вынуждены были толпиться на паперти, не смея пройти внутрь церкви, а тем более подойти к кресту, взять дары, то священники, правда, не во всех церквях, были вынуждены снимать с них некоторые ограничения, но при условии, что их дети живут не под одной крышей с родителями, а последние не одобряют такое их поведение.

В начале нового века развод тоже стал обычным явлением, и местные священники вторично венчают разведенных, не вынося этот вопрос на Собор.

Священники под давлением паствы совершают чин погребения, невзирая на то, ходил ли покойный при жизни в церковь и носил ли он бороду. Еще в середине XX в. борода для старообрядца

была маркером его принадлежности к старообрядческому сообществу и даже знаком его русскости. К концу века большинство липован отпускали бороду только к старости. Это было продиктовано боязнью, что батюшка не будет хоронить безбородого. Теперь многие даже очень пожилые мужчины не хотят отпускать бороду не только потому, что она перестала занимать какое-то место в шкале конфессиональных ценностей и утратила былую знаковую, но и потому, что священник, побоявшись скандала, все равно похоронит.

Вынужденная церковная либерализация стала результатом целого ряда происходящих в липованском обществе изменений: секуляризации религиозного сознания, уменьшения роли семейного воспитания, расширения жизненного пространства, включившего всю Европу, появившейся у молодежи возможности выбора жизненных стратегий, очень часто навязанных СМИ. В таких условиях прежняя старообрядческая церковь с ее традиционными жесткими правилами просто не могла вписаться в общеевропейскую картину либеральных ценностей.

Русский язык: родной и иностранный. Неуклонно нарастающий процесс потери языка – это, наверное, самая тяжелая и, похоже, неразрешимая проблема современных старообрядцев Румынии. Для них русский язык как язык светского и церковного внеслужебного обихода и церковнославянский язык, на котором ведутся службы и который обязан понимать каждый настоящий древлеправославный христианин, до недавнего времени были маркерами идентичности их диаспоры. Получение какого-то систематического образования, тем более высшего, в прежние времена в липованском сообществе не поощрялось. В школах, которые были в каждом селении, учились церковно-славянскому языку и долгое время упорно сопротивлялись обучению детей в государственных учебных заведениях.

В 1922 г. было введено обязательное образование на румынском языке, и старообрядцы были вынуждены отдавать детей в школы для получения начального образования. На переменах детям запрещали говорить по-русски, но дома, в селениях говорили только по-русски.

После Второй мировой войны и до 1958 г. на территории Румынии находился ограниченный контингент советских войск. В этот период (1948–1958 гг.) в русских селениях работали школы-семилетки с полным преподаванием всех предметов на русском языке. Румынский язык преподавался по два урока в неделю. Некоторые предусмотрительные родители отказались отдавать детей в русские школы, мотивируя тем, что русские все равно уйдут, а «дети по-румынски не знают, а для ремесла надо по-румынски знать».

Это были годы необыкновенного подъема русского самосознания и гордости за Россию – страну победителя. После массовой реэмиграции липован

в Россию в 1947 г. многие верили, что вся диаспора полностью переселится на историческую родину. Те, кто учился в русских школах хотя бы пару лет, до сих пор очень хорошо говорят по-русски и в большинстве считают себя русскими.

Учителей присылали из Советского Союза, а потом в Бухаресте создали педагогическую школу, и через несколько лет проблема с учителями для русских школ была решена. Многие представители липованской интеллигенции, взявшие на себя в 1990 г. создание Общины русских-липован Румынии и ратовавшие за сохранение у липован русского языка, прошли через эту педагогическую школу.

После закрытия русских школ дети, фактически не знавшие румынского языка, продолжили обучение в румынских школах, где теперь уже русский преподавали два раза в неделю как иностранный язык. В липованских селениях в румынских начальных и средних школах подавляющее большинство детей были русскими и разговаривали на русском. Даже в селах, где одна часть была заселена липованами, а другая румынами, в каждой из них была своя школа. Русский был языком общины всех поколений в семье.

В городах, а также небольших селениях Молдавии румынский начал потихоньку теснить русский разговорный язык где-то в 1970-е гг., но в многолюдных селах Добруджи язык сохранялся значительно лучше. Старшее поколение, как правило, и сейчас очень хорошо говорит на русском, правда, не на литературном языке, поэтому и называют его «липованским».

С 1990 г. этнические меньшинства получили конституционное право изучать в школе свой язык как родной. Родители сразу отказались от преподавания всех школьных предметов на русском, аргументируя свою позицию тем, что в стране нет лицеев и высших учебных заведений на русском языке, чтобы дети могли учиться дальше. Русский язык в школе стали преподавать три урока в неделю и еще один урок посвящать старообрядческой религии. Изучение языка как родного означало, что румынский язык не должен был использоваться в процессе обучения русскому, поскольку подразумевалось, что все дети говорят по-русски, и количество часов, отведенных на изучение русского и румынского языков, должно было быть равным. Исходя из посыла, что русский – родной язык, были написаны учебники грамматики. Все эти 30 лет методика обучения оставалась неизменной, а приходившие в школу дети все хуже и хуже изъяснялись по-русски. В настоящее время обучение языку начинается с создания у детей минимального словарного запаса. Система преподавания организована плохо: поскольку дети липован во многих школах составляют меньшинство, то нередко на уроках русского в одном классе соединяют учеников разного возраста; случается, что занятия проходят по-

сле уроков, когда остальные одноклассники идут домой, и это сильно снижает желание детей постигать премудрости родного языка, кроме того, очень не хватает подготовленных учителей.

На переменах в школе, на улице и дома дети липован говорят только на румынском. Родители в подавляющем большинстве случаев сами свободно не владеют русским и после неудачных попыток поговорить с ребенком на русском переходят на румынский язык. Что же до тех детей, кто выехал с родителями за границу, то там в школах они обучаются на языке страны проживания, а дома, как правило, говорят на румынском.

Телевизор, планшет и смартфон – обычный набор современных технических средств для проведения досуга и развлечения детей старообрядцев и молодежи. Телевизоры в домах липован появились поздно и в 1980-е гг. были еще редкостью, да и телетрансляции ограничивались несколькими часами в день. После 1989 г. румынское телевидение, ставшее многоканальным, работает круглосуточно и успешно пропагандирует европейские культурные ценности. Благодаря доступности телевидения и интернета дети растут в информационном румынско-европейском поле. В то же время старшее поколение с помощью спутниковых антенн очень часто смотрит российское телевидение.

«Против прогресса невозможно, не можно пойтить, не можно остановить. Румыны, которые уехали, они тоже теряют язык. Это политика Европы, – говорила учительница русского языка из Брэилы. – Наши дети, которые родились после революции, они нас не понимают. Для них это нормально. Внуки не хотят слушать бабушек»⁸. Воспоминания, знания, представления, опыт и культура старшего поколения мало кому интересны, особенно если бабушки с внуками и правнуками говорят на разных языках.

Юные липоване видят, что их взрослое окружение нацелено на выезд в Европу, и понимают, что русский язык, который их заставляют учить как родной, там им не понадобится. Значительно больший интерес у молодежи вызывает английский язык, который может открыть им путь в крупные фирмы или даже в Америку.

Хотя Община русских-липован Румынии прилагает все усилия, чтобы популяризировать и продвигать русский язык в среде липован, но участие в олимпиадах по русскому языку и литературе и награды в виде поездок в летний языковой лагерь в Румынии или в Россию мотивируют очень небольшое число учеников.

Старообрядческие церкви и моленные всегда были территорией церковно-славянского и русского языков. В связи с ростом в 2000-е гг. числа прихожан, не знающих родного языка, священники в городах Молдавии во время проповедей и исповеди стали прибегать к употреблению румынского

языка. В 2019 г. Славская епархия переработала исповедные вопросы и издала их на русском и румынском языках, чтобы батюшки сами могли выбрать, на каком языке исповедовать паству. Раздаются голоса, что все равно придется и церкви переходить на румынский язык, и это может произойти не в столь отдаленном будущем. И эта мысль уже не кажется чем-то совсем невероятным, тем более что есть же старообрядческая церковь в Уганде или Пакистане, где никогда не говорили по-русски и не служили на церковно-славянском.

Угасание традиционной этнической культуры в эпоху постмодерна – явление закономерное. В иноэтническом окружении в экономически слаборазвитой стране, такой как Румыния, где государство особенно не вмешивалось в религиозные дела, она продержалась дольше, чем в России. Но изменились условия, и процесс ее разрушения пошел стремительно, охватив все сферы, в том числе религиозную и языковую. Межпоколенный разрыв в культурно-языковой сфере препятствует трансляции и воспроизводству русской культуры. Освободившаяся ниша все эти годы заполнялась румынской и некой надэтнической, надконфессиональной культурой. Выезд за границу в течение послереволюционного периода и трудности с самоидентификацией привели к сокращению людей, считающих себя липованами. Поколения, сформировавшиеся после 1989 г., с трудом отвечают на вопрос: кто они, мечась мыслью между «румынами» и «липованами», но почти всегда отвергая свою принадлежность к русскому народу.

Думается, что русские за рубежом вспомнят о своих корнях и захотят учить русский язык только тогда, когда Россия выйдет на лидирующие позиции в различных сферах и у них будут основания гордиться ею.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161/1. V-A2. Оп. 181/2. Д. 947. Л. 24 об.

² По своему религиозному составу подавляющее большинство старообрядцев относились к беглопоповскому согласию, которое после принятия митрополита Амвросия распалось на белокрыницких и оставшихся на прежних позициях беглопоповцев, в 1990-м г. перешедших в новозыбковское согласие и в настоящее время напрямую подчиняющихся патриарху Александру (Москва). Значительно меньше по численности была группа часовенных, большая часть которых перед и вскоре после Второй мировой войны перешла к белокрыницким. И совсем малочисленной была группа беспоповцев-старопоморцев, костяк которых в настоящее время состоит из десятка человек.

³ Полевые материалы автора (ПМА). Экспедиция в Румынию, г. Брэила, 2017 г. Свщ. В. 1963 г. р.

⁴ ПМА. Экспедиция в Румынию, с. Мануиловка, 2017 г. Свщ. С. 1974 г. р.

⁵ Перепись 1992 г.: румын 20 408 542 чел., липован 38 606 чел.; перепись 2002 г.: румын 19 399 597, липован 35 791; перепись 2011 г.: румын 16 792 868, липован 23 487. Материалы Census of Population and Housing of 1992, 2002, 2011 гг. получены: website Institutul de Statistica din Romania: <https://microdata.worldbank.org/index.php/catalog/548>; <https://microdata.worldbank.org/index.php/catalog/549>; <https://insse.ro/cms/files/statistici/comunicate/alte/2012/Comunicat>

⁶ ПМА. Экспедиция в Румынию, г. Тулча, 2010 г. А. А. 1962 г. р.

⁷ ПМА. Экспедиция в Румынию, с. Сарикей, 2010 г. С. Г. В. 1925 г. р.

⁸ ПМА. Экспедиция в Румынию, г. Брэила, 2017 г. Ф. Ж.-Р. 1947 г. р.

Список литературы

Кудрявцев А.Н. Очерк истории старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник. СПб.: Изд-во СПб. отдела Славянского комитета, 1875. Т. 1. С. 605–620.

Плотникова А.А. Русские старообрядцы Добруджи // Живая старина. 2007. № 3. С. 21–23.

Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса; Измаил; Москва: СМИЛ: Археодоксия, 2010. 528 с.

Анастасова Е.А. Старообрядцы в България: Мит – история – идентичност. София: Проф. Ма-

рин Дранов, 1998. 127 с.

Crasovschi Axinia. Russian Old Believers (Lipovans) in Romania: Cultural values and symbols. Bucharest, New Europe College, 2005, 59 p.

Polek J. Die Lippowaner in der Bukowina: I. Geschichte ihrer Ansiedelung. Czernowitz, 1896, 87 s.

Polek J. Die Lippowaner in der Bukowina: II. Religion und Kirohenwesen, 1898, 84 s.

Polek J. Die Lippowaner in der Bukowina: III. Sitten und Gebrauche, 1899, 49 s.

References

Kudryavcev A.N. *Ocherk istorii staroobryadcev v Dobrudzhe* [An essay on the history of Old believers in Dobrudja]. *Slavyanskij sbornik* [Slavic collection]. S-Petersburg, Petersburg's otdel Slavic Committee, 1875, v. 1, pp. 605–620. (In Russ.)

Plotnikova A.A. *Russkie staroobryadcy Dobrudzhi* [Russian Old Believers of Dobrudja]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 2007, № 3, pp. 21–23. (In Russ.)

Prigarin A.A. *Russkie staroobryadcy na Dunae: formirovanie etnokonfessional'noj obshchnosti v konce XVIII – pervoj polovine XIX vv.* [Russian Old believers on the Danube: the formation of an ethno-confessional community in the late XVIII – first half of the XIX century]. Odessa, Izmail, Moscow, SMIL Publ., Arheodoksiya Publ., 2010, 528 p. (In Russ.)

Anastasova E.A. *Staroobredcite v Belgariya: Mit – istoriya – identichnost* [Old believers in Bulgaria: myth-history-identity]. Sofiya, Prof. Marin Dranov Publ., 1998, 127 p. (In Bulg.)

Рагозин Герман Сергеевич

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Турыгин Александр Александрович

Костромской государственный университет

Болдырев Роман Юрьевич

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДА К ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ
И СТАНОВЛЕНИЕ ГУМБОЛЬДТОВСКОЙ МОДЕЛИ УНИВЕРСИТЕТА В ПРУССИИ
(1807–1810 гг.)**

Авторы статьи обращаются к вопросам изменения роли и структуры высшей школы в Пруссии периода 1807–1810 гг. в контексте «прусских реформ». Дискуссия о новом университете началась до 1806–1807 гг. и преследовала цель выработать новую модель высшей школы и науки, а также связи с применением знания, в том числе на государственной службе. Реформа исходила из принципов бессловности, разделения компетенций и профессионализма, с апелляцией к «национальному духу» и «национальным идеям». Считается, что в оформлении университета преобладали идеи В. фон Гумбольдта, хотя применительно к юриспруденции и государственному управлению лидерами были Т. Шмальц и И.Г. Хофман. По итогам дискуссии участники выработали принципы организации высшей школы, ее взаимодействия с государством, а также образ идеального чиновника. Возможно утверждать, что оформление университета и новой модели подготовки государственных служащих содействовало трансформации подхода к государственной службе и ее месту в прусском государстве и обществе. Этому содействовали и основные принципы, и кадровая политика, а также связь с национальным движением. При этом основными проблемами оставались кадры и финансирование. Новый подход к организации университета и его связь с Академией наук, обществом и государством, а также привлечение ученых стали катализатором изменения политической культуры и содействовали ее переходу к гражданским и национальным основам. Начало работы университета стало продолжением реформ даже в условиях реакции с 1815 г.

Ключевые слова: прусские реформы, Вильгельм фон Гумбольдт, Берлинский университет, реформы образования, «гумбольдтовская модель», история государственного управления, «государствоведение».

Информация об авторах: Герман Сергеевич Рагозин, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8695-4096>, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия.

E-mail: g.s.ragozin@narfu.ru

Александр Александрович Турыгин, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Костромского государственного университета, г. Кострома, Россия.

E-mail: aturigin@mail.ru

Роман Юрьевич Болдырев, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4262-7285>, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия.

E-mail: dr.roman.boldyrev@yandex.ru**Дата поступления статьи:** 03.04.2020.

Для цитирования: Рагозин Г.С., Турыгин А.А., Болдырев Р.Ю. Трансформация подхода к государственной службе и становление Гумбольдтовской модели университета в Пруссии, 1807–1810 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 100-110. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-3-100-110.

German S. Ragozin

Lomonosov Northern (Arctic) Federal University

Aleksandr A. Turygin

Kostroma State University

Roman Yu. Boldyrev

Lomonosov Northern (Arctic) Federal University

**TRANSFORMATION OF APPROACH TOWARDS PUBLIC SERVICE
AND THE EMERGENCE OF HUMBOLDT UNIVERSITY MODEL IN PRUSSIA
(1807–1810)**

The paper deals with higher school transformation in Prussia between 1807 and 1810. Discussion on new university took place before 1806-1807, and had a purpose to design a new model connected with the practical application of the knowledge, also in public administration. The reforms initiated by Baron vom Stein and Karl August Fürst von Hardenberg offered the national principles to basics of Prussian state. Traditional point of view is that Friedrich Wilhelm Christian Karl Ferdinand von Humboldt ideas prevailed in the reform, though Theodor Anton Heinrich Schmalz's and Johann Gottfried Hoffmann's offers tapped into Faculty of Law and Political economics programme concepts. As a result, new principles appeared, and the ideal statesman image. The reform had a deep impact on academic positions in Prussia, transfer of knowledge and ideas,

and tapped into transformation of Prussia to national state. It is possible to state that new university and the new public servants training models made its commitment to the approach transformation towards the public service and political culture evolution. The new approach towards the Academy of Sciences, its relations with government and society became a catalyst towards political culture transfer to civil and national one. The new university tapped into continuity of social and political reforms in the kingdom even within the Bourbon Restoration after 1815.

Keywords: Prussian reforms, Wilhelm von Humboldt, education reforms, Berlin University, university Humboldt model, public administration history, political economy.

Information about authors: German S. Ragozin, Candidate of Historical Sciences, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8695-4096>, senior lecturer at Human History Department, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia.

E-mail: g.s.ragozin@narfu.ru

Aleksandr A. Turygin, Candidate of Historical Sciences, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>, Associate Professor, Associate Professor at Human History Department, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Kostroma, Russia.

E-mail: aturigin@mail.ru

Roman Yu. Boldyrev, Candidate of Historical Sciences ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4262-7285>, Associate Professor at Human History Department, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia.

E-mail: dr.roman.boldyrev@yandex.ru

Article received: April 03, 2020.

For citation: Ragozin G.S., Turygin A.A., Boldyrev R.Yu. Transformation of approach towards public service and the emergence of Humboldt university model in Prussia (1807-1810). *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 3, pp. 100-110 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-3-100-110.

Меняющаяся роль университетов и дискуссия о ней в мире поднимает вопрос о корнях организации высшей школы. Представление о сущности университета, его организации, государственной политике в сфере образования, места научных сотрудников и преподавателей в этом процессе радикально изменились за прошедшие двести лет с первой перестройки университета в континентальной Европе.

За время своего существования университет как образовательный, научный, культурный, социальный и политический феномен претерпел значительную эволюцию. Вызревая на территории Европы в различных форматах еще в Средние века, он играл огромную роль в трансфере знаний и практик между государствами и культурами, формировании деловых и политических элит, содействии развития экономики, дискуссии об актуальных проблемах социального и политического развития, организации и проведении научных исследований. Особенно актуальной дискуссия становится в период перестройки, вызванной кризисом. В это время может происходить изменение подхода к университету и его месту, а также появление новых форм организации науки и высшей школы и их взаимодействия с обществом.

В Пруссии 1807–1810 гг. в условиях поражения от Франции и начала реформ произошло изменение подхода к сущности государства и его отношений с гражданами. Одним из проявлений стала перестройка высшей школы, позднее избранная ориентиром континентальной Европой и Россией, с изменениями действующая по сей день. Опыт Пруссии изучался в России, а российские студенты в Берлинском университете XIX в. появились с первых дней его работы¹.

Настоящее исследование опирается на методологию истории понятий, интеллектуальной исто-

рии, методологию построения модели в историческом исследовании, институциональный подход, концепции национального государства и формирования национальной идентичности. Методология истории понятий необходима для прослеживания трансформации университета. Институциональный подход позволяет раскрывать основные параметры трансформации высшей школы в пореформенный период в Пруссии. Концепции, связанные с формированием национальной идентичности, позволяют проследить то, как была воспринята новая сущность высшей школы в условиях изменения подхода прусского государства от подданнического к гражданскому и национальному, в том числе в общегерманском контексте и в рамках борьбы за господство в Германии.

В то время как французское общество переживало последствия революционных событий, прусская элита приступила к программе широких реформ, целью которых становится достижение общего блага без потрясений и социальных расколов. Прусские чиновники и интеллектуалы (Генрих Фридрих Карл фон Штейн, Карл Август фон Гарденберг, братья Вильгельм и Александр фон Гумбольдт), принадлежавшие к одному поколению реформаторов, убедили короля Фридриха Вильгельма III (1797–1840) в проведении либерально-демократических реформ, способных восстановить порядок королевства и укрепить институт власти. Важную роль в программе реформ предстояло отвести системе образования, ведь залогом любого порядка, следуя средневековой формуле *in capite et membris*, является формирование «в головах» общих идей, обеспечивавших его легитимность и адекватное восприятие². Поколение прусских реформаторов было убеждено в необходимости применения прогресса для общего блага. Примером тому был Александр фон Гумбольдт,

который не просто рассуждал о пользе физики или химии, а, будучи чиновником в горной отрасли, инициировал внедрение технических новшеств в работу баварских горняков. Однако под «общим благом», пользу которому должны снискать технические новшества, в германской традиции понималась польза государству (А.Л. Шлёцер, Ю. Мёзер, Г. Юнг-Штиллинг, К.Г. Грос, И. Кант), которое «люди изобрели для своего блага, как они изобрели страхование от огня и так далее» [Зарецкий, Левинсон, Ширле: 143].

Историография реформ образования Гумбольдта обширна и включает различные направления анализа: от идей, заложенных в основу реформ, их оригинальности и степени заимствования в том, что касается формирования специфически «немецкой модели», первоначально созданной для нужд Пруссии, до осознания миссии университета и его роли в естественнонаучном прогрессе.

Взгляды Вильгельма фон Гумбольдта, по мнению Г. Шнедельбаха, развивались во многом под влиянием Фридриха Шеллинга, Иоганна Готлиба Фихте, Фридриха Шлейермахера, Хенрика Штеффенса, представляя собой «продуктивный синтез» их идей и суждений [Шнедельбах: 66]. Так, реформа высшего образования предполагала создание университета «нового типа», что, по сравнению с университетами «позавчерашнего» и «вчерашнего дня» (Шнедельбах), отягощёнными средневековой цеховой организацией и служением абсолютизму, должно было подготовить «автономного индивидуума» (*autonomes Individuum*), субъекта, способного к самоопределению, осознанию и принятию гражданских ценностей, активной деятельности в условиях научно-технического прогресса. Речь шла о том, чтобы создать условия для «максимально комплексного охвата и преобразования мира, что позволило бы человеку развиваться как субъекту. «Гражданские ценности» в самом общем понимании здесь включали бы в себя достижения западной цивилизацией: ценности мира, справедливости, культурного обмена, некоторых отношений полов и отношений с природой» [Vinnai: 115].

По словам самого Гумбольдта, «задача нашего существования состоит в том, чтобы наполнить большим содержанием понятие «человечности» в нас самих; задача, которая решается с помощью соединения нашего внутреннего «я» с миром через всеобъемлющее, живое и свободное взаимодействие»³.

Исследователи сходятся во мнении о влиянии идей Просвещения на реформу образования Гумбольдта, выделяя «принципы гуманизма» (И.В. Гёте, Ф. Шиллер, И.Г. Песталоцци, И.Г. Гердер) [Южанинова: 37], «расширение социальной базы образования» (И.Г. Фихте) [Kutscha; Сеньбос], «профессиональную пригодность как идеал воспитания человека» (И.Г. Кампе) [Knoll],

«органическое развитие нации в контексте духовных ценностей» (Ф. Шлейермахер) [Стерхов], «отказ от догм в образовании» (Х. Вольф) [Панченко], «роль государства в образовании» (Х. Штеффенс) [Reble; Бим-Бад; Ладыец; Рингер] и т. д.

Анализируя исторические условия гумбольдтовской реформы образования, исследователи отмечают пагубные для Пруссии последствия Тильзитского мира, связанные с изменением её территориального устройства и инициировавшие программу так называемой «оборонительной модернизации», возникновение концепции федерализма в начале XIX века, смену философской парадигмы в сторону утверждения принципов гуманизма, секуляризацию мышления, формирование новой элиты не по средневековой формуле знатности и богатства, а в рамках успешной профессиональной (чиновничьей) карьеры (Й. Шёнвиц, А. Кара, Н.В. Ростиславлева) [Кара; Schönwitz; Ростиславлева].

Институциональные аспекты реформы образования Гумбольдта связываются с организацией широкой сети народных школ, что стало предпосылкой создания всеобщего образования, профессионального образования (для учителей народных школ), гимназий и университетской реформой, которая привела к трансформации немецких университетов (О. Грауманн, М. Шелер, С. Палечек, Г. Дуда, Н.В. Ростиславлева) [Paletschek; Грауманн; Дуда; Ростиславлева; Шелер].

Рассматривая концепцию всеобщего образования, немецкий историк Г. Куча останавливается на трех уровнях её измерения: *формальном всеобщем образовании*, реализуемом как в практике общего и специального образования через универсальное развитие личности для каждого человека (эстетическое, моральное, интеллектуальное) и через профессиональную подготовку к конкретной практической деятельности, *материальном измерении*, раскрывающем содержание учебных процессов через категории преемственности и связи теории с практикой, и *национальном*, ориентированном на общие моральные и культурные нормы, свойственные нации [Kutscha: 33]. При этом следует учесть, что само понятие «нации» во времена Гумбольдта трактовалось специфически, соответственно идеям Фихте, как «субстанциональная» и «духовная» связь народа с его родиной, которую еще только предстояло сформировать (воспитать) через «развитие своего собственного духа во времени мировой истории»⁴.

Отказаться от иллюзий в отношении введения Гумбольдтом всеобщего образования призывают Х.-Г. Херлицц, В. Хопф и Х. Титце, называя соответствующую реформу «общественно-политической провокацией». По мнению историков, проанализировавших провалившийся проект общего закона о школе последователя Гумбольдта И.В. Зюферна (1775–1829), идеи всеобщего и национального

образования «больше подходило для республик с демократической конституцией, а не для институтов монархии», хотя и нуждавшихся в повышении общего уровня образованности подданных, но предпочитавших вовсе не идеал свободной в своей активности личности, а определенный уровень общих знаний и навыков [Herzlitz: 47].

Реформа высшего образования Гумбольдта, по мнению И.Н. Петраковой, предложила новую, отвечающую духу времени модель университета, представлявшую собой альтернативу такой же новаторской для Европы «наполеоновской модели» [Петракова: 139]. Если для «наполеоновского университета» характерным признавалось воспитание «граждан с заданной, строго определенной позицией», а знание приобретало роль инструментальной ценности, необходимой для государства, осуществляющего общее руководство и контроль над университетом, то «гумбольдтовскому университету» соответствовала исследовательская ориентация (в нем должны были преподавать не профессиональные учителя, а исследователи), академическая свобода и относительная автономность (по отношению к государству и обществу) – «свобода и уединение» как особенности нового университета [Петракова: 141]. Оригинальность тезиса об академической свободе Гумбольдта ставят под сомнение И.Т. Карсавин и Л.А. Тухватулина, приводя в пример проекты английского университета Дж. Ст. Милля и У. Хьюэлла [Красавин, Тухватулина]. Модель университета Гумбольдта «тяготела к всестороннему компромиссу: академическая свобода при одновременной ответственности перед потребностями государства и общества; объединение задач образования с заботами науки, не связанной какими-либо определенными утилитарными целями» [Красавин, Тухватулина].

Одним из аспектов образовательной реформы Гумбольдта в историографии является вопрос о формировании профессионального чиновничества, неудовлетворенность ролью которого высказал прусский реформатор Г.-К. Штейн в 1808 г.: «Чиновники должны перестать быть наемными орудиями в руках монархов, машинами, исполняющими чужие приказания против собственной воли; я хочу, чтобы отныне они выполняли государственную работу независимо, самостоятельно и с полной ответственностью» [Gray: 25; Рингер]. Формирование приспособленного к новым реалиям русского профессионального чиновничества в качестве «специфически немецкого достижения» рассматривают в своих трудах В. Нойгебауэра, Р. Тайс, В. Тиле, Х.М. Зиг, А. Кётген, И.А. Ледях, С.Б. Лугвин и др. [Köttgen; Sieg; Theis; Thiele; Лугвин; Панченко].

Включение профессионального чиновничества в структуру государственного управления, по мнению Х. Навиаского, можно рассматривать как

эффективный инструмент защиты от «колебаний государственного руководства», способный обеспечить баланс между частными «эгоистическими и групповыми интересами и интересами общими» [Neugebauer: 281]. Кодификация прусского земельного права, проведенная в 1794 года, баварский закон о чиновничестве 1805 года впервые, по мнению В. Тиле, заставили королей осознать себя частью государственного механизма, через которой они могут действовать так же, как и другие государственные структуры, имея конкретные, установленные регламентами обязанности [Thiele].

Идеализируя прусское чиновничество и во многом полагая, что восприятие немцев «как народа вообще» немисливо без «чиновника как сословия»⁵, О. Шпенглер подчеркивает исключительно немецкую традицию в деле его становления, связывая ее с воспитанием: «Огромное значение, которое имеет воспитание сословия чиновников, определяется тем, что к нему так или иначе принадлежит почти шестая часть населения; тем, что в целом оно вызывает уважение, зависть и стремление подражать ему, так что продуманное его обучение и воспитание практически равносильно образованию всего народа и, возможно, более эффективно, чем образование школьное, потому что оно формирует не знания и образ мыслей, а образ действий и собственную позицию... Самым большим достоинством этого чиновничества старой закалки была его высокая нравственность. Во всех прочих странах государственная служба – это просто профессия, такой же источник дохода, как и остальные. В Пруссии чиновник со времен Фридриха Вильгельма I является сословием – таким же, как сословия офицеров и судей. Его честь – не профессиональная или гражданская, но сословная. Его чувство чести связано не с трудом, как это было в средневековых цехах, но с фактом служения – служения, понимаемого в германском смысле, то есть повиновения с достоинством и гордостью» [Южанинова: 45].

Французский историк Ш. Сеньобос связывает формирование прусского чиновничества со специальной системой государственных экзаменов, введенной прусскими реформаторами в начале XIX века [Сеньобос]. В практику вводится проверка кандидатов на соответствующий пост, которая в случае успеха заканчивалась обязательствами пожизненного обеспечения со стороны государства. Успех не ограничивался одноразовым экзаменом; последующее продвижение по карьерной лестнице, продуманное и регламентированное вплоть до продолжительности периодов подготовки на каждом уровне, обеспечивалось такими же экзаменами. Причем, как замечает О. Шпенглер, приоритет отдавался выявлению практических способностей, а не теоретических знаний [Шнедельбах: 51]. Главной проблемой историографии вопроса остается

то, что основное внимание обращают либо на дискуссию в академической среде или в руководстве королевства, либо на конечный продукт, то есть сформированный университет. Взаимодействие идеи и практического применения модели с учетом характера трансформации государства и общества периода «пруссских реформ» обычно остается вне поля зрения.

Основными источниками по данной проблематике выступают: официальные документы (проекты реформ, официальные письма), неформальная переписка участников дискуссии, сочинения мыслителей и реформаторов о сущности реформы и месте её продуктов в прусском и германском обществе. В первую группу включены: докладная записка К.А. фон Гарденберга «О реорганизации Прусского государства», ходатайство В. фон Гумбольдта от 10 октября 1809 г. о создании университета в Берлине. Вторая группа источников представлена корпусом переписки представителей научной общественности Пруссии друг с другом и с органами государственной власти по вопросу оформления университета. Третья группа представлена сочинением В. Гумбольдта «О внешней и внутренней организации высшего научного заведения в Берлине» (1810 г.), которая является практическим руководством по реализации государственной политики в сфере высшей школы.

Цель настоящей работы: дать комплексную оценку концепции Гумбольдтовской модели университета на этапе ее создания в Пруссии и ее месту в планируемой перестройке подхода к государственной службе в королевстве периода реформ 1807–1814 гг.

Начиная с эпохи Марии Терезии и Иосифа II в монархии Габсбургов и Фридриха II в Пруссии университет становится площадкой, где готовятся кадры для органов власти [Gruber; Levinger: 33–34]. Это связано с развитием теории права и общественной мысли и переосмыслением ее реализации. Пребывавшие до этого в кризисе университеты Вены, Граца, Инсбрука, Праги в монархии Габсбургов, университеты в Галле, Кёнигсберге и Франкфурте в Пруссии получили импульс к развитию. Однако он исчерпал себя после ухода монархов – сторонников Просвещения – из власти или начала их конфликта с политическими элитами. Ужесточение режима, вызванное революцией во Франции и экспортом ее идей в Империю усугубило кризис университетов, так как ограничения коснулись автономии. Особенно это сказалось в монархии Габсбургов, где постановления главы государственной полиции Пергена уничтожили академические свободы, но, дискредитируя революционные идеи, изображая их в связи с иностранным вторжением⁶.

Перенос войны на территорию Империи, её распад и разгром Пруссии в 1806–1807 гг. приве-

ли к слову отношений академического сообщества и государства. Была парализована работа университета в Галле. Если до этого школа готовила кадры для органов власти, в большей степени опираясь на философскую и правовую базу, а научными исследованиями занимались академии наук, то теперь перед германскими государствами встала проблема пересмотра системы науки и образования, а также ее связи с государственной службой.

На проблемы реорганизации академического сообщества, университета как социального института и его места в обществе и государстве, управление исследованиями и их апробацию первыми обратили внимание в Пруссии. Дискуссия началась в 1802 г. с письма Иоганна Якоба Энгеля советнику по просвещению Карлу Фридриху фон Байме. В нем подчеркивалось, что создание нового университета даст преимущество государству, которое получит «компетентных, просвещенных и образованных слуг»⁷. Филолог Фридрих Август Вольф в письме на имя фон Байме поднимает вопрос об обеспечении нового университета материальной, технической и опытной базой и привлечении ведущих профессоров. Помимо этого, поставлен вопрос финансирования, которое должно соответствовать «гражданской чести» [Gray]. Управление должно базироваться на выборности и ротации руководителей.

К дискуссии подключились правовед и камералист⁸ Теодор Август Шмальц, естествоиспытатель Карл Людвиг Вильденов, помощник Гарденберга Карл фон Альтенштейн, философ Иоганн Готтлиб Фихте, канцлер фон Штейн и другие. Каждый из них направлял предложения к структуре и интеграции в нее отраслей науки⁹ [Schönwitz; Sieg]. В связи с этим тезис о катастрофе 1806–1807 гг. и потере Галле как причинах преобразований некорректен, так как создание нового университета воспринималось назревшим.

Академическое сообщество подчеркивало необходимость задействовать университет в подготовке новых государственных служащих после поражения 1806–1807 гг. и затяжного кризиса администрации в королевстве. Решающее слово оставалось за реформаторами, пришедшими к власти, а также за королем Фридрихом Вильгельмом III. Идею реорганизации высшей школы на политическом уровне первым высказал Гарденберг в «Докладной записке о реорганизации Прусского государства». Базируясь на идее национального государства, реформатор полагал необходимым вовлечение каждого члена нации¹⁰ в получение среднего образования, вне зависимости от сословной принадлежности, происхождения и иных критериев, кроме способностей. Это пересматривало и отношения государства и общества, и место образования в них. Госслужба должна была стать и средством управления, и катализатором сплочен-

ния нации, что ставило вопрос о подготовке кадров и доступе к высшему образованию.

В «Записке» реформированию образования и науки посвящены параграфы 10 и 11 главы 5 «Внутренние дела». Параграф 10 посвящен организации искусств и науки: в нем автор полагает обязательным государственную поддержку, содействие в применении знания на практике, а также организации управления и регулярного финансирования с выплатой зарплаты. Главным принципом полагались академические свободы как основа прогресса государства и общества¹¹. Концепцию реформы содержит параграф 11 главы 5: миссия университета – подготовка человека к самостоятельному мышлению и профессиональной деятельности, а также реализация исследований. Таким образом, предполагалась структурная перестройка, расширение доступа к образованию в связи с ростом охвата средней школой. Вместе с этим на университет возлагалась подготовка новых государственных служащих, связанных с государством профессионализмом и этикой, концепцию которой в 1810 г. представил Иоганн Готтфрид Хофман.

Своим уровнем подготовки чиновник должен был способствовать исправлению недостатков «старого правления», а также прогрессу. Предполагалось менять не только кадровую политику, но и этику и подготовку чиновничества, смещая ее основы в сторону гражданских и национальных, оставляя монарху символическую роль. Тезисы Гарденберга коррелируют с постулатами Ф.А. Вольфа¹², Т. Шмальца¹³, И.Г. Фихте¹⁴ и других мыслителей, помимо Вильгельма и Александра фон Гумбольдтов [Neugebauer; Сеньобос].

Вольф полагал светский университет с государственным участием в Берлине нужным и Пруссии, и Германии, частью восстановления государства, морального совершенствования его жителей. Это также должно было избавить Берлин от «провинциальности», и поставить его на один уровень с Веней¹⁵ [Ростиславлева]. Шмальц подчеркивает необходимость государственного финансирования с особым упором на подготовку юристов как критичной составляющей реформ¹⁶. Фихте обосновывает создание новой высшей школы, исходя из начала конституционного процесса, обеспечения государства кадрами, мыслящими гражданскими установками, усиления самостоятельности правительства на внешней арене, в том числе в Германии [Kutscha]. Особенная роль отводилась юристам, которые должны содействовать перезапуску государственного аппарата, судов и полиции в связи с «пониманием духа закона»¹⁷.

Гарденберг поддержал инициативу создания университета, который будет связан с нуждами новой власти. Это должно было сдержать отток кадров, создавая академический центр с функцией выработки идеологической и практической осно-

вы для восстановления и превосходства Пруссии в Германии, что отсылает к письму Энгеля Байму¹⁸. Таким образом, реформатор признавал отставание королевства по уровню университетов от Австрии, полагая, что возможность создать высшую школу на новом подходе должна быть реализована в Берлине. Одной из главных миссий реформы и должно было стать формирование государственного аппарата.

Дискуссия возобновилась после Тильзитского мира, и этот этап (1807–1810 гг.) связывают с В. фон Гумбольдтом. Помимо соображений, которые легли в основу новой высшей школы, он оставил наследие в философии образования. Начало положила работа «Теория образования человека» (1793 г.), в которой он представил принципы и цели системы просвещения и ее функции. Бессловность приема в университет должна была содействовать привлечению к образованию наиболее способных выпускников гимназий. Содействовать этому должна была также реформа школы, которая вводила выпускной экзамен, дававший право на поступление в университет (*Abitur*). Итогом обучения должно было стать не только формирование специалиста, но и способность его к осмыслению материала на свободном и абстрактном уровне, а также готовность, в частности, к научной работе. Началом работы по созданию университета считается 4 сентября 1807 г., когда король подписал указ о его создании «в связи с государственной необходимостью»¹⁹.

«Гумбольдтовский» этап начинают с 1809 г., когда граф Фридрих цу Дона, министр внутренних дел, 22 марта приглашает Гумбольдта к оформлению концепции университета и ее реализации²⁰. Таковую он представил в письме на имя короля от 10 июля. В основу легли тезисы о «национальном просвещении и образовании», то есть охвате всех представителей общности, создающей суверенитет на данной территории. Целью реформы провозглашалось опережение остальной Германии по уровню образования и развития посредством создания университета, обладающего обширными связями и с Академией наук, и с применением знания на практике, и прибегающего к современным философским основам образования, науки и их организации, а также с применением полученного знания в образовательном процессе. Самым главным применением в обосновании являлось среди прочих укрепление государственного аппарата новыми кадрами.

Новый университет был призван обеспечить восстановление государства после поражения. Он должен был строиться и функционировать при участии государства, при этом та же модель должна была быть перенесена и на «старые» университеты, хотя новый должен был сразу стать лидером в королевстве с выходом на всю Германию. Определенная рецепция традиций Гёттингенского уни-

верситета также имела место [Bleek]. Отставая от университетов Австрии по времени создания, новая школа должна была руководствоваться не приматом государства и его протекторов, а определенной ему миссией.

Новый подход базировался на сочетании и научной, и образовательной деятельности в университете, что должно было быть обеспечено наличием обсерватории, клиники, ботанического сада, библиотеки и иных подразделений, входящих в инфраструктуру. Финансирование для реализации проекта изначально предполагало сумму в 150 тыс. талеров с увеличением при перераспределении средств из домениальных имений, с передачей университету дворца принца Генриха и постоянным финансированием. При этом базой Гумбольдт считал национальную традицию, которая должна была сложиться, так как к преподаванию на философском факультете и к руководству следовало привлечь сторонников «национального духа», а преподавание должно было вестись на немецком языке. Вместе с этим университет должен был включиться в международную среду: привлекать научных деятелей и студентов из-за рубежа, что должно было сделать его конкурентоспособным, и способствовать влиянию Пруссии на германские и европейские дела, а также обмену знаниями в контексте научного диалога²¹.

Подготовка государственного аппарата в университете рассматривалась И.Г. Хофманом, который представил соображения по программе «Государствоведение»²². Именно оно и предполагало подготовку новых государственных служащих. В этом проекте отразились философские, идеологические и практические тезисы подхода к кадровой политике в сфере управления. Новый чиновник «должен был быть готовым к защите нации и ее интересов», что коррелировало с Гарденбергом, Штейном, а также военными реформаторами. Подготовка государственных служащих предполагала «выработку способностей эффективно управлять государством и взаимодействовать с обществом в правовом поле без злоупотреблений, при условиях оформления национального представительства и свободы прессы». Для этого тот должен был получить подготовку в области знаний об обществе и концепций его развития, национальной экономики, экономики отраслей, статистики, политики и управления государством, права, а также истории и культуры. Хофман главной проблемой считал кадровую²³. Базой считался юридический факультет.

Окончательно модель университета кристаллизовалась в сочинении «О внутренней и внешней организации высшего образовательного и научного учреждения в Берлине» (1810 г.), которая и легла в основу деятельности университета. Полагая «науку ради науки» невозможной, Гумбольдт считал,

что она должна из увлечения стать полноценной отраслью, базируясь, в частности, на профессиональной подготовке и связи с практической деятельностью. Университетская автономия полагалась необходимой и соответствующей интересам государства²⁴.

С 1807 по 1810 г. академическое сообщество и высшее руководство Пруссии смогло реформировать прусскую систему обучения, создать новый университет, обладающий связью с практическим применением исследований и результатов обучения на примере государственного аппарата. Обучение новых государственных чиновников на отделении юридического факультета позволило продолжать идеи реформизма, высказанные Штейном и Гарденбергом, и сделало невозможным полное осуществление «консервативного поворота» периода Реставрации. Комплексный характер подготовки новых государственных служащих позволял обеспечить их знакомство не только с теорией, философией и правовыми нормами, но и практическим их применением, а также новой этической системой, апеллирующей к национальным идеям и необходимости прогресса. Направление «Государствоведение» («*Staatswissenschaft*») стало главным звеном процесса оформления нового государства и новой политической культуры, апеллирующей к гражданским составляющим и идеям национального государства, чему способствовали профессоры – сторонники этих идей.

В то же время новая высшая школа столкнулась с целым рядом проблем, а именно вопросом о новой кадровой политике на ряде направлений работы, интеграции новой этики в существующие рамки и темпы, связанные с началом реакции в Германии и Европе и ударившие по позициям реформаторов и их сторонников. Противодействие национальному движению в королевстве позднее выльется в отставки в университетах и ограничение их автономии, что пойдет в разрез с гумбольдтовскими идеями. Несмотря на это, создание новой модели подготовки государственных чиновников в рамках новой модели высшей школы дала Пруссии существенные преимущества. Проблема профессиональной подготовки была успешно решена, что привело к обновлению администрации королевства на всех уровнях и продвижению идей национального государства вкупе с частичной практической реализацией. Более того, университет в Берлине стал средством продвижения королевства на внешней арене как в Германии, так и за ее пределами: это было связано с вопросами престижа, а также участия высшей школы в подготовке государственного аппарата, государствоведов и юристов целого ряда государств, в том числе России. Сюжет, связанный с этим, ожидает своего исследователя на данном этапе.

Примечания

¹ 11.10.1810, Степан Подзорский. Verzeichnis der Studierenden auf der Königlichen Friedrich-Wilhelm Universität zu Berlin. URL: <https://goo.gl/AHZd3V> (access date: 11.10.2019).

² Denkschrift Steins „Über die zweckmäßige Bildung der obersten und der Provinzial-, Finanz- und Polizeibehörden in der Preußischen Monarchie“, Nassau, im Juni 1807. URL: <http://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/que/normal/que4655.pdf>.

³ Humboldt W. von. Theorie der Bildung des Menschen (1793). Zit. nach: Schelsky H. Einsamkeit und Freiheit. Düsseldorf, 1963, s. 42.

⁴ Fichte J.G. Reden an die deutsche Nation. Цит. по: Fichte J.G. Werke in zwei Banden, hrsg. von Peter Lothar Oesterreich. Frankfurt am Main, Deutscher Klassiker Verlag, 1997, bd 2, s. 539–788.

⁵ Шпенглер О. Воссоздание Германского рейха, пер. с нем. А.В. Перцева, Ю.Ю. Коринца. СПб., Владимир Даль, 2015, с. 46.

⁶ Vortrag vor Kaiser Leopold II. vom Polizeimeister Johann Anton Graf von Perggen über die wichtigsten Beschäftigungen der Geheimen Polizei, 2.03.1790. URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/deu/6_PoliceMeasures_Doc.1_German.pdf. (12.10.2019).

⁷ 13. März 1802. Professor J.J. Engel übersendet dem Geheimen Cabinetsrath Beyme den ihm aufgetragenen Entwurf zu einer höheren Lehranstalt. Aus Beyme's Papieren. Цит. по: Köpke R. Die Gründung der Königlichen Friedrich Wilhelms Universität zu Berlin. Berlin, G. Schade, 1860, s. 147–150.

⁸ В немецком языке этого времени словом «камералистика» (*Kameralistik*) обозначалась дисциплина, изучающая экономическую политику государства.

⁹ Fichte an Beyme, 19 September 1807. Цит. по: Lenzer M. Geschichte der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Halle, Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1910, bd. 4, s. 32–33.

¹⁰ Гарденберг использовал этот термин по отношению к жителям королевства, как и его сподвижники и представители немецкого национально-го движения. Говорить о процессе формирования немецкой нации в начале XIX в. можно с началом деятельности интеллектуалов – сторонников тезиса на политическом уровне. См. Данн О. Нации и национализм в Германии, 1770–1990, пер. с нем. О.В. Стебловой. СПб., 2003.

¹¹ Über die Reorganisation des Preußischen Staates, verfasst auf höchsten Befehl Sr. Majestät des Königs von K.A. von Hardenberg, 12. September 1807. URL: http://www.staatskanzler-hardenberg.de/quellentexte_riga.html. (access date: 06.10.2019).

¹² 1807. 4. September. Cabinetsordre an den Geheimen Cabinetsrath Beyme zur Errichtung einer höheren Lehranstalt in Berlin. Цит. по: Köpke R. Die Gründung der Königlichen Friedrich Wilhelms Universität zu Berlin. Berlin, G. Schade, 1860, s. 163–166.

¹³ 1807. 3. August. Geheimer Rath F.A. Wolf übersendet dem Geh. Kabinettsrat Beyme seine Vorschläge zur Begründung eines literarischen Instituts an Stelle der verlorenen Universitäten. Цит. по: Köpke R. Die Gründung der Königlichen Friedrich Wilhelms Universität zu Berlin. Berlin: G. Schade, 1860, s. 153.

¹⁴ 1808. 2. Januar. Professor Fichte übersendet dem Geheimen Cabinetsrath Beyme einen Constitutions-Gesetzesvorschlag in Betreff der Censur, und beschwert sich über deren Handhabung bei seinen Reden an die Deutsche Nation. Цит. по: Köpke R. Die Gründung der Königlichen Friedrich Wilhelms Universität zu Berlin. Berlin, G. Schade, 1860, s. 181–182.

¹⁵ 1807. 4. September. Cabinetsordre an den Geheimen Cabinetsrath Beyme zur Errichtung einer höheren Lehranstalt in Berlin. Цит. по: Köpke R. Die Gründung der Königlichen Friedrich Wilhelms Universität zu Berlin. Berlin, G. Schade, 1860, s. 163–166.

¹⁶ 1807. 3. August. Geheimer Rath F.A. Wolf übersendet dem Geh. Kabinettsrat Beyme seine Vorschläge zur Begründung eines literarischen Instituts an Stelle der verlorenen Universitäten. Цит. по: Köpke R. Die Gründung der Königlichen Friedrich Wilhelms Universität zu Berlin. Berlin, G. Schade, 1860, s. 153.

¹⁷ Fichte J.G. Reden an die deutsche Nation. Цит. по: Fichte J.G. Werke in zwei Banden, hrsg. von Peter Lothar Oesterreich. Frankfurt am Main, Deutscher Klassiker Verlag, 1997, bd 2, s. 539–788, 548.

¹⁸ 13. März 1802. Professor J.J. Engel übersendet dem Geheimen Cabinetsrath Beyme den ihm aufgetragenen Entwurf zu einer höheren Lehranstalt. Aus Beyme's Papieren. Цит. по: Köpke R. Die Gründung der Königlichen Friedrich Wilhelms Universität zu Berlin. Berlin, G. Schade, 1860, s. 147–150.

¹⁹ 1807. 4. September. Cabinetsordre an den Geheimen Cabinetsrath Beyme zur Errichtung einer höheren Lehranstalt in Berlin. Цит. по: Köpke R. Die Gründung der Königlichen Friedrich Wilhelms Universität zu Berlin. Berlin, G. Schade, 1860, s. 163–166.

²⁰ Graf Dohna an Humboldt, Berlin, 22 März 1809. Цит. по: Lenzer M. Geschichte der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Halle, Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1910, bd.4, s. 102–103.

²¹ Antrag zur Gründung der Universität in Berlin an des Königs Majestät. Königsberg, 10. Juli 1809. Цит. по: Wilhelm von Humboldts gesammelte Werke. Berlin, 1846, bd. 5, s. 325–332.

²² В немецком языке термин «Staatswissenschaft» означает совокупность дисциплин, нацеленных на подготовку в сфере теории государства и государственного управления, сочетая элементы юриспруденции, экономики, философии и иных социальных дисциплин. Схожий термин используется в скандинавских языках. См. Tenorth H.-E., Hess V., Hoffmann D. (Hg.). Geschichte der Universität Unter

den Linden 1810–2010. Berlin, Akademie Verlag, 2010, s. 276; Zschaler F. Vom Heilig-Geist Spital zur Wirtschaftswissenschaftlichen Fakultät. Berlin, Springer, 2000, s. 39–40.

²³ 1810. 25. Mai. Gutachten des Staatsraths Hoffmann, das Studium der Staatswissenschaften auf der Universität Berlin betreffend. Цит. по: Körpke R. Die Gründung der Königlichen Friedrich Wilhelms Universität zu Berlin. Berlin, G. Schade, 1860, s. 209–211.

²⁴ Humboldt W. von. Über die die innere und äußere Organisation der höheren wissenschaftlichen Anstalten in Berlin (1810). URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/deu/16_ScienceandEducation_Doc.4_German.pdf. (access date: 09.10.2019)

Список литературы

Бим-Бад Б.М. Учимся у истории // Учительская газета. 1988. 26 нояб.

Грауманн О. Из истории педагогического образования Германии и стран Западной Европы // Непрерывное образование: XXI век, 2013, № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-pedagogicheskogo-obrazovaniya-germanii-i-stran-zapadnoy-evropy> (дата обращения: 23.10.2019).

Данн О. Нации и национализм в Германии, 1770–1990, пер. с нем. О.В. Стебловой. СПб., 2003.

Дуда Г. Идеи В. фон Гумбольдта и высшее образование в конце XX века; пер. Перлова // Современные стратегии культурологических исследований. М.: РГГУ, 2000, с. 59–67.

Красавин И.Т., Тухватулина Л.А. Образование как «продолжение политики другими средствами»: Дж. Ст. Милль и У. Хьюэлл об идее университета // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4 (18). С. 148–168.

Ладыжец Н.С. Развитие идеи западного университета. Социально-философский анализ. Ижевск, 1991. 84 с.

Ледях И.А. Государственная служба ФРГ // Государственная служба основных капиталистических стран. М.: Наука, 1977. 291 с.

Лугвин С.Б. Прусское чиновничество: от венизированной службы к рациональному управлению // Вестник ГГГУ им. П.О. Сухого. 2001. № 3–4 (6). С. 93–99.

Панченко В.А. Философско-теоретические идеи Вильгельма фон Гумбольдта в создании Берлинского университета // Известия СПбГАУ. 2015. № 38. С. 336–340.

Петракова И.Н. Знание как цель и как средство: два варианта реформы университета // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 137–145, 141.

Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 648 с.

Ростиславлева Н.В. Историографическая рефлексия наследия В. Фон Гумбольдта // Вестник

РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2009. № 4. С. 79–90.

Ростиславлева Н.В. Основатель Берлинского университета В. фон Гумбольдт как мыслитель и политик // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 179–197.

Ростиславлева Н.В. Формы государственной власти в германской раннелиберальной доктрине (первая половина XIX в.) // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. № 13 (114). С. 170–179.

Сеньобос Ш. Политическая история современной Европы. Эволюция партий и политических форм. СПб.: Знание, 1907. Т. 1. 490 с.

Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: в 2 т. / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 2. С. 143.

Стерхов Д.В. Формирование национально-патриотической концепции Ф. Шлейермахера в годы наполеоновских войн в Германии (1806–1815) // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2011, № 4. С. 31–50.

Шелер М. Университет и народный университет // Логос. 2005. № 6. С. 60–97.

Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 65–78.

Шпенглер О. Воссоздание Германского рейха / пер. с нем. А.В. Перцева, Ю.Ю. Коринца. СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 46.

Южанинова Е.В. Гуманистическая концепция Вильгельма фон Гумбольдта: к 250-летию со дня рождения // Историко-педагогический журнал. 2017. № 2. С. 36–50. С. 37.

Bleek W. Geschichte der Politikwissenschaft in Deutschland. München: C.H. Beck, 2001.

Gray M.W. Prussia in Transition: Society and Politics under the Stein Reform Ministry of 1808. Philadelphia, Amer. Philosophical Society, 1986, 175 s.

Gruber K.H. Higher education and State in Austria: an historical and institutional approach. European journal of Education, vol. 17, № 3, 1982, pp. 259–270.

Herrlitz H.-G., Hopf W., Titze H. Deutsche Schulgeschichte von 1800 bis zur Gegenwart. Königstein, 1981, s. 47.

Kara A. Wilhelm von Humboldt und das heutige Bildungswesen in Deutschland. The Journal of Buca Faculty of Education, 2017, vol. 43, pp. 1–24.

Knoll J.H., Siebert H. Wilhelm von Humboldt. Politik und Bildung. Heidelberg; Quelle & Meyer, 1969, 125 s.

Köttgen A. Das deutsche Berufsbeamtentum und die parlamentarische Demokratie. Berlin, De Gruyter, 1978, 275 s.

Kroll F.-L. Das geistige Preußen. Zur Ideengeschichte eines Staates. Paderborn; München; Wien; Zürich, F. Schöningh, 2001.

Kutscha G. Zum Verhältnis von allgemeiner und beruflicher Bildung im Kontext bildungstheoretischer Reformkonzepte: Rückblick und Perspektiven. *Zeitschrift für Berufs- und Wirtschaftspädagogik*, 2003, vol. 99, № 3, s. 328–349.

Levinger M. *Enlightened Nationalism. The Transformation of Prussian Political Culture, 1806-1848*. Oxford, Oxford University Press, 2000, 317 p.

Neugebauer W. *Handbuch der Preußischen Geschichte: Band 3: Vom Kaiserreich zum 20. Jahrhundert und Große Themen der Geschichte Preußens*. Berlin, de Gruyter, 2000, 812 s.

Paletschek S. Die Erfindung der Humboldtschen Universität – Die Konstruktion der deutschen Universitätsidee in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. *Historische Anthropologie*, 2002, s. 183–205.

Reble A. *Geschichte der Pädagogik*. Stuttgart, Ernst Klett Verlag, 1959, 336 s.

Sieg H.M. *Staatsdienst, Staatsdenken und Dienstgesinnung in Brandenburg-Preußen im 18. Jahrhundert (1713-1806)*. Studien zum Verständnis des Absolutismus. Berlin, De Gruyter, 2003, 443 s.

Tenorth H.-E., Hess V., Hoffmann D. (Hg.). *Geschichte der Universität Unter den Linden 1810-2010*. Berlin, Akademie Verlag, 2010, s. 276.

Theis R. *Zur Repräsentation der Staats-Ministerien in Berlin 1800-1945*. Marburg, 1990, 132 s.

Thiele W. *Die Entwicklung des deutschen Berufsbeamtentums: Preußen als Ausgangspunkt modernen Beamtentums*, 1. Aufl. Herford, 1981, 103 s.

Vinnai G. *Utopie und Wirklichkeit der Universität*. *Psychologie & Gesellschaftskritik*, 33 (4), s. 111–131.

Zschaler F. *Vom Heilig-Geist Spital zur Wirtschaftswissenschaftlichen Fakultät*. Berlin, Springer, 2000.

References

Bim-Bad B.M. *Uchimysya u istorii* [Taking lessons from History]. *Teacher's newspaper* [Uchitelskaya gazeta], 1988, 26 November. (In Russ.)

Graumann O. *Iz istorii pedagogicheskogo obrazovaniya Germanii i stran Zapadnoy Evropy* [Selected chapters from history of pedagogical education in Germany and Western Europe]. *Life long learning: XXI Century* [Neprepyvnoye obrazovanie], 2013, № 3. (In Russ.)

Dann O. *Natsii i natsionalizm v Germanii, 1770–1990, per. s nem. O.V. Steblovoi* [Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770-1990]. Köln, Böhlau Publ., 1993. (In Russ.)

Duda G. *Idei W. von Gumboldta i vysshee obrazovaine v konce XX veka* [W. von Humboldt's ideas and higher education in the end of XX century]. *Sovremennye strategii kulturologicheskikh issledovainii* [Contemporary strategies of cultural research.]. Moscow, RSUH Publ., 2000, s. 59–67. (In Russ.)

Krasavin I.T., Tuhvatulina L.A. *Obrazovanie kak «prodolzhenie politiki drugimi sredstvami»: Dzh. St. Mill' i U. H'ujell ob idee universiteta* [Education as the “continuity of politics with other means”: J.St. Mill and W. Hewell on the university idea]. *Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki* [Praxema: Visual semiotics issues], 2018, № 4 (18), pp. 148–168. (In Russ.)

Ladyzhets H.S. *Razvitie idei zapadnogo universiteta. Social'no-filosofskij analiz* [Development of Western university model. Socio-philosophical analysis]. Izhevsk, 1991, 84 s. (In Russ.)

Ledjakh I.A. *Gosudarstvennaja sluzhba FRG* [Public service in Federal Republic of Germany]. *Gosudarstvennaja sluzhba osnovnykh kapitalisticheskikh stran* [Public service in leading capitalist countries]. Moscow, Nauka, 1977, 291 p. (In Russ.)

Lugvin S.B. *Prusskoe chinovnichestvo: ot voenizirovannoj sluzhby k racional'nomu upravleniju* [Prussian public service: from militarized service to rationalist management]. *Vestnik GGTU im. P.O. Suhogo* [Gerald of GSTU named after P.O. Sukhoi], 2001, № 3–4 (6), pp. 93–99. (In Russ.)

Panchenko V.A. *Filosofsko-teoreticheskie idei Vil'gel'ma fon Gumbol'dta v sozdanii Berlinskogo universiteta* [Philosophical and theoretical ideas from W. von Humboldt and establishment of Berlin University]. *Izvestija SPbGAU* [SPbSAU Gerald], 2015, № 38, pp. 336–340. (In Russ.)

Petrakova I.N. *Znanie kak cel' i kak sredstvo: dva varianta reformy universiteta* [Knowledge as a goal and a method: two versions of the University reform]. *Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki* [TulSU Gerald. Humanities], 2019, № 2, pp. 137–145. (In Russ.)

Ringer F. *Zakat nemeckih mandarinov: Akademicheskoe soobshhestvo v Germanii, 1890-1933 gg.* [Downfall of German Mandarines: Academia in Germany, 1890-1933.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008, 648 p. (In Russ.)

Rostislavleva N.V. *Istoriograficheskaja refleksija nasledija V. Fon Gumbol'dta* [Historiographical reflections on W. von Humboldt heritage]. *Vestnik RGGU. Ser.: Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie* [RSUH Gerald. History, Philology, Oriental Studies], 2009, № 4, pp. 79–90. (In Russ.)

Rostislavleva N.V. *Osnovatel' Berlinskogo universiteta V. fon Gumbol'dt kak myslitel' i politik* [W. von Humboldt: Founder of Berlin University, Philosopher and Politician]. *Novaja i novejschaja istorija* [Modern and Contemporary History], 2009, № 3, pp. 179–197. (In Russ.)

Rostislavleva N.V. *Formy gosudarstvennoj vlasti v germanskoj ranneliberal'noj doktrine (pervaja polovina XIX v.)* [Forms of governmental power in German early liberal doctrine (the first half of XIX century)]. *Vestnik RGGU. Ser. Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie* [RSUH Gerald. History, Philology, Oriental Studies], 2013, № 13 (114), pp. 170–179.

Seniobeaux Ch. *Politicheskaja istorija sovremennoj Evropy. Jevoljucija partij i politicheskikh form* [Political history of contemporary Europe. Evolution of parties and political forms]. Saint-Petersburg, Znanie Publ., 1907, vol. 1, 490 s.

Slovar' osnovnykh istoricheskikh poniatii: izbrannye stat'i: v 2 t. / per. s nem. K. Levinson; sost. Iu. Zaretskii, K. Levinson, I. Shirle; nauch. red. perevoda Iu. Arnautova []. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. T. 2. S. 143.

Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: в 2 т. / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова [Dictionary of basic historical concepts: selected articles: in 2 vols]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. Vol. 2. pp. 143.

Sterhov D.V. *Formirovanie nacional'no-patrioticheskoi koncepcii F. Shlejermahera v gody napoleonovskih vojn v Germanii (1806-*

1815) [Emergence of national-patriotic concept by F. Schleiermacher during the Napoleonic wars in Germany (1806-1815)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8, Istorija* [Moscow University Gerald. Ser. 8, History], 2011, № 4, pp. 31–50.

Sheler M. *Universitet i narodnyj universitet* [University and the people's university]. *Logos*, 2005, № 6, pp. 60–97.

Shnedel'bah G. *Humboldt University* [Universitet Gumbol'dta]. *Logos*, 2002, № 5–6 (35), pp. 65–78.

Spengler O. *Vossozdanie Germanskogo reikha* [Neubau des Deutschen Reiches], A.V. Pertsev, Ju.Ju. Korints (Übers. von Deutsch). SPb., Vladimir Dal Publ., 2015, pp. 46.

Juzhaninova E.V. *Gumanisticheskaja koncepcija Vil'gel'ma fon Gumbol'dta: k 250-letiju so dnja rozhdenija* [Humanist concept of W. von Humboldt: dedicated to 250th anniversary]. *Istoriko-pedagogicheskij zhurnal* [Journal of history and pedagogy], 2017, № 2, pp. 36–50.

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-111-116>
УДК 94(4)“14”

Дзюбан Валерий Валерьевич

Финансовый университет при правительстве Российской Федерации

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА КАРЛА IV ЛЮКСЕМБУРГА: ОТ НАЧАЛА ПРАВЛЕНИЯ ДО ОСНОВАНИЯ КАРЛСБАДА

Статья посвящена начальному этапу правления Карла IV Люксембурга в Чехии (с 1346 до 1350-х гг.). Целью работы является представление общей характеристики деятельности короля в эти годы, а также анализ обозначенного периода правления Карла IV в истории средневекового Чешского королевства. Автор статьи представляет целостное описание выдающейся личности короля, который был человеком своей эпохи, но при этом продвинулся вперед: не чуждаясь ратного подвига, Карл IV немало занимался интеллектуальной работой. Начало его правления было ознаменовано в Чехии экономическим подъемом, король стремился сделать Чехию центром Священной Римской империи. Его заслугой является и культурный подъем: со времени Карла IV и до наших дней дошел целый ряд архитектурных шедевров, был основан Пражский университет. Кроме того, Карл IV стал основателем всемирно известного курорта – Карлсбада.

Ключевые слова: Карл IV Люксембург, Чешское королевство, Священная Римская империя, Карлсбад, феодализм, архитектура Чехии, Пражский университет.

Информация об авторе: Дзюбан Валерий Валерьевич, доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, профессор Департамента социологии, истории и философии ФГОБУ ВО Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия.

E-mail: bryanskstudzuban@mail.ru

Дата поступления статьи: 05.06.2020.

Для цитирования: Дзюбан В.В. Внутренняя политика Карла IV Люксембурга: от начала правления до основания Карлсбада // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 111-116. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-111-116>.

Valeriy V. Dzyuban

Financial University under the government of the Russian Federation

DOMESTIC POLICY OF CHARLES IV OF THE LUXEMBOURG DYNASTY: FROM THE BEGINNING OF HIS REIGN TO THE FOUNDING OF KARLSBAD

The article is devoted to the initial stage of the reign of Charles IV of the Luxembourg dynasty in Czechia (from 1346 to 1350s). The aim of the work is to present a general description of the king's activities during these years, as well as to analyze the designated period of the reign of Charles IV in the history of the medieval Czech kingdom. The author of the article presents a holistic description of the outstanding personality of the king, who was a man of his era, but at the same time moved forward – not shying away from the feat of arms, Charles IV was engaged in intellectual work a lot. The beginning of his reign was marked by economic growth in Czechia, the king sought to make Czechia the centre of the Holy Roman Empire. His merit is also the cultural upsurge – from the time of Charles IV to the present day, a number of architectural masterpieces have survived, and the University of Prague was founded. In addition, Charles IV became the founder of the world famous resort – Karlsbad.

Keywords: Charles IV of Luxembourg dynasty, Bohemian Kingdom, Holy Roman Empire, Karlsbad, feudalism, Czech architecture, Prague University.

Information about the author: Valeriy V. Dzyuban, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Pedagogic Sciences, Professor of the Department of sociology, history and philosophy of the Financial University under the government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

E-mail: bryanskstudzuban@mail.ru

Article received: June 5, 2020.

For citation: Valeriy V. Dzyuban. Domestic policy of Charles IV of the Luxembourg dynasty: from the beginning of his reign to the founding of Karlsbad. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 111-116 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-111-116>.

Обращаясь к изучению курортного дела и туристического бизнеса в Чехии, да и в Европе в целом, нельзя обойти вопроса об основателях и зачинателях этого дела. Одним из них стал Карл IV Люксембург (1316–1378) – король Германии, король Чехии и император Священной Римской империи германской нации, ставший основателем красивейшего из европейских курортов – Карлсбада (ныне – Карловы Вары).

О внутренней политике Карла IV в отечественной историографии писалось крайне мало. Отметим несколько основных работ, в которых содержатся наиболее важные сведения о жизни и деятельности Карла IV. В обобщающем труде Л.П. Лаптевой об истории Чехии периода феодализма Карлу IV уделено достаточное внимание. Автор характеризует эпоху его правления как вершину могущества средневекового Чешского королевства. По мнению исследовательницы, благодаря природным дарованиям своего короля, Чехия достигла высокого уровня в развитии, однако после его смерти все противоречия феодального общества серьезно обострились [Лаптева 1993: 131]. А.Н. Галамичев в своих работах называет период правления Карла IV «золотым веком» Чешского государства. Король, по примеру французских Капетингов, укреплял собственную власть в стране и заботился о ее экономическом и культурном процветании. При этом автор уточняет, что Карлу IV удалось построить сильное государство в крайне напряженной ситуации в Европе того времени: шла Столетняя война, папство вынашивало планы освобождения из Авиньонского пленения, шла эпидемия «черной смерти» и т. д. [Галамичев 2010: 12]. В других работах Карл IV представляется как весьма деятельный правитель, высоко оценивается его «дружба» с церковью, которая, однако, не приводила к чрезмерному усилению последней ни в Чешском королевстве, ни в Священной Римской империи [Гордейчук 2017: 109].

В современной чешской историографии период правления Карла IV также оценивается очень высоко. В обобщающих работах Карл IV характеризуется как едва ли не ключевая фигура всей средневековой чешской истории [Kalista: 231]. Существуют отдельные труды по культурному подъему в Чехии в период его правления [Fajt: 611]. Тем не менее, общей характеристики начального этапа правления Карла IV (до основания Карлсбада) в историографии практически не представлено. Целью данной статьи является общая характеристика и анализ начального периода правления Карла IV Люксембурга в Чешском королевстве.

Как мы уже упомянули выше, феодальное общество в Чехии достигло своего наивысшего расцвета во время правления Карла IV Люксембурга. Родившийся в 1316 г., наследник чешского престола в юном возрасте был увезен отцом Ио-

ганном (Яном) Люксембургом в Париж и обвенчан с представительницей французской королевской династии Валуа – Бланкой. Однако вскоре чешский принц был разлучен со своей юной супругой и поселен в замке под Парижем. Здесь началась его подготовка к делам государственного управления – образование и воспитание по передовым программам того времени. Учителя Карла IV были знаменитыми высокообразованными докторами теологии и права, а будущий король был слушателем факультета свободных искусств в университете Парижа – месте сосредоточения специалистов, относительно независимых от католической церкви. Такая система образования была ориентирована на воспитание дипломатов и политиков-практиков в гораздо большей степени, чем на других факультетах, ориентированных скорее на религиозное образование, свойственное средневековой Европе.

Помимо обучения в Парижском университете, к управлению государством Карла IV готовили советники французского короля, в особенности оратор и дипломат, будущий римский папа Климент VI, Пьер Рожье [Brien: 240]. По всей видимости, именно с его влиянием стоит связывать понятие Карла IV о теологии, которую он считал основанием для решения земных дел и управления государством. Наследник чешского престола получил при французском дворе образование с преобладанием светского уклона, что можно считать прогрессивным для того времени.

Не была чужда Карлу и рыцарская отвага. В 1332 г. он был участником битвы за крепость Сан-Феличе в Италии. Сам король, позднее написавший автобиографию, в ярких красках представляет момент сражения: его лошадь была убита, а сам он оказался отрезанным от своих. Карл IV пишет: «...но, по милости Божией, одержали мы победу над врагами, и в этом бою посвятили нас вместе с двумястами геройских мужей в рыцарское достоинство» [Лаптева 1985: 61]. В период 1331–1333 гг. Карл IV управлял итальянскими владениями своего отца, он проявил себя способным правителем в сложных перипетиях политики в раздробленной Италии того периода. В 1332 г. в нескольких километрах от Лукки он построил крепость, названную в его честь – Монте-Карло. В конце 1333 г. Карл IV прибывает в Чехию, а с января следующего 1334 г. начинает исполнять функции моравского маркграффа, т. е. фактически становится соправителем своего отца, ослепшего к тому времени и получившего прозвище Ян Слепой. Получив реальные бразды правления в целом государстве, Карл IV деятельно укрепляет королевскую власть – щедрой рукой раздает земли монастырям, епископам, капитулам, предоставляет им различные привилегии и льготы, ищет в них опору для борьбы с непокорным чешской короне дворянством [Лаптева 1993: 49]. 11 июня 1341 г. Иоганн Люксембургский созывает

чешское дворянство и оглашает свое последнее решение: после его смерти новым чешским королем должен стать Карл IV, его сын.

Став королем в 1346 г., Карл IV определяет своей главной социальной опорой церковных феодалов. Вероятно, он надеялся противопоставить их непокорному чешскому дворянству. Король одаривал церковные владения привилегиями, освобождал от налогов монастыри, щедрой рукой раздавал милостыню в угоду церкви. Своих советников он избирал в первую очередь из среды католического духовенства. Такое доброжелательное отношение к церкви сказалось, в первую очередь, на церковной архитектуре – одном из главных земных богатств церкви. 21 ноября 1344 г. началась готическая перестройка кафедрального собора св. Вита в Пражском граде. Вслед за этим, по всей вероятности, в третьей четверти XIV в. на средства бюргеров Старого Места Пражского началась столь же грандиозная перестройка собора Девы Марии перед Тыном на Староместской площади [České umění gotické: 91].

Подобную же политику Карл IV проводил и в отношении городов. Он давал им привилегии, покровительствовал развитию ремесла и торговли, устанавливал связи Чехии с соседними странами – и в городах король видел силу, противодействующую чешскому дворянству, на которую можно было сделать ставку в надежде на укрепление собственной власти.

Карл IV видел большие возможности транзитной торговли в Чехии. Он стремился к тому, чтобы через Чехию шли связывающие запад и восток Европы торговые пути. В этом ключе стоит рассматривать и пожелание молодого короля расширить Прагу. 8 марта 1348 г. королем была издана грамота об основании Нового Города пражского. В грамоте, в частности, отмечалось: «Город пражский ... расположенный в центре королевства на плодороднейшем месте, посещаемый народами из разных краев и частей света, дома и здания которого не могут, как подобает, вместить его жителей и тысячи приезжего люда, и стечение людей, которых никто не может счесть, ... ради общего блага мы расширяем и увеличиваем согласно ясному и дальновидному плану» [Codex juris...: 812].

Рассматривая историю основания Нового Города пражского, многие историки отмечают грандиозность градостроительных замыслов Карла [Lorenz: 273], без сомнения, искавшего вдохновение в образцах градостроительных решений итальянских городов XIV в., с которыми он познакомился в годы юности, управляя в 1331–1333 гг. владениями Люксембурга в Северной Италии. В отличие от Старого Места с его сложной паутиной улиц и улочек, стихийно складывавшихся в течение столетий, план Нового Города предполагал создание упорядоченной сети широких прямых улиц, связывавших про-

сторные прямоугольные площади (улицы и площади Нового Города пражского не имели себе равных по ширине в городах Европы того времени).

Во многом именно государственно-политические задачи, преследуемые Карлом IV, и определили всю грандиозность его градостроительных замыслов. Основание Нового Города пражского было неразрывно связано с государственно-политической концепцией короля, одним из звеньев которой являлось превращение Чехии в ядро Священной Римской империи, а Праги – в ее столицу. Прага, по мысли Карла IV, должна была стать не только блестящей резиденцией римского императора, но и важнейшим центром международной торговли на континенте, связующим звеном между Восточной и Западной Европой, а также средоточием духовной жизни. Если в античные времена все дороги вели в Рим, то теперь все дороги должны были вести в Прагу.

Очагом духовной жизни столицы должен был стать основанный в том же 1348 г. в Праге университет – первый в землях империи к северу от Альп, а также первый университет в Центральной Европе вообще [Рандин: 14]. Хроника Пражского университета, содержащая информацию об этих событиях, сообщает: «В лето Господа нашего 1348-е император Карл основал в Праге университет для изучения теологии, канонического права, медицины и свободных искусств» [Codex juris: 567]. Очевидно, что при создании университета в Праге король вдохновлялся опытом, полученным в Париже в годы своей юности. Именно в учредительной грамоте Пражского университета, изданной 7 апреля 1348 г., роль Чешского королевства вообще и Праги в частности в государственно-политической концепции Карла IV определена наиболее отчетливо. В Пражский университет были приглашены крупнейшие ученые-доктора со всей империи. Королю удалось получить разрешение папы римского на возможность присвоения университетом степени магистра теологии. В новом учебном заведении были заложены основы для исследований в разных областях точных и естественных наук: астрономии, математики, медицины и др.

Большое внимание король уделял развитию духовной культуры в стране, правда, делал это весьма своеобразно. Карл IV заботился о развитии литературы, искусства, музыки, научного творчества. Он был главным инициатором приглашения к своему двору и в университет ученых, писателей, поэтов, художников, скульпторов. Без сомнения, Чехия стала сосредоточением лучших культурных сил Европы того времени.

В особом направлении развивалась историческая проза. «Она находилась под сильным влиянием и личным контролем Карла IV. Историография служила в основном для удовлетворения политических потребностей короля и носила, выражаясь

современным языком, пропагандистский характер. Это доказывает несколько основных тенденций того времени: во-первых, хроники писались исключительно на латинском языке и предназначались для узкого круга образованных людей. Во-вторых, хронистов Карл IV выбирал лично. Им предоставлялся соответствующий материал, а король, в свою очередь, лично принимал участие в создании хроник. Суровая цензура и личный контроль короля сильно препятствовали развитию литературных талантов того времени, ввиду чего хроники этой эпохи не достигли уровня произведений предшествующего периода в истории Чехии – хроники Збраславской и др., и не имели существенного влияния на дальнейшее развитие историографии в Чехии» [Лаптева 1993: 57].

Говоря о главной опоре Карла – церкви – стоит указать, что его союз с ней был чрезвычайно прочным. В 1342 г. папой римским (под именем Климента VI) стал бывший воспитатель чешского короля Пьер Рожье. Карл IV поспешил отправиться в его резиденцию, в Авиньон, где и получил папскую буллу об образовании в Чехии самостоятельного архиепископства. Создание самостоятельной чешской церкви еще более укрепило престиж королевской власти [Галямичев 2010: 13].

Политическая ситуация в Европе того времени складывалась так, что борьба папства и императора достигла своей кульминации – Климент VI отлучил от церкви императора Людовика Баварского (Людвиг Виттельсбах). В качестве кандидатуры нового императора он решил выдвинуть своего воспитанника, чешского короля Карла IV. В результате сложных интриг, зачинателем которых был папа римский, Людовик Баварский был смещен, а германским королем избран Карл. Это произошло 11 июля 1346 г. Однако коронация короля императором Священной Римской империи германской нации произошла только 5 апреля 1355 г. [Галямичев 2010: 51].

Тем не менее, будучи ставленником папы римского, Карл IV никогда не был орудием европейской политики в руках церкви. Церковную идеологию и союз с церковью император использовал исключительно в своих личных политических целях. Примером ему были французские короли, сажавшие на римский престол своих епископов в период «авиньонского пленения». Карл IV скорее был вынужден соотносить свою политику с политикой папской курии потому, что это было необходимо для укрепления его власти и могущества в Чехии.

Стремясь превратить Чехию в центр Священной Римской империи, Карл IV расширял территорию Чешского королевства, упорядочивал его управление, укреплял центральную власть, проводил политику, направленную на всестороннее экономическое развитие страны. Одним из главных было желание короля о сближении чешских

земель с соседними странами, с более развитыми немецкими землями, входившими в состав Священной Римской империи. В 1340-е гг. он проводит мероприятия, способствовавшие развитию торговли. Король вел сложную и обширную дипломатическую деятельность и одновременно строил торговые пути – заботился о судоходстве рек, об устройстве дорог, об охране товаров в пути – мероприятия, которые, по его мысли, должны были сделать Прагу реальной столицей огромной империи.

Много сил положил Карл IV на устройство Пражского града. В 1356 г. в Прагу, по приглашению Карла, прибыл из Швабии Петр Парлерж, ставший создателем специфического готического стиля, распространившегося затем по всей Восточной Европе. В Праге до 1399 г. существовала его мастерская, объединявшая архитекторов, скульпторов, художников. Он в 1357 г. возвел каменный мост через Влтаву (ныне – знаменитый Карлов мост), Староместную мостовую башню и другие постройки [Галямичев 2016: 58]. В Чехии возникло и большое число готических храмов и монастырей. Только для одного Августинского монашеского ордена в период с 1350 по 1375 г. было сооружено 16 монастырей. Карл строил и города: им был основан Карлсбад, позднее ставший крупнейшим чешским курортом, до сих пор популярным и у российских туристов.

Точная дата основания Карлсбада неизвестна, о возникновении города не сохранилось письменных свидетельств, только исключительно устная легенда. Согласно ей, Карл IV очень любил охоту. Однажды в разгар охоты в горах, когда собаки преследовали белую лань, одна из собак неожиданно взвела от боли. Охотник, услышавший вой, бросился к собаке, решив, что она ранена, и был очень удивлен, когда нашел ее. Оказалось, что животное упало в небольшой водоем с очень горячей водой. Карл IV, узнав о случившемся, отправился на место, где все произошло, и обнаружил настоящий шедевр, созданный природой – горячий источник. Личный врач короля предположил, что горячая вода, бьющая из источника, может быть эффективным средством при лечении недугов и даже исцелять тяжелые болезни. Согласно легенде, опустив в воду ногу, которая его долго беспокоила, король почувствовал облегчение и вскоре был исцелен. После своего чудесного выздоровления благодаря горячей минеральной воде, Карл IV повелел выстроить в этом прекрасном месте город, который получил его имя – Карлсбад [Ворошилин: 84].

Карл IV был одарен государственным умом, в высшей степени искусен в политике. Для него коварство, вероломство, цинизм были вполне приемлемыми свойствами правителя, король постоянно к ним прибегал, если это диктовалось государственной необходимостью. В то же время Карл IV «был человеком широкого кругозора, свободным от

фанатизма и твердолобого политического формализма. Общеизвестна его терпимость к иным, чем у него самого, и даже противоположным взглядам. Так, он находился в дружбе с Франческо Петраркой, взгляды которого на власть были совершенно иными, чем у императора» [Лаптева, 1993: 61]. Некоторое время в Чехии король удерживал Кола ди Риенцо, с которым вел беседы и переписку, хотя знал, что этот человек объявлен католической церковью еретиком. Хотя авиньонский папа несколько раз требовал выдачи ди Риенцо, Карл IV оттягивал эту акцию, ожидая изменения ситуации.

Столь колоритная во всех отношениях личность, Карл IV привлекал внимание современников. Сохранилось даже одно исчерпывающее описание внешности императора. Это описание дошло до нас в хронике Маттеуса и Филиппа Виллини. Авторы подчеркнули, что Карл IV был среднего роста, немного согбенный, с шеей и головой, сдвинутыми вперед, у «него были черные волосы, широко расставленные большие глаза, широкое и полное лицо, черная борода, лысина над лбом. Итальянцы видели его в торжественном застегнутом сверху донизу одеянии, длиной до колен» [Лаптева 1993: 62].

Итак, в период правления Карла IV Чехия достигла вершины своего могущества, а феодализм – своей зрелости. Однако эти успехи короля не означают, что в его деятельности все было правильно и разумно. Укрепляя свое влияние, Карл IV, скорее всего, мало задумывался в целом о будущем королевской власти. Во время его правления многое определялось именно личностью короля, его стратегией развития страны, которая была очень неоднозначна. Усиление роли и влияния церкви, превращение ее в могущественную организацию вызвали в период церковного раскола в Европе недовольства, вылившиеся в раннюю реформацию и гуситские войны. Сближение с немецкими землями, проводимое Карлом IV, отозвалось позднее обострением национальных противоречий. А созданный Пражский университет по мере усиления социальной борьбы стал центром критики общественного порядка.

Список литературы

- Ворошилин С.И. Топонимические войны в мире – насильственная смена топонимов вследствие войн, революций и колонизации // Вопросы всеобщей истории. 2011. № 13. С. 80–98.
- Галиамичев А.Н. Кирилло-Мефодиевская традиция в государственной концепции Карла IV Люксембурга // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. История. Международные отношения. Вып. 2. С. 12–14.
- Галиамичев А.Н. Балканы, Византия и Ближний Восток в политике Карла IV Люксембурга // История и историческая память. 2016. Т. 13–14. С. 43–50.

Гордейчук С.С. Политика Карла IV Люксембурга по отношению к духовенству Священной Римской империи // Религия и общество – 11. Сборник научных статей XI Международной научно-практической конференции. Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова. 2017. С. 108–111.

Лантева Л.П. История Чехии периода феодализма (V – середина XVII в.). М.: МГУ, 1993. 159 с.

Лантева Л.П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 г.). М.: МГУ, 1985. 199 с.

Рандин А.В. Организация и содержание научно-педагогического процесса в Пражском университете (XIV–XV вв.) // Запад – Восток. 2018. № 11. С. 13–48.

Brien R.P. Lives of the Popes: The Pontiffs from St. Peter to John Paul II. San Francisco, 2000. 548 p.

Codex juris municipalis regni Bohemiae. T. I. Pragae, 1884. 1346 s.

České umění gotické. 1350–1420. Praha, 1970. 372 s.

Fajt J. Karel IV., císař z Boží milosti: kultura a umění za vlády Lucemburků 1310–1437. Praha: Academia, 2006. 679 s.

Kalista Z. Karel IV.: jeho duchovní tvář. Praha: Vyšehrad, 2007. 245 s.

Lorenz O. Nove Město pražské. Praha, 1973. 273 s.

References

Voroshilin S.I. *Toponimicheskie voyny v mire – nasil'stvennaia smena toponimov vsledstvie vojn, revoliutsii i kolonizatsii* [Toponymic wars in the world – a violent change of toponyms as a result of wars, revolutions and colonization]. *Voprosy vseobshchei istorii* [Questions of general history]. 2011, № 13, pp. 80–98.

Galiamichev A.N. *Kirillo-Mefodievskaia traditsiia v gosudarstvennoi kontseptsii Karla IV Liuksemburga* [Cyril and Methodius tradition in the state concept of Charles IV of Luxembourg]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta* [Izvestia of Saratov University]. 2010, vol. 10, Ser. Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia, Issue 2, pp. 12–14.

Galiamichev A.N. *Balkany, Vizantiia i Blizhnii Vostok v politike Karla IV Liuksemburga* [The Balkans, Byzantium and the Middle East in the Politics of Charles IV of Luxembourg]. *Istoriiia i istoricheskaia pamiat'* [History and Historical Memory]. 2016, vol. 13–14. pp. 43–50.

Gordeichuk S.S. *Politika Karla IV Liuksemburga po otnosheniiu k dukhovenstvu Sviashchennoi Rimskoi imperii* [The policy of Charles IV of Luxembourg in relation to the clergy of the Holy Roman Empire]. *Religiia i obshchestvo – 11. Sbornik nauchnykh statei XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Religion and Society - 11. Collection of scientific articles of the XI International Scientific and Practical Conference]. Mogilev, 2017, pp. 108–111.

Lapteva L.P. *Istoriia Chekhii perioda feodalizma (V – seredina XVII v.)* [History of the Czech Republic during the period of feudalism (V – middle 17th century)]. Moscow, MGU Publ, 1993, 159 p.

Lapteva L.P. *Pis'mennye istochniki po istorii Chekhii perioda feodalizma (do 1848 g.)* [Written sources on the history of the Czech Republic during the feudal period (up to 1848)]. Moscow, MGU Publ, 1985. 199 p.

Randin A.V. *Organizatsiia i sodержanie nauchno-pedagogicheskogo protsessa v Prazhskom universitete (XIV–XV vv.)* [Organization and content of the scientific and pedagogical process at the University of

Prague (XIV-XV centuries)]. Zapad – Vostok [West – East], 2018, № 11, pp. 13–48.

České umění gotické [Czech gothic art]. 1350–1420. Prague, 1970. 372 p.

Fajt J. *Karel IV., císař z Boží milosti: kultura a umění za vlády Lucemburků 1310–1437* [Charles IV., Emperor by the Grace of God: Culture and Art during the Reign of the Luxembourgs 1310–1437]. Prague, Academia Publ., 2006. 679 p.

Kalista Z. *Karel IV.: jeho duchovní tvář* [Charles IV: his spiritual face]. Prague, 2007. 245 p.

Lorenz O. *Nové Město pražské*. [New Town of Prague]. Prague, 1973. 273 p.

РЕЦЕПЦИЯ ФРАНЦИСКАНСКОЙ МИСТИКИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ XVII В.

*Европейская поэзия XVII в. обладает сложным метафорическим языком, понимание которого во многом зависит от понимания различных контекстов. Это особенно касается религиозной лирики, не только использовавшей метафоры, мотивы и сюжеты Библии, но воспринявшей библейский текст сквозь призму определенной конфессии, а зачастую – определенного течения внутри конфессии. Раскрытие такого культурно-исторического кода необходимо для рецепции и адекватной интерпретации поэтического текста. Францисканство как особое направление католической духовности оказало огромное влияние на европейскую литературу, в частности на религиозную поэзию Средневековья, Возрождения и эпохи барокко, то есть конца XVI–XVII вв. В статье рассматриваются ключевые образы и мотивы францисканской духовности, нашедшие отражение в немецкой мистической поэзии (на материале поэзии Иоганнеса Шеффлера, или Ангелуса Силезиуса). Помимо традиционных мотивов нищеты, Божественной любви, в творчестве Силезиуса выделяются также идеи о соотношении Творца и твари, характерные для богословия и религиозных переживаний францисканцев. В поэзии эти идеи, как и сам опыт общения с Божественным передается через поэтический язык – метафоры, а также через особый прием *concordia discors*, или соединения несоединимого.*

Ключевые слова: религиозная лирика, метафорика, рецепция, мистика, францисканство, образность, интерпретация, барокко, Ангелус Силезиус.

Информация об авторе: Волкова Анна Геннадьевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7944-2431>, кандидат филологических наук, Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Калужская духовная семинария Калужской Епархии Русской Православной Церкви», г. Калуга, Россия.

E-mail: volk8585@bk.ru

Дата поступления статьи: 12.07.2020

Для цитирования: Волкова А.Г. Рецепция францисканской мистики в европейской поэзии XVII в. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 117-121. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-117-121>.

Anna G. Volkova
Kaluga Theological Seminary

THE RECEPTION OF FRANCISCAN MYSTICS IN EUROPEAN POETRY OF THE 17TH CENTURY

*European poetry of the 17th century has its own complicated metaphoric language the interpretation of which depends on understanding of different contexts. It is especially true about religious poetry that does not only use metaphors, motifs and stories from the Bible but also perceive the biblical text through some confessions and often through some directions within a confession. Such cultural and historical code is important and necessary for reception and interpretation of poetical text. Franciscans as a special direction in Roman Catholic spirituality influenced very much on European literature and especially on religious poetry of Middle ages, Renaissance and Baroque i.e. the late 16th – 17th centuries. The main point of the article is studying of key images and motifs of Franciscan spirituality that were expressed in German mystical poetry (on texts by Johannes Scheffler familiarly known as Angelus Silesius). Except traditional motifs of poverty, God's love, one can find out thoughts about relationships between the Creator and its creature popular in theology and religious experience of Franciscans in his poetry. In poetry such ideas as an experience of communication with God are transmitted through poetical language, metaphors and also through special mean of *concordia discors* or connecting unconnectable.*

Keywords: religious poetry, metaphoric, reception, mystics, Franciscan monasticism, imagery, interpretation, Baroque, Angelus Silesius.

Information about the author: Anna G. Volkova, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7944-2431>, Candidate of Philological Sciences, Religious organisation – theological educational organisation of higher education “Kaluga Theological Seminary of Kaluga Diocese of Russian Orthodox Church”, Kaluga, Russia.

E-mail: volk8585@bk.ru

Article received: July 12, 2020

For citation: Volkova A.G. The reception of Franciscan mystics in European poetry of the 17th century. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 117-121 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-117-121>.

Францисканская мистика представляет собой особое явление христианского мистического опыта. В личности святого Франциска Ассизского соединились черты, с одной стороны, деятеля, миссионера, проповедника, с другой – созерцателя, мистика, сподобившегося видения распятого Христа и воспринявшего стигматы. Эти две линии были впоследствии восприняты орденом францисканцев, разделившихся на конвентуалов (умеренных), обосновавшихся в монастырях, и обсервантов (спиритуалов), проповедовавших радикальные идеи полного отречения от всякого имущества и полного посвящения себя Богу. Однако не совсем правомерно считать, что мистицизм стал отличительной чертой той ветви францисканства, которую часто называют спиритуалами. Среди них – Якопоне да Тоди, Убертино Казальский, Анджеоло Кларенский – те, чьи произведения оказали влияние на поэзию самого Данте. Но среди других, «нерадикальных» францисканцев мистицизм как путь непосредственного общения, соединения человека с Богом проявился в сочинениях прежде всего св. Бонавентуры, описавшего ступени пути человеческой души к Богу.

Мистика представляет собой опыт, который не может быть адекватно выражен вербальными средствами, поэтому для описания мистических переживаний часто применялся образный, метафорический язык, то есть язык поэзии, не подлежащий буквальной интерпретации. Многие монахи-францисканцы и терциарии – представители так называемого третьего ордена, или ордена францисканцев-мирян, были поэтами, как, например, уже упомянутый Якопоне да Тоди, автор поэтического текста «Stabat mater» (или Плач Богородицы), ставшего впоследствии церковным католическим гимном [Арсеньев: 114–115]. Сам основатель ордена, святой Франциск Ассизский, запечатлел свои мистические откровения и переживания не только в форме проповеди, но и в поэтических произведениях, самое известное из которых – «Гимн брату Солнцу» – стал одним из самых ранних стихотворных текстов, написанном не на латыни, а на национальном – итальянском – языке (точнее, умбрийском наречии). Поэзия явилась той наиболее адекватной формой, которая смогла вместить особый душевный опыт, не схоластический, не рациональный, а иррациональный, мистический. Мотивы францисканской мистики уже начиная со Средних веков проникали в поэзию Европы, особенно в поэзию с религиозно-философской проблематикой. Для полноты рецепции и интерпретации европейской лирики необходимо обратиться к францисканской мистике как к своеобразному духовному «коду», помогающему прочтению и пониманию художественных текстов. Кроме того, для исследования возможностей выражения мистического опыта важно рассмотрение духовной лири-

ки, в которой поэтическим языком часто выражается то, что не поддается адекватному выражению средствами обычного языка.

Влияние францисканской лирики, мистики, духовности прослеживается не только в поэзии Средневековья или Возрождения, но и в религиозно-философской европейской лирике XVII в. – особой эпохи, традиционно считающейся переходным временем в культуре и литературе. Именно в XVII веке остро ощущается разорванность, раздробленность мира; человек чувствует себя одиноким, оставшимся один на один с хаотичной, изменчивой Вселенной: «Человек конца Возрождения ищет опору не вовне, а внутри себя... Всплеск религиозного творчества на исходе Кватроченто, и особенно в середине следующего столетия, был обязан мучительному желанию обрести устойчивость, достичь равновесия между личностью и обществом... желание духовного обновления» [Дажина: 190–191].

На первый взгляд, рассматривая литературу XVII в., можно говорить о том, что францисканская духовность, влияние которой отчетливо ощущалось на протяжении веков, утратила свою силу: в религиозной поэзии XVII в. трудно встретить имена св. Франциска и известных францисканцев, а также конкретные образы францисканской средневековой поэзии или проповеди. Это позволяет в некоторых случаях отрицать наличие текстуальной зависимости. Однако есть и другой род зависимости одного духовного, культурного явления (поэзии) от другого (францисканской мистики): эту зависимость можно назвать контекстуальной. Религиозная лирика XVII в. погружена в контекст духовных явлений и течений своего времени, связанных с духовностью предшествующих эпох. Примером различной рецепции францисканской мистики может послужить творчество Иоганнеса Шеффлера, более известного под псевдонимом Ангелус Силезиус (1624–1677).

Как правило, говорят о влиянии на творчество Силезия двух германских философов: средневекового мистика Мейстера Экхарта и современника Шеффлера, Якоба Бёме. Разумеется, некоторые особенности немецкой мистики нашли свое отражение в поэзии «Силезского Ангела». Однако творчество Ангелуса Силезиуса находилось как бы на стыке нескольких религиозно-философских систем: из протестантизма он перешел в католичество, став францисканским монахом, и при этом в стихах уходил от религиозных догм в сторону мистики. Неортодоксальность мистики Силезия рассматривалась исследователями неоднократно, однако существует одна тема, которая до сих пор не затрагивалась при анализе творчества Шеффлера – это влияние на него францисканской мистики и францисканской духовности, обусловленное религиозной принадлежностью самого поэта, которая была им выбрана сознательно.

Ангелус Силезиус выпустил по крайней мере два поэтических сборника, однако самым известным является сборник поэтических монодистихов «Херувимский странник» (Cherubinischer Wandersmann). В нем Ангелус Силезиус говорит именно на том самом метафорическом языке, варьируя несколько мотивов францисканского мистического опыта. В «Херувимском страннике» нашли свое поэтическое выражение четыре основных аспекта францисканской мистики:

1. Мистическое постижение Творца через творение. Этот принцип не был новым для христианства – еще апостол Павел в Послании к римлянам сформулировал идею о том, что Творец созерцается через творение: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1:20). Акцентирован этот принцип был именно францисканством: «Техника спиритуализации физического через возведение творений к их божественному источнику является древней чертой христианской набожности... Знаменитая «Песнь брата Солнца» (св. Франциска Ассизского)... пытается подвести нас к более высокому осознанию Божественной славы...» [Grant: 93]. Обращение Франциска к творениям не есть акт пантеизма, как указывают исследователи, но попытка выразить мистическое единение с Богом через обращение и воспевание в поэтической форме Божественных творений (солнца, луны, звезд, воды и т. п.). В поэтическом языке Силезиуса принцип восхождения от созданий к Создателю выражается метафорой непрерывного пения-восхваления:

Die Creaturen sind Gottes Widerhall.
Nichts weset ohne Stimm: Gott höret überall,
In allen Creatum, sein Lob und Widerhall
(Творения – это отзвук Творца.

Ничто не существует безголосым: Бог слышит повсюду,
Во всех созданиях Себе хвалу и песню) [Ангелус: 167]¹.

С другой стороны, Силезиус говорит о творении как о «проекте», «наброске» (entwerffung) Творца:

Gott kennt man am Geschöpfte.
Got der verborgne Gott wird kundbar und gemein
Durch seine Creatum, die sein' entwerffung seyn
(Творец познается через творение.
Бог, сокрытый Бог, предстает
В своих созданиях, которые есть Его образ).

В этих строках Силезиус предстает вовсе не пантеистом, как и св. Франциск в «Песни брата Солнца»: Создатель и создание не тождественны, но находятся в отношении подчинения, подобного подчинению произведения своему автору. Мистическое прозревание Творца в творении выражено в лирике Силезиуса через музыкальную и «художественную» метафоры: Бог явлен как Дирижер вселенского хора и как художник.

2. Любовь как путь к соединению с Богом. Соединение с Богом – конечный пункт мистического опыта. Францисканство рассматривает любовь

в различных ее аспектах: одновременно и как путь к Богу, и как конечную цель этого пути. Память о Божественной любви становится для св. Франциска тем центром, вокруг которого сосредоточивается его восприятие любви. В наставлениях, правилах и молитвах святого памятование о любви Бога к человеку находит свое частое выражение: «Истинные миротворцы те, кто во всех злосчастьях, какие терпят в этом мире, ради любви Господа нашего Иисуса Христа хранят мир в душе и теле» (Наставления, XV, О миротворцах) [Истоки: 96]; «Хвала Тебе, Господи мой, за тех, кто прощает ради Твоей любви и претерпевает лишения и труды» (Песнь брата Солнца) [Истоки: 140]; «Да поглотит, молю Тебя, Господи, пламенная и сладостная сила любви Твоей душу мою от всего, что под небом, чтобы я умер от любви к любви Твоей, как Ты изволил умереть ради любви к любви моей» (Молитва «Absorbeat», «Да поглотит...») [Истоки: 146].

Значительная часть поэтических монодистихов пятой книги «Херувимского странника» посвящена любви в различных ее проявлениях, о чем свидетельствуют названия стихов: Der Liebe ist alles Unterthan (Любовь – превыше всего), Die Lieb ist höchste Gutt (Любовь – высшее благо), Gott hat keinen eignern Nahmen als Liebe (У Бога нет другого имени, кроме как Любовь). Многогранность любви, ее сложность и рациональная непознаваемость облакаются в дихотомическую форму антонимической пары:

Die Liebe ist Feuer und Wasser.
Die Lieb ist Flutt and Glutt: kan sie dein Hertz empfinden,
So löscht sie Gottes Zorn, und brennt hinweg die Sünden
(Любовь – это огонь и вода.
Любовь – поток и жар: если она поселится в твоём сердце,
То она погасит Божий гнев и сожжет грехи)

[Ангелус: 382].

Понятие «любовь» метафорически выражается парой образов «вода – огонь»: для адекватного выражения мистического переживания используется принцип concordia discors (или discordia concors) [Махов: 98], или сочетания несочетаемого. Эта метафора продолжается в паре других образов: гнев Божий – это огонь, загашаемый любовью; грехи – грязь, сжигаемая любовью. Этот поэтический прием может быть осмыслен двояко: на стилевом уровне (как примета барочного стиля) и на уровне религиозно-философском (как попытка образно выразить мистическое откровение). Любовь осмысливается в такой бинарной оппозиции в связи с тем, что иначе опыт ее постижения невыразим: именно невыразимость объекта (в данном случае – переживания) обуславливает частотность поэтического приема дихотомии, соединения несоединимого.

3. Нищета. Принцип отказа от имущества ради обретения жизни вечной, на первый взгляд, имеет мало общего с мистическим опытом. Однако для св. Франциска и для францисканства нищета означала не только отказ от материального, но

и нищету в духовном смысле, то есть самоумаление вплоть до самоуничужения. Самоумаление для францисканства есть один из путей подражания кенозису Христа, «глубоко пережитый опыт человека, укорененный в подражании Христу, пришедшему к нам в образ бедном и униженном» [Францисканская харизма: 19].

Смирение, самоумаление как нерациональный путь постижения Божественного выражен в поэтической системе Силезия последовательностью антонимов:

Verkleinerung erhebt.
Verkleinere dich selbst, so wirstu gross mein Christ,
Je schönere du dich schätzst, je würdiger du bist
(Умаление возвышает.
Христианин, умали себя, и станешь большим,
Ведь чем более ты скрываешься, тем ты достойнее)
[Ангелус: 388].

Две пары антонимов здесь выражают суть понятия смирения, «меньшесть»: «умаление – возвышение», «сокрытый – достойный». При этом слова второй пары являются антонимами лишь контекстуально, на уровне распространенной барочной метафоры: то, что сокрыто, есть сокровище, оно лучше, достойнее того, что явлено. Как и в случае с концептом любви, здесь невыразимый опыт переводится в вербальную сферу антиномичным путем, или путем соединения несоединимого.

4. Мистический образ Серафима. Как известно, францисканский орден получил название Серафического, а св. Франциска иногда называют Серафическим Отцом. Это связано с одним из самых мистических эпизодов в жизни святого: обретением стигматов на горе Верна, когда Франциску было явлено видение распятого Христа-Серафима, – Христос, явившийся святому, одновременно имел шесть крыльев, подобно ангелу серафиму, и был при этом распят на кресте [Первое Житие Франциска: 98–101]. После этого мистического видения св. Франциск получил стигматы – кровоточащие раны на тех участках тела, где предположительно находились раны распятого Христа.

В лирике Силезиуса образ-символ серафима связывается с понятием любви:

Dass Seraphinische Leben.
Auss Liebe gehn und stehn, Lieb äthmen, reden, singen:
Heist seine Lebenszeit wie Seraphim verbringen (II, 254)
(Серафическая жизнь.
В любви ходить и жить, любовью дышать, говорить, петь –
Это и значит жить как серафим) [Ангелус: 184].

Любовь выступает здесь как принцип человеческого бытия, причем Силезиус обыгрывает известные слова апостола Иоанна, земным языком повествующего о небесных тайнах: «Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16). Выстраивается своеобразная цепочка: жить в любви – жить в Боге – жить как серафим – жить как св. Франциск – жить как Христос. В этом дистихе, как и в некоторых других, мы сталкиваемся с некоторой рационализацией

мистики, с попыткой ее перевода в сферу мысли путем использования перифразов (св. Франциск – серафим) и библейских аллюзий (жить в любви – жить в Боге).

Таким образом, мистический опыт находит свое выражение в поэтическом языке через метафоры, а также через особый прием соединения несоединимого, напрямую связанный с евангельской историей спасения: «Одновременная истинность противостоящих идей: страдание Христа – ...наше исцеление; Его смерть – наша жизнь; Его унижение вместе с тем – Его слава; терновый венец – та же корона...» [Махов: 108–109]. Для рецепции и интерпретации религиозной поэзии важна ее связь не с рациональным, схоластическим путем постижения Божественного, а с непосредственным опытом общения с Богом. Поэзия становится своего рода богословием на высшем уровне, откровением. Об этом феномене говорила Эдит Штайн в своем исследовании «Наука Креста»: «Для творческой природы естественно преобразовывать то, что воздействует на нее внутренне, в образ, требующий внешнего выражения... всякое настоящее искусство становится “откровением” и всякое творчество – святым служением» [Винарова: 14–15].

Примечания

¹ Весь немецкий текст сборника Ангелуса Силезиуса цитируется по изданию: *Ангелус Силезиус. Херувимский странник*. СПб.: Наука, 1999. 509 с. (Русский подстрочник мой. – А. В.)

Список литературы

- Ангелус Силезиус. Херувимский странник*. СПб.: Наука, 1999. 509 с.
- Арсеньев Н.* Единый поток жизни (к проблеме единства христиан). Брюссель: Жизнь с Богом, 1993. 308 с.
- Винарова Л.* Предисловие // Святой Хуан де ла Крус. Темная ночь. М.: Общедоступный православный университет, 2006. С. 9–28.
- Дажина В.Д.* Радикальные религиозные движения XVI века и маньеризм // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М.: Прогресс-традиция, 2003. С. 189–195.
- Истоки францисканства. М.: Духовная библиотека, 1996. 1060 с.
- Махов А.Е.* Musica literaria: Идея словесной музыки в европейской поэтике. М.: Intrada, 2005. 224 с.
- Первое Житие св. Франциска // Цветочки св. Франциска Ассизского. СПб.: Амфора, 2006. С. 7–147.
- Францисканская харизма. М.: Изд-во Францисканцев, 2002. 53 с.
- Grant P.* Images and Ideas in Literature of the English Renaissance. L., The Macmillan Press, 1979, 244 p.

References

Angelus Silesius. *Kheruvimsky strannik* [The Cherubim Pilgrim]. Saint-Petersburg, Nauka, 1999, 509 p. (In Russ.)

Arsenyev N. *Yedinyi potok zhizni (k probleme yedinstva khristian)* [The unified stream of life (an approach to the problem of Christian unity)]. Brussel, Zhizn s Bogom Publ., 1993, 308 p. (In Russ.)

Vinarova L. *Predislovie* [The Introduction]. *Svyatoi Khuan de la Krus. Tyomnaya noch* [Saint Juan de la Cruz. The dark night]. Moscow, Obshchedostupny pravoslavny universitet Publ., 2006, pp. 9–28 (In Russ.)

Dazhina V.D. *Radikalnye religioznye dvizheniya XVI veka i manyerism* [Radical religious movements of the XVI century and mannerism]. *Kultura Vozrozhdenia i religioznaya zhizn epokhi* [The culture

of Renaissance and religious life of the epoch]. Moscow, Progress-traditsya Publ., 2003, pp. 189–195 (In Russ.)

Istoki frantsiskanstva [The Franciscan sources]. Moscow, Dukhovnaya biblioteka Publ., 1996, 1060 p. (In Russ.)

Makhov A.Ye. *Musica literaria: Idea slovesnoy muzyki v evropeiskoy poetike* [Musica literaria: The idea of verbal music in European poetics]. Moscow, Intrada Publ., 2005, 224 p. (In Russ.)

Pervoye zhitie sv. Frantsiska [The first biography of St. Francis]. *Tsvetochki svyatogo Frantsiska Assizskogo* [Fioretti of St. Francis of Assisi]. Saint-Petersburg, Amfora Publ., 2006, pp. 7–147. (In Russ.)

Frantsiskanskaya charisma [The Franciscan charisma]. Moscow, Publ. frantsikantsev, 2002, 53 p. (In Russ.)

**СООТНОШЕНИЕ КОНЦЕПЦИЙ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ»
И «МОСКВА – НОВЫЙ ИЗРАИЛЬ» И ИХ РОЛЬ В ПОСЛЕСЛОВИИ К СОБОРНИКУ 1647 Г.**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-312-90058*

В памятниках древнерусской литературы эпохи Московского государства заметно распространены формулы «Москва – третий Рим» и «Москва – новый Израиль» или «новый Иерусалим». К началу XVII в. они развиваются в полноценные концепции, служащие средствами самоидентификации. Идея «Москва – новый Иерусалим» не получила четкого теоретического оформления, хотя значительно чаще встречается в источниках. Это приводит к тому, что она нередко понимается исследователями лишь как словесная формула. В статье данная идея рассматривается как оригинальная альтернативная концепция, позволяющая скорректировать специфическое содержание теории «Москва – третий Рим». Прослеживается генезис этих двух концепций, их идейное и идеологическое наполнение, а также их судьба в литературе и историко-политическом дискурсе XVII в. Исследуется вопрос о соотношении политических и церковных амбиций Московского государства, выраженном в указанных теориях. Такая перспектива позволяет рассматривать выбор книжниками формулы «новый Иерусалим» в послесловии к Соборнику 1647 г. как своеобразный маркер, указывающий на общественно-политическую тональность памятника. Автор статьи исходит из убеждения, что в исследованиях древнерусской литературы экстралитературные факторы имеют не меньшее значение, чем собственно литературные.

Ключевые слова: Соборник, Московское государство, третий Рим, новый Иерусалим, историософия, историческая литература, идеология в литературе, Торжество православия

Информация об авторе: Исакханян Алёна Эдвартовна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7241-9669>, аспирант, научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия.

E-mail: tiwe@inbox.ru

Дата поступления статьи: 20.06.2020.

Для цитирования: Исакханян А.Э. Соотношение концепций «Москва – третий Рим» и «Москва – новый Израиль» и их роль в послесловии к Соборнику 1647 г. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 122-127. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-122-127>.

Alyona E. Isakhanyan

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

**THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS “MOSCOW, THIRD ROME”
AND “MOSCOW, NEW ISRAEL” AND THEIR ROLE IN THE EPILOGUE TO COLLECTION OF 1647**

The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90058

In the ancient Russian writings of the Moscow State era, the formulas “Moscow, third Rome” and “Moscow, new Israel” or “new Jerusalem” are noticeably widespread. By the early 17th century they developed into full-fledged concepts that serve as means of self-identification. The idea of “Moscow, new Jerusalem” did not receive a clear theoretical form, although it was more widespread in writings. This leads to the fact that it is often understood by researchers only as a verbal formula. In the article, it is considered as an original alternative concept that allows to adjust the specific content of the theory “Moscow, third Rome”. The genesis of these two concepts, their theoretical and ideological content, as well as their fate in the literature and historical and political discourse of the 17th century are traced. The question of the relationship between the political and church ambitions of Muscovy, expressed in these theories, is investigated. This perspective allows us to consider the choice of the scribes of the formula «new Jerusalem» in the epilogue to the Collection of 1647 as a kind of marker indicating the socio-political tonality of the writing. The author of the article proceeds from the conviction that extraliterary factors are of no less importance than literary factors in studies of Old Russian literature.

Keywords: Collection, Muscovy, third Rome, new Jerusalem, historiography, historical literature, ideology in literature, Triumph of Orthodoxy.

Information about the author: Alyona E. Isakhanyan, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7241-9669>, postgraduate student, researcher of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: tiwe@inbox.ru

Article received: June 20, 2020.

For citation: Isakhanyan A.E. The relationship between the concepts “Moscow, third Rome” and “Moscow, new Israel” and their role in the epilogue to Collection of 1647. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 122-127 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-122-127>.

Вопрос о времени возникновения концепций «Москва – третий Рим» и «Москва – новый Израиль» или «новый Иерусалим» решается специалистами неоднозначно: некоторые усматривают их отголоски уже в Начальной летописи, другие же точкой отсчета предлагают считать 1589 г., когда было учреждено московское патриаршество [Бауэр: 5–7]. Уже вскоре после принятия Киевской Русью христианства в древнерусской исторической литературе начали появляться в той или иной степени концептуально оформленные представления о роли Руси в христианском мире. Историческое самосознание древнерусских книжников главным образом опиралось на идею о «богоизбранности», которая, однако, с течением времени претерпевала изменения в содержании, при этом словесное ее отражение с его формульным характером оставалось относительно неизменным. Это привело к тому, что некоторые исследователи рассматривали концепцию о божественном избрании Руси как нечто однозначное [Ефимов: 33–35]. Однако в первое время понятие «богоизбранности» использовалось книжниками как ветхозаветное свидетельство причастности новокрещеного народа к православному миру. Русь, как и прочие христианские страны, противопоставлялась соседним языческим народам как «избранная страна» [Страхов: 430].

С середины XV в. идейное наполнение понятия об избранности в связи с рядом политических и церковных событий претерпевает некоторые изменения. Содержащиеся в памятниках 1440–1490-х гг. определения роли русской церкви можно верно понять лишь в свете заключения константинопольским патриархатом Флорентийской унии с римской церковью (1439 г.), установления автокефалии московской митрополии (1448 г.), перехода Константинополя под власть турок (1453 г.) и утверждения константинопольским патриархом литовского владыки в сане митрополита «всех Руси» (1470 г.). Во второй половине XV в. в сочинениях книжников все чаще звучат мысли о «торжестве истинного православия», а также начинает формироваться корпус переводных текстов на эту же тему. Они получили широкое распространение в рукописной традиции, а в начале XVII в. в связи с религиозной полемикой на Московском печатном дворе были изданы специализированные сборники, а именно «Сборник о почитании икон» (1642 г.), «Кириллова книга» (1644 г.). Тематический блок произведений о торжестве православия включен в Соборник (1647 г.) – памятник, довольно точно отразивший духовно-политические интересы современников.

Говоря о Руси как об оплоте православия, книжники нередко преследовали цель оправдания тех или иных политических действий, предпринимавшихся русскими правителями. Так, например,

аргументом в пользу похода Ивана III на Новгород объявлялось то, что князь является проводником «сияющего благочестия» церкви, действия которого благословлены Богом [Гольдберг: 113].

Идея о «богоизбранности» Руси дополнилась представлением о преемственности: противопоставляя русское православие греческому, утверждая в качестве причины падения Константинополя его уклонение от истинного православия, книжники проводят мысль о Руси как новой носительнице истинной веры. Таким образом, в XV в. речь идет уже не о том, чтобы вписать Русь в ряд православных держав, но противопоставить им себя. Эта идея была призвана обосновать авторитет московской митрополии и правомерность автокефалии, преподнести новый статус московских церковников как наследников церковной власти Константинополя.

Несмотря на то что уже в сочинениях этой и даже более ранних эпох некоторые исследователи склонны видеть проблески идеи «Москва – Третий Рим», известен факт ее теоретического оформления в начале XVI в. в «Послании на звездочетцев» псковского старца Филофея. В дальнейшем в литературе широко распространилась разъясненная в его произведениях формула «Москва – Третий Рим», которая унаследовала представления о «богоизбранности» Руси и теперь поместила ее в более широкий мировой контекст.

В эпоху Ивана Грозного большое значение приобрел такой аспект теории старца Филофея, как родословная преемственность русских царей от римских, символически представляющая передачу власти русским правителям от Константинополя в дарении царских регалий императором Константином Мономахом князю Владимиру Мономаху. Это учение находит свое выражение в «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы и «Сказании о князьях Владимирских». Идеи «Послания...» и «Сказания...» были запечатлены в таком официальном памятнике историографии эпохи Ивана Грозного, как «Степенная книга царского родословия». В «Степенной книге...» (степень IV, глава 8) представлен сюжет о дарах – регалиях греческого императора Константина Мономаха, врученных киевскому князю Владимиру Мономаху, разработанный в «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы и в «Сказании о князьях Владимирских». Рим именуется в «Степенной книге...» «старым Римом», а Константинополь трактуется как новый Рим. Однако непосредственных упоминаний теории «Москва – Третий Рим» в этом памятнике нет. «Авторы Степенной Книги воспринимали Москву как Новый Иерусалим, ее жителей – как избранный народ, а расширение Московского государства описывали как путь в Землю Обетованную» [Ленхофф: 135–136]. На материале «Степенной книги...» и других столь же авторитетных памятников А.С. Усачёвым была

убедительно продемонстрирована маргинальность филофеевской теории «Москва – третий Рим», лишь эпизодически появлявшейся в источниках XVI–XVII вв. [Усачёв: 83–84]. Например, «Римская идея» богато представлена в панегирических сочинениях XVII в. – в частности, в виршах Симеона Полоцкого. Однако в них уподобление царя Алексея Михайловича римскому императору Константину Великому часто приобретает условный, сугубо риторический характер (в отличие от историко-философской глубины концепции «Москва – Третий Рим»). Панегирические вирши в целом имеют тенденцию развивать имперский, вселенский мотив – и в этом смысле Рим важен лишь как маркер, знак этой вселенскости. К середине XVII в. в России происходит «византинизация» придворной культуры и ритуала – в частности, при Алексее Михайловиче устанавливается практика причащения царя по чину священнослужителей – как это делали византийские императоры. Эта тенденция тоже служит для демонстрации принятия Русью утерянного Константинополем статуса. В связи с этим, как показала Н.В. Сеницына, словесность XVII в. (в том числе панегирические тексты), культивировавшая тему России – преемницы Византии, была совершенно равнодушно к теории «Москва – Третий Рим». «Апелляции к идее “Третьего Рима” не содержала развивавшаяся в XVII в. мысль о “константинопольском наследии” (в разных его составных частях) и о роли русского царя в освобождении Константинополя» [Сеницына: 310].

Между тем в литературе все большее распространение получает во многом схожая, но отнюдь не равнозначная концепция «Москва – новый Израиль» – тема, которая преимущественно лучше представлена в источниках [Rowland: 591], чем идея Третьего Рима, и отвечает на тот же фундаментальный вопрос о самоидентификации Московского государства. Обе темы были продуктами восприятия истории московскими книжниками как последовательности избранных народов: от Израиля к Римской империи, от Римской империи к Восточной Римской империи (Византии), и, в конечном счете, к Московскому государству.

Древнерусские писатели, как и европейцы в эпоху раннего Средневековья, представляли свое общество как часть исторического процесса, простирающегося от создания мира до Апокалипсиса, и, несомненно, имели представление об авторитете и значении Рима как части этого процесса. Тем не менее источники преимущественно указывают на то, что Библия в целом и Ветхий Завет в частности имели гораздо большее влияние на историческое самосознание жителей Московского государства, чем образ Рима. Эта традиция уходит корнями в литературу Киевской Руси. В качестве примера рассмотрим «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, которое часто включалось

в сборники эпохи Московского государства. Оно частично основано на тщательно разработанном сравнении законов Ветхого Завета и Нового Завета, воплощенных соответственно в Агаре и Саре. Идея прообраза и воплощения лежит в основе этого произведения, которое изобилует ссылками на Ветхий Завет. Иларион сравнивает святого Владимира с Давидом, Ярослава Мудрого – с Соломоном, а Собор Святой Софии в Киеве – с Иерусалимским Храмом. Однако в отличие от произведений цикла о Борисе и Глебе – первых русских святых, – где отождествляются русская и библейская история [Успенский: 51], в «Слове...» они противопоставляются. Иларион заявляет, что Киевская Русь превосходит древний Израиль, поскольку «вера благодатная распростёрлась по всей земле и достигла нашего народа русского. И езеро закона пресохло. Евангельский же источник, исполнившись воды и покрыв всю землю, разлился и до наших пределов» [Слово: 606]. Эта точка зрения, подчеркивающая превосходство Руси над Израилем, представляет собой важный этап развития темы «избранного народа», которую продолжила разрабатывать литература Московской Руси.

В свою очередь, автор «Жития Александра Невского» пишет, что лицо Невского было подобно лицу Иосифа [Житие: 359]. Таким образом он объясняет и оправдывает политику Александра по примирению с монголами. Как дружба Иосифа с фараоном (фигурой, часто используемой в качестве символа для монгольского хана) защищала Израиль, так и дружба Александра с ханом защищала Новгород и Русь.

В качестве неотъемлемых частей исторического самоопределения Руси эти ветхозаветные образы были естественно приняты историками в Москве. Они широко использовались (частично под южнославянским влиянием) теми авторами, которые прославляли победу Дмитрия Донского на Куликовом поле в 1380 г. в соответствующем цикле литературных произведений. Автор «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского» посвятил значительную часть своего текста пространному сравнению князя Дмитрия с основателями израильского народа от Адама до Моисея, а в других местах уподобил Дмитрия Моисею и Давиду, хана Мамай – Огу, королю Васана, а татар – амеликитянам. Политические и культурные события XV и начала XVI вв., которые породили различные, явно идеологические работы, упоминавшие теорию о Третьем Риме, а также о династических и религиозных связях между Римом, Константинополем и Москвой, также обусловили интенсивное использование ветхозаветных параллелей и образов. Это отчетливо видно, в частности, в послании епископа Вассиана Рыло к Ивану III на Угрю, в котором Божье освобождение Московской Руси от татар сравнивается с освобождением

дением израильтян от египтян и где в связи с этим Московская Русь называется «новым Израилем».

Одним из наиболее значительных и авторитетных источников официальной идеологической мысли в литературе Московского государства являются Великие Четьи Минеи митрополита Макария. В них прослеживается относительно последовательная система взглядов, касающихся политики Московского государства. В центре ее мысль о Божественном «избрании», принятии божественного предводительства, перешедшего от одного народа и государства к другому.

Несмотря на то что и в ранних текстах имели место явные упоминания Московской Руси как «нового Израиля», «божьего народа» или «Сиона», эти формулы стали более распространенными во время и после Смуты. Патриарх Иов сравнивал церковь в передвижной деревянной крепости, созданной Борисом Годуновым для защиты от татар, с древней израильской скинией, которая способствовала сохранению и спасению города от вторжения языческих варваров, а Федора Иоанновича – с пророком Моисеем, который послал избранную армию Израиля против безбожных амаликитян [Повесть: 79]. Необходимо отметить это последнее сравнение, поскольку ни Федор, ни Моисей не участвовали в фактических боях, но каждый из них как бы гарантировал победу, ходатайствуя перед Богом. В других повестях о Смутном времени мы находим именованья Московской Руси «новым Сионом», «новым Израилем», «остатком христианского племени», а ее жителей – «народом господним», «Божьим народом» или «агнцами». Князь Иван Хворостинин в «Словесах дней, и царей, и святителей московских» пишет: «Мы здесь поистине называемся истинными израильтянами новообращенными...» [Хворостин: 625].

Из многочисленных источников становится очевидной распространенность в литературе представления о Московском государстве как об избранном народе в ветхозаветном смысле, как о религиозном и политическом сообществе, находящемся под божественным покровительством. Библия вообще и Ветхий Завет в частности доминировали в исторических представлениях московских книжников, будучи источником не только языка исторических произведений, но и тех архетипов, на которых основывалось историческое понимание многих более поздних событий – от византийского до московского периода. Это доминирование неудивительно с учетом значимости библейских и ветхозаветных текстов для древнерусской культуры и литературы. В литературе циркулировал обширнейший фонд переводных сочинений, среди которых центральное место принадлежало библейским текстам.

Таким образом, концепции «Москва – третий Рим» и «Москва – новый Израиль» не против-

речат одна другой. Обе идеи являются частями единого представления о ряде христианских империй, сменяющих друг друга вплоть до Апокалипсиса. И сам исторический процесс в течение двух столетий после Ферраро-Флорентийского Собора, который привел к эволюции теории Третьего Рима и других идей, связывающих московскую династию с Августом или описывающих передачу эмблем святости в Москву, также привели к росту употребления ветхозаветных параллелей в исторических сочинениях. Однако образ Московской Руси как нового Израиля, по-видимому, является доминирующим. Ветхозаветное уподобление предоставляет Московской Руси не претензию на всемирную империю, но чувство особой божественной защиты или руководства и роль в священной истории как для царя, так и для его элиты. Так, именование Руси новым Израилем предстает более четко очерченным, ясным и однозначным понятием. Концепция же «Москва – третий Рим» имеет скорее двойственную природу. Благочестие Московского государства, противопоставление его «нечистым» землям сочетается в ней с политическим аспектом, подразумевающим имперский характер первого Рима и «второго» – Константинополя. В связи с названной теорией возникает проблемный вопрос о соотношении власти государственной и церковной. По всей видимости, именно решением этого вопроса предопределялся выбор книжником той или иной формулы: «...двойственная природа Константинополя как политического символа позволяла двоякое истолкование. В ходе одного подчеркивалась благодать и священство, в ходе другого – власть и царство. Символическим выражением первого становится Иерусалим, второго – Рим. Соответственно, идеал будущего развития Московского государства мог кодироваться в терминах той или иной символики» [Лотман, Успенский: 352]. Так, представление о новом Иерусалиме подразумевает присвоение статуса святого, теократического города, а представление о новом Риме – имперской, государственной столицы мира. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, однако, полагают, что в теории «Москва – третий Рим» преобладает религиозная составляющая. Приведем их рассуждение: «...покорение Константинополя турками (1453 г.) приблизительно совпадает по времени с окончательным свержением в России татарского господства (1480 г.); оба эти события естественно связываются на Руси, истолковываясь как перемещение центра мировой святости – в то время как в Византии имеет место торжество мусульманства над православием, в России совершается обратное, т.е. торжество православия над мусульманством. С падением Константинополя московский государь оказывается единственным независимым правителем православного мира, если не считать Грузии, которая с московской позиции представлялась

скорее легендарным царством, нежели географической и политической реальностью. В условиях средневековой идеологии, когда только за носителями истинной веры признается право на истинное бытие, другие народы являются как бы несуществующими, таким образом, глава Московского государства оказывается, на языке этих понятий, властителем всего мира. В этих условиях политический и конфессиональный аспекты доктрины «Москва — третий Рим» соединяются в общем теократическом значении» [Лотман, Успенский: 353–354]. В свете сказанного становится ясно, почему указанная теория продолжает существовать в литературе более позднего периода: в частности, широкое распространение она получила в литературе старообрядцев. По всей видимости, их привлекло эсхатологическое измерение концепции, проявляющееся в выражении старца Филофея «...а четвертому не быть». Такое «пророчество» делает его теорию скорее предупреждением текущих носителей божественной власти, нежели безапелляционным утверждением об авторитете и могуществе Московского государства. Однако в связи с упомянутой выше византизацией царского двора при Алексее Михайловиче и усилением имперских настроений, соотношение религиозного и политического аспектов теории несколько смещается в сторону последнего [Ранчин], что, по всей видимости, и служит причиной временного предпочтения формулы «новый Иерусалим».

В свете вышесказанного представляется неслучайным именование автором послесловия к Соборнику 1647 г. новокрещеной Руси «новым Израилем» [Соборник: 878 об.]. Этот текст представляет собой своеобразное историософское сочинение, в которое вплетены описание книги, цели ее создания и представление о той роли, которую она играет в древнерусской книжности. Именование Руси времен князя Владимира «новым Израилем» служит здесь переходом от истории ранней христианской письменности к кратко изложенной истории древнерусской книжности. Сочинитель послесловия обозначает преемственность русского православия, акцентируя внимание не столько на политических, но на духовно-культурных заслугах первых русских крещеных князей: их рдении в отношении перевода библейских и «душеполезных» сочинений и пр.

Со второй половины XVII в. концепция «Москва — новый Израиль» значительно меньше используется в литературе. Согласно мнению М. Перье, происходит это в связи с полемикой, последовавшей за тем, что Никон назвал монастырь на Истре Новым Иерусалимом. В конце концов, патриарх стал ассоциироваться с Антихристом по ряду причин [Perrie: 80]. Так концепция «Москва — новый Израиль» уходит из исторической литературы, как, впрочем, и теория «Москва — третий Рим», осужденная церковным Собором 1666 г.

Список литературы

Бауэр Е.А. Идея «Москва — третий Рим» в русской общественной мысли конца XV — начала XVII вв.: отечественная историография XX столетия: Монография. Нижневартовск, 2011. 127 с.

Гольдберг А.Л. К предьстории идеи «Москва — Третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М.: Наука, 1976. С. 111–116.

Ефимов Н.И. «Русь — Новый Израиль»: Теократическая идеология своеземного православия в допетровской письменности. Казань, 1912. 50 с.

Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. С. 358–369.

Ленхофф Г.Д. Степенная книга: замысел, идеология, адресация // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий: в 3 т. Т. 1. С. 120–146.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство, 2002. С. 349–362.

Повесть о житии царя Федора Ивановича // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI — начало XVII века. С. 54–103.

Ранчин А.М. Теория «Москва — Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 18.05.2020).

Синицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.

Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Памятники литературы Древней Руси. XVII в., кн. III. М., 1994. С. 583–619.

Соборник. М., 1647. 881 л.

Страхов А.Б. Историософские параллели концепций «Царьград Тырнов» и «Москва — третий Рим» // Герменевтика древнерусской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Сб. 19. С. 430–439.

Усачев А.С. Третий Рим или Третий Киев? (Московское царство XVI в. в восприятии современников) // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 69–87.

Успенский Б.А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки русской культуры, 2000. 128 с.

Хворостинин Иван Андреевич «Словеса дней, и царей, и святителей московских» // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI — начало XVII века. С. 610–641.

Perrie M. Moscow in 1666: New Jerusalem, Third Rome, Third Apostasy. *Quaestio Rossica*, 2014, № 3, pp. 75–85.

Rowland D.B. Moscow – The Third Rome or the New Israel? *Russian Review*, vol. 55, no. 4 (Oct., 1996), pp. 591–614.

References

Bauer E.A. *Ideia “Moskva – tretii Rim” v russkoi obshchestvennoi mysli kontsa XV – nachala XVII vv.: otechestvennaia istoriografiia XX stoletia: Monografiia* [The idea of “Moscow – the third Rome” in Russian social thought of the late 15th – early 17th centuries: Russian historiography of the 20th century: Monograph.]. Nizhnevartovsk, 2011, 127 p. (In Russ.)

Gol'dberg A.L. *K predystorii idei “Moskva – Tretii Rim”* [To the background of the idea “Moscow – the Third Rome”]. *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi (Istoki. Stanovlenie. Traditsii)* [Cultural heritage of Ancient Russia (Origins. Formation. Traditions)]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 111–116. (In Russ.)

Efimov N.I. *“Rus’ – Novyi Izrail’”: Teokraticheskaia ideologiya svoezemnogo pravoslaviia v dopetrovskoi pis'mennosti* [“Russia – New Israel”: Theocratic ideology of homeland Orthodoxy in pre-Petrine writing]. Kazan', 1912. 50 p. (In Russ.)

Zhitie Aleksandra Nevskogo [Life of Alexander Nevsky]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of literature of Ancient Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 5. [13th century], pp. 358–369. (In Russ.)

Lenkhoff G.D. *Stepennaia kniga: zamysel, ideologiya, adresatsiia* [The Book of Degrees: Concept, Ideology, Addressing]. *Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia po drevneishim spiskam: Teksty i kommentarii: V 3 t.* [The Book of Degrees of the Tsar's Genealogy according to the most ancient lists: Texts and commentary: in 3 volumes.]. Vol. 1, pp. 120–146. (In Russ.)

Lotman Iu.M., Uspenskii B.A. *Otvuki kontseptsii “Moskva – tretii Rim” v ideologii Petra Pervogo (K probleme srednevekovoi traditsii v kul'ture barokko)* [Echoes of the concept “Moscow – the third Rome” in the ideology of Peter the Great (On the problem of medieval tradition in the culture of the Baroque)]. *Lotman Iu.M. Istoriia i tipologiya russkoi kul'tury* [History and typology of Russian culture.]. St. Petersburg, Iskustvo Publ., 2002. pp. 349–362. (In Russ.)

Povest o zhitii tsaria Fedora Ivanovicha [Tale of the Life of Tsar Fedor Ivanovich]. *Biblioteka literatury*

Drevnei Rusi [Library of literature of Ancient Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, Vol. 14: *Konets XVI – nachalo XVII veka* [End of the 16th – beginning of the 17th century], pp. 54–103. (In Russ.)

Ranchin A.M. *Teoriia “Moskva – Tretii Rim” i ee mesto v russkoi kul'ture XVI–XVIII vv.* [The theory “Moscow – the Third Rome” and its place in Russian culture of the 16th–18th centuries] *Obrazovatel'nyi portal «Slovo». Filologiya. [B. g.]* [Educational portal “Word”. Philology] URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 18.05.2020). (In Russ.)

Sinitsyna N.V. *Tretii Rim: Istoki i evoliutsiia russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.)* [Third Rome: The origins and evolution of the Russian medieval concept (15–16 centuries)]. Moscow, Indrik Publ., 1998. 416 p. (In Russ.)

Slovo o Zakone i Blagodati mitropolita Ilariona [Metropolitan Hilarion's Tale about the Law and Grace]. *Pamjatniki literatury Drevnei Rusi* [Literary Monuments of Ancient Rus]. XVII v., vol. III, Moscow, 1994, pp. 583–619. (In Russ.)

Sobornik. Moscow, 1647, 881 p. (In Russ.)

Strakhov A.B. *Istoriiosofskie paralleli kontseptsii “Tsar'grad Tyrnov” i “Moskva – tretii Rim”* [Historiosophical parallels of the concept of “Tsargrad Tarnov” and “Moscow – the third Rome”]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, issue 19, pp. 430–439. (In Russ.)

Usachev A.S. *Tretii Rim ili Tretii Kiev? (Moskovskoe tsarstvo XVI v. v vospriiatii sovremennikov)* [Third Rome or Third Kiev? (Muscovy of the 16th century in the perception of contemporaries)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2012, № 1, pp. 69–87.

Uspenskii B.A. *Boris i Gleb: Vospriiatie istorii v Drevnei Rusi* [Boris and Gleb: Perception of history in Ancient Rus.]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 128 p. (In Russ.)

Hvorostinin Ivan Andreevich *“Slovesa dnei, i carej, i svyatitelej moskovskih”* [“Words of the Days, and Tsars, and Saints of Moscow”]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of literature of Ancient Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, Vol. 14: *Konets XVI – nachalo XVII veka* [End of the 16th – beginning of the 17th century], pp. 610–641. (In Russ.)

МАЛОРОССИЯ И ВЕЛИКОРОССИЯ В САТИРЕ Н.В. ГОГОЛЯ

В статье впервые рассматривается проблема соотношения в творчестве Гоголя-сатирика критики «малороссийских» и «великороссийских» типов русского дворянства. Подчеркивается влияние украинских впечатлений Гоголя на создание целого ряда его произведений общероссийского характера: повести «Нос», комедии «Ревизор», поэмы «Мертвые души». На основании всестороннего анализа, многочисленных фактов и разнообразных свидетельств современников делается вывод о глубоком имперском сознании писателя, не различавшего в своей религиозной, пастырской критике представителей Украины и Великороссии. Писатель всегда мыслил Украину в составе Руси – России – Российской Империи. В отличие от идеологов узкого «местечкового» «патриотизма», Гоголь как государственный мыслитель рассматривал обитателей Северной и Южной Руси как подданных единой Российской державы и в своих обличениях недостойных служащих, разночинцев и «злочастивных» членов дворянского сословия был столь же строг и требователен к своим землякам, как и к великороссам.

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, интерпретация, сатира, обличение, патриотизм, сепаратизм.

Информация об авторе: Виноградов Игорь Алексеевич, <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия.

E-mail: info@imli.ru

Дата поступления статьи: 14.06.2020.

Для цитирования: Виноградов И.А. Малороссия и Великороссия в сатире Н.В. Гоголя // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 128-133. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-128-133>.

Igor' A. Vinogradov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

LITTLE RUSSIA AND GREAT RUSSIA IN SATIRE BY NIKOLAI GOGOL

The article first discusses the problem of the correlation in the work of Nikolai Gogol as satirist or critic of the "Little Russian" and "Great Russian" types of Russian nobility. The influence of Nikolai Gogol's Ukraine impressions on the creation of a number of his works of an all-Russian nature is emphasised: short story "The Nose", the comedy "The Inspector General", and the poem "Dead Souls". Based on a comprehensive analysis, numerous facts and various testimonies of contemporaries, a conclusion is drawn about the deep imperial consciousness of the writer, who did not distinguish representatives of the Ukraine and Great Russia in his religious, pastoral criticism. The writer always thought of the Ukraine as part of Rus' – Russia – the Russian Empire. In contrast to the ideologists of a narrow "small-town" "patriotism", Nikolai Gogol, being a state thinker, considered the inhabitants of Northern and Southern Russia as subjects of a single Russian power and in his convictions of unworthy employees, "malignant" people of miscellaneous ranks and of the nobility was equally strict and demanding to his countrymen as well as to the Great Russians.

Keywords: Nikolai Gogol, biography, creative work, interpretation, satire, reproof, patriotism, separatism.

Information about the author: Igor' A. Vinogradov, <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>, Doctor of Philological Sciences, Chief Investigator, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: info@imli.ru

Article received: June 14, 2020.

For citation: Vinogradov I.A. Little Russia and Great Russia in satire by Nikolai Gogol. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 128-133 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-128-133>.

В изучении характера гоголевской «сатиры» немаловажное значение имеет вопрос об отношении взглядов писателя как уроженца Украины к его известным убеждениям религиозно-патриотического характера, к его «имперскому» сознанию, к осмыслению писателем общероссийских проблем. Вопрос этот до настоящего не только не изучен, но даже не ставился. В 1859 г., вскоре после смерти писателя, известный русский поэт, публицист и богослов А.С. Хомяков заявлял о том, что Гоголь, «искренний коренной Малоросс», явивший «в первых своих творениях» «глубокую и простодушную любовь» к Малороссии, был «в иных отношениях <...> к нам, Великоруссам» [Хомяков: 15]. Хомяков полагал, что «любовь» Гоголя к Великороссии «была уже отвлеченнее», чем любовь к Украине, что «она была более требовательна, но менее ясновидяща»: «Она выражалась характером отрицания, комизма...» [Хомяков: 16].

При всем глубоком уважении к трудам мыслителя-славянофила, приятеля и единомышленника Гоголя, следует, однако, со всей определенностью подчеркнуть, что в оценке «малороссийской» и «великороссийской» составляющих в гоголевском наследии Хомяков серьезно ошибался. Вероятно, Хомяков лишь повторял мнение о Гоголе известного авантюриста графа Ф.П. Толстого – «Толстого-американца», который имел серьезные основания быть недовольным Гоголем: его узнаваемыми чертами писатель, вслед за А.С. Грибоедовым, воспользовался при создании образа одного из своих сатирических героев, карточного шулера Утешительного в «Игроках». По свидетельству А.О. Смирновой (в письме к Гоголю от 3 ноября 1844 г.), Толстой заявлял, будто Гоголь «всех русских» представил «в отвратительном виде», а «всем малороссиянам» дал «что-то вселяющее участие» [Гоголь 2009. 12: 502–503]. В связи с этим в 1847 г. С.П. Шевырев в статье, посвященной выходу в свет знаменитой книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» – самой патристической книги нашей словесности [Виноградов 2017], – замечал: «Мы всегда думали, что Гоголь потому так чудно, так художественно, и так искренно, так сильно смеется над пошлостями Русского человека, что глубоко чует в нем высшую его породу, славное его назначение... <...> Потому-то особенно странны казались нам мнения тех, которые готовы были в Гоголе видеть Малороссиянина, неблагоприятного к достоинствам великорусской природы» [Шевырев: 12].

Вопреки заявлениям Хомякова и Толстого, факты тоже говорят в пользу вывода Шевырева – наиболее близкого Гоголю человека среди московских литераторов. Выясняется, что своих земляков писатель обличал не менее сурово, чем представителей Великороссии. Имеются многочисленные свидетельства о том, что прообразами гоголев-

ских «сатирических» типов, даже в произведениях «общероссийского» характера, часто становились именно его земляки.

Не подлежащая сомнению любовь Гоголя к родному краю, к Малороссии, не помешала писателю быть объективным в оценке отдельных обитателей или уроженцев Украины. Имея в виду недостойных чиновников из своих земляков, Гоголь еще в «ранний» период своего творчества, в 1834 г., писал о них как о «низких разночинцах», которые, по его мнению, несмотря на занимаемые ими важные посты и государственные должности, дворянского звания были недостойны. В «Старо-светских помещиках», говоря о благородстве «всех малороссийских старинных и коренных фамилий», он одновременно обличал «низких малороссиян, которые выдираются из дегтярей, торгашей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные места, дерут последнюю копейку с своих же земляков» и «наводняют Петербург ябедниками» [Гоголь 2009. 1/2: 282–283]. Кстати заметить, один из гоголевских соучеников по Нежинской гимназии, Е.П. Гребенка, приехавший в Петербург в конце 1833 г., в письме к школьному другу Н.М. Новицкому свидетельствовал: «Петербург есть колония образованных малороссиян. Все присутственные места, все академии, все университеты наводнены земляками...»¹.

Одним из представителей «низких малороссиян», которые, нажив «накопец капитал», «торжественно прибавляют к фамилии своей, оканчивающейся на *о*, слог *въ*» [Гоголь 2009. 1/2: 283], является среди сатирических типов Гоголя герой его петербургской (т. е. «общероссийской») повести «Нос». Во-первых, сама фамилия этого героя – Ковалев – указывает на его украинское происхождение (русским ее аналогом является фамилия Кузнецов). Далее. Герой «Носа» имеет чин коллежского асессора, или, согласно военной табели о рангах, майора. При этом рассказчик отмечает, что «Ковалев был кавказский коллежский асессор» [Гоголь 2009. 3/4: 43]. Эта оговорка является весьма значимой для понимания гоголевского замысла. Дело в том, что, согласно правительственным постановлениям (прежде всего указу 1809 г.)², для получения чина коллежского асессора необходимо было посещение во внеслужбное время лекций в университете и последующая сдача университетского экзамена для оценки готовности кандидата на чин. Именно потому Гоголь называет героя другой своей петербургской повести, переписчика Башмачкина, «вечным титулярным советником» [Гоголь 2009. 3/4: 117], что к сдаче экзамена на следующий чин, коллежского асессора, тот не готов и готовится не собирается. Таким же «вечным титулярным советником» мог стать и герой «Носа», если бы не особенный правительственный указ, позволивший Ковалеву получить новый статус в обход экзамена. Эти льготные условия предо-

ставлялись чиновникам, служившим на Кавказе. Соответствующее постановление было издано в 1803 г. Это именной указ «О повышении чинами отправляющихся в Грузию на службу» (ПСЗРИ. 27: 1072–1073). (В последующие годы к этому указу вышло множество дополнений и уточнений³). Положения указа позволяли прибывшему на Кавказ чиновнику получить ассессорский чин без сдачи университетского экзамена. (Другое упомянутое постановление, игравшее важную роль в судьбе чиновников, – об экзамене на чин, вышло шестью годами позже, в 1809 г., так что возможность для его обхода невольно возникла при самом его издании, вследствие принятого ранее указа о льготах служащим на Кавказе).

Указ 1803 г. касался прежде всего гоголевских земляков: для восполнения «крайнего недостатка в канцелярских служителях» служить в Грузию приглашались чиновники прежде всего южных губерний, как ближайших к Кавказу, – Киевской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской и Слободско-Украинской (ПСЗРИ. 36: 500). По получении искомого ассessorства чиновники со службы в Грузии в большинстве своем увольнялись («охотно все оставляли»; ПСЗРИ. 36: 290–291). Они либо возвращались на родину, либо в поисках нового места отправлялись, подобно майору Ковалеву, в Петербург. Таков был путь к «майорскому» чину (и дорога в столичный Петербург) героя «Носа». (В столицу Ковалев прибыл в поисках «вице-губернаторского» или «экзекуторского» места [Гоголь 2009. 3/4: 44].)

Отметим также, что «Ковалев <...> чтобы более придать себе благородства и веса, <...> никогда не называл себя коллежским ассessorом, но всегда майором» [Гоголь 2009. 3/4: 43–44]. Существовал указ Екатерины II (от 3 ноября 1793 г.) о том, чтобы все «статские чины впредь ни в каких случаях не именовали себя воинскими чинами» (ПСЗРИ. 23: 469). В общественном мнении военные чины стояли выше гражданских.

Не менее значимым является и то, что чин коллежского ассessorа открывал его обладателю прямой путь к получению дворянского звания. А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум», напечатанном за полгода до выхода в свет гоголевской повести, писал о Кавказе: «Молодые Титулярные Советники приезжают сюда за чином Ассessorским, толико вожделенным»⁴. Еще одним комментарием к образу гоголевского «коллежского ассessorа» Ковалева служит позднейшее свидетельство К.К. Случевского, посетившего Грузию и описавшего в стихотворении «Коллежские ассessorы» (1881) кутаисское кладбище с многочисленными надгробиями «кавказских коллежских ассessorов»: «Говорят, что в указе так значилось: / Кто Кавказ перевалит служить, / Быть тому с той поры дворянином, / Знать, коллежским ассessorом быть... / И лежат эти прахи безмолвные / Нарожденных указом дворян...»⁵.

Однако, по Гоголю, майор Ковалев, даже и получив вожделенное дворянство, остается, по сути, «низким разночинцем», – одним из тех «низких малороссиян, которые выдираются из дегтярей, торгашей». Украинская фамилия Ковалев, а также преимущественно малороссийское происхождение российских «кавказских ассessorов» роднят главного героя «Носа» не только с малороссийскими «дегтярями» и «торгашами», упоминаемыми в «Старосветских помещиках», но и с «ковалем» (кузнецом) Вакулой в «Ночи перед Рождеством» (также оказывающемся в Петербурге).

Свидетельства о том, что не только герой «Носа», но и едва ли не большая часть других героев Гоголя имеют украинские корни, весьма многочисленны. В 1901 г. исследователь украинской культуры В.А. Чаговец свидетельствовал: «Многие боялись попасть в <...> чудную кунсткамеру Гоголевских типов, но лучшие экземпляры не избежали этой участи, и в произведениях Н<иколая> В<асильевича> в свое время можно было узнать много современников. Недаром Полтава так недружелюбно относилась к творцу Ревизора и Мертвых душ» [Виноградов 2011: 222].

Еще в 1843 г. В.С. Аксакова писала родственнице: «Малороссияне вообще, а особенно в Миргороде, разумеется, терпеть не могут Гоголя за то, что он их вывел в смешном виде, и говорят, что и “Мерт<вые> Души” писаны на них же» [Виноградов 2017–2018. 4: 123].

В.А. Гиляровский в 1901 г., тоже имея в виду героев «Мертвых душ», указывал: «Оказывается, и посейчас Украина кишит типами, встречающимися в произведениях писателя» [Виноградов 2011: 346]. Ранее, в 1889 г., Гиляровский записал рассказ о Гоголе 75-летней уроженки Сорочинца – Софьи Захаровны Королевой: «Скажите, Ольга Захаровна, любили здесь Гоголя, после того как его произведения появились в печати?» – «Далеко не все. Кто попал к нему под перо, те не любили, вот как не любили! Особенно миргородские чиновники ненавидели: ведь весь “Ревизор” с них целиком списан”. – “А вы помните тех лиц, с кого он писал?” – “Двоих лично знала <...> портреты верные были”» [Виноградов 2017–2018. 2: 405]. Опираясь на это свидетельство, Гиляровский отмечал, что в Миргороде «целиком, с натуры, были списаны действующие лица» не только «Мертвых душ», но и «Ревизора» [Виноградов 2017–2018. 2: 347].

Литератор и искусствовед Д.А. Пахомов в 1909 г. писал, что те типы «провинциальных помещиков и чиновников», которые Гоголь вывел в «Мертвых душах» и «Ревизоре», будущий писатель подсмотрел «как в доме отца, так и одного богатого родственника Трощинского» [Виноградов 2017–2018. 2: 406]. Пахомов утверждал: «Собакевич, Ноздрев, Плюшкин, Коробочка, Сквозник-Дмухановский, Земляника, Тяпкин-Лапкин, – все это действительно существовавшие лица, обра-

ботанные гениальным творчеством Гоголя в бессмертные типы» [Виноградов 2017–2018. 2: 406].

Друг Гоголя с семилетнего возраста А.С. Данилевский указывал, что в характеристике помещика, живущего, в противоположность Плюшкину, во всю ширину русской удалы и барства (в шестой главе «Мертвых душ»), «нельзя не узнать так близко знакомого Гоголю в детстве Д. Пр. Трошинского» [Виноградов 2017–2018. 2: 499]. (Кстати отметить, что в «Ревизоре» в просьбе отставного чиновника Коробкина к Городничему, собирающемуся в Петербург, можно вполне усмотреть отголосок просьбы, обращенной в 1828 г. овдовевшей матерью Гоголя к упомянутому влиятельному родственнику Д.П. Трошинскому, написать в Петербург рекомендательное письмо для сына: «В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, место отца заступите сиротке» [Гоголь 2009. 3/4: 294]).

Сама афера с закладом в казну «мертвых душ», изображенная в гоголевской поэме, имеет отчетливые малороссийские корни. Свидетельством тому могут служить несколько фактов: письмо отца Гоголя, Василия Афанасьевича, к Д.П. Трошинскому, относящееся к середине 1810-х гг. [Виноградов 2011: 6]; указание гоголевского школьного приятеля П.И. Мартоса [Виноградов 2011: 548]; факты, собранные В.А. Гиляровским [Виноградов 2011: 346, 360–361].

Украинский общественный деятель Н.И. Савич (приятель Т.Г. Шевченко), встречавшийся с Гоголем в Одессе в 1850 г., говорил даже, что «сам лично знал тех лиц в Полтавщине, с кого Гоголь нарисовал Чичикова, Коробочку и другие свои типы»: «... Чичиков <...> – это был предводитель дворянства в Полтавском уезде, скупал у разных помещиков мертвые души и заложил в Опекунский Совет... Коробочка – была в Зеньковском уезде, а также и в Миргородском» [Виноградов 2019: 411–412].

Родом из «Екатеринославской губернии» был, согласно черновой редакции «Ревизора», Хлестаков [Гоголь 1951. 4: 150, 164, 271]. Как и майор Ковалев, этот герой по воле своего создателя тоже носит украинскую фамилию. В связи с его «распекательной» для уездных чиновников функцией находится одно из выражений гоголевского собрания «Пословиц, поговорок, приговорок и фраз малороссийских» в «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии»: «Хлысту дать (розгами высечь)» [Гоголь 2009. 9: 556]. Согласно замыслу автора, фигурой «ничтожного» Хлестакова наказывает проворовавшихся чиновников в «Ревизоре» Сам Бог. Об этом говорит в пьесе Городничий: «Вот, подлинно, если Бог захочет наказать, так отнимет прежде разум» [Гоголь 2009. 3/4: 299]. Гоголь повторяет эту мысль от своего имени в черновых набросках «Театрального разъезда...», написанных сразу после первой постановки «Ревизора»:

«...Отнял Бог разум у тех, у которых его достало <только> на то, чтобы превратно толковать <закон>...» [Гоголь 1949. 5: 387]. В этом свете фамилия Хлестакова, через которого осуществляется возмездие, перекликается также с конкретным употреблением украинского слова «хлысть» в «Вирше, говоренной гетьману Потемкину запорожцами на Светлый праздник Воскресения», в той же гоголевской «Книге всякой всячины...»: «Дав Бог хлысти...» [Гоголь 2009. 9: 503].

Замечание в черновой редакции слуги Хлестакова Осипа, что от дороги между Петербургом и родовым имением барина осталось «всего треть верстов» («треть верст») [Гоголь 1951. 4: 155, 260], указывает также, что само действие комедии разворачивается ближе к югу России – южнее Тулы, где Хлестакова обыграл пехотный капитан [Гоголь 1951. 4: 155], т. е. в Орловской или Курской губерниях – в одном из трех уездных городов этих мест, через которые проходил почтовый тракт, в Мценске, Обояни или Белгороде⁶. В 1835 г. городничие были только в двух последних городах (майор А.П. Муха – в Обояни, и лейб-гвардии поручик А.И. Выходцев, участник Бородинского сражения, – в Белгороде). В Мценске эту должность исполнял полицеймейстер штаб-ротмистр И.А. Сементовский⁷. В окончательной редакции «Ревизора» маршрут следования Хлестакова смещается восточнее, через Пензу в Саратовскую губернию [Гоголь 2009. 3/4: 229, 237]. (Возможно, эта перемена была призвана подчеркнуть нежелание Хлестакова жить в глуши, в отцовской «деревне», «с мужиками» (где, по его словам, «помещики тоже не имеют образованности» [Гоголь 2009. 7: 403]). Гоголь припоминал этим реплику грибоедовского героя, обращенную к дочери: «Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми; <...> В деревню к тетке, в глушь, в Саратов! / Там будешь горе горевать, / За пальцами сидеть, за святами зевать!»⁸). На пути из Пензы в Саратов единственным уездным городом, где проходил почтовый тракт, был Петровск. Здесь городничим в 1823–1838 гг. был майор И.Д. Хардин, потомственный дворянин, тоже участник войны 1812 года⁹.

Однако, как установлено, для гоголевских «сатирических» образов сразу двух городничих и двух уездных судей (в Повести о ссоре и в «Ревизоре») наиболее вероятными прототипами являются гораздо более близкие Гоголю лица – хорошо знакомые ему миргородские чиновники С.О. Браилко, К.П. Носенко, И.А. Янкевич и В.Я. Ломиковский [Виноградов 2020]. Отдельные черты этих и других героев Гоголь почерпнул также у миргородского почтмейстера И.Г. Мамчича, у своих родных деда и прадеда, А.Д. Гоголя-Яновского и М.В. Косяровского, а также у двоюродного дяди И.П. Косяровского. Лишь в недавнее время доказано, что прообразом помещицы Пульхерии Ивановны в «Старосветских помещиках» стала мать

писателя, Мария Ивановна Гоголь [Виноградов 2017–2018. 1: 281–285]. Отмечалось также, что в образе Плюшкина в «Мертвых душах» нашли отражение отдельные черты, присущие двоюродной тетке Гоголя по матери – А.М. Лукашевич (рожд. Косярской) [Виноградов 2017–2018. 1: 404].

Свидетельство об украинских прототипах героев Гоголя появилось еще в 1841 г. в рассказе Н. Ковалевского «Гоголь в Малороссии» (с подзаголовком «Уездная быль»). В этом произведении был выведен образ гадячского судьи Онуфрия Лукича Гниды, вспоминающего о полтавской постановке «Ревизора». Гоголь, по-видимому, побывал в Гадяче в июле 1835 г. вместе с полтавским гражданским губернатором П. И. Могилевским [Виноградов 2017–2018. 2: 417–418]; здесь писатель, вероятно, познакомился с гадячским судьей Иваном Прокопьевичем Цацкиным. Возможно, тогдашняя поездка, в свою очередь, нашла отражение в замысле «Ревизора». Герои повести Ковалевского, переговариваясь, сообщают следующее: «...Должи своему барину, что к нему приехал – Гоголь». <...> “Да кто ж это к нам приехал, <...> уж, не ревизор ли?” “Эге! рассказывай: ревизор! тут такой приехал, что погрозней еще твоего ревизора... <...> Вот... прошедшую зиму... когда я был в Полтаве... Предводитель затащил меня в театр... <...> гляжу – фу ты пропасть! знакомые лица!! Думаю, думаю, что за дьявольщина: по сцене расхаживают не актеры, а наши дворяне? ну вот именно, наши Гадячане!.. Мундиры наши, походка наша, разговоры наши, все обращение наше... один даже, из тех дьяволов меня передразнивал!...”¹⁰.

Среди разнообразных гоголевских персонажей характерна связь героя «Ревизора», Растаковского, не только с отставным, ищущим пенсионера офицером Копейкиным в «Мертвых душах», но и с другим персонажем «общероссийской» поэмы Гоголя – с помещицей Коробочкой, очевидные «малороссийские» черты в облике которой уже отмечали исследователи [Данилов: 81].

Растаковского с Коробочкой объединяет их «общий знакомый» – Трепакин – разгульный «квартирмейстер», в палатке которого, по рассказу Растаковского, часто оказывались девушки: «...Наутро денщик выводит, как будто драгуна, в треугольной шляпе... хе, хе, хе... и португея висит, хе, хе, хе...» [Гоголь 2009. 3/4: 309]. Коробочка называет фамилию Трепакина, перечисляя соседей-помещиков: «Бобров, Свинын, Канапатьев, Харпакин, Трепакин, Плешаков» [Гоголь 2009. 5: 45].

Факты указывают на то, что в «сатирических» образах Гоголя отразился не только «общероссийский», но и малороссийский колорит – и в весьма немалой степени. Усиление, сравнительно с «малороссийскими» «Старосветскими помещиками», «сатирических» мотивов в изображении «старосветского» быта Коробочки, а также более резкий взгляд на городничего Сквозника-Дмухановско-

го, отразившийся в истории капитана Копейкина в «Мертвых душах» и в образе Растаковского в «Ревизоре» [Виноградов 2020], свидетельствуют об общей тенденции нарастания критического пафоса Гоголя применительно к «старосветской», провинциальной жизни (от мягкой иронии – к сарказму, к которому Гоголь обращался уже в «малороссийской» Повести о ссоре). Несомненно, обличал писатель в своих произведениях не только «великороссийские» или «малороссийские» типы по отдельности, но «злокачественных» [Гоголь 2009. 1/2: 473] представителей русского дворянства в целом.

Примечания

¹ Гребінка Е.П. Твори: У 3 т. Київ: Наукова думка, 1981. Т. 3 / Упорядкування і примітки І.О. Лучник, А.М. Полотай. С. 566–567.

² См.: 23.771. – 1809. Августа 6. Именной, данный Сенату. О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Ассессоры и Статские Советники // Полн. собр. законов Российской Империи. Собрание первое. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 30. С. 1054–1057. (Далее ссылки на это издание даются в тексте с использованием сокращения ПСЗРИ и указанием тома и страницы в круглых скобках).

³ См. ПСЗРИ. Т. 42. Ч. 1. С. 541–547; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. СПб., 1885. Т. 1. С. 581–583.

⁴ Пушкин А. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. СПб.: В Гуттенберговой Типографии, 1836. Т. 1. С. 43.

⁵ Случевский К.К. Коллежские ассессоры // Случевский К.К. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., составл., подгот. текста и примеч. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Академический проект, 2004. С. 234.

⁶ См.: Почтовый дорожник, или Описание всех почтовых дорог Российской Империи, Царства Польского и других присоединенных областей, в трех частях, с принадлежащими к оному таблицами, росписаниями, почтовыми картами и другими сведениями. Издан от Почтового Департамента сообразно с последовавшими переменами вторым тиснением. СПб., 1829. С. 14, 22, 28.

⁷ См.: Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1835. СПб., <1835>. Ч. 2. С. 129, 136–137.

⁸ <Грибоедов А.С.> Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинение Александра Сергеевича Грибоедова. М.: В Типографии Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1833. С. 164.

⁹ Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1835. СПб., <1835>. Ч. 2. С. 207.

¹⁰ Ковалевский Н. Гоголь в Малороссии. Уездная быль // Пантеон Русского и всех Европейских театров. 1841. Ч. 1. № 1. Отд. 2. С. 22–23.

Список литературы

Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. М., ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1. 904 с.

Виноградов И.А. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Актуальные вопросы изучения духовной и светской словесности / Ред. М.И. Щербакова. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. Вып. 1. С. 77–94.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018.

Виноградов И.А. Н.В. Гоголь в Одессе. Забытые свидетельства современников (письмо протоиерея Анатолия Корочанского и воспоминания Н.И. Савича) // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 403–415.

Виноградов И.А. Послужной список Городничего в «Ревизоре». К характеристике политических взглядов Н. В. Гоголя // Литературный факт. 2020. № 1(15). С. 237–282.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937–1952.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т., 15 кн. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009.

Данилов В.В. Украинские реминисценции в «Мертвых душах» Гоголя // Наукові записки. Ніжинський державний педагогічний інститут ім. М.В. Гоголя. Чернігов, 1940. Т. 1. С. 77–91.

Хомяков А.С. Речь по случаю возобновления публичных заседаний Общества «любителей Российской словесности», читанная председателем в публичном заседании, Марта 26, 1859 г. // Русская Беседа. 1860. № 1. С. 8–19.

Шевырев С. Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1. <Отд. 2>. С. 1–29.

References

Vinogradov I.A. *Gogol' v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematičeskii svod dokumental'nykh svidetel'stv* [Gogol in contemporaries' memoirs, diaries and correspondence. Full systematic set of documentary evidence]. In 3 vols. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, vol. 1. 904 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Samaia patriotičeskaja kniga nashei slovesnosti («Vybrannye mesta iz perepiski*

s druž'jami Nikolaia Gogolia») [The most patriotic book in our literature (Selected Passages from Correspondence with Friends of Nikolai Gogol)]. *Aktual'nye voprosy izučeniia dukhovnoi i svetskoi slovesnosti* [Topical issues in the study of spiritual and secular literature], editor M.I. Shcherbakova. A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, U Nikitskikh vort Publ., 2017, issue 1, pp. 77–94. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Letopis' zhizni i tvorčestva N.V. Gogolja (1809–1852). Nauchnoe izdanie. V 7 tomah* [Chronicle of the life and work of N.V. Gogol (1809–1852). Scientific publication. In 7 vols]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017–2018. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *N.V. Gogol' v Odesse. Zabytye svidetel'stva sovremennikov (pis'mo protoiereia Anatolii Korochanskogo i vospominaniia N.I. Savicha)* [Gogol in Odessa. Forgotten testimonies of contemporaries (letter of Archpriest Anatoly Korochansky and memoirs of N.I. Savich)]. *Literaturnyi fakt* [Literary fact], 2019, № 1 (11), pp. 403–415. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Poslužnoi spisok Gorodničego v «Revizore». K kharakteristike političeskikh vzgliadov N.V. Gogolia* [The Mayor's career in “The Government Inspector”. On Nikolai Gogol's political views]. *Literaturnyi fakt* [Literary fact], 2020, № 1 (15), pp. 237–282. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sočinenii: v 14 t.* [Complete works and letters in 14 vols.]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1937–1952. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sočinenii i pisem: v 17 t. (15 kn.)* [Complete works and letters in 17 vols. (15 books)]. Moscow, Kiev, Moscow Patriarchy Publ., 2009–2010. (In Russ.)

Danilov V.V. *Ukrainskiereministsentsii v «Mertyvkh dushakh» Gogolia* [Ukrainian reminiscences in Gogol's “Dead Souls”]. *Naukovi zapiski. Nizhins'kii derzhavnii pedagogičnii institut imeni N.V. Gogolia* [Naukovi Zapiski. Nizhny State Pedagogical Institute named after N.V. Gogol]. Chernigov, 1940, vol. 1, pp. 77–91. (In Russ.)

Khomiakov A.S. *Rech' po sluchaiu vozobnovleniia publicnykh zasedanii Obščestva «liubitelei Rossiiskoi slovesnosti», chitannaia predsedatelem v publicnom zasedanii, Marta 26, 1859 g.* [Speech on the occasion of the resumption of public meetings of the Society of Lovers of Russian Literature, read by the chairman in a public meeting, March 26, 1859]. *Russkaia Beseda* [Russian Conversation], 1860, № 1, pp. 8–19. (In Russ.)

Shevyrev S. *Vybrannymestai z perepiski s druž'jami N. Gogolja* [Selected passages from correspondence with friends of N. Gogol]. *Moskvitianin*, 1848, № 1, pagnation 2, pp. 1–29. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-134-140>
УДК 821(4).09"19"

Чекалов Кирилл Александрович

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН
Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

АЛЕКСАНДР ДЮМА И ГОТИЧЕСКИЙ РОМАН (К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ПИСАТЕЛЯ)

На примере малоизвестных произведений «Замок Эпштейнов» (*Le Château d'Eppstein*, 1843) и «Ашборнский пастор» (*Le pasteur d'Ashbourn*, 1853) в статье рассмотрены особенности интерпретации Александром Дюма-отцом жанра готического романа. Дюма отказывается от традиционной для жанра локализации (юг Франции, Италия, Испания). В «Замке Эпштейнов» действие происходит в Германии; соединяя легендарное прошлое с историческим временем, Дюма усиливает одну из присущих жанровой традиции составляющих, одновременно насыщая повествование плотным интертекстуальным слоем. Действие «Ашборнского пастора» разворачивается в Англии. Первая часть книги представляет собой палимпсест сентиментального романа Августа Лафонтена «*Leben eines armen Landpredigers*» (1801; французский перевод *Isabelle de Montolieu* под названием «*Nouveaux tableaux de famille, ou la vie d'un pauvre ministre de village allemand et de ses enfants*» – 1802; русский перевод под названием «Новые семейственные картины, или Жизнь бедного священника одной немецкой деревни и его детей» – 1805–1806), который контрастно сочетается с традиционным готическим сюжетом второй части и обширным ироничным эпилогом – с другой. Оба романа свидетельствуют о стремлении Дюма не столько к пародированию готического нарратива, сколько к его трансформации на основе остроумных жанрово-стилистических экспериментов.

Ключевые слова: готический роман, нарратив, сюжет, жанр, автор, замок, плагиат, сентиментализм, письмо, интерполяция.

Информация об авторе: Чекалов Кирилл Александрович, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9050-0636>, доктор филологических наук, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия.

E-mail: ktchekalov@mail.ru

Дата поступления статьи: 11.03.2020.

Для цитирования: Чекалов К.А. Александр Дюма и готический роман (к 150-летию со дня смерти писателя) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 134-140. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-134-140>.

Kirill A. Chekalov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ALEXANDRE DUMAS AND A GOTHIC NOVEL (DEDICATED TO 150TH ANNIVERSARY OF THE WRITER'S DEATH)

The article considers the characteristics of interpretation by Alexandre Dumas père of a genre of gothic fiction based on the writer's less popular works: *Le Château d'Eppstein*, 1843 and *Le Pasteur d'Ashbourn*, 1853. Alexandre Dumas père deviates from the genre's traditional surrounding, i.e. the southern France, Italy, Spain. *Le Château d'Eppstein* is set in Germany; by connecting the legendary past with the historical time, Dumas enhances one of the genre's inherent features, at the same time enriching the narrative with a dense intertextual component. The events of *Le pasteur d'Ashbourn* happen in England. The first part of the book is a rescript of a sentimental novel *Leben eines Armen Landpredigers* by August Heinrich Julius Lafontaine (1801; translated in French by *Isabelle de Montolieu* as *Nouveaux Tableaux De Famille Ou La Vie D'un Pauvre Ministre De Village Allemand Et De Ses Enfants* – 1802; translated in English as *The Village Pastor and His Children* – 1803), which beautifully contrasts with a traditional gothic plot of the second part and an extensive ironic epilogue. Both novels demonstrate that Dumas did not intend to imitate the gothic fiction, but rather to transform it by means of witty genre and stylistic experiments.

Keywords: gothic novel, narrative, plot, genre, author, castle, plagiarism, sentimentalism, letter, interpolation.

Information about the author: Kirill A. Chekalov, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9050-0636>, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

E-mail: ktchekalov@mail.ru

Article received: March 11, 2020.

For citation: Chekalov K.A. Alexandre Dumas and a gothic novel (dedicated to 150th anniversary of the writer's death). *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 3, pp. 134-140 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-134-140>.

На сегодняшний день Дюма-отец принадлежит к самым читаемым в России французским писателям. Однако большая часть аудитории воспринимает его как автора нескольких романов (преимущественно «мушкетерской» трилогии и «Графа Монте-Кристо»), а то и вообще одного:

«В XX и XXI столетиях в широком читательском и профессионально-филологическом восприятии А. Дюма – “знаменитый автор «Трех мушкетеров»” (повсеместность распространения этой фразы даже не требует подкрепления ссылками), и этот роман, несмотря на довольно большое число других популярных сочинений Дюма, устойчиво служит ему сегодня такой же “визитной карточкой”, как “Робинзон Крузо” для Дефо» [Пахсарьян: 254].

Между тем творчество одного из столпов популярного романа выходит далеко за пределы «романов плаща и шпаги» и отличается не только чрезвычайной масштабностью, но и жанрово-стилистическим разнообразием. В нашей статье мы рассмотрим присутствие в прозе Дюма традиции готического романа. Нас будет интересовать, каким образом «Александр Великий» препарирует жанр, сформировавшийся в конце XVIII века в Англии и пользовавшийся огромной популярностью как в этой стране, так и во всей Европе.

Нет сомнений в том, что соответствующая традиция была хорошо известна французскому писателю. Он не раз упоминает в своих произведениях (не обязательно собственно готических) Анну Радклиф и «Удольфские тайны». Часто эти упоминания носят шуточный характер – именно так происходит в романах «Сан-Феличе» (1864) и «Спутники Иегу» (1857). Приведем цитату из второго романа:

«– О! Неужели во всем городе только и стоит посмотреть, что на церковь в Бру?»

– В прежнее время, дорогой лорд, – отвечал Ролан, – пока она еще не была превращена в склад фуража, я предложил бы вам спуститься со мной в склеп герцогов Савойских. Говорят, что там имеется подземный ход, что он длиною почти в льё и ведет прямо в пещеру Сейзера, – вот мы с вами и поискали бы его. Заметьте, что я предлагаю развлечение именно англичанину: ведь вы перенеслись бы в атмосферу “Удольфских тайн” знаменитой Анны Радклиф. Но вы видите, что это невозможно. Итак, поставим на этом крест. Идемте» [Дюма 2017: 135–136].

В числе прозаических сочинений французского классика, связанных с готической тематикой и поэтикой, следует упомянуть ранний его роман «Полина» (1838; подробный анализ см. [Santa]), новеллу «История мертвеца, рассказанная им самим» (1844), роман «Замок Эпштейнов» (1843); навеянную как «Тысяча и одной ночью», так и «Рукописью, найденной в Сарагосе» книгу «Тысяча и один призрак» (1849); романную дилогию

«Преступление и наказание» (1850–1851), роман «Ашборнский пастор» (1853) и повесть «Безухий Жако» (1860). В нашей статье будут рассмотрены «Замок Эпштейнов» и «Ашборнский пастор» – именно в этих двух произведениях присутствие жанровой модели готического романа особенно очевидно. При этом в дипломной работе Натали Дорсами (одно из немногих исследований, посвященных интересующей нас теме) второй из указанных романов, как ни странно, не рассмотрен вообще [Dorsamy].

В случае с «Заком Эпштейнов», написанным всего за год до вершинных сочинений писателя («Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо»), уже само название вполне соответствует жанровой традиции. Правда, в первой публикации (на страницах журнала «La Revue de Paris» с 4 по 16 июля 1843 г.) роман именовался «Альбина»; именно под этим названием он иногда до сих пор публикуется в России. Разумеется, с учетом как времени создания книги, так и особенностей дарования Дюма было бы трудно ожидать, чтобы «Замок Эпштейнов» являлся всего лишь прилежным воспроизведением английских моделей полувековой давности (ставших предметом пародирования еще в «Нортенгерском аббатстве» Джейн Остин). И действительно, создатель – а точнее, создатели книги, – соблюдая основные параметры упомянутых моделей, одновременно корректируют их.

Как убедительно показала современная исследовательница А.-М. Калле-Бьянко, «Замок Эпштейнов», подобно многим другим произведениям Дюма-отца, создавался при активном участии одного из «литературных негров» Дюма – близкого друга Виктора Гюго Поля Мёриса (1818–1905), единственного автора романа «Две Дианы» (1846–1847), который и по сей день благополучно публикуется у нас под именем Александра Дюма. Принадлежащая перу Мёриса исходная рукопись сохранилась, что позволило Калле-Бьянко сопоставить между собой две версии произведения и выявить произведенные Дюма изменения [Callet-Bianco]. Тонко ощущавший требования нарративной логики и читательского спроса «Александр Великий» не только сокращал отдельные пассажи Мёриса (ради динамизации повествования), но и делал весьма существенные вставки.

Именно Дюма принадлежит, например, автобиографическая вводная часть – дружеская беседа героев, собравшихся во Флоренции у княгини Голицыной (писатель действительно жил в столице Тосканы – с перерывами – в 1841–1843 годах). Возможно, здесь имеется в виду Евдокия Ивановна Голицына (1780–1850), юношеская любовь Пушкина, весьма неординарная личность, которую нередко именовали «ночной княгиней» («La Princesse Nocturne»), автор причудливого научно-философского труда «Анализ силы» (1835).

Авторство готического нарратива Дюма приписывает русскому князю Элиму (еще одно реальное лицо, русский дипломат и поэт Элим Петрович Мещерский, 1808–1844, в 1840-х годах проживавший в Ницце). Однако в дальнейшем князь (по ошибке пониженный автором до графа) навсегда исчезает со страниц книги, так что ее рамочная конструкция остается «недостроенной».

Основное действие романа происходит в горах Таунуса (к северо-западу от Франкфурта). Сама по себе локализация действия в протестантской Германии выглядит как сознательное нарушение готического канона; как известно, жанровая традиция предполагает в качестве основного места действия юг Франции, Италию или Испанию, одним словом – католический мир (и сопряженные с ним, по мнению англичан, фанатизм и насилие над личностью). В случае с «Замок Эпштейнов» конфессиональная проблематика ощутимо отступает на второй план, а порок, преступление и насилие никак не мотивированы этническими и климатическими факторами.

События книги начинаются под Рождество 1794 года. Именно с этим праздничным днем связана мрачная средневековая легенда о ежегодном появлении призрака, которая и лежит в основе всего романа. Речь идет о пророчестве, приписанном не кому-нибудь, а самому Мерлину (очередная интерполяция Дюма): «та графиня фон Эпштейн, которая умрет в рождественскую ночь, умрет только наполовину» [Дюма 1996: 516]. Главный герой книги – не столько даже inferнальный (как полагалось бы в готическом нарративе), сколько заносчивый, необузданный и свирепый тиран, граф Максимилиан фон Эпштейн. А.-М. Калле-Бьянко без особых на то оснований именуется его «германским Ловеласом»; на самом деле для Максимилиана главное отнюдь не «курь», но социальное преуспеяние и приверженность узкому сословному пониманию чести. Максимилиан (скорее по расчету, чем по любви) женится на юной прекрасной Альбине фон Швальбах, но потом – с приближением наполеоновских войск – вынужден покинуть замок; в его отсутствие сострадательная Альбина выхаживает раненого французского офицера, капитана Жака; на самом деле это не кто иной, как попавший под обаяние «наполеоновского мифа» родной брат Максимилиана, Конрад – он под чужим именем воевал на стороне французов. Вернувшись, ревнивец граф начинает подозревать, что жена изменила ему в его отсутствие; Максимилиан отказывается видеть ее, но тут выясняется, что Альбина к тому же беременна. Убедив себя в том, что будущее дитя – плод адюльтера, граф приходит в неистовство и наносит жуткий удар супруге; в результате неудачного падения она смертельно ранена и расстается с жизнью, успев родить сына.

Именно с этого момента в сюжет врывается стихия иррационального. Живая покойница, Альбина и за гробом оберегает своего сына Эберхарда; по ночам ее призрак неоднократно предстает перед супругом с предостережениями, которым тот не внимает. Эберхард растет (при этом, будучи изгнанным как бастард, живет он не в замке, а воспитывается в домике егеря близ замка) и влюбляется в свою молочную сестру Роземунду, дочь егеря. Максимилиан на свой лад стремится быть великодушным, готов забыть о прошлом, устроить сына на государственную службу и выгодно женить его, но случайно узнает о сердечной привязанности Эберхарда к проститутке. Перспектива мезальянса приводит графа в бешенство, он стреляет в сына. Благодаря вмешательству Конрада Эберхард лишь ранен, однако терпению покойной Альбины приходит конец, и она расправляется с Максимилианом. Зрелищный финал выдержан в полном соответствии с поэтикой жанра: «Дверь в склеп была открыта. Эберхард взял из рук Конрада факел и повел дядюшку прямо к могиле своей матери. Мраморная крышка была сдвинута. Из гроба высовывалась рука скелета, сцепившаяся в бездыханное тело Максимилиана, задущенного дважды обвинившейся вокруг его шеи золотой цепочкой» [Дюма 1996: 666].

Нарративная структура книги не вполне вписывается в предложенную Р. Ле Теллье классификацию основных моделей готического сюжета: модель «завершенного пути», модель «постепенного углубления» и модель «постепенного нарастания», хотя и в большей степени тяготеет ко второй («герой погибает, ввергнутый в вечность ада») [Заломкина: 123]. В книге Дюма – Мёриса, несомненно, присутствуют приметы исторического и даже политического детерминизма, подпитанного личными впечатлениями Дюма от путешествий по берегам Рейна (1838–1839). Усиливая вообще свойственное готике «парадоксальное соединение интереса к прошлому и точности датировок с условной декоративностью исторического фона в готическом сюжете» [Заломкина: 124], Дюма и Мёрис вместе с тем исходят из условной картины Германии, «немецкого миража», характерного для французского романтизма и запечатленного еще в известной книге Жермены де Сталь («идеализированная, живописная страна, средоточие философии и поэзии») [Callet-Bianco: 359].

В романе аккумулирован ряд немецких и общеевропейских средневековых легенд; например, устанавливается частичная параллель между судьбой героев и известной легендой о Женевиэве Брабантской (история графини, которую ее супруг Зигфрид безосновательно подозревает в адюльтере и приказывает слугам убить ее вместе с младенцем; слуги, однако, оставляют мать и сына в живых, и те живут в лесу; в конце концов Зигфрид убеждается в своей неправоте, но Женевиэва умирает).

С самого начала повествования читатель имеет возможность лицезреть «замок с его ужасами и таинственностью», который, по М.М. Бахтину, является полноправным и даже единственным героем готического романа [Бахтин: 224]. Налицо все характерные атрибуты готической поэтики: мрачное средневековое сооружение, тайные коридоры, подземелье, склеп; таинственная красная комната, где происходят наиболее жуткие события романа; окружающий замок и навевающий ужас лес... Но вместе с тем этот полноценный «locus terribilis» соседствует в романе с «locus amoenus»: домик егерь и сопряженный с ним идиллический хронотоп размещаются совсем недалеко от замка.

Роман опровергает представление о Дюма-отце как писателе поверхностного свойства. Его интертекстуальный пласт чрезвычайно плотен, и в первую очередь он отсылает к немецкой культурной традиции XVIII–XIX веков. В книге содержатся как прямые, так и косвенные аллюзии на Гёца фон Берлихингена (не только историческое лицо, но и персонажа Гёте), на трилогию Шиллера «Валленштейн» (вскоре Дюма – по-видимому, единолично – перевел его драму «Коварство и любовь», которая была поставлена в 1847 г. на сцене «Исторического театра»); на Э.Т.А. Гофмана (которому позже, в 1850 году, предстоит стать протагонистом «френической» повести Дюма «Женщина с бархоткой на шее»). Не менее значима для «Замка Эпштейнов» и традиция французского сентиментализма – юная Роземунда увлеченно читает «Поля и Виргинию», причем содержание книги подвергается обсуждению. Более того, сюжетная линия Эберхарда и Роземунды отчасти перекликается с судьбой главных героев шедевра Бернарда де Сен-Пьера: «дети природы», они воспитываются вместе, вдали от цивилизации, вполне в руссоистском духе.

Интересно, что «бернарденовский» сюжет в определенный момент кренился в сторону романа воспитания, причем не вполне ортодоксального свойства. Если Виргиния отправляется с Иль-де-Франса в Париж и получает образование в пансионе при неназванном монастыре близ Парижа, то Роземунда сходным же образом покидает сельскую глушь и едет в Вену; полученное ею при тамошнем монастыре образование иначе как блестящим не назовешь. Есть определенный парадокс и в том, что монастырь, чья роль в готическом нарративе скорее негативна («тюрьмы отчасти сменяются монастырями» [Бахтин: 269]), в «Замке Эпштейнов» оказывается источником благотворного знания; и в том, что именно простолюдника Роземунда становится наставницей для продолжающего жить в гармонии с природой знатного Эберхарда (прежде его главным и основным чтением являлась Библия, наряду с Книгой Природы; в одном месте Эберхард вдруг сравнивается с беседовавшим с птицами Св. Франциском Ассизским).

Наконец, весьма существенную роль в романе играет чтение Шекспира. Следует заметить, что еще в 1820-х годах Дюма испытал сильное увлечение английским классиком. В роман «Амори» (1843) он включил переведенный александрийским стихом и выполненный тем же Полем Мёрисом знаменитый монолог Гамлета, а три года спустя с упоением следил за премьерой полной версии перевода пьесы (фактически сочиненной Мёрисом, но подписанной двумя именами) на сцене театра Сен-Жермен-ан-Лэ. В «Замке Эпштейнов» дело не ограничивается обсуждением гамлетовского сюжета; Галеотом для Эберхарда и Роземунды становится «Ромео и Джульетта»; именно благодаря чтению этой пьесы они распознают в себе романтическую любовь. Помимо того, упоминается и увековеченный Данте «вечный сюжет» о Паоло и Франческе.

Одним словом, традиция английского готического романа оказывается в книге Дюма – Мёриса скорректированной; весьма уверенно смешивая различные жанровые, национальные и культурные традиции, авторы создают, на наш взгляд, одно из самых примечательных из числа подписанных именем Александра Дюма сочинений.

Не менее интересным образом смешения жанров является роман «Ашборнский пастор» («Le Pasteur d'Ashbourn»). Никаких сведений о причастности к его написанию «негров» не имеется. Роман впервые публиковался в виде фельетона на страницах газеты «Страна» («Le Pays») с 23 февраля по 11 июня 1853 года; в том же году вышло отдельное издание.

Книга включает в себя две части и очень существенный для понимания авторского замысла пространственный эпилог. Поначалу «Ашборнский пастор» читается как искусная и даже вдохновенная стилизация сентиментального романа в письмах XVIII века. На сей раз местом действия становится родина готического романа – Англия, что в еще большей степени, нежели в «Замке Эпштейнов», трансформирует жанровый канон. Разумеется, особое значение имеют и выбор в качестве главного персонажа представителя англиканской церкви, и тип нарратива – этаким гибридом «Векфилдского священника» Оливера Голдсмита и «Страданий юного Вертера» Гете.

Действие романа начинается в 1754 году, и первая глава посвящена встрече главного героя с Александром Поупом – еще одна очень примечательная в контексте ревизии готизма деталь. Вряд ли Дюма были известны раздумья Поупа о «варварстве» и охоте как характерном его проявлении [Лучинина: 167]; заядлый охотник, Дюма вряд ли простил бы английскому писателю такие слова. Как бы то ни было, Александр Поуп являлся приверженцем классицистической эстетики и к интересующей нас линии развития романа отношения не имел.

Первая часть «Ашборнского пастора» имеет вполне определенный литературный источник. Об этом мы знаем от скандально известного литератора Эжена де Миркура (1812–1880), непримиримого оппонента Дюма и автора памфлета «Фабрика романов» (1845). Миркур утверждал, что Дюма являлся плагиатором, а большинство его произведений сочинены «неграми». По поводу происхождения романа «Ашборнский пастор» Миркур отзывался кратко, но хлестко, полагая книгу стопроцентным плагиатом известного сочинения весьма популярного и плодовитого немецкого романиста Августа Лафонтена: «...в газете "Le Pays" Дюма опубликовал роман "Ашборнский пастор", полностью скопированный с осуществленного госпожой де Монтолье перевода романа того же автора под названием "Nouveaux tableaux de famille, ou la vie d'un pauvre ministre de village allemand et de ses enfants". Вклад самого г-на Дюма сводился к замене немецких имен на английские...» [Mirescourt: 92, note 1].

Перед нами полуправда (как это вообще нередко бывало с Миркуром). Действительно, в 1802 году Изабель де Монтолье выпустила французский перевод романа Лафонтена (в пяти томах); вскоре с этой версии был выполнен русский перевод книги под названием «Новые семейственные картины, или жизнь бедного священника одной немецкой деревни и его детей». Что касается Александра Дюма, то в первой части «Ашборнского пастора» он и впрямь использует (хотя и не буквально) первый том книги Лафонтена. Однако итоговый вклад г-на Дюма в переработку немецкого первоисточника оказался гораздо более значительным, чем это хотелось бы представить Миркуру.

Но прежде скажем пару слов о Лафонтене. Его «мещанские романы» пользовались большой популярностью во Франции (равно как и в России). Пушкин иронично упоминает в четвертой главе «Евгения Онегина» «роман во вкусе Лафонтена»; в 1847 году еще более едко отзывался о «добром немце» (и притом в одном ряду с Анной Радклиф!) Белинский; еще язвительнее клеймил «паточную сентиментальность» Лафонтена Герцен; и напротив, вполне благожелательно отзывается о «целомудренной памяти Огюсте Лафонтене» Балзак в «Евгении Гранде» и «Кузене Понсе». Подобно другим сочинениям Лафонтена, «Новые семейственные картины...» перенасыщены нравочениями и сентиментальностью и, по сути дела, предвосхищают незамысловатую эстетику литературного бидермайера.

В первой части Дюма относительно близко следует первоисточнику, хотя и явно интеллектуализирует его, привносит литературно-эстетическую рефлексию; модифицирована и сама структура нарратива – исходный «Icherzählung» заменен на эпистолярный. Главный герой, молодой священник

Бемрод (имя главного героя «Новых семейственных картин...» сохранено без изменений, вопреки утверждению Миркура), шлет своему приятелю Петрусу, профессору Кембриджского университета, пространные письма о своем непросто вхождении в профессию, трудностях в овладении им риторикой (а точнее гомилетикой), а затем переходит к своей пылкой влюбленности в прекрасную и естественную Дженни (у Лафонтена героиня носит имя Августины). История их любви выдержана прямо-таки в пасторальном ключе, и читатель ждет уж имени Лонга – вскоре оно и возникает. Герои вступают в брак, однако через некоторое время идиллия оказывается омрачена появлением порочного и нечестивого соперника – управляющего Стиффа. Инфернальный готический злодей субституирован здесь приземленным, крайне отталкивающим, но лишенным налета демонизма ловеласом. Тот – будучи отвергнутым Дженни – жестоко мстит Бемроду, вплоть до того, что пастор впадает в полнейшую нищету и оказывается – правда, ненадолго – в долговой тюрьме...

До поры совершенно невозможно догадаться, что перед нами готический роман. Более того, протагонист книги – благородный священник, и здесь Дюма явно полемизирует с готической традицией и ее зловещими монахами. Впрочем, присутствие сентиментальной составляющей вполне соответствует традиции английского готического нарратива (так, в «Удольфских тайнах» присутствует «руссоистская» преамбула, а ряд исследователей в связи с творчеством Анны Радклиф используют термин «сентиментально-готический роман»). По утверждению Е.В. Скобелевой, у Радклиф «сентиментальности не меньше, чем у Ричардсона» [Скобелева: 34].

Первая часть «Ашборнского пастора» изобилует стихотворными включениями, что опять-таки напоминает о романах Анны Радклиф (которая прибегает к фрагментам из Шекспира, Юнга, Томсона, Грея, Мильтона, а также внедряет в текст собственные поэтические сочинения). Между тем Дюма в этом отношении идет, по сути дела, рыночным путем: он, например, включает в книгу полный текст «Сельского кладбища» Томаса Грея, и здесь следует видеть не только реверанс по отношению к предромантической традиции, но и удачный способ увеличить объем книги (сразу на четыре страницы).

К концу первой части атмосфера все-таки начинает сгущаться, а вторая часть уже совершенно соответствует готическому канону. Полностью отвергнуты последующие части книги Лафонтена, где пастор становится отцом шести детей и где превалирует «мысль семейная». У Дюма пастор с женой отправляются – фактически ради заработка – в отдаленный приход, где им приходится жить в доме с дурной славой. Бемроду сообщают злоче-

щую легенду о даме в сером, покончившей с собой в 1584 году вдове пастора, которая якобы в определенные дни года появляется рядом с домом и приносит беду тем пасторам, у которых рождается пара близнецов. Всё это вполне соответствует традиции готического нарратива; интересно, однако, что традиционный жанровый локус – готический замок – заменяется, в «лафонтеновском» духе, на домик пастора.

Легенда производит необычайно сильное впечатление на отличающегося нервной чувствительностью Бемрода, он размуровывает дверь комнаты, где в стародавние времена жила дама в сером, но находит там только истлевшую одежду да веревки – возможно, именно их использовала несчастная самоубийца. Вскоре выясняется, что жена пастора беременна – и, как и следовало ожидать, на свет появляются мальчики-близнецы. Тем временем Дженни обнаруживает в дальней комнате дома лапидар с рукописью, содержание которой немедленно и приводится, растягиваясь на двенадцать глав с одним названием – «Что может выстрадать женщина» (исполненный мелодраматизма дневник самоубийцы). Инфернальная дама в сером оказывается несчастной жертвой трагических обстоятельств, впадшей в нищету, похоронившей сначала мужа, а затем и свою дочь, причем роковую роль в кончине последней сыграли двое мальчиков-близнецов.

Эта весьма изощренная нарративная конструкция романа (от эпистолярной – к вставной рукописи) отчасти напоминает уже упоминавшуюся книгу «Тысяча и один призрак». Нельзя сказать, что в итоге Дюма, по примеру Радклиф, развенчивает сверхъестественное – загадка женщины в сером остается непроясненной; впрочем, и дальнейшая судьба детей пастора Бемрода (одному из которых, очевидно, предстоит стать причиной смерти другого) также не раскрывается. Хотя в конце второй части содержится обещание написать на эту тему отдельное произведение, Дюма так и не завершает историю ашборнского пастора. В финале второй части Бемрод, наконец-то узрев ночное привидение, в смятении бросается к своим детям:

«Бледный, испуганный, задыхающийся, я рывком открыл дверь комнаты.

[...] Дети! Дети! – восклицал я. – Где дети?

Дженни, ничуть не изменившись в лице и сохраняя свое непоколебимое спокойствие, указала мне на обоих близнецов, спавших в одной колыбели.

[...] – О! – вырвалось у меня. – Кто бы мог подумать, что однажды одного из этих ангелочков назовут Каином!

И я в беспомощности упал на кресло прямо в руки побледневшей от ужаса Дженни» [Дюма 2019: 483].

Весьма примечателен эпилог романа, который представляет собой образец нарративного металеписа, вторжения автора в повествование. На сцену наконец-то выходит, во всем блеске своей

иронии, сам Александр Дюма. Эпилог построен весьма прихотливо и включает в себе сразу несколько микросюжетов, в том числе яркий псевдомемуарный фрагмент – историю поездки Дюма в Англию в 1850 году на похороны Луи Филиппа (после отречения от престола бывший монарх два года прожил в Британии). Однако на церемонию знаменитого французского писателя не допустили – в связи с его республиканскими воззрениями. Далее следует беллетризованный очерк, посвященный Байрону, с включением фрагментов из разных его сочинений; здесь не только известное стихотворение «При отъезде из Ньюстедского аббатства» (1803), но и, например, цитата из незавершенной драмы 1824 г. «Преображенный урод». Завершается же всё поездкой Дюма в Ашборн, где потомок пастора вручает ему пачку писем от Бемрода к доктору Петрусу; Дюма погружается в чтение; повествование закольцовывается. Но что особенно интересно, именно здесь, в финале, Дюма раскрывает свой литературный источник:

«– Как вы находите прочитанное?

– Превосходно, черт побери; ведь был уговор, что я поставлю под этим свою подпись?

– Но предположим, что вы этого не сделаете.

– Прежде всего я сказал бы, что когда-то прочел роман Августа Лафонтена, который начинается точно так же.

– Август Лафонтен приезжал в Англию в конце прошлого века; кто вам сказал, что он не был знаком с добрым господином Бемродом?..» [Дюма 2019: 550].

С учетом всего сказанного негативная оценка, вынесенная Д. Циммерманом «Ашборнскому пастору» как «одному из наименее удачных романов» Дюма [Циммерман: 175], выглядит совершенно необоснованной.

Итак, романы «Замок Эпштейнов» и «Ашборнский пастор» представляют собой интересные жанрово-стилистические эксперименты, нацеленные не на разрушающее пародирование модели английского готического романа (к чему тяготеет, например, Понсон дю Террайль в романе «Преставившаяся баронесса», 1853), но, напротив, на консервацию жанра в новом литературном контексте за счет обогащения его иными нарративными структурами.

Список литературы

Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 3. М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.

Дюма А. Сратники Иегу / пер. Е. Бируковой, М. Вахтеровой. М.: Вече, 2017. 542 с.

Дюма А. Тысяча и один призрак. Замок Эпштейнов // Дюма А. Собр. соч.: в 50 т. Т. 35. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1996. 780 с.

Дюма А. Ашборнский пастор / пер. Ю. Денисова. М.: Вече, 2019. 576 с.

Заломкина Г.В. Поэтика пространства и времени в готическом сюжете. Самара: Самарский государственный университет, 2006. 228 с.

Лучинина П.Ю. Поэтика «готического» в английских ориентальных эссе XVIII века // Вестник Костромского государственного университета. 2014. № 3. С. 166–169.

Пахсарьян Н.Т. Особенности литературной судьбы А. Дюма в России XIX в.: от драматургии к роману «Три мушкетера» // Генезис зарубежной массовой литературы и ее судьба в России. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 254–267.

Скобелева Е.В. Традиция «готического» романа в английской литературе XIX и XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Москва: Литературный институт им. А.М. Горького, 2008. 197 с.

Циммерман Д. Александр Дюма Великий: в 2 кн. Кн. 2. М.: ТЕРРА, Физкультура и спорт, 1996. 368 с.

Callet-Bianco A.-M. La g n se du roman. Dumas A. Le Ch teau d'Epstein. P., Gallimard, 2015, pp. 339–351.

Dorsamy N. Le Gothique dans l'oeuvre d'Alexandre Dumas. M moire de Master 2. R union, Universit  de la R union, 2009, 93 p.

Mirecourt E. de. Les Contemporains, Alexandre Dumas. P., Havard, 1855, 129 p.

Santa A. Dumas gothique: po tique de la demeure. Revue des sciences humaines, 2008, № 290, pp. 71–81.

References

Bakhtin M.M. *Sobr. soch.* [Collected works]: in 7 vols. Vol. 3. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2012, 880 p. (In Russ.)

Diuma A. *Soratniki Iegu* [Companions of Iegu], trans. E. Birukovoi, M. Vakhterovoi. Moscow, Veche Publ., 2017, 542 p. (In Russ.)

Diuma A. *Tysiacha i odin prizrak. Zamok Epshteinov* [Thousand and One Ghost. Epstein Castle]. *Diuma A. Sobr. soch.* [Collected works]: in 50 vols. Vol. 35. Moscow, Art-Biznes-Tsentr, 1996, 780 p. (In Russ.)

Diuma A. *Ashbornskii pastor* [Ashbourne Pastor], trans. Iu. Denisova. Moscow, Veche Publ., 2019, 576 p. (In Russ.)

Zalomkina G.V. *Poetika prostranstva i vremeni v goticheskom siuzhete* [The poetics of space and time in the Gothic plot]. Samara, Samarskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2006, 228 p. (In Russ.)

Luchinina P.Yu. *Poetika «goticheskogo» v angliiskikh oriental'nykh esse XVIII veka* [Poetics of the “Gothic” in 18th century English oriental essays]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2014, № 3, pp. 166–169. (In Russ.)

Pakhsar'ian N.T. *Osobennosti literaturnoi sud'by A. Diuma v Rossii XIX v.: ot dramaturgii k romanu «Tri mushketera»* [Features of the literary fate of A. Dumas in Russia of the 19th century: from drama to the novel “The Three Musketeers”]. *Genezis zarubezhnoi massovoi literatury i ee sud'ba v Rossii* [Genesis of foreign mass literature and its fate in Russia]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2015, pp. 254–267. (In Russ.)

Skobeleva E.V. *Traditsiia «goticheskogo» romana v angliiskoi literature XIX i XX vekov* [The tradition of the “Gothic” novel in English literature of the 19th and 20th centuries]: dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, Literaturnyi institut im. A.M. Gor'kogo, 2008, 197 p. (In Russ.)

Tsimmerman D. *Aleksandr Diuma Velikii* [Alexander Dumas the Great]: in 2 books. Book 2. Moscow, TERRA Publ., Fizkul'tura i sport Publ., 1996, 368 p. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-141-147>
УДК 821.161.1.09"19"

Городилова Наталья Ивановна
Институт мировой литературы им. А.М. Горького

ОСОБЕННОСТИ ЭПИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»: ОТ АВТОРА К ГЕРОЮ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-012-00102

В статье анализируется эпическая природа романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Художественный замысел, посвященный кризисной эпохе 1870-х гг. как важнейшей вехе русской истории, широкий охват современных автору событий, изображение представителей разных сословий свидетельствуют о масштабе творческой задачи. В статье рассматривается своеобразие эпического повествования у Толстого, которое определяется во многом выбором главного героя. Наделенный чутким сердцем и беспокойной совестью, ищущий свое истинное предназначение, он всегда проходит один путь: от эгоцентризма к народному пониманию жизни, осознанию себя как части общей «роевой» жизни. Николенька Иртенев, Дмитрий Нехлюдов, Пьер Безухов являются сложным отражением самого Толстого на определенных этапах его духовной биографии. В галерее толстовских героев Константин Левин занимает особое место, поскольку отражает состояние писателя, стоящего на пороге серьезного мировоззренческого переворота. В статье осмысление биографического и художественного начал в образе Константина Левина дано в контексте эпистолярных и мемуарных источников. История Левина с его мучительным поиском смысла жизни, религиозными сомнениями воплотила сокровенные мысли автора, неоднократно высказанные им в письмах к Н.Н. Страхову. В судьбе Левина раскрывается не только важнейшая страница биографии Толстого, но намечается судьба человека переходного времени, тесно связанная с жизнью страны.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, эпический роман, художественный замысел, герой, автор, публицистика, автобиографизм, эпистолярное наследие.

Информация об авторе: Городилова Наталья Ивановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия.

E-mail: natromanova2007@yandex.ru

Дата поступления статьи: 29.06.2020.

Для цитирования: Городилова Н.И. Особенности эпического повествования в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: от автора к герою // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 141-147. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-141-147>.

Natal'ya I. Gorodilova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

FEATURES OF THE EPIC NARRATIVE IN THE NOVEL «ANNA KARENINA» BY LEO TOLSTOY: FROM AUTHOR TO HERO

The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00102

The article is devoted to the analysis of the epic nature of the novel «Anna Karenina» by Leo Tolstoy. Artistic concept dedicated to the crisis era of the 1870s as the most important milestone in Russian history, the wide coverage of the events contemporary for the author, the depiction of representatives of different estates - testify to the scale of the creative task. The article examines the originality of Leo Tolstoy's epic narrative, which is largely determined by the choice of the protagonist. Endowed with a sensitive heart and a troubled conscience, seeking his true destiny, such a man always goes the same path – from egocentrism to understanding of folkish life, realising himself as part of a common «swarm» life. Nikolenka Irteniev, Dmitri Nekhlyudov, Pierre Bezukhov are a complex reflection of Leo Tolstoy himself, each at a certain stage in his spiritual biography. In the gallery of Leo Tolstoy's heroes, Konstantin Lyovin occupies a special place, since he reflects a writer who is on the verge of a serious worldview revolution. Understanding the biographical and artistic principles in the image of Konstantin Lyovin is given in the context of epistolary and memoir sources in the article. The story of Konstantin Lyovin with his uneasy search for the meaning of life, with religious doubts, embodied the author's innermost thoughts repeatedly expressed by him in letters to Nikolay Strakhov. Not only the most important page of Leo Tolstoy's biography is revealed in the fate of Konstantin Lyovin, but the fate of a person of transition time closely related to the life of the country, is planned.

Keywords: Leo Tolstoy, epic novel, artistic plan, hero, author, journalism, autobiography, epistolary heritage.

Information about the author: Natal'ya I. Gorodilova, Candidate of Philological Sciences, senior researcher, A. M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: natromanova2007@yandex.ru

Article received: June 29, 2020.

For citation: Gorodilova N.I. Features of the epic narrative in the novel «Anna Karenina» by Leo Tolstoy: from author to hero. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 141-147 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-141-147>.

«Анна Каренина» занимает особое место в творческой биографии Л.Н. Толстого: созданная в трудный для писателя период религиозно-нравственных исканий, она стоит в преддверии «Исповеди», знаменуя собой важнейшую веху в эволюции автора. Кроме того, роман воплощает и новые художественные принципы, осмысленные в период сближения с творчеством Пушкина и во время плодотворной работы над «Азбукой», для создания которой писатель много изучал греческих классиков и русскую народную поэзию. Исследователи справедливо обращали внимание на своеобразие композиции романа, единство которой определяет не сюжет и встреча героев, а авторская мысль; строгую объективность рассказа наблюдающего со стороны автора, что было так не характерно для Толстого; отсутствие избыточного психологического анализа; поэтический рисунок прозы. При этом «Анна Каренина» обладает выраженной эпической природой, которая составляет отличительную черту романного творчества писателя в целом.

Отсутствие в «Анне Карениной» широкого исторического охвата событий, характерного для «Войны и мира», ввело многих современников Толстого, как простых читателей, так и профессиональных критиков, в заблуждение относительно замысла и, соответственно, жанра произведения: события современной автору эпохи запечатлели важнейший период в русской истории – кризисную эпоху 1870-х гг. Роман насыщен разнообразными событиями и актуальными вопросами своего времени (современное искусство, воспитание и образование, естествознание, всеобщая воинская повинность, добровольческое движение, рабочий вопрос, спиритизм и многое другое); он отражает умственные интересы и духовные запросы людей самых разных социальных групп, неслучайно Э.Г. Бабаев назвал «Анну Каренину» «энциклопедическим романом» [Бабаев: 418]. Но пропитанный духом своей эпохи, он, однако, не становится простой хроникой событий, а вырастает в крупное эпическое полотно, в котором современность получает глубокое философское осмысление. В изображении двух центральных героев – Анны Карениной и Константина Левина – отражается не просто жизнь частного человека с его взлетами и падениями, но именно судьба человека переходного времени, тесно связанная с жизнью страны. И роман, казалось бы, посвященный семейной, любовной теме, превратился в роман «общечеловеческого значения» [Бабаев: 419], ставший художественным документом целой эпохи.

Специфика эпического повествования у Толстого во многом определяется выбором главного героя. Это всегда человек, наделенный чутким сердцем и беспокойной совестью, борющийся со своими недостатками, сомневающийся в верности избранного жизненного пути и ищущий свое ис-

тинное предназначение. Путь толстовского героя всегда один: от эгоцентризма, видения мира со своей точки зрения, обусловленной как личными чертами, так и сословными предрассудками, к народному пониманию жизни, подразумевающему отказ от индивидуализма и осознания себя частью общей «роевой» жизни. Такой герой неслучайно возникает в произведениях писателя: он является сложным отражением самого Толстого, с юных лет находящегося в бесперывном поиске правды.

В каждом крупном произведении Толстого есть герой, духовно ему близкий, проливающий свет на внутреннюю, порой скрытую от посторонних глаз жизнь автора в тот или иной период времени. Николенька Иртенев, Дмитрий Нехлюдов, Пьер Безухов – субъективная природа этих образов не раз была отмечена специалистами – отразили размышления и переживания Толстого на определенных этапах его духовной биографии. Особое место в этом образном ряду занимает герой «Анны Карениной»: Толстой, создавший Константина Левина, стоял на пороге серьезного мировоззренческого переворота и был как никогда близок к приятию народного миропонимания. Осмысление биографического и художественного начал в образе Константина Левина помогает не только понять путь самого Толстого, сколько увидеть своеобразие эпического повествовательного рисунка его романного мира.

«В изображение Константина Левина Толстой внес много черт собственной личности <...>» [Саводник: 377]. Отсутствие искусственности в мыслях и поступках, непосредственность, честность, неумение притворяться, любовь к деревенской жизни с ее трудовой деятельностью, отношения с крестьянами и повседневными трудами земледельца, неприятие городской действительности с суестью и мелочными заботами, напряженные духовные искания, углубленное самонаблюдение, постоянное нравственное развитие, склонность к увлечениям, часто сменяемым одно другим, перемена мыслей и настроений, самостоятельный взгляд на мир и людей, не совпадающий часто с общепринятыми нормами – все эти черты роднят героя и его создателя. Своим родным и знакомым Левин казался странным чудачком: он приезжал в Москву «большую часть с совершенно новым, неожиданным взглядом на вещи» [Толстой 1970: 21], нигде не служил, вел «дикую какую-то жизнь в деревне, с занятиями скотиной и мужикам» [Толстой 1970: 43], будучи зрелым, сохранил свежесть восприятия, не умея скрывать своих чувств и страдая от детской застенчивости, нередко проявлял «неловкость в свете» [Толстой 1970: 43]. Не меньшими странностями на протяжении всей своей жизни отличался и Толстой, плохо вписывавшийся в привычные рамки жизни своего круга. Об этом сохранилось множество свидетельств в мемуарно-автобиографических источниках. Так, в вос-

поминаниях С.А. Берса приводится свидетельство тетки писателя П.И. Юшковой: «<...> в детстве он был очень шаловлив, а отроком отличался странностью, а иногда и неожиданностью поступков, живостью характера и прекрасным сердцем» [Апостолов: 25]. Интересные воспоминания оставил Н.П. Загоскин: несмотря на то, что юный Толстой посещал все казанские балы и вечера, «в нем всегда наблюдали какую-то странную угловатость, застенчивость» [Апостолов: 30].

«Новые» фазы Левина, о которых с добродушным юмором говорил Облонский, были знакомы и его создателю. Прежде чем стать писателем, он прошел довольно продолжительный путь исканий – себя и своего места в жизни. Оставив Казанский университет, Толстой поселился в Ясной Поляне и страстно увлекся хозяйством, в котором вскоре, однако, разочаровался. Неопределенность его положения отражается в постоянных перемещениях между Москвой, Тулой и Петербургом и в частой смене разнообразных замыслов: то он желает определиться на службу – гражданскую или военную, то хочет сдать кандидатские экзамены в Петербургском университете, ставит громадную задачу по самообразованию. Все эти проекты перемежаются самыми разнообразными увлечениями: Толстой с головой погружается в светскую жизнь с карточной игрой, долгами, цыганским пением, кутежами, любовными переживаниями. В это время зарождается его страсть к охоте, увлечение гимнастикой, к этому периоду относится и создание первой школы для народа, и серьезные занятия музыкой, и бесконечное чтение самых разнообразных книг.

Неординарность восприятия, парадоксальность мышления ярко проявились в петербургский период жизни Толстого, когда он приехал в столицу после Севастополя и стал вхож в круг писателей. А.А. Фет вспоминал: «С первой минуты я заметил в молодом Толстом невольную оппозицию всему общепринятому в области суждений» [Апостолов: 72]. В.П. Боткин отмечал: «<...> ум его находится в каком-то хаосе представлений <...> в нем еще не выработалось определенного воззрения на жизнь и дела мира сего. От этого так меняются его убеждения, так падок он на крайности» [Островский: 165]. И.А. Гончаров напоминал Толстому о его спорах с литераторами, близкими «Современнику», которые негодовали за его «своеобразные мнения и взгляды на них» [Гусев 1855–1869: 6].

Безусловно, от Толстого в Левине и его инстинктивная любовь к простым людям, к крестьянам, восхищение их трудолюбием. Описание косябы героя с крестьянами — это впечатления самого Толстого, который в 1870 г. по целым дням работал на покосе вместе с яснополянскими крестьянами. В письме к С.С. Урусову он признавался: «Я теперь вот уже 6-ой день кошу траву с мужиками по це-

лым дням и не могу вам описать – не удовольствие, но счастье, которое я при этом испытываю» [Толстой Юб. 61: 237].

Реконструкция биографического пласта, послужившего материалом для образа Левина, имеет особую важность для исследователей, поскольку в период создания романа Толстой не вел дневников, являющихся важнейшим источником сведений о писателе, а значит, художественный текст наряду с письмами и свидетельствами очевидцев становится бесценным документом об авторе. Но помимо биографической близости Константин Левин имеет со своим создателем и духовное родство, которое многое открывает для понимания пути Толстого, особенно если учитывать, в какой жизненный период создавался роман. Внутренняя родственность героя и автора помогает понять, в какой «фазе» находился Толстой в 1870-е гг., поскольку известно, что его творческая эволюция тесно связана с этапами духовного развития. Когда Толстой писал «Войну и мир», он был в расцвете своих физических и душевных сил, его господствующим настроением было радостное приятие жизни. «Анна Каренина» создавалась во время значительных сомнений писателя. Н.К. Гудзий был прав, отметив, что «“Война и мир” – апофеоз здоровой, полновзвучной жизни, ее земных радостей и земных чаяний» [Гудзий: 113], а в «Анне Карениной» «господствует настроение напряженной тревоги и глубокого внутреннего смятения» [Гудзий: 114].

Время работы над «Анной Карениной» совпало с серьезным духовным кризисом, который привел Толстого к переосмыслению прежней жизни. Первым законченным произведением после «Анны Карениной» стала «Исповедь» — яркое религиозно-публицистическое произведение, в котором Толстой отказывался от прежней жизни богатого помещика и известного писателя и рассказывал о мучительных религиозных борениях, приведших его к конфликту с Церковью. Обычно в связи с новым мировоззрением Толстого говорят о восьмой части романа, однако понять логику духовного развития Левина, а значит, и Толстого возможно только в контексте всего произведения.

Путь Левина – это во многом путь самого Толстого – от отчаяния к обретению веры. Сюжетную линию Левина, казалось бы, контрастную линии Анны, венчает счастливый финал. Герой осуществил давнюю свою мечту: он женат, у него есть сын, Левин обитает в деревне, занимаясь любимым хозяйством. Толстой после завершения исторической эпопеи так же, как и его герой, живет во внешне благополучной обстановке: он счастливый семьянин, окруженный любимой и любящей женой и детьми, процветающий помещик, всеми признанный писатель, слава которого с годами только растет. Но появляется последняя часть романа, которая многими читателями была воспринята

как неудачная пристройка к художественно завершенному целому, и выясняется, что в идиллическом мире Левина возникает диссонанс настолько серьезный, что он прячет от себя веревку, чтобы не повеситься, и ружье, чтобы не застрелиться.

Удивительно не то, что Толстой заставляет Левина задумываться над главными проблемами бытия (Зачем жить, если все равно придет смерть?) и приводит его к вере. По сути, писатель с юности ставил перед собой вопросы о смысле жизни. Истории его любимых героев всегда одни и те же: сомнения в себе, духовный кризис, поиск своего жизненного предназначения, обретение его. В конце концов, уже был Пьер Безухов и Платон Каратаев. Удивительно другое: Толстой именно в период создания «Анны Карениной» приходит к радикальной переоценке ценностей и намечает путь, которому будет верен до конца жизни. С одной стороны, внутренний кризис Толстого имел вполне объективные корни, в 1870-е гг. обострение социально-экономических противоречий не могло не побуждать к осмыслению себя и своего места в стремительно меняющемся мире. Само время толкало на поиск смысла жизни. Но, с другой стороны, важны и закономерности личного пути писателя. В романе есть знаменательная фраза. Левин, вернувшийся домой после исповеди, вспоминает слова священника, в которых было что-то такое, что нужно уяснить, но, как он думает, «разумеется, не теперь <...> но когда-нибудь после» [Толстой 1970: 373]. Вот это «после» наступило для Толстого именно в 1870-е гг., когда многие роли – помещика, семьянина, педагога, мирового посредника – были уже прожиты и отброшены им как не отвечающие на главный вопрос жизни: зачем я существую?

Понять закономерность пути от «Анны Карениной» к «Исповеди», понять «печать отрицания» [Гудзий: 115], которой пропитан роман, невозможно вне контекста эпистолярно-мемуарных источников. 14 февраля 1870 г. в дневнике С.А. Толстой зафиксировано: «Он сам много думал и мучительно думал, говорил часто, что у него мозг болит, что в нем происходит страшная работа; что для него все кончено, умирать пора и проч.» [Толстая. Дневники: 495]. В записи от 9 декабря 1870 г.: «Иногда ему кажется, <...> что он сойдет с ума, и страх сумасшествия до того делается силен, что после, когда он мне это рассказывал, на меня находил ужас» [Толстая. Дневники: 498]. Жена и близкие друзья объясняли состояние Толстого усталостью после титанического труда по созданию «Войны и мира», а также мучительным поиском новой творческой работы. Но ведь уже задумана «Азбука», собираются материалы для романа из эпохи Петра, мечтается о драме. Более того, ощущение мучительного недовольства жизнью продолжается даже в период интенсивной работы над «Анной Карениной»: художественное больше не забирает так, чтобы мож-

но было забыться. 12 октября 1875 г. Софья Андреевна пишет в дневнике: «Унылый, опущенный, сидит без дела, без труда, без энергии, без радости целыми днями и неделями <...>» [Толстая. Дневники: 89]. В письме брату в 1876 г. Толстой жалуется: «<...> ничего более не остается в жизни, как умирать» [Толстой Юб. 62: 248]. О том же и в письме А.А. Фету этого периода: «Вы больны и думаете о смерти, а я здоров и не перестаю думать о том же и готовиться к ней» [Толстой Юб. 62: 272]. Думается, что прокомментировать тяжелое настроение Толстого, можно словами из «Исповеди»: «<...> со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумения, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, и я терялся и впадал в уныние» [Толстой Юб. 23: 10].

Представление о том, как преодолевалось уныние, как шел поиск истины, дает переписка Толстого и Н.Н. Страхова, близкого единомышленника писателя в период работы над романом. В этом эпистолярном общении рождалась философия Толстого, отразившаяся и в заключительной части «Анны Карениной», и в «Исповеди».

Страхов становится одним из первых свидетелей того, что круг творческих интересов его знаменитого корреспондента расширяется. В письме от 25 августа 1875 г. Толстой пишет, как ему надоела «Анна Каренина» и как хочется освободить досуг для более забирающих его занятий, но не педагогических [Толстой, Страхов: 215]. В другом письме (от 26 октября 1875 г.) Толстой сообщает, что начал писать что-то, что никогда не издаст и что не разочарует [Толстой, Страхов: 221]. Речь идет о религиозно-философской работе. Толстой, советуя Страхову изложить свое религиозное мировоззрение и мечтая сам осуществить задуманное, объясняет возникший в нем внутренний стимул и «влечением сердца» [Толстой, Страхов: 221], и радостным чувством долга: «Что-нибудь я в 50 лет вынес из жизни общее. Как же мне не попробовать сказать это, как я умею» [Толстой, Страхов: 221].

Между Толстым и Страховым завязывается так называемая «двойная» переписка: письма о текущих делах, повседневных заботах перемежаются серьезными письмами, насыщенными сложными мировоззренческими вопросами. Интенсивное чтение философских и религиозных работ приводит собеседников к полемике на разнообразные темы: что есть жизнь и смерть, каковы границы познания, в чем отличие истинного и ложного знания, почему любовь является основой жизни, что такое зло и т. д.

В ноябре 1875 г. Толстой посылает Страхову предисловие к задуманному философскому сочинению, в котором содержатся важные разъяснения относительно духовного состояния писателя. Спу-

стя два года мысли Толстого вольются в художественную ткань романа и будут переданы Левину. Но и в частном письме он остается тонким и проникновенным художником, высказывая свои думы в ярких, запоминающихся образах. Объясняя путь человека, писатель обращается к понятию «таинственной горы жизни» [Толстой, Страхов: 236]. В молодости человек поднимается в гору, «надеясь найти на ее вершине результат, достойный положенных трудов» [Толстой, Страхов: 236], в зрелости он добирается до вершины и спокойно, довольно обзорекает то, к чему он так стремился. В этот момент и наступает сложный жизненный перелом: достигнув пика восхождения, человек вдруг осознает, что на горе нет того, чего он так долго искал и добивался. Вынужденное движение вниз Толстой называет состоянием старости, в котором материальные желания, больше не удовлетворяя, меркнут и если и появляются, то только «в дурные минуты <...> душевного состояния» [Толстой, Страхов: 236]. Писатель делится чувством ужаса и отчаяния, возникшим перед неизбежными вопросами: что значит прожитая жизнь и что есть ожидающая впереди смерть, одна мысль о которой приводила к пессимистическому выводу о бессмысленности сущего. Но в то же время настойчивый внутренний голос Толстого сопротивлялся признать жизнь «пустой и глупой шуткой» [Толстой, Страхов: 236] и приводил к естественному вопросу: может быть, не жизнь лишена смысла, а, наоборот, смысл ложно понят? Помимо сознания, сопротивляющегося признавать жизнь разумного существа пустой и ложной, против страшного вывода свидетельствовали и наблюдения за старыми людьми, которые, за редким исключением, во все времена спокойно и ясно ждали смерть. И Толстой «стал отыскивать тот взгляд на жизнь, при котором уничтожилась бы кажущаяся бессмыслица жизни» [Толстой, Страхов: 237]. Задуманная им философская работа должна была рассказать, как был обретен тот твердый фундамент, который спасал от отчаяния и страха смерти. Но ни одна из начатых в это время философских работ не была завершена – ответ еще не был ясен Толстому.

В этом же письме он, отвечая на вопрос Страхова: «что я должен делать?» – обращается к объяснению понятий, важнейших для его философии. Писатель различает жизнь личную, для себя, и жизнь общую, не для себя, вне себя. Он определяет путь человека как естественное движение от детства к старости, то есть как «переход из любви к себе... к любви не себя» [Толстой, Страхов: 235] и формулирует достойную цель развития личности, которая заключается в стремлении к тому, чтобы «любить не себя» [Толстой, Страхов: 235].

Но интенсивность мысли, кажущаяся ясность понимания жизни часто сменялись в письмах мыслителя совсем другим настроением. Нередко в его

высказываниях середины 1870-х гг. рядом с бодрыми и, казалось бы, все разъясняющими ответами на сложные вопросы жизни встречались обмолвки, свидетельствующие о сомнениях заблудившегося человека. Отсюда ноты отчаяния, характерные намеки на кажущуюся видимость его благополучия, которые то и дело звучали в высказываниях Толстого. В ноябре 1876 г. он пишет о том, что ему «мучительно» «доживать жизнь без уважения к ней» [Толстой, Страхов: 291]; осенью 1877 г. почти те же мысли и слова: «Мучительно и унижительно жить в совершенной праздности <...>» [Толстой, Страхов: 374], – т.е. жить только для себя, для своих нужд. Страхов не понимал жалоб своего собеседника, списывая их на муки творчества и считая временными: «Вы, прославленный, независимый, окруженный прелестною семьею и уже совершивший дела, которые навсегда останутся великими, – как Вы можете говорить о минутах, когда Ваша жизнь не стоит уважения?» [Толстой, Страхов: 295]. Однако насколько серьезными для самого Толстого были эти жалобы, видно при обращении к тексту романа.

Мучительное состояние Толстого, ищущего ответ на вопрос о смысле жизни, определялось во многом еще и тем, что он чувствовал свое духовное одиночество. Диалог со Страховым был в какой-то степени односторонним: сокровенные мысли писатель таил глубоко внутри себя. Страхов был человеком его круга и уровня образования, с ним можно было обсуждать сложные философские проблемы и научные гипотезы, но как человек сомневающийся, не верящий в свои силы, он шел за Толстым. Не случайно в одном из писем своему корреспонденту критик признавался: «<...> Вы воодушевлены, работаете мыслью и сердцем, чтобы добыть решение или пояснение высших вопросов, я же, как будто усталый и бессильный, только вечно смотрю на эти вопросы, только беспрестанно обращаюсь к ним своею мыслью, почти не ожидая разрешения» [Толстой, Страхов: 223].

Содержание большинства бесед Толстого и Страхова воплотилось в художественном мире произведения, став источником размышлений Левина о религии и науке, о противопоставлении себя как представителя образованного класса народу, об истинном и ложном знании, об идее прогресса.

Заглушаемые первое время женитьбы вопросы: «Что я такое?» и «Зачем я здесь?» с особенной силой зазвучали в душе Левина после смерти брата Николая и настоятельно потребовали ответа, без которого продолжать существование невозможно было даже при внешних благополучных условиях быта. Спасти от отчаяния могла только вера, но веры, настоящей, глубокой, преодолевающей сомнения, а не формальной, он не находил в своем сердце. Воспринятые с детства религиозные взгляды очень рано утратили свое значение под влияни-

ем образования и жизненного опыта. Вера в Бога заменилась верой в науку – этот путь прошли почти все сверстники Левина, люди его круга. Но умные слова, как-то «организм», «материя», «развитие» «были очень хороши для умственных целей», но не для жизни [Толстой 1970: 659]. Об этом же Толстой писал Страхову: «Пусть о рефлексах, туманных пятнах и т.п. тонкостях, тем более удаляющихся от того, что *единое на потребу*, чем более они тонки и точны, пусть о них говорят те, кому есть еще время» [Толстой, Страхов: 221]. Не находит герой разрешения своих сомнений и в философии, которая с помощью «ловушки слов» [Толстой 1970: 661] лишь возводит «искусственную постройку» [Толстой 1970: 661], легко разваливающуюся при соприкосновении с жизнью. В мыслях Левина Толстой воплотил любимую свою идею, касающуюся невозможности ответить на вопросы жизни с помощью разума, которому доступны только борьба за существование и удовлетворение личных желаний. В размышлениях героя о «плутовстве ума» [Толстой 1970: 668] воплощены высказывания Толстого, пишущего Страхову: «<...> зло есть то, что разумно. Убийство, грабеж, наказание, все разумно – основано на логических выводах. Самопожертвование, любовь – бессмысленны» [Толстой, Страхов: 291]. Левин понимает, что знание чего-то такого, что помогает ему жить, несмотря на путаницу мыслей и чувств, заложено внутри него, в его сердце. Это знание неожиданно открылось ему в словах мужика, что жить надо не для себя, а для души, надо Бога помнить. По сути, жизненная позиция Левина строится на противопоставлении двух понятий — жизни для себя, для своего личного счастья и жизни для общего блага. Любуясь молодой семьей крестьянина Ивана Парменова, герой мечтает переменить свою «тягостную» личную жизнь на «общую прелестную жизнь» [Толстой 1970: 236]. Мечта наладить хозяйство на основании новых принципов, при которых будет общее довольство и связь интересов, с его точки зрения, достойная, поскольку здесь дело не личное, а вопрос об общем благе. Беседуя с Кити о брате Сергее, Левин говорит о своей к нему зависти, так как брат «живет не для себя. У него вся жизнь подчинена долгу» [Толстой 1970: 471]. В художественной форме Толстой воплотил то, о чем писал Страхову в большом философском письме от 30 ноября 1875 г.

Сопоставление последних частей романа и переписки Толстого со Страховым и рядом других корреспондентов приводит к вполне закономерному выводу, метко сформулированному Б.М. Эйхенбаумом: «Чем ближе к концу, тем фигура Левина становится все более автобиографической, а роман – все более похожим на страницы авторского дневника» [Эйхенбаум: 653]. Но в соотношении художественного и биографического начал в «Анне

Карениной» обращает на себя внимание один важный момент. В финальных строках повествования заметно меняется характер взаимоотношений героя и автора. Изучая страницы, посвященные мучительным метаниям Левина, исследователь закономерно идет от Толстого к художественному образу, поскольку рассуждения героя – это фактически цитаты из писем автора 1875–1877 гг.; но в главах, повествующих об обретении смысла жизни, специалист уже идет от героя к Толстому, поскольку ко времени окончания романа писатель был в поисках истины. Левин приходит к вере через нравственную идею о том, что нужно «не для нужд своих жить, а для бога» [Толстой 1970: 666]. Через эту мысль, заложенную христианским воспитанием, он воспринимает учение церкви, которое, по его мнению, не нарушало «веры в бога, в добро как единственное назначение человека» [Толстой 1970: 670]. На этом закончилась история Левина, но не Толстого, именно поэтому вслед за «Анной Карениной» выйдет «Исповедь» – следующий важный шаг в духовной эволюции автора. И в романе есть намеки на промежуточность тех выводов, к которым пришел герой. Его попытки объяснить странные для него положения в учении церкви (творение, дьявол, грех), нетерпимое отношение православия к другим религиям завершаются довольно шаткими объяснениями: «Но я ничего, ничего не знаю и не могу знать, как только то, что мне сказано вместе со всеми» [Толстой 1970: 670]. На этом примирился Левин, но на этом не мог остановиться Толстой, мысль которого работала с большой интенсивностью. В финале романа содержится и завуалированный конфликт Левина с классом, к которому он принадлежит по рождению и воспитанию: разрешение своим сомнениям он находит именно в словах мужика. В «Исповеди» Толстой уже категорически откажется от своего круга, ложно понимающего смысл жизни, и заявит о своем несогласии с церковным истолкованием учения Христа.

В романе есть предчувствие и будущего семейного разлада в доме Толстых. Личное счастье не дает уже полного забвения, Левин испытывает чувство какого-то неудовлетворения и неудовольствия при внешних счастливых условиях жизни. И источник этого чувства — в осознании неправильности своей жизни, сосредоточенной на личном счастье. Обращает на себя внимание, что Левин не стал рассказывать Кити об открывшейся ему истине: «Нет, не надо говорить <...> Это тайна, для меня одного нужная, важная и невыразимая словами» [Толстой 1970: 684].

Таким образом, Константин Левин проходит сложный путь познания жизни, приведший его к осмыслению себя как части большого мира. В судьбе героя «Анны Карениной», с одной стороны, раскрывается важнейшая страница из биографии Тол-

стого, который в скором времени решительнее, чем его герой, откажется от прежней жизни; с другой стороны, намечается общий путь человека, не умеющего найти успокоение в личном эгоистическом счастье и благополучии. И в этом суть толстовского творчества: объективная картина мира преломляется в субъективном восприятии автора, рождая сложный феномен эпического романа.

Список литературы

Апостолов Н.Н. Живой Толстой: Жизнь Льва Николаевича Толстого в воспоминаниях и переписке. М.: Аграф, 2001. 752 с.

Бабаев Э.Г. Комментарии. «Анна Каренина» // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худ. лит., 1982. Т. 9. 462 с.

Гудзий Н.К. Лев Толстой: Критико-биографический очерк. М.: Худ. лит., 1960. 215 с.

Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 720 с.

Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 916 с.

Л.Н. Толстой — Н.Н. Страхов. Полн. собр. переписки: в 2 т. Группа славянских исследователей при Оттавском университете и Государственный музей Л.Н. Толстого, 2003. Т. 1. С. 1–488.

Островский А.Г. Молодой Толстой. В записях современников. М.: Аграф, 1999. 320 с.

Саводник В.Ф. «Анна Каренина». Примечания // Толстой Л.Н. Анна Каренина: В 2 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. Т. 1. 389 с.

Толстая С.А. Дневники: В 2 т. М.: Худ. лит., 1978. Т. 1. 608 с.

Толстая С.А. Моя жизнь: в 2 т. М.: Кучково поле, 2011. Т. 1. 608 с.

Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Наука, 1970. 912 с.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. (Юбилейное). М.; Л.: Худ. лит., 1928–1958.

Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.

References

Apostolov N.N. *Zhivoj Tolstoj: Zhizn' L'va Nikolaevicha Tolstogo v vospominanijah i perepiske*

[Living Tolstoy: The Life of Leo Nikolaevich Tolstoy in Memoirs and Correspondence]. Moscow, Agraf Publ., 2001, 752 p. (In Russ.)

Babaev E.G. *Komentarii. "Anna Karenina"* [Comments. "Anna Karenina"]. *Tolstoj L.N. Sobr. soch.*: v 22 t [Collected works: in 22 vols.], Moscow, Hud. lit. Publ., 1982, vol. 9, 462 p. (In Russ.)

Gudzij N.K. *Lev Tolstoj: Kritiko-biograficheskij ocherk* [Leo Tolstoy: A Critical and Biographical Sketch]. Moscow, Hud. lit. Publ., 1960, 215 p. (In Russ.)

Gusev N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoj: Materialy k biografii s 1828 po 1855 god* [Lev Nikolaevich Tolstoy: Materials for a biography from 1828 to 1855]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1954, 720 p. (In Russ.)

Gusev N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoj: Materialy k biografii s 1855 po 1869 god* [Lev Nikolaevich Tolstoy: Materials for a biography from 1855 to 1869]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1957, 916 p. (In Russ.)

L.N. Tolstoj — N.N. Strahov. *Poln. sobr. perepiski: v 2 t* [L.N. Tolstoy – N.N. Strakhov. Complete collection of correspondence: in 2 vols.]. Grupa slavjanskih issledovatelej pri Ottavskom universitete i Gosudarstvennyj muzej L.N. Tolstogo Publ., 2003, vol. 1, pp. 1–488. (In Russ.)

Ostrovskij A.G. *Molodoj Tolstoj. V zapisjah sovremennikov* [Young Tolstoy. In the records of contemporaries]. Moscow, Agraf Publ., 1999, 320 p. (In Russ.)

Savodnik V.F. *"Anna Karenina". Primechaniia* ["Anna Karenina". Notes]. *Tolstoj L.N. Anna Karenina: v 2 t* [Anna Karenina: in 2 vols.]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo Publ., 1928, vol. 1, 389 p. (In Russ.)

Tolstaja S.A. *Dnevniki: v 2 t* [Diaries: in 2 vols.]. Moscow, Hud. lit. Publ., 1978, vol. 1, 608 p. (In Russ.)

Tolstaja S.A. *Moja zhizn': v 2 t* [My life: in 2 vols.]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011, vol. 1, 608 p. (In Russ.)

Tolstoj L.N. *Anna Karenina* [Anna Karenina]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 912 p. (In Russ.)

Tolstoj L.N. *Poln. sobr. soch. v 90 t.* [Full collection of works in 90 vols.]. Moscow: Khud. lit. Publ., 1928–1958. (In Russ.)

Jejhenbaum B.M. *Lev Tolstoj. Issledovanija. Stat'i* [Lev Tolstoy. Research. Articles]. Saint Petersburg, Fakultet filologii i iskusstv SPbGU Publ., 2009, 952 p. (In Russ.)

Нгуен Тхи Хоан
Ивановский государственный университет
Ермилова Галина Георгиевна
Ивановский государственный университет

«ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ» РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В ПЕРЕВОДЕ НА ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК

В статье впервые исследуется перевод «евангельского текста» романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на вьетнамский язык. Под «евангельским текстом» понимаются новозаветные цитаты, впервые как в творчестве писателя, так и в русской литературе XIX века в целом широко использованные Достоевским. Привлекаются три авторитетных перевода, выполненные Чыонг Динь Кы (1972), Ли Куок Шинь (1973), Као Суан Хао (1982–1983). Выявлен перевод Библии на вьетнамский язык, которым пользовались переводчики и который привлекается в богослужебной практике вьетнамской православной церкви. На основе сплошной текстовой выборки «евангельского текста» осуществлено сравнение трех переводов с оригиналом и обратными переводами, с последующим аналитическим комментарием. Предмет статьи – монолог «пьяньского» Мармеладова в трактире (ч. 1, гл. 2), насыщенный новозаветными цитатами, и евангельская сцена о воскресшем Лазаре (ч. 4, гл. 4). Делается вывод о том, что при переводе «евангельского текста» романа вьетнамские переводчики испытали серьезные трудности из-за незнания ими русского православия, воспринимающегося во Вьетнаме и по сей день как некая экзотика. Предлагаются некоторые конкретные уточнения в уже имеющиеся переводы.

Ключевые слова: евангельский текст, Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», эквивалентность, перевод, межкультурная коммуникация, христианская культура, трудность.

Информация об авторах: Нгуен Тхи Хоан, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6726-9894>, аспирант, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия.

E-mail: nguenthihoan19111989@gmail.com

Ермилова Галина Георгиевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0397-8536>, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия.

E-mail: ermilova-galina@mail.ru

Дата поступления статьи: 11.06.2020.

Для цитирования: Нгуен Т.Х., Ермилова Г.Г. «Евангельский текст» романа «Преступление и наказание» в переводе на вьетнамский язык // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 148-152. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-148-152>.

Nguyen Thi Hoan
Ivanovo State University
Galina G. Yermilova
Ivanovo State University

“EVANGELICAL TEXT” OF THE NOVEL “CRIME AND PUNISHMENT” IN VIETNAMESE TRANSLATION

The article for the first time explores the translation of the “evangelical text” of Fyodor Dostoevsky’s novel “Crime and Punishment” into Vietnamese. The “evangelical text” refers to the New Testament quotations, for the first time both in the writer’s work and in the Russian literature of the 19th century as a whole, widely used by Fyodor Dostoevsky. Three authoritative translations by Trương Định Cư (1972), Lý Quốc Sinh (1973), Cao Xuân Hạo (1982-1983) are involved. The translation of the Bible into Vietnamese used by translators and involved in the liturgical practice of the Vietnamese Orthodox Church, has been revealed. On the basis of a continuous text sample of the «evangelical text» three translations were compared with the original and reverse translations, followed by an analytical commentary. The subject of the article is a monologue of «drunken» Semyon Marmeladov in the tavern (p. 1, ch. 2), saturated with New Testament quotations, and an evangelical scene about raised Lazarus (p. 4, ch. 4). It is concluded that when translating the «evangelical text» of the novel, the Vietnamese translators experienced serious difficulties due to ignorance of Russian Orthodoxy, which is still perceived in Vietnam to this day as a kind of exotic. Some specific refinements to existing translations are proposed.

Keywords: Evangelical text, Fyodor Dostoevsky, «Crime and Punishment», equivalence, translation, intercultural, Christian culture, difficulty.

Information about the author: Nguyen Thi Hoan, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6726-9894>, postgraduate student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

E-mail: nguenthihoan19111989@gmail.com

Galina G. Yermilova, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0397-8536>, Doctor of Philological Sciences, Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

E-mail: ermilova-galina@mail.ru

Article received: June 11, 2020.

For citation: Nguyen Thi Hoan, Yermilova G.G. “Evangelical text” of the novel “Crime and Punishment” in Vietnamese translation. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 148-152 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-148-152>.

«Евангельский текст» – научная метафора. Она включает в себя не только евангельские цитаты, реминисценции, мотивы, но и книги Бытия, и притчи царя Соломона, и Псалтырь, и книгу Иова, – словом, все то, что сопутствовало Евангелию в повседневной и праздничной церковной жизни» [Захаров: 7].

Применительно к роману «Преступление и наказание» и нашим задачам мы ограничиваем это понятие, сосредотачивая внимание на новозаветных цитатах; приоритетным для нас стало Четвероевангелие, прежде всего Евангелие от Иоанна, особенно почитаемое Достоевским [Ермилова: 77–78], и Апокалипсис, предположительно того же автора. Мы работали непосредственно с цитатами из канонического текста; нам было важно изучить бытование евангельской цитаты в романе, и мы учитывали принципиальную разницу между авторским словом и евангельским. Важнейшие для романа темы падения, преображения и воскресения входят с евангельским словом, представляя о Евангелии в целом.

Хорошо известно благоговейное отношение Достоевского к Евангелию, сопутствовавшему ему всю жизнь. В 1850 г. в Тобольске в остроге пересыльной тюрьмы жены декабристов подарили ему «вечную книгу»: «Четыре года пролежала она под моей подушкой на каторге. Я читал ее иногда и читал другим» [Достоевский 21: 12]. А.Г. Достоевская позднее вспоминала: «Впоследствии она всегда лежала у мужа на виду на его письменном столе, и он часто, задумав или сомневаясь в чем-либо, открывал наудачу это Евангелие и прочитывал то, что стояло на первой странице (левой от читавшего)» [Достоевская: 396]. Это был перевод Евангелия на русский язык, выполненный Российским библейским обществом в 1823 г. Наряду с этим изданием Достоевский пользовался и переводом Нового Завета 1863 г. Знал он и так называемую «елизаветинскую Библию» 1751 г., о чем свидетельствуют новозаветные церковнославянизмы в тексте «Преступления и наказания».

Сложнее дело обстоит с переводами Библии на вьетнамский язык. Нам известны десять переводов, большинство из них выполнены англоязычными протестантскими священниками или католическими франкоговорящими пастырями. Вьетнамские переводчики романа «Преступление и наказание» использовали вьетнамскую Библию Британского и зарубежного библейского общества, сделанную с иврита и греческого языков иностранными авторитетными библеистами супругами Уильям К. Кадман и Грейс Хазенберг Кадман с помощью вьетнамского писателя Фан Хой. «Вьетнамская» Библия вышла в свет в Шанхае в 1926 г. Она получила широкое распространение и прочно обосновалась в сердцах многих христиан во Вьетнаме в течение прошедшего столетия. В богослужебной

практике православных храмов Вьетнама используется этот перевод. Выбор переводчиками «шанхайской» Библии мы считаем оправданным.

Сегодня не вызывает сомнений то, что Библия повлияла на формирование религиозно-философских и эстетических взглядов Достоевского. В этом убеждают как публицистические работы, так и художественные тексты писателя, который с неизменным постоянством осваивал пласт духовной библейской культуры. Образы, цитаты (прямые или скрытые) из Священного Писания передают главные онтологические идеи, которые лежат в основе его произведений, «Преступления и наказания» в том числе.

«Преступление и наказание» – первое произведение, в котором Достоевский «перевел» относительно длинные цитаты из Священного Писания на современный ему русский язык. Роман богат «евангельскими текстами», введенными в него как тексты в тексте, такими, как монолог Мармеладова (ч. 1, гл. 2), евангельская притча о воскресшем Лазаре (ч. 4, гл. 4), апокалиптическая греза Раскольникова в эпилоге романа. Это, несомненно, ключевые сцены романа, а эпизод с чтением Соней отрывка из Евангелия от Иоанна о Лазаре [Иоан. 11: 2–46] – кульминация. Без понимания глубинного смысла этих сцен невозможно адекватное восприятие романа. Важность этих эпизодов подтверждается, в частности, тем, что Достоевский неоднократно останавливал свое внимание на них в черновых редакциях романа. Так, встреча Раскольникова с «пьяненьким» Мармеладовым в трактуре зафиксирована в двух редакциях романа [Достоевский 7: 84–85, 99–114], практически без изменений вторая редакция перешла в окончательный текст. Евангельское чудо о воскресении умершего человека возникает уже в ПМ-1. Здесь Раскольников вспоминает чтение матерью ему в детстве Евангелия: «Отчего, когда мать читала Евангелие: Талифа куми» [Достоевский 7: 91]. Это возглас Христа к умершей девочке, отца начальника синагоги по имени Иаир: «...девица, говорю тебе, встань» [Марк, 5: 41]. Также и тема воскресшего Лазаря появляется уже в черновиках, правда, она здесь связана прежде всего с судьбой Сони Мармеладовой: «Ну, поцелуйте Евангелие, ну, поцелуйте, ну, прочтите! (Лазарь, гряди вон!) <...> «Я сама была Лазарь умерший, и Христос воскресил меня» [Достоевский 7: 192]. Впервые же эта цитата вошла в «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863). Е.Г. Новикова называет ее «“черновым” дискурсом будущей сцены чтения притчи о воскресении Лазаря в “Преступлении и наказании”» [Новикова: 79].

Остановимся на первой «евангельской» сцене. В монологе Мармеладова находим следующие отсылки к Новому Завету: 1) «ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не

было бы узнано» [Матф. 10: 26–27]; 2) «Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им *Пилат*: се, Человек!» [Иоан. 19: 5]; 3) «да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» [Матф. 5: 45]; 4) «Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? И не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» [Матф. 7: 22–23]; 5) «...да придет Царствие Твое» [Матф. 6: 10]; 6) «А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит» [Лук. 7: 47]; 7) из Откровения Иоанна Богослова: образ апокалиптического зверя [Откр. 13, 15–16].

Монолог «пьяненького» Мармеладова, таким образом, пронизан евангельскими цитатами и евангельскими смыслами. Речь идет о прощении и милосердии, о начале и конце человеческой истории, об искупительной жертве Христа – истинном условии обновления человека и его воскресения. Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что в целом объем «евангельских текстов» передан полностью. Мы не обнаружили произвольных сокращений. Однако отдельные «шероховатости» нами замечены. Например, Чыонг Динь Кы и Ли Куок Шинь, переведившие этот роман на вьетнамский с языка-посредника, не выделили словосочетание «Се человек», которое приписывают римскому наместнику в Иудее Понтию Пилату. «Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се, Человек!» [Иоан. 19: 5]. Таким образом, идея страдательного искупления Богочеловеком грехопадения «падших» «обескровливается».

«Апокалиптический образ зверя и печати его» в Откровении Иоанна Богослова символически изображается в виде семиглавого и десятироногого зверя, посланного драконом (сатаной). Переводчики с трудом справляются с передачей апокалиптической символики на вьетнамский язык. Так, Ли Куок Шинь переводит: «các người có dáng loài súc vật và các người mang dấu tích của súc vật» (вы имеете вид скота, неся его след); Чыонг Динь Кы: «Các nhà người mang mặt- nạ và phông ấn của Thú» (вы носите маску и печать зверя); Као Суан Хао: «Bây là hình tượng của thú vật và mang trên mình dấu ấn của thú vật» (ты – образ зверя, несущий на себе его печать). По нашему мнению, в переводе вместо данных слов разумнее было бы использовать сочетание «ác quỷ/ quỷ xa tăng» (образа звериного и печати его / сатана).

«Господи, да придет Царствие Твое!» – Мармеладов закончил свою исповедь словами из молитвы Господней «Отче наш» [Матф. 6: 10; Лук. 11: 2]. Ли Куок Шинь «Царствие Твое» перевел как

«triều đại của Ngài» (династия Твоя), обозначающее время правления одного короля или одной королевской семьи. Чыонг Динь Кы и Као Суан Хао использовали сочетание «sự/ ngày Trị vì của Ngài/ Người» (царствование Твое). Но было бы корректнее сослаться на Библию 1926 г., где встречаем перевод «Nước Trời/ Nước Cha» (Царствие Твое / Царствие Божие).

Обратимся к ключевому «евангельскому тексту» – сцене чтения притчи о воскресении Лазаря из Евангелия от Иоанна – в оригинале и в переводе. «“Про воскресение Лазаря где? Отыщи мне, Соня”. Она искоса глянула на него. “Не там смотрите... в четвёртом Евангелии...” – сурово прошептала она, не подвигаясь к нему. “Найди и прочти мне”, – сказал он, сел, облокотился на стол, подпер рукой голову и угрюмо уставился в сторону, приготовившись слушать. “Недели через три на седьмую версту, милости просим! Я, кажется, сам там буду, если еще хуже не будет”, – бормотал он про себя» [Достоевский, 6: 249].

«Верста» – старая русская мера длины, равная 1,06 километра, применялась до введения метрической системы мер в России в 1918 г. «На седьмой версте» от Петербурга находилась известная психиатрическая больница № 3 им И.И. Скворцова-Степанова. В переводе Чыонг Динь Кы «на седьмую версту» переводится «vết “thứ bảy”». Слово «vết» во вьетнамском языке не имеет значения, обозначающего расстояние. В переводе Ли Куок Шинь вместо словосочетания «на седьмую версту» используется «на седьмом километре». Очевидно, что авторы не отличают русские культурно-страноведческие реалии. В этом случае важно было бы указать на психически болезненное состояние Раскольникова, в котором он сам себе дает отчет, но и его духовную одержимость, на что пронизательно указала Соня: «От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!..» [Достоевский 6: 321].

Добавим, что числовая символика, столь важная для романа «Преступление и наказание», исходит из библейской и фольклорной символики чисел. Число 3 в словосочетании «недели через три» – символ божественного совершенства. Согласно основному христианскому догмату, Бог един не только по своей сущности, но и в трех лицах (Святая Троица): Бог – Отец, Бог – Сын и Бог – Святой дух. Мы считаем, что замена «недели через три» словосочетанием «từ đây tới mười lăm ngày trong ba tuần nữa» (отныне через 15 дней, через три недели) в переводе Ли Куок Шинь вызывает путаницу в восприятии.

«Воскресение Лазаря» – большой отрывок из Евангелия, который рассказывает об этом чуде, символизирующем в романе возможность нравственного возрождения Раскольникова. Сравним три переводных текста с оригиналом, мы пришли к выводу, что самый удачный – последний перевод, сделан-

ный Као Суан Хао. В двух переводах Чыонг Динь Кы и Ли Куок Шинь «воскресение Лазаря» передается словосочетаниями «*mục nôi về Lazare*» (параграф про Лазаря) и «*chương về Ladaro*» (глава про Лазаря). Мы считаем эту замену не совсем удачной.

Время прихода Раскольникова к Соне – «одинадцать часов» [Достоевский 6: 242] – связано непосредственно с евангельским текстом. Час одиннадцатый появился в евангельской притче о небесном царстве, которую слушают в проповеди св. Иоанна Златоуста, читаемую во время пасхальной заутрени в православных церквях. Отнеся встречу Раскольникова с Соней к одиннадцати часам, Достоевский хочет напоминать, что Раскольникову еще не поздно сбросить с себя одержимость, еще не поздно в этот евангельский час признаться и раскаяться и стать из последнего, пришедшего в одиннадцатом часу, первым.

Обратим внимание на часто повторяющееся число «четыре». Число 4 имеет основополагающее значение. Существует 4 времени года, четыре направления, четыре стадии человеческой жизни (рождение, старение, болезнь и смерть). В Откровении Иоанна Богослова есть 4 животных (гл. 4); 4 ангела, 4 угла земли, 4 ветра (гл. 7); 4 имени сатаны (гл. 12); 4 сотворенных богом предмета (гл. 14); 4 имени народа (гл. 17) и т. д. [Белов: 51–52]. Читая Евангелие о воскрешении Лазаря, Соня энергично ударяет на слово «*четыре*». Достоевский не случайно два раза выделяет число «*четыре*» курсивом: чтение происходит через четыре дня после преступления Раскольникова, то есть через четыре дня после его нравственной смерти. История о воскрешении Лазаря помещена в четвертом же Евангелии. Лазарь, как и Раскольников, был мертв четыре дня.

Отметим, что в переводах Чыонг Динь Кы и Као Суан Хао этот акцент не отмечен, графическое письмо Достоевского оказалось вне поля зрения переводчиков. Параллель между большим Раскольниковым и евангельским Лазарем, таким образом, серьезно ослаблена.

В переводах Чыонг Динь Кы и Ли Куок Шинь пропущена важная евангельская деталь, а именно «в последний день». Вот этот важный фрагмент: Иисус говорит Марфе, сестре Лазаря: «воскреснет брат твой. Марфа сказала ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: *Я есмь воскресение и жизнь*; верующий в меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в меня не умрет вовек» [Достоевский 6: 250]. В Сониной интерпретации особый смысл приобретают слова, которые она выделила голосом, а автор отметил курсивом, которого нет в Евангелии от Иоанна. Эти слова и именно она, и именно в это мгновение через авторитетное евангельское слово обратила к слушающему его Раскольникову. Эта сложная стилистическая «смена регистров» в пе-

реводах тоже не замечена, напряженность происходящего на глазах читателя диалога между «блудницей» и «разбойником» резко понижается.

В Библии выражение «*последний день*» не означает уничтожение земли и всего материального мира, так как это не совместимо с Божиим промыслом. Бог творил для того, чтобы все Его творение преобразилось. Здесь «последний день» – «конец человеческого греха, конец и уничтожение смерти, переход к жизни вечной, где уже не будет ни времени, ни смерти, ни нового рождения человека» [Мартынов]. Эта деталь крайне важна для Сони, основывающей на ней смысл своего многострадального существования.

На определенном уровне атмосфера чтения и восприятия Божественного Откровения сохраняется. При чтении переводов этого эпизода читатели могут испытать то, как воспринимает озвученное Соней евангельское слово Раскольников, то, что в тот момент он не может все понять, но услышанные слова западают в его душу. Благодаря вере героини, которая произносит эти животворящие слова, они становятся актуальными не только для нее, но и для Раскольникова. Именно искренность и теплота верующей в Бога Сони приводят Раскольникова к открытости и откровению, происходящему также и через чтение Евангелия о воскрешении Лазаря. Христос не сразу приходит на помощь ни Лазарю, имя которого значит «Бог придет в помощь», ни Раскольникову и Соне, ибо Божий Промысел шире, чем то, что представляется «слепым иудеям». Он требует от них глубоко выстраданного процесса самосознания и готовности быть инструментами возрождения.

Рассмотрим слова Сони: «Да ведь я божьего промысла знать не могу... <...> И кто меня тут судьей поставил: кому жить, кому не жить?» [Достоевский 6: 313]. В переводе Чыонг Динь Кы слово «промысел» передается словом «*ý mióh*» (желание), а «божий» – китайско-вьетнамским словом «*Thiên mệnh*», которое обозначает божью расстановку или предначертанные законы природы. Ли Куок Шинь и Као Суан Хао переводят Божий промысел то как «*í ñinh của Thượng đế hiếu sinh linh thiêng*» (замысел святого Всевышнего/ короля наверху, уважающего жизнь), то как «*ý ñinh của Chúa*» (божий замысел). Промысел понимается в богословии как забота Творца о Своем творении, промыслительное вмешательство Бога в жизнь, когда в ней господствует неразумное начало, направление человека на «узкий путь», ведущий его в Царство Небесное. В переводах направляющее, деятельное вмешательство Бога в человеческую жизнь практически отсутствует. Корректнее было бы, на наш взгляд, использовать сочетание «*quyền năng vô song của Chúa*» (божья несравненная / высшая сила), но и оно не передает всей глубины христианского понятия «Промысел Божий».

Анализ перевода «евангельского текста» «Преступления и наказания» на вьетнамский язык позволяет утверждать: 1) все переводчики сохранили «евангельский текст» практически в полном объеме, что свидетельствует о понимании ими важности этого текста как в замысле автора, так и в его исполнении. Им удалось подчеркнуть своеобразный христианский «эстетизм» Достоевского, неотделимый от его православного воззрения, мало известного вьетнамскому читателю; 2) однако переводчики не всегда учитывали принципиальную разницу между авторским словом и евангельским, поэтому важнейшие темы падения, преображения, воскресения, входящие в роман прежде всего через новозаветное евангельское слово, порой звучат приглушенно, а иногда и вовсе нивелируются.

Список литературы

Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: комментарий. М.: Просвещение, 1985. 240 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 423 с.; Т. 7. Л.: Наука, 1973. 413 с. В дальнейшем ссылки даются на эти тома с указанием страницы.

Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Правда, 1987. 559 с.

Ермилова Г.Г. От Гоголя до Набокова: Статьи о русской литературе. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. 256 с.

Захаров В.Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1994. С. 5–11.

Мартынов А.В. Дорога к храму: Последний день. Конец времени. URL: <https://religion.wikireading.ru/108429> (дата обращения: 13.03.2020).

Новикова Е. Софийность русской прозы второй половины XIX века. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. 253 с.

Тихомиров Б. «Лазарь! Гряди вон»: Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.

References

Belov S.V. *Roman F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie»: kommentarii* [Roman F.M. Dostoevsky's Crime and Punishment: Commentary]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985, 240 p. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Full composition of writings: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990; Leningrad, Nauka Publ., 1973, vol. 6, 423 p.; Leningrad, Nauka Publ., 1973, vol. 7, 413 p. (In Russ.)

Dostoevskaja A.G. *Vospominaniia* [Memories]. Moscow, Pravda Publ., 1987, 559 p. (In Russ.)

Ermilova G.G. *Ot Gogolia do Nabokova: Stat'i o russkoi literature* [From Gogol to Nabokov: Articles on Russian literature]. Ivanovo, Ivan. gos. un-t Publ., 2007, 256 p. (In Russ.)

Zaharov V.N. *Russkaja literatura i hristianstvo* [Russian literature and Christianity]. *Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII–XX vekov: Citata, reminiscencija, motiv, sjuzhet, zhanr* [Gospel text in Russian literature of the XVIII–XX centuries: Quote, reminiscence, motive, plot, genre]. Petrozavodsk, Publ. Petrozavodskogo un-ta, 1994, pp. 5–11. (In Russ.)

Martynov A.V. *Doroga k khramu: Poslednii den'. Konets vremeni* [The road to the temple: The last day. The end of time]. URL: <https://religion.wikireading.ru/108429> (access date: 13.03.2020). (In Russ.)

Novikova E. *Sofinost' russkoi prozy vtoroi poloviny KhIX veka* [The sophistry of Russian prose in the second half of the 19th century]. Tomsk, Publ. Tomskogo un-ta, 1999, 253 p. (In Russ.)

Tikhomirov B. *“Lazar'! Griadi von”*: *Roman F.M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennom prochtenii* [“Lazarus! Come Out”: Roman F.M. Dostoevsky's “Crime and Punishment” in the modern reading]. *Kniga-kommentarii* [Comment Book]. St. Petersburg: Serebrianyivek, 2005, 472 p.

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-153-158>
УДК 821.161.1.09"19/20"

Лученецкая-Бурдина Ирина Юрьевна

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Полтевская Ксения Евгеньевна

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

«ВИШНЕВЫЙ САД» А.П. ЧЕХОВА И «ИСКУПЛЕНИЕ» И.Н. ПОТАПЕНКО: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ И СЮЖЕТНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

Общепризнано, что драматургия А.П. Чехова оказала существенное влияние на театр XX в. Вместе с тем вопрос о роли писателя в творчестве драматургов рубежа XIX–XX вв. мало исследован в литературе. И.Н. Потапенко – один из самых популярных писателей 1890-х годов и друг А.П. Чехова. В статье проводится сравнительный анализ пьес А.П. Чехова «Вишневый сад» и И.Н. Потапенко «Искупление», в которых драматурги обращаются к одной теме – гибели старых дворянских усадеб. Рассмотрены такие элементы драматического метода писателей, как конфликт и сюжет. Проанализированы основные мотивы пьес. Установлено, что конфликт пьесы И.Н. Потапенко является психологическим, традиционным для классической драмы. В «Вишневом саду» конфликт между персонажами отсутствует, становится философским. Рассмотрена роль героев-двойников в обеих пьесах. Доказано, что пьесы объединяет мотив предчувствия беды, катастрофы, наличие внутреннего и внешнего сюжета. Обнаружено идейно-тематическое единство пьес, взаимосвязь некоторых мотивов, сюжетных и композиционных элементов. Показано, что в пьесе И.Н. Потапенко присутствуют элементы как классической, так и «новой драмы».

Ключевые слова: А.П. Чехов, И.Н. Потапенко, классическая драма, «новая драма», сюжет, конфликт, мотив, герой-двойник.

Информация об авторах: Лученецкая-Бурдина Ирина Юрьевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9308-7798>, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия.

E-mail: lucciano55@yandex.ru.

Полтевская Ксения Евгеньевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3361-7501>, магистрант Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия.

E-mail: poltevskaia@yandex.ru

Дата поступления статьи: 25.06.2020.

Для цитирования: Лученецкая-Бурдина И.Ю., Полтевская К.Е. «Вишневый сад» А.П. Чехова и «Искупление» И.Н. Потапенко: художественные взаимосвязи и сюжетные соответствия // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 153-158. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-153-158>.

Irina Yu. Luchenetskaya-Burdina

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

Kseniya Ye. Poltevskaia

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

“THE CHERRY ORCHARD” BY ANTON CHEKHOV AND “THE ATONEMENT” BY IGNATY POTAPENKO: THE ARTISTIC INTERDEPENDENCE AND THE PLOT CORRESPONDENCE

It is generally recognized that the dramaturgy of Anton Chekhov had a significant impact on the theatre of the 20th century. At the same time, the question of the writer's role in the playwright's work of the turn of the 19th–20th centuries has been little studied in literature. Ignaty Potapenko is one of the most popular writers of the 1890s and a friend of Anton Chekhov. The article presents a comparative analysis of the plays – “The Cherry Orchard” by Anton Chekhov and “The Atonement” by Ignaty Potapenko – in which the same topic is revealed: the old nobiliary manors destruction. The plot and the conflict as the elements of writer's dramatic method are considered. The main motifs of the plays are analysed. It is noted that the conflict of Ignaty Potapenko's play is psychological and traditional for classical drama. There is no conflict between characters in “The Cherry Orchard”. The conflict is philosophical. The role of the double-characters in both plays is considered. It is proved that both plays are united by the motif of foreboding disaster, catastrophe. It is proved that both plays are united by the motif of disaster and catastrophe premonition, existence of the internal and external plot. The ideological and thematic unity of the plays, the interconnection of some motifs, plot and compositional elements were discovered. It is shown that in the play by Ignaty Potapenko there are elements of both classical drama and the “new drama”.

Keywords: Anton Chekhov, Ignaty Potapenko, classical drama, “new drama”, plot, conflict, motif, double-characters.

Information about the authors: Irina Yu. Luchenetskaya-Burdina, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9308-7798>, Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian literature, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia.

E-mail: lucciano55@yandex.ru

Kseniya Ye. Poltevskaia, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3361-7501>, postgraduate student, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia.

E-mail: poltevskaia@yandex.ru

Article received: June 25, 2020.

For citation: Luchenetskaya-Burdina I.Yu., Poltevskaia K.Ye. “The Cherry Orchard” by Anton Chekhov and “The Atonement” by Ignaty Potapenko: the artistic interdependence and the plot correspondence. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 153-158 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-153-158>.

Известный факт, что А.П. Чехов не выделял себя из писательской «артели восьмидесятников», требует анализа творчества каждого ее члена в сопоставлении с фигурой самого Чехова [Шелоник: 3]. И.Н. Потапенко, знаменитый в свое время беллетрист и драматург, не избежал судьбы многих собратьев Чехова по перу – его имя сейчас почти забыто. Однако ряд исследователей считают, что «в чеховской плеяде 80–90-х годов И.Н. Потапенко, безусловно, один из одареннейших мастеров, в чьем творчестве нашли подлинно художественное воплощение типы, настроения, идеи эпохи» [Букчин: 22].

«Вишневый сад» (1903) – последняя пьеса Чехова, которая была написана за год до его смерти. Потапенко пережил Чехова на четверть века, однако и он в 1903 году написал пьесу под названием «Искушение», которая впоследствии окажется его последней драматургической работой. Сопоставление данных произведений представляет безусловный интерес еще и потому, что оба драматурга обращаются к одной теме – гибели старых дворянских усадеб [Ревякин: 91].

В пьесе Потапенко «Искушение» показано экономическое оскудение и духовное вырождение в свое время знатного дворянского рода Сандаловых. Братья и сестры Сандаловы получили в наследство два имения, одно из которых будет продано на торгах за долги. Конфликт разворачивается вокруг второго, маленького имения, которое Сандаловы хотят заложить, поскольку нуждаются в деньгах, «чтоб удовлетворить жалкие ничтожные потребности легкой жизни» [Потапенко: 19]. Платон Платонович метко характеризует семью Сандаловых в целом: «Тот алкоголик, этот морфинист, тот графоман, другой символист... А женщины, женщины! Найдите мне хоть пару таких, у которых все нервы не были бы перепутаны, как телефонные проволоки после бури» [Потапенко: 15].

Проблема Сандаловых заключается в том, что одна из долей маленького имения принадлежит несовершеннолетнему сыну Юлии Платоновны и Виктора Александровича Сергею. Валежников является опекуном Сергея, хотя с Сандаловой они уже давно не живут вместе. Виктор Александрович пытается сохранить имение, поэтому отказывается дать согласие на передачу его в залог. Сандаловы угрозами и шантажом доводят Валежникова почти до безумия, в результате чего Виктор стреляет в свою бывшую жену из револьвера. «Я заболела при вас... – говорит Валежников, – Я теряю свою личность, самого себя... вы отравили мой мозг, я больше уже не разумное существо, отвечающее за каждый свой шаг... Пока вы существуете, я не могу вернуться к прежнему, я ничто. <...> Вы хотели моего безумия... Вот оно! (Стреляет)» [Потапенко: 37].

Конфликт пьесы Потапенко является психологическим и относится к традиционному типу

конфликта классической драмы, который возникает тогда, когда субъект, добиваясь определенной цели, противостоит в своем предприятии другому субъекту, сталкивается с каким-либо препятствием. Конфликт связан с героем и выражается в реальном столкновении действующих лиц.

В отличие от этого в «Вишневом саде» отсутствует внешнее противоборство героев, столкновение характеров. Есть мольбы о помощи с одной стороны: «Что же нам делать? Научите, что?» (Раневская) [Чехов: 521] и готовность помочь – с другой: «Я вас каждый день учу. Каждый день я говорю все одно и то же» (Лопухин) [Чехов: 521]. Кульминация внешнего сюжета совпадает с развязкой – это продажа имения с аукциона 22 августа. Вишневый сад продан, но в судьбах персонажей ничего не изменилось. Центр тяжести перенесен с самого события на его психологическую, душевную подготовку. Описанный способ построения сюжета противоречит классической драме. Важнейшее событие произошло вне сценического пространства, что недопустимо по канонам «дочеховской» драмы. Фактически сюжетные линии комедии завершаются на третьем акте, но пьеса продолжается.

В «Вишневом саде» не звучит ни единого выстрела, нет любовных драм или сюжетных обострений. Нет и конфликта между персонажами (в том числе и между Лопухиным и Раневской), все герои пытаются спасти вишневый сад, но в итоге «имение идет с молотка». Повседневное, внешне бесконфликтное течение жизни в «Вишневом саде» вырастает до философского конфликта пьесы – человек в потоке времени («время идет» [Чехов: 507]). Чехов рефлексировал о влиянии времени на человека и отношениях между смертными и этой неуловимой, беспощадной силой [Бурдина: 61].

Сюжет «Искушения» замкнут вокруг любовных связей главного героя, что также является классическим для «дочеховской» драмы. Законная жена Виктора Александровича Юлия ушла от него 15 лет назад и постоянно требует денег на свое содержание. Его сожительница Людмила Николаевна Репнина помогает Валежникову в издании юридического журнала и воспитывает их детей. Марьяна Сандалова безответно влюблена в Виктора еще со времен начала его отношений с ее сестрой Юлией. При этом следует отметить, что все основные сюжетные линии оказываются равны между собой, среди них нет главной. Следовательно, в пьесе Потапенко присутствует элемент децентрализации сюжетных линий – основного принципа сюжетостроения «новой драмы», выработанного Чеховым.

В отличие от пьесы Потапенко в последней пьесе Чехова отсутствует любовная интрига, есть только ее пародийные уподобления: Епиходов и Дуняша (пародия на неразделенную любовь), Яша и Дуняша (лакейская низость и пошлость); че-

рез них пародийно представлены Лопехин – Варя и Раневская – любовник в Париже.

В пьесе «Искушение» тоже есть безответная любовь и двойник-дублер – Павел Петрович Лемтюжин. Он пытается подражать Валежникову во всем: «Он просто старается быть твоей тенью» [Потапенко: 2]. Кроме того, он также влюблен в женщину из рода Сандаловых, как ранее сам профессор, но не в Юлию, а в Марьяну Сандалову, которая в свою очередь любит Виктора.

И у Чехова, и у Потапенко герои-двойники несут одну функцию. М.М. Бахтин в своей работе «Проблемы поэтики Достоевского» говорит о «развенчивающем двойнике», который возникает путем карнавального пародирования. «Развенчивающий двойник», по мнению Бахтина, принадлежит «миру наизнанку» и являются частью «карнавализованной литературы» [Бахтин: 147]. Такие карнавальные пары чаще возникают в литературе эпох слома старых порядков, когда происходит духовный кризис. В таких парах двойников расположение смехового и серьезного не полярно, как у пар-антагонистов, а синкретично: каждый из членов пары одновременно и смешон, и серьезен, хотя герои все-таки разделяются по категориям «высокое – низкое».

Чехов лишает героев своей последней пьесы любви, подчеркивая их человеческую несостоятельность, неспособность на сильное чувство. Так, Раневская всякий раз любит недостойных мужчин. Муж «страшно пил» и «делал одни только долги» [Чехов: 522]. Полюбив другого, Любовь Андреевна оставляет своих детей на гувернанток и слуг, результатом чего становится гибель ее младшего сына Гриши. После трагедии Раневская бежит в Париж, где любовник три года болел и ее «измучил», а затем «обобрал», «бросил, сошелся с другой» [Чехов: 522]. Но героиня вновь делает тот же выбор: «Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу» [Чехов: 535]. Отношение Любви Андреевны к «этому дикому человеку» полностью рабское.

В пьесе «Искушение» звучит сходный мотив любви как мучения, бремени, рабства: «Разве любовь в том, чтоб схватить счастье и наслаждаться им? Уберечь человека от беды, вот в чем любовь. Снять с его шеи петлю, чтобы он мог свободно дышать воздухом, чего бы это ни стоило, чего бы ни стоило... Освободить его...» [Потапенко: 10]; «Это сделалось моим камнем» (Марьяна) [Потапенко: 31]. Любовь как «камень» или «петля» на шее – вот как трактуют это чувство драматурги. Этим в обе пьесы вводится мотив рока, судьбы, человеческой слабости.

В пьесе Потапенко противопоставляются два мироощущения, образа жизни – Сандаловых и Валежникова. Первые прожигают жизнь, потому что деньги «добывать не умеют» [Потапенко: 6], а Вик-

тор Александрович – юрист, профессор, деятельный человек нового времени.

Аналогично у Чехова показаны два мира, два антагонистичных типа мышления: мир уходящего дворянства в лице Раневской и Гаева и мир дельцов, таких как Лопехин.

В обеих пьесах дворяне прожигают жизнь, бессмысленно тратят деньги. Сандаловы, как указано выше, растратили наследство на кутежи и псевдоискусство. Раневская и Гаев в любой ситуации будут делать то же, что делали раньше: он – играть на бильярде, она – сорить деньгами («Вчера было много денег, а сегодня совсем мало <...> я трачу как-то бессмысленно» (Раневская) [Чехов: 520]. Фирс дает им емкую характеристику – «недотепы». Герои пьес даже читают одинаковые книги (например, «Историю цивилизации в Англии» Генри Томаса Бокля, властителя умов европейской интеллигенции конца XIX – начала XX вв.), в которых ничего не понимают: «Читал вот книгу и ничего не понял. Читал и заснул» (Лопехин) [Чехов: 501]; «Я развитой человек, читаю разные замечательные книги, но никак не могу понять... Вы читали Бокля?» (Епиходов) [Чехов: 519]; «Ну, а потом совместное самообразование, изучение Милля и Бокля, – прекрасные книги, в которых мы, однако, ничего не понимали...» (Валежников) [Потапенко: 3].

Особая природа чеховского конфликта изменяет строение сюжета его пьес. Исследователи указывают на наличие в них двух сюжетов – внутреннего и внешнего [Бурдина: 55]. При достаточной традиционности сюжета внешнего, ведущим является сюжет внутренний, названный В.И. Немировичем-Данченко «подводным течением».

Внутренний сюжет «Вишневого сада» связан с каждым персонажем и выходит на индивидуальный уровень. Чехов рефлексирует о взаимодействии человека и безжалостного движения времени [Бурдина: 58].

В своих письмах Станиславскому Чехов описывал Раневскую как женщину, у которой в настоящем ничего нет, все в прошлом. Молодость, семья, дети, балы – все это трагически закончилось несколько лет назад. Раневская и Гаев боятся жизни, а потому не борются за имение. Они – потерянное навсегда прошлое. Казалось бы, на смену им придут такие люди, как Лопехин. О многом говорит оценка Лопехина Петей: «Как-никак, все-таки я тебя люблю. У тебя тонкие, нежные пальцы, как у артиста, у тебя тонкая, нежная душа...» [Чехов: 544]. Трофимов – нищеанец, а, по Ницше, артист – тип человека будущего. Именно это «вечный студент» ценит в Лопехине [Комаров: 97–98]. Но Чехов показывает, что и «лопахины» вскоре уйдут с исторической сцены. Не смешно ли, что самым тонким в душевном отношении, самым чутким и одновременно деятельным оказался выходец из крепостных, который купил чужой сад не

столько ради наживы, сколько назло своим лирическим воспоминаниям и надеждам? [Злотникова: 56] Д.Л. Быков пишет, что впервые в русской литературе Чехов «хоронит» новый тип человека. Только что родился купец, представитель русского капитализма. Но Лопухину фактически осталось недолго, на нем лежит явственная печать обреченности. Он размахивает руками, самодоволен, строит планы, как он начнет торговать дачными участками, сколько выручит, – и мы понимаем, что у него ничего не получится, потому что не этим покупается в России бессмертие. Бессмертны в России не опытные, не прагматичные, беспомощные люди, романтики [Быков: 42]. Спасется Раневская, потому что она легкий, чистый человек, спасется и толстый, смешной и добрый помещик Симеонов-Пищик, потому что у него всегда найдется какая-нибудь белая глина, которую можно продать, а прагматик обречен.

Творчество Чехова безусловно оказывало влияние на его современников, которые использовали его драматические новации. Так, в пьесе Потапенко «Искушение» тоже появляется «внутренний сюжет», который вместе с тем носит характер личностный, а не наиндивидуальный. Толчок к его раскрытию дает название пьесы. «Внутренний сюжет» связан с Марьяной Сандаловой, ее поиском себя (училась на фельдшера, скульптора, бухгалтера), своего места и смысла жизни, ее желанием искупить вину за деяния всех членов своего рода.

Она сравнивает себя с человеком, который выпил яд и не находит себе места: «Я как-то шла по улице и вдруг вижу: бежит человек: с безумными глазами, с разорванным воротом, без шапки... Он неистово кричал и метался, к каждому простирал руки и не находил себе места <...> он нечаянно выпил яд и у него внутри палило огнем и никто не видел этого огня... Он искал облегчения» [Потапенко: 8], а также с птицами в клетках, которые стремились выбраться под дождь и ветер, где «страдают, но иначе они не могут» [Потапенко: 9]. «Разве вы не знаете, что Марьяна сделала это своей специальностью: страдать за всех Сандаловых» [Потапенко: 26], – говорит Платон Платонович. При этом сами Сандаловы ничего предосудительного в своем поведении не видят: «В моих глазах я не погрешим и этого с меня достаточно» [Потапенко: 5], – утверждает Ростислав.

Марьяна Платоновна страдает за грехи рода Сандаловых, пытается их исправить, искупить: постоянно дает деньги своим братьям и сестре, предлагает Валежникову 50 тысяч рублей, чтобы он откупился от Юлии Платоновны, и она дала ему официальный развод. «Мне кажется, – говорит Марьяна, – что я рождена для того, чтоб нести на своей совести ответственность за все зло, какое мои братья причиняют другим людям. Я гнусь, я изнываю под тяжестью искупления... Оно зовет

меня ежечасно и когда-нибудь призовет... И я всегда готовлюсь к чему-то страшному <...> Впереди мне видится что-то нечеловеческое и что я должна буду искупить своею жизнью» [Потапенко: 21].

С душевными терзаниями героини связаны два мотива. Первый – мотив сумасшествия: «Господи, если б тебе с нею и со всем этим сумасшедшим домом развязаться» (Ольга Аркадьевна) [Потапенко: 3]; «Каждый Сандалов имеет право на свой особый род безумия» (Платон) [Потапенко: 8]; «Они больные» (Марьяна) [Потапенко: 21]; «Поврежденным умом» (Платон) [Потапенко: 17]; «Они невменяемы» (Марьяна) [Потапенко: 18]; «Ну, это уж началась психопатия» (Юлия) [Потапенко: 30]; «Марьяна... Вы с ума сошли, вы и меня сводите с ума...» (Валежников) [Потапенко: 31]; «Эта Марьяна – прямо кандидатка в сумасшедший дом. Она на яву бредит. Вчера начала ему толковать про свои предчувствия... Про что-то кровавое, чуть что не убийство» (Ольга Аркадьевна) [Потапенко: 32]; «Если бы всех поврежденных сажали, куда следует, то пришлось бы половину поверхности земного шара застроить домами для умалишенных» (Платон) [Потапенко: 15]; «Вы точно отравили мой мозг... Или безумие заразительно?» (Валежников) [Потапенко: 34]; «Я тоже туда, в ассамблею психопатов» (Платон) [Потапенко: 13]; «Мы все такие: мы можем свести с ума, но сами спокойно живем на рубеже безумия» (Марьяна) [Потапенко: 34].

Этот мотив подчеркивается другими образами пьесы: чудовищ, зверей («Вы родились зверем – без души» (Валежников) [Потапенко: 37]; «...так и кажется, что сейчас из-под пола выползут разные гады и чудовища с огненными жалами...» (Платон) [Потапенко: 17]; «Какие-то длиннорукие и длинноногие чудовища с зелеными глазами...» (Платон) [Потапенко: 6]); сравнениями с собаками («Как взбешенные собаки, которым бросают мясо...» (Марьяна) [Потапенко: 20]; «Когда голодные псы начинают рычать, им следует бросить хоть кость... Иначе они кусаться будут» (Валежников) [Потапенко: 24]); «Человек шел своей дорогой к высокой цели. И вдруг на него напала стая собак... Они путаются под его ногами, взбираются ему на шею, впиваются в его тело, мешают ему двигаться и дышать... Это мы, мы, Сандаловы...» (Марьяна) [Потапенко: 34]), а также inferнальностью самой Марьяны «Ходит бледная, как смерть, а глаза горят, как угли» (Ольга) [Потапенко: 32]. Следует указать на то, что в мифологии собака – это хтоническое животное, как правило упоминаемое в связи с темой загробного мира. Сама фамилия Сандаловых, дым от благовоний в мастерской Ростислава, употребление им морфия подчеркивают мотивы дурмана, сумасшествия, помешательства.

Второй – мотив предчувствия катастрофы, несчастья, беды: «Мы приговорили к смерти всех

Сандаловых. И вдруг выстрел» (Платон) [Потапенко: 5]; «Когда к этому дому приближается кто-нибудь из нашей семьи, я содрогаюсь... Мне кажется, что вот-вот сейчас произойдет какая-то страшная катастрофа. Мы все – все Сандаловы – носим в себе какое-то проклятье!» (Марьяна) [Потапенко: 9]; «Будет очень худо... Произойдет страшное... Слышите? Знайте это... Произойдет страшное...» (Марьяна) [Потапенко: 30]; «Я чувствую, всем своим существом чувствую, что *над этим домом*, который вы так заботливо строили на свои трудовые деньги, *висит несчастье*... От этих стен *веет на меня разрушением, ужасом*...» (Марьяна) [Потапенко: 31].

Предчувствие катастрофы – лейтмотив и пьесы Чехова («Я все жду чего-то, как будто *над нами должен обрушиться дом*» [Чехов: 522], – говорит Раневская). Действующие лица беседуют, пьют кофе, играют в бильярд и устраивают балы, а в это время решаются их судьбы. Этот мотив подчеркивает «отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный» [Чехов: 526], который, по словам Фирса, впервые «прозвучал» перед «несчастьем», второй раз прозвучит перед появлением Прохожего, символизирующего образ людей, которые придут на смену и дворянам, и «лопахиным», и «трофимовым», разрушив все, что было создано до них. Не случайно Прохожий просит у Вари «копеек тридцать» («тридцать серебрянников» – сумма, которую получил Иуда за предательство Христа).

Таким образом, и Марьяна в пьесе Потапенко, и Раневская в пьесе Чехова являются своеобразным камертоном катастроф.

Финал обеих пьес – отражение состояния российской действительности рубежа веков, которая зависла в ожидании катастроф и перемен, когда прежнее существование невозможно.

В «Искушении» Потапенко показал деградацию и слабость дворянства через личную трагедию одной семьи: Юлия Платоновна застрелена Валежниковым, Марьяна берет вину за это преступление на себя.

Чехов в «Вишневом саде» идет гораздо глубже. Пустая сцена в финале напоминает поле после сражения. Но кто победил в нем? Лопухин? Да, он новый хозяин вишневого сада, но Чехов смеется над ним, не считая его достойным владельцем. Ермолай Алексеевич запирает дверь в имение и не способен понять, что вместе с домом получил и Фирса. На чьей же совести окажется смерть старика? Лопухин купил имение неожиданно для него самого. Им двигала какая-то страсть, жажда самоутвердиться, обойти «богача Дериганова» на торгах. Лопухин изо всех сил мечтал сблизиться с Раневской, но своим поступком разрушил прежние отношения. Подсознательно он понимает эфемерность победы: «О, скорее бы все это про-

шло, скорее бы изменилась наша нескладная, несчастливая жизнь» [Чехов: 500]. Ермолай Алексеевич один способен оценить, что такое вишневый сад (самые прекрасные слова о нем звучат именно из уст купца: «имение, прекрасней которого нет на свете» [Чехов: 562]), и он сам своими руками его губит. Добрые намерения по непонятным ни ему, ни окружающим причинам расходятся с реальностью.

В IV акте переплетаются мотивы жизни и смерти. «Здравствуй, новая жизнь», – кричат Аня и Петя. И в то же время жизнь обрывается: Фирс, сад, дом обречены. Меняется уклад жизни, и процесс этот закономерен, он не трагичен, а естествен [Королюкова: 83]. Создание вишневого сада – дело рук не одного поколения. Это «живое наследство» предков, переходящее от родителей к детям. «Распалась связь времен» – сад вырублен. В этой пьесе Чехов пишет о том, что в мире не остается прекрасных, прагматичных вещей. Идеи пользы, рационализма вытесняют прекрасную легкость. И сад оказывается обречен по причине того, что новое поколение смотрит на вещи с позиции выгоды, а не эстетики. В последней пьесе Чехова сплавился воедино символ жизни и Родины – вишневый сад: напоминание о времени, вечно звучащем над русскими просторами, сопровождающем бесчисленные приходы и уходы новых поколений.

Итак, обе рассмотренные пьесы об историческом сдвиге, переломе: жизнь будет продолжаться, но изменится в самой своей сути. Оба драматурга обрамляют уход дворянства с исторической сцены в цветы: у Чехова мы видим «вишню всю в цвету» [Чехов: 502] и «...изумительный сад. Белые массы цветов, голубое небо» [Чехов: 513]; у Потапенко – «яркое солнце, яблони цветут, воздух пропитан ароматом весны...» [Потапенко: 25]. Пьесы имеют ряд сходных мотивов (мотивы рока, надвигающейся катастрофы), сюжетных и композиционных переключек. При этом конфликт «Искушения» тяготеет к классической драме, в то время как парадигма конфликта Чехова кардинально от нее отличается. Что касается особенностей сюжетостроения пьес, Потапенко вводит в пьесу второй, параллельный внешнему сюжет – внутренний, который вместе с тем носит сугубо личный характер и не становится более важным, чем внешний, в отличие от последней пьесы Чехова.

Следует отметить, что имеются также переключки пьесы Потапенко с первой пьесой Чехова «Безотцовщина» (1877–1878): опора сюжета на одного героя (Платонова в «Безотцовщине» и Валежникова в «Искушении»), на которого замыкаются любовные линии сюжета, психологический тип конфликта, наличие мотива сумасшествия. Безусловно, на момент написания «Искушения» Потапенко не мог знать эту пьесу, поскольку она была обнаружена в 1920 г., а опубликована лишь в 1923 г.

Но это говорит о том, что Потапенко в последней пьесе приходит к тому, с чего Чехов начинал.

Список литературы

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 320 с.

Букчин С.В. Чеховская «артель» // Писатели чеховской поры: избр. произведения писателей 80–90-х гг.: в 2 т. М.: Худож. лит, 1982. Т. 1. 463 с.

Бурдина И.Ю. Чехов А.П. Вишневый сад. Анализ текста. Основное содержание. Сочинения. М.: Дрофа, 2000. 112 с.

Быков Д.Л. 100 лекций о русской литературе XX века. М.: Эксмо, 2019. 608 с.

Злотникова Т.С. Время «Ч». Культурный опыт А.П. Чехова. А.П. Чехов в культурном опыте 1987–2007 гг. М., Ярославль, 2007. 259 с.

Комаров С.А. «Вишневый сад» в аспекте неклассической поэтики // Уральский филологический вестник. 2017. № 4. С. 96–121.

Королькова Г.Л. Чеховская драматургическая система и драматургическое творчество Л.С. Петрушевской: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2004. 221 с.

Потапенко И.Н. Искупление // Театр и искусство. СПб, 1903. 38 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003716005/ (дата обращения: 22.06.2020).

Ревякин А.И. «Вишневый сад» А.П. Чехова: пособие для учителей. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1960. 256 с.

Чехов А.П. Сочинения: в 4 т. М., 1984. Т. 4. 576 с.

Шелоник М.И. А.П. Чехов и И.Н. Потапенко: проблемы творческих взаимосвязей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 30 с.

References

Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Sov. Rossiia Publ., 1979, 320 p. (In Russ.)

Bukchin S.V. *Chekhovskaia «artel'»* [Chekhov's artel]. *Pisateli chekhovskoi pory: izbr. proizvedeniia pisatelei 80–90-kh gg.: v 2 t.* [Writers of the Chekhov

time: chosen works of writers of the 80–90s: in 2 vols.]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1982, vol. 1, 463 p. (In Russ.)

Burdina I.Iu. *Chekhov A.P. Vishnevyy sad. Analiz teksta. Osnovnoe sodержanie. Sochineniia* [Chekhov A.P. The Cherry Orchard. Text analysis. Main content. Compositions]. Moscow, Drofa Publ., 2000, 112 p. (In Russ.)

Bykov D.L. *100 lektzii o russkoi literature XX veka* [100 lectures on Russian literature of the twentieth century]. Moscow, Eksmo Publ., 2019, 608 p. (In Russ.)

Zlotnikova T.S. *Vremia «Ch». Kul'turnyi opyt A.P. Chekhova. A.P. Chekhov v kul'turnom opyte 1987–2007 gg.* [Time “Ch”. Cultural Experience A.P. Chekhov. A.P. Chekhov in the cultural experience of 1987–2007]. Moscow, Yaroslavl, 2007, 259 p. (In Russ.)

Komarov S.A. *Vishnevyy sad v aspekte neklassicheskoi poetiki* [The Cherry Orchard in the aspect of non-classical poetics]. *Ural'skii filologicheskii vestnik* [Ural Philological Bulletin], 2017, № 4, pp. 96–121. (In Russ.)

Korol'kova G.L. *Chekhovskaia dramaturgicheskaiia sistema I dramaturgicheskoe tvorchestvo L.S. Petrushevskoi* [Chekhov's dramatic system and dramatic work of L.S. Petrushevskaya]: dis. ... kand. filol. nauk. Cheboksary, 2004, 221 p. (In Russ.)

Potapenko I.N. *Iskuplenie* [The Atonement]. *Teatr i iskusstvo* [The theater and the art]. St. Petersburg, 1903, 38 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003716005/ (access date: 22.06.2020). (In Russ.)

Reviakin A.I. *“Vishnevyy sad” A.P. Chekhova: posobie dlia uchitelei* [“The Cherry Orchard” by A.P. Chekhov: a manual for teachers]. Moscow, Gos. uch.-ped. izd-vo Ministerstva prosveshcheniia RSFSR Publ., 1960, 256 p. (In Russ.)

Chekhov A.P. *Sochineniia: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Moscow, 1984, vol. 4, 576 p. (In Russ.)

Shelonik M.I. *A.P. Chekhov i I.N. Potapenko: problemy tvorcheskikh vzaimosvyezai* [A.P. Chekhov and I.N. Potapenko: problems of creative relationships]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 1990, 30 p. (In Russ.)

СТИЛИЗАЦИЯ «ГОФМАНОВСКОГО КОМПЛЕКСА» В ПОВЕСТЯХ А.Н. ЧАЙНОВА

Гофмановский пласт интертекста в неоромантических повестях А.Н. Чайнова проявляется системно в виде «гофмановского комплекса», который сформировался на рубеже XIX–XX веков и является частью «гофмановского текста русской литературы». Повести Чайнова – это собственный модернистский текст, который включает в себя не только черты гофмановской поэтики, но и совокупность последующей гофмановской традиции, которая преломлялась в произведениях русских писателей конца XIX – начала XX века. Одним из важных аспектов статьи является анализ отдельных элементов «гофмановского комплекса», которые нашли отражение у Чайнова (романтическая ирония и гротеск, психологизм, проблема насильственного воздействия на личность другого, проблема механизации жизни и человека, которая проявилась в оппозиции «живое» – «неживое», образах-символах маски, куклы, автомата, марионетки и двойника, образе-символе зеркала). Творчество Чайнова становится завершающим этапом в функционировании «гофмановского комплекса» в эпоху Серебряного века и характеризуется сознательной «игрой» с гофмановским стилем, образами и сюжетами, что позволяет говорить о стилизации как об одном из художественных приемов в повестях Чайнова.

Ключевые слова: Э.Т.А. Гофман, Чайнов, «гофмановский комплекс», «гофмановский текст русской литературы», двойничество, образы маски, зеркала, оппозиция «живое» – «неживое», кукольность, романтическая ирония и гротеск.

Информация об авторе: Королева Вера Владимировна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия.

E-mail: queenvera@yandex.ru

Дата поступления статьи: 18.06.2020.

Для цитирования: Королева В.В. Стилизация «гофмановского комплекса» в повестях А.Н. Чайнова // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 159-164. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-159-164>.

Vera V. Korolyova

The Stoletovs Vladimir State University

STYLISATION OF "HOFFMANN'S COMPLEX" IN THE STORIES BY ALEKSANDR CHAYANOV

The Hoffmann's layer of intertext in the neo-romantic stories of Aleksandr Chayanov is manifested systematically in the form of «Hoffmann's complex», which was formed at the turn of the 19th – 20th centuries and it is a part of «Hoffman text of Russian literature». Aleksandr Chayanov's stories are his own modernist text, which includes not only features of Ernst Theodor Amadeus Hoffmann's poetics, but also the totality of the subsequent of Hoffmann's tradition, which was refracted in the works of Russian writers of the late 19th – early 20th century. One of the important aspects of the article is the analysis of individual elements of «Hoffmann complex», which are reflected in Aleksandr Chayanov's stories (romantic irony and grotesque, psychologism, the problem of violent influence on the personality of another; the problem of mechanisation of life and human, symbol images of the mask, doll, automaton, puppet and double, the symbol image of the mirror). Aleksandr Chayanov's work becomes the final stage in the functioning of «Hoffmann's complex» in the Fin de siècle and it is characterised by a conscious «play» with Ernst Theodor Amadeus Hoffmann's style, images and plots, which allows us to talk about stylisation as one of the artistic techniques in Aleksandr Chayanov's stories.

Keywords: Ernst Theodor Amadeus Hoffmann, Aleksandr Chayanov, «Hoffmann's complex», «Hoffmann text of Russian literature», duality, images of masks, mirrors, opposition «alive» – «inanimate», puppetry, romantic irony and grotesque.

Information about the author: Vera V. Korolyova, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia.

Article received: June 18, 2020.

For citation: Korolyova V.V. Stylisation of "Hoffmann's complex" in the stories by Aleksandr Chayanov. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 159-164 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-159-164>.

Одним из дискуссионных вопросов в литературоведении является вопрос о природе интертекстуальности неоромантических повестей А.Н. Чайнова «История парикмахерской куклы» (1918), «Венедиктов, или Достопамятные события моей жизни» (1922), «Венецианское зеркало...» (1923), «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина...» (1924), «Юлия, или Встречи под Новодевичьим» (1928). Это связано с тем, что Чайнов неоднократно упоминает в них произведения русских и зарубежных писателей, использует чужие сюжеты, а также воспроизводит или пародирует стилистические особенности тех или иных авторов. Например, Е.В. Тырышкина обращает внимание на то, что весь текст «Истории парикмахерской куклы» – это игра с литературными и мифологическими клише, а основной сюжет строится на трансформации греческого сюжета «Пигмалион и Галатея». Она также отмечает влияние на повесть всего пласта литературы немецкого романтизма, где обыгрывается любовь к кукле/статуе и проблема двойничества в различных вариантах: Э.Т.А. Гофман «Песочный человек», «Автоматы», А. фон Арним «Изабелла Египетская», «Рафаэль и его соседки», Г. Гейне «Флорентийские ночи» и др. [Тырышкина: 341].

В большей степени ученые сходятся в том, что произведения Чайнова не подражание, а сознательная стилизация. По словам В.Б. Муравьева, «повести Чайнова... это литература XX века, в которой мировосприятие и художественная культура свойственны не тем далеким временам, а первым десятилетиям нашего столетия и художественным поискам писателей того времени. <...> Литературное творчество Чайнова развивалось в том же, брюсовском направлении. В. Брюсов, М. Кузмин, Б. Садовский, П. Муратов» [Муравьев: 298]. К модернистской литературе чайновскую прозу относит и Н.В. Михаленко: «В мистических повестях Чайнов обращается к романтической традиции, интерпретируя ее в рамках модернистской эстетики» [Михаленко 2016: 118]. Е.В. Тырышкина считает, что в произведениях Чайнова можно увидеть элементы пародии, но основная тенденция – все же не комически-пародийная. «Повести занимают промежуточное место между стилизацией и «жанровым стереотипом» (шаблонной модели неоромантической/декадентской повести). Автор «Истории парикмахерской куклы» прибегает к самым известным, узнаваемым клише, настолько узнаваемым, что литературная «игра в жанр» очевидна» [Тырышкина: 344].

Важным источником интертекста у Чайнова становятся гофмановские произведения. О влиянии немецкого писателя Э.Т.А. Гофмана на повести А.В. Чайнова писали Н.В. Михаленко, Л.Н. Дарьялова, Е.В. Тырышкина, В.Б. Муравьев, Н.М. Солнцева и др., в работах которых ставится вопрос о природе и функции гофмановских и других интер-

текстуальных заимствований у Чайнова. Л.П. Григорьева, например, полагает, что Чайнов «творчески, не эпигонски, стилизует ироническое гофмановское повествование» [Григорьева]. Л.Н. Дарьялова замечает, что «Чайнов опирался на традиции русской гофманианы, а среди современников ему была близка символично-фантастическая проза В. Брюсова, Б. Садовского, повести П. Муратова, А.Н. Толстого, Е. Замятина, Л. Леонова» [Дарьялова: 66]. Н.В. Михаленко считает, что «повести Чайнова можно считать отталкиванием как от эстетики Гофмана, так и от традиции русской романтической прозы начала XIX» [Михаленко 2016: 113].

Сам Чайнов в посвящении к повести «История парикмахерской куклы» говорит о Гофмане как великом мастере, а также намекает на то, что гофмановские традиции носят в литературе комплексный характер, называя их в предисловии к не осуществившемуся изданию сборника своих повестей обобщающим словом «гофманиада»: «Совершенно несомненно, что всякий уважающий себя город должен иметь некоторую украшающую его Гофманиаду, некоторое количество своих “домашних дьяволов”» [Чайнов: 295–296].

Яркие гофмановские образы и идеи, а также отсылки к самому немецкому романтику позволяют, на наш взгляд, говорить о воплощении в произведениях Чайнова традиций Гофмана, которые реализуются системно в виде «гофмановского комплекса». Этот комплекс характеризуется целостностью воспроизводимого содержания и включает в себя следующие черты: синтез искусств («Крейслериана I»), романтическую иронию и гротеск («Золотой горшок», «Крошка Цахес»), психологизм (погружение в глубины психики человека и поиск причины раздвоения («Эликсиры дьявола»), проблема насильственного воздействия на личность другого («Зловещий гость»), проблема механизации жизни и человека, которая раскрывается в оппозиции «живого» – «неживого» («Песочный человек»), образах-символах маски, куклы, автомата, марионетки и двойника, подменяющих человека («Песочный человек», «Автоматы», «Принцесса Брамбилла»), образа-символа зеркала.

«Гофмановский комплекс» является частью «гофмановского текста русской литературы», который в свою очередь сформировался в 30–40-е годы XIX века в связи с популярностью произведений немецкого романтика, а затем нашел продолжение в творчестве предсимволистов А. Толстого и Вл. Соловьева и раннем творчестве З. Гиппиус. В эпоху Серебряного века «гофмановский комплекс» характеризуется активным переосмыслением сложившихся на предшествующем этапе образов, архетипов и мифологем.

В первую очередь, в повестях Чайнова нашла воплощение проблема механизации человека и общества, поставленная в литературе Э.Т.А. Гофманом

через разработку образов-символов маски, куклы, автомата, марионетки и двойника, которые заменяют человека. Важным элементом этой проблемы является оппозиция «живое» – «неживое» («Песочный человек»), а также образ-символ зеркала, создающий другое пространство и множачий сущности.

Эта проблема лежит в основе повести Чайнова «История парикмахерской куклы», которую автор посвятил Гофману. В произведении постоянно мелькают куклы: фабрика их производит, а люди покупают. Повсеместно проходят цирковые выступления, а также выставки кукол-уродов: «Владимир углубился в рассмотрение выставленных фигур. <...> Его поразила “Юлия Пастрана, родившаяся в 1842 году и жившая вся покрытая волосами подобно зверю до смерти”, “Венера в сидячем положении” и длинный ряд восковых портретов бледных знаменитостей...» [Чаянов: 32].

Традиция создания пространства, наполненного куклами и автоматами, восходит к Гофману. Например, в романе «Житейские воззрения кота Мурра» мы находим описание подобных выставок, на которых представлены: «...удивительнейшие вещи: танцующие человечки, маленький турок, знающий, сколько лет каждому из присутствующих, автоматические манекены, эмбрионы чудовищ, загадочные картинки, оптические зеркала...» [Гофман 5: 328]. Эти куклы притягивают к себе живых, обретая над ними власть. В новелле Гофмана «Автоматы» оракул предсказывает людям будущее и тем самым вмешивается в судьбы людей. Сходную ситуацию мы наблюдаем у Чайнова в «Истории парикмахерской куклы», которая начинается с момента, когда архитектор Владимир влюбляется в куклу одной из сестер-близнецов, «околдовавшую» его, а потом ищет ее живое воплощение. Заканчивается повесть тем, что он снова видит этих же кукол, которые теперь показывают свою истинную сущность и выглядят зловеще: «...куклы смотрели в его опустошенную душу своими черными глазами, оттененными зеленоватым опалом тела и рыжими, почти бронзовыми змеями волос» [Чаянов: 53]. Все пространство в этой повести строится на противопоставлении «живого» и «неживого», где «неживое» подавляет «живое». Куклы у Чайнова получают отрицательную семантику, как у Гофмана, так как они захватывают мир и разрушают душу человека.

Конфликт «живого» и «неживого» проявляется и в повести «Венецианское зеркало» (1922), основанной на принципе двоемирия, где мир реальный противопоставлен миру зазеркалья. Зеркальный мир в произведении предстает как «неживой»: «С содроганием натыкался он в трепетном сумраке зеркальных пространств на отражения давно умерших людей, некогда бывших великими и продолжающих ныне, угасая, свое зеркальное бытие, лишь изредка заглядывая из своих inferнальных далей сквозь стеклянную пленку в земной мир» [Чаянов:

82]. Этот мир у Чайнова имеет власть над миром людей. Он стремится захватить «живое» пространство и превратить его в «неживое»: «Когда упали на пол последние складки желтой ткани... все преобразилось в маленьком домике, и чудилось, будто невидимые струи стеклянной жидкости заливают собою комнаты и растворяют все окружающие предметы, делая их призрачными» [Чаянов: 78].

Алексей вступает в борьбу со стеклянным человеком, своим отражением, который занимает место главного героя: «Вертлявый зеркальный человек, бывший ранее в зеркальном мире Алексеевым отражением, – в неистовом восторге плясал по большому персидскому ковру, вывезенному из Шираза, топчя его каблуками и высоко подбрасывая ноги» [Чаянов: 80]. Трагедия Алексея в том, что «неживое» – стеклянный человек – разрушительно влияет не только на него, но и на окружающих, например на его возлюбленную Кэт, которая «бледная, изнеможенная, с провалившимися, но неизменно прекрасными глазами, с непонятно вульгарно выкрашенными губами, она, как сомнамбула, почти качаясь и не держась на ногах, сгорала с каждым днем» [Чаянов: 80].

По мнению Гофмана, последствием процесса механизации человека и общества становится проникновение куклы, автомата в повседневную жизнь человека. Немецкий писатель одним из первых показал угрозу, которая исходит от них, тем самым создав широкую литературную традицию этих образов. Гофмановские куклы, как Олимпия из «Песочного» человека, – пример вмешательства неживого в мир живых. Она поглощает живое (Натанаэля). Об этом он пишет и в новелле «Щелкунчик и мышинный король», где граница между людьми и игрушками стерта. Куклу Щелкунчика лечат от ран, а у живой принцессы отвинчивают ручки и ножки, а затем прикрепляют их обратно. Человечество же напоминает кукольный мир, где все равнодушны друг к другу. О кукольности мира говорит Медардусу и Евфимия из романа «Эликсиры дьявола»: «Господствуй со мной над глупым кукольным миром, который вращается вокруг нас» [Гофман 2: 68].

В эпоху Серебряного века кукла стала символом нового времени, так как показала проблему равнодушия в современном обществе, утраты человеком души. В произведениях русских писателей начала XX века вслед за Гофманом появляется мода на кукол. Сначала в поведении героев подчеркивалась кукольность, затем распространение получили персонажи итальянской *commedia dell'arte* и мотивы переодевания, театрализации жизни. Об этом писали А. Блок в пьесе «Балаганчик», А. Белый в романе «Петербург» и др. Новым поворотом в развитии этой темы стало обращение к образу восковой куклы, которая нашла отражение у А. Блока в «Клеопатре» (1907), в рассказе А. Бежецкого «Музей восковых фигур» (1914) и др.

В повести «История парикмахерской куклы» Чайнова люди как куклы и куклы как люди становятся частью мира реального, поэтому неудивительно, что Владимир воспринимает окружающих как картонных кукол («двигающиеся перед ним люди казались ему картонными» [Чаянов: 25]). Куклы вмешиваются в жизнь человека, они заставляют героя следовать за собой, управляют его сознанием. Парикмахерская в повести становится хронотопом всего современного мира, который наполнен куклами, она символизирует собой пространство, связанное с преобразованием, трансформацией, где меняются роли и маски: «... он увидел огромное витро роскошной парикмахерской, сквозь зеленоватое стекло которого на него смотрели восковые головы сестер Генрихсон, забытые им когда-то во время бегства из Венеции» [Чаянов: 52]. Исследователь Е. Тырышкина рассматривает сам концепт воскового двойника за стеклом, преградой как признак обитателей мира мертвых и статуи божества. А значит, парикмахерская получает семантику другого мира, мира мертвых, как зеркало в «Венецианском зеркале» [Тырышкина: 344].

Кроме того, венецианское пространство в повести Чайнова, связанное с карнавальностью и сменной масок, отсылает нас к традиции итальянской *commedia del'arte*, которая была основана на идее смены костюмов, образов, масок. Гофман внес значительный вклад в развитие этой темы в новелле «Принцесса Брамбилла» и пьесе «Принцесса Бландина», чем способствовал развитию моды на арлекинаду в эпоху Серебряного века. Чайнов, как и Гофман, проявлял интерес к персонажам из итальянской комедии. Одним из его ранних произведений стала «Лёлина книжка», в которую вошел цикл стихов «Песенки из арлекинады “Гераневый цветок”», который состоит из двух песенок Пьеро и одной песенки Арлекина.

Важным элементом итальянской *commedia del'arte* является ироническое начало. Однако, в отличие от Гофмана, у которого арлекинада связана с положительной иронией, царством маскарада, когда стираются все границы между реальностью и сказкой, как в новелле «Принцесса Брамбилла», у Чайнова «созидательная» ирония превращается в «разрушительную иронию». В повестях Чайнова мотив арлекинады проявляется в театральности всего мира, который поглощен всевозможными представлениями. Куклы захватили мир в повести «Парикмахерская кукла», где иметь дома куклу становится модным развлечением, поэтому их охотно раскупают: «“Клеопатру” купил за хорошие деньги для украшения гостиной недавно разбогатевший паромовладелец К., а Тютин, пополам с зятем... приобрели, в зачет долгов Шантреновых, сестер-близнецов, и, разъединив их лобзиком, украсили окна своих заведений» [Чаянов: 30].

Проблема механизации человека и общества у Чайнова, как у Гофмана, тесно переплетается с образом зеркала, которое стал ключевым в его фантастическом мире. Оно символизирует собой переход в другой мир – мертвый. Повести «История парикмахерской куклы» и «Венецианское зеркало» строятся на семантике зеркала. В первом тексте зеркало служит основой композиции, где двоение образов проявляется как на уровне персонажей, так и на уровне сюжета. Во второй повести зеркало является не только частью сюжета, но и хронотопом. В «Венецианском зеркале» этот образ символизирует собой другую реальность, которая губит душу человека: «Зеркальная поверхность, казалось, излучала из себя тонкую, отстоянную веками отраву, и она постепенно насыщала собою воздух, мебель, картины, цветы, стены...» [Чаянов: 78]. А зеркальный двойник вытесняет Алексея из мира реального, оставляя его в зеркальном мире.

Зеркальность лежит в основе композиции повести «История парикмахерской куклы» и проявляется в образе сестер-близнецов, которые не только похожи, но и неразлучны – как человек и его зеркальное отображение. Одна из сестер вынуждена, как отражение в зеркале, присутствовать везде с другой. Когда Берта разбивает зеркало, что по примете обозначает смерть, она погибает, так как ее отражение исчезает («Берта выронила и разбила круглое зеркало. <...> Мы с ужасом посмотрели друг на друга. Из всех ужасных примет эта была наиболее верной...») [Чаянов: 48].

С зеркальностью тесно связана проблема двойничества (один из главных элементов «гофмановского комплекса»), которая ярко присутствует у Чайнова в повестях «История парикмахерской куклы» (сестры Генрихсон) и «Венецианское зеркало». Двойник в «Венецианском зеркале» – стеклянный человек – злой, бездушный, он «кривляется», «паясничает», чем отчасти напоминает Белькампо из романа «Эликсиры дьявола», который является карикатурным двойником главного героя Медардуса: «Крошка занялся моими волосами, кривляясь, приплясывая и витиевато разглагольствуя. То он мрачнел и хмурился, то посмеивался, то изображал атлета, то поднимался на цыпочки» [Гофман 2: 87]. Однако если у Гофмана Белькампо привносит в жизнь иронию и смех, которые являются лучшим лекарством от проблем реальной действительности, то у Чайнова карикатурный двойник агрессивен и символизирует победу «неживого» над «живым»: «...он остановился. Обернулся к зеркалу и залился диким хохотом, показывая язык и грозя кулаками» [Чаянов: 80].

Зеркальной двойственностью отличаются и Мадлена с Жервезой из «Приключений графа Бутурлина» Чайнова. По мнению Н.В. Михаленко, в этой повести «дуализм как взаимодействие противоположностей является конструирующим принципом в создании женских образов повести. С одной

стороны, девушек объединяет их «рыбье бытие», с другой – они абсолютно противоположны друг другу во внешности (Жервеза – брюнетка, а Мадлена – блондинка) и в характере (Мадлена – страстная и пылкая натура, а Жервеза – молчаливая и холодная девушка, «сохранившая что-то от своего рыбьего бытия»)» [Михаленко 2017]. Эти образы восходят к романтической оппозиции демоническая – ангелоподобная женщина, как у Гофмана в романе «Эликсиры дьявола», где Аврелия – чистая душой – противопоставлена коварной Евфимии.

Одним из ярких элементов «гофмановского комплекса» является проблема насильственного воздействия на личность другого. Мысль о мире как кукольном театре, управляемом некоей непреодолимой, непознаваемой для человека волей (Рокком) имеет корни в творчестве Гофмана. Игра – неотъемлемая часть повествования немецкого писателя. Главный герой романа «Эликсиры дьявола» Медардус неоднократно подчеркивает, что им управляют, как марионеткой, что жизнь – игра. Он переодевает костюмы, примеряет роли, создавая разных двойников. Медардус сам отмечает, что стал игрушкой судьбы и не знает, какова его роль. «Я все более убеждался, что не я, а посторонняя власть, внедрившаяся в меня, навлекает невероятное, а я сам – лишь безвольное орудие, которым она пользуется ради неведомой цели» [Гофман 2:127]. Исследователь Л.А. Мишина обратила внимание на театральную сторону романа «Эликсиры дьявола», поэтому, характеризуя его, она использует термины «роман-театр», «концепт – театр» и интерпретирует произведение «как цикл своеобразных “спектаклей”, сквозным персонажем в которых является монах Медардус» [Мишина: 911–914].

На подобной «игре» строится повесть Чайнова «История парикмахерской куклы», где Владимир после пережитых событий ощущает себя марионеткой, которую невидимая рука дергает за веревку» [Чайнов: 178], а в «Венецианском зеркале» Алексей вынужден подчиниться своему зеркальному двойнику. В повести «Венедиктов» сюжет строится на власти одних героев над другими, символом которой являются предметы – золотые треугольники. Так Булгаков оказывается в подчинении тому, кто купил его душу: «...я чувствовал в городе чье-то несомненное жуткое и значительное присутствие... мне казалось, что кто-то смотрит на меня и готовится взять меня за руку» [Чайнов: 56]. В «Бутурлине» сверхъестественную власть над судьбой человека олицетворяют карты. В «Юлии» курительная трубка управляет призраком девушки.

Намек на гофмановскую интерпретацию проблемы насильственного воздействия на личность другого содержится в повести «Венедиктов», где Чайнов упоминает имя Месмера – известного ученого, создателя теории о «животном магнетизме». Гофман с интересом изучал его труды, а затем вместе с другими врачами, использовавшими принцип

магнетизма в лечении, наблюдал душевнобольных. Немецкий писатель стал одним из первых в литературе, кто со всей серьезностью отнесся к исследованию состояния человека, на которого влияет другой человек и описал это в своих произведениях («Магнетизер», «Зловещий гость», «Состязание певцов», «Стихийный дух» и «Эликсиры дьявола»). Гофман серьезно изучал известные в те времена научные трактаты Г.Г. Шуберта «Символика сна» и «Воззрения на ночную сторону естествознания» [Schubert], К.А.Ф. Клуге «Опыт изображения животного магнетизма как способ лечения» [Гофман 2: 433]. Немецкий романтик проявлял интерес к такому явлению, как гипноз, когда человека насильственно разлучают с самим собой и заставляют делать то, что в обычной жизни он не хочет. Гофман акцентирует свое внимание на разработке двух аспектов этого учения, которые, по его мнению, могут угрожать личности человека: утрата собственного «Я» и наслаждение властью. Эту проблему он поднимает в рассказе «Магнетизер».

Однако Чайнов нередко описывает ситуацию с магнетизмом иронически: «Месмер из людей всяких какой-то палочкой веревки вил. Скажет – быть тебе, ваше превосходительство, волком, – и его превосходительство окарачь ползает и воеет. Скажет графине, что она курица, – она и кудахчет» [Чайнов: 70]. При этом Чайнов использует иронию и гротеск гофмановского типа, которые отличаются появлением фантастики в быту и постоянной сменой серьезного и несерьезного, смешением объективного и субъективного. Чайнов иронизирует не только над героями и идеями Гофмана, но и над самим его стилем.

Намек на гофмановский гротеск у Чайнова прочитывается и в упоминании в «Стеклоном человеке» имени художника Жака Калло – автора фантастических персонажей, которого так ценил Гофман, а также в создании гротескных образов. Например, образ немца Клепикануса, фамилия которого созвучна с гофмановским Коппелиусом. Эпизод с игрой в кегли Клепикануса с полковником Шредером становится ярким примером «игры» Чайнова с гофмановским ироническим стилем: «Только гляжу это я – барон-то наш как схватится за голову да вместо четвертого шара своею собственной бароньей головой по кеглям как трахнет. <...> Только тарарам пошел. Вся девятка в влещку. А из воротничка-то у него дым идет. Подбежал это я к кегельбану за кеглями, гляжу, господи боже ты мой, святая троеручица, – вместо кеглей-то чело-вечьи руки да ноги, а голова-то вовсе не Шредерова, а Клепикануса» [Чайнов: 142]. Гофмановская ирония проявляется и в эпизоде с трубкой: «Немец покурил трубку целый день, и к вечеру из его проклятых туч даже дождь пошел, желтый, липкий, как сопля, и табачищем после этого дождя ото всякой лужи за версту несло. <...> Только ему это даром не прошло... поднялся это, значит, здоровый

ветер, да как этого самого немца со стульчика-то сдунет, потому в нем веса-то никакого не осталось, да, как перышко, кверху и потянет. Немец руками и ногами болтыается...» [Чаянов: 149].

Таким образом, «гофмановский комплекс» – это феномен Серебряного века, который сформировался в русской литературе на рубеже XIX–XX веков. Чаяновские повести выступают завершающим этапом в функционировании «гофмановского комплекса» в русской литературе. В повестях происходит не просто воспроизведение и трансформация комплекса, но и ирония над ним.

Произведения Чаянова становятся ярким примером стилизации – одного из ключевых в эпоху Серебряного века приемов авторской «игры» с «чужим текстом» («гофмановским текстом»), когда писатель не просто воспроизводит черты авторского стиля, но и вступает с ним в полемику по поводу толкования того или иного сюжета или по-новому воспринимает традиционные в литературе образы. Этот прием активно разрабатывал сам Э.Т.А. Гофман, в произведениях которого художественное пространство «чужого текста» (Шиллер «Разбойники», Льюис «Монах») вторгается в реальную действительность его героев, заставляя их либо подчиняться, либо противостоять ему, как неведомой силе, фатуму.

Список литературы

Григорьева Л.П. Романтические повести А.В. Чаянова. К вопросу о прагматических стратегиях автора. URL: <http://sworld.com.ua/konfer36/408.pdf> (дата обращения: 10.06.20).

Дарьялова Л.Н. Русская литература XX в. после Октября. Динамика размежеваний и схождений. Типы творчества (1917–1932). Калининград, 1998. 118 с.

Кузмин М. Дневник 1908–1915 годов. Санкт-Петербург, 2005. 865 с.

Михаленко Н.В. Женские образы в мистических повестях А.В. Чаянова // Петр I: информационный портал. URL: <http://www.piter1.info/zhenskie-obrazyi-v-misticheskikh-povestyah-a-vchayanova/> (дата обращения: 12.05.19).

Михаленко Н.В. Мистические повести А.В. Чаянова в контексте романтической традиции // Парадигма. 2016. № 24. С. 110–120.

Мишина Л.А. Роман Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны» как «рассказываемый театр» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010, № 4 (2). С. 911–914.

Солнцева Н.М. Пасьянсы профессора Чаянова. Москва, 1990. № 3. С. 191–199.

Топоров В.Н. Ахматова и Гофман: к постановке вопроса // Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство, 2003. 616 с.

Тырышкина Е.В. Кукла и ее двойник («История парикмахерской куклы» А.В. Чаянова, 1918) // Известия Саратовского университета. 2019. Т. 19, № 3, С. 341–345.

Чаянов А.В. Московская гофманиада / послесл. В.Б. Муравьева; примеч. В.Б. Муравьева, С.Б. Фроловой. М.: Издательский Дом ТОНЧУ, 2006. 352 с.

Чаянов А.В. Венецианское зеркало: повести. М.: Современник, 1989. 236 с.

Schubert G.H. Ansichten von der Nachtseite der Naturwissenschaft. Dresden, 1808.

Schubert G.H. Die Symbolik des Traumes. Bamberg, 1814.

References

Grigor'eva L.P. *Romanticheskie povesti A.V. Chaianova. K voprosu o pragmaticheskikh strategiiakh avtora. The romantic novel of A.V. Chayanov* [On the question of the author's pragmatic strategies]. URL: <http://sworld.com.ua/konfer36/408.pdf> (date access: 10.06.20). (In Russ.)

Dar'ialova L.N. *Russkaia literatura XX v. posle Oktiabria. Dinamika razmezhevanii i skhozhenii. Tipy tvorchestva (1917–1932)* [Russian literature of the XX century after October. Dynamics of separations and convergence. Types of creativity (1917–1932)]. Kaliningrad, 1998, 118 p. (In Russ.)

Kuzmin M. *Dnevnik 1908–1915 godov* [Diary of 1908–1915]. Saint-Peterburg, 2005, 865 p. (In Russ.)

Mikhalenko N.V. *Zhenskie obrazy v misticheskikh povestiakh A.V. Chaianova* [Female images in the mystical stories of A.V. Chayanov]: Petr I: informatsionnyi portal. URL: <http://www.piter1.info/zhenskie-obrazyi-v-misticheskikh-povestyah-a-vchayanova/> (date access: 12.05.19). (In Russ.)

Mikhalenko N.V. *Misticheskie povesti A.V. Chaianova v kontekst romanticheskoi traditsii* [Mystical stories of A.V. Chayanov in the context of the romantic tradition]. Paradigma Publ., 2016, № 24, pp. 110–120. (In Russ.)

Mishina L.A. *Roman E.T.A. Gofmana «Eliksiry satany» kak «rasskazyvaemyi teatr»* [E.T.A. Hoffman's novel “elixirs of Satan” as “storytelling theater”]. Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod, 2010, № 4 (2), pp. 911–914. (In Russ.)

Solntseva N.M. *Pas'iansy professora Chaianova* [Professor Chayanov's solitaire games]. Moscow, 1990, № 3. (In Russ.)

Toporov V.N. *Akhmatova i Gofman: k postanovke voprosa* [Akhmatova and Hoffman: to the question]. In: Toporov V.N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury* [The Petersburg's text of Russian literature]. St-Peterburg, Iskusstvo Publ., 2003, 616 p. (In Russ.)

Tyryshkina E.V. *Kukla i ee dvoynik («Istoriia parikmakherskoi kukly» A.V. Chaianova, 1918)* [The doll and its double (“The history of the Barber's doll” by A.V. Chayanov, 1918)]. Bulletin of Saratov University, 2019, vol. 19, № 3, pp. 341–345. (In Russ.)

Chaiarov A.B. *Moskovskaia gofmaniada* [Moscow gofmaniada]. Moscow, TONChU Publ., 2006, 352 p. (In Russ.)

Chaiarov A.V. *Venetsianskoe zerkalo: povesti* [The Venetian mirror: stories]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, 236 p. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-165-170>
УДК 821.161.1.09"20"

Олюнина Маргарита Владимировна
Московский педагогический государственный университет

ПОРТРЕТ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА В ОЧЕРКАХ-ВОСПОМИНАНИЯХ ЮРИЯ АННЕНКОВА И МАКСИМА ГОРЬКОГО

В работе представлен сравнительный анализ способов создания словесного портрета в очерке М. Горького «Сергей Есенин» и в воспоминаниях Ю. Анненкова «Сергей Есенин». Возможность и необходимость сопоставления двух названных произведений объясняется и избранным авторами фактическим материалом (оба писателя посвящают свои очерки Сергею Есенину), и схожими приёмами создания словесного портрета поэта, и контекстом стиля эпохи, который отражен в произведениях, и индивидуальным стилем каждого из художников. Целью данной работы является обоснование жанрово-стилевых особенностей рассматриваемого словесного изображения Сергея Есенина в вышеуказанных произведениях, что позволяет внести уточнения в созданный и уже ставший хрестоматийным образ поэта. Исследование строится с использованием сравнительно-исторического и историко-функционального методов, методологической базой послужили труды А.Н. Веселовского, Ю.М. Лотмана, Ю.И. Минералова, а также опыт современных литературоведов, занимающихся теорией и историей словесного живописания. В процессе сравнительного анализа произведений было выявлено, что Ю. Анненков и М. Горький, воссоздавая словесный портрет поэта Сергея Есенина, в первую очередь стремятся изобразить его как выразителя трагической эпохи. Запечатлевая образ поэта Сергея Есенина, живописец творит и автопортрет в окружении тех, кого он любил, на фоне эпохи, в которой жил. Писатель стремится направить читателя внутрь поэтической лаборатории «натуры».

Ключевые слова: словесный портрет, очерк, воспоминания, литературный портрет, синтез жанров, Юрий Анненков, Сергей Есенин, Максим Горький.

Информация об авторе: Олюнина Маргарита Владимировна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1493-1469>, магистр филологических наук, аспирант Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия.
E-mail: margooljunina@mail.ru

Дата поступления статьи: 05.05.2020.

Для цитирования: Олюнина М.В. Портрет Сергея Есенина в очерках-воспоминаниях Юрия Анненкова и Максима Горького // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 165-170. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-165-170>.

Margarita V. Olyunina
Moscow Pedagogic State University

THE PORTRAIT OF SERGEI YESENIN IN ESSAYS-MEMOIRES OF YURY ANNENKOV AND MAXIM GORKY

The paper presents a comparative analysis of the methods of creating a verbal portrait in the essay by Maxim Gorky "Sergei Yesenin" and in the memoirs of Yury Annenkov "Sergei Yesenin". The possibility and necessity of comparing the two selected works is explained by both the factual material chosen by the authors (both writers devote their essays to Sergei Yesenin) and similar methods of creating a verbal portrait of the poet, and the context of the style of the era, which is reflected in the works and the individual style of each artist. The aim of this work is to substantiate the genre-style features of the considered verbal image of Sergei Yesenin in the abovementioned works, which allows clarifying the created and already axiomatic image of the poet. The study is built using comparative historical and historical functional methods, the works of Alexander Veselovsky, Yuri Lotman, Yuriy Mineralov, as well as the experience of modern literary scholars involved in the theory and history of verbal painting. In the process of the comparative analysis of the works, it was revealed that Yury Annenkov and Maxim Gorky, recreating the verbal portrait of the poet Sergei Yesenin, was primarily seeking to portray him as an exponent of the tragic era. Capturing the image of the poet Sergei Yesenin, the painter creates his self-portrait, surrounded by his beloved, at the background of the era in which he lived, the writer tries to guide the reader inside the poetry laboratory of "nature".

Keywords: verbal portrait, feature article, memories, literary portrait, synthesis of genres, Yury Annenkov, Sergey Yesenin, Maxim Gorky.

Information about the author: Margarita V. Olyunina, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1493-1469>, Master of Philology, graduate student of Moscow State Pedagogic University, Moscow, Russia.
E-mail: margooljunina@mail.ru

Article received: May 5, 2020.

For citation: Olyunina M.V. The portrait of Sergei Yesenin in essays-memoires of Yury Annenkov and Maxim Gorky // Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 165-170 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-165-170>.

Филологическая наука в последние десятилетия всё чаще обращается к феномену словесного портрета, представляющему собой не только в живописи, но и в литературе, в том числе автобиографической, колоссальное разнообразие, свою историю и исследовательскую методологию. В работе «Статьи по семиотике культуры» Ю.М. Лотман писал, что портрет – особый жанр живописи, для которого характерно выделение тех черт личности, которые несут в себе смысловую доминанту. Рассматривая портрет как совокупность реального и идеального образа портретируемого, учёный приходит к выводу, что ни в одном из жанров искусства точка зрения на объект изображения не может быть выражена так ярко, как в портрете. Такой, на первый взгляд, простой жанр оказывается одним из сложнейших, являясь по сути своей совокупностью важного и второстепенного, освобождённого от вторичного. Как классические филологические исследования [Тарабукин; Лотман], так и работы последних лет [Башкева; Дмитриевская; Минералова и др.] доказывают, что всё вышесказанное можно отнести не только к живописному, но и словесному портрету. Таким образом, данная работа посвящена актуальной проблеме изучения портрета как приёма словесной живописи в небольших литературных очерках, созданных М. Горьким и Ю. Анненковым. Возможность и необходимость сопоставления произведений двух этих авторов видится нам не только в выбранном ими фактическом материале (оба писателя посвящают свои очерки Сергею Есенину), но и в схожих приёмах создания портрета поэта, о которых пойдёт речь в дальнейшем. Кроме того, сам стиль эпохи, в которой жили и творили названные авторы, позволяет нам рассматривать их в едином литературном контексте.

Исходя из всего вышесказанного, настоящее исследование строится с использованием сравнительно-исторического и историко-функционального методов, методологической базой послужили труды А.Н. Веселовского, Ю.М. Лотмана, Ю.И. Минералова. В статье учитываются и научные подходы современных литературоведов, занимающихся теорией и историей портрета в прозе: В.В. Башкеевой, Л.Н. Дмитриевской и др. Тем не менее, несмотря на кажущееся разнообразие исследований феномена словесного портрета, можно утверждать, что его описание недостаточно для презентации исчерпывающих историко-литературных выводов. Таким образом, целью данной работы является обоснование жанрово-стилевых особенностей рассматриваемого словесного изображения Сергея Есенина в вышеуказанных произведениях, что позволяет внести уточнения в созданный и уже ставший хрестоматийным образ поэта, с одной стороны, и указать на компоненты синтеза жанров в произведениях, когда автор живописует словом

портрет реальной, «узнаваемой» личности, отражая в нем личное, то есть индивидуальное «впечатление». Литературные портреты пера М. Горького и Ю. Анненкова, названные «Сергей Есенин», что уже показательно, имеют и заметные различия в выбранных художниками приёмах изображения, и сходства, обусловленные стилем эпохи и личностью того, с кого портрет писался. Так, оба очерка открывают фрагменты, в которых Сергей Есенин изображен согласно ожиданиям современников: красивый кудрявый юноша со светлыми волосами, голубоглазый и стройный. В.П. Катаев значительно позже в «Алмазном моем венце» назовет поэта царевичем, Лелем, и эти имена (одно, Лель, – из сказки А.Н. Островского) уже портретны. Однако и Горький, и Анненков обыгрывают названные выше внешние черты с помощью скорее негативных сравнений. У М. Горького в очерке о поэте читаем: «Он показался мне мальчиком пятнадцати – семнадцати лет. Кудрявенький и светлый, в голубой рубашке, в поддевке и сапогах с набором, он очень напомнил слащавенькие открытки Самокиш-Судковской, изображавшей боярских детей, всех с одним и тем же лицом. <...> Есенин вызвал у меня неяркое впечатление скромного и несколько растерявшегося мальчика, который сам чувствует, что не место ему в огромном Петербурге. Такие чистенькие мальчики – жильцы тихих городов, Калуги, Орла, Рязани, Симбирска, Тамбова. Там видишь их приказчиками в торговых рядах, подмастерьями столяров, танцорами и певцами в трактирных хорах, а в самой лучшей позиции – детьми небогатых купцов, сторонников “древнего благочестия”. Позднее, когда я читал его размашистые, яркие, удивительно сердечные стихи, не верилось мне, что пишет их тот самый нарочито картинно одетый мальчик...» [Горький: 5]. «Красивенький», «приказчик», «подмастерье», детали внешнего вида и одежды – всё это жанровые зарисовки или лубочные картинки, которые не позволяют даже метонимически вместить изображение поэта. Сравнение Есенина со «слащавенькими» (даже не «слащавыми») открытками Елены Петровны Самокиш-Судковской создает если не карикатуру, то явное доказательство пословицы «встречают по одежке»: жаркая ночь, «чёрный бархат реки» и плюющий в нее «чистенький» почти мальчик, разговоры о войне [Горький: 5]. Горький отмечает чуждость Есенина городу, огромному Петербургу, и это ощущение чуждости поэта крупным городам и урбанистическому обществу создается формирующейся антитезой «лубочного мальчика», темного бархатного ночного Петербурга, и мысль об их несовместимости лейтмотивом пройдет через весь очерк не только М. Горького, но и Ю. Анненкова.

Есенин для Горького, повторимся, – «чистенький мальчик», внутренний мир которого открывается писателю впоследствии как антитетичный

этой внешности. На это несоответствие внешнего и внутреннего обращает внимание в своём литературном портрете и живописец Ю. Анненков, описывая первую встречу с Есениным и обращаясь к воспоминаниям ученика Репина Антона Комашка: «Моя первая встреча с Есениным, Сергеем Есениным, Сережей, Серегой, Сергуней, восходит к тому году и даже к тем дням, когда он впервые появился в Петербурге. <...> Лицо Есенина (ему было тогда едва ли двадцать лет) действительно удивляло “девической красотой”, но волосы не были ни цвета “золотистого льна”, ни цвета “спелой ржи”, как любят выражаться другие: они были русые, это приближается к пригашенной бесцветности березовой стружки. <...> Вместо элегантного серого костюма на Есенине была несколько театральная, балетная крестьянская косоворотка, с частым пастушьим гребнем на кушаке, бархатные шаровары при тонких шевровых сапожках. Сходство Есенина с кустарной игрушкой произвело на присутствующих неуместно-маскарадное впечатление, и после чтения стихов аплодисментов не последовало» [Анненков: 154–156]. «Кустарная игрушка» Анненкова оказывается близкой характеристикой «слащавеньким открыткам Самокиш-Судковской, изображавшей боярских детей», что, пожалуй, обусловлено эпохой, в которой жили и творили художники, избравшие в качестве портрета натуру Сергея Есенина. Кроме того, здесь используется по сути экфрасис, не самый характерный приём для М. Горького и Ю. Анненкова.

Объясняя индивидуальность подхода в изображении поэта таких разных деятелей культуры, какими были М. Горький и Ю. Анненков, необходимо напомнить те черты стиля, которые формируют внутреннюю форму произведения. На них указывает Минералов Ю.И.: «Внутренняя форма есть образ идеи (или образ идей), образ образа (или образ образов). Реализуется это явление в искусстве глобально широко. На нём базируются взаимные отличия стилей. На нём строится художественная условность» [Минералов: 31]. Приведенные нами фрагменты воспоминаний как нельзя лучше иллюстрируют это теоретическое положение: у Ю. Анненкова нельзя не отметить наличие внутренних портретов-очерков, причем в создании портрета не последнюю роль играет форма имени, когда он называет поэта «Есениным, Сергеем Есениным, Сережей, Серегой, Сергуней» [Анненков: 154] (хотя, конечно, для эпохи – Сергей Есенин) и прибегает к созданию своего портрета Есенина через сопоставление его с портретом-экфрасисом Комашка, то есть двух живописцев, которым близок синтез искусств. Не последнюю роль для живописца играл литературный портрет Сергея Есенина, созданный Максимом Горьким, написанный в 1926 г. и напечатанный в «Красной газете» в 1927 г., тогда как очерк Ю. Анненкова увидел свет в 1954 г., значительно

позже графического изображения и портрета, созданного в 1923 г. Более чем вероятно, что Анненков был знаком с очерком М. Горького, хотя в своей работе об этом не упоминает, скорее всего, по причинам не творческим. Кроме того, живописец отмечает «богатство и точность русских определений», что позволяет ему создать портрет, в котором есть и другие портреты-клише: «волосы *не были* ни цвета “золотистого льна”, ни цвета “спелой ржи”, как любят выражаться другие» [Анненков: 154], которые оттеняют или даже делают более объемным собственный анненковский метонимический портрет: «...русые, это приближается к пригашенной бесцветности березовой стружки» [Анненков: 154]. Такое определение создает динамический портрет Есенина с важным для него образом берёзы: «пригашенная *бесцветность* березовой стружки» включает в себя множество цветоцветовых оттенков, которые будто бы сняты, но на самом деле включают в себя и указанные портреты-штампы, и будто бы проявляющееся из бесцветности и белизны берез *лицо* поэта, что не столько сближает, сколько ставит рядом с портретом Ю. Анненкова литературный портрет М. Горького.

Ю. Анненков упоминает, что поэт произвёл «на присутствующих неуместно-маскарадное впечатление» [Анненков: 156]. Неуместная маскадность, кукольность, «народно-поэтическая инородность» Есенина в богемной среде – выразительная черта, которая объединяет два непохожих, на первый взгляд, литературных портрета. Интересно, что уже М. Горький завершает свой очерк рассказом о том, как они вместе с Есениным посещали цирк, и в этом отрывке вновь вернётся к чуждости поэта окружающим и миру вокруг: «Он не вызывал впечатления человека забалованного, рисующегося, нет, казалось, что он попал в это сомнительно веселое место по обязанности или “из приличия”, как неверующие посещают церковь. Пришел и нетерпеливо ждет, скоро ли кончится служба, ничем не задевающая его души, служба чуждому богу» [Горький: 11]. В этом сравнении красочного цирка и церковной службы прочитывается внутренняя ирония по отношению к стилю поэта Есенина, первый свой сборник назвавшего «Радунца», не только знавшего христианский мир службы, но и поэтически отразившего его в своих произведениях. Это глубоко личное и было несовместимо с балаганом литературной столичной среды, жонглирующей словами, переодевающейся в стиле по первому зову моды. Эта среда, действительно, была чуждой Сергею Есенину, поэту и человеку. Несовместимость внутреннего и внешнего в поэте у М. Горького и Ю. Анненкова выражено по-разному: «Есенину приглянулась моя молоденькая горничная Настя. Он заговорил с ней такой изощренной фольклорной рязанской (а может быть, и вовсе не рязанской, а ремизовской) речью, что, ничего не поняв,

Настя, называвшая его, несмотря на косоворотку, “барин”, хихикнув, убежала в кухню. Но после отъезда Есенина она призналась мне, что “молодой барин” был “красавчиком”. Фальшивая косоворотка и бархатные шаровары тем не менее не понравились ей. Они, впрочем, предназначались для другой аудитории» [Анненков: 157]. На первый взгляд, можно в образе Есенина, созданном мастером и графическом, и живописном портрета обнаружить внешнюю фальшивость натуры, с которой пишется словесный портрет, однако внимание «к моей молоденькой горничной Насте» есть осознанное или неосознанное желание автора напомнить о крестьянском происхождении, о неуместности разговора городской горничной (сравните с Дуняшей из «Вишневого сада» А.П. Чехова) на ее родном, хоть и образно-витиеватом, языке, а затем, вместо создания портрета русского поэта, поставить обывательски-пошлую точку-банальность: «красавчик». Так Сергей Есенин выглядит чужим не только некой абстрактной «среде», но и художнику с родословной, с происхождением. Можно понять в этом смысле желчные высказывания И.А. Бунина в адрес С. Есенина – не только ревность говорит в поэте-эмигранте, тут подспудно Ю. Анненков солидарен с дворянином Буниным. И в этих есенинских портретах, в разное время и разными мастерами написанных, есть то, что называется портрет «на фоне». Эпоха, к которой Есенин принадлежал, была разнородной, балаганно-театральной, а поэт был настоящим, напоминавшим своим внешним обликом о народе и народности, которые были просто чужды среде, стремящейся всеми доступными средствами выразить себя – ей было не до народа.

Наконец, Горький раскрывает суть Есенина через притчу о мальчике-крестьянине, который попал в Краков и, не найдя дороги к родным местам, почувствовав, что город не хочет отпускать его, помолился богу и прыгнул с моста в Вислу, надеясь, что та вынесет его к простору дома. Однако мальчик погибает, разбившись, и именно эта незатейливая притча напоминает Горькому смерть самого Есенина, снова указывает, что поэт казался чужим окружающему его миру. Романтическая броскость притчи, к которой Горький прибегает зачастую в своих романах, выглядит красотой и напоминает спор славянофилов и западников, специфически отраженный в тургеневском рассказе «Нечастливая», и дает упрощенное понимание трагедии поэта.

Оба автора отмечают, как меняется Сергей Есенин с годами. Так, М. Горький пишет: «От кудрявого, игрушечного мальчика остались только очень ясные глаза, да и они как будто выгорели на каком-то слишком ярком солнце. Беспокойный взгляд их скользил по лицам людей изменчиво, то, вызывая и пренебрежительно, то, вдруг, неуве-

ренно, смущенно и недоверчиво. Мне показалось, что в общем он настроен недружелюбно к людям. <...> А руки его беспокойны и в кистях размотаны, точно у барабанщика. Да и весь он встревожен, рассеян, как человек, который забыл что-то важное и даже неясно помнит – что именно забыто им» [Горький: 6]. Напомним, что ракурс, избираемый М. Горьким для изображения последней встречи, – ракурс мэтра, спокойного и уверенного во всем, законодателя в литературе. Законодатель не может не отметить смущения, даже нервозности Есенина. В приведенном эпизоде поэт изображен метонимически – упоминаются лишь глаза, одновременно ясные и выгоревшие (и эпитет «выгоревшие» в данном случае двух планов, он не только о «выцветших», «бесцветных» глазах, а об огне, который отражен в «горении» души поэта); руки – барабанщика, который, как правило, виртуозно владеет ритмом, и это определение антитетично сути есенинской поэзии, в которой мелодия приоритетна. Важным в создании образа-портрета реального Есенина оказывается упоминание о том, что он изменил отношение к людям: если раньше поэт воспринимался кустарной игрушкой, участвовал в маскараде, чувствуя себя при этом далёким от других, то сейчас это смущённость и неприязнь, доведенные до предела. Поэт не скрывает, что чужд этой среде. Это уже другой портрет все на том же «фоне». От его игрушечности, говорит Горький, не осталось и следа, и упоминанием первого впечатления создает парный портрет Есенина с самим собой в прошлом и в настоящем. Схожее описание читаем и у Ю. Анненкова: «По счастью, декоративная косоворотка уступила место (как в свое время у Горького) городскому пиджаку. Но “девическая краса” его лица быстро побледнела. Цвет кожи стал желтовато-серым, под глазами натекли легкие припухлости. Таким чуть-чуть отечным юношей, не потерявшим стройности и грубоватой грации русского подмастерья, он оставался до конца своих дней или по крайней мере до того дня, когда я встретился с ним в последний раз, после его возвращения из-за границы. Таким он сохранился и на моем наброске, который мне удалось сделать с него, несмотря на сумбурность встреч» [Анненков: 161]. Ю. Анненкову по-прежнему интересна «натура» Есенина. Он будто бы пишет этот портрет поверх горьковского полотна. Не случайно «уравнивание» Горького и Есенина – они не дворяне, люди без родословной, но натура любопытная.

Наконец, для понимания сходства и различия рассматриваемых портретов показательна цитата из очерка М. Горького: «Когда одевались в прихожей, Дункан стала нежно целовать мужчин. <...> Есенин грубо разыграл сцену ревности, шлепнул ее ладонью по спине, закричал: – Не смей целовать чужих! Мне подумалось, что он сделал это лишь для того, чтоб назвать окружающих людей чужи-

ми» [Горький: 10]. Эту инаковость и чуждость Есенина «среде» и тому, кто пишет портрет, Горький описал набором узнаваемых эпизодов, которые читатель должен соединить и солидаризоваться или не солидаризоваться с повествователем, Ю. Анненков напоминает собственные наброски портрета Есенина, тем самым подчеркивая в нем натуру, интересную эпохе, но не дружественную, не родственную, не родную.

Важно, что и у Ю. Анненкова, и у М. Горького Сергей Есенин также изображён на «парном» портрете с другими современниками: сторонниками (у Максима Горького – с А. Дункан) или противниками (у Юрия Анненкова – с урбанистом Вл. Маяковским). Личная неприязнь Горького к Дункан в парном портрете [Горький: 6] выражена антитезой, формирующей карикатуру. Нонсенсное сочетание двух лиц, одно из которых изображается с гротескной неприязнью, другое – с выраженным лирико-элегическим сочувствием, важно не само по себе.

Показателен эпизод, в котором М. Горький описывает чтение Есениным монолога Хлопуши [Горький: 8–9]. После этого портрета, ставшего образцом постижения внутренней формы прототипа и высокой точности изображения ее в литературном портрете, несомненно, следующий фрагмент подчеркивает «высоту духа» поэта и «ненужность Кусикова с гитарой, Дункан с ее пляской, ненужность скучнейшего бранденбургского города Берлина, ненужность всего, что окружало своеобразно талантливого и русского поэта.

Ю. Анненков в своем очерке дает своеобразный парный портрет Сергея Есенина и Владимира Маяковского, хотя изображает их по разные стороны «баррикад»: «Маяковский был полной противоположностью Есенину. Маяковский провозгласил: “В наше время тот – поэт, кто полезен”. Есенину “миссия служительства” пришлось не по нутру. Есенин всем своим творчеством стремился доказать, что в наше материалистическое время полезен тот, кто – поэт. Отсюда в “наше время” – один шаг до жертвенности и отчаяния. Разгул Есенина, бессонные ночи, трепня с литературных подмостков на светские ужины, знакомства, публичные выступления и скандалы развивались параллельно его популярности» [Анненков: 161]. Поскольку Ю. Анненков называет свой очерк «Сергей Есенин», то очевидно, что портрет В. Маяковского не просто оттеняет портрет С. Есенина, он представляет собой другой «фон», среду, образ эпохи, глубоко чуждый Сергею Есенину. Вряд ли приведенные нами строки неизвестны Ю. Анненкову, но он приводит цитату из В. Маяковского как выражение позиции эпохи, ответ которой знает всякий читатель С. Есенина.

Ю. Анненков вписывает С. Есенина, что также является характерным приёмом для живописца, в плеяду великих художников: «Настоящее художе-

ственное творчество начинается тогда, когда художник приступает к битью стекол. Виллона, Микеланджело, Челлини, Шекспира, Мольера, Рембрандта, Пушкина, Варлена, Бодлера, Достоевского и tutti quanti – можно ли причислить к людям “comme-il-faut”? В моей памяти гораздо глубже воспоминания о тех редких встречах без посторонних свидетелей, когда Есенин скромно, умно и без кокетства говорил об искусстве. Говорил как мастер, как работник. Распространенное мнение о том, будто Есенин был поэтом, произведения которого слагались сами собой, без труда, без кройки, совершенно неверно. Я видел его черновики, зачеркнутые, полные помазок и поправок, и если строй его поэзии производит впечатление стихийности, то это лишь секрет его дара и его техники, о которой он очень заботился» [Анненков: 161–162]. Заметим, что, описывая процесс творчества С. Есенина, Ю. Анненков вновь выбирает слова, подчеркивая, что он «мастер, работник», что занят «кройкой», внутренне повторяя: «подмастерье», будто бы выписывая и «раму» портрета С. Есенина.

В очерке и в его разновидности – литературном портрете, которые созданы писателем Максимом Горьким и художником-живописцем Юрием Анненковым на основе личных впечатлений и личных воспоминаний, в этих художественно-документальных произведениях выписан не только портрет самого Сергея Есенина, но и «фон», «эпоха», и рядом – самой манерой письма – портрет повествователя, его жизнь, его понимание внутренней сути поэта и внутренней сути эпохи, специфически постигающей и принимающей Поэта.

Оба автора воспоминаний в разной степени отражают свою персону в повествовании о Есенине. Ю. Анненков свой литературный портрет завершает следующими словами: «И вот пришла весть, о том, что Куоккала “отошла к Советам”. <...> Руины моего дома и полторадесятилетний парк с лужайками, где седобородый Короленко засветил однажды в Рождественскую ночь окутанную снегом елку; где, гимназистом, я носился в горелки с Максимом Горьким и моей ручной галкой “Матрешкой”, где я играл в крокет с Маяковским; где грызся о судьбах искусства с фантастическим военным доктором и живописцем Николаем Кульбиным; где русская литература творила и отдыхала, – исчезли для меня навсегда, как слизанные коровьим языком. Вырастет ли когда-нибудь на этом пустыре столбик с памятной дощечкой, на которой вряд ли смогут уместиться все имена?.. Но это уже мелочи. Обрывки бесполезной сентиментальности...» [Анненков: 176]. Подобное поэтическое завершение раскрывает творческий потенциал Анненкова как писателя, воссоздающего, по словам искусствоведа Н.М. Тарабукина, словесный портрет-биографию, которая и о С. Есенине и, несомненно, о самом Ю. Анненкове.

Список литературы

Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. Цикл трагедий: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1991. 346 с.

Башкеева В.В. Портрет как проблема // Вестник БГУ. Сер. Филология. Улан-Удэ: Изд-во Бур. ун-та, 2008. Вып. 10. С. 139–143.

Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Ленинград: Художественная литература, 1940. 404 с.

Горький М. Сергей Есенин // Сергей Есенин в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1986. Т. 2. С. 5–11.

Дмитриевская Л.Н. Словесная живопись в русской прозе XIX – начала XX вв.: дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2013. 354 с.

Колосова С.Н. Портрет в русской лирической поэзии. М.: Литера, 2011. 294 с.

Колядич Т.М. Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра: монография. М.: Мегатрон, 1995. 278 с.

Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.

Минералов Ю.И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность). М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 360 с.

Минералова И.Г., Олюнина М.В. Приёмы словесной живописи при создании портрета Анны Ахматовой в книге Юрия Анненкова «Дневник моих встреч. Цикл трагедий» // Художественная словесность: теория, методология исследования, история: коллектив. монография / под ред. Минераловой И.Г., Васильева С.А. М.: Изд-во «Литера», 2018. С. 234–245.

Радченко М.М. «Дневник моих встреч» Ю.П. Анненкова: проблема жанрового синтеза: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 148 с.

Тарабукин Н.М. Портрет как проблема стиля // Искусство портрета: сб. ст. М., 1928. С. 159–193.

Уртминцева М.Г. Жанр литературного портрета в русской литературе второй половины XIX века: генезис, поэтика, типология: дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2005. 322 с.

Icons; Texts; Iconotexts: Essays on Ekphrasis and Intermediality, ed. by Peter Wagner. Berlin, NY, Walter de Gruyter, 1996, 406 p.

References

Annenkov Yu. *Diary of my meetings. The cycle of tragedies* [Diary of my meetings. The cycle of tragedies]: in 2 vol. Vol. 1. Moscow, Fiction Publ., 1991. (In Russ.)

Bashkeeva V.V. *Portrait kak problema* [Portrait as a problem]. *Vestnik BGU* [Bulletin of BSU], ser. Philology. Ulan-Ude, Publ. house of Buryat University, 2008, № 10, pp. 139–143. (In Russ.)

Veselovskii A.N. *Istoricheskaia poetika* [Historical poetics]. Leningrad, Khudozhestvennaia literature Publ., 1940, 404 p. (In Russ.)

Gorky M. *Sergei Esenin. Sergei Esenin v vospominaniakh sovremennikov* [Sergei Esenin in the memoirs of contemporaries]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1986, vol. 2, 446 p. (In Russ.)

Dmitrievskaya L.N. *Slovesnaia zhivopis' v russkoi proze XIX – nachale XX vv.* [Verbal painting in Russian prose of the 19th - early 20th centuries]: PhD dissertation (Philology). Moscow, 2013, 354 p. (In Russ.)

Kolosova S.N. *Portret v russkoi liricheskoi poezii* [Portrait in Russian lyric poetry]. Moscow, Litera Publ., 2011, 294 p. (In Russ.)

Koliadich T.M. *Vospominaniia pisatelei: problemy poetiki zhanra* [Memoirs of Writers: Problems of the Poetics of the Genre]: monografiia. Moscow, Megatron Publ., 1995, 278 p. (In Russ.)

Lotman Yu.M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on semiotics of culture and art]. St. Petersburg, Academic project, 2002, 544 p. (In Russ.)

Minerals Yu.I. *Teoriia khudozhestvennoi slovesnosti (poetika i individual'nost')* [Theory of literary literature (poetics and personality)]. Moscow, Humanity. ed. VLADOS Center Publ., 1999, 360 p. (In Russ.)

Mineralova I.G., Olyunina M.V. *Priemy slovesnoi zhivopisi pri sozdanii portreta Anny Akhmatovoi v knige Iurii Annenkova «Dnevnik moikh vstrech. Tsikl tragedii»* [Techniques of verbal painting when creating a portrait of Anna Akhmatova in the book of Yuri Annenkov “Diary of my meetings. The cycle of tragedies”]. *Khudozhestvennaia slovesnost': teoriia, metodologiia issledovaniia, istoriia: kolektiv. monografiia* [Fiction: theory, research methodology, history]: collective monograph, ed. by Mineralova I.G., Vasilyeva S.A. Moscow, Litera Publ. House, 2018, pp. 234–245. (In Russ.)

Radchenko M.M. «Dnevnik moikh vstrech» Yu.P. Annenkova: problema zhanrovogo sinteza [“Diary of my meetings” Yu.P. Annenkova: the problem of genre synthesis]: PhD dissertation (Philology). Moscow, 2017. (In Russ.)

Tarabukin N.M. *Portret, kak problema stilia* [Portrait as a problem of style]. *Iskusstvo portreta: sb. statei* [The art of portraiture: collection of articles]. Moscow, 1928, pp. 159–193. (In Russ.)

Urtmintseva M.G. *Zhanr literaturnogo portreta v russkoi literature vtoroi poloviny XIX veka: genезis, poetika, tipologiia* [The genre of literary portrait in Russian literature of the second half of the XIX century: genesis, poetics, typology]: PhD dissertation (Philology). Nizhnii Novgorod, 2005, 322 p. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-171-176>
УДК 821.161.1.09"20"

Радченко Мария Михайловна
Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

**ЭКФРАСТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КАРТИНЫ
ЭЖЕНА ДЕЛАКРУА «СВОБОДА, ВЕДУЩАЯ НАРОД»
В РАССКАЗЕ Ю.П. АННЕНКОВА «ДОМИК НА 5-ОЙ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ»**

В предлагаемой статье рассматривается и обосновывается предположение, согласно которому в рассказе Ю.П. Анненкова «Домик на 5-ой Рождественской» содержатся структурные и сюжетные элементы, имплицитно соотносящиеся с картиной Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ». Автор статьи показывает, что использования элементов картины в художественном тексте Анненкову удалось достичь за счёт экфрасиса, который в целом был частью творческого инструментария писателя. Так как в настоящее время ещё не разработан единый подход к рассмотрению этого «интермедийного приёма», то в качестве теоретической основы были выбраны концепции, представленные в труде В.В. Фещенко и О.В. Коваля и статье В.В. Лепехина. Детально проанализировав рассказ Анненкова и живописное полотно Делакруа, удаётся прийти к выводу, что за счёт образов Теклы Балчус и её сына Стасика писатель не только экфрастически представил ключевые фигуры и сюжет картины «Свобода, ведущая народ», но также сознательно исказил исходные визуальные образы, чтобы в их вербальном воплощении продемонстрировать своё разочарование в идеях революции.

Ключевые слова: Ю.П. Анненков, «Дневник моих встреч», Е.И. Замятин, теория синтетизма, синтез искусств, Эжен Делакруа, «Свобода, ведущая народ», экфрасис, интермедийность, экфрастическое воплощение.

Информация об авторе: Радченко Мария Михайловна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5838-1323>, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, Россия.

E-mail: marmihradchenko@gmail.com

Дата поступления статьи: 22.07.2020.

Для цитирования: Радченко М.М. Экфрастическое воплощение картины Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ» в рассказе Ю.П. Анненкова «Домик на 5-ой Рождественской» // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 171-176. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-171-176>.

Maria M. Radchenko
Lomonosov Moscow State University, branch in Sevastopol

**EKPHRATIC REPRESENTATION OF EUGÈNE DELACROIX'S
PAINTING "LIBERTY LEADING THE PEOPLE" IN YU.P. ANNENKOV'S SHORT STORY
"A SMALL HOUSE IN THE 5TH CHRISTMAS ST."**

The present article examines and proves the theory, according to which the short story "A Small House in the 5th Christmas St." by Yu.P. Annenkov implicitly contains the elements of Eugène Delacroix's painting "Liberty Leading the People". The incorporation of painting's elements into the story's texture has become possible due to ekphrasis – an instrument Annenkov used quite often in his works. Taking into consideration the fact that there is no single approach in analyzing this "intermedial device", two concepts of ekphrasis has been chosen as the theoretical basis for the present research – one presented by the work of V.V. Feshchenko and O.V. Koval, another one – by the article of V.V. Lepakhin. After the detailed examination of Annenkov's short story and Delacroix's painting it may be concluded that by two characters – Tekla Balchus and her son Stasik – the writer not only ekphrastically represented the key figures and the plot of "Liberty Leading the People", but also intentionally distorted the initial visual image in order to demonstrate in the verbal form of the story his own disillusionment with the ideas of the revolution.

Keywords: Yury Annenkov, "People and Portraits", Ye. Zamyatin, theory of synthetism, synthesis of arts, Eugène Delacroix, "Liberty Leading the People", ekphrasis, intermediality, ekphrastic representation.

Information about the author: Maria M. Radchenko, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5838-1323>, Candidate of Philological Sciences, senior lecturer, the Department of the Russian language and literature, Lomonosov Moscow State University, branch in Sevastopol, Crimea, Russia.

E-mail: marmihradchenko@gmail.com

Article received: July 22, 2020.

For citation: Radchenko M.M. Ekphrastic representation of the painting "Liberty Leading the People" by Ferdinand Victor Eugène Delacroix in Yury Annenkov's short story "A Small House in the 5th Christmas St.". Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 171-176 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-171-176>.

Интерес к творчеству Ю.П. Анненкова в последнее время значительно возрос, о чём свидетельствуют не только новые публикации [Обухова-Зелинская 2017, 2020; Хорошилова], но и организованная в 2020 г. в московском Музее русского импрессионизма выставка «Юрий Анненков. Революция за дверью» [Юрий Анненков]. Этот знаменитый портретист, иллюстратор и писатель справедливо признан одним из ярчайших деятелей эпохи авангарда, чьё наследие обнаруживает новые грани для изучения.

Ещё в 1922 г. Евгений Замятин, близкий друг Анненкова и один из первых интерпретаторов его художественного метода, в статье «О синтетизме» на примере анненковского творчества указал вектор развития *нового искусства*: «Так синтетизм открывает путь к совместному творчеству художника – и читателя или зрителя; в этом – его сила» [Замятин: 509]. Тем самым Замятин не только объяснил принцип, использованный Анненковым при «построении» графических портретов, но определил исследовательскую оптику, которую следует применять при изучении как изобразительного, так и литературного творчества этого самобытного художника¹.

Взаимодействие искусств, отмеченное Е. Замятиным ещё в первой половине XX в., представляет собой одно из магистральных направлений в современной филологии. Благодаря результатам исследований и находкам в области вербально-визуального синтеза новое «измерение» для анализа и интерпретации обнаруживает рассказ Ю. Анненкова «Домик на 5-ой Рождественской» [Анненков 1928].

Это литературное произведение, опубликованное художником под псевдонимом Борис Темирязев в 1928 г., интересно не только своей интертекстуальной насыщенностью, но и использованными интермедийными приёмами, позволившими автору «визуально» ввести различного рода культурные и мифопоэтические элементы в повествование.

Есть основания полагать, что посредством экфрасиса в ткань рассказа «Домик на 5-ой Рождественской» была включена картина французского художника-романиста Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ». Эта гипотеза стала предметом рассмотрения предлагаемой статьи.

Комплексный комментарий и анализ рассказа был представлен А.А. Данилевским, одним из ведущих исследователей литературного наследия художника, в работе «“Домик на 5-ой Рождественской” Ю.П. Анненкова и “Петербургский текст русской литературы”» [Данилевский].

Детально рассмотренные неомифологические черты этого произведения и выявленные в нём отсылки к русской литературе XIX в. – начала XX в. подтверждают сознательное введение Анненковым в рассказ «Домик на 5-ой Рождественской» ряд значимых исторических и культурных явлений. На это указывает, в частности, система

персонажей и использованная в произведении ономастика. Так в статье объясняется символичность многих имён и неслучайный выбор сюжетных линий [Данилевский: 45]. Особенно ценной находкой для проведения настоящего исследования стала приведённая этимология имён двух персонажей рассказа – прачки Теклы Балчус и её сына Стасика, значимость которых будет рассмотрена в аналитической части работы. Отметим, что обнаруженная мифопоэтическая природа многих элементов повествования во многом способствовала выдвигению гипотезы, рассматриваемой в предлагаемой статье.

Предположение об имплицитном введении картины Эжена Делакруа в рассказ «Домик на 5-ой Рождественской» также основано на теории экфрасиса и на установленном факте: Анненков нередко использовал этот приём в своём литературном творчестве, например в своей мемуарной книге «Дневник моих встреч» [Радченко: 66].

Всё большая ориентированность современной культуры на применение визуальных средств связи обосновала небывалый интерес к экфрасису, особенно – в аспекте анализа литературных произведений. Однако довольно актуальной проблемой остаётся чрезмерно широкое понимание этого термина, потому что его склонны трактовать и как литературный приём, и как разновидность словесного описания, и как жанровую форму [Лепахин: 9]. Подобная рода неоднозначность во взглядах на это явление не только препятствует формированию универсальных принципов экфрастического анализа (нет единой общепринятой типологии), но также вызывает затруднения при верном определении значимости интерпретации предмета искусства в рамках повествования.

Природа экфрасиса и его видовые формы составляют предмет рассмотрения многих исследований. Однако теоретической основой предлагаемой работы являются две концепции: 1) описание процесса «семиотического действия» при переводе визуального образа в вербальный, представленная в труде В.В. Фещенко и О.В. Ковалья «Сотворение знака: Очерки о лингвостетике и семиотике искусства» [Фещенко, Коваль]; 2) классификация видов экфрасиса, предложенная В.В. Лепахиним [Лепахин]. Первая работа отражает анализ этого явления с позиции лингвистики, вторая – рассматривает экфрасис через эстетико-мировоззренческие установки, продиктованные литературой. В рамках предлагаемого исследования обе концепции взаимодополняют друг друга и репрезентуют два аспекта, значимых для проверки выдвигаемой гипотезы: 1) как происходило «экфрастическое» перевоплощение и 2) что оно являет собой в целом (определение вида экфрасиса).

Описание самого процесса семиотического преобразования – «трансмутации внутренней пластической формы во внутреннюю языковую форму

и обратно» [Фещенко, Коваль: 453] необходимо как инструмент выявления и обоснования экфрастической природы элементов текста. Подобный подход также позволяет разобраться, как на уровне внутренней структуры происходит перевоплощение произведения искусства в вербальную форму. Интерпретация экфрасиса, предложенная именно в работе «Сотворение знака...», представляется обоснованной и справедливой, потому как учитывает, что это явление не только описывает некий живописно-графический объект словесными средствами, но и производит «последовательный когнитивный синтез видимого» [Фещенко, Коваль: 454]. Принятие во внимание когнитивного аспекта восприятия произведения изобразительного искусства при его вербальном воплощении является, на наш взгляд, существенным параметром при анализе явления, трактуемого как экфрастическое: то есть происходит не просто опознание «перевода» визуального в вербальное, но и осознание психоэмоционального воздействия этого явления на реципиента. Благодаря такому подходу удаётся точнее определить – с чем именно приходится иметь дело: с настоящим проявлением экфрасиса или приёмом обыкновенного описания живописного произведения.

На сложности, вызываемые неоднозначностью и «подвижностью» понятия «экфрасис», также указывает В.В. Лепяхин в работе «Экфрасис в русской литературе: опыт классификации» [Лепяхин]. Однако важность этой статьи для данной работы обусловлена тем, что автором не только представлен обзор этого проблемного вопроса в ряду отечественных и зарубежных исследований, но также предложена видовая классификация экфрасиса. В целом исследователь обозначает 3 подхода к рассмотрению этого явления, первый из которых основывается на специфике самого объекта описания; второй – на параметре реальности или фиктивности предмета экфрасиса. Третий подход подразумевает принятие во внимание характера взаимосвязи между экфрасисом и его источником [Лепяхин: 11–15]. Именно интерпретация взаимоотношений между объектом описания и самим явлением (третий подход) легла в основу предложенной «видовой» системы и кажется наиболее приемлемой для проведения задуманного анализа.

В процессе исследования был применён комплексный анализ, синтезировавший в себе историко-литературный, интертекстуальный и текстологический методы, что позволило уделить особое внимание рассмотрению компонентов, в отношении которых выдвигается предположение об их «экфрастической» природе.

В рассказе подробно описывается судьба и гибель не только каждого жильца деревянного домика, но и страшная смерть самого строения. Особенное внимание при чтении произведения обращают на себя прачка Текла Балчус и её сын Стасик. Не-

которые фрагменты повествования, касающиеся этих двух героев, формируют единый визуальный образ, невольно заставляющий читателя вспомнить знаменитое полотно Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ» 1830 г. Можно ли считать это впечатление случайным? Известно, что на первом этапе «восприятие во многом эмоционально, стихийно, в значительной мере подсознательно» [Есин: 161]. Принимая во внимание свойственные Анненкову стилевые и художественные приёмы и методы, стоит обратить внимание на это синкретическое по своей природе первое читательское впечатление и рассмотреть его подробнее.

Так, ярчайшей метаморфозой, введённой в произведение, стало «превращение» неприметной прачки Теклы Балчус, обзолённой жизненными невзгодами и уставшей от «скудного хлеба», в воинственную зачинщицу Февральской революции 1917 г.: «Революция, как всё великое, началась с пустяков: просто... в хлебопекарне Пискарёва, Текла Балчус, во главе длинной очереди, стоявшей за хлебом, вздумала бить стёкла» [Анненков 1928: 200]. Образ женщины «из народа» во главе революционно-настроенной толпы соотносится с величественной женской фигурой, символизирующей Свободу, на картине французского живописца. Стасик, вдохновлённый выступлением Ленина на Финляндском вокзале [Анненков 1928: 203], оставляет обучение столярному ремеслу и отправляется на Гражданскую войну добровольцем, где погибает от рук белогвардейцев: «Действительно, был твой Стасик, мамаша, да весь вышел: белые вздёрнули!» [Анненков 1928: 204]. Судьба этого героя – взросление, участие в войне, гибель – нарративно соотносится и с фигурой мальчика, бегущего с пистолетами рядом с женщиной (Стасик-подмастерье), и с трупом мужчины, изображенного на переднем плане картины Делакруа (Стасик – убитый солдат). Таким образом, на первом этапе рассмотрения удалось выявить «внешнее» сходство между некоторыми живописными и словесными образами сопоставляемых произведений, но это ещё не даёт основания утверждать, что картина французского живописца была экфрастически «вплетена» в ткань рассказа.

Однако эту глубинную связь между структурными и сюжетными элементами литературного и живописного произведений удаётся обнаружить на интертекстуальном уровне.

«Свобода, ведущая народ» – одна из самых знаменитых и узнаваемых картин Делакруа. Отличительной особенностью её сюжета стал синтез «действительного и вымышленного, мифа и истории» [Hoffman: 24]. Способ художественного воплощения человеческих фигур на этой картине аккумулирует одновременно обращение как к античным образцам, так и к работам современников мастера: например, было установлено, что изображение полураздетого тела мужчины на переднем

плане работы Делакруа визуально повторяет позу соскальзывающего в воду трупа, запечатлённого на полотне Теодора Жерико «Плот “Медузы”» 1819 г. [Hoffman: 24]. Однако сюжет картины достовернее всего объясняет обнаруженная брошюра безымянного автора “Un fait inconnu de juillet 1830”², изданная в 1831 г. С содержанием этого документа можно ознакомиться благодаря исследованию Ли Джонсона: “The author states that Delacroix took inspiration from the heroic action of Anne-Charlotte D., a poor laundry-girl who, dressed in only a petticoat (“jupon”), went in search of her younger brother Antoine, an apprentice gilder who was fighting in the streets on 27 July. At length, she fell on Antoine’s naked corpse; found carrying arms, he had just been shot by a platoon of Swiss troops”³ [Johnson: 147]. Согласно пересказанному содержанию брошюры, после обнаружения тела брата отважная Анна-Шарлотта принялась мстить солдатам и убила девятерых, пока сама не погибла от удара саблей, нанесённого капитаном уланского полка [Johnson: 147]. Опираясь на данные этого документального источника, Ли Джонсон приходит к закономерному выводу, что именно это происшествие, скорее всего, и послужило основой для создания «Свободы, ведущей народ» ещё до того, как на Делакруа могли оказать влияние картины других мастеров [Johnson: 147].

Событие, описанное в брошюре, напрямую соотносится с некоторыми фрагментами рассказа Анненкова. Неслучайным кажется выбор именно такой пары героев – прачки и подмастерья, принявших непосредственное «боевое» участие в судьбоносных для своего государства событиях. Одинаковый род деятельности персонажей, их кровная связь, в которой женщина всегда старше (старшая сестра – в эпизоде, изложенном в брошюре; мать – в рассказе), а также совпадения на уровне структуры сюжета (женщина – предводительница революционного движения; её брат/сын оставляет свою мирную работу и отправляется воевать, а после погибает) дают основание провести параллели между Теклой Балчус и Анной-Шарлоттой Д., Стасиком (Станиславом) и Антуаном. Особо хочется отметить удивительное соотношение и на уровне ономастики. В своей работе А.А. Данилевский обосновал символизм выбранных Анненковым имён для героев «Домика на 5-ой Рождественской», указав, что «метафизическая сущность и истинное жизненное предназначение» матери и сына соотносятся напрямую с значением их имён: Текла – «славная», Станислав – «славнейший» [Данилевский: 45]. Применяя подобный анализ к героям упомянутой брошюры, обнаруживается такая же символическая связь между именем и судьбой Анны-Шарлотты (каждый компонент этого составного имени значим: «Анна» трактуется как «сила», «храбрость»; «Шарлотта» переводится как «свободная») и Антуана (это имя скрывает значение «противостоящий»,

«вступающий в бой»). Ещё одной немаловажной деталью, «роднящей» Теклу Балчус с предполагаемым французским прототипом, стало то, что героиня «Домика на 5-ой Рождественской» исповедует католицизм [Анненков 1928: 202].

Ю.П. Анненков, вероятнее всего, знал историю создания шедевра Делакруа. Нужно отметить, что ему в целом было свойственно собирать, фиксировать и вводить в свои тексты различного рода слухи, «бытовые» мифы, анекдоты и сплетни [Радченко: 58]. Вряд ли бы он упустил сюжет, скрываемый за такой грандиозной и известной картиной. Потому неявное использование истории об Анне-Шарлотте и её брате можно даже расценивать как верность писателя самому себе и своему художественному мировосприятию. При этом интересное документальное подтверждение значимости картины французского мастера для Анненкова обнаруживается в его «Дневнике моих встреч»: «Разве знаменитая “Свобода, ведущая народ” Делакруа выражает сущность революции? Конечно, нет. Ребёнок с двумя пистолетами, какой-то романтик в цилиндре, идущие по трупам, во главе с античной красавицей, обнажившей грудь и трёхцветный флаг? Романтический анекдот, несмотря на прекрасные живописные качества» [Анненков 1991: 262]. Эти слова приписываются Анненковым Льву Троцкому, с кем, согласно мемуарам художника, у него и состоялся спор о французской революции и степени её «воплощённости» в искусстве. В ответ на «обесценивание» работы Делакруа Анненков парировал, что именно в меняющихся, радикально преобразующихся формах выражения искусство отражает идеи революции [Анненков 1991: 262]. Рассказ «Домик на 5-ой Рождественской» стал будто бы «отсроченной» наглядной демонстрацией неправоты политика. В контексте сюжета упомянутой беседы изящным совпадением кажется *похожая* как для Анненкова, так и для Троцкого *формулировка* идеи о том, что Февральская революция 1917 г. началась с «битья стёкол в булочных»⁴: «Факт, следовательно, таков, что Февральскую революцию начали снизу... Последним толчком послужили возросшие хлебные хвосты» [Троцкий: 122].

Выбор персонажей для рассказа и картины – прачки и подмастерья, их связь с революционными событиями, похожая судьба, символизм и семантика имён – всё это свидетельствует о том, что в рассказе неявно, в «расщеплённом» виде была введена картина Делакруа, «спроецированная», во-первых, через сюжет, вдохновивший художника на её создание, и, во-вторых, благодаря трансформации Анненковым «опыта зрительного восприятия в языковые категории» [Фещенко, Коваль: 451]. Таким образом, установленная и подтверждённая связь между литературным и живописным произведениями, опознаваемая при этом когнитивно, указывает на применение экфрасиса.

При этом нельзя не учесть заметных отличий в репрезентации ключевых образов: Анна-Шарлотта, как и её визуальное воплощение, символизирует отвагу, свободу и красоту; Текла, напротив, изображена женщиной невзрачной и прозаичной, не способной даже «оценить величия совершенного ею действия» [Анненков 1928: 201]. Молодая француженка, согласно изложенному в брошюре сюжета, героически погибает, стремясь отомстить за брата; смерть Теклы Балчус драматична, страшна и нелепа одновременно: предчувствуя приближение смерти, Текла облачилась в белое платье, «в котором всегда мечтала умереть» [Анненков 1928: 214], причастилась, простилась с подругами, но погибла, поскользнувшись на балке и рухнув с пятого этажа недостроенного соседского дома. Текле, как и Стасику, которого «вздёрнули белые», писатель намеренно отказал в достойной смерти. «Низвержение» статуса персонажа наблюдается и в замене ремесла: «позолотчик» Антуан, чьей задачей было эстетическое преобразование предмета искусства (нанесение позолоты), сменяется подмастерьем, обучавшимся столярному мастерству и почти слившимся с ним: «Волосы были сделаны из стружек, которые отбрасывает рубанок Стасика в столярной» [Анненков 1928: 202]. Так, метаморфозу претерпевает и Стасик: черты его внешности, всё больше напоминающие деревянные стружки, символизируют своеобразное превращение юноши в «материал революции», который и будет затем безжалостно израсходован «во имя великой цели». Подобный стремительный переход от романтических идеалов к беспощадному натурализму был использован писателем сознательно. В этой инверсии величественного на обыденное, существенного на малозначительное отражено общее отторжение Анненковым своей былой веры в революцию и её идеалы [Данилевский: 58]. Достичь демонстрации этого разочарования в ложных идеях «революционного преобразования мира» Анненкову позволил «экфрасис-деформирование» [Лепахин: 24]. Таким образом, писатель намеренно искажил вдохновившие его величественные визуальные образы и соотносящиеся с ними смыслы при их вербальном введении в повествование.

Вербальное описание двух героев рассказа Ю.П. Анненкова «Домик на 5-ой Рождественской» – прачки Теклы Балчус и её сына Стасика, а также литературное воплощение их «подвигов» (метафизически значимых действий в рамках сюжета) – соотносится одновременно как с визуально воспринимаемыми фигурами, «замершими» в пространстве живописного полотна Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ», так и с историей, вдохновившей французского мастера на создание этой картины. Намеренное решение Ю.П. Анненкова использовать сюжет и фигуры «Свободы...» оправдано его художественным методом насыщения своих

произведений элементами универсального порядка. Так происходит «мифопоэтическое» проецирование одного происшествия Великой французской революции и его изображения в рассказе, описывающем события Февральской революции 1917 г.

Подтверждения этому обнаруживаются не только на первичном – синкретическом – этапе восприятия, но также на этапах интертекстуального и текстологического анализа. Такого рода имплицитное введение картины Делакруа в рассказ и её «опознание» читателем стало возможным благодаря особому подвиду экфрасиса, способствовавшего не только переводу визуальных образов в вербальные, но и их сознательной деформации, низвержению воспеваемых в картине романтических идеалов до представленной в рассказе «прозы жизни». Искажение воплощенных на полотне монументальных фигур, символизирующих свободу, красоту и волю, и их реализация в героях заурядных, невыдающихся, обречённых на страдания и гибель, обусловлены отраженным в рассказе мироощущением самого Ю.П. Анненкова, испытавшего разочарование в революции.

Таким образом, экфрасис позволил не просто выявить «зашифрованную» в рассказе картину и объяснить то, как она была вербально воплощена, но и в целом продемонстрировал свой потенциал как интермедийальный приём, который ещё только предстоит изучить и применить к другим литературным произведениям, основанным на визуальном опыте своих создателей.

Примечания

¹ Подробный анализ интерпретации художественного метода Ю.П. Анненкова с позиции теории синтетизма представлен в работе: *Радченко М.М.* Творчество Ю. Анненкова в трактовке Е. Замятина, М. Кузмина и М. Бабенчикова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (54): в 4 ч. Ч. 3. С. 164–168.

² «Неизвестное происшествие июля 1830 г.»

³ Перевод фрагмента осуществлён автором статьи: «Автор (подразумевается неизвестный автор самой брошюры 1831 г. – М. Р.) утверждает, что Делакруа был впечатлён героическим поступком бедной прачки Анны-Шарлотты Д., которая в одной только нижней юбке отправилась на поиски своего младшего брата Антуана – подмастерья-позолотчика, принимавшего участие в уличных сражениях 27 июля. Вскоре она обнаружила обнаженный труп Антуана. Его застрелили швейцарские солдаты, заставив в руках молодого человека оружие».

⁴ Указанное совпадение было непреднамеренным, так как рассказ Анненкова был опубликован в 1928 г., а труд Троцкого – в 1930 г., и объясняется лишь тем, что оба отталкивались от исторической правды: Февральскую революцию 1917 г. предвещали «хлебные бунты».

Список литературы

Анненков Ю.П. (Темирязов Б.). Домик на 5-ой Рождественской // Современные записки. Париж, 1928. № 37. С. 196–223.

Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. Цикл трагедий: в 2 т. Л.: Искусство, 1991. Т. 2. 303 с.

Данилевский А.А. «Домик на 5-ой Рождественской» Ю.П. Анненкова и «Петербургский текст русской литературы» // Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись: материалы международного конф.; Таллин, 12–14 сентября 2002 г. Иерусалим: Гешарим, 2004. С. 44–69.

Есин А.Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения. М.: Флинта, 2007. 248 с.

Замятин Е.И. Мы: Роман, повести, рассказы, пьесы, статьи и воспоминания. Кишинев: Литература артистикэ, 1989. 640 с.

Ленахин В.В. Экфрасис в русской литературе: опыт классификации // Визуализация литературы. Белград, 2012. С. 7–31.

Обухова-Зелинская И.В. К.И. Чуковский и Ю.П. Анненков: «Несмотря на разлучающее нас расстояние и на истёкшие годы...»: Из архивных сокровищ. М.: МИК, 2017. 144 с.

Обухова-Зелинская И.В. Юрий Анненков. Портреты сквозь время. М.: Музей русского импрессионизма: Кучково поле, 2020. 560 с.

Радченко М.М. «Дневник моих встреч» Ю.П. Анненкова: проблема жанрового синтеза: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 148 с.

Троцкий Л.Д. История русской революции: в 2 т. М.: ТЕРРА: Республика, 1997. Т. 1: Февральская революция. 464 с.

Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака: Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М.: Языки славянской культуры, 2014. 640 с.

Хорошилова О.А. Мода и гении: Костюмные биографии Леонардо да Винчи, Екатерины II, Петра Чайковского, Оскара Уайльда, Юрия Анненкова, Майи Плисецкой. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2020. 384 с.

Юрий Анненков. Революция за дверью: Каталог выставки. М.: Музей русского импрессионизма, 2020. 224 с.

Hoffman, Edith Warren. A footnote to Eugène Delacroix's "Liberty Leading the People". Notes in the History of Art. The University of Chicago Press, 1990 (Spring), vol. 9, № 3, pp. 24–30.

Johnson, Lee. The paintings of Eugène Delacroix: A critical catalogue, 1816-1831. Oxford, Clarendon press, 1981, vol. 1, 261 p.

References

Annenkov Yu.P. (Temiryazev B.). *Domik na 5-oy Rozhdestvenskoy* [A Small House in the 5th Christmas St.]. *Sovremennyye zapiski* [Contemporary notes]. Paris, 1928, № 37, pp. 196–223. (In Russ.)

Annenkov Yu.P. *Dnevnik moikh vstrech: Tsykl tragediy: v 2 t.* [People and Portraits: A Tragic Cycle: in 2 vols.].

Leningrad, Iskusstvo, 1991, vol. 2, 303 p. (In Russ.)

Danilevsky A.A. "Domik na 5-oy Rozhdestvenskoy" Yu.P. Annenkova i "Peterburgskiy text Russkoy literatury" ["A Small House in the 5th Christmas St." by Annenkov Yu.P. and "The Petersburg text of Russian Literature"]. *Russkaya emigratsiya: Literatura. Istoriya. Kinoletopis': materialy mezhdunarodnoy konferencii* [The Russian emigration: Literature. History. Film chronicle: materials of the International conference]; Tallinn, September 12–14, 2002. Jerusalem, Gerashim, 2004, pp. 44–69. (In Russ.)

Zamyatin Ye.I. *My: Roman, povesti, rasskazy, p'esy, stat'i i vospominaniya* [We: Novel, short novels, short stories, plays, articles and memoirs]. Kishinev, Literatura Artistică, 1989, 640 p. (In Russ.)

Esin A.B. *Principy i priyomy analiza literaturnogo proizvedeniya* [Principles and methods of analyzing a literary work]. Moscow, Flinta, 2007, 248 p. (In Russ.)

Lepakhin V.V. *Ekphrasis v russkoy literature: opyt klassifikacii* [Ekphrasis in Russian literature: classification experience]. *Visualisatsiya literatury* [Visualization of Literature]. Belgrad, 2012, pp. 7–31. (In Russ.)

Obuchova-Zelin'skaya I.V. *K.I. Chukovsky i Y.P. Annenkov: "Nesmotrya na razluchayuscheye nas rasstoyaniye i na istekshiy gody..."*: *Iz arkhivnykh sokrovishch* [K.I. Chukovsky and Y.P. Annenkov: "Despite the distance tearing us apart and the years passed...": From the archival treasures]. Moscow, MIK, 2017, 144 p. (In Russ.)

Obuchova-Zelin'skaya I.V. *Yuri Annenkov. Portrety skvoz' vremya* [Yury Annenkov. Portraits through time]. Moscow, Museum of Russian Impressionism: "Kuchkovo Pole" Publishing House, 2020, 560 p. (In Russ.)

Radchenko M.M. "Dnevnik moikh vstrech" Yu.P. Annenkova: *problema zhanrovogo sinteza* ["People and Portraits" by Yu.P. Annenkov: the problem of genre synthesis: dissertation]. Moscow, 2017, 148 p. (In Russ.)

Trotsky L.D. *Istoriya russkoy revolyutsii: v 2 t.* [The History of the Russian Revolution: in 2 vols.]. Moscow, TERRA, Respublica, 1997, vol. 1: The February Revolution, 464 p. (In Russ.)

Feshchenko V.V., Koval O.V. *Sotvoreniye znaka: Ocherki o lingvoestetike i semiotike iskusstva* [Semiotics: Essays in Linguistic Aesthetics and Semiotics of Art]. Moscow, LRC Publishing House, 2014, 640 p. (In Russ.)

Khoroshilova O.A. *Moda I genii: Kostyumnyje biografii Leonardo da Vinci, Kateriny II, Oskara Uailda, Petra Tchaikovskogo, Yuria Annenkova and Mayi Plisetskoy* [Fashion and Geniuses: costume biographies of Leonardo da Vinci, Catherine the Great, Oscar Wilde, Peter Tchaikovsky, George Annenkov and Maya Plisetskaya]. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 2020, 384 p. (In Russ.)

Yury Annenkov. *Revolutsia za dver'yu: Katalog vystavki* [Yury Annenkov. Revolution behind the door: Exhibition catalogue]. Moscow, Museum of Russian Impressionism, 2020, 224 p. (In Russ.)

Болдырева Елена Михайловна
Юго-Западный университет Китайской Народной Республики
Асафьева Елена Валерьевна
Ярославский колледж управления и профессиональных технологий

**«ДОМ, ПОДОБНЫЙ ТЕНИ», «БАБОЧКА МЕСТИ» И «МЕРТВЫЙ ПОРТРЕТ»:
МОТИВНЫЕ ПЕРЕКЛИЧКИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ГУЛАГА
И КИТАЙСКОЙ «ТУМАННОЙ ПОЭЗИИ»**

Статья подготовлена в рамках деятельности
Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета
Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

В статье рассматривается система творческих переключек российских поэтов ГУЛАГа и представителей китайской «туманной поэзии». Лирика поэтов анализируется в контексте типологически сходных тенденций в русском и китайском литературном процессе – отечественная литература ГУЛАГа и китайская литература «ран и шрамов». Судьбы поэтов рассматриваются как пример сложного противостояния личности тоталитарной системе. При сопоставлении произведений «туманных поэтов» и поэтов ГУЛАГа выявляется множество значимых для художественного мира поэтов мотивных и образных переключек: образы бабочки мести, тени, портрета, наводящего ужас, мотив идентификации исторической памяти, мотив отсутствия виноватых, погубленной молодости, неотделимости судьбы человека от судьбы родины, мотив страдания во благо и веры в будущее, представление поэзии как способа выживания и преодоления зла, мотив сопротивления природы, неуклонного и решительного движения вперед, мотив телесной деструкции, голосов из-под камня, терпения. Изучив ряд общих идей и мотивов, авторы статьи приходят к выводу, что творчество «туманных поэтов» и поэтов ГУЛАГа является не только способом выживания в суровых условиях заключения и ссылки, но и исторически значимым явлением, поскольку отражает характер эпохи, в которой поэты были вынуждены писать и существовать. Данный корпус текстов рассматривается как материал для изучения статуса поэтического слова в качестве эстетического средства, способного дать историческое и художественное свидетельство о советской и китайской действительности XX века.

Ключевые слова: поэзия ГУЛАГа, туманная поэзия, литература ран и шрамов, русская литература XX века, китайская литература, лирический герой, художественный образ, мотив, аллегория, метафора.

Информация об авторах: Болдырева Елена Михайловна, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Юго-Западного университета, КНР.

E-mail: e71mih@mail.ru

Асафьева Елена Валерьевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>, учитель русского языка и литературы, ГПОУ ЯО «Ярославский колледж управления и профессиональных технологий», г. Ярославль, Россия.

E-mail: tvist_o@list.ru

Дата поступления статьи: 27.07.2020.

Для цитирования: Болдырева Е.М., Асафьева Е.В. «Дом, подобный тени», «бабочка мести» и «мертвый портрет»: мотивные переключки в русской поэзии ГУЛАГа и китайской «туманной поэзии» // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 177-186. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-177-186>.

Elena M. Boldyreva
Southwestern University of the People's Republic of China
Elena V. Asaf'yeva
College of Management and Professional Technology, Yaroslavl

**“HOUSE LIKE A SHADOW”, “BUTTERFLY OF REVENGE” AND A “DEAD PORTRAIT”:
MOTIF CONCORDANCE IN RUSSIAN GULAG POETRY AND CHINESE “FOG POETRY”**

The article considers the system of creative concordances of Russian gulag poets and representatives of Chinese «fog poetry». The creative work of poets is analysed in the context of typologically similar trends in the Russian and Chinese literary process – the Russian literature of the gulag and the Chinese literature «wounds and scars», «the fate of poets are considered as an example of the complex opposition of the personality to the totalitarian system. When comparing the works of the «fog poets» and the poets of the gulag, a lot of motifs and figurative calls significant for the artistic world of poets are revealed: images of a butterfly of revenge, shadow, a portrait leading to horror, a motif for identifying historical memory, a motif for the absence of guilty, a destroyed youth, the inseparability of the fate of man from the fate of the homeland, a motif for suffering for the good and faith in the future, a representation of poetry as a way of survival and overcoming evil, a motif for resistance to nature, a steady and decisive movement forward, a motif for bodily destruction, voices from under stone, patience. After studying a number of common ideas and motifs, the authors of the article conclude that the creative work of «fog poets» and gulag poets is not only a way to survive in harsh conditions of imprisonment and exile, but also a historically significant phenomenon, because it reflects the nature of the era in which poets were forced to write and exist. This body of texts is considered as a material for studying the status of the poetry word as an aesthetic means capable of giving historical and artistic evidence of the Soviet and Chinese reality of the 20th century.

Keywords: Gulag poetry, fog poetry, literature of wounds and scars, Russian literature of 20th century, Chinese literature, lyrical hero, artistic image, motif, allegory, metaphor.

Information about the authors: Elena M. Boldyreva, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>, Doctor of Philological Sciences, Professor of Institute of Foreign Languages, Southwest University, China.

E-mail: e71mih@mail.ru

Elena V. Asaf'yeva, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>, Russian language and literature teacher, College of Management and Professional Technology, Yaroslavl, Russia.

E-mail: tvist_o@list.ru

Article received: July 27, 2020.

For citation: Boldyreva E.M., Asaf'yeva E.V. "House like a shadow", "butterfly of revenge" and a "dead portrait": motif concordance in Russian Gulag poetry and Chinese "fog poetry". Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 177-186 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-177-186>.

«В мире нет таких явлений физического, духовного, общественного, нравственного мира, которые не могли бы быть отражены стихами» [Шаламов 2020б]. На все общественно-политические изменения в стране в первую очередь реагирует литература, отражающая глубинные человеческие переживания. В этом отношении поэзия, отличающаяся природной выразительностью, искренностью, способна не только полно, но и тонко передать все, что беспокоит людей той или иной эпохи. В нечеловеческих условиях жизни и труда на Дальнем Севере зародилась поэзия ГУЛАГа, которая, с одной стороны, была внутренним протестом против деспотизма («Примирившиеся со своим рабством люди не смогли бы создать поэзию, которой, в совершенных своих образцах, суждено стать частью русской и мировой литературы» [Поэзия узников ГУЛАга. Антология]), с другой – способом морального выживания: «Стихи бесправных жертв, понуждаемых обстоятельствами к звериной борьбе за существование, противостояли гулаговскому расчеловечиванию» [Поэзия узников ГУЛАга. Антология].

Подобные процессы происходили и в КНР, но несколько позднее. В 1960 – 70-х гг., во времена «культурной революции» в Китае, к власти пришла рабоче-крестьянская молодежь, а передовая интеллигенция подвергалась репрессиям, отправлялась на «трудовое перевоспитание». Литература стала лишь формой политической пропаганды, а все остальное безжалостно отсекалось цензорами. Лишенные возможности высказаться, многие авторы, критиковавшие политику «культурной революции», ушли в подполье. Так формировалась литература «ран и шрамов» и ее лирическая составляющая – «туманная поэзия». «Понятие «подпольная поэзия / поэзия андеграунда»... вошедшее в обиход в "новый период" китайской литературы, применимо к поэтическим произведениям периода "культурной революции" (1966–1976 гг.), созданным и распространявшимся в рукописной форме в среде образованной молодежи, сосланный в сельскую местность на трудовое перевоспитание» [Тугулова 2015: 23]. Подобная литература была призвана раскрыть глубокие переживания людей, лишенных свободы самовыражения, находящихся в невыносимых жизненных условиях, когда нео-

сторожность в словах могла привести к фатальным последствиям, когда сама смерть являлась повседневностью, а иногда избавлением от страданий.

Творчество российских поэтов ГУЛАГа, таких как А. Прядилов, А. Жигулин, А. Баркова, Б. Ручьев, Д. Андреев, В. Боков и многих других не раз становилось объектом исследования отечественных [Виленский; Горбачевский; Михайлик; Таганов] и зарубежных литературоведов [Пьералли; Gullotta 2009; Gullotta 2016; Jurgenson 2016; Jurgenson 2013; Pieralli]. Феномен китайской «туманной поэзии» и творчество его представителей (Ян Лянь, Ван Цзя-Синь, Гун Лю, Линь Мань, Ни Хань, Шу Тин, Ши Джи и др.) в последнее время также вызывает активный интерес российских [Демидо; Лебедева; Надеев; Рябченко; Тугулова 2014а; Тугулова 2014б; Тугулова 2015; Черкасский] и китайских ученых [洪子诚、程光炜; 李丽中; 滕腿诗论争集; 姜娜, 朱小平; 倪伟; 舒婷的诗; 中国现代诗选; 杨健]. Однако в этих работах практически не изученным остается сравнительно-типологический аспект исследований, тогда как подобные исторические переключки дают основания для сопоставления российской литературы ГУЛАГа и «туманной поэзии» Китая.

Одним из наиболее ярких образов, общих для русских и китайских поэтов, является образ тени, представленный в двух основных ипостасях. С одной стороны, тень – это метафора человека, доведенного до изнеможения суровыми условиями пребывания либо в лагере, либо на исправительных работах в рамках программы трудового перевоспитания. С другой – это материальный эквивалент памяти о тех, кто несправедливо был осужден и погиб, незаметно, как и сотни других. Особенно ярко мотив теней представлен в стихотворениях Яна Ляня и Варлама Шаламова.

В стихотворении «Дом, подобный тени» [Азиатская медь: 121] китайский поэт погружается в воспоминания о буднях в трудовом лагере и пишет следующее:

И тени утомлены строятся в шеренгу слепцы
с тупым безразличием валяются в пропасть

[Азиатская медь: 121]

Тенеподобными людей делает физическое истощение, вызванное голодом и суровыми климатическими условиями. Разумеется, в подобном состоя-

нии люди становятся безразличными к окружающей действительности и к собственной судьбе. Лишенные возможности критически мыслить, последние силы тратят они на бессмысленную физическую работу, приближая себя к «пропасти» – смерти.

Подобное смысловое наполнение образа тени встречается в стихотворении В. Шаламова «Под Новый год я выбрал дом...». В четвертой строфе поэт пишет:

В углу оплывшая свеча
Качала тень мою

[Шаламов 2020а].

Казалось бы, все однозначно – свет пламени отражает на стене тень человека. Однако этот образ следует интерпретировать в контексте всего творчества В. Шаламова, у которого во многих произведениях живые люди, худые и бледные, становятся неотличимыми от трупов. Так и в этом стихотворении окружающие приняли покойника за живого человека, поскольку им казалось, что безжизненная голова движется:

И всем казалось – я живой,
Я буду есть и пить,
Я так качаю головой,
Что собираюсь жить

[Шаламов 2020а].

Движения тени были вызваны пламенем, в то время как мертвое тело оставалось неподвижным, тень и человек как будто бы поменялись местами. В рассказах В. Шаламов писал о том, что мертвых сокамерников старались как можно дольше держать в бараке, чтобы получать за них паек. Низкая температура, сходная с температурой камеры морга, значительно замедляла процесс разложения, поэтому разносчики пищи не замечали ничего подозрительного. Все это указывает на тяжелое физическое состояние узников ГУЛАГа – серый цвет кожи, торчащие кости. Поэтому они и напоминали тени, «фитили».

Похожие образы встречаются в стихотворении К. Черкашиной «Заступница-Россия» [Поэзия узников ГУЛага. Антология], где первая строфа производит отправку этапа на Дальний Север:

Пронзили ночь и крик, и стон...
Тени, как призраки, витают,
Собаки гонят нас в вагон,
Несчастных, за ноги хватая

[Поэзия узников ГУЛага. Антология].

Тень как вестник памяти и несправедливости представлена в стихотворениях Ян Ляня, В. Шаламова, М. Терентьевой, Е. Тагер, К. Черкашиной и других.

В произведении «Дом, подобный тени» Ян Лянь пишет:

вот твой дом тени подобный дом
постройка посреди лужайки сгущает сумрак

[Азиатская медь: 121]

Можно предположить, речь идет о призрачных воспоминаниях, когда сознание полуночного человека воспроизводит прошлое нечленимым по-

током, и самое сокровенное и ужасное вылезает наружу:

снова обсудим утомленную бурю
<...>
ты задолжал ужас кошмаров
<...>
когда день умирает ты вселяешься
в тлетворное пламя свечи
когда четыре стены имитируют жизнь
в безъязыкой немоте

[Азиатская медь: 121].

Молчаливая ночь вызывает тени прошлого, память о тупом безразличии строящихся в шеренгу теней и о том, что невозможно выразить словами. Вместо слов мы встречаем жуткие образы, детерминированные, на наш взгляд, тяжелым прошлым поэта, который был подвергнут «трудовому перевоспитанию». Эти воспоминания причиняют вред герою. Они оборачиваются в его сознании мышью, низвергающей рвотные массы, и «выгрыз<ают> врата» [Азиатская медь: 121], разделяющие прошлое и настоящее. Игра света, вызванного луной и свечой, рождает в воображении лирического героя жуткие образы черепа, игральные кости, которые обнажают глубинный, подсознательный страх героя перед прошлым, которое его быстро состарило, и перед неотвратимостью своей судьбы. «Мрак-паралитик» полностью поглощает его, заключает в «дом, подобный тени», дом прошлого, где его уже нет, но который постоянно существует в его воспаленном сознании.

Похожий мотив встречается в стихотворении В. Шаламова «Ведь только утром, только в час...» [Шаламов 2020а] с той лишь разницей, что тени воспоминания приходят к лирическому герою ранним утром, когда ночной бред и сновидения растворяются и сознание становится очищенным от «притворства и безумья» [Шаламов 2020а]. Воспоминания о прожитых страданиях грозят ему смертью, во втором катрене появляется образ петли, оголяющей сознание. Рассветные тени в эти минуты особенно опасны для героя, поскольку приносят ему муки, возвращают в тот страшный мир, из которого он вернулся:

Тогда все тени на стене –
Миражи ясновидца,
И сам с собой наедине
Боюсь я находиться

[Шаламов 2020а].

Вероятно, с одной стороны, лирический герой боится остаться один на один с тяжелым прошлым, с другой – опасается, что прошлое станет будущим, что ему вновь придется проходить сквозь все испытания Колымы.

Тень как память о несправедливо отнятой жизни встречается в стихотворении М. Терентьевой «Над ручьем» [Поэзия узников ГУЛага. Антология]. Здесь представлена не абстрактная цепь событий прошлого, а люди, сгинувшие в золотых забоях, в общих могилах, без имен и крестов, и превра-

тившиеся в вечных странников, которые не могут упокоиться и вынуждены ходить по земле, ожидая отмщения за безвинно загубленную жизнь. Разлученные с семьями, с женами, они ищут их, хотят воссоединиться с любимыми:

Оклеветаны, обмануты,
Незабвенны на века,
Руки чёрные протянуты,
Ищут нас издалика

[Поэзия узников ГУЛага. Антология].

И теней этих так много, что они закрывают свет солнца:

Их теней сомкнулись полосы
Под тускнеющим лучом

[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Идентичный образ мы видим в стихотворении Е. Тагер «И он умирает, как всякий другой» [Поэзия узников ГУЛага. Антология]. Вероятнее всего, речь в нем идет о человеке, который, спасая собственную жизнь, предал товарищей, дав ложные показания. Однако смерть в конечном итоге настигнет всякого, и тот, кто на время ее обманул, не избежит Страшного суда. Но в отличие от невинных душ он будет осужден и живыми, и мертвыми, теми, кого он некогда предал, наивно полагая, что таким образом продлит земное время:

Его гениальность растает, как дым,
Под взором иных поколений –
И страшным парадом пройдут перед ним
Друзей оклеветанных тени

[Поэзия узников ГУЛага. Антология].

Метафора, как и в предыдущем примере, указывает на то, что люди истреблялись массово, незаслуженно, потому, вероятно, и обратились в тени, вечно блуждающие по земле и ищущие возмездия, а не обрели покой в ином мире.

Мертвые в текстах поэтов ГУЛАГа и «туманных поэтов» не упокоены, а живые напуганы и не в силах ничему сопротивляться – ни страху, ни режиму, ни собственной судьбе. И одним из материальных эквивалентов их ужаса становится «мертвый портрет». Обратимся к стихотворению Яны Ляня «Портрет, опасющийся морозов» [Азиатская медь: 123]:

портреты проникают сквозь двери
ты впрочем повешен на
стене после смерти только и научился
что бояться нарисованного лица

[Азиатская медь: 123].

В этих стихах речь идет об изображении, способном проникать во все сферы человеческой жизни, следить за каждым, кто попадает в поле его зрения. И страх, испытываемый перед этим лицом, велик, поскольку, будучи мертвым, некто, изображенный на портрете, заставляет героя испытывать душевное потрясение. Напряжение героя заключено в аллегории «сосна вечно в предчувствии снегопада» [Азиатская медь: 123], указывающей, что субъект высказывания каждую минуту боится чего-то необъяснимо-страшного, исходящего от этого

изображения. Следовательно, страх внушался ему долгое время и проник в глубины сознания. Далее звучат побудительные интонации: «будь же похож / на того, кого всегда принимают за тебя» [Азиатская медь: 123], призывая людей стать идентичными этому портрету и подчиниться ему как высшему образцу человеческой жизни. Подчинена портрету не только человеческая масса, но и природа: «...солнечный свет тоже по ошибке / приняли за таковой это только подобье» [Азиатская медь: 123].

Следует отметить, что не портрет становится подобием солнца, а наоборот, значит, кто-то, кто изображен на нем – единоличный повелитель всего сущего – людей, солнца, деревьев, вернее, он считает себя таковым, поскольку окружающие не решаются ему возразить.

Встречаясь с собственным отражением, иные узнают в себе «портрет»: зеркало схоже с сумасшедшим/взглядом белого безумца» [Азиатская медь: 123]. Тот, чье изображение повергает героя в животный страх, должно быть, так же жесток, как Бай Гуцзин или Яогуай – Демон Белой кости. Это древнее китайское мифическое существо, оборотень, который стремился к бессмертию и безграничной власти. Оборотень при внешнем сходстве с другими подобными существами в действительности представляет собой тайное зло, которое скрыто от окружающих, которое те принимают за солнечный свет, добро и божественное благо.

Однако власть портрета не безгранична – он опасается мороза: «когда огонь станет явью / мороз враз выставит на обозрение / твой страх» [Азиатская медь: 123] Мороз становится в стихотворении единственным носителем истины, способным разоблачить обман. И уже в конце стихотворения лирический герой признается, что и портрет, и мороз, и солнце – это аллегория. Следует интерпретировать портрет как символ безграничной власти некоего человека, повелевающего другими людьми, который бы отождествлял себя с порядком, истиной и справедливостью, но в действительности был бы жесток и бесчеловечен и хотел бы только повелевать миром, и чтобы прочие его подданные были схожи с ним и чтили его.

Мороз в этом стихотворении – аллегория памяти, поскольку низкие температуры способны сохранять свойства органических предметов. Таким образом, холод замораживает скрытое прошлое, чтобы в нужный момент оно проявилось и показало миру истину, скрываемую солнцем. Это страшная правда, она сродни мертвым рабам:

океан никогда не помнящий
снулых рыбин
смахивает на зиму
что своей обильно-густой харкотинной
заплывивает глаза

[Азиатская медь: 123].

Океан – это время, которое движется вперед и многое предаёт забвению, в том числе и мертве-

цов. Казалось бы, зима – это холод, и он похож на забвение, подобное океану, а не на память. Истинные «холода безразличны к времени года» [Азиатская медь: 123], поскольку они являют собой постоянство, в отличие от сезонной зимы. Это своего рода вечная мерзлота – память о прошлом, хранящаяся у живых свидетелей страшных событий, молчаливая память о бесправии и смерти, тщательно скрываемом. И только эта память способна уничтожить портрет, показав миру, что это он виновен в страшных событиях прошлого:

столетняя птица, кричащая где-то далеко
и бурое от мороженное ухо трупа
опять аллегория
оно похоже на твое собственное

[Азиатская медь: 123]

Отмороженное ухо – аллегория разрушения, физического распада жертв истории – столетней птицы, и память хранит эти страшные воспоминания, чтобы предъявить миру, оглохшему и ослепшему от лжи и страха, и показать, что портрет – это оборотень, скрывающийся под маской солнца.

Такой же портрет встречается и в стихотворении А. Прядилова. Образ этот амбивалентен, поскольку, с одной стороны, изображение является неким божеством: «Его Высочества, Величества, / Мудрейший вождь, родной Учитель» [Поэзия узников ГУЛага. Антология], с другой – демоном, которого следует изгнать из дома, чтобы очистить его от зла. В язычестве, древнейшей политеистической религии, неживые объекты наделяли волшебными свойствами. Фетишизм предполагал, что сакральные вещи обладают душой и могут влиять на судьбы людей. Подобными свойствами наделен и портрет, изображающий человека, в котором мифологическое сознание, не обладающее научным знанием, видит божество, вызывающее страх у окружающих. К тому же языческие божества, в отличие от христианских, являли собой зло, приносили разрушения, смерть, неурожай и требовали человеческих жертв, чтобы оставаться благосклонными. Того же требует и портрет, проникая во все сферы жизни людей. Но когда придет эра разума, а не языческих заблуждений, портрет потеряет свою власть и станет безопасным для окружающих:

И если мы свой дом очистим,
Не будут наблюдать за нами,
Как дышим, говорим и мыслим,
Портреты, шевеля усами.

[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Освободиться от власти посторонних предметов, выбраться из забвения теням и душам помогает бабочка – посредник между миром живых и царством мертвых. В стихотворении «Бабочка мести» [Азиатская медь: 125] китайский поэт Ян Лянь рассуждает о насекомом с лицом человека, которого загубил некто, неизвестный адресат: «ты отравил бабочку с лицом человека / с сумеречно-

ми иссиня-черными крыльями» [Азиатская медь: 125]. Душа покойного обратилась в насекомое, пища которого – ненависть к своему убийце. Она черная, поскольку полна злости и жажды мщения, она столь же жестока, как и ее палач, которого она сводит с ума. Бабочка похожа на тень, которая возвращается, чтобы совершить возмездие и таким образом обрести покой, поскольку в настоящем она застряла между мирами: погубленная тобой снова ищет тебя:

сделавшаяся бесплотной тенью в шепоте ветра
крохотным ртом кусает тебя после смерти

[Азиатская медь: 125]

Но бабочка – это не только дух, но и память о зле, кровопролитии, жестокости. Она черным телом покрывает «зеленоцветное небо» [Азиатская медь: 125]. Зеленая, на наш взгляд, – это трава забвения, растущая на капищах, могилах, покрывающая прошлое, в том числе и преступления. Бабочка же бессмертна, как неуничтожима память, и чем тщательнее убийца старается скрыть свои поступки, тем быстрее его настигает бабочка справедливого возмездия: «чем больше стремишься к забвению / тем явственней бабочка мести» [Азиатская медь: 125]

Это насекомое встречается и в стихотворении Варлама Шаламова «Черная бабочка» [Шаламов 2020а], где этот образ приобретает несколько иные коннотации. В данном случае изувеченная ночная гостья – это воплощенная поэзия – самое верное средство от забвения, по мнению поэта. Подобно бабочке Яна Ляня, она черная, поскольку крылья ее окрашены не столько чернилами, сколько пережитыми страданиями:

И столько было черной злости
В ее шумливой стрекотне,
Как будто ей сломали кости
У той чернильницы на дне

[Шаламов 2020а].

Здесь, как и в предыдущем примере, есть элементы деструктивности, но у Яна Ляня насекомое причиняло боль обидчику, а здесь наоборот. Но ненависть наполняет ее потому, что она вынуждена посвятить себя мести, в то время как могла бы стать частью света, покоя и гармонии, как, допустим, бабочка А. Фета. Это сближает ее с насекомым из стихотворения «Бабочка мести». Бабочка В. Шаламова помнит, что ей пришлось преодолеть, чтобы подняться со дна чернильницы, и потому она «трещ<ит> как зенитка» и «не смеет рваться к свету» [Шаламов 2020а], потому и рассказывает о том зле, которое претерпела, чтобы это зло помнили и чтобы жертва ее не была напрасной.

Еще один мотив, сближающий творчество «туманных поэтов» и поэтов ГУЛАГа, является мотив приятия страданий. Несмотря на все, что довелось увидеть иным поэтам в лагерях и ссылках, многие из них (Ван Цзя-синь, Оуян Цзян-хэ, Ши Чжи, Я. Смеляков, Ю. Чирков) убеждены, что испытанные страдания могут быть и во благо.

В лирическом произведении «Стихотворение» Ван Цзя-синь описывает жестокую зиму – прошлое, где ему пришлось непросто: «Эта дивная глина зиму зажгла жестоко, / заморозила души и отбелила лица» [Азиатская медь: 157]. Однако героиня понимает, что страдания не вечны и после долгой зимы наступит день, сумерки потеряют свою власть над человеком, а мир снова станет радостным, появятся на свет новые счастливые люди: «И я вижу площадь, где снова играют дети» [Азиатская медь: 157].

Рассуждая о тягестях земной жизни, героиня приходит к выводу, что все хорошее в этом мире невозможно без плохого, без страданий и холода: «Все, что есть в этом мире, произошло из грязи» [Азиатская медь: 157], и для того, чтобы познать радость грядущих дней, героиня не боится сделать шаг навстречу трудностям и отправиться в холод и мрак.

Но страдания хороши не только потому, что являются шагом на пути к счастью и саморазвитию, они рождают искусство, в частности поэзию:

А всего-то и нужно миру – одно лишь слово.

<...>

Я отправлюсь в дорогу ради этого мига.

Я пройду все горы и воды – ради слова

[Азиатская медь: 157].

На наш взгляд, слово – это аллегория поэзии, которая не может явиться на свет без душевных потрясений. В противном случае она будет искусственной и не сможет затронуть человеческие сердца. С другой стороны, слово, как сказано в Евангелии, – метафора сотворения мира. В нашем случае слово – это поэзия, которая может возвращать к жизни мертвую природу. Сама она является символом вечного терпения и многократно возрождается после зимних морозов, как и земля. И человек в этом отношении должен учиться у нее: «У деревьев учись. Займи у земли терпенья» [Азиатская медь: 157].

Чтобы быть счастливым, человек должен не только уметь терпеть, но и прощать и быть благодарным судьбе за тяжелые испытания и стремиться к единению с корнями, семьей, домом:

я прошу – всех. И поцелую глину.

<...>

человек, день и ночь идущий к родному дому,

не пропадет в свете зимы последнем.

[Азиатская медь: 157]

Только тот человек может быть свободным, который умеет не помнить зла, а из жизненных невзгод извлекать уроки и находить в этом пользу для себя. Подобные мотивы встречались в произведениях многих русских поэтов и писателей, например Д. Гранина, утверждавшего, что «ненависть – тупиковое чувство». А поможет в этом искренность и вера. Слезы и ручьи унесут прошлое и очистят душу, освободят от гнета несправедливости. О стойкости духа и стихотворение Оуяня Цзян-хэ «Стекольный завод» [Азиатская

медь: 149]. Безусловно, этот образ – воплощение внутреннего мира человека. В первой строфе героиня говорит о том, что все представления о мире, человеческие взгляды разделены стеклами, а весь мир фокусируется в одной точке – глазном яблоке. Таким образом, мы понимаем, что человек видит окружающий мир сквозь призму собственного индивидуального восприятия, которое не имеет ничего общего со взглядами других людей. Поскольку человеческое сознание индивидуально, ни один человек не способен полностью понять другого из-за их разницы во взглядах, убеждениях и прочего.

Во второй строфе появляется образ океана – времени. Оуян Цзян-хэ справедливо полагает, что изначально все люди – вода, то есть от рождения личность всякого бесформенна и подвержена влияниям извне – среде, воспитанию и т. д. Но проходя сквозь жизненные испытания, человек становится тверже, у него появляются убеждения, принципы, собственный взгляд на вещи. Потому в третьей строфе появляется образ холодного огня. Оксюморон является воплощением жизненных противоречий, трудностей, неизбежно возникающих на пути всякого. Преодолевая их, оставляя в прошлом – не дне океана – человек закаляется, становится твердым, воля его делается крепка. И в следующей строфе автор перечисляет качества стекла, которые присущи всякой сформировавшейся личности: стойкость, сдержанность, умение терпеть боль, физическую и нравственную, уверенность в голосе и походке. И лучше всего личность формируется в непростое историческое время, когда все, казалось бы, на поверхности, однако выражать эту прозрачность в словах опасно для жизни: «Прозрачны время и слова. / Цена их высока» [Азиатская медь: 149].

В заключительной строфе Оуян Цзян-хэ подводит итог и утверждает, что человек становится сформированным и разносторонним, приобретая жизненный опыт – мечты, радость, страдания. Последние столь же необходимы человеку, как самые прекрасные проявления жизни, поскольку они быстрее развивают человека и делают его внутренний мир целостнее и органичнее.

В необходимости и полезности страдания были убеждены не только китайские, но и русские поэты. В стихотворении «Мое поколение» [Поэзия узников ГУЛага. Антология] Ярослав Смеляков утверждает, что благодаря заключению он приобрел ряд необходимых качеств. Во-первых, узнал цену словам и славе. Человек, не познавший страдания, не имеет права писать о нем, и его слова не будут иметь силу в сравнении с речью того, кто преодолел много жизненных трудностей, испытал на себе тяжелую работу и несправедливость. И только такой человек, добившись успеха на литературном поприще, будет знать цену славы, построенной на страданиях. Во-вторых, героиня приобрела силу, фи-

зическую и нравственную. У него крепкое тело от тяжелой работы – рытья окопов, обработки камней и железа. И благодаря этому герой сам стал «железный и каменный». Оставив позади войну и лагерь, он нашел в себе мужество жить. В-третьих, он стал неуязвимым. Преодолев множество испытаний, он приобрел опыт страдания, после которого его мало что сможет сломить.

Несколько по-иному рассматривает необходимость страдания Ю. Чирков в стихотворении «Был тихий вечер, солнце село...» [Поэзия узников ГУЛага. Антология], где связующим звеном между двумя частями является образ звезды как символа счастья, вечности и надежды. В первой части стихотворения герой наблюдает вместе с другом за первой вечерней звездой. Оба они чувствуют, что скоро их настигнет разлука. И чтобы преодолеть ее муку, они дают друг другу обещание каждый вечер в тревожный час наблюдать за восходом первой звезды и вспоминать об их дружбе, мятежных мечтах и некогда посетившем их счастье. Во второй части мы вновь встречаем героя, но уже изменившегося, прошедшего лагерь и ощутившего все трудности заключения. Звезды, которые он видел на небе, обернулись траурными свечами, поскольку, видимо, являлись душами безвинно погибших людей, которых было столь же много, сколько этих небесных светил. Однако, несмотря ни на что, герой остался верен своему обещанию и каждый вечер встречает первую звезду, которая дарит ему надежду на позитивные изменения в стране и судьбах его товарищей:

Но, как и прежде, каждый вечер
Звезды встречаю я восход,
Я верю: этот гнет не вечен
И справедливость все ж грядет!

[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Каждый раз герой с тоской вспоминает о прошлом, и он благодарен острову вопреки пережитым на нем страданиям – за то, что укрепили его веру в дружбу и справедливость.

Претерпевать страдания следует не только ради самосовершенствования, укрепления духа и плоти, но и ради возможности создать счастливое будущее. Потому одним из интегральных мотивов поэзии ГУЛАГа и «туманной поэзии» является мотив неуклонного и решительного движения вперед. В стихотворении Шао Янь-сяня «Китайские автомобили взывают о дорогах скоростных» [Азиатская медь: 149] герой говорит о том, что его любимой стране нужны серьезные перемены, урбанизация, способная преодолеть застой. Люди настоящего, по его мнению, живут прошлым и не способны расстаться с ним: «К чему простонародные напевы! / К чему рассказы о былых делах! / Нужна лишь скорость!» [Азиатская медь: 149]. Поскольку мир все время изменяется, вращается, его родина тоже должна меняться, развиваться и совершенствоваться. И если для того потребуются вооружиться и пойти в бой – следует именно так

и поступить. Решительной стране нужны не менее решительные граждане, которые, хоть и с трудом, но будут изменять привычный ход вещей, который сравнивается в стихотворении со старой коровой.

Говоря о переменах, герой с горечью замечает, что его соотечественники не готовы расстаться с прошлым и рискнуть погибнуть на крутых поворотах истории:

Мечтали долго – десять, двадцать лет,
Но подступил уж семьдесят восьмой –
А скоростных дорог в Китае нет как нет!

[Азиатская медь: 149]

И понимая, что его речи не могут вызвать существенные перемены, он призывает сограждан к решительным действиям и риску во имя светлого будущего.

В отличие от героев Шао Янь-сяня, герои Д. Андреева переходят к решительным действиям. Им пришлось тяжело, эти люди познали болезни, смерти, войны, заключения и иные страдания, и потому понимают, что любое промедление будет иметь фатальные последствия. И оттого герои действуют: «В тусклом болоте будничных лет / Выросшие – не ждут...» [Поэзия узников ГУЛАга. Антология]. И сколько бы ты ни ждал и ни берег себя, от времени и смерти нет спасения, поэтому спешка и погружение в будни, в страдания является способом преодоления страха перед неминуемым. И если смерть неизбежна, не лучше ли встретить ее лицом к лицу и броситься навстречу гибели, поскольку, если ты испугаешься, спрячешься на время, жизнь отомстит тебе вечным бесчестьем, а смерть будет бесславной и бессмысленной:

Пусть – за гекатомбами жертв
Будут стужа и лед,
И тем, кого помилует смерть,
Жизнь отомстит... Вперед!

[Поэзия узников ГУЛАга. Антология].

Погибнув же в борьбе, ты избежишь позора и суда собственных соотечественников. Бояться нечего, гораздо страшнее не выходить из укрытия и «стоять у дверей» [Поэзия узников ГУЛАга. Антология] в вечном ожидании скорой кончины.

Герои стихотворения Д. Андреева «Размах» тоже движимы пламенем свободы и независимости, величия и веры. Их души столь же широки, как просторы родной земли. И живое пламя присутствует всякому, кто вырос на этой земле, оно служит символом национальной самоидентификации: «Пламень жгучий / и ветер морозный. / Тягу – вглубь, / дальше всех / черт, / В сердце нес / Иоанн Грозный, / И Ермак, / и простой / смерд» [Поэзия узников ГУЛАга. Антология]. Стремление к независимости, мятежности, развитию отражалось на каждом историческом этапе – и во время смуты, и в период освоения казаками Сибири. И решительность, отвага – одно из основных качеств русских людей, которым тесно в настоящем, и они ни перед чем не остановятся:

Дальше! дальше! вперед! шире!
Напролом! напорыв! вброд!

[Поэзия узников ГУЛАГа. Антология].

Не имеет значения, что будет впереди – тьма или свет, добро или зло, жизнь или смерть. Движение и свобода – самоцель. Поэт приводит в качестве примера старообрядцев, которые, не желая принимать никоновские реформы, предавали свою плоть огню и при помощи страдания, с одной стороны, очищали и освобождали дух, с другой – доказывали верность своим идеалам.

Для российских поэтов ГУЛАГа и китайских «туманных поэтов» поэзия являлась средством физического и нравственного выживания. Она укрепляла волю, закаляла характер, помогала понять, что сдаться – это преступление, поскольку выживание – залог сохранения исторической памяти. В лагере и в ссылке человек оказывается в экстремальных условиях, когда против него настроены не только другие люди, но и среда. Тогда стихи являются способом психического выживания: «они приходят на выручку, дарят ему гармонию, ритм. И свершается чудо: человек обретает внутреннюю свободу, не зависящую от внешних обстоятельств» [Виленский: 10]. Поэтому именно мотив внутренней свободы становится интегральной основой во многих стихотворениях русских и китайских авторов.

Таким образом, очевидно, что китайская «туманная поэзия» и литература ГУЛАГа имеют значительное число точек соприкосновения на идейном, образном и мотивном уровнях. В ходе сопоставительного анализа нами был выявлен ряд общих образов и мотивов: «мертвый портрет», бабочка мести, тени, историческая память, отсутствие виноватых, погубленная молодость, неотделимость судьбы человека от судьбы родины, страдание во благо и вера в будущее, сопротивление природы, неуклонное и решительное движение вперед, телесная деструкция, голоса из-под камня, а также мотив поэзии как способа выживания и преодоления зла, несправедливости и смерти и мотив терпения ради жизни и сохранения истины. Эти и многие другие мотивные переключки свидетельствуют о сходстве духовно-психологических комплексов «туманных поэтов» и поэтов ГУЛАГа, для которых творчество является не только способом выживания в суровых условиях заключения и ссылки, но и исторически значимым явлением, поскольку отражает характер эпохи, в которой поэты были вынуждены писать и существовать. Рассмотренный корпус текстов представляет собой уникальный материал для изучения статуса поэтического слова в качестве эстетического средства, способного дать историческое и художественное свидетельство о советской и китайской действительности XX века и воссоздать духовно-психо-физиологический портрет человека – творческой личности в трагический период истории.

Библиографический список

Азиатская медь: Антология современной китайской поэзии / сост. Лю Вэньфэй. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 256 с.

Виленский С. Предисловие // Поэзия узников ГУЛАГа. Антология / сост. С.С. Виленский. М.: Изд-во Материк, 2005. 990 с.

Горбачевский А.Ч. Мотив утраченных иллюзий и мотив тишины в текстах бывших колымских заключенных // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 108–114.

Демидо Н.Ю. О Некоторых проблемах и тенденциях развития «литературы реформ» // Вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики стран Дальнего Востока: Информационный бюллетень ИДВ АН СССР. 1990. № 10. Ч. 2. С. 47–49.

Ивлев Л.А. Десять абзацев о «литературе шрамов». URL: <https://sanwen.ru/2012/01/04/desyat-abzacev-o-literature-shramov/> (дата обращения: 16.05.2020).

Лебедева Н.А. Лики времени: китайская литература XX века на переломах истории // Россия и АТР. 1992. № 1. С. 102–110.

Михайлик Е. Не отражается и не отбрасывает тени: «закрытое» общество и лагерная литература // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. С. 356–374.

Надеев И.М. «Культурная революция» и судьба китайской литературы. М.: Наука, 1969.

Поэзия узников ГУЛАГа. Антология. URL: <https://www.agitclub.ru/museum/memorial/poesia/predislovie.htm> (дата обращения: 16.05.2020).

Пьералли К. Поэзия ГУЛАГа как литературное свидетельство: теоретические и эпистемологические обоснования // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 2. С. 144–162.

Реквием: стихи русских советских поэтов / сост., авт. предисл. Б. Романов. М.: Современник, 1989. 430 с.

Рябченко О.Н. Литература Северо-Востока КНР в период реформ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 3. С. 40–51.

Таганов Л.Н. Потаенная литература: поэзия ГУЛАГа // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература. Исследования и материалы / сост. А.Ю. Морыганов. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1998. С. 80–87.

Тугулова О.Д. Поэтический дискурс китайского андеграунда // Вестник Бурятского государственного университета. 2014а. Вып. 8. Востоковедение. С. 67–71.

Тугулова О.Д. Особенности функционирования «подпольной поэзии» в Китае // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2014б. № 1. С. 5–13.

Тугулова О.Д. Китайская поэзия «нового периода» (1980-е гг.): смена художественных парадигм:

монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун-та, 2015. 164 с.

Черкасский Л.Е. «Туманная поэзия» // Азия и Африка сегодня. 1988. № 1. С. 46–47.

Шаламов В. Стихи. URL: <https://shalamov.ru/library/14/> (дата обращения: 16.05.2020а).

Шаламов В. Эссе. URL: <https://shalamov.ru/library/21/> (дата обращения: 16.05.2020б).

洪子诚、程光炜 Хун Цзычэн, Чэн Гуанвэй. 朦胧诗新编 Новое издание Туманной поэзии. 武汉 魏家华 长江文艺出版社 Чанцзян вэньи, 2009.

李丽中 Ли Личжун. 朦胧诗. 新生代诗百首点评 一百首 стихотворений «туманных поэтов» и «поэтов нового поколения» с комментариями. 天津 天津-цзинь: 南开大学出版社 Изд-во Нанькайского университета, 1988.

滕腿诗论争集 Сборник критических статей о «туманной поэзии» / 姚家华编 под ред. Яо Цзяхуа. 北京 Пекин: 学苑出版社 Сюэюань, 1989.

姜娜, 朱小平 Мэй На, Чжу Сяопи. 朦胧的死亡 死亡 туманной поэзии / 姜娜 朱小平著 Мэй На, Чжу Сяопин. 北京: 华艺出版社 Пекин: Китайское искусство, 1994.

倪伟. 朦胧诗的旧魂新魄 Ни Вэй. Старая душа, новая душа «туманной поэзии» // 文景. 2005. 第 3 期.

舒婷的诗 Поэзия Шу Тин / 舒婷著 под ред. Шу Тин 北京: 人民文学出版社 Пекин: Народная литература, 2005.

中国现代诗选 60 首 Современная китайская поэзия: антология (60 избранных стихотворений) / 张同吾主编 под ред. Чжан Тунъю; 李英男等译 пер. с кит. Ли Иннань и др. - 北京: 现代出版社. Пекин: Современность, 2010.

杨健. 墓地与摇篮—文化大革命中的地下文学. 北京: 朝华出版社, 1993 Ян Цзянь. Могила и колыбель: подпольная литература периода Великой культурной революции. Пекин: Чаохуа, 1993.

Gullotta A. A new perspective for Gulag Literature Studies: the Gulag Press. Studi Slavistici, VIII, 2009, pp. 95–117.

Gullotta A. Gulag poetry: un almost unexplored field of research? F. Fischer von Weikerstahl, K. Taidigsmann. (Hi-)Stories of the Gulag. Fiction and reality. Heidelberg, Germany, Universitätsverlag Winter, 2016, pp. 175–192.

Jurgenson L. La testimonianza letteraria come fonte storica: il caso della letteratura dei Gulag. LEA – Lingue e Letterature d'Oriente e Occidente, v. 2016, pp. 267–283.

Jurgenson L. Les représentations du Goulag dans la littérature testimoniale: approches épistémologiques. Dosse F., Goldstein C. Paur Ricoeur: penser la mémoire. Paris, Seuil, 2013, pp. 183–196.

Pieralli C. Poesia del Gulag o della 'zona'? Problemi e prospettive per una descrizione del corpus poetico dei prigionieri politici in URSS. Pieralli C., Delaunay C., Priadko E. Russia, Oriente slavo e

Occidente europeo. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà europea (Biblioteca di Studi Slavistici). Firenze, University Press, Accesso ONLINE all'editore, pp. 281–310.

References

Aziatskaja med': Antologija sovremennoj kitajskoj poezii [Asian Copper: Anthology of Modern Chinese Poetry], comp. Lju Vjen'f'ej. Sankt-Peterburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2007, 256 p. (In Russ.)

Vilenskij S.S. *Predislovie* [Preface]. *Pojezija uznikov GULAGa. Antologija* [Gulag Prisoners' Poetry. Anthology], comp. S. S. Vilenskij. Moscow, Materik Publ., 2005, 990 p. (In Russ.)

Gorbacheskij A.Ch. *Motiv utrachennyh illuzij i motiv tishiny v tekstah byvshih kolymskih zakljuchennyh* [The Motive of Lost Illusions and the Motive of Silence in the Works by Kolyma Ex-Prisoners]. *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word], 2015, II, pp. 108–114. (In Russ.)

Demido N.O. *Nekotoryh problemah i tendencijah razvitija "literaturnoj reformy"* [On Some Problems and Tendencies of Development of the Reform Literature]. *Voprosy jekonomiki, istorii, vneshnej i vnutrennej politiki stran Dal'nego Vostoka. Informacionnyj bjulleten' IDV AN SSSR* [Issues of economy, history, foreign and domestic policy of the countries of the Far East: Newsletter], Chast' II, 1990, № 10, pp. 47–49. (In Russ.)

Ivlev L.A. *Desjat' abzacev o "literaturnom shramov"* [Ten Paragraphs on the Scar Literature]. URL: <https://sanwen.ru/2012/01/04/desyat-abzacev-o-literaturno-shramov/> (access date: 16.05.2020) (In Russ.)

Lebedeva N.A. *Liki vremeni: kitajskaja literatura XX veka na perelomah istorii* [Faces of Time: Chinese Literature of the 20th century at the Turns of History]. *Rossija i ATR* [Russia and ATR], 1992, № 1, pp. 102–110. (In Russ.)

Mihajlik E. *Ne otrazhaetsja i ne otrasyvaet teni: "zakrytoe" obshhestvo i lagernaja literatura* [Got No Reflection or Shadow: The Locked Community and the Prisoners Literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2009, № 6, pp. 356–374. (In Russ.)

Nadeev I.M. *"Kul'turnaja revoljucija" i sud'ba kitajskoj literatury*. [Cultural Revolution and the Destiny of Chinese Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 149 p. (In Russ.)

Pojezija uznikov GULAGa. Antologija [Gulag Prisoners' Poetry. Anthology]. URL: <https://www.agitclub.ru/museum/memorial/poesia/predislovie.htm> (access date: 16.05.2020). (In Russ.)

P'eralli K. *Pojezija GULAGa kak literaturnoe svidetel'stvo: teoreticheskie i jepistemologicheskie obosnovanija* [Gulag Poetry as Literature Evidence: Theoretical and Epistemological Grounds]. *Studia Litterarum*, 2018, Vol. 3, № 2, pp. 144–162. (In Russ.)

Rekviem: stihy russkikh sovetskikh pojetov [Requiem: Poems by Russian Soviet Poets], comp. B. Romanov. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, 430 p. (In Russ.)

Rjabchenko O.N. *Literatura Severo-Vostoka KNR v period reform* [Literature of North East China during the Reform]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija* [Ojkumena. Regional studies], 2009, № 3, pp. 40–51. (In Russ.)

Taganov L.N. *Potaennaja literatura: poezija GULAGa* [Secret Literature: the Gulag Poetry]. *Voprosy ontologicheskoi pojetiki. Potaennaja literatura. Issledovanija i materialy* [Issues of ontological poetics. Hidden literature. Research and Materials], comp. A.Ju. Moryganov. Ivanovo, Ivanovskij gos. un-t Publ., 1998, pp. 80–87. (In Russ.)

Tugulova O.D. *Pojeticheskij diskurs kitajskogo andegraunda* [Poetic Discourse of the Chinese Underground Poetry]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University], 2014a, Issue 8, Vostokovedenie, pp. 67–71. (In Russ.)

Tugulova O.D. *Osobennosti funkcionirovanija "podpol'noj poezii" v Kitae* [Underground Poetry in China during the Cultural Revolution]. *Gumanitarnye issledovanija v Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in Siberia and the Far East], 2014b, № 1, pp. 5–13. (In Russ.)

Tugulova O.D. *Kitajskaja poezija "novogo perioda" (1980-e gg.): smena hudozhestvennyh paradig* [Chinese Poetry of the New Period (1980s): Changes of

Art Paradigm], Ulan-Udje, Buryat State University Publ., 2015, 164 p. (In Russ.)

Cherkasskij L. E. *"Tumannaja poezija"* [Misty Poetry]. *Azija i Afrika segodnja* [Asia and Africa Today], 1988, № 1, pp. 46–47. (In Russ.)

Shalamov V. *Stihi* [Poems]. Shalamov.ru. URL: <https://shalamov.ru/library/14/> (date access: 16.05.2020a). (In Russ.)

Shalamov V. *Jesse* [Essays]. Shalamov.ru. URL: <https://shalamov.ru/library/21/> (date access: 16.05.2020b). (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-187-193>
УДК 821.161.1.09"20"

Горелов Олег Сергеевич
Ивановский государственный университет

СЮРРЕАЛИЗАЦИЯ ЗВУКА: МУЗЫКАЛЬНОСТЬ, АУДИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И САУНД В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ (В. БАННИКОВ, В. БОРОДИН, Н. САФОНОВ)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда,
проект № 19-18-00205 («Поэт и поэзия в постисторическую эпоху»)

В статье рассматриваются современные поэтические практики, актуализирующие сюрреалистический код через звуковой медиум. В. Банников с помощью спонтанного семплирования материала (образного и словесного) привносит в сюрреалистический монтаж и метаморфозу звуковую и слуховую константы. Его «асемантическая поэзия» являет коллажированное многоголосие шпрыхезанга, заставляя пересмотреть немзыкальность классического сюрреализма. Аудиальное асемическое письмо В. Бородина становится решением задачи поэзии «отойти от слов», сформулированной самим поэтом, но в сюрреалистическом контексте это оказывается новой ступенью объективации кода. Если автоматизм Банникова освобождает субъекта, сюрреализация Бородина освобождает саму музыкальность и аудиальную культуру (возможно, «в ущерб» поэзии). Третий альтернативный способ работы со звуком предлагает поэтическая практика Н. Сафонова. В ней происходит общая детерриториализация звука, через объективацию саунда освобождается уже само звучащее, освобождается в том числе и от человеческого. Звуковой ландшафт на равных правах включает тишину (нулевое состояние звука), сами звуки в своей материальности и шумы. Шум, понятый как пустой знак, актуализирует математическое в саунде. В сюрреалистическом коде, таким образом, математика и абстракция становятся важным условием для дальнейших частных реализаций сюрреалистической мысли и эстетики.

Ключевые слова: интерпелляция, абстрактный сюрреализм, звуковое мышление, джаз, блюз, современная поэзия, сюрреалистический код.

Информация об авторе: Горелов Олег Сергеевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5718-6588>, кандидат филологических наук, доцент, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия.

E-mail: og-rus@inbox.ru

Дата поступления статьи: 11.03.2020.

Для цитирования: Горелов О.С. Сюрреализация звука: музыкальность, аудиальная культура и саунд в новейшей русской поэзии (В. Банников, В. Бородин, Н. Сафонов) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 187-193. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-187-193>.

Oleg S. Gorelov
Ivanovo State University

SURREALISATION OF SOUND: MUSICALITY, AUDIAL CULTURE AND SOUND IN THE MODERN RUSSIAN POETRY (VADIM BANNIKOV, VASILIIY BORODIN, NIKITA SAFONOV)

This work is supported by the Russian Science Foundation under grant
№ 19-18-00205 ("Poet and poetry in the post-historical era")

The article discusses modern poetic practices that actualize the surrealist code through a sound medium. Vadim Bannikov with the help of spontaneous sampling of material (figurative and verbal) brings sound and auditory constants to surrealist editing and metamorphosis. His "asemantic poetry" reveals the collaged polyphony of the Sprechgesang, forcing to reconsider the non-musicality of classical surrealism. Vasiliiy Borodin's auditory asemic letter becomes a solution to the poetry task of "moving away from words" formulated by the poet himself, but in a surrealist context; this turns out to be a new stage in objectification of the code. If Vadim Bannikov's automatism frees the subject, the surrealistisation of Vasiliiy Borodin frees the very musicality and audial culture (possibly "to the detriment" of poetry). The third alternative way to work with sound is offered by Nikita Safonov's poetic practice. A general deterritorialisation of sound takes place in it, the sounding is freed through the objectification of sound, freed from the human as well. The sound landscape on equal terms includes silence (zero state of sound), the sounds themselves in their materiality and noise. The noise, understood as an empty sign, actualises the mathematical in sound. In the surrealist code, therefore, mathematics and abstraction become an important condition for further private implementations of surrealist thought and aesthetics.

Keywords: interpellation, abstract surrealism, sound thinking, jazz, blues, modern poetry, surrealist code.

Information about the author: Oleg S. Gorelov, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5718-6588>, Candidate of Philological Science, Associate Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

E-mail: og-rus@inbox.ru

Article received: March 11, 2020.

For citation: Gorelov O.S. Surrealisation of sound: musicality, audial culture and sound in the modern Russian poetry (Vadim Bannikov, Vasiliiy Borodin, Nikita Safonov). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 187-193 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-187-193>.

Звук является важным элементом реализации сюрреалистического кода в новейшей русской поэзии. Классический сюрреализм настороженно относился к звуковому медиуму из-за способности аудиального помимо воли субъекта проникать в него, позиционировать себя как угнетатель, колонизатор. Действительно, субъект всегда может быть интерпеллирован музыкой и даже немusикальными звуками, но он и формируется таким образом. Поэтому более удачным понятием, схватывающим это положение, оказывается понятие *саунда*. С одной стороны, оно означает сам звук, звуковое окружение (и здесь сохраняются коннотации агрессивной интерпелляции), с другой стороны, саунд означает общий и узнаваемый характер звучания некоей музыкальной индивидуальности (будь это музыкант или музыкальный коллектив), хотя это значение (в том числе в контексте саунд-арта) можно расширить: индивидуальное звучание голоса, инструмента и вообще любой вещи или предмета. Саунд может оказаться серьезным объектом, осуществляющим сюрреалистическую *неидеологическую интерпелляцию субъекта*. Глубинное погружение субъекта в звуковой ландшафт ведет к релятивизации восприятия, открывается возможность для новой серии импровизации, понятой как обусловленность предшествующей ситуацией, но не полная редукция к ней, как застывание в промежуточной, онейрической зоне: «...утерян не только субъект, самого мира также нет, а то, что осталось, является подобием сна с его изменчивым и ломаным повествованием» [Банников].

Слуховое восприятие мира в этом моменте сходится с нюансами обонятельной рецепции. Запах, хотя и более ограничен в возможностях распространения, также свободно интерпеллирует и блокирует субъекта. В пространстве культуры он, в отличие от звука, гораздо более устойчиво связан с памятью. Запах индуцирует воспоминание, переносит и погружает субъекта в подробно реконструируемую воображением ситуацию, оставаясь при этом феноменологической слепой зоной: сам запах трудно вспомнить, можно только заново испытать его воздействие. Фоновый принцип повсеместного чтения или слушания (*ubiquitous listening*)¹, формирующий звуковую распределенную субъектность в рамках сюрреалистической гипнолической стратегии, актуализирует, наоборот, *забвение*. Сон и музыка/звук понимаются как программы очищения от ненужных следов памяти, более того – это самоуничтожающиеся программы (забытый сон, забытая мелодия).

Это приобретает особое значение в ситуации информационного и культурного переизбытка. Например, необозримые и сами находящие субъекта в ленте соцсети композиции (стихи) В. Банникова также забываются почти сразу после прочтения. Такое забвение находится на трансценденталь-

ной внутренней границе темпоральной («Музыка существует только в настоящем. Ее невозможно вспомнить» [Мазин, Пепперштейн: 603]) и топологической («изъятый полёт из московского / непомнящего своих снов // неба да» [Егольникова]) реакции субъекта-объекта. Наиболее характерным вариантом подобного парадоксального забвения в мире музыкальной культуры, по словам Ж. Леграна, является джаз: «...нет более трудной для запоминания музыки и при этом более незабываемой» [Legrand: 129]. Сам Банников пишет о том, что «стихи вообще можно понимать как сгустки не вполне весомых конструкций, стремящихся скорее исчезнуть, чем нагромождать» [Банников]. Но забывание стихов после прочтения (особенно во ВКонтакте, где шире представлена музыкальная база, и эта социальная сеть многими используется как плеер) порождает соблазн составить свое собрание, книгу, «альбом» из мультижанровых и разностилевых треков-стихов этого поэта.

«Недоверие тексту», постулируемое Банниковым, не отменяет общей литературоцентричности его поэзии. Забвение, в том числе посмертное, не отменяет самой жизни, поскольку представляет собой перекомбинацию атомов материи. Поэтический атомизм новейшего (начиная с модерна) времени вырастает именно из музыкальных аналогий. А. Блок писал, что «музыкальный атом есть самый совершенный – и единственно реально существующий, ибо творческий. Музыка творит мир... Слушать музыку можно только *закрывая глаза и лицо (превратившись в ухо и нос)*, т. е. устроив *ночное безмолвие и мрак* – условия “предмирные”» [Блок: 150]. В этих размышлениях ощутимы общеромантические, даже предсюрреалистические интенции. Атомы поэты характеризуются как незримые, они свидетельствуют о нематериальности бытия, что объясняется и тем эффектом, который производила тогда на людей теория атомной физики, показавшая, что атом – это в основном пустота, а значит, и твердой, «классической» материи больше нет. В дальнейшем атомы как в науке, так и в поэзии визуализируются, и через присваивание зрением происходит вторичное отверждение физической реальности. Но при новой философии субъекта атомы, если и остаются символами, то уже «мирскими», не отсылающими к трансценденции, но только вскрывающими имманентное постоянное движение и изменение.

Музыкально-поэтическое предшествование атомов миру замещается практикой постмузыкального семплирования, обработки всегда присутствующих атомов. Банников с помощью спонтанного семплирования материала (образного и словесного) привносит в сюрреалистический монтаж и метаморфозу звуковую и слуховую константы: «...и побежал по скользкой дорожке из атомов и синих и белых цветов / а в сердце стучит

опять этот трек» (2018, 42)². При атомизированной метаморфозе всё симультанно сопричастствует, а сам процесс превращений из-за относительности времени на малых масштабах уже не прописывается: «...сияют атомы на деревьях ушей» (2014, 153).

Первый этап освоения сюрреальной метаморфозы в русской поэзии XX века связан с реализацией линейных субъектно-объектных трансформаций. Можно условно назвать это линией Н. Заболоцкого («Мысль некогда была простым цветком, / Поэма шествовала медленным быком; / А то, что было мною, то, быть может, / Опять растёт и мир растений множит» [Заболоцкий: 505]). Банников чаще всего задействует прямую метаморфозу через ироническое отстранение: «...но только одно радуется на свете – / я русский / и то что ведь не исчезну, так как / атомы тела будут ещё очень долго // а не потому что» (2017, 135). Хотя сама идея распада на элементарные фрагменты, которые становятся материалом для дальнейшего семплирования, является важной и значимой для поэта и его поэтического атомизма. Распад, означающий забвение, но не означающий смерть, относится как к объектам поэзии: «...пока я играл, слова распались на атомы и сделались небесами» (2017, 145), так и к ее субъектам: «...атомы могут цепляться за снег и быть снегом / а поэты могут быть только атомами, потерявшими атомы» (2018, 121).

Второй этап освоения сюрреальной метаморфозы (1960–70-е гг.) сопряжен с процессами освоения пустотности и сериализма, в том числе как музыкальной техники. Любое превращение теперь происходит в нескольких вариационных рядах, атом воспринимается как пустой знак, насыщенный потенциальной валентностью и находящийся в постоянной готовности ее реализовать. Но готовность и реализация почти не различаются на малых масштабах, поэтому «версионность, двусмысленность, образующаяся в пустом секторе неразвивающейся серии» [Тюленева: 219], может запускать мифологический, сюрреалистический и/или импровизационный сценарии. Синтетический вариант обнаруживается в романе, следующем поэтической логике, «Школа для дураков» Саши Соколова. Герой-рассказчик в момент инициационной метаморфозы вроде бы тоже «мир растений множит», но факт этот уже не относится однозначно к плану финальной реальности: «Я *частично* исчез в белую речную лилию» [Соколов: 43]. Атомизированное сюрреальное забвение не приводит к смерти (платоновская языковая аномалия «исчез в»), а само «исчезновение всегда оборачивается возникновением и наоборот, превращаясь в синтетическое исчезновение-возвращение. А поскольку процесс не окончен, его нельзя считать событием – возникает эффект мерцания не-события» [Тюленева: 233].

Банниковские композиционные (композиторские) метаморфозы одинаково отстоят и от линейности Заболоцкого, и от двунаправленности зрелого сюрреализма (и Саши Соколова), хотя учитывают этот опыт: «тогда можно тянуть, или дрожать бирюльками атомов / можно лесом стать, можно душою с улыбкой» (2013, 10). На этом этапе распространенный в сюрреализме образ зеркал начинает толковаться по-новому, зеркала уже не только промежуточная зона (не)различения, в которой субъект может увидеть свое истинное лицо, но принцип существования атомов мира: «...атомы повернутся своими зеркалами и ты меня, наконец, увидишь» (2018, 110); «...немного по-иному в ней вращаются те зеркала / что мы называем атомами пока что» (2018, 106). В такой метаморфозе элемент забвения проявляется в рядоположности элементов. Метапоэтическая версия этой конструкции обнаруживается у поэта Н. Сафонова: «Словосочетание может быть выброшено / из памяти на криву любых отражений» [Сафонов 2015: 55].

Другие аспекты гипносического забвения (даже забытья) и музыкальности текста в целом позволяет увидеть поэзия В. Бородин. Его поэтическая позиция соотносится с литературной центробежностью (в том числе в идее «отходить от слов»), с эко-культурной установкой «не наследить». В его текстах почти нет и литературных персонажей, субъектов. Нетипичная для образа Поэта философия «l'art de vivre» определяет критическое отношение к поэтическому профессионализму, к гонке письма-публикации-признания (для Бородин актуальнее машинописный и рукописный самиздат). Легко наблюдаемый при чтении эффект – ощущение «неискусности» его стихов, как это определяет А. Порвин в предисловии к книге стихов «Лосинный остров». Впрочем, и сама музыка, к которой вернулся Бородин в 2010-е годы как автор-исполнитель, тоже воплощается как будто по касательной: несмотря на концерты на различных площадках и выпуски альбомов (что показательно, в формате лоу-фай), в основном Бородин играет в подземных переходах.

Метаморфозы у Бородин осуществляются благодаря действию принципов «снятия ограничений на сочетаемость явлений» и «инверсии объектных связей» [Житенев: 344, 345], что соотносится с неидиоматической импровизацией в контексте объектной ориентированности. Но архитектурным каркасом для поэта является уже не джаз, а блюз. В блюзе гармоническая структура более устойчивая, чем в джазе, и тексты Бородин, хотя и создают ощущение автоматизма, но в отличие от банниковских основывают свободные блуждания языковых и смысловых единиц на жесткой «пентатонике». Благодаря такой «ладовой» организации бородинской поэзии можно предположить существование особой стратегии письма, отличной

и от риторической, и от интонационной. Ладовая структура свойственна, в первую очередь, этнической и фольклорной музыке, в поэтическом тексте также она выражается в серийности и вариативности архетипических компонентов.

Однако блюзовая эстетика неотделима от блюзовой идеологии и даже этики, основными позициями которой являются индивидуальная свобода, прямота эротических и телесных выражений, любовь к малому, заступничество за всё незначительное, пустяковое, преодоление постоянной меланхолии через комизм и вдохновение. Несмотря на очевидные этические пересечения блюз, в отличие от джаза, практически никогда не объединялся с сюрреализмом ни в пространстве художественной практики, ни в исследовательском поле. Любопытно, что Бородин привлекают в основном авторы-исполнители, которые заметно отходят от блюзовой основы в сторону барокко-поп и меланхолического фолка: Дж. Си Франк, В. Баньян, К. Далтон, Н. Дрейк и др. Тем показательнее, что в собственных песенных текстах, но особенно в переводах-переложениях текстов таких музыкантов, Бородин производит настоящую сюрреализацию.

Субъект в поэзии Бородина, постоянно рассеиваясь, сам не может проникнуть в объекты природы и социума, они остаются для него темными. Мотив пронизывания субъекта обычно рассматривается в критической литературе через визуальные процессы (пронизывает свет, луч света). Но несмотря на то, что в самих текстах зрительное восприятие также доминирует, внутренний принцип как таковой основывается на акустической модели мира, на способности звуковых волн свободно распространяться и преодолевать преграды, недоступные для света.

Постепенное раскрытие этого принципа начинается с книги стихов «Лосиный остров» (2015), в которую вошли некоторые тексты из ранних сборников, что только подчеркивает происходящие изменения. В ситуациях вслушивания рождается синтез когнитивного и сенсорного: «и слыша капли что висят / он смотрит как седеет ум» [Бородин 2015: 46]; ухо становится своеобразной воронкой, в которую попадают субъекты и объекты, начиная метонимизироваться и сталкиваться друг с другом: «...конь стоит направлен в ухо <...> конь свят веткой над пятном / лбу еще предстоит мысль-око / нимбами бьются бом!» [Бородин 2015: 31]. Звук образует иммерсивный ландшафт, затягивая в свою воронку и погружая субъекты, иногда в этой функции выступает сон (воронка сна коррелирует с иммерсивностью звука).

Аудиальное становится пронизывающим фоном и для художественного мира в целом, который позиционируется как окулярный (образ «линзы, собирающей мир» [Бородин 2015: 55]). Так происходит и при линейной экспликации диегетической

картинки: текст может начинаться с легких звуко-подражательных слогов («нить вить два»), сквозь которые прорастает смысл и визуально оформляется субъект мира (в этом случае стриж): «...сколько глаз хватит; / скоро / в город: вить нить» [Бородин 2015: 51]. Впрочем, и тогда фонетический контроль не ослабевает, стягивая слова в дополнительные блоки: «сколько скоро город», «хватит вить нить». Подчинение фонетической и музыкальной структурам позволяет функционировать импровизационной грамматике: «...ночью голоса и соловушкой корабля / поет дальняя кораблю земля» [Бородин 2015: 59]; нередко используется и сложное тактовое деление, выраженное особыми бородинскими анжамбеманами, вводящими смысловые синкопы (иногда усиливая ощущение «неискусности»). Таким образом, начинают взаимодействовать друг с другом, сплетаясь, диегетические и недиегетические звуки: «...вне земных своих слабых стран / вне границ / поёт угол колок заряд / света – звуко-ряд» [Бородин 2015: 30]. Аллитерационное, недиегетическое сцепление образов («угол колок», «заряд света звуко-ряд») гораздо крепче диегетических и грамматических связей, но именно благодаря этому сцеплению они возможны в принципе. Именно изначальная ладовая (бессознательная) структура позволяет обнаружить «звуко-ряд» реальности.

Само пространство мира создается, оглашаясь в темноте, напоминая «созвон пустот» из первой книги стихов «Луч. Парус» (2008), который устанавливает первые границы, барьеры, преграды, а значит, и объекты, но главное – границу между миром и «тем» миром. Ткань времени (ткань текста) также собирается через песенную структуру с музыкальным принципом ритмической и тематической секвенции. В дальнейшем заполнить пустоту пространства и времени могут любовь и сон, которые оказываются сильнее «знания и зренья», то есть видимости мира и его рациональности [Бородин 2015: 139].

Развивая и преодолевая чисто аллитерационную логику, стих может представлять звуковым фрагментом, построенным на цепной акустической реакции, когда между словами не остается фонетического промежутка:

жила
и шмела
и пчель
всёл
– вёл село в печаль шмель а пчела
жила огибая
пчаль как шаль и далёкие
огоньки: «бе», «рег», «ЛА»

[Бородин 2015: 72].

Отдельные элементы авангардной сонорной поэзии, появление которой связывают с экспериментами начала XX века, в особенности дадаизма и сюрреализма [Белавина], в окулярном мире этих стихов создают эффект асемического письма, кото-

рое музыкальную структуру подчиняет визуальной логике (сам Бородин является редактором рукописного журнала асемического письма «Оса и овца»).

Аудиальное асемическое письмо становится решением задачи поэзии «отойти от слов», сформулированной самим поэтом, но в сюрреалистическом контексте это оказывается новой ступенью объективации кода. Если «асемантическая поэзия» Банникова являла коллажированное многоголосие шпрыхезанга, то в аудиальном асемическом письме Бородина действует режим «говорит никто» [Бородин 2017]. Автоматизм Банникова освобождает субъекта, сюрреализация Бородина освобождает саму музыкальность и аудиальную культуру (возможно, «в ущерб» поэзии).

Третий альтернативный способ работы со звуком предлагает поэтическая практика Н. Сафонова. В ней происходит общая детерриториализация звука, через *объективацию саунда* освобождается уже само звучащее, освобождается в том числе и от человеческого. Звуковой ландшафт (в рамках исследований звука этот термин предложил Р. Шейфер) на равных правах включает тишину (нулевое состояние звука), сами звуки в своей материальности и шумы. Музыкальность не рассматривается как одно из свойств поэтического текста. У Сафонова, в отличие от Бородина и Банникова, в принципе нет регулярных рифмованных стихов, поэтому ритмическая организация не подчиняется просодической инерции; аллитерационные, паронимические элементы не используются в качестве смыслопорождающих. Музыкальность может стать только предметом теоретического анализа или объектом поэтической работы, а также проектов саунд-арта. Сам Сафонов работает в последнее время в направлении *sound studies*, участвует (вместе с С. Огурцовым) в проекте электронной музыки «Were Landing As They Fell / ESIS» и является администратором архива «Общества призраков ритма» (Ghost Rhythm Society).

Звуковой ландшафт при объектно-ориентированной оптике Сафонова может формироваться в тексте в отсутствие слушателя. Но как только и если субъект (или его фрагменты) появляется, то звуковая среда сразу втягивает его в себя, а образованное имманентное внутреннее пространство дистрибутирует его во множестве акустических отражений. Асемантизм такой поэзии-«музыки» хоть и носит внечеловеческий характер, но перестает противоречить сюрреальной логике, не говоря о том, что он точно отражает основы сюрреалистического кода. Смысл является продолжением аффекта, точно так же как смысл музыкального произведения является фроттажным отпечатком ассоциаций, аффектов слушателя, вызванных самой реальностью звуков. И звуковые, и собственно языковые ландшафты демонстрируются вне субъективности и даже одушевленности, однако сама

нарративная и композиционная выстроенность книг Сафонова возвращают к мысли о поэте как регистрирующем аппарате [Бретон: 58].

С архитектурной точки зрения стихи Сафонова (здесь рассматриваются и имеются в виду тексты из книги «Разворот полем симметрии») реализуются в качестве языковых ассамбляжных композиций, в которых человек может только мерещиться: «Там, где его нет, ветер несет страницы, листы, обернутые в звук / колебаний стен, пола, сохшей земли, покинутой каждым» [Сафонов 2015: 55]. Избыточная фокусировка способствует появлению «двойных образов», лишь отчасти соотносящихся с параноидально-критическим методом сюрреализма, потому что эти образы воспринимаются не фигуративно, а как части общей абстракции, схемы или модели. Поэтому объектная ориентированность Сафонова не порождает объективного юмора сюрреалистов, поэт предельно серьезен и отрешен, как может быть «серьезна» и «отрешена» машина по сбору информации и квантификации ритмов аудиовизуальных пространств.

Десубъективированное воображение теперь настроено на определение и визуализацию скрытых звуковых потоков, чья виртуальность «гораздо шире актуального звукового опыта» [Сафонов 2019: 468]. Обращаясь к этому вопросу в своих исследованиях, Сафонов задействует теорию автономных аффектов Б. Массуми и пишет: «Звуковой материализм основывается на структурном тождестве звука и аффекта в понятии сигнала. Чтобы быть онтологически непротиворечивым, звук-аффект *не обязан быть слышимым* (то есть актуализированным). *Сигнал, будучи объектом звука, не слышим, но функционален*» [Сафонов 2019: 468]. Звук выносится за пределы одновременно и музыкального, и человеческого, составляя поле «ингуманистической экологии звучащего» [Сафонов 2019: 469].

Эта линия художественно-теоретической работы по объективации особенно с учетом пристального внимания к феномену звука приводит к одной из крайних форм сюрреализма – к абстрактному сюрреализму. Именно так прочитывается предлагаемый Сафоновым образ звучащих пустынь, где «распространяются частицы песка, разглаживая пейзажи и организуя ассамбляжи дюн, управляемых абстрактными машинами ветра, частичными объектами Машины Земли» [Сафонов 2019: 488]. Для удерживания таких ландшафтов в промежуточной зоне сюрреального необходим медиатизированный подход, учитывающий при этом объектно-ориентированную нацеленность на реальное: «Нечеловеческая экология звучащих пустынь требует гибкой картографии, внимательной к изменениям, вариациям и неразличимому шуму: она составляет композицию самого движения» [Сафонов 2019: 488].

Описание и картографирование абстрактно-сюрреалистских ситуаций требует ситуационного подхода к самому языку. В различных вариантах сборки пространства проявляется языковой композитор, но он уже не контролирует текст/пространство. В принципе это тот же наблюдатель, слушатель. Однако процедуре слушания всегда свойственна тенденция к упорядочиванию, означиванию, что и переводит рано или поздно субъекта в положение композитора. Этому противостоит детерриториализация³ звука, к практикам которой Сафонов относит «изобретение записи и воспроизводства звука, интеграцию немзыкальных объектов и самого пространства в событие исполнения, эксперименты с темпоральностью, импровизацией, автоматизацией, компьютерной эстетикой и пр.» [Сафонов 2019: 472]. Для подобной детерриториализации, по Сафонову, недостаточно отдельных навыков – необходимо особое звуковое мышление. Именно оно в конечном счете и должно помочь преодолеть бретоновскую нечувствительность к музыке и звуку.

Примечания

¹ Термин, введенный А. Кассабян наряду с «распределенной субъектностью». См.: [Kassabian].

² Тексты В. Банникова цитируются по тем вариантам, которые автор разместил на своей странице ВКонтакте: <https://vk.com/vadimkabanyas>. В скобках указывается год и авторская нумерация текста или первая строка стихотворения. Орфография и пунктуация авторские.

³ Делезианский словарь, как и собственно делезианская философия, принципиальны для звуковых исследований Сафонова.

Список литературы

Банников В. О стихах Ксении Егольниковой. URL: <https://syg.ma/@ekaterina-zakharkiv/vadimbannikov-o-stikhakh-ksenii-iegholnikovoi> (дата обращения: 05.02.2020).

Белавина Е. Поэты сонорные или несонорные: Фред Грио, Венсан Толеме, Себастьян Леспинас? // Новое литературное обозрение. 2017. № 6. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/148_nlo_6_2017/article/19348/ (дата обращения: 10.02.2020).

Блок А.А. Записные книжки, 1901–1920. М.: Художественная литература, 1965. 664 с.

Бородин В. Лосинный остров. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 144 с.

Бородин В. Суммарный опыт кошки [Интервью] // NG-Exlibris. 2017. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2017-10-19/10_908_experience.html (дата обращения: 16.02.2020).

Бретон А. Манифест сюрреализма // Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западно-европейской литературы

XX века / сост. Л.Г. Андреев. М.: Прогресс, 1986. С. 40–72.

Егольникова К. Вид за любым окном // Полутона. 2019. URL: <https://polutona.ru/?show=0618200929> (дата обращения: 05.02.2020).

Житенев А.А. Поэзия неомодернизма: монография. СПб.: ИНАПРЕСС, 2012. 480 с.

Заболоцкий Н.А. Метаморфозы. М.: ОГИ, 2014. 954 с.

Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 2006. 240 с.

Мазин В.А., Пеннерштейн П.П. Толкование сновидений. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 712 с.

Сафонов Н. Звучащие пустыни: шизоанализ, исследования звука и ингуманистическая экология // Stasis. 2019. Т. 7. № 1. С. 466–490.

Сафонов Н. Контронтология звучащего и проблема территориальности. 2018. URL: <https://syg.ma/@marina-israilova/shum-khaos-ritm-kontrontologhiia-zvuchashchiegho-i-problemia-tierritorialnosti> (дата обращения: 09.02.2020).

Сафонов Н. Разворот полем симметрии. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 152 с.

Соколов Саша. Школа для дураков. Между собакой и волком: романы. СПб.: Симпозиум, 1999. 352 с.

Тюленева Е.М. «Пустой знак» в постмодернизме: теория и русская литературная практика. Иваново: Изд-во «Иваново», 2006. 297 с.

Kassabian A. Ubiquitous Listening: Affect, Attention, and Distributed Subjectivity. Berkeley, CA: University of California Press, 2013. 182 p.

Legrand G. Puissances du jazz. P.: Arcanes, 1953. 224 p.

References

Bannikov V. *O stikhakh Ksenii Egol'nikovoi* [About the poems of Ksenia Egolnikova]. URL: <https://syg.ma/@ekaterina-zakharkiv/vadimbannikov-o-stikhakh-ksenii-iegholnikovoi> (access date: 05.02.2020). (In Russ.)

Blok A.A. *Zapisnyeknizhki, 1901–1920* [Notebooks, 1901–1920]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1965, 664 p. (In Russ.)

Borodin V. *Losinyi ostrov* [Elk Island]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, 144 p. (In Russ.)

Borodin V. *Summarnyi opyt koshki: interv'iu* [Total Cat Experience: interview]. *NG-Exlibris*. 2017. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2017-10-19/10_908_experience.html (access date: 16.02.2020). (In Russ.)

Breton A. *Manifest siurrealizma* [Manifesto of Surrealism]. *Nazyvat' veshchi svoimi imenami: Programmnye vystupleniia masterov zapadno-evropeiskoi literatury XX veka* [Calling things by their proper names: programmatic speeches by masters

of Western European literature of the 20th century], comp. L.G. Andreev. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 40–72. (In Russ.)

Gal'tsova E.D. *Siurrealizm i teatr: K voprosu o teatral'noi estetike frantsuzskogo siurrealizma* [Surrealism and Theater: On the Theatrical Aesthetics of French Surrealism]. Moscow, RGGU Publ., 2012, 542 p. (In Russ.)

Egol'nikova K. *Vid za liubym oknom* [View beyond any window]. *Polutona* [Halftone]. 2019. URL: <https://polutona.ru/?show=0618200929> (access date: 05.02.2020). (In Russ.)

Zhitenev A.A. *Poeziia neomodernizma: monografiia* [The poetry of neo-modernism: a monograph]. Saint-Petersburg, INAPRESS Publ., 2012, 480 p. (In Russ.)

Zabolotskii N.A. *Metamorfozy* [Metamorphoses]. Moscow, OGI Publ., 2014, 954 p. (In Russ.)

Latur B. *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [We Have Never Been Modern. Essays on Symmetric Anthropology]. Saint-Petersburg, Iz-vo Evropeiskogo un-ta v S.-Peterburge Publ., 2006, 240 p. (In Russ.)

Mazin V.A., Peppershtein P.P. *Tolkovanie snovidenii* [Dream interpretation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005, 712 p. (In Russ.)

Safonov N. *Zvuchashchie pustyni: shizoanaliz, issledovaniia zvuka i ingumanisticheskaia ekologiia* [Sounding deserts: schizoanalysis, sound research, and inhumanist ecology]. *Stasis*, 2019, vol. 7, № 1, pp. 466–490. (In Russ.)

Safonov N. *Kontrontologiia zvuchashchego i problema territorial'nosti* [The sounding counterontology and the problem of territoriality], 2018. URL: <https://syg.ma/@marina-israilova/shum-khaos-ritm-kontrontologhiia-zvuchashchiegho-i-problie-ma-tierritorialnosti> (access date: 09.02.2020). (In Russ.)

Safonov N. *Razvorot polem simmetrii* [Reversal by a symmetry field]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, 152 p. (In Russ.)

Sokolov Sasha. *Shkola dlia durakov. Mezhdub sobakoi i volkom: romany* [School for fools. Between the Dog and the Wolf: Novels]. Saint-Petersburg, Simpozium Publ., 1999, 352 p. (In Russ.)

Tiuleneva E.M. *«Pustoi znak» v postmodernizme: teoriia i russkaia literaturnaia praktika* [The “Empty Sign” in Postmodernism: Theory and Russian Literary Practice]. Ivanovo, Ivanovo Publ., 2006, 297 p. (In Russ.)

Kassabian A. *Ubiquitous Listening: Affect, Attention, and Distributed Subjectivity*. Berkeley, CA, University of California Press Publ., 2013, 182 p.

Légrand G. *Puissances du jazz* [Powers of jazz]. Paris, Arcanes Publ., 1953, 224 p.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Экономическая сфера является специфической сферой общественных отношений, которая регулируется гражданским, налоговым, антимонопольным, таможенным законодательством. Нарушение данного законодательства приводит к применению мер юридической ответственности. Статья посвящена актуальной проблеме применения ответственности за экономические правонарушения. Автор исследует правовую природу юридической ответственности, рассматривает понятие юридической ответственности, представленное различными специалистами в области теории государства и права и принципы, которые лежат в основе реализации ответственности. Выделяются и описываются характерные признаки юридической ответственности, отличающие её от других видов социальной ответственности. В работе анализируются различные виды юридической ответственности за экономические деяния. Особое внимание уделено уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности. Автор рассматривает определенные признаки, связанные с основанием наступления ответственности, ее источниками и субъектами, а также особенностями применяемых санкций. На основе проведенного исследования автор делает вывод о необходимости совершенствования института юридической ответственности как фундаментального института российской правовой системы, регулирующего различные сферы отношений, включая экономические правоотношения.

Ключевые слова: экономическое правонарушение, юридическая ответственность, государственное принуждение, санкция, принцип законности, принцип вины, уголовная ответственность, административная ответственность, гражданско-правовая ответственность.

Информация об авторе: Чуркина Людмила Михайловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного управления ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: lch2015@mail.ru

Дата поступления статьи: 08.06.2020.

Для цитирования: Чуркина Л.М. Юридическая ответственность за экономические правонарушения // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 194-198. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-194-198>.

Lyudmila M. Churkina
The Urals State University of Economics

LEGAL RESPONSIBILITY FOR ECONOMIC OFFENCES

The economic sphere is a specific sphere of public relations that is regulated by civil, tax, antitrust, and customs legislation. The violation of this legislation leads to the application of legal liability measures. The article is devoted to the topical problem of applying responsibility for economic offences. The author explores the legal nature of legal responsibility, examines the concept of legal responsibility, presented by various experts in the field of theory of state and law, and the principles that underlie the implementation of responsibility. The characteristic features of legal responsibility that distinguish it from other types of social responsibility are highlighted and described. The paper analyses various types of legal liability for economic wrongful acts. The special attention is paid to criminal, administrative and civil liability. The author examines certain features related to the basis of liability, its sources and subjects, as well as the features of the applied sanctions. Basing on the research, the author concludes that it is necessary to improve the institution of legal responsibility as a fundamental institution of the Russian legal system that regulates various spheres of relations, including economic legal relations.

Keywords: economic offence, legal liability, state coercion, sanction, principle of legality, principle of guilt, criminal liability, administrative liability, civil liability.

Information about the author: Lyudmila M. Churkina, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor of the Department of competition law and antimonopoly regulation of the Urals State Economic University, Yekaterinburg, Russia.

Article received: September 5, 2020.

For citation: Churkina L.M. Legal responsibility for economic offences. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 194-198 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-194-198>.

В современных реалиях экономические правонарушения приобретают все более широкое распространение. Они негативно влияют на экономическую безопасность государства, на развитие производства, сдерживают поток инвестиций, представляют серьезную угрозу функционированию управленческих, банковских и предпринимательских структур.

Вместе с тем за последние десятилетия в действующие нормы российского законодательства, касающиеся привлечения к юридической ответственности за совершение экономических правонарушений, были внесены многочисленные поправки и изменения, что привело к пересечению объективной стороны многих экономических правонарушений. В связи с этим представляется важным рассмотреть общую характеристику юридической ответственности и особенности различных видов ответственности за совершение экономических деяний.

В юридической литературе вопрос о понятии юридической ответственности является дискуссионным. В российском законодательстве и отечественной науке отсутствует четко установленное определение юридической ответственности. В связи с этим она трактуется исследователями по-разному.

В теории права ряд авторов рассматривают юридическую ответственность как правоотношение, возникающее между государством и правонарушителем, претерпевающим соответствующие лишения и неблагоприятные последствия за нарушение требований норм права [Матузов, Малько: 214].

Другие считают, что юридическая ответственность сводится к обязанности лица претерпевать определенные меры принуждения за совершенное правонарушение [Наумов, Мордовец, Касаева: 230].

По мнению некоторых теоретиков, юридическая ответственность трактуется как реализация санкции нормы права в установленном законодательством процессуальном порядке [Морозова: 311].

В юридической литературе юридическую ответственность отождествляют с мерой государственного принуждения, с наказанием за правонарушение или с применением санкций [Хропанюк: 298].

Соответственно, юридическую ответственность за экономические правоотношения можно рассматривать как правоотношения, возникающие между государством и лицом, обязанным претерпевать определенные меры государственного принуждения за совершенное противоправное деяние в экономической сфере.

Юридическая ответственность отличается от иных видов социальной ответственности специфическими признаками:

- 1) является наиболее формализованной разновидностью социальной ответственности;
- 2) предусмотрена действующим законодательством;
- 3) опирается на государственное принуждение, которое четко регламентируется законом и не

должно выходить за установленные законодательством пределы;

4) применяется уполномоченными государственными органами (в частности, за экономические правонарушения арбитражными судами, Федеральной антимонопольной службой и др.);

5) выражается в отрицательных последствиях для правонарушителя (конфискация имущества, лишение права занимать определенные должности, лишение права заниматься определенной деятельностью, лишение свободы, возмещение убытков, взыскание неустойки и др.);

6) основанием для привлечения к юридической ответственности является совершение экономического правонарушения при наличии необходимых признаков и элементов состава правонарушения, что влечет за собой общественное осуждение;

7) представляет собой форму реализации санкции правовой нормы, в которой предусмотрены объем и характер наказания для лица, допустившего нарушения;

8) обязательным условием наступления юридической ответственности является наличие вины (Конституционный суд РФ неоднократно отмечал это в своих постановлениях);

9) осуществляется в строго определенной законодательством процессуальной форме.

Для привлечения к юридической ответственности вышеуказанные признаки должны присутствовать в совокупности. Отсутствие хотя бы одного признака свидетельствует об отсутствии юридической ответственности.

Юридическая ответственность преследует следующие основные цели:

- защита и охрана конституционного строя, правопорядка, прав и свобод граждан и человека, законных интересов юридических лиц;
- воспитание у граждан уважения к закону;
- предупреждение совершения правонарушений;
- наказание лиц, нарушивших нормы права, за содеянное правонарушение [Кузьмин: 86].

Цели юридической ответственности реализуются на основе определенных критериев, требований и базовых положений, которые лежат в основе реализации юридической ответственности. Они составляют принципы юридической ответственности. Законодательное закрепление данных принципов свидетельствует об их значимости для практической деятельности.

Большинство авторов к основным принципам юридической ответственности относят законность, обоснованность, наличие вины, равенство перед законом, справедливость, целесообразность, неотвратимость.

Принцип законности предполагает, что юридическая ответственность применяется только за те деяния, которые являются противоправными и за совершение которых предусмотрена юридическая ответственность в действующем законодательстве. Данный принцип также означает,

что привлечение к юридической ответственности должно осуществляться в предусмотренном законом порядке, при строгом обеспечении соблюдения прав и законных интересов лиц, привлекаемых к ответственности.

С принципом законности неразрывно связан принцип обоснованности применения норм юридической ответственности, который требует проведения объективного аргументированного исследования обстоятельств правонарушения, сбора необходимых доказательств, отвечающих соответствующим признакам, установления определенной меры наказания, предусмотренной действующим законодательством.

Принцип вины предписывает, что к юридической ответственности может быть привлечено лицо только за деяния, которые были совершены им виновно. При этом личная вина правонарушителя должна быть доказана. В гражданском праве предусмотрены исключения, допускающие применение санкций имущественного характера вне зависимости от наличия вины нарушителя. В частности, пункт 2 статьи 1064 Гражданского кодекса РФ допускает возможность возмещения вреда даже при отсутствии вины причинителя вреда.

Принцип вины также предусматривает презумпцию невиновности, которая означает, что лицо, привлекаемое к юридической ответственности, считается невиновным, пока его виновность в совершении правонарушения не будет доказана стороной обвинения. Презумпция невиновности законодательно закреплена в статье 49 Конституции РФ¹, статье 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ, статье 1.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Принцип равенства перед законом предполагает, что лица, совершившие противоправное виновное деяние, равны перед законом, то есть должны нести юридическую ответственность вне зависимости от пола, возраста, национальности, социального происхождения, имущественного и должностного положения.

Принцип справедливости требует назначения соразмерного наказания или взыскания характеру совершенного правонарушения, его тяжести или общественной опасности. Уполномоченный государственный орган, привлекающий к юридической ответственности, должен учитывать смягчающие обстоятельства, личность правонарушителя. Данный принцип запрещает применение мер наказания, унижающих достоинство человека, что предусмотрено ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод². Принцип справедливости также предусматривает недопустимость двойной ответственности за одно и то же правонарушение.

Принцип целесообразности предполагает соответствие избранной санкции целям юридической ответственности. В случае если эти цели могут быть достигнуты иным путем, то нарушитель мо-

жет быть освобожден от юридической ответственности. Если ответственность неизбежна, то мера воздействия должна быть избрана с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств, индивидуальных особенностей лица, совершившего правонарушения. Это подтверждается статьей 60 Уголовного кодекса РФ, предусматривающей общие начала назначения наказания.

Принцип неотвратимости требует, чтобы на любое противоправное деяние, за которое предусмотрена действующим законодательством юридическая ответственность, должна последовать реакция государства в лице компетентных органов. Ни одно правонарушение не должно остаться безнаказанным. Виновные лица должны быть неизбежно привлечены к юридической ответственности в течение сроков давности, установленных законом.

Юридическая ответственность за экономические правонарушения подразделяется на виды по различным основаниям. Самая распространенная классификация в основном связана с делением юридической ответственности по отраслям права. По данному признаку выделяют следующие виды ответственности: уголовная, гражданско-правовая, административная.

Уголовная ответственность характеризуется наиболее строгими мерами государственного воздействия, устанавливается только в отношении физического лица, возлагается только в судебном порядке, осуществляется только в соответствии со строго установленной законом процедурой. Основной формой уголовной ответственности является уголовное наказание, которое имеет личный характер. Уголовная ответственность также возникает за подготовку к преступлению, покушение на него, соучастие в совершении преступления и т. д.

Статья 8 Уголовного кодекса Российской Федерации основанием для уголовной ответственности определяет совершение деяния, которое содержит все признаки состава преступления. В теории уголовного права под составом преступления понимается совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление [Гармышев: 5]. К ним относятся: объект правонарушения (например, общественные отношения, установленный законом порядок, на которые направлено уголовно преследуемое посягательство), объективная сторона правонарушения (заключается непосредственно в действиях или бездействии, которые причиняют или могут причинить вред объекту преступления; к признакам объективной стороны также относятся: способ, средства, орудия, место, время и обстановка совершения преступления), субъект правонарушения (физическое лицо, вменяемое и достигшее возраста уголовной ответственности), субъективная сторона правонарушения (выражается в психическом отношении субъекта преступления к совершаемому деянию и его последствиям).

Особенность источников уголовного права состоит в том, что под уголовную ответственность подпадают те деяния, состав которых определен Уголовным кодексом РФ³. Соответственно, исключительно Уголовный кодекс определяет преступность деяния, его наказуемость, иные правовые последствия.

За преступления в сфере экономики юридическая ответственность наступает в соответствии с разделом VIII Уголовного кодекса Российской Федерации.

К уголовной ответственности привлекаются вменяемые лица, достигшие к моменту совершения преступления возраста шестнадцати лет. Статья 20 Уголовного кодекса устанавливает виды преступлений, по которым под уголовную ответственность подпадают вменяемые физические лица, достигшие четырнадцатилетнего возраста (например, за убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, похищение человека, грабеж, разбой, террористический акт, захват заложников, хищение либо вымогательство наркотических или психотропных веществ и др.).

В соответствии со статьей 45 Уголовного кодекса РФ к основным мерам наказания относятся: обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, принудительные работы, арест и др.

В качестве дополнительных видов наказания применяются следующие: лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (применяются только в качестве дополнительных видов наказаний). Некоторые виды используются и как основные, и как дополнительные виды наказаний, в частности штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и ограничение свободы.

Административная ответственность наступает за совершение административного проступка, обладающего всеми элементами состава правонарушения (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона). Отсутствие хотя бы одного элемента состава административного правонарушения освобождает лицо от административной ответственности.

Нормативной основой для правового регулирования привлечения лица к административной ответственности является Конституция РФ и законодательство об административных правонарушениях, которое включает Кодекс РФ об административных правонарушениях, законы субъектов РФ, предусматривающие административные наказания в виде предупреждения или административного штрафа, нормативные правовые акты федеральных и региональных органов исполнительной власти, а также иных публичных органов, устанавливающие порядок исполнения процедур, определенных Кодексом РФ об административных правонарушениях и законодательством субъектов РФ об административных правонарушениях [Агапов: 28].

Субъекты административной ответственности за экономические правонарушения можно разделить на три группы: общие (гражданин РФ, достигший совершеннолетия), специальные (лица, которые указаны в качестве субъекта в конкретной статье КоАП РФ⁴ или закона субъекта РФ об административной ответственности) и особые (субъекты, привлечение которых к административной ответственности характеризуется определенными особенностями, например должностные лица, индивидуальные предприниматели, юридические лица, иностранные лица и др.).

В отличие от уголовной ответственности меры наказания административной ответственности налагаются как в судебном, так и в административном порядке. К административной ответственности могут привлекать суды, органы внутренних дел, налоговые органы, военные комиссары, таможенные органы [Крюкова, Арестова: 11], антимонопольный орган, Центральный банк РФ [Костюк, Селямин: 25] и т. п.

Основными видами административных наказаний, предусмотренных статьей 3.2. Кодекса РФ об административных правонарушениях, являются: предупреждение, административный штраф, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, дисквалификация (лишение права занимать руководящие должности в исполнительном органе юридического лица), административное приостановление деятельности и др.).

Гражданско-правовая ответственность направлена на восстановление нарушенных прав или принудительное исполнение невыполненной или выполненной ненадлежащим образом обязанности. Основанием гражданско-правовой ответственности является совершение правонарушения, включающего в себя такие элементы, как противоправность, вред, причинная связь и вина.

В отличие от уголовного и административного видов ответственности гражданско-правовая ответственность за экономические правонарушения может наступить при отсутствии вины ответственного лица. В частности, речь идет об ответственности предпринимателя.

Основополагающим источником гражданско-правовой ответственности является Гражданский кодекс РФ⁵.

Субъектами гражданско-правовой ответственности являются физические лица (дееспособные или эмансипированные), юридические лица, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования.

Особенность гражданско-правовой ответственности заключается в том, что в некоторых случаях правонарушитель может добровольно выполнить свои обязанности, а потерпевшему лицу нет необходимости задействовать государственный механизм принуждения [Витрук: 51].

Некоторые авторы выделяют конституционную ответственность, основанием которой является

конституционный деликт, то есть деяние, выразившееся в нарушении Конституции РФ и других источников конституционного права [Наумов, Мордовец, Касаева: 229].

Исходя из анализа юридической ответственности за экономические правонарушения, можно сделать вывод, что каждому указанному виду юридической ответственности свойственны определенные признаки, связанные с основанием наступления ответственности, ее источниками и субъектами, а также особенностями применяемых санкций.

В то же время необходимо отметить, что институт юридической ответственности, являющийся фундаментальным институтом российской правовой системы, постоянно меняется. С одной стороны, происходит расширение юридических составов экономических правонарушений в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовном кодексе Российской Федерации. С другой стороны, отмечается смягчение уголовной ответственности за экономические деяния. Данные процессы имеют не только позитивное влияние на законодательство, но и приводят к несогласованности норм различных видов юридической ответственности. В связи с этим представляется необходимым скоординировать юридическую ответственность, устанавливаемую, в частности, Уголовным кодексом РФ и Кодексом РФ об административных правонарушениях.

Примечания

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 января 2001 г. № 2. Ст. 163.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.

⁴ Кодекс РФ об административных правонарушениях // Российская газета. 2001. 31 дек. № 256.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации» от 29 января 1996 г. № 5. Ст. 410.

Список литературы

Агапов А.Б. Административная ответственность. М.: Юрайт, 2018. 429 с.

Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: Норма, 2017. 391 с.

Гармышев Я.В. Состав преступления: учеб. пособие. Иркутск: БГУ, 2018. 54 с.

Квалификация и расследование преступлений в сфере таможенного дела: Н.И. Крюкова, Е.Н. Арестова. М.: Юрайт, 2016. 223 с.

Костюк М.Ф., Селямин А.А. Сфера кредитования как объект правового регулирования // Российский следователь. 2016. № 24. С. 25.

Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и ее реализация. Иркутск: ИГУ, 2013. С. 86.

Матузов Н.И. Теория государства и права: курс лекций / Н.И. Матузов, А.А. Воротников, В.Л. Кулапов; под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Москва: Юр. Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2017. 640 с.

Морозова Л.А. Теория государства и права. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. 464 с.

Общая теория государства и права: учебник / под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касаевой. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. 392 с.

Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учеб. для бакалавров / под ред. В.Г. Стрекозова. М.: Омега-Л, 2019. 323 с.

References

Agapov A.B. *Administrativnaia otvetstvennost'* [Administrative responsibility]. Moscow, Iurait Publ., 2018, 429 p.

Vitruk N.V. *Obshchaia teoriia iuridicheskoi otvetstvennosti* [General theory of legal responsibility]. Moscow, Norma Publ., 2017, 391 p.

Kvalifikatsiia i rassledovanie prestuplenii v sfere tamozhennogo dela: N.I. Kriukova, E.N. Arestova [Qualification and investigation of crimes in the field of customs affairs]. Moscow, Iurait Publ., 2016, 223 p.

Kostiuk M.F., Seliamin A.A. *Sfera kreditovaniia kak ob"ekt pravovogo regulirovaniia* [The sphere of lending as an object of legal regulation]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 2016, № 24, pp. 25.

Kuz'min I.A. Iuridicheskaiia otvetstvennost' i ee realizatsiia: uchebnoe posobie [Legal responsibility and its implementation: textbook]. Irkutsk, IGU Publ., 2013, pp. 86.

Matuzov N.I. *Teoriia gosudarstva i prava: kurs lektsii*, N.I. Matuzov, A.A. Vorotnikov, V.L. Kulapov [Theory of state and law: a course of lectures], ed. by N.I. Matuzova, A.V. Malko. Moscow, Iur. Norma, NITs INFRA-M Publ., 2017, 640 p.

Morozova L.A. *Teoriia gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2017, 464 p.

Obshchaia teoriia gosudarstva i prava: uchebnik [General theory of state and law: textbook], ed. by Naumova S.Yu., Mordovets A.S., Kasaeva T.V. Saratov, Saratovskii sotsial'no-ekonomicheskii institut (filial) REU im. G.V. Plekhanova Publ., 2018, 392 p.

Garmyshev Ia.V. *Sostav prestupleniia: uchebnoe posobie* [Corpus delicti: textbook]. Irkutsk, BGU Publ., 2018, 54 p.

Khropaniuk V.N. *Teoriia gosudarstva i prava: ucheb. dlia bakalavrov* [Theory of state and law: textbook. for bachelors], ed. by V.G. Strekozova. Moscow, Omega-L Publ., 2019, 323 p.

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-199-203>
УДК 343.2

Павлюков Виталий Владимирович
Луганская академия внутренних дел им. Э.А. Дидоренко

ПРАКТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПОЛУЧЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ПОЛУЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ»

В данной статье освещены возможности практического использования потенциала оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации». На основании анализа судебной практики охарактеризован механизм фиксации результатов такого ОРМ. Доказана целесообразность более четкого законодательного закрепления процессуальных и процедурных аспектов получения компьютерной информации в целях противодействия компьютерной преступности. Научная новизна статьи заключается также в обосновании необходимости наделения полномочиями должностных лиц правоохранительных органов требовать у владельцев интернет-ресурсов или отдельных приложений данные о пользователе того или иного аккаунта в сети Интернет в целях его авторизации. Предлагается обязать провайдеров и операторов связи блокировать доступ к аккаунту или всему интернет-ресурсу соответствующего пользователя, если с такой рекомендацией к ним обратились правоохранительные органы. В рекомендации должно быть указано на факты противоправной деятельности пользователя, что должно подтверждаться скриншотом экрана компьютера, мобильного телефона или соответствующими материалами ОРМ.

Ключевые слова: оперативно-розыскное мероприятие, получение компьютерной информации, результаты оперативно-розыскной деятельности.

Информация об авторе: Павлюков Виталий Владимирович, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2860-2156>, старший преподаватель кафедры экономико-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, Луганская академия внутренних дел им. Э.А. Дидоренко, г. Луганск.

E-mail: ykc@mail.ru

Дата поступления статьи: 29.06.2020.

Для цитирования: Павлюков В.В. Практические способы получения и использования результатов оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации» // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 199-203. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-199-203>.

Vitaliy V. Pavlyukov
Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs

PRACTICAL METHODS OF OBTAINING AND USING THE RESULTS OF THE OPERATIONAL-SEARCH EVENT “OBTAINING COMPUTER INFORMATION”

This article highlights the possibilities of practical use of the potential of the operational search event «Obtaining computer information». Based on the analysis of judicial practice, the mechanism for fixing the results of such an operational search event is described. The expediency of a clearer legislative consolidation of procedural and procedural aspects of obtaining computer information in order to counter computer crime is proved. The scientific novelty of the article also lies in the justification of the need to empower law enforcement officials to demand from the owners of the Internet resources or individual applications data about the user of a particular account on the Internet in order to authorise it. It is proposed to oblige providers and Telecom operators to block access to the account or the entire Internet resource of the corresponding user, should the law enforcement agencies contact them with such a recommendation. The recommendation should indicate the facts of illegal activity of the user, which should be confirmed by a screenshot of the computer screen, mobile phone or relevant materials of the operational search event.

Keywords: operational-search measures, obtaining computer information, results of operational-search activities.

Information about the author: Vitaliy V. Pavlyukov, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2860-2156>, Senior Lecturer, Department of Economic, Legal and Social and Humanitarian Disciplines, Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs, Lugansk.

E-mail: ykc@mail.ru

Article received: June 29, 2020.

For citation: Pavlyukov V.V. Practical methods of obtaining and using the results of the operational-search event “Obtaining computer information”. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 199-203 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-199-203>.

Роль компьютерной информации в обществе возрастает с каждым годом. Сегодня любой доступный информационный ресурс помимо его развития нуждается в защите, безопасном использовании и контроле на государственном уровне. Автоматизация информации при помощи компьютерных технологий и ее передача посредством сети Интернет превращает такую информацию не только в социально полезный инструмент, но и средство совершения противоправных деяний.

Данные, зафиксированные в статистическом сборнике Генеральной прокуратуры РФ, указывают на существенный рост преступности в сфере компьютерной информации за последние годы. Так в 2016 году было совершено 65 949 преступлений, в 2017 году – 90 587, в 2018 – 174 674, в 2019 – 294 409. Примечательно также и то, что за 2019 год предварительно расследовано всего 65 238 преступных деяний указанной направленности¹.

На наш взгляд, это связано с тем, что на первый план выходит защита компьютерной информации, а именно обеспечение безопасного доступа к ней, создание условий для ее надежного хранения и передачи. С этой целью разработчики программного обеспечения постоянно выпускают различные обновления, устраняют имеющиеся уязвимости и предлагают механизмы защиты доступа к компьютерной информации. Каждая уважающая себя компания разрабатывает собственные алгоритмы шифрования и защиты данных, которые даже при наличии законных требований не всегда предоставляются сотрудникам правоохранительных органов. Все это только на руку лицам, склонным к занятию противоправной деятельностью при помощи компьютерных технологий.

А.С. Алексанин и С.И. Захарцев правомерно обращают внимание на то, что в компьютерах нередко содержатся сведения, доказывающие преступный характер конкретных лиц [Алексанин, Захарцев: 147], однако вопрос о том, как получить и процессуально оформить такие сведения, сегодня остается пока что неразрешенным.

Следует отметить, что в целях обеспечения доступа правоохранительных органов России к компьютерной информации, содержащей признаки противоправного характера, законодатель предпринимает определенные шаги. Так, например, ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» был дополнен таким оперативно-розыскным мероприятием, как «Получение компьютерной информации» (далее – ОРМ ПККИ). По мнению руководства ФСБ России, последнее должно проводиться по решению суда соответствующими оперативно-техническими подразделениями и обеспечивать возможность копирования компьютерной информации, ее изъятие с жестких дисков сетевых компьютеров или серверов в информационно-телекоммуникаци-

онной сети Интернет, в том числе из «облачных» хранилищ. То есть такое ОРМ должно позволять получать оперативно значимую информацию путем удаленного доступа к компьютеру или серверу в сети Интернет [Баженов: 31].

Понимая важность ОРМ ПККИ в борьбе с преступностью в сфере компьютерной информации, ученые тоже обратили внимание на него и указали, что одним из общих признаков, характерных для проведения данного ОРМ, должна являться фиксация сведений, хранящихся на компьютерах, различных носителях машинной информации [Сенатов, Плужников: 31]. В то же время отдельные авторы отмечают, что любой способ получения компьютерной информации в ходе ОРД может рассматриваться как ОРМ ПККИ [Бакланов: 40]. Однако при детальном изучении открытой судебной практики нами была выявлена несколько иная ситуация, которая указывает на то, что результаты ОРМ ПККИ могут получаться путем:

1) мониторинга и фиксации компьютерной информации в социальных сетях², досках объявлений³, специализированных (созданных для осуществления противоправной деятельности) сайтах⁴;

2) физического осмотра содержимого различных компьютерных устройств, в первую очередь мобильных телефонов⁵, где информация была получена в папке «Галерея» (видео и фотографии)⁶, в папке «Диктофон» (аудиозаписи)⁷;

3) получения от пользователя логина и пароля к программному обеспечению (мессенджеры Telegram⁸, WhatsApp⁹), используемых для осуществления противоправной деятельности.

Известно, что доступ к программному обеспечению и к компьютерному устройству правонарушителя может быть закрыт им парольной защитой, в силу чего следователю приходится принимать решение об изъятии мобильного телефона и направлении его на компьютерно-техническую экспертизу. Вместе с тем практика отдельных судебных дел показывает, что обозначенная проблема может непосредственно разрешаться и сотрудниками оперативных подразделений. В частности, из справки по результатам проведения ОРМ «Получение компьютерной информации», которая зафиксирована в приговоре Октябрьского районного суда г. Новороссийска (Краснодарский край) № 1-244/2017 от 17 ноября 2017 г. по делу № 1-244/2017, видно, что у подозреваемого был изъят мобильный телефон, который мог содержать оперативно значимую информацию для расследования преступления. В частности, для выяснения данного факта оперативники при помощи мобильного телефона осуществили вход на сайт путем внесения полученных от подозреваемого данных в поле «имя» и «пароль». Так была получена компьютерная информация личного кабинета правонарушителя⁵.

В соответствии с положениями п. 36.1 ст. 5 УПК РФ сведения, полученные в ходе ОРД, в том числе при проведении ОРМ ПККИ, носят название «результаты оперативно-розыскной деятельности»¹⁰, порядок фиксации которых должен соответствовать определенным требованиям. Так, фиксация результатов ОРМ ПККИ зачастую заключается в снимке экрана смартфона или монитора компьютера (скриншоте)¹¹, который оперативный сотрудник прикрепляет к рапорту, протоколу или акту. Стоит указать, что скриншоты могут быть сделаны при помощи одновременного нажатия на клавиатуре клавиш Ctrl+Print Screen, после чего скриншот сохраняется в памяти компьютера. На мобильном телефоне также возможно сделать скриншот. В зависимости от марки телефона скриншот делается по-разному. Зачастую это нажатие нескольких клавиш, например, на мобильном телефоне фирмы Apple – одновременное нажатие кнопок «Домой» и «Питание». Сделанный снимок можно вставить как в графический редактор (Paint), так и в текстовый (Word), после чего полученный результат распечатать.

Судебная практика свидетельствует также и о том, что суды принимают скриншоты в качестве надлежащих доказательств, однако для использования их в этом качестве к ним должны предъявляться определенные требования, которые отражены в письме Федеральной налоговой службы от 31.03.2016 г. № СА-4-7/5589 «О понятии “скриншот”», а именно:

- на скриншоте необходимо проставить дату и время получения информации с сайта в сети Интернет;

- указать наименование сайта (полный URL-адрес интернет-страницы, с которой сделан скриншот);

- скриншот должен содержать данные о лице, которое произвело его выведение на экран и дальнейшую распечатку, а также сведения о программном обеспечении и об использованной компьютерной технике¹². Фиксация скриншота, как и других результатов ОРД, регламентируется «Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», где в п. 6 сказано, что результаты, полученные в ходе проведения ОРД, должны быть представлены в виде рапорта об обнаружении признаков преступления или сообщения о результатах оперативно-розыскной деятельности. Также в п. 16 Инструкции указано, что к рапорту могут прилагаться (при наличии) полученные (выполненные) при проведении ОРМ материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, иные носители информации и материальные объекты¹³. Считаем, что такими носителями информации могут быть, например, скриншоты, сделанные в ходе проведения ОРМ ПККИ. Последние необходимо

признать полноценным доказательством, прописав соответствующие требования в п. 16 Инструкции.

Что касается удаленного доступа, то далеко не все владельцы интернет-ресурсов охотно идут на предоставление ответов на запросы правоохранительных органов РФ, не говоря уже о предоставлении удаленного доступа к «облачным» хранилищам. Так, в частности, компания Google с 2011 года начала публиковать статистику запросов правоохранительных органов касательно пользовательских данных со всего мира, где при определенных сортировках можно увидеть не только количество запросов к Google, но и процент одобренных ответов. Например, за июль – декабрь 2019 года компания Google одобрила всего 23 % запросов от правоохранительных органов РФ и 83 % – от правоохранительных органов США. Примечательно, что 23 % – это самый большой процент одобренных запросов от РФ за последнее время и, судя по статистике за предыдущие годы, процент таких запросов составлял от 5 до 15¹⁴.

Подобная ситуация складывается и с отечественными интернет-компаниями. Например, поисковая компания «Яндекс» вообще отказалась предоставлять ФСБ ключи шифрования от «Яндекс.Почта» и «Яндекс.Диск», причем чуть ранее так же поступил и владелец мессенджера Telegram¹⁵.

Как видим, в практике противодействия преступности по определенным причинам складывается такая ситуация, которая не соответствует идее получения удаленного доступа к данным. Она зачастую сводится только лишь к получению скриншотов информации с экрана монитора компьютера или же с мобильного телефона. Считаем, что указанная ситуация возникает по той причине, что законодатель и, следовательно, сами владельцы компьютерной информации ограничили возможности доступа к тем данным, которые указаны в запросе от сотрудника правоохранительных органов, при этом существенно ограничив эти действия необходимостью судебного решения.

Можно ли найти оптимальный вариант разрешения вышеуказанной проблемы? На наш взгляд, конечно же, можно, однако для этой цели необходимо будет в ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» отдельным пунктом прописать, что «в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия “Получение компьютерной информации”, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, владелец интернет-ресурса или отдельного приложения обязан предоставлять данные для авторизации интересующего правоохранительные органы пользователя от его аккаунта в сети Интернет или приложения. В случае, если такие требования не будут выполнены, то на основании мотивированного постанов-

ления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, может быть затребовано от провайдеров и операторов связи заблокировать доступ к аккаунту или всему интернет-ресурсу, если есть основания полагать, что при помощи последнего осуществляется противоправная деятельность или в нем хранится информация, представляющая оперативный интерес, что должно подтверждаться скриншотом или материалами ОРМ».

Примечание

¹ Состояние преступности в России. URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 25.06.2020).

² Постановление Карачаевского районного суда (Карачаево-Черкесская Республика) № 5-4/2019 от 15 января 2019 г. по делу № 5-4/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/T5Do8RqhwAdO/> (дата обращения: 09.06.2020).

³ Решение Абинского районного суд (Краснодарский край) № 12-40/2018 от 25 мая 2018 г. по делу № 12-40/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6YL6sesUHsHt/> (дата обращения: 09.06.2020).

⁴ Приговор Приморского районного суда г. Новороссийска (Краснодарский край) № 1-16/2019 1-360/2018 от 9 января 2019 г. по делу № 1-16/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5FЕНQ1WqirLL/> (дата обращения: 11.06.2020).

⁵ Приговор Октябрьского районного суда г. Новороссийска (Краснодарский край) № 1-244/2017 от 17 ноября 2017 г. по делу № 1-244/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QODcLxpWm5dr/> (дата обращения: 11.06.2020).

⁶ Приговор Приморского районного суда г. Новороссийска № 1-458/2017 1-63/2018 от 2 февраля 2018 г. по делу № 1-458/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gaRcTНh7C6dC/> (дата обращения: 10.06.2020).

⁷ Приговор Приморского районного суда г. Новороссийска № 1-130/2017 от 17 мая 2017 г. по делу № 1-130/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GPSNpTKsHYB/> (дата обращения: 10.06.2020).

⁸ Приговор Лесосибирского городского суда № 1-275/2018 от 18 октября 2018 г. по делу № 1-275/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YXnsYURSnoJL/> (дата обращения: 11.06.2020).

⁹ Приговор Октябрьского районного суда г. Новороссийска (Краснодарский край) № 1-164/2017 от 18 августа 2017 г. по делу № 1-164/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TweV9tbuut5Z/> (дата обращения: 11.06.2020).

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30.04.2019).

¹¹ Постановление Анапского городского суда (Краснодарский край) № 5-3613/2018 от 2 ноября

2018 г. по делу № 5-3613/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iD75SkvOV7by/> (дата обращения: 11.06.2020).

¹² Письмо Федеральной налоговой службы от 31 марта 2016 г. № СА-4-7/5589 О понятии «скриншот» («снимок экрана») и порядке его использования. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71284846/> (дата обращения: 05.01.2020).

¹³ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629/ (дата обращения: 19.04.2018).

¹⁴ Запросы пользовательских данных со всего мира. URL: <https://transparencyreport.google.com/user-data/overview?hl=ru> (дата обращения: 24.06.2020).

¹⁵ ФСБ потребовала ключи шифрования переписки пользователей у «Яндекса». За отказ их предоставить год назад был заблокирован Telegram. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/06/2019/5cf50e139a79474f8ab5494b (дата обращения: 24.06.2020).

Список литературы

Алексанин А.С., Захарцев С.И. Введено новое оперативно-розыскное мероприятие: «Получение компьютерной информации» // Мир политики и социологии. 2019. № 5. С. 145–149.

Бакланов Л.А. Получение компьютерной информации в оперативно-розыскной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1 (76). С. 37–42.

Баженов С.В. Оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2 (65). С. 31–33.

Сенатов А.В., Плужников М.И. Проведение оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации»: понятие и особенности // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 2 (20). С. 59–63.

References

Aleksanin A.S., Zakhartsev S.I. *Vvedeno novoe operativno-rozysknoe meropriiatie: "Poluchenie komp'iuternoi informatsii"* [A new operational-search measure has been introduced: "Obtaining computer information"]. *Mir politiki i sotsiologii* [World of Politics and Sociology], 2019, № 5, pp. 145–149. (In Russ.)

Baklanov L.A. *Poluchenie komp'iuternoi informatsii v operativno-rozysknoi deiatel'nosti*

[Obtaining computer information in operational-search activity]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, № 1 (76), pp. 37–42. (In Russ.)

Bazhenov S.V. *Operativno-rozysknoe meropriiatie "Poluchenie komp'iuternoii informatsii"* [Operational-search action "Obtaining computer information"]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the

Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, № 2 (65), pp. 31–33. (In Russ.)

Senatov A.V., Pluzhnikov M.I. *Provedenie operativno-rozysknogo meropriiatia "Poluchenie komp'iuternoii informatsii": poniatie i osobennosti* [Conducting an operational-search activity "Obtaining computer information": concept and features]. *Penitentsiarnoe pravo: iuridicheskaiia teoriia i pravoprimeritel'naia praktika* [Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice], 2019, № 2 (20), pp. 59–63. (In Russ.)

**АНАЛИЗ КАЧЕСТВА РАБОТЫ СУДА, ПРОКУРАТУРЫ И АДВОКАТУРЫ
НА ОСНОВАНИИ ДАННЫХ СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКИ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УКАЗАННЫХ СУБЪЕКТОВ**

Целью настоящей статьи является анализ качества работы суда, прокуратуры и адвокатуры через призму проблем обвинительного уклона отечественного уголовного процесса. Исследование проводится на основании данных судебной статистики мировых судей и судов общей юрисдикции по первой, апелляционной и кассационной инстанциям. Проводя анализ судебной практики, автор приходит к выводам о том, что современному уголовному правосудию присущи следующие характеристики: 1) низкий процент оправдательных приговоров; 2) сохранение стабильности судебных актов нижестоящих судов; 3) возможность прокуратуры и адвокатуры контролировать законность судебных постановлений посредством процессуальных механизмов, закрепленных в законодательных актах. На основании проведенного исследования автор делает вывод о том, что повышение качества работы суда, прокуратуры и адвокатуры, а также уровня защиты прав и свобод человека и гражданина лежит в плоскости совершенствования статусно-ролевых параметров взаимодействия основных участников уголовного судопроизводства, которые определяются кругом их совместной деятельности, правовым и процессуальным статусом. Для этого следует внести целый ряд изменений в уголовно-процессуальное законодательство и компетенционные нормативные правовые акты, определяющие правовой статус судьи, прокурора и адвоката.

Ключевые слова: судья, прокурор, адвокат, защита прав и свобод человека и гражданина, судебная статистика, взаимодействие.

Информация об авторе: Коваленко Татьяна Сергеевна, ORCID <https://doi.org/0000-0003-1422-952X>, кандидат юридических наук, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия.

E-mail: KovalenkoTS@mail.ru

Дата поступления статьи: 01.05.2020.

Для цитирования: Коваленко Т.С. Анализ качества работы суда, прокуратуры и адвокатуры на основании данных судебной статистики: постановка проблемы необходимости совершенствования взаимодействия указанных субъектов // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 204-207. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-204-207>.

Tat'yana S. Kovalenko
Kostroma State University

**ANALYSIS OF THE QUALITY OF THE COURT, PROSECUTOR AND LAWYERSWORK
ON THE BASIS OF JUDICIAL STATISTICS: STATEMENT OF THE PROBLEM
OF THE NEED TO IMPROVE THE INTERACTION OF THESE ENTITIES**

The purpose of this article is to analyse the quality of the court, prosecutor and lawyers work through the prism of the problems of the indictment of the Russian criminal process. The study is conducted on the basis of judicial statistics of justices of the peace and courts of general jurisdiction in the first, appeal and cassation instances. The author comes to the following conclusion about modern criminal justice: 1) there is a low percentage of acquittals; 2) that maintains the stability of judicial acts of lower courts; 3) the court, prosecutor and lawyers work can control the legality of court decisions through procedural mechanisms enshrined in legislative acts. The author concludes that improving the quality of the court, prosecutor's and lawyers' work, as well as the level of protection of human and civil rights and freedoms lies in the plane of improving the status-role parameters of the interactions of the main participants in criminal proceedings. These interactions are determined by the circle of their joint activities legal and procedural status. Thus, we need amend existing legislation.

Keywords: court, prosecutor, lawyer, protection of human and civil rights and freedoms, judicial statistics, interaction.

Information about the author: Tat'yana S. Kovalenko, ORCID <https://doi.org/0000-0003-1422-952X>, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor of the judicial and law enforcement department of Kostroma State University, Russia.

E-mail: kovalenkots@mail.ru

Article received: May 1, 2020.

For citation: Kovalenko T.S. Analysis of the quality of the court, prosecutor and lawyers work on the basis of judicial statistics: statement of the problem of the need to improve the interaction of these entities. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 204-207 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-204-207>.

Обвинительный уклон – хроническая болезнь российской судебной системы, обусловленная силой стороны обвинения и слабостью стороны защиты. Такая расстановка сил не дает возможности говорить о реальном равенстве сторон в уголовном процессе и приводит к тому, что обвинительное заключение практически полностью «переписывается» в приговор суда. При этом почти 50 % уголовных дел рассматривается в особом порядке, условием которого является полное признание вины со стороны подсудимого. Именно такого мнения о современном уголовном судопроизводстве придерживаются бывший генеральный прокурор России Юрий Скуратов и советник председателя Конституционного суда Тамара Морщакова. Ученые подчеркивают: все еще бытует мнение, что, если дело до суда не дошло, это показатель отрицательного качества следствия, а если суд не сумел вынести обвинительный приговор, который бы не был изменен в апелляционной и кассационной инстанции, то такой суд плохо работает [Швец 2020а].

«Если дело возбуждено, то закрывать его уже никому не выгодно – все будут бороться, даже если есть основания для прекращения. Система правосудия такова, что если нет состава преступления, то все равно не надо прекращать дело. Если следователь прекратил дело за отсутствием состава преступления, его же и накажут, потому что не рассмотрел... Оправдание будет значить, что не было и прокурорского надзора», – пояснил бывший сотрудник прокуратуры [Швец 2020б].

На наш взгляд, такой подход приводит к снижению качества работы следствия, прокуратуры, суда. Ибо задачей этих особых правовых институтов является не поиск и наказание виновных в совершении преступления и не защита корпоративных интересов сотрудников судебных и правоохранительных органов, а обеспечение соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Следователь и прокурор, напротив, обязаны обеспечить всестороннее, полное и объективное расследование обстоятельств дела, в том числе и путем предоставления обвиняемому возможности защищаться. Наличие предъявленного обвинения требует обеспечения защиты от этого обвинения. Следователь не должен быть заинтересованным лицом, в погоне за показателями¹⁻² стремящимся увеличить количество оконченных уголовных дел и дел, направленных в суд. А показателем качества надзора прокуратуры за следствием не должен быть лишь удельный вес уголовных дел, возвращенных для дополнительного расследования, в числе уголовных дел, направленных прокурору с обвинительным заключением. Качество работы следствия напрямую зависит от эффективности прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, а справедливость

приговора суда – от активности и качества выполнения профессиональных обязанностей прокурором и адвокатом. В этой связи Президент Российской Федерации Владимир Путин посоветовал выстраивать более эффективное взаимодействие между правоохранительными структурами³.

Однако на практике все обстоит как прежде. Так, в 2018 году в судах общей юрисдикции и мировыми судьями было рассмотрено 883 993 уголовных дел в отношении 956 429 человек. Из них осуждено 681 789 человек, оправдано 2 082 (0,24 %) человек. В отношении 1 722 были вынесены постановления о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям, по иным обстоятельствам уголовные дела были прекращены в отношении 191 192 лиц⁴.

Отчет судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке свидетельствует о том, что за 12 месяцев 2018 года были отменены приговоры и иные итоговые решения в отношении 6 891 лиц, изменены приговоры в отношении 17 575 осужденных.

В отношении 87 108 лиц за указанный период были вынесены апелляционные постановления (определения) по итоговым решениям без удовлетворения жалоб и представлений, в отношении 19 931 лица – иные апелляционные определения с удовлетворением жалоб и представлений по существу обвинения⁵.

В кассационном порядке судами общей юрисдикции в 2018 году были отменены приговоры в отношении 1 836 лиц (за исключением дел о реабилитации жертв политических репрессий), изменены приговоры в отношении 7 374 осужденных, отменены и изменены апелляционные постановления по существу обвинения в отношении 814 лиц.

В отношении 70 лиц были изменены или отменены кассационные определения, иные постановления с удовлетворением кассационных жалоб и представлений – в отношении 4 195 лиц⁶.

В апелляционном порядке Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации было рассмотрено 1 007 уголовных дел в отношении 1 675 лиц. По результатам судопроизводства были отменены приговоры и иные итоговые решения в отношении 73 лиц, изменены приговоры в отношении 131 осужденного.

В кассационном порядке Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации было рассмотрено 181 уголовное дело в отношении 210 лиц. В отношении 16 лиц приговоры были отменены, в том числе в отношении 2 лиц – с прекращением дела по реабилитирующим основаниям, изменены – 80 приговоров. Суд удовлетворил без отмены приговора, изменения приговора в части квалификации по наиболее тяжкой статье или меры наказания жалобы и представления в отношении 46 лиц⁷.

Указанная статистика демонстрирует: 1) низкий процент оправдательных приговоров (их доля упала с 0,43 % в 2017 году до 0,36 % в 2018 году); 2) сохранение стабильности судебных актов нижестоящих судов (незначительный процент отмененных или измененных приговоров) постановлениями вышестоящих инстанций (в первую очередь Верховным Судом Российской Федерации); 3) возможность прокуратуры и адвокатуры с помощью процессуальных механизмов (апелляционных жалоб, представлений) контролировать законность судебных постановлений в случаях, если есть основания считать, что в ходе судопроизводства нарушены права и свободы человека и гражданина.

Приведенное диктует необходимость пересмотра действующей концепции уголовного судопроизводства, поиска оптимальных мер, способных не только устранить или минимизировать рост числа правовых ошибок при разрешении уголовных дел и нарушений принципа справедливости, но и превратить суды в храмы правосудия, в которых замолкает голос неправды и звучит лишь глас права.

На наш взгляд, решение указанных вопросов лежит, во-первых, в плоскости совершенствования статусно-ролевых параметров взаимодействия основных участников уголовного судопроизводства (судьи, прокурора и адвоката) [Кобзарев: 325; Багмет, Цветков: 10–12; Бутенко, Коваленко: 224–229], во-вторых, в улучшении информатизации системы судебных и правоохранительных органов, а в-третьих, во введении в действие электронной системы определения оптимальной меры наказания по несложным и нетяжким уголовным делам, о возможности чего в последнее время часто ведется речь в научных кругах [Аликперов]. На практике этого возможно добиться лишь путем внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство и компетенционные нормативные правовые акты, определяющие правовой статус указанных специалистов [Коваленко: 22–24].

Сегодня же, в условиях введения режима «Повышенная готовность», а также ограничительных мероприятий (карантина) по всей стране, когда суды в экстренном режиме перешли на рассмотрение дел с использованием видео-конференц-связи или, попросту говоря, онлайн-правосудие [Куликов], что в целом негативно оценивается участниками процесса [Коробка], такие реформы имеют очень важное значение. Их главными целями являются обеспечение гражданам возможности защитить свои нарушенные или оспариваемые права, эффективное использование большого массива информации уполномоченными на то структурами, в том числе в целях анализа состояния законности и правопорядка, увеличение скорости получения и обработки информации, составление и использование баз данных, совершенствование документооборота, обеспечение для граждан доступа к от-

крытым информационным ресурсам, активизация их взаимодействия с органами правоохраны.

Примечания

¹ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: Приказ Генпрокуратуры России от 28.12.2016 № 826 URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212081/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafadddf518/ (дата обращения: 30.04.2020).

² Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 31 декабря 2013 г. № 1040 // Гарант: справ. правовая система. URL: <https://base.garant.ru/77670729/> (дата обращения: 30.04.2020)

³ О расширенном заседании коллегии МВД России // Московское бюро по правам человека. URL: <http://pravorf.org/index.php/news/1080-orasshirennom-zasedanii-kollegiimvd-rossii> (дата обращения: 25.04.2020).

⁴ Доклад Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Лебедева на совещании-семинаре судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации (Москва, 12 февраля 2019 года). URL: http://www.supcourt.ru/press_center/video_archive/27607/ (дата обращения: 30.04.2020); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 30.04.2020).

⁵ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за 12 месяцев 2018 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL:

http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F6-svod_vse_sudy_-2018.xls (дата обращения: 30.04.2020).

⁶ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке за 12 месяцев 2018 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F8-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 30.04.2020).

⁷ Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел в 2018 году. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/statistics/27651/> (дата обращения: 30.04.2020).

Список литературы

Аликперов Х.Д. Электронные весы правосудия // *Newsland*: сайт. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-37640541> <http://newsland.com/community/129/content/elektronnye-vesy-pravosudiia/6659552> (дата обращения: 01.05.2020).

Багмет А.М., Цветков Ю.А. Об уголовном деле как информационном продукте // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2014. № 1 (2). С. 10–12.

Бутенко О.С., Бутенко В.С. Пути развития системы «Электронный паспорт уголовного дела» и возможности ее использования в учебном процессе // *Современные проблемы науки и образования*. 2017. № 6. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27158> (дата обращения: 01.05.2020).

Кобзарев Ф.М. Проблемы теории и практики процессуальных и организационных отношений прокуратуры и суда в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... докт. юр. наук., 2006.

Коваленко Т.С. Понятие и формы взаимодействия правоохранительных органов // *Вестник Российской правовой академии*. 2017. № 4. С. 22–24.

Коваленко Т.С. Защита прав и свобод человека и гражданина как основа взаимодействия суда, прокуратуры и адвокатуры // *Вестник Костромского государственного университета*. 2018. № 1. С. 224–229.

Коробка Е. Эксперты прокомментировали рассмотрение судом дела с помощью видеозвонка по WhatsApp. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-prokomentirovali-rassmotrenie-sudom-dela-s-pomoshchyu-videozvonka-po-whatsapp/> (дата обращения: 01.05.2020).

Куликов В. Суды начали рассматривать дела с помощью WhatsApp. URL: <https://rg.ru/2020/04/19/reg-urfo/sudam-razreshili-provodit-slushaniia-onlajn.html> (дата обращения: 01.05.2020).

Швец Д. 1 к 466: почему российские суды стали оправдывать еще реже. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/04/2018/5added539a79477ac3e23377> (дата обращения: 30.04.2020а).

Швец Д. Если дело возбуждено, закрывать его уже невыгодно. Бывший прокурор рассказывает о надзоре за следствием // *Медиазона*: сайт. URL: <https://zona.media/article/2018/07/30/prosecutor> (дата обращения: 30.04.2020б).

References

Alikperov Kh.D. *Elektronnye vesy pravosudiia* [Electronic scales of justice]. *Newsland*: site. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-37640541> <http://newsland.com/community/129/content/elektronnye-vesy-pravosudiia/6659552> (access date: 01.05.2020).

Bagmet A.M., Tsvetkov Yu.A. *Ob ugovnom dele kak informatsionnom produkte* [About the criminal case as an information product]. *Biblioteka kriminalista*:

nauchnyi zhurnal [The library of the criminalist: scientific journal], 2014, № 1 (2), pp. 10–12.

Butenko O.S., Butenko V.S. *Puti razvitiia sistemy "Elektronnyi pasport ugovnogo dela" i vozmozhnosti ee ispol'zovaniia v uchebno protsesse* [Ways of development of the system "Electronic passport of a criminal case" and the possibility of its use in the educational process]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* [Modern problems of science and education], 2017, № 6. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27158> (access date: 01.05.2020)

Kobzarev F.M. *Problemy teorii i praktiki protsessual'nykh i organizatsionnykh otnoshenii prokuratury i suda vsfere ugovnogo sudoproizvodstva* [Problems of theory and practice of procedural and organizational relations of the prosecutor's office and the court in the field of criminal proceedings]: dis. ... dokt. iur. nauk, 2006.

Kovalenko T.S. *Poniatie i formy vzaimodeistviia pravookhranitel'nykh organov* [The concept and forms of interaction of law enforcement agencies]. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii* [Bulletin of the Russian Law Academy], 2017, № 4, pp. 22–24.

Kovalenko T.S. *Zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina kak osnova vzaimodeistviia suda, prokuratury i advokatury* [Protection of the rights and freedoms of man and citizen as the basis for the interaction of the court, prosecutors and advocates]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2018, № 1, pp. 224–229.

Korobka E. *Eksperty prokomentirovali rassmotrenie sudom dela s pomoshch'iu videozvonka po WhatsApp* [Experts commented on the court's consideration of the case using a WhatsApp video call]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-prokomentirovali-rassmotrenie-sudom-dela-s-pomoshchyu-videozvonka-po-whatsapp/> (access date: 01.05.2020)

Kulikov V. *Sudy nachali rassmatrivat' dela s pomoshch'iu WhatsApp* [Courts began to hear cases with WhatsApp]. *Rg.ru*. URL: <https://rg.ru/2020/04/19/reg-urfo/sudam-razreshili-provodit-slushaniia-onlajn.html> (access date: 01.05.2020).

Shvets D. *1 k 466: pochemu rossiiskie sudy stali opravdyvat' eshche rezhe* [1 to 466: why Russian courts began to justify even less often]. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/04/2018/5added539a79477ac3e23377> (access date: 30.04.2020а).

Shvets D. *Esli delo vzbuzhdeno, zakryvat' ego uzhe ne vygodno. Byvshii prokuror rasskazyvaet o nadzore za sledstviem*. [If a case is opened, closing it is no longer profitable. The former prosecutor talks about the supervision of the investigation]. *Mediazona*: site URL: <https://zona.media/article/2018/07/30/prosecutor> (access date: 30.04.2020б).

Мохов Артем Юрьевич
Волгоградский институт управления (филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС)
Малышкин Семен Павлович
Волгоградский институт управления (филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС)

ИНСТИТУТ ПУБЛИЧНОГО ЗЕМЕЛЬНОГО СЕРВИТУТА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ РЕФЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ ПРАВА

В статье рассматриваются основные положения теории рефлексивного действия права. Анализируется проявление рефлексов права в современном правовом регулировании – на примере земельных отношений. Земля как основа жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации, выступает не только экономическим благом и природным ресурсом, но и объектом целого ряда имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений. Институт публичного земельного сервитута рассматривается авторами в качестве рефлекса права, то есть ограничения субъективного права конкретного собственника земельного участка в интересах общества, государства. На основании анализа законодательства и судебной практики ставится вопрос о пределах ограничения права частной собственности на землю. В контексте развития земельного законодательства Российской Федерации обозначена проблема пределов действия публичных сервитутов, одновременно направленных не только на нормальное осуществление собственником земельного участка всех правомочий собственности, но и на сохранение благоприятного состояния окружающей среды, обеспечение субъективных прав иных участников земельно-правовых отношений, реализацию единой земельной политики государства. Сделан вывод о благоприятном влиянии использования конструкции рефлекса права на укрепление правовой определенности в условиях дисбаланса частных и публичных интересов в земельном праве.

Ключевые слова: земельное право, земельный сервитут, публичный сервитут, рефлекс права, права человека, субъективное право, земельные ресурсы.

Информация об авторах: Мохов Артем Юрьевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0438-2467>, преподаватель кафедры конституционного и административного права, Волгоградский институт управления (филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС при Президенте Российской Федерации), г. Волгоград, Россия.

E-mail: aumohov@mail.ru

Малышкин Семён Павлович, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8541-4242>, студент юридического факультета, Волгоградский институт управления (филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС при Президенте Российской Федерации), г. Волгоград, Россия.

E-mail: blkkosa@gmail.com

Дата поступления статьи: 05.06.2020.

Для цитирования: Мохов А.Ю., Малышкин С.П. Институт публичного земельного сервитута в контексте теории рефлексивного действия права // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 208-212. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-208-212>.

Artem Yu. Mokhov
Volgograd Institute of Management
Semyon P. Malyshkin
Volgograd Institute of Management

INSTITUTION OF PUBLIC LAND SERVITUDE IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF REFLECTIVE ACTION OF LAW

The main provisions of the theory of reflective action of law are considered in the article. The manifestation of law reflexes in modern legal regulation is analysed on the example of land relations. Land, as the basis of life and activity of peoples who live in the territory of the Russian Federation, acts not only as an economic good and a natural resource, but also as the object of a number of property and personal non-property relations connected with them. The institution of public land easement is considered by the authors to be a reflex of law, that is, the restriction of the subjective right of a particular owner of a land plot in the interests of society, the state. The issue of the limitation of the right of land private ownership is raised on the basis of an analysis of legislation and judicial practice. The problem of the limits of the action of public easements simultaneously aimed not only at the normal exercise of all property rights by the land plot owner, but also at preserving the favourable state of the environment, at ensuring the subjective rights of other participants in land legal relations, at the implementation of a single land policy of the state indicated in the context of the development of land legislation of the Russian Federation. The conclusion, that the use of the right reflex construction has a beneficial effect on strengthening legal certainty in the face of imbalances in private and public interests in land law, is made.

Keywords: land law, land easement, public easement, law reflex, human rights, subjective law, land resources.

Information about the authors: Artyom Yu. Mokhov, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0438-2467>, Lecturer, Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Institute of Management (branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education RANEPa under the President of the Russian Federation), Volgograd, Russia.

E-mail: aumohov@mail.ru

Semyon P. Malyshkin, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8541-4242>, student of the Faculty of Law, Volgograd Institute of Management (branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education RANEPA under the President of the Russian Federation), Volgograd, Russia.

E-mail: blkkosa@gmail.com

Article received: June 5, 2020.

For citation: Mokhov A.Yu., Malyshkin S.P. Institution of public land servitude in the context of the theory of reflective action of law. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 208-212 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-208-212>.

Юридическая конструкция прав человека с течением времени получила широкое научное и практическое распространение, и в настоящее время является одной из важнейших категорий права, которая оценивается как центральная для национального и международного правопорядка. Права личности или права человека вызывали интерес ещё у дореволюционных исследователей. Так, теоретиками утверждается, что развитие данной категории происходит пропорционально общественному прогрессу и утверждению значения человека, и в дальнейшем её упрочение в законодательстве и науке будет только возрастать [Рыженков 2019: 41]. В настоящее время права человека приобрели ещё большую привлекательность для исследователей. С.С. Алексеев отмечал, что уже общепризнанная категория прав человека имеет не только юридический, но и философско-социальный характер, что современность должна быть ознаменована переходом от права власти и права государства к «праву человека» [Алексеев 2001: 661–669]. Зарубежные исследователи также отмечают, что институционализация прав человека в правовой системе является одним из обязательных признаков развитого государства [Manohar 2003: 163]. В актах международного уровня содержатся указания на особое отношение к правам человека. Например, в преамбуле Всеобщей декларации прав человека 1948 г. указывается, что права человека являются основой справедливости и всеобщего мира. Похожая формулировка присутствует и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Особое значение имеют права человека в отрасли земельного права. Это обусловлено особенностями земельных правоотношений, их экономическим, социальным и экологическим содержанием [Галиновская 2015: 9]. Кроме того, важность данной категории подчеркивает ограниченный характер этого ресурса, требующий справедливого его распределения. Указанные черты отражены в ряде основополагающих национальных документов – конституций. Например, Конституция РФ в статье 9 устанавливает, что земля и иные природные ресурсы являются основой жизни и деятельности проживающих на соответствующих территориях народов. Основной закон ФРГ в ст. 20-а устанавливает ответственность за сохранение благоприятной окружающей среды, в том числе природных ресурсов, перед будущими поколениями, Конституция Итальянской Республики

в ст. 9 устанавливает целью сохранение природного ландшафта [Маклаков 2010: 177, 271].

Учитывая сказанное о важности категории прав человека, необходимо для большей ясности квалифицировать рассматриваемую категорию с точки зрения теории права. На первый взгляд, наиболее подходящим понятием, отражающим сущность категории прав человека в плоскости теории права, будет являться понятие субъективного права, так как в обоих случаях мыслится субъективная поведенческая возможность, что подтверждается упомянутыми исследователями [Алексеев 2001: 643]. Однако в соотношении с другими теоретико-правовыми категориями такая квалификация оказывается спорной, в частности при соотношении с категориями рефлекс права.

В общем смысле рефлекс права можно охарактеризовать как благоприятный результат от совершения юридически значимых действий другим лицом. Юридически значимые действия могут заключаться либо в исполнении обязанности, либо в использовании права, что породит возникновение рефлекса соответственно объективного либо субъективного права [Успенский 1927: 119–127]. В.Н. Дурденевский раскрывал рассматриваемую категорию через дестинатора рефлекса права, то есть получателя благоприятного эффекта [Дурденевский 1918: 66–101]. К таким он относил «сокращённых субъектов», как, например, лицо, содержащееся в местах лишения свободы, или недееспособное лицо и «полуобъектов», как, например, раб в Древнем Риме. Таким образом, рефлекс права порождает любой, кто правом наделён властью (обязан или управомочен) и реализацией своей власти путём совершения юридически значимых действий может повлиять на положение третьих лиц (дестинаторов рефлекса).

В научной литературе XIX века велись споры по поводу наличия субъективных прав в публичном праве, к которому относится отрасль земельного права. Позиции Г. Еллинека и П. Лабанда, которые развили учение о рефлексах объективного права, были с разной степенью согласия приняты отечественными исследователями. Компромиссную позицию занял А.И. Елистратов, рассматривающий критику рефлексов права. Он справедливо возразил, что хотя отсутствие противопоставления любой обязанности должностных лиц соответствующего права гражданина и является несовершенством административного законодательства, но одной только критикой такого положения и реф-

лексов права нельзя переменить бесправное положение человека на полноправное в публичной сфере [Елистратов 1913: 11–12]. После упомянутых споров категория рефлекс права в дореволюционном и советском научном дискурсе фигурировала нечасто, и в настоящее время упоминается в российской юридической науке очень редко.

По иному пути развитие данной категории пошло в юриспруденции Германии: рефлекс права не терял своей актуальности, и в настоящее время о нём ведётся речь как в научной сфере [Peters 2016: 57], так и в юридической практике наравне с иными фундаментальными правовыми понятиями. Вопросы, которые ставят на общемировом уровне о способности животных или природы в целом иметь права в рамках традиционных категорий права и обязанности, современные немецкие исследователи разрешают с помощью подходящей для этого категории рефлекс права [Hillebrecht, Berros 2017: 11].

Наиболее ярким примером, иллюстрирующим действие рефлекс объективного права в рассматриваемой сфере, является публичный земельный сервитут. В дореволюционном законодательстве данный правовой институт именовался правом участия общего и регулировался статьями 434–441 тома X Свода законов Российской Империи. В советский период институт публичного сервитута не был востребован по причине отсутствия частной собственности, хотя отдельные конструкции были сходными, например, в Земельном кодексе РСФСР 1991 г., ст. 54 которого устанавливала возможность ограничения прав собственников земельных участков в пользу других лиц, и в Законе «О собственности в РСФСР», п. 8 ст. 2 которого допускал ограничение права собственности в пользу третьих лиц. Из формулировки, установленной современным земельным законодательством, можно определить, что публичным сервитутом является ограниченное вещное право пользования чужим земельным участком.

Важность института публичного земельного сервитута обуславливается ограниченностью земельных и иных ресурсов. Так, благо, приобретаемое в случаях, описанных в ч. 4 ст. 23 ЗК РФ, может быть получено только в случае обязывания собственника земельного участка допустить в ограниченном объёме пользование его земельным участком. Если бы блага, ради которых допускается обременение земельного участка, существовали в неограниченном объёме и в непосредственной доступности, не потребовалось бы прибегать к подобным ограничениям.

Результатом установления публичного сервитута для пользователей обремененного земельного участка и будет являться рефлекс права, так как получаемое благо является последствием соблюдения установленной юридической обязанности собственником земельного участка, причём в дан-

ном случае мы имеем в виду рефлекс объективного права по причине установления сервитута в пользу значительного круга лиц или общества в целом и наличия обязанности, а не права. Особенно в свете рефлексивного действия права интересны конструкции публичного сервитута, устанавливаемого в отдельных целях, в Земельном кодексе РФ и индустриального публичного сервитута в Модельном законе о публичных сервитутах СНГ. Последний в ст. 1 прямо указывает на использование публичного сервитута хозяйствующим субъектом для общественной пользы, что отражается в Земельном кодексе РФ: публичный сервитут, описанный в главе V Земельного кодекса РФ, устанавливается для размещения линейных объектов федерального, регионального и местного значения, в том числе если предыдущий участок, на котором размещались данные объекты, был изъят для государственных или муниципальных нужд. И в указании на принадлежность линейного объекта публично-правовым образованиям, и в изъятии земельного участка для государственных и муниципальных нужд как причинах установления публичного сервитута видна общественная направленность такого юридического действия. Однако вне рамок текста закона не исключено использование его не по назначению или со злоупотреблением, как это иногда происходит с обычным публичным сервитутом, например, установление публичного сервитута в пользу определенных частных лиц, несоблюдение процедуры или игнорирование обязанности проведения публичных слушаний со стороны органов местного самоуправления [Кабанова 2019: 86].

Поэтому в связи с поднятым вопросом о правах человека необходимо также обратить внимание и на пределы публичного сервитута, которые четко в законодательстве не определены. Во всяком случае, последние можно рассматривать в территориальном (количественное физическое измерение) и юридическом (степень ограничения правомочий собственника) смыслах, хотя из-за отклонения от классической модели сервитута существуют позиции, отрицающие возможность территориальных ограничений, как в случае с частным сервитутом, так как публичный сервитут, по мнению некоторых исследователей, не относится к категории вещных прав [Анисимов, Болтанова 2020: 144]. Некоторые указания на ограничение применения для классического сервитута систематизированы в Обзоре судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок, утверждённом Президиумом Верховного суда 26.04.2017 г. Такими являются: установление сервитута только в крайних случаях, без чего невозможно было бы использование земельного участка по назначению, в пользу собственника которого устанавливается сервитут; запрет на установление сервитута для обеспечения доступа к объекту самовольной постройки; соразмерность платы за сервитут и не-

возможность собственника обременяемого земельного участка использовать свой земельный участок по назначению. Думается, что указанные Верховным судом пределы можно отнести к пределам в юридическом смысле. При рассмотрении пределов в территориальном смысле на практике по причине отсутствия их нормативного обозначения возникают ситуации, схожие с лишением права собственности, когда явление рефлекса права вытесняет субъективное право. Например, установление в 2017 г. публичного сервитута в отношении земельного участка, принадлежащего ООО «Седна»: при общей площади земельного участка в 48 348 кв. м был установлен публичный сервитут на территории 31 935 кв. м (Определение Самарского областного суда от 15 июля 2019 г. по делу № 3а-1355/2019).

В некоторых случаях публичный сервитут становится удобным инструментом для проведения частных интересов под прикрытием формального обеспечения интересов публичных, чёткие пределы и содержание которых не установлены. Так, на земельный участок с разрешённым использованием «под индивидуальное жилищное строительство», находящийся в собственности гражданина, был установлен публичный земельный сервитут, который в совокупности с изменением территориальной зоны «территория жилой застройки: усадебная» на зону территорий объектов автомобильного транспорта, последовавшим после приобретения такого земельного участка, создал существенные препятствия в пользовании земельным участком по назначению, для индивидуального жилищного строительства (Решение Центрального районного суда г. Красноярска по гражданскому делу № 2-411/2019).

Оставляя в стороне похожие «перегибы» правоприменения, отметим, что даже в законодательстве прослеживается тенденция превалирования публичных интересов над частными. Например, введение в земельное законодательство новой модели публичного сервитута, устанавливаемого в отдельных целях, или расширения действия института зон с особыми условиями использования территорий. Такие нововведения некоторые исследователи критикуют, отмечая, что традиционные гражданско-правовые процедуры заменяются административными, что в целом ослабляет права частных лиц, становится естественным явлением и будет продолжаться в будущем [Заяялов 2019: 97], что, с точки зрения рассматриваемой темы, будет означать количественное увеличение рефлексов права при правомерном поведении участников таких правоотношений или создание условий для злоупотреблений при противоположном сценарии.

Остаётся ответить на вопрос: как оценивать описанную тенденцию количественного увеличения рефлексов права и само использование конструкции рефлекса объективного права вместо конструкции прав человека?

На наш взгляд, в ситуации нормативно установленного преобладания публичных интересов для недопущения произвольного ограничения прав актуализируется вопрос правовой определённости, в чём и содействует конструкция рефлекса права. Возможно, для упрочения значения прав человека и было бы целесообразно противопоставлять права человека государственной власти в целом, однако такой приём не обойдётся без потерь в идентификации конкретных лиц: обязанных и управомоченных. Конструкция рефлекса права хотя и сконцентрирована на обязанностях, а не на возможностях, позволяет более чётко различить юридические явления в ситуации фактической: на ком лежит юридическая обязанность, кто является дестинатором рефлекса права и кто эту обязанность установил.

Единственное упущение правовой определённости в рамках использования конструкции рефлекса права для института публичного земельного сервитута выявляется при рассмотрении дестинаторов рефлекса права, так как круг лиц, которые могут пользоваться обременённым земельным участком, может составлять значительное количество человек, и на практике это становится серьёзной проблемой. Примечательна позиция суда в деле об оспаривании акта, установившего публичный сервитут, который указал, что истцом не было доказано, «что у неограниченного числа лиц отпала необходимость пользоваться проходом» (Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбург по гражданскому делу № 2а-1318/2019). При использовании в данном случае конструкции прав человека для описания практической ситуации для истца вполне был бы очевиден вывод о нарушении его прав судом, что создало бы почву для деформации правосознания в виде правового нигилизма. Однако и в случае использования для описания данной практической ситуации рефлекса права не обошлось бы без потерь для правосознания истца, но, во-первых, они были бы менее фатальными, так как истец осознавал бы себя лицом, для которого установлена обязанность, что концентрирует внимание не на возможном, а на должном поведении, а во-вторых, количественная сторона таких потерь гораздо меньше, так как неопределённость касается лишь дестинаторов рефлекса.

В целом можно отметить, что обеспечить абсолютную правовую определённую, необходимую для недопущения злоупотребления и нарушения прав, в ситуации рассмотрения публичного земельного сервитута с позиции рефлекса права невозможно по причине того, что публичный сервитут непосредственно связан с областью публичного права, где почва для неопределённости более благоприятная из-за использования терминов без конкретного содержания: государство, общество, публичный интерес. Однако в сравнении с конструкцией прав человека пример применения конструкции рефлекса права для объяснения пу-

бличного земельного сервитута показывает более конструктивные и опциональные результаты с введением в поле зрения лиц, во-первых, обязанных, благодаря которым существует публичный сервитут и появляется рефлексивное действие права, во-вторых, издавших акт об установлении публичного сервитута и наложивших обязанность, и дестинаторов рефлексии права, что, на наш взгляд, более удобно для использования как с точки зрения юридического сообщества, так и с точки зрения всех заинтересованных и обязанных лиц.

Список литературы

Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Изд-во «Норма», 2001. 752 с.

Анисимов А.П., Болтанова Е.С. Ограничения права собственности путём установления публичных земельных сервитутов: поиск баланса интересов // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 141–152.

Галиновская Е.А. Земельное правоотношение как социально-правовое явление: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2015. 272 с.

Дурденевский В.Н. Субъективное право и его основное разделение // Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете / под ред. Г.В. Вернадского. Пермь, 1918. Вып. 1. С. 66–101.

Елистратов А.И. Понятие о публичном субъективном праве: «Теория субъективных публичных прав» А.А. Рождественского. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913. 21 с.

Завьялов А.А. «Публичные» сервитуты // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 9. С. 92–99.

Кабанова И.Е. Нарушения, допущенные органами местного самоуправления при установлении публичных сервитутов (по материалам судебной практики) // Власть Закона. 2018. № 2. С. 84–95.

Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия: учеб. пособие / сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2010. 656 с.

Рыженков А.Я. Введение в философию гражданского права: монография. М.: Юрлитфинорм, 2019. 194 с.

Успенский Л. Очерки по юридической технике. Ташкент: Изд-во АО «Средазкнига», 1927. 213 с.

Hillebrecht A.L.T., Berros M.V. Can Nature Have Rights? Legal and Political Insights. Berlin, RCC Perspectives, 2017, 54 p.

Manohar S. Human rights agenda: a perspective for development. Journal of the Indian Law Institute, 2003, vol. 45, № 2, pp. 163–172.

Peters A. Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law. Cambridge, Cambridge University Press, 2016, 602 p.

References

Alekseev S.S. *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* [Ascent to the right. Searches and solutions]. Moscow, Norma Publ., 2001, 752 p. (In Russ).

Anisimov A.P., Boltanova E.S. *Ogranicheniya prava sobstvennosti putyom ustanovleniya publichnyh zemel'nyh servitutov: poisk balansa interesov* [Restrictions on the right of ownership by establishing public land easements: the search for a balance of interests]. *ZHurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2020, № 4, pp. 141–152. (In Russ). DOI: 10.12737/jrl.2020.048.

Galinovskaya E.A. *Zemel'noe pravootnoshenie kak social'no-pravovoe yavlenie* [Land relationship as a socio-legal phenomenon]. Moscow, *Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, INFRA-M* [Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, INFRA-M], 2015, 272 p. (In Russ).

Durdenevskij V.N. *Sub'ektivnoe pravo i ego osnovnoe razdelenie* [Subjective law and its main division]. *Sbornik Obshchestva istoricheskikh, filosofskikh i social'nyh nauk pri Permskom universitete* [Collection of the Society of Historical, Philosophical and Social Sciences at Perm University.]. Perm', 1918, vol. 1, pp. 66–101. (In Russ).

Elistratov A.I. *Ponyatie o publichnom sub'ektivnom prave: «Teoriya sub'ektivnyh publichnyh prav» A.A. Rozhdestvenskogo* [The concept of public subjective law: “Theory of subjective public rights” by A.A. Roahdestvenskiy]. Moscow, Snegireva A. Publ., 1913, 21 p. (In Russ).

Zav'yalov A.A. *«Publichnye» servituty* [“Public” easements]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii* [Property relations in the Russian Federation], 2019, № 9, pp. 92–99. (In Russ).

Kabanova I.E. *Narusheniya, dopushchennyye organami mestnogo samoupravleniya pri ustanovlenii publichnyh servitutov (po materialam sudebnoj praktiki)* [Violations committed by local authorities in establishing public easements (based on judicial practice)]. *Vlast' Zakona* [The power of the Law], 2018, № 2, pp. 84–95. (In Russ).

Maklakov V.V. *Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv: Velikobritaniya, Franciya, Germaniya, Italiya, Soedinennyye SHtaty Ameriki, Yaponiya, Braziliya* [Constitution of foreign countries: Great Britain, France, Germany, Italy, the United States of America, Japan, Brazil]. Moscow, Walters Clover Publ., 2010, 656 p. (In Russ).

Ryzenkov A.Y. *Vvedenie v filosofiyu grazhdanskogo prava* [Introduction to the philosophy of civil law]. Moscow, Yurлитфинорм Publ., 2019, 194 p. (In Russ).

Uspenskij L. *Ocherki po yuridicheskoy tekhnike* [Essays on legal technology]. Tashkent, Sredazkniga Publ., 1927, 213 p. (In Russ).

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-213-220>
УДК 343.2

Грошева Виктория Константиновна
Донецкая академия внутренних дел Министерства внутренних дел
Донецкой Народной Республики

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА ДОНБАССА ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ В 40-Е ГГ. XX В.

В статье проведен анализ приказов и директив органов внутренних дел и государственной безопасности, направленных на борьбу с преступностью на железнодорожном транспорте, а также на розыск лиц, совершивших указанные преступления. В работе отражены различные аспекты борьбы сотрудников уголовного розыска с организованной преступностью. Особое внимание уделено оперативно-розыскной работе, которая осуществлялась с целью раскрытия преступлений на указанном виде транспорта, а также качеству агентурной работы транспортной милиции. Автор приходит к однозначному выводу о прямой зависимости тактики оперативных подразделений уголовного розыска транспортной милиции Донбасса от характера и динамики преступности, обусловленных состоянием оперативной обстановки 40-х гг. XX столетия.

Ключевые слова: Донбасс, преступность, уголовный розыск, железнодорожный транспорт, бандитизм, оперативные мероприятия, милиция.

Информация об авторе: Грошева Виктория Константиновна, кандидат юридических наук, доцент, проректор по научной работе и международным связям ГОУ ВПО Донецкая академия внутренних дел МВД Донецкой Народной Республики.

E-mail: vik-groshevaya@mail.ru

Дата поступления статьи: 25.04.2020.

Для цитирования: Грошева В.К. Деятельность сотрудников уголовного розыска Донбасса по борьбе с преступностью на железнодорожном транспорте в 40-е гг. XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 213-220. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-213-220>.

Viktoriya K. Groshevaya
Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs
of the People's Republic of Donetsk

THE ACTIVITIES OF THE DONBASS CRIMINAL STAFF EMPLOYEES TO COMBAT CRIME ON RAILWAY TRANSPORT IN THE 1940S

The article is devoted to the features of activity of criminal investigators of the Donbass for railway crime control in the 1940s. In the first years of the Soviet power there were no dramatic changes in railway crime development. However, in the years before World War II criminal activity in railway transport intensified significantly. Operational employees of the railway militia became to be responsible for the results of the fight against specific types of crimes, mainly against the most dangerous of them. In turn this required them to study in more depth the nature and dynamics of crime, as well as improve preventive and operational-search activities. Wherein special attention was paid to improving the quality of the intelligence work of the transport police and the timely removal of the criminal element penetrating the transport. Significant efforts were made in organising a system of counteraction to banditry, reflecting various aspects of the fight against organised crime. During the World War II in the Donbass territory the main task facing employees of the internal affairs bodies in transport was to combat sabotage and attacks on trains and also other crimes related to inventory theft offences. At the same time, the tactics of the operational units of the criminal investigation department of the transport militia were formed and laid.

Keywords: Donbass, crime, criminal investigation, railway transport, banditry, operational activities, militia.

Information about the author: Viktoriya K. Groshevaya, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor, Vice Rector for Research and International Relations of Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the People's Republic of Donetsk.

E-mail: vik-groshevaya@mail.ru

Article received: April 25, 2020.

For citation: Groshevaya V.K. The activities of the Donbass criminal staff employees to combat crime on railway transport in the 1940s // Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 213-220 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-213-220>.

Статья посвящена особенностям деятельности сотрудников уголовного розыска Донбасса по борьбе с преступностью на железнодорожном транспорте в 40-е гг. XX в. В данной работе представлен анализ документов архива Министерства внутренних дел Луганской Народной Республики, которые посвящены противодействию преступности сотрудниками уголовного розыска Донбасса в исследуемый период. Проблемы преступности на железнодорожном транспорте уже исследовались в научной литературе такими авторами как, А.Б. Утевский, И.П. Дубовой, А.М. Рудагин, А.Н. Варыгин, В.О. Винокуров и др. Однако проблема, находящаяся в центре нашего внимания, все-таки не получила полного и всестороннего освещения.

Согласимся с утверждением А.Б. Утевского, отметившего, что органы внутренних дел на железнодорожном транспорте являются специфическими подразделениями: они выполняют общие задачи, которые присущи всем органам внутренних дел, а также специализированные задачи, обусловленные особенностями функционирования железнодорожного транспорта [Утевский: 10]. По мнению В.О. Винокурова, отличаясь инфраструктурной открытостью и значительной протяженностью, железные дороги являются предметом повышенного интереса преступных групп и сообществ, а также отдельных лиц, совершающих противоправные деяния [Винокуров: 257].

Как отмечает И.П. Дубовой, железнодорожный транспорт имеет ряд криминологически значимых особенностей, обуславливающих привлекательность его объектов для преступников. Это и сосредоточение на объектах железнодорожного транспорта большого количества товарно-материальных ценностей, и нахождение на станциях, вокзалах, в пассажирских поездах множества пассажиров, имеющих при себе определенные суммы денежных средств и другое имущество и др. [Дубовой: 8].

Поддержим точку зрения А.Н. Варыгина, подчеркнувшего, что «преступность на железнодорожном транспорте можно определить как достаточно массовое, негативное, исторически изменчивое социальное явление уголовного правового характера, имеющее свои характерные особенности, определяемые спецификой железнодорожного транспорта, складывающееся из совокупности уголовно-наказуемых деяний, совершенных на объектах транспорта за определенный период времени» [Варыгин: 63].

На протяжении конца 20-х – 30-х гг. XX в. общая тенденция развития преступности на железнодорожном транспорте кардинально не менялась. Поэтому Приказом народного комиссара внутренних Дел СССР и народного комиссара путей сообщения СССР от 26 июня 1937 г. «Об организации железнодорожной милиции» была организована

железнодорожная милиция с возложением на нее функций, одной из которых была борьба с бандитизмом, грабежами, кражами, расхищением социалистической собственности, спекуляцией и другими уголовными преступлениями. Во Временном Положении к данному Приказу было указано, что аппарат управления железнодорожной милиции состоит из отделений: первого – наружной службы; второго – уголовного розыска и секретариата.

В предвоенные годы преступная деятельность на железнодорожном транспорте значительно активизировалась. Широкое распространение получили такие виды преступлений, как хищение личных вещей граждан, карманные кражи, взломы вагонов, разбой и др.

В марте 1940 г. Наркомат внутренних дел СССР произвел коренную перестройку оперативно-служебной деятельности уголовного розыска. В связи с этим активизировалась борьба с уголовной преступностью и на железнодорожном транспорте. Оперативные работники железнодорожной милиции стали нести ответственность в первую очередь за результаты борьбы с конкретными видами преступлений, главным образом – с особо опасными. Это потребовало от них более глубокого изучения характера и динамики преступности, улучшения профилактической и оперативно-розыскной деятельности.

В ноябре 1940 г. все органы железнодорожной милиции были переданы в оперативное подчинение дорожно-транспортного отдела НКВД СССР, на который возлагалась ответственность за деятельность железнодорожной милиции [Рудагин: 17].

Результатом анализа работы по организации и ведению Всесоюзного розыска стал Приказ Народного Комиссара Внутренних Дел СССР от 9 декабря 1940 г. № 001530, которым с целью совершенствования работы уголовного розыска по раскрытию преступлений была объявлена Инструкция «О постановке всесоюзного розыска преступников и других лиц, скрывающихся от органов власти»¹. Начальнику Главного Транспортного управления и начальнику ГУПВ в развитии объявляемой Инструкции было приказано дать указания по своей линии об организации розыска на железнодорожных, водных и иных путях сообщений и границах СССР. В одном из пунктов Инструкции были рассмотрены особенности розыскной работы транспортных и пограничных органов НКВД. В соответствии с параграфом 2 раздела 1 Инструкции система всесоюзного розыска складывалась из агентурно-оперативных мероприятий, одним из которых был розыск преступников на железнодорожных, водных, шоссейных и воздушных путях сообщений, с помощью использования в этих целях агентурно-осведомительной сети и возможностей наружного розыска транспортных органов НКВД и железнодорожной милиции².

22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О военном положении». На военный лад перестраивалась и деятельность сотрудников милиции. После того, как советские войска освободили Донбасс от немецкой оккупации (8 сентября 1943 г.), на донецкой земле остались не только руины заводов, шахт, но и те, кто активно противодействовал восстановлению мирной жизни – дезертиры, уголовники, бывшие полицаи и т.д. Именно из них формировались крупные и мелкие банды, которые мешали процессам восстановления. Об этом свидетельствуют газеты и документы административно-территориальных органов того времени, они пестрят словами «бандит», «банда». Отметим, что пик бандитизма в городе Сталино и его окрестностях (Макеевка, Ясиноватая, Зуевка, Харцызск, Марьинка) пришелся на 1946–1949 гг. Бандиты устраивали налеты вдоль железных дорог, которые связывали шахтерские поселки [В Сталино... URL].

Отступая, оккупанты разрушали земляное полотно и мосты, депо и мастерские, подвижной состав, выводили из строя стрелочные переводы, водоснабжение и связь. Так, Северо-Донецкая магистраль, как и глубокой осенью 1941 г., снова оказалась фронтовой и разорванной на части. Рубеж обороны между советскими и германскими войсками до сентября 1943 г. проходил по рекам Северский Донец и Миус [Рудавин: 70].

После того, как донецкий край был полностью освобожден от немецко-фашистских захватчиков, начинался новый период истории региона, истории железной дороги, период восстановления и ликвидации последствий оккупационного режима.

В сентябре 1945 г. в связи с освобождением из мест заключения, а также в целях предупреждения роста преступности Народным комиссарам внутренних дел республик и начальникам УНКВД краев и областей была направлена Директива Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 159 «О мероприятиях по предупреждению роста преступности»³. В п. 5 Директивы указывалось, что при отправке по железнодорожному и водному транспорту крупных партий освобожденных необходимо выделять для их сопровождения оперативных работников транспортной милиции с соответствующей агентурой. Также в данном документе НКВД СССР предупреждал, что рост уголовных преступлений в городах и населенных пунктах будет расцениваться как результат несвоевременно надлежащих оперативных мер по предупреждению преступности.

В целях управления оперативного руководства органами транспортной милиции в округах, 16 ноября 1945 г. в соответствии с п. «г» Приказа Народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 001377 «Об организации окружных отделов транспортной милиции», в состав окружного

отдела транспортной милиции Донецкого округа в г. Харькове включены дорожные отделы милиции Северо-Донецкой, Южно-Донецкой, Сталинской, Южной и Юго-Восточной железных дорог⁴.

25 декабря 1945 г. Народным Комиссаром внутренних Дел СССР был издан секретный Приказ № 0311 «Об усилении охраны общественного порядка и борьбы с хулиганством и уголовной преступностью на железнодорожном транспорте»⁵.

Согласно Приказу Народного Комиссара Внутренних Дел СССР № 0053 от 17 января 1946 г., который был издан в целях усиления борьбы с уголовной преступностью, хулиганством и нарушителями паспортного режима, особое внимание обращалось на улучшение работы органов милиции по борьбе с уголовной преступностью и на обеспечение охраны общественного порядка. В этих целях было приказано активизировать работу отделов уголовного розыска территориальных и транспортных органов милиции, принять решительные меры к ликвидации уголовной преступности и обеспечению общественного порядка в республиканских краевых и областных городах, а также в районных центрах и на железнодорожных станциях⁶.

В целях более активного использования войск НКВД по охране железных дорог и повышения ответственности командиров частей и соединений, а также начальников местных органов НКВД и ликвидации банд в районах, прилегающих к железным дорогам, Народный Комиссар Внутренних Дел СССР издает Приказ № 0054 от 17 января 1946 года «Об оперативно-боевом использовании войск НКВД по охране железных дорог в борьбе с бандами». Приказано в оперативном отношении подчинить наркомам внутренних дел республик, а также соответственно начальникам областных управлений, районных – уездных отделов НКВД по территориальности соединения, части и подразделения войск НКВД по охране железных дорог, которые дислоцировались на территории Украинской, Белорусской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. В связи с этим командиры соединений, частей и подразделений войск НКВД по охране железных дорог должны были иметь постоянный оперативный контакт с транспортными органами НКГБ. Это было организовано на случай нападения или диверсии на железнодорожных объектах, а также при появлении банд непосредственно в зоне железной дороги для возможности проведения совместных действий. Войска для проведения операций с транспортными органами НКГБ выделялись с разрешения начальника местного органа НКВД, которому они были подчинены. Также приказано было «начальникам областных управлений, районных – уездных отделов НКВД и командирам соединений частей и подразделений войск установить с транспортными органами НКГБ постоянное оперативное взаимодействие

и взаимную информацию об обстановке в районах, прилегающих к железным дорогам, а также при проведении чекистско-войсковых операций по ликвидации банд в районах, прилегающих к железным дорогам, максимально использовать войска НКВД по охране железных дорог». «Во всех случаях столкновения с бандами, подразделениям войск действовать активно и преследовать бандитов до полного их уничтожения или захвата. Также в целях предотвращения диверсий и бандитских нападений на железные дороги, выявления и ликвидации банд в районах, прилегающих к железным дорогам командирам частей подразделений войск по охране железных дорог вести активный поиск бандитов, создавая для этого разведывательные группы во главе с наиболее способными офицерами. Включить в активную борьбу с бандитизмом в полосе, прилегающей к железным дорогам, органы транспортной милиции»⁷.

В 1946 г. Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР был преобразован в Министерство Внутренних дел СССР, а Народный комиссариат государственной безопасности СССР – в Министерство государственной безопасности СССР [Мандельштам: 77–78].

В этом же 1946 г., но уже Министром Внутренних Дел СССР во исполнение постановления Совета Министров СССР № 1074 от 21 мая 1946 г. «О мерах по установлению недогрузов и потерь угля при перевозке по железным дорогам» был издан Приказ № 00547 от 15 июня 1946 г. «Об усилении борьбы хищениями угля при перевозке по железным дорогам»⁸. Приказывалось Министром внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УМВД краев и областей и начальникам дорожных отделов милиции принять решительные меры к усилению борьбы с расхищением угля при перевозке по железным дорогам и выгрузке клиентурой, а также при погрузке на подъездных путях угольных шахт. Направить агентурно-осведомительную сеть транспортных и территориальных органов милиции на предупреждение и вскрытие фактов хищения угля, обратить особое внимание на вскрытие крупных хищений, совершаемых по сговору работников транспорта с представителями клиентуры, маскируемых под вид недостач, недогрузов и других видов утрат. Обеспечить агентурное наблюдение за весовщиками железных дорог и угольных трестов, ведающих сдачей и приемкой угля. Мероприятия по агентурной разработке железнодорожников – представителей клиентуры, – подозреваемых в хищении угля, проводить в тесном контакте с органами транспортной и территориальной милиции. Пересмотреть все имеющиеся в органах милиции агентурные и другие материалы на расхитителей угля, в кратчайший срок их реализовать. Установить повседневное наблюдение за соблюдением установ-

ленных правил погрузки, взвешивания и охраны угля в пути исследования и на угольных складах. Также указывалось об окончании расследования дел о хищениях угля в пятидневный срок.

Приказ Министра Внутренних Дел СССР № 00695 от 16 июля 1946 г. «Об усилении борьбы с уголовной преступностью и охраны общественного порядка на железнодорожном и водном транспорте»⁹ указывал на то, что с отменой пропусков на проезд по железнодорожному транспорту и прекращением сопровождения пассажирских поездов оперативными группами милиции возможна активизация уголовного элемента на транспорте среди пассажиров на станциях и в поездах. Таким образом, в целях предотвращения роста уголовной преступности и усиления охраны общественного порядка на транспорте Министром внутренних дел республик, начальникам УМВД краев и областей, начальникам окружных и дорожных отделов милиции приказано принять все необходимые меры для предупреждения роста преступности на транспорте и усиления работы уголовного розыска транспортной милиции и охраны общественного порядка. Обратит особое внимание на повышение качества агентурной работы транспортной милиции и своевременное изъятие проникающего на транспорт уголовного элемента. С этой целью необходимо:

а) укрепить кадры Уголовного розыска дорожных отделов и линейных отделений транспортной милиции за счет лучших оперативных работников отделений и групп по заградительной и розыскной работе;

б) в месячный срок пересмотреть созданную в годы войны розыскную осведомительную сеть, осведомителей, способных разрабатывать преступников, использовать по линии уголовного розыска или ОБХСС;

в) учитывая особенности транспорта для более успешного розыска и агентурной разработки гастрологирующих преступников, приобрести в каждом линейном отделении на участках, пораженных преступностью, от одного до двух, а в дорожных отделах – от двух до трех платных маршрутных агентов.

Оплату маршрутным агентам установить не менее 400 руб. в месяц по ст. 9;

д) выявить и взять на учет притоны уголовного элемента и ночлежки, расположенные вблизи станций и пристаней, усилить их агентурную разработку;

е) в целях разгрузки оперативных работников от работы с общим осведомлением и улучшения работы с квалифицированной агентурой приобрести в каждом линейном отделении по 1–2 платных резидента;

ж) усилить агентурно-оперативные мероприятия по раскрытию убийств, разбоев и грабежей. В дорожных и водных отделах вести учет каждого нерас-

крытого преступления и установить повседневный контроль за проведением агентурно-оперативных мероприятий по делам о нераскрытых преступлениях и розыску преступников и похищенного;

з) во всех случаях совершения серьезных уголовных преступлений высылать на места происшествий оперативные группы дорожных (водных) отделов милиции с маршрутной агентурой, а на убийства выезжать лично начальникам дорожных (водных) отделов или их заместителям совместно с начальниками уголовного розыска, следователями и научно-техническими работниками.

Дела об убийствах и разбоях на транспорте поручать наиболее квалифицированным и энергичным работникам уголовного розыска и следователям.

Также, имея в виду, что значительное количество убийств, разбоев и грабежей на железнодорожном транспорте совершается в товарных поездах:

а) всем органам транспортной милиции систематически производить проверку товарных поездов, выявлять среди проезжающих граждан уголовно-преступный элемент и привлекать его к уголовной ответственности по Указу от 9 апреля 1941 г., если не будет установлено более тяжкого преступления.

б) для более успешного розыска и ареста преступников, совершающих преступления в товарных поездах, практиковать посылку с товарными поездами под видом пассажиров переодетых работников милиции (по 2–3 человека) с маршрутными агентами. Иметь агентуру среди скопления пассажиров, ожидающих поезда, в товарных парках и на линейных станциях.

Рассмотрим Директиву Министра Внутренних Дел СССР и Министра Путей Сообщения СССР № 213/4841 от 22 августа 1946 г. «Об усилении борьбы с проездом на крышах и подножках вагонов пассажирских поездов и улучшении порядка на вокзалах»¹⁰. В Директиве указывалось на то, что проезд на крышах, подножках и сцеплениях вагонов пассажирских поездов принял на ряде дорог массовый характер. Начальники станций, вокзалов, начальники поездов и проводники вагонов, а также некоторые руководящие работники дорог, пассажирских служб и станций перестали считать своей прямой обязанностью борьбу с проездом на крышах, подножках и сцеплениях вагонов, слабо осуществляют контроль за входом в вокзалы, не организуют регулирование очередей у билетных касс и при посадке в поезда. Органы транспортной милиции после отмены пропусков на проезд по железным дорогам ослабили работу по поддержанию порядка в поездах, решительных мер для пресечения проезда на крышах, подножках и сцеплениях вагонов не принимают. С учетом изложенного в Директиве, начальникам дорожных отделов милиции Московско-Калужской, Южной, Сталинской, Южно-Донецкой, Северо-Донецкой, Северо-Кавказской, Московско-Рязанской, Юго-

Восточной, Московско-Киевской, Юго-Западной, Одесской, Западной и Казанской железных дорог для пресечения преступности в поездах и удаления с крыш и подножек вагонов лиц, сопротивляющихся поездным бригадам, создать от 5 до 10 маршрутных оперативных групп по 6–8 человек в каждой.

Так, Директивой МВД УССР № 111 от 26 июля 1946 г. «Об улучшении работы уголовного розыска и усилении борьбы с преступностью»¹¹ была дана оценка эффективности мероприятий ОВД по раскрытию и предупреждению преступлений в связи с тем, что в практической работе по борьбе с уголовной преступностью ОВД УССР не полностью использовали имеющиеся в их распоряжении средства и возможности. В данном приказе МВД УССР констатировало, что органы милиции не занимались глубоким изучением причин, порождающих уголовную преступность. Кроме того, указывалось на отсутствие плана при проведении первоначальных агентурно-оперативных мероприятий; недостаточное внимание выяснения примет похищенных вещей и преступников, а также уведомление о них органов транспортной и водной милиции, что затрудняло принятие мер к их своевременному розыску.

Также данной Директивой МВД УССР № 111 от 26 июля 1946 г. «Об улучшении работы уголовного розыска и усилении борьбы с преступностью» отмечено, что «...уголовная преступность на Украине во втором квартале сего года повысилась на 21%, а раскрываемость преступлений снизилась с 88% до 85%, предупреждаемость же преступлений осталась на прежнем низком уровне и составляла 6%.

Отмечалось, что особо неблагоприятными по состоянию уголовной преступности и росту уголовных проявлений в УССР за первый и второй квартал 1946 г. были Сталинская область (Донецкая область) – 2473 преступления (первое место) и Ворошиловградская область (Луганская область) – 1285 преступлений (третье место).

В целях коренного улучшения работы уголовного розыска и усиления борьбы с преступностью в УССР, включая Донбасс как наиболее криминогенный регион, Министерство МВД УССР своей Директивой № 111 от 26 июля 1946 г. одним из пунктов предлагало: «...начальникам УМВД и их заместителям по милиции, а также начальникам транспортных органов милиции личный состав органов милиции привести в состояние полной боевой активности и мобилизовать его на энергичную борьбу с уголовной преступностью. Обязать начальников органов милиции обеспечить 100-процентную раскрываемость уголовных проявлений и обязательный розыск и возвращение имущества, принадлежащего потерпевшему. Все убийства и грабежи должны, безусловно, раскрываться...»

В целях укрепления аппаратов уголовного розыска и усиления борьбы с преступностью в июле

1946 г. Отдел Уголовного розыска ГУМ МВД СССР был преобразован в Управление уголовного розыска (УУР). Для усиления борьбы с хищениями грузов на подъездных путях, складах, речных и морских портах МВД, улучшения охраны и повышения ответственности работников железнодорожного и водного транспорта МВД за сохранность перевозимых грузов, Министром Внутренних Дел СССР был издан Приказ № 522 от 6 ноября 1947 г. «О мероприятиях по улучшению охраны и усилению борьбы с хищениями грузов на железнодорожном, речном и морском транспорте». Согласно п. 2 данного приказа, «сдачу мелких отправок особо ценных грузов, предъявляемых к перевозке железнодорожным транспортом, должны производить только через склады станций и отправлять в товароускоренных поездах». Согласно приложению к Приказу в перечень грузов, которые при перевозках мелкими отправлениями должны приниматься только через склады станций, входили, прежде всего: рис, крупа разная, макаронные изделия, сахар, кондитерские изделия, консервы разные, затем чай, кофе, табак и табачные изделия, а также обувь, кожа, кожаные изделия, пушнина, текстиль, текстильные изделия, радиоприемники и радиоаппаратура¹².

В 1949 г. уголовный розыск из Министерства внутренних дел (МВД) был передан в Министерство Государственной безопасности (МГБ), в ведении которого находился до 1955 г., а затем вновь перешел в ведение МВД.

Приказом Министра Государственной Безопасности СССР «О мероприятиях по борьбе с антиобщественными, паразитическими элементами и пресечению нищенства» № 0142 от 22 августа 1951 г. объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 г. «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами»¹³, в связи с этим Министром государственной безопасности союзных и автономных республик, начальникам управлений МГБ краев и областей, начальникам управлений и отделов охраны МГБ на железнодорожном и водном транспорте приказано усилить работу по борьбе с антиобщественными паразитическими элементами и пресечению нищенства.

В 1953 г. было принято решение об объединении Министерства внутренних дел и Министерства государственной безопасности в одно министерство – МВД СССР.

Таким образом, вышеизложенное позволяет очертить особенности деятельности уголовного розыска по противодействию преступности на железнодорожном транспорте в Донбассе в 40-е гг. XX в. Значительное внимание уделялось организации системы противодействия бандитизму, и это касалось как организационных аспектов, так и профессионально-понятийного аппарата, отражающе-

го различные стороны борьбы с организованной преступностью. Широко использовалась архаичная формулировка «особо опасные преступления», что подразумевало существенный вред, в первую очередь, для государства.

В условиях усложнившейся оперативной обстановки в годы Великой Отечественной войны на Донбассе сотрудники органов внутренних дел на транспорте были призваны противодействовать диверсиям и нападениям на железнодорожные составы, а также иным преступлениям, связанным с хищениями товарно-материальных ценностей, что требовало от них проявления решимости и мужества в борьбе с преступностью. Как уже указывалось выше, Сталинская область в 1946 г. была самой криминогенной в УССР.

В то время формировалась уникальная практика агентурно-оперативной работы подразделений уголовного розыска транспортной милиции, закладывались основы тактики оперативных подразделений уголовного розыска.

Примечания

¹ Приказ Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 001530 от 9 декабря 1940 г. «С объявлением инструкции о всесоюзном розыске преступников и других лиц, скрывающихся от органов власти» / Архив МВД ЛНР Ф 13, Оп. 1, Ед. хр. 21, Л. 91–93 // Приказы НКВД СССР за 1940 г. С № 00939 по № 001624 (на 276 листах). Т. 2.

² Инструкция о всесоюзном розыске преступников и других лиц, скрывающихся от органов власти к приказу Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 001530 от 9 декабря 1940 г. / Архив МВД ЛНР Ф 13, Оп. 1, Ед. хр. 21, Л. 94–106 // Приказы НКВД СССР за 1940 г. С № 00939 по № 001624 (на 276 листах). Т. 2.

³ Директива Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 159 от 14 сентября 1945 г. «О мероприятиях по предупреждению роста преступности» / Архив МВД ЛНР Ф 13, Оп. 1, Ед. хр. 56, Л. 73об. МВД СССР. Управление МВД по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело № 8 // Директивы, распоряжения и циркуляры НКВД СССР за 1945 г. Начато 09.01.1945, окончено 29.12.1945 (на 105 листах).

⁴ Приказ Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 001377 от 16 ноября 1945 г. «Об организации окружных отделов транспортной милиции» / Архив МВД ЛНР Ф 13, Оп. 1, Ед. хр. 53, Л. 28об. МВД СССР. Управление МВД по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело № 5 // Совершенно секретные приказы МВД СССР за 1945 год. Начато 20.01.1945, окончено 25.12.1945 (на 33 листах).

⁵ Приказ Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 0311 от 25 декабря 1945 г. «Об усилении охраны общественного порядка и борьбы

с хулиганством и уголовной преступностью на железнодорожном транспорте» / Архив МВД ЛНР Ф 13, Оп. 1, Ед. хр. 53, Л. 19. МВД СССР. Управление МВД по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело № 5 // Совершенно секретные приказы МВД СССР за 1945 г. Начато 20.01.1945, окончено 25.12.1945 (на 33 листах).

⁶ Приказ Министра внутренних дел Союза ССР № 0053 от 17 января 1946 г. «Об усилении борьбы с преступностью, хулиганством и нарушениями паспортного режима» / Архив МВД ЛНР Ф 13, Оп. 1, Ед. хр. 82, Л. 21об, 22об. МВД СССР. Управление МВД по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело № 9 // Совершенно секретные приказы МВД СССР за 1946 г. Начато 17.01.1946, окончено 28.12.1946 (на 75 листах).

⁷ Приказ Народного Комиссара внутренних дел Союза ССР № 0054 от 17 января 1946 г. «Об оперативно-боевом использовании войск НКВД по охране железных дорог в борьбе с бандитами» / Архив МВД ЛНР Ф 13, Оп. 1, Ед. хр. 70, Л. 31об, 32. МВД СССР. Управление МВД по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело № 29 // Совершенно секретные приказы МВД СССР за 1946 г. В 2-х т. Т. 1. Начато 04.01.1946, окончено 31.12.1946 (на 218 листах).

⁸ Приказ Министра внутренних дел Союза ССР № 00547 от 15 июня 1946 г. «Об усилении борьбы с хищениями угля при перевозке по железным дорогам» / Архив МВД ЛНР Ф 13, Оп. 1, Ед. хр. 82, Л. 28об, 29. МВД СССР. Управление МВД по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело № 9 // Совершенно секретные приказы МВД СССР за 1946 г. Начато 17.01.1946, окончено 28.12.1946 (на 75 листах).

⁹ Приказ Министра внутренних дел Союза ССР № 00695 от 16 июля 1946 г. «Об усилении борьбы с уголовной преступностью и охраны общественного порядка на железнодорожном и водном транспорте». Архив МВД ЛНР Ф 13, Оп. 1, Ед. хр. 82, Л. 39–41. / МВД СССР. Управление МВД по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело № 9 // Совершенно секретные приказы МВД СССР за 1946 год. Начато 17.01.1946 окончено 28.12.1946 (на 75 листах).

¹⁰ Директива Министра внутренних дел Союза ССР и Министра путей и сообщений Союза ССР № 213/4841 от 22 августа 1946 г. «Об усилении борьбы с проездом на крышах и подножках вагонов пассажирских поездов и улучшении порядка на вокзалах» / Архив МВД ЛНР Ф 13, Оп. 1, Ед. хр. 85, Л. 92об, 93. / МВД СССР. Управление МВД по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело № 12 // Директивы, распоряжения, циркуляры МВД СССР за 1946 год. Начато 10.01.1946, окончено 29.12.1946 (на 146 листах).

¹¹ Директива Министра Внутренних Дел Украинской ССР № 111 от 26 июля 1946 г. «Об улуч-

шении работы уголовного розыска и усилении борьбы с преступностью» / Архив МВД ЛНР Ф 13, Оп. 21, Ед. хр. 44, Л. 34об-38об. МВД СССР. Управление МВД по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело № 35 // Совершенно секретные директивы, распоряжения, циркуляры МВД УССР за 1946 г. Начато 10.01.1946, окончено 10.12.1946 (на 48 листах).

¹² Приказ Министра внутренних дел Союза ССР № 522 от 6 ноября 1947 г. «О мероприятиях по улучшению охраны и усилению борьбы с хищениями грузов на железнодорожном, речном и морском транспорте» / Архив МВД ЛНР Ф 13, Оп. 1, Ед. хр. 95, Л. 170об. МВД СССР / Управление МВД по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело № 35 // Несекретные приказы МВД СССР за 1947 год в 3-х т. Т. 2. Начато 23.05.1947, окончено 12.06.1947 (на 291 листе).

¹³ Приказ Министра государственной безопасности Союза ССР № 0142 от 22 августа 1951 г. «О мероприятиях по борьбе с антиобщественными, паразитическими элементами и пресечению нищенства» / Архив МВД ЛНР Ф 13, Оп. 1, Ед. хр. 188, Л. 18, 19. / Управление МГБ по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело С секретными приказами МГБ СССР за 1951 г. Начато 13.01.1951, окончено 24.12.1951 (на 78 листах).

Список литературы

Варыгин А.Н. Особенности преступности на железнодорожном транспорте // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. №3. С. 62–65.

Винокуров В.О. Теоретико-криминологические проблемы предупреждения преступности на железнодорожном транспорте // Социально-экономические явления и процессы. 2012. №11. С. 257–277.

Дубовой И.П. Преступность на железнодорожном транспорте и ее предупреждение: специальность: дис. ... канд. Юрид. наук, Саратов, 2007, 223 с.

Мандельштам Ю.И. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938 г. – июль 1956 г. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. 500 с.

Рудакин О. Історія транспортної міліції Донбасу. Донецьк: Юрпрес, 2001. 368 с.

В Сталино 40-х воры грабили ювелиров и убивали оперов URL: <https://vesti-ukr.com/donbass/37348-v-stalino-40-h-vory-grabili-juvelirov-i-ubivali-operov> (дата обращения: 07.03.2020).

Утевский А.Б. Особенности борьбы с преступностью на железнодорожном транспорте. М.: Академия МВД СССР, 1983. 315 с.

References

Varygin A.N. *Osobennosti prestupnosti na zheleznodorozhnom transporte* [Features of crime on railway transport]. *Problemy pravookhranitel'noi*

deiatel'nosti [Problems of law enforcement]. 2017, №3, pp. 62–65. (In Russ.)

Vinokurov V.O. *Teoretiko-kriminologicheskie problemy preduprezhdeniia prestupnosti na zheleznodorozhnom transporte* [Theoretical and criminological problems of crime prevention in railway transport]. *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes]. 2012, №11, pp. 257–277. (In Russ.)

Dubovoi I.P. *Prestupnost' na zheleznodorozhnom transporte i ee preduprezhdenie: spetsial'nost': dis. ... kand. Iurid. nauk* [Crime in railway transport and its prevention: specialty, PhD thesis], Saratov, 2007, 223 p. (In Russ.)

Mandel'shtam Iu.I. *Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR 1938 g. – iiul' 1956 g.* [Collection of laws of the USSR and

decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR 1938 – July 1956] Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo iuridicheskoi literatury Publ., 1956, 500 p. (In Russ.)

Rudavin O. *Istoriia transportnoi militsii Donbasu* [History of the Donbass transport police]. Donetsk: Iurpres Publ, 2001. 368 p. (In Ukr.)

V Stalino 40-kh vory grabili iuvelirov i ubivali operov [In Stalino 40s, thieves robbed jewelers and killed operas]. URL: <https://vesti-ukr.com/donbass/37348-v-stalino-40-h-vory-grabili-iuvelirov-i-ubivali-operov> (access date: 07.03.2020). (In Russ.)

Utevsii A.B. *Osobennosti bor'by s prestupnost'iu na zheleznodorozhnom transporte* [Features of the fight against crime in the railway transport]. Moscow, Akademiia MVD SSSR Publ., 1983, 315 p. (In Russ.)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-221-223>
УДК 821.161.1.09"19"

Халтрин-Халтурина Елена Владимировна
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

НОВОЕ КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБ УСАДЕБНОМ ТОПОСЕ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

Работа представляет собой рецензию на книгу о русской усадьбе, вышедшую в ИМЛИ РАН в серии «Русская усадьба в мировом контексте». Автор рецензии анализирует структуру коллективной монографии, отмечает широту охвата материала, а также привлекательный для широкого читателя и в то же время перспективный научный подход к исследуемой проблематике: сочетание русистики и компаративистики, литературоведения и культурологии, фольклорных исследований и истории интеллектуальной культуры. В рецензии кратко отмечены нетривиальные и удачные наблюдения авторов новой книги, а также обозначен перечень усадебных комплексов, достойных внимания ученых в ближайшем будущем.

Ключевые слова: русская усадьба, усадьбы русской эмиграции, усадьбы европейских стран, усадебно-дачный топос, мировая культура, литературные воплощения.

Информация об авторе: Халтрин-Халтурина Елена Владимировна, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2205-9444>, доктор филологических наук, доктор философии в области англоязычной филологии (США), ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия.

E-mail: elenahaltrin@yandex.ru

Дата поступления статьи: 16.07.2020.

Для цитирования: Халтрин-Халтурина Е.В. Новое комплексное исследование об усадебном топосе в мировой литературе // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 221-223. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-221-223>.

Elena V. Haltrin-Khalturina

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

A NEW COMPLEX STUDY “RUSSIAN ESTATE AND EUROPE: DIACHRONY, NOSTALGIA, UNIVERSALISM”

This is a review of a scholarly edition focusing on the Russian manor-house topos and published by IMLI RAS as part of the book series «Russian estate in the world context». The review discusses the structure of the collective monograph, comments on the wide scope of the covered material, as well as on the cutting-edge research strategies employed here, which might command interest of the wide readership, since they are prompted by the Russian and comparative studies, literary and cultural studies, folklore studies and intellectual history. The reviewer highlights some uncommon and keen observations made by the contributors to the monograph and offers a short list of country houses and stately homes worthy of further consideration in the same scholarly light.

Keywords: the Russian manor house, summerhouses of the Russian émigrés, European manors, the “vacation home / dacha” topos, world culture, literary embodiments.

Information about the author: Elena V. Haltrin-Khalturina, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2205-9444>, Doctor of Philological Sciences, PhD in English (USA), Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russia.

E-mail: elenahaltrin@yandex.ru

Article received: July 16, 2020.

For citation: Haltrin-Khalturina E.V. A New Complex Study “Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism”. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 221-223 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-221-223>.

* Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: Коллективная монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 352 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 2). DOI: 10.22455/978-5-9208-0623-9.

Выход новой книги в книжной серии ИМЛИ им. А.М. Горького РАН «Русская усадьба в мировом контексте» (осуществленное благодаря поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00129) – значительное событие в жизни научного и культурного сообщества, заслуживающее внимания и приветного отклика.

В подготовке данной коллективной монографии приняли участие 24 автора, среди которых есть как известные ученые, так и молодые исследователи, работающие в российских и зарубежных научных и образовательных учреждениях.

В книге разносторонне исследуется усадебный топос на материале русской и зарубежной (преимущественно западноевропейской) литературы. Об объеме охваченного авторами материала можно получить представление по заголовкам трех частей, составляющих этот труд: «Часть I. Русская усадьба и дача. Диахронический взгляд» (8 статей); «Часть II. Усадьбы русской эмиграции» (10 статей); «Часть III. Усадьба и ее составляющие в литературах Европы» (5 статей)¹. Кроме того, коллективной монографии предпослано небольшое, но продуманное и емкое предисловие, написанное ответственным редактором данного серийного выпуска О.А. Богдановой и вовлекающее читателей в круг анализируемых вопросов.

Авторы коллективной монографии выбрали интересный и перспективный научный подход к исследуемой проблематике: сочетание русистики и компаративистики, литературоведения и культурологии, фольклорных исследований и интеллектуальной истории. Новизна труда состоит во введении в научный оборот ранее неизвестного материала, а также в самом ракурсе рассмотрения литературных произведений и «текстов жизни» писателей: ведь далеко не всегда произведения отечественных классиков изучаются через призму усадебно-дачного топоса. Приведем, для наглядности, несколько примеров. В статье Л.И. Щеголевой впервые в российском научном дискурсе анализируется малоизвестный роман новогреческого писателя XVIII в. Николая Маврокордатоса «Досуги Филофея», а в статье Г.А. Велигорского – роман современной английской детской писательницы Ф. Пирс «Полночный сад Тома». В статьях Э. Шоре и Е.Е. Дмитриевой удачно применен к исследованию эмигрантских «усадб» А.М. Горького и И.А. Бунина в Германии и Франции метод культурного трансфера. Новым является и подход к изучению эмигрантской периодики в усадебно-дачном аспекте – он позволяет выявить важные черты творческого облика таких писателей, как Саша Черный или В.А. Никифоров-Волгин.

Актуальность рецензируемой коллективной монографии видится прежде всего в дальнейшей разработке русской национальной и мировой литературной топики, в изучении важнейшего ее эле-

мента – усадебного топоса. Учитывая известные труды исследователей русской усадьбы (в частности, Д.С. Лихачева), авторы данной монографии впервые исследуют генетику топоса русской усадьбы на богатейшем материале, затрагивая как произведения «первого ряда», так и периферийные, малоизвестные источники, которые были в центре внимания отдельных этнических, культурных и социальных групп. Как показывают авторы монографии, корни усадебного топоса уходят вглубь библейской и греко-римской традиций и дают новые всходы на поверхности разных пластов западно- и восточноевропейских культур Нового времени. В русле новейших представлений о «пространственном культурном повороте» начала XXI в. в книге анализируется динамика важнейших элементов усадебного топоса (среди которых авторы монографии выделяют семиотику сада, библиотеку как хранилище культурной памяти, пространство идейных диспутов и этических противостояний, идиллического идеала семьи и проч.).

Научная значимость предлагаемого издания определяется в первую очередь закономерно следующим из его прочтения выводом: усадебный топос является не просто важнейшим элементом русской национальной культурной аксиоматики, но и универсалией, актуальной для многих культур и литератур мира, т.е. одной из фундаментальных культурных констант человечества, базовым элементом его культурного кода. Наглядно об этом свидетельствуют статьи третьего, последнего, раздела – о греческой, польской, английской и бельгийской литературе. Статьи второго раздела, посвященные усадьбам русской эмиграции, также говорят не только о национальных особенностях русского усадебного уклада, но и о явной совместимости наших отечественных усадебных обычаев с западноевропейским контекстом. По наблюдению авторов коллективной монографии, при всем разнообразии деталей, в основных чертах «усадебный топос» русской литературы не был отторгнут ни в Прибалтике, ни во Франции, ни в Германии.

Важно отметить, что подготовленная к печати книга является концептуальным целым, а не набором разрозненных работ. Все 24 статьи объединяет общая задача: показать включенность топики русской литературы в общеевропейский контекст, подчеркнуть, при всем их разнообразии, фундаментальное единство европейских культур, а также возродить и утвердить «животворное» усадебное пространство как «вечный» европейский идеал.

Особо отметим обсуждение дачной тематики и проблематики на страницах коллективной монографии. Оригинальными можно назвать подходы зарубежных ученых, выбравших новый ракурс изучения «дачного топоса». В частности, Э. Мари анализирует «дачный топос» как явление модернизма и постмодернизма, а Н. Шром и А. Ведель

указывают на его роль в эскалации массовой культуры в первой половине XX в. на основе изучения газетной периодики на территории Латвии.

В целом «Русская усадьба в мировом контексте» как выбранное исследовательское направление позволяет подвергнуть доскональному межкультурному анализу обширный литературный и исторический материал. Потенциал для подготовки следующих выпусков серии достаточно велик.

В связи с тем, что мы специализируемся по англоязычным литературам, назовем лишь малую толику усадебных комплексов, достойных внимания в будущем. Усадьбы «средней руки», маноры и садово-парковые ансамбли для простоты аргумента включим в один ряд. Это и английские усадьбы Вальтера Скотта, Уильяма Вордсворта, Джейн Остен, Джона Раскина (он же Рёскин), устройство которых подпитывало возникновение в Англии XIX–XX вв. заповедных парков и ботанических садов нового образца, с привезенными саженцами и животными из других климатических зон, которые – вместе с сопутствующими легендами – приживлялись к английской почве. Раскин, к примеру, разбил в Озерном крае Англии большой парк и устроил в нем итальянский уголок с реминисценциями из «Божественной комедии» Данте. Сейчас этот парк открыт для посетителей.

Трудно обойти вниманием плантаторскую культуру южных штатов США, насыщенную изоцированными литературно-культурными кодами. Сеть плантаций с усадьбами и прилегающими садами и полями сейчас превращена в музеи.

Особый интерес представляют восточные влияния, все чаще проникавшие в Европу в эпоху британской экспансии XVIII–XX вв. в другие страны. Например, индийское и японское садово-парковое искусство породило подражание не только среди строителей ботанических садов, но и среди авторов топографической поэзии и прозы.

Любопытна, в частности, культурная, литературная, политическая и даже кинематографическая история Воронцовского дворца в Алушке (Крым), к проекту которого имел прямое отношение английский архитектор и друг Вальтера Скотта Эдвард Блор. Говоря о Крыме, нельзя не упомянуть и дворцово-парковые ансамбли в Ливадии, Бахчисарае... Поставим здесь многоточие, ибо сокровищница материалов для дальнейших выпусков серии поистине неисчерпаема и предполагает постоянное сотрудничество специалистов по русской и зарубежной литературе (как западной, так и восточной) с работниками российских и зарубежных музеев.

Говоря непосредственно о рецензируемой книге «Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм» – втором выпуске книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте» – подчеркнем, что это ценное научное издание, обозначившее важный этап литературоведческих

и междисциплинарных исследований «усадебного топоса». Приятно отметить, что стиль изложения материала, выбранный авторами этого труда (профессиональный, но в то же время не перегруженный узкоспециализированной терминологией), позволяет рекомендовать книгу и серьезной научной аудитории, и широкому кругу читателей, интересующихся усадебной культурой, садово-парковым искусством, литературой, связанной с саudoстроительством, а также разными аспектами литературно-культурного обмена и трансфера.

Примечание

¹ Для более полного освещения богатого содержания книги, назовем всех участников данного труда и исследованные ими темы.

Часть I. *Летягин Л.Н.* Судьба усадебного наследия; *Карпенко Л.Б.* Образ усадьбы в реминисцентном дискурсе; *Брумфилд У.* “Et in Arcadia ego”: усадьба как нравственное пространство в русской литературе XIX–XX в.; *Володина Н.В.* Библиотека как элемент «усадебной культуры» в творчестве русских писателей второй половины XIX – начала XX в.; И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, И.А. Бунин; *Сафронова Е.Ю.* «Село Степанчиково и его обитатели» и «Набег на Барсуковку»: пародийно-сатирический модус в изображении усадьбы у Ф.М. Достоевского и М.А. Кузмина; *Дискаччиати О.* Возвращение в усадьбу как повторяющийся мотив в творчестве И.А. Бунина и Б.А. Пильняка; *Черкашина М.В.* Усадьба Петровско-Разумовское в российской истории и литературе XIX–XX вв.; *Мари Э.* У истоков «дачного топоса»: заметки на полях незавершенного труда Ю.М. Лотмана.

Часть II. *Шоре Э.* Усадьба в миниатюре: Максим Горький во Фрайбурге-Гюнтерсталь; *Михаленко Н.В.* Образ усадьбы в литературно-художественных журналах русской эмиграции первой волны («Жар-Птица» и «Перезвоны»); *Дмитриева Е.Е.* Грасс Бунина: восхождение русской усадебной жизни в нерусском пространстве; *Праццержук Н.В.* Усадебный мир в прозе И.А. Бунина: от «Суходола» к «Странствиям» и «Жизни Арсеньева»; *Разумовская А.Г.* «Завещанная яблоневая жизнь» в эпоху социальных катастроф: усадебный сад в прозе Л.Ф. Зурова; *Демидова О.Р.* Когда история повторяется: «усадебь» Михаила Осоргина; *Пак Н.И.* Усадьба в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба»; *Степанова Н.С.* Концепт «усадебь» в автобиографической прозе В.В. Набокова; *Осьминина Е.А.* Образ дачи в произведениях И.С. Шмелева и В.А. Никифорова-Волгина; *Шром Н.И., Ведель А.В.* «Взморцы на штранде»: дачный сюжет между идиллией и иронией.

Часть III. *Щеголева Л.И.* Византийские представления о небесном царстве и семиотика усадьбы в новогреческой и русской литературе XVIII–XX вв.; *Щукин В.Г.* «Демократическая усадьба» в роли «культурного гнезда» эпохи модернизма. Пример Польши; *Велигорский Г.А.* «Houses are alive. No?» Образ «ожившего» дома в английской литературе конца XIX – начала XX в.; *Шолохова А.С.* Топос и хронос английской усадьбы начала XX в. в литературе и кинематографе: роман Кадзуо Исигуро «The remains of the day» и фильм Джеймса Айвори; *Графова Е.О.* Эпоха модерна (ар-нуво) в литературно-художественном осмыслении Мориса Метерлинка в контексте садов Хэнбери, Лигурия.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях.

Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотографий и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК,
СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES**

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г. (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божилев И., Тотоманова А., Билярски И. Борилев синодик. София: Пабблишинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет).

Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 s. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с

Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoricheskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Nepomniashchii V.S. *Pushkin v svete ochevidnostei* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Сластенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Eremkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskii mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo». Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!
3. Кавычки в тексте – елочки «*»*», если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “*”*”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2020 – Т. 26 – № 3

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 20.08.2020.
Дата выхода в свет 30.10.2020.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 28,8.
Уч.-изд. 29,9 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 128.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна